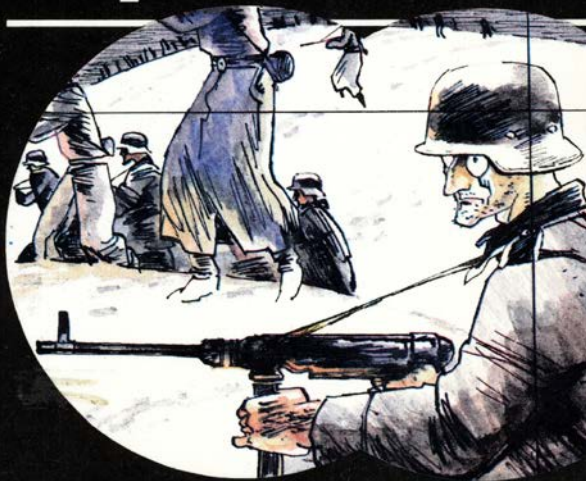

Мир приключений

Алистер МАКЛИН

Полярный конвой
Пушки острова
Наварон

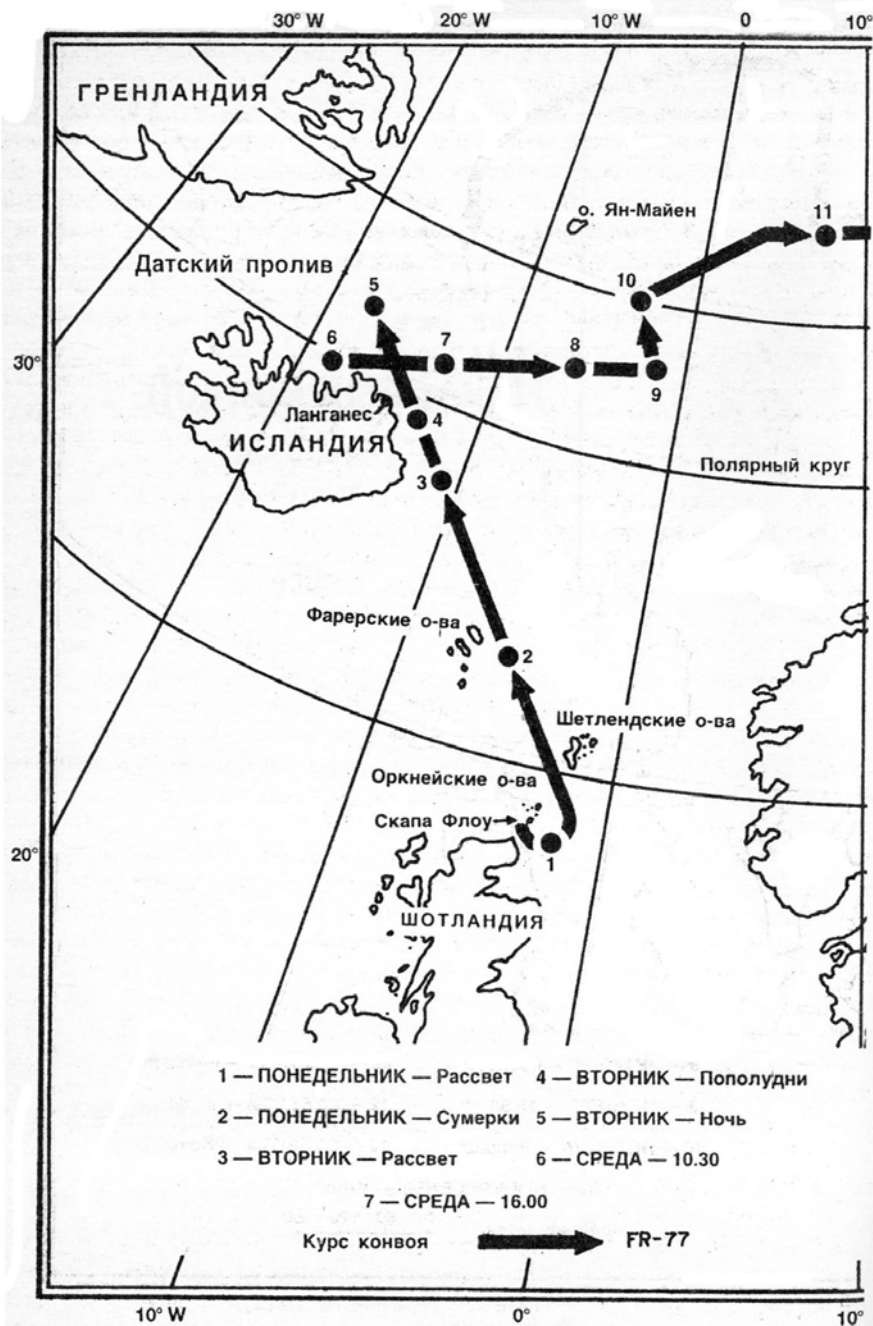
Аннотация

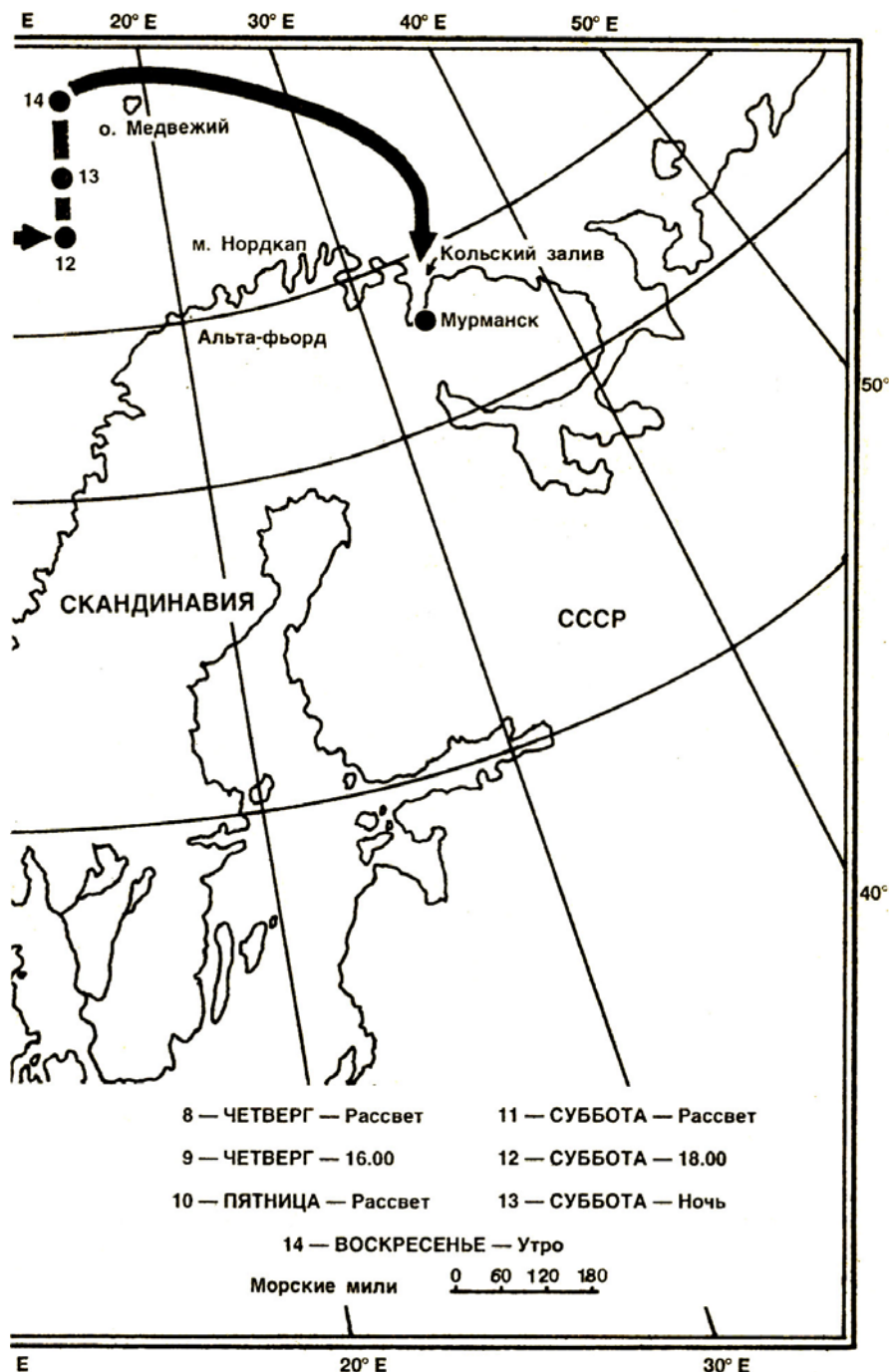
В книгу одного из наиболее популярных писателей современности Алистера Маклина вошли два приключенческих романа из истории второй мировой войны. «Полярный конвой» посвящен одному из наиболее драматических эпизодов войны на море – сопровождению английскими военными кораблями транспортов с оружием, идущих в СССР. «Пушки острова Наварон» – история отряда английских диверсантов в немецком тылу. Сборник адресован любителям приключенческой литературы.

*За мной, друзья! Еще не поздно
Открыть совсем иные берега.
Взмахните веслами, ударьте по волнам
Громокипящим; ибо мой удел
Пока я жив, плыть прямо на закат,
Туда, где звезды плещут в океане.
Быть может, нас поглотит бездна вод,
На Остров Счастья выбросит, быть может,
Где доблестный Ахилл вновь встретит нас...
Не все утрачено, пускай утрат не счесть;
Пусть мы не те, и не вернуть тех дней,
Когда весь мир лежал у наших ног;
Пускай померк под натиском судьбы
Огонь сердец, все тот же наш завет:
Бороться и искать, найти и не сдаваться!*

Альфред Л. Теннисон (1809–1892)¹

¹ Перевод И. Куберского.

ПОЛЯРНЫЙ КОНВОЙ (КРЕЙСЕР ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА «УЛИСС»)

Гизеле посвящается

Выражаю признательность моему старшему брату Айану Л. Маклину, капитану-наставнику, за советы и помощь в создании этой книги.

Во избежание недоразумений следует отметить, что не существует никакой связи между крейсером британского военно-морского флота «Улисс», о котором повествуется в романе, и переоборудованным недавно во фрегат одноименным эскадренным миноносцем класса «Ольстер», который был введен в строй в начале 1944 года, приблизительно двенадцать месяцев спустя после описываемых в романе событий. Ни одно из судов, находившихся в Скапа-Флоу или участвовавших в конвое, не имеет никакого отношения к кораблям с таким же названием, которые действовали прежде или находятся в настоящее время в составе королевского флота.

ГЛАВА 1

Воскресенье (полудни)

Неторопливым жестом Старр вдавил тлеющий конец сигареты в пепельницу.

«Сколько решимости и непреклонности в этом жесте», – подумал командир «Улисса» капитан первого ранга Вэллери. Он знал, что теперь произойдет, и пронзительная горечь поражения заглушила тупую боль, сдавливавшую его лоб все эти дни. Но на один лишь миг. Вэллери устал до такой степени, что ничто его больше не трогало.

– Сожалею, джентльмены, искренне сожалею, – едва улыбнулся тонкими губами Старр. – Позвольте вас уверить, в сложившихся обстоятельствах адмиралтейство приняло правильное и оправданное решение. Однако ваше... э-э-э... нежелание понять нашу точку зрения прискорбно.

Помолчав, он протянул свой платиновый портсигар поочередно четверем офицерам, сидевшим за круглым столом в каюте контр-адмирала Тиндалла. Четыре головы разом качнулись из стороны в сторону, и усмешка вновь коснулась губ вице-адмирала. Достав сигарету, он сунул портсигар в нагрудный карман серого в полосу двубортного пиджака и откинулся на спинку кресла. На лице его уже не было и тени улыбки, присутствующие без труда представили более привычный их взорам блеск золотых галунов на мундире вице-адмирала Винсента Старра, заместителя начальника штаба военно-морских сил.

– Когда я летел утром из Лондона, – продолжал он ровным голосом, – я испытывал досаду. Вот именно, досаду. Ведь я... я очень занятой человек. Первый лорд адмиралтейства, думал я, лишь отнимает у меня время. И не только у меня, но и у себя самого. Придется перед ним извиниться. Сэр Хэмфри был прав. Как всегда...

В напряженной тишине послышался щелчок зажигалки. Облокотясь о стол, Старр вполголоса продолжал:

– Давайте будем до конца откровенны, господа. У меня были все основания рассчитывать на вашу поддержку, и я намеревался как можно скорее разобраться в этом инциденте. Я сказал: инцидент? – усмехнулся он криво. – Сказано слишком слабо. Скорее, мятеж, господа, государственная измена. Вряд ли нужно объяснять, что сие значит. И что же я слышу? – Он обвел взглядом сидящих за столом. – Офицеры флота его величества, флагман в их числе, сочувствуют мятежному экипажу!

«Тут он перегибает, – устало подумал Вэллери. – Хочет нас спровоцировать». Слова и тон, каким они были произнесены, подразумевали вопрос, вызов, на который надо было ответить.

Но ответа не последовало. Все четверо казались апатичными, равнодушными ко всему и до странного похожими друг на друга. Лица моряков были угрюмы и неподвижны, изрезаны глубокими складками, но глаза смотрели спокойно.

– Вы не разделяете моего убеждения, господа? – не повышая голоса, продолжал Старр. – Находите мой выбор эпитетов слишком... э-э-э... резким? – Он откинулся назад. – Гм... «мятеж». – Медленно, словно смакуя, он произнес

это слово, сжав губы, снова обвел взором сидящих за столом. – Действительно, слово не очень-то благозвучно, не так ли, господа? Вы бы дали этому другое определение, не правда ли?

Покачав головой, Старр наклонился и разгладил пальцами лежавший перед ним листок.

– *«Вернулись после рейда на Лофотенские острова, – читал он шифровку.*

– *15.45 – Прошли боновые заграждения. 16.10 – Закончен осмотр машин. 16.30 – Производится погрузка провианта и снаряжения из лихтеров, ошвартовавшихся лагом. 16.30 – Смешанная группа матросов и кочегаров отряжена для погрузки бочек со смазочными материалами. 16.50 – Командиру корабля доложено о том, что кочегары отказались выполнить приказание поочередно главстаршины Хартли, старшины котельных машинистов Гендри, инженер-лейтенанта Грайрсона и, наконец, старшего инженер-механика. Зачинщиками, предположительно, являются кочегары Райли и Петерсон. 17.05 – Отказ выполнить распоряжение командира корабля. 17.15 – Во время выполнения служебных обязанностей подверглись нападению начальник караула и дежурный унтер-офицер».* – Старр поднял глаза.

– Каких именно обязанностей? При попытке арестовать зачинщиков?

Вэллери молча кивнул.

– *«17.15 – Палубная команда прекратила работу, очевидно, из солидарности. Никаких насильственных действий не предпринято. 17.25 – Обращение командира по корабельной трансляционной сети. Предупреждение о*

возможных последствиях. Приказ возобновить работы. Приказ не выполнен. 17.30 – Радиограмма командующему на борту „Герцога Кемберлендского“ с просьбой о помощи». – Старр снова поднял голову, холодно взглянул на Вэллери.

– Кстати, зачем вы обращались к адмиралу? Разве ваши морские пехотинцы...

– Это было мое распоряжение, – резко оборвал его Тиндалл. – Неужели бы я приказал своим морским пехотинцам выступить против людей, с которыми они прослужили два с половиной года? Исключено! На моем корабле, адмирал Старр, грызни между экипажем и морской пехотой нет и в помине. Они слишком много пережили вместе... Во всяком случае, – прибавил он сухо, – вполне вероятно, что морские пехотинцы отказались бы выполнить подобный приказ. Не забывайте, что если б мы использовали против экипажа своих солдат морской пехоты и те уладили бы этот... э... бунт, то «Улисс» перестал бы существовать как боевая единица.

Пристально поглядев на контр-адмирала Тиндалла, Старр снова уткнулся в записи.

– «18.30 – С „Кемберленда“ отряжена штурмовая группа морской пехоты. Никакого сопротивления ей не было оказано. Попытка арестовать шестерых бунтовщиков и восьмерых подозреваемых зачинщиков. Яростное сопротивление со стороны кочегаров и палубной команды, ожесточенные стычки на кормовой палубе, в кочегарском кубрике и в кубрике машинистов, продолжавшиеся до 19.00. Огнестрельное оружие не применялось, но двое убито, шестеро тяжело ранено, 35...40 человек получили менее тяжелые ранения».

Старр замолчал и в сердцах скомкал бумагу.

– Знаете, джентльмены, а, пожалуй, вы правы. – В голосе его прозвучала издевка. – «Бунт» – вряд ли подходящее определение. Пятьдесят убитых и раненых... «Ожесточенная схватка» – будет гораздо ближе к истине.

Но ни слова, ни резкость тона, ни убийственная ирония не произвели никакого впечатления. Все четверо офицеров «Улисса» сидели неподвижно, с выражением полнейшего безразличия.

Вице-адмирал Старр нахмурился.

– Боюсь, господа, у вас несколько искаженное представление о случившемся. Вы пробывали здесь долго, а изоляция искажает суть вещей. Следует ли напоминать вам, старшим офицерам, о том, что в военное время личные чувства, испытания и невзгоды не значат ничего? Флот, отечество – вот что всегда и везде должно быть на первом месте.

Стуча кулаком по столу, он как бы усиливал значимость своих слов.

– Боже правый! – продолжал Старр. – Решаются судьбы мира, а вы, господа, заняты своими эгоистическими мелкими заботами!

Тэрнер, старший офицер крейсера, сардонически усмехнулся про себя. Красиво говоришь, старина Винсент, даже очень. Правда, напоминает мелодраму викторианских времен: стискивать зубы – вот это уже ни к чему. Жаль, что старик не член парламента, – любое правительство оторвало бы его с руками. «А вдруг старина говорит все это на полном серьезе?» – промелькнуло в голове у старпома.

– Зачинщики будут арестованы и понесут наказание.

Суровое наказание. – Голос адмирала звучал резко и угрожающе. – Что касается randevu с Четырнадцатой эскадрой авианосцев, оно состоится в Датском проливе как условлено, в 10.30, но в среду, а не во вторник. Мы радировали в Галифакс и задержали отплытие кораблей. Вы выйдете в море завтра в шесть ноль-ноль.

Взглянув на контр-адмирала Тиндалла, Старр добавил:

– Прошу немедленно довести это до сведения всех кораблей, находящихся у вас под началом, адмирал.

Тиндалл (весь флот знал его по кличке «Фермер Джайлс») промолчал. Его румяное лицо – обычно веселое, в улыбчивых морщинах – было мрачно и сосредоточено. Прикрытые тяжелыми веками, встревоженные глаза его впились в каперанга Вэллери. Дьявольски трудно сейчас этому доброму, душевному человеку, подумал Тиндалл. Но лицо Вэллери, изможденное и усталое лицо аскета и молчальника, было непроницаемо. Тиндалл молча выбранился.

– В сущности, господа, – как ни в чем не бывало продолжал вице-адмирал, – говорить больше не о чем. Не стану заверять, что вам предстоит увеселительная прогулка. Сами знаете, что случилось с последними тремя крупными конвоями Пи-Кью-17, Эф-Ар-71 и 74. Эффективных способов защиты от акустических торпед и планирующих бомб мы еще не разработали. Кроме того, по агентурным данным из Бремена и Киля (и это подтверждается последними событиями в Атлантике) новейшая тактика немецких подводников – нападение на корабли эскорта... Возможно, вас выручит погода.

«Ах ты, мстительный старый черт, – лениво подумал Тиндалл. – Давай, давай, потешь себя, будь ты неладен».

– Рискаю показаться старомодным и мелодраматичным... – Старр нетерпеливо ждал, пока у Тэрнера прекратится приступ кашля, – ...можно сказать, что «Улисс» предоставляется возможность... э... искупить свою вину.

Вице-адмирал отодвинул стул.

– После этого, господа, – Средиземное. Но прежде всего – эскортирование конвоя Эф-Ар-77 в Мурманск, и этому не помешает никто – ни черт, ни дьявол. – На последнем слове голос его сорвался, сквозь глянец вежливости проступили грубость и резкость. – Пусть экипаж «Улисса» зарубит себе на носу: непослушания, пренебрежения долгом, организованного бунта и смуты командование не потерпит!

– Чепуха!

Старр откинулся назад, костяшки пальцев, вцепившихся в подлокотники кресла, побелели. Взгляд его хлыстом прошелся по лицам и остановился на Бруксе – начальнике корабельной медицинской службы, на его ярко-голубых глазах, в которых светилась странная враждебность, – глазах, глядевших из-под великолепной седой гривы.

Тиндалл тоже увидел гневный взор старого доктора. Заметил, как побагровело лицо Брукса, и неслышно простонал. Знакомые симптомы. Сейчас старый Сократ покажет свой ирландский характер. Тиндалл открыл было рот, но, заметив нетерпеливый жест Старра, откинулся на спинку стула.

– Что вы сказали, командер? – спокойным голосом спросил вице-адмирал.

– Чепуха! – отчетливо повторил Брукс. – Чепуха. Вот что я сказал. «Будем вполне откровенны», говорите вы. Что

же, сэр, будем откровенны. Какое тут к черту «пренебрежение долгом, организованный бунт и подстрекательство»? Понимаю, вам нужно найти какое-то определение всему этому, по возможности, наиболее вам понятное. Вчерашнее столкновение вы ловко приноравливаете к своему опыту.

Брукс помолчал. В наступившей тишине послышалась пронзительная трель боцманской дудки. Видно, с проходящего корабля.

– Скажите, адмирал Старр, – продолжал он невозмутимо, – неужели мы должны, по средневековому обычаю, плетями изгонять из грешника дух безумия? А может быть, следует утопить его? Вы, верно, также считаете, что месяц-другой карцера – лучшее лекарство от туберкулеза?

– О чем вы говорите, Брукс? Объясните, ради Бога. «Карцер, плети»? Что вы плетете? Извольте объясниться! – нетерпеливо забарабанил пальцами по столу Старр. Брови его высоко поднялись, лоб наморщился. – Надеюсь, Брукс, – сказал он елейным тоном, – вы извинитесь за эту вашу... э... дерзость.

– Я уверен, командер Брукс не имел намерения дерзить вам, – проговорил до этого молчавший Вэллери, командир «Улисса». – Он лишь имел в виду...

– Позвольте мне, господин капитан первого ранга, самому решать, кто что имеет в виду. Я вполне в состоянии это сделать. – Старр натянуто улыбнулся.

– Что ж, продолжайте, Брукс.

Брукс внимательно посмотрел на вице-адмирала.

– Извиниться, вы говорите? – Он устало улыбнулся. – Не знаю, сэр, сумею ли я это сделать.

Тон и смысл сказанного задела Старра, и он побагровел.

– Однако объясниться попытаюсь, – продолжал Брукс. – Возможно, это принесет некоторую пользу.

Несколько секунд он молчал, положив локти на стол и запустив пальцы в густую серебристую гриву. Потом вскинул голову.

– Когда вы в последний раз ходили в море, адмирал Старр?

– В море? – спросил, нахмурясь, Старр. – А что вам за дело и какое это имеет отношение к нашему разговору? – прибавил он неприязненно.

– Самое прямое, – резко возразил Брукс. – Прошу вас, адмирал, ответить на мой вопрос.

– Полагаю, вам хорошо известно, – ровным голосом произнес Старр, – что с начала войны я служу в штабе флота. На что вы намекаете?

– Ни на что я не намекаю. Ваша личная честность и храбрость общеизвестны. Я лишь выясняю факт. Я военно-морской врач, адмирал Старр, – придвинулся ближе к столу Брукс. – Уже тридцать лет. – С этими словами Брукс улыбнулся. – Возможно, я не ахти какой специалист. Возможно, я плохо изучил последние достижения в области медицины. Но зато я хорошо изучил природу человека (сейчас не время для излишней скромности), работу человеческого мозга, имею представление о тончайшей взаимосвязи между разумом и телом человека. Вы сказали: «Изоляция искажает суть вещей». Изоляция означает обособленность, отрешенность от мира, и вы отчасти правы. Однако – и это главное, сэр, – надо иметь в виду, что

существует несколько миров. Северные моря, Арктика, походы в Россию в условиях полной светомаскировки – это совсем иной мир, мир, совершенно не похожий на ваш. Вы даже не можете себе представить, каков он, этот мир. В сущности, вы совершенно изолированы от мира, в котором мы живем, сэр.

Старр хмыкнул (звук этот обозначал не то гнев, не то насмешку) и прокашлялся, чтобы что-то возразить, но Брукс не дал ему открыть рта.

– Здешние условия беспрецедентны, их нельзя сравнить ни с чем ранее известным в истории войн. Полярные конвои, сэр, это явление абсолютно новое, совершенно незнакомое человеческому опыту.

Внезапно умолкнув, Брукс посмотрел сквозь толстое стекло иллюминатора.

На стальную поверхность моря, на мрачные скалы Скапа-Фэюу, окружавшие рейд, падали хлопья мокрого снега. Все молчали. Но командер Брукс еще не закончил: чтобы собраться с мыслями, уставшему нужно время.

– Разумеется, человечество может приспособиться и приспосабливается к новым условиям, – негромко, словно размышляя вслух, говорил Брукс. – Для того чтобы выжить, человечеству приходится приспосабливаться в течение многих тысячелетий. Но для этого нужно время, господа, очень много времени. И естественные перемены, происходившие в течение двадцати веков, невозможно втиснуть в какие-то два года. Ни разум, ни тело человека не выдержат этого. Гибкость, невероятная прочность человеческого организма таковы, что в течение весьма непродолжительных отрезков времени он может выдерживать

такие перегрузки. Однако потом предел выносливости, граница терпения наступает очень быстро. Стоит заставить людей переступить этот предел, и может произойти все что угодно. Неизвестно, какие формы может принять срыв, но он обязательно наступает. Он может иметь физический, умственный, духовный характер – какой именно, не знаю. Но я знаю одно, адмирал Старр: экипаж «Улисса» достиг предела терпения.

– То, что вы говорите, весьма любопытно, командер. – Голос Старра прозвучал сухо. – Любопытно и поучительно... К сожалению, ваша гипотеза, – а это не что иное, как гипотеза, – не выдерживает критики.

Брукс пристально глядел на адмирала.

– На этот счет, сэр, не может быть двух мнений.

– Ерунда, милейший, самая настоящая ерунда. – Сердитое лицо Старра стало жестким. – Факт остается фактом. Ваши же рассуждения никуда не годятся. – Подавшись вперед, он указательным пальцем как бы подчеркивал каждое сказанное им слово. – Разницы, о которой вы твердите, – различия между конвоями, направляющимися в Россию, и обычными морскими операциями – просто не существует. Можете ли вы мне указать на какой-то фактор, на какие-то условия плавания в здешних северных водах, которых нет в других морях? Можете, командер Брукс?

– Нет, сэр, не могу. – Брукс был невозмутим. – Но я могу указать на факт, о котором весьма часто забывают. На тот факт, что количественные изменения могут оказаться гораздо значительнее, чем качественные, и могут иметь далеко идущие последствия. Позвольте объяснить, что я имею в виду. Страх может убить человека. Не станем за-

крывать глаза, страх – естественное чувство. Но, пожалуй, нигде матросы не испытывают страх так остро и в течение столь продолжительного периода, как во время полярных конвоев. Нервное напряжение, постоянные перегрузки могут убить любого. Подобное я наблюдал очень часто. Когда же вы находитесь во взвинченном до предела состоянии подчас семнадцать суток подряд, когда вы ежедневно видите изуродованные, гибнущие корабли, моряков, тонущих у вас на глазах, и знаете, что в любую минуту то же самое может случиться и с вами... Мы ведь люди, а не машины... Тогда-то и возникает опасность срыва. И срыв происходит. Адмиралу, очевидно, неизвестно, что после двух последних походов девятнадцать офицеров и матросов пришлось отправить в лечебницу для душевнобольных.

Брукс поднялся. Опершись крупными, сильными пальцами о полированную поверхность стола, Брукс впился взглядом в глаза Старра.

– Голод подрывает жизнеспособность человека, адмирал Старр. Подтачивает его силы, замедляет реакции, убивает волю к борьбе, даже волю к жизни. Вы удивлены, адмирал Старр? А между тем это неизбежно. Вы продолжаете посылать нас в конвой, когда сезон прошел, когда ночь едва длиннее дня, когда из двадцати четырех часов в сутки двадцать часов стоят на вахте или боевых постах. Как же нам не голодать после этого? Откуда нам быть сытыми, черт возьми, – ударил ладонью по столу старый врач, – если корабельные коки почти все время работают в пороховых погребах, обслуживают оружейные расчеты или участвуют в аварийных партиях? Лишь пекаря и мясника

не посылают на боевые посты. Поэтому мы целыми неделями на одной лишь сухомятке! – едва не сплюнул от возмущения Брукс.

«Молодец, старина, – обрадованно подумал Тэрнер, – задай ему жару».

Тиндалл тоже кивал головой в знак одобрения. Лишь Вэллери было не по себе – не из-за того, что именно говорил Брукс, а оттого, что говорил об этом не тот, кому следует. Ведь командир корабля он, Вэллери. Он и должен держать ответ:

– Страх, нервное напряжение, голод. – Голос Брукса звучал теперь совсем негромко. – Эти три фактора надламывают человека, они столь же губительны, как огонь, железо, чума. Это убийцы, не знающие пощады. Но это еще цветочки, адмирал СтARR. Это лишь оруженосцы, как бы предвестники Трех апокалипсических всадников, имена коих – Холод, Недосыпание, Истощение. Вы представляете себе, что это такое – оказаться февральской ночью где-то между Ян-Майеном и островом Медвежий, адмирал? Разумеется, не представляете. Представляете, что это такое, когда температура окружающей среды шестьдесят градусов мороза² и все же вода не замерзает. А каково придется морякам, когда с полюса, со стороны ледового щита Гренландии с воем мчится студеный ветер и точно скальпель впивается в тело, пронизывая насквозь самую плотную ткань? Когда на палубе скопилось пятьсот тонн льда, когда пять минут без перчаток обозначают обморожение, когда брызги, вылетающие из-под форштевня, замерзают

² По Фаренгейту, соответствует -32 °C. (Прим. переводчика.)

на лету и бьют вас в лицо? Когда даже батарея карманного фонаря садится из-за лютой стужи? Представляете?

Слова Брукса были тяжелы, как удары молота.

– А вы знаете, что это такое, когда несколько недель подряд спишь два-три часа в сутки? Вам знакомо такое ощущение, адмирал Старр? Когда каждый нерв вашего тела, каждая клеточка мозга перенапряжены до крайности и вы чувствуете, что находитесь у черты безумия? Знакомо вам это чувство? Это самая утонченная пытка на свете. Вы готовы предать своих друзей, близких, готовы душу бессмертную отдать ради благодатной возможности закрыть глаза и послать все к черту. И потом – переутомление, адмирал Старр. Ужасная усталость, что ни на минуту не отпускает вас. Отчасти это результат стужи, отчасти – недосыпания, отчасти – постоянных штормов. Вы сами знаете, как изнуряет человека пребывание на раскачивающейся вдоль и поперек палубе корабля в течение хотя бы нескольких часов. Нашим же морякам приходится выносить качку месяцами, ведь штормы в арктических водах – вещь обыкновенная. Могу назвать десяток-два стариков, которым и двадцати лет не исполнилось.

Отодвинув стул, Брукс принялся расхаживать по каюте. Тиндалл и Тэрнер переглянулись, потом повернулись к Вэллери. Тот сидел, понуро опустив плечи, и невидящим взглядом рассматривал свои соединенные в замок руки, лежащие на столе. Казалось, Старр для них сейчас вовсе не существовал.

– Заколдованный круг, – проговорил Брукс, прислонясь к переборке. Заложив руки в карманы, отсутствующим взглядом он смотрел в запотевший иллюминатор. – Чем

больше недосыпаешь, тем больше чувствуешь усталость; чем больше утомляешься, тем сильнее страдаешь от стужи. И в довершение всего – постоянное чувство голода и адское напряжение. Все направлено к тому, чтобы сломить человека, уничтожить его физически и духовно, сделать его беспомощным перед болезнью. Да, адмирал, я сказал: «перед болезнью». – Брукс улыбнулся, посмотрел в лицо Старру, но улыбка его была невеселой. – Если набить людей как сельдей в бочку, неделями не выпускать их из нижних палуб, то каков будет исход? Исходом будет туберкулез. Это неизбежно. – Брукс пожал плечами. – Пока я изолировал лишь несколько человек, но я точно знаю, что в нижних помещениях корабля туберкулез легких со дня на день перейдет в открытую форму. Зловещие симптомы я заметил еще несколько месяцев назад. Я не раз докладывал начальнику медицинской службы флота. Дважды подавал рапорт в адмиралтейство. Мне выражали сочувствие, но и только. Дескать, кораблей, людей не хватает... Последние сто суток привели к срыву, сэр. А почва подготавливалась месяцами. Сто суток настоящего ада, и за все это время ни одного увольнения на берег, хотя бы на сутки. Было лишь два захода в порт – для погрузки боеприпасов. Топливо и провизию получали с авианосцев – прямо в море. И каждый день – долгий, как вечность, – голод, холод, опасности, страдания. Боже правый! – почти выкрикнул Брукс. – Ведь мы же не машины! – Оттолкнувшись от переборки, по-прежнему не вынимая рук из карманов, Брукс шагнул к Старру.

– Мне не хотелось говорить об этом при командире корабля, но каждому офицеру «Улисса» – за исключением

каперанга Вэллери – известно, что экипаж корабля давно бы взбунтовался, как вы говорите, если бы не капитан первого ранга Вэллери. Такой преданности экипажа своему командиру, такого обожания, чуть ли не идолопоклонства, мне никогда еще не приходилось встречать, адмирал Старр.

Контр-адмирал Тиндалл и Тэрнер закивали одобрително. Вэллери по-прежнему сидел неподвижно.

– Но всему есть предел. Случилось то, что должно было случиться. И теперь вы толкуете о наказании этих людей. Господи, да с таким же успехом можно повесить человека за то, что у него проказа, или отправить в карцер за то, что у него появились чирьи. – Брукс печально покачал головой. – Наши моряки виновны не более. Люди ничего не могли с собой поделать. Они уже не в состоянии разумно мыслить. Им нужна передышка, покой, несколько благословенных дней отдыха. На него они готовы променять все блага мира. Неужели же вы этого не понимаете, адмирал Старр?

С полминуты в адмиральской каюте стояла полная тишина. Слышен был лишь тонкий, пронзительный вой ветра да стук града. Встав, Старр потянулся за перчатками. Подняв на него глаза, Вэллери понял, что Бруксу не удалось ничего доказать.

– Распорядитесь подать мой катер, господин капитан первого ранга. И не мешкая. – Голос Старра звучал ровно, совершенно бесстрастно. – Как можно скорее заправьтесь горючим, примите на борт продовольствие и полный комплект боезапаса. Адмирал Тиндалл, желаю вам и вашей эскадре успешного плавания. Что касается вас, командер Брукс, то я понял подтекст ваших высказываний, по край-

ней мере ваше личное отношение к событиям. – Губы его растянулись в недоброй усмешке. – Вижу, вы переутомлены и крайне нуждаетесь в отдыхе. Вас сменят до полуночи. Прошу вас, проводите меня, капитан первого ранга...

Старр направился было к двери, но не успел сделать и двух шагов, как услышал голос Вэллери:

– Одну минуту, сэр.

Старр круто повернулся. Командир «Улисса» по-прежнему сидел, он не сделал даже попытки подняться.

На лице каперанга застыла улыбка – в ней сквозили почтительность и в то же время решимость. При виде этой улыбки Старру стало не по себе.

– Корабельный врач командер Брукс, – отчеканил Вэллери, – совершенно исключительный офицер. Он, по существу, незаменим, на «Улиссе» без него не обойтись. Мне не хотелось бы лишиться его услуг.

– Я уже принял свое решение, каперанг Вэллери, – резко ответил Старр. – И оно окончательно. Полагаю, вам известно, какими полномочиями наделило меня адмиралтейство.

– Да, вполне, – Вэллери был спокоен и невозмутим. – И все же я повторяю, что мы не можем себе позволить лишиться такого офицера, как Брукс.

И слова, и тон, каким они были произнесены, были сдержанны и почтительны. Однако в смысле их сомнения быть не могло. Брукс шагнул вперед, на лице его было написано отчаяние. Но, прежде чем он успел открыть рот, заговорил Тэрнер. Речь его звучала изящно и дипломатично.

– Полагаю, я приглашен сюда не для декорации. – От-

кинувшись на спинку стула, он задумчиво уставился в подволок. – Пожалуй, пора и мне высказаться. Я безоговорочно присоединяюсь к мнению старины Брукса и поддерживаю каждое его слово.

У Старра побелели губы, он стоял точно вкопанный.

– А что скажете вы, адмирал? – посмотрел он на Тивдалла.

Тиндалл вопросительно взглянул на Старра. На лице его не осталось и следа бывшего напряжения и озабоченности. Сейчас он как никогда был похож на старого доброго фермера Джайлса. Криво усмехнувшись, Тиндалл понял, что в эту минуту решается его судьба, и даже удивился тому, насколько он равнодушен к собственной карьере.

– Для меня, как командующего соединением, главным являются максимальная его боеспособность. Некоторые люди действительно незаменимы. Капитан первого ранга Вэллери утверждает, что Брукс – один из таких людей. Я с ним согласен.

– Понимаю, господа, понимаю, – тяжело проговорил Старр. На скулах его вспыхнул румянец. – Конвой вышел из Галифакса, у меня связаны руки. Однако вы еще пожалеете, господа, очень пожалеете. У нас на Уайтхолл³ память долгая. Мы еще... гм... вернемся к этому разговору по возвращении эскадры из похода. Прощайте, господа.

Дрожа от внезапного озноба, Брукс тяжело спустился по трапу на верхнюю палубу и, пройдя мимо камбуза, завернул в лазарет. Из дверей изолятора выглянул старший санитар Джонсон.

³ Уайтхолл – улица в Лондоне, где расположены правительственные учреждения.

– Как поживают наши хворые и страждущие, Джонсон?
– спросил Брукс. – Мужественно ли переносят лишения?

– Какие там к черту лишения, сэр. Половина из них меня здоровей. Только поглядите на кочегара Райли. Лежит со сломанным пальцем, журнал «Ридерс дайджест» перелистывает. Все статьи по медицине выискивает, а потом вопит – подавай ему сульфидин, пенициллин и новейшие антибиотики. А сам и названий выговорить не может. Считает, что вот-вот умрет.

– Это было бы невосполнимой потерей, – проговорил Брукс, сокрушенно качая головой. – И что так держится за него Додсон, не понимаю... Какие новости из госпиталя?

Выражение лица Джонсона переменилось.

– Пять минут назад пришло сообщение, сэр. В три часа умер матрос второго класса Ральстон.

Брукс мрачно кивнул. Незачем было отправлять беднягу в госпиталь. На мгновение он почувствовал себя усталым, опустошенным. «Старый Сократ» – таково было его прозвище, и в эти дни он действительно ощущал бремя возраста – и не только это.

– Ты, я вижу, расстроен, Джонсон, не так ли? – вздохнув, спросил Брукс.

– Парню было восемнадцать, сэр. Всего восемнадцать.
– Голос Джонсона был глух, в нем звучала горечь. – Я только что разговаривал с Бэрджесом. Вон на той койке лежит. Он рассказал, как было дело. Ральстон выходит из умывальника, полотенце через плечо. Тут мимо него проносится толпа, следом бежит этот проклятый верзила-солдафон и бьет мальчишку прикладом по голове. Он так и не узнал, чем его ударили, сэр, и за что.

– Знаешь, Джонсон, а ведь это называется подстрекательством, – проговорил, усмехнувшись, Брукс.

– Виноват, сэр. Напрасно я затеял, этот разговор...

– Ничего, ничего. Я сам его начал. Нельзя же запретить людям думать. Только не надо думать вслух. Это... это нарушение корабельного устава... Полагаю, твой друг Райли ждет тебя. Захвати для него толковый словарь.

Отвернувшись, Брукс раздвинул шторы, вошел в хирургическую палату.

Темноволосая голова, возвышавшаяся над зубо-врачебным креслом, повернулась в его сторону. Лейтенант медицинской службы Джонни Николлс вскочил на ноги, держа в левой руке пачку амбулаторных карт.

– Здравствуйте, сэр. Присядьте, отдохните.

– Золотые слова, лейтенант Николлс, – улыбнулся Брукс. – Поистине утешительно в наши дни встретить младшего офицера, который помнит свое место. Весьма, весьма признателен.

Забравшись в кресло, он со стоном откинулся на спинку.

– Не поправите ли вы упор для ног, мой мальчик... Вот так. Благодарю вас.

Он с наслаждением потянулся, закрыв глаза и положив голову на кожаную подушку, и снова простонал:

– Я старик, Джонни, дряхлая развалина.

– Ерунда, сэр, – поспешно возразил Николлс. – Просто легкое недомогание. Позвольте прописать вам подходящее лекарство...

Он достал из шкафчика два стакана для полоскания зубов и темно-зеленый ребристый флакон с надписью «Яд». Наполнив стаканы, один из них протянул Бруксу.

– Мой собственный рецепт, сэр. Доброго здоровья! – Брукс посмотрел на янтарную жидкость, потом взглянул на Николлса.

– Крепко же в ваших шотландских университетах укоренились языческие обычаи... Среди этих язычников есть славные ребята. Что это за отрава на сей раз, Джонни?

– Отрава что надо, – улыбнулся Николлс. – «Изготовлено на острове Колл».

– Не знал, что там есть винные заводы, – подозрительно посмотрел на него старый хирург.

– А кто говорит – есть? Я просто сказал, что виски изготовлено на Колле... Как там начальство, сэр?

– Рвет и мечет. Их священная особа грозилась всех нас повесить на одной рее. Особенно они невзлюбили меня. Сказали-с, что меня надо гнать с корабля. Причем на полном серьезе.

– Вас! – Карие глаза Николлса, глубоко запавшие, красные от бессонницы, широко раскрылись. – Шутите, сэр.

– Какие там шутки! Но все обошлось. Меня оставили. Старина Джайлс, командир корабля и старпом – идиоты несчастные – так и заявили Старру, что если меня выгонят, то пусть он ищет себе нового адмирала, командира и старпома. Вряд ли дошло бы до этого, но старика Винсента едва кондрашка не хватил. Отвалил, дрожа от злости, бормоча под нос какие-то угрозы. Впрочем, если додумать, угрозы вполне определенные.

– Проклятый старый дурак! – в гневе воскликнул Николлс.

– Не такой уж он дурак, Джонни. Скорее это талант-

ливый чурбан. Зря начальником штаба не сделают. По словам Джайлса, он умелый стратег и тактик.

И не такой уж он злой, каким мы привыкли его изображать. Старика Винсента трудно осуждать за то, что он снова посылает нас в поход. Перед ним неразрешимая проблема. Ресурсы его очень ограничены. Театров военных действий несколько, и всюду нехватка кораблей и людей. И половины нужного количества не наскрести. Как хочешь, так и крутись. И все-таки это бездушный, бесчеловечный службист; людей он не понимает.

– И чем дело кончилось?

– Снова куре на Мурманск. Завтра в шесть ноль-ноль снимаемся с якоря.

– Как? Опять? Вот эти привидения снова отправятся а поход? – Николлс не скрывал своего удивления. – Они не посмеют нас послать! Просто... не посмеют!

– Как видишь, посмели, дружище. «Улисе» должен... как это Старр выразился... искупить свою вину. – Брукс открыл глаза. – Сама мысль об этом приводит меня в ужас. Не осталось ли там еще этой отравы, дружище?..

Сунув пустую бутылку в шкафчик, Николлс возмущенно ткнул большим пальцем в сторону видневшейся в иллюминаторе громады линкора, стоявшего на якоре в трех-четырех кабельтовых от «Улисса».

– Почему всегда мы, сэр? Всегда мы? Почему бы начальству не послать разок эту плавучую казарму, от которой нету никакого проку? Вертится, проклятый, из месяца в месяц вокруг своего якоря...

– В этом-то и дело, – с серьезной миной прервал его Брукс. – По словам штурмана, «Кемберленду» никак не

удается поднять якорь. Мешает гора жестянок из-под сгущенного молока и сельди в томатном соусе, выросшая за последние двенадцать месяцев на дне океана.

Николлс, казалось, не слышал его и продолжал:

– Изо дня в день, из месяца в месяц они посылают «Улисса» эскортировать транспорты. Меняют авианосцы, посылают замену эсминцам – кому угодно, но только не «Улиссу». Ни малейшей передышки. Зато «Герцог Кемберлендский», который только и пригоден для того, чтобы посылать громил для расправы с больными, измученными людьми, за одну неделю сделавшими больше, чем...

– Умерьте свой пыл, мой мальчик, – пожурил его Брукс. – Разве это расправа – трое мертвецов да горстка раненых героев, которые отлеживаются в лазарете? Морские пехотинцы лишь выполняли приказание. Что касается «Кемберленда», то тут ничего не поделаешь. «Улисс» – единственный корабль флота метрополии, оснащенный для сопровождения авианосцев.

Осушив стакан, Николлс задумчиво посмотрел на Брукса.

– Временами, сэр, я даже симпатизирую немцам.

– Вы с Джонсоном одного поля ягоды, – заметил Брукс.

– Узнай адмирал Старр, что вы собой представляете, он бы на вас обоих надел наручники за враждебную пропаганду, а потом... Вы только посмотрите! – подался вперед Брукс. – Взгляните на старого «Герцога», Джонни! С сигнального мостика поднимаются целые ярды простыней, а матросики бегут-бегут, как ни странно, – прямо на бак. Налицо все признаки активности. Ну и чудеса, черт побери. Что вы на это скажете, Николлс?

– Наверное, к увольнению на берег готовятся, – проворчал Николлс. – Что еще могло всполошить этих бездельников? И кто мы такие, чтобы завидовать им, чьи ратные труды оценены по достоинству? После столь долгой, ревностной и опасной службы в арктических водах...

Последние слова Николлса заглушил пронзительный звук горна. Оба офицера машинально посмотрели на динамик, в котором что-то потрескивало и гудело, затем изумленно переглянулись. В следующее мгновение оба были на ногах: к настойчивому, ледящему кровь призыву горна – сигналу боевой тревоги – невозможно привыкнуть.

– Боже правый! – простонал Брукс. – Не может этого быть! Неужели опять? Здесь, в Скапа-Флоу!

«Боже мой! Неужели опять! Неужели здесь, в Скапа-Флоу!»

Эти слова были у всех на устах, в умах и сердцах семисот двадцати семи измученных, постоянно недосыпающих, озлобленных моряков в тот хмурый зимний вечер на рейде Скапа-Флоу. Ни о чем ином они и не могли думать, заслышав повелительный окрик горна, от которого тотчас замерла работа в машинных отделениях и кочегарках, на лихтерах, откуда шла погрузка боеприпасов, на нефтеналивных баржах, в камбузах и служебных помещениях. Лишь одним этим были заняты мысли оставшихся на вахте в нижних палубах. Еще острее почувствовав отчаяние при пронзительных звуках тревоги, разорвавших благодатную пелену забытья, они с тоскующей душой и больным разумом тотчас вернулись к жестокой действительности.

По странному стечению обстоятельств минута эта была роковой. «Улисс» мог бы в эту самую минуту навсегда

окончить свое существование как боевая единица. Это был именно тот момент, когда озлобленные, измученные люди, едва успевшие несколько прийти в себя в сравнительной безопасности защищенного сушей рейда, могли восстать против беспощадной системы немого, бездушного насилия и принуждения, убивавшей в человеке душу живую. Более подходящего для мятежа момента не могло и быть.

Минута эта пришла – и была упущена. Такая мысль лишь на какое-то мгновение коснулась умов и тотчас исчезла, заглушенная топотом ног разбежавшихся по боевым постам людей. Возможно, тут сыграл свою роль инстинкт самосохранения. Хотя вряд ли – на «Улиссе» давно перестали заботиться о себе. Возможно, то было просто флотской дисциплиной, преданностью своему командиру или тем, что психологи называют условным рефлексом, – заслышав визг тормозов, вы инстинктивно отскакиваете в сторону.

Возможно также, тут было что-то иное.

Как бы там ни было, все помещения корабля были задраены по боевой тревоге за две минуты. На верхней палубе оставались лишь вахтенные матросы, обслуживающие шпиль. Никто не верил, что здесь, в Скапа-Флоу, их может подстергать какая-то опасность, но все отправились на свои боевые посты – молча или бранясь, в зависимости от натуры. Люди шли с мрачным видом, неохотно, возмущаясь, сетуя на тяжкую свою долю. Но все-таки шли.

Отправился на свой пост и контр-адмирал Тиндалл. Он не принадлежал к тем, кто шел молча. Ругаясь на чем свет стоит, он поднялся на мостик и забрался на высокое кресло, находившееся в левом переднем углу верхнего мостика.

Посмотрел на Вэллери, находившегося на другом крыле мостика.

– Что за переполох, командир? – спросил он недовольно. – По-моему, все вокруг чисто.

– Пока ничего не могу сказать, сэр. – Вэллери озабоченным, внимательным взглядом обвел простор рейда. – Семафор от командующего. Приказано немедленно сниматься с якоря.

– Сниматься с якоря! Но почему, старина, почему? Вэллери покачал головой.

– Это заговор с целью лишить стариков вроде меня их послеобеденного сна, – простонал Тиндалл.

– Скорей всего, у Старра возникла очередная блестящая идея, и он решил немного встряхнуть нас, – проворчал Тэрнер, старший офицер «Улисса».

– Только не это, – решительно произнес Тиндалл. – Он бы не посмел это сделать. И потом, как мне кажется, он человек не злопамятный.

Воцарилась тишина – тишина, нарушаемая лишь шумом падающего града и зловещим щелканьем гидролокатора, доносившимся из динамика.

– Боже правый! Взгляните, сэр! «Герцог» утопил якорь! – вскинул к глазам бинокль Вэллери.

И действительно. На «Герцоге Кемберлендском», чтобы не выбирать якорь, расклепали якорь-цепь, и теперь нос огромного корабля, начавшего движение, стал медленно поворачиваться.

– Какого черта!.. – Не закончив фразу, Тиндалл принялся изучать небо. – На горизонте ни одного самолета, ни единого парашюта. Ни радарной установкой, ни гидроло-

котором не обнаружено какой-либо цели. Нет ни малейшего признака того, что основные силы германского флота проникли через боновые заграждения...

– «Герцог» нам семафорит, сэр! – докладывал Бентли, старшина сигнальщиков. Помолчав, он стал медленно читать: «Немедленно займите место нашей якорной стоянки. Пришвартуйтесь к северной бочке».

– Потребуйте подтверждения приказа! – резко проговорил Вэллери. Потом взял у матроса-сигнальщика трубку телефона, связывавшего боевую рубку с полубаком.

– Первый лейтенант? Говорит командир. Как якорь? На панер? Добро. – Он повернулся к вахтенному офицеру. – Обе машины малый вперед. Право десять градусов.

Нахмурясь, вопросительно взглянул на Тиндалла, сидевшего у себя в углу.

– Игра в кошки-мышки, – проворчал Тиндалл. – А может, какая-нибудь другая игра, вроде испорченного телефона... Хотя нет, минуто! Глядите! Все пяти-с-четвертью-дюймовые орудия «Герцога» до отказа опущены вниз!

Взгляды Тиндалла и Вэллери встретились.

– Нет, не может быть! Боже правый, вы полагаете?..

Донесшийся из динамика громовой голос акустика (его боевой пост находился сразу за боевой рубкой) послужил ответом на вопрос контр-адмирала.

Крайслер, старший акустик, говорил четко, неторопливо:

– На мостике! Докладывает акустик! Слышу эхо. Тридцать градусов левого борта. Повторяю. Тридцать левого борта. Эхо усиливается. Дистанция сокращается.

Командир «Улисса» вскочил на ноги, но тут же замер как вкопанный.

– На пункте управления огнем! Цель тридцать градусов левого борта! Всем зенитным орудиям максимальный угол снижения. Подводная цель. Минный офицер, – обратился он к лейтенанту Маршаллу, – посты сбрасывания глубинных бомб – к бою!

Вэллери снова повернулся к Тиндаллу.

– Это невероятно, сэр! Вражеская подлодка – очевидно, это она – где? в Скапа-Флоу? Просто невозможно!

– Прин так не считал, – проворчал Тиндалл.

– Прин?

– Капитан-лейтенант Прин, тип, который торпедировал «Ройял Оук».

– Это не может повториться. Новые боновые заграждения...

– ...помешают проникновению обычной подлодки, – закончил за Вэллери Тиндалл. Потом перешел на полусшепот. – Помните, в прошлом месяце нам рассказывали о наших двухместных подлодках? Их должны были доставить в Норвегию на норвежских рыболовных судах, которые курсируют у Шетлендских островов. Возможно, такая же мысль возникла и у немцев.

– Вполне, – согласился Вэллери. Он сардонически усмехнулся, кивнув в сторону линкора. – Вы только посмотрите на «Кемберленда». Идет прямо в открытое море.

Помолчав задумчиво, он снова взглянул на Тиндалла.

– Как вам это нравится, сэр?

– Что именно, командир?

– Эта базарная торговля, – криво улыбнулся Вэллери. –

Видите ли, они не могут рисковать линейным кораблем, стоящим энное количество миллионов.

Поэтому старый «Кемберленд» убирается восвояси, а мы швартуемся на его прежнее место. Бьюсь об заклад, немецкой морской разведке с точностью до дюйма известны координаты якорной стоянки линкора. Эти миниатюрные лодки имеют на борту заряды ВВ, и если немцы собираются прикрепить их к днищу какого-то корабля, то не преминут прикрепить их к нашему днищу.

Тиндалл взглянул на Вэллери. Лицо его было непроницаемо. Акустик непрерывно докладывал о результатах гидропеленгования. Пеленг цели оставался неизменным, дистанция сокращалась.

— Совершенно верно, — проговорил адмирал. — Изображаем из себя мальчика для порки. Черт возьми, не по нутру мне вся эта история. — Лицо его исказилось, он не весело засмеялся. — Хотя, что для меня? Для команды — это действительно последняя капля. Этот последний кошмарный поход, мятеж, штурмовая группа морских пехотинцев с «Кемберленда», боевая тревога в гавани... И после всего случившегося мы должны рисковать своей шкурой ради этого... этого подлого... — Не закончив фразы, он в сердцах выругался, потом спокойно продолжал:

— Что же вы собираетесь сообщить экипажу, командир? Происходит что-то невероятное, черт подери! Я сам, того и гляди, начну бунтовать...

Тиндалл, замолчав, вопросительно посмотрел через плечо Вэллери. Тот обернулся:

— Что случилось, Маршалл?

— Прошу прощения, сэр. Я по поводу эхо-сигналов. — Он

показал большим пальцем на поверхность моря. – Наверное, подлодка, причем совсем маленькая?

Маршалл говорил с заметным канадским акцентом.

– Похоже, что так. А в чем дело?

– Мы тут с Ральстоном пораскинули мозгами, – улыбнулся канадец. – И кое-что придумали.

Вглядываясь вперед сквозь мокрый снег, Вэллери отдал распоряжение на руль и в машинные отделения, затем повернулся к минному офицеру. После приступа мучительного кашля, указывая на план якорной стоянки, командир проговорил:

– Если вы намереваетесь глубинными бомбами оторвать кораблю корму на таком мелководье...

– Нет, сэр. Ко всему, мы вряд ли сумеем поставить взрыватели на достаточно малую глубину. Я прикинул, вернее, не я, а Ральстон, что надо бы спустить на воду моторный баркас и захватить с собой несколько 25-фунтовых зарядов, 18-секундные запалы и химические взрыватели. Правда, ударная сила зарядов невелика, но ведь и у мини-лодок корпус не ахти какой прочный. Если же экипаж размещается не внутри, а снаружи этих штуковин, фрицам наверняка крышка.

Вэллери улыбнулся.

– Неплохо придумано, Маршалл. Пожалуй, так и сделаем. Что на это скажете, сэр?

– Попытка – не пытка, – согласился Тиндалл. – Лучше, чем ждать, пока нас самих ко дну пустят.

– Тогда за дело, минный офицер. – Вэллери изучающе посмотрел на него. – Кто у вас специалисты по подрывным работам?

– Я собирался захватить с собой Ральстона...

– Так и думал. Никого вы с собой не возьмете, дружище. Я не могу рисковать командиром минно-торпедной боевой части.

Маршалл тоскливо посмотрел на каперанга, затем покорно пожал плечами.

– Тогда надо послать старшину торпедистов и Ральстона, он старший торпедист. Оба отличные ребята.

– Хорошо, Бентли! Отрядите кого-нибудь на баркас для сопровождения команды подрывников. Мы будем сообщать им результаты гидропеленгования. Пусть захватят с собой сигнальный фонарь. – Внезапно голос Вэллери упал до шепота. – Маршалл...

– Да, сэр!

– Сегодня в госпитале умер младший брат Ральстона.

Командир взглянул на старшего торпедиста – высокого неулыбчивого блондина в линялой робе, поверх которой была надета канадка из грубого сукна.

– Он еще не знает об этом?

Минный офицер изумленно уставился на командира корабля, потом медленно повернулся в сторону Ральстона и негромко, в сердцах выругался.

– Маршалл! – Голос Вэллери прозвучал резко, повелительно, но Маршалл, казалось, не слышал командира. Лицо канадца было неподвижно, словно маска.

Он не замечал ни недовольного выражения командира, ни укусов града, хлеставшего его по лицу.

– Нет, сэр, не знает! – ответил он наконец. – Но утром он получил еще одно известие. На прошлой неделе разбомбили Кройдон. Там живут... то есть жили мать Раль-

стона и три его сестры. Бомба была замедленного действия. Камня на камне не осталась.

Маршалл резко повернулся и ушел с мостика.

Операция продолжалась всего пятнадцать минут. С правого борта «Улисса» на ходу спустили моторный баркас, с левого – разъездной катер. Баркас с швартов-гиком на борту направился к швартовной бочке, куда шел и «Улисс», а катер пошел под углом к курсу корабля.

Метрах в четырехстах от крейсера по сигналу с мостика Ральстон достал из кармана плоскогубцы и раздавил химический взрыватель. Старшина безотрывно смотрел на секундомер. На двенадцатой секунде заряд полетел за борт.

Затем один за другим в воду упали еще три заряда с взрывателями, установленными на различную глубину. Катер в это время описывал циркуляцию.

Первыми тремя взрывами подбросило корму, катер судорожно затрясся, и только.

Зато после четвертого взрыва из воды вырвалась ввысь мощная струя воздуха.

Еще долго на поверхность, зловеще шипя, поднимались пузырьки. Когда волнение улеглось, все увидели, что на сотни ярдов море покрыто пленкой нефти...

Матросы, оставившие после отбоя боевые посты, с бесстрастными лицами смотрели на приближающийся к «Улиссу» катер и успели подцепить его на шлюп-тали в последнюю минуту: рулевое устройство катера оказалось выведенным из строя, корпус дал сильную течь. А «Герцог Кемберлендский» к тому времени превратился в пятно дыма, видневшееся за далеким мысом.

Тиская в руках фуражку, Ральстон сидел напротив ко-

мандира корабля. Ни слова не говоря, Вэллери долго глядел на юношу.

Он не знал, что сказать и как сказать это. Очень уж неприятной была выпавшая на его долю обязанность.

Ричарду Вэллери неприятна была и война. Более того, она всегда была ему ненавистна, и он проклинал день, когда война оторвала его от отставного уюта и комфорта. Во всяком случае, сам он говорил, что его оторвали. Лишь Тиндаллу было известно, что 1 сентября 1939 года он добровольно предложил свои услуги адмиралтейству и их охотно приняли.

И все же войну он ненавидел. Не потому, что она мешала Вэллери воздавать дань давнишним привязанностям – музыке и литературе (он был большим знатоком по этой части); не потому даже, что она постоянно оскорбляла его эстетические чувства, его представления о справедливости и целесообразности. Он ненавидел ее потому, что был глубоко набожен; потому, что ему больно было видеть, как люди превращаются в лютых зверей; потому, что он считал жизнь тяжким бременем и без тех страданий и лишений, которые приносит с собой война; но главным образом потому, что он ясно представлял всю нелепость и бессмысленность войны, этого порождения воспаленного безумием мозга, войны, которая ничего не решает, ничего не доказывает, кроме древней, как мир, истины, что господь Бог всегда на стороне более многочисленных легионов.

Но существуют вещи, которые волей-неволей нужно делать. Вэллери было совершенно ясно, что война эта – и его война. Поэтому-то он снова пошел служить на флот. По мере того, как шли тяжкие годы войны, он старел, худел,

становился все добрее и терпимее к людям, которых он все больше понимал.

Таких, как Вэллери, не сыскать было среди других командиров кораблей британского флота, да и вообще среди смертных.

Никто на свете не мог сравниться с Ричардом Вэллери своим великодушием, своим смирением. Но подобная мысль никогда не приходила ему в голову, что доказывало величие этого прекрасного человека.

Он вздохнул. В эту минуту его заботило одно – что сказать Ральстону. Но тот заговорил первым.

– Не беспокойтесь, сэр. – Голос юноши звучал монотонно и спокойно, лицо его было неподвижно. – Я все знаю. Командир минно-торпедной части меня оповестил.

– Слова бесполезны, Ральстон, – откашлялся Вэллери. – И совершенно излишни. Ваш младший брат... и ваша семья. Их больше нет. Мне очень жаль, мой мальчик, ужасно жаль. – Он взглянул в бесстрастное лицо молодого моряка и невольно усмехнулся. – Или вы полагаете, что все это – одни слова? Некая формальность, так сказать, официальное соболезнование?

К удивлению командира, лицо Ральстона чуть осветилось улыбкой.

– Нет, сэр, я так не думаю. Я понимаю ваши чувства. Видите ли, мой отец... Он тоже командует судном. Он говорил мне, что в подобных случаях испытывает то же самое.

Вэллери изумленно взглянул на него:

– Ваш отец, Ральстон? Вы говорите...

– Да, сэр.

Вэллери готов был поклясться, что в голубых глазах юноши, сидевшего напротив него, – спокойных, невозмутимых, – сверкнула искорка смеха.

– Он служит в торговом флоте, сэр... Капитан танкера водоизмещением шестнадцать тысяч тонн. – Вэллери ничего не ответил. Ральстон продолжал:

– Я по поводу Билли, моего младшего брата, сэр – тут виноват только я один – это я просил перевести его на наш корабль. Все из-за меня произошло.

Худые смуглые руки Ральстона комкали форменную фуражку. Насколько хуже будет ему, думал Вэллери, когда острота этой двойной потери несколько сгладится, когда бедный юноша начнет воспринимать действительность и осознает, что с ним случилось.

– Послушайте, мой мальчик. Думаю, вам нужно отдохнуть несколько дней, в себя прийти.

«Господи, какие пустые, ненужные слова я говорю», – подумал Вэллери.

– В канцелярии выписывают вам отпускной билет, – продолжал он.

– Куда выписывается билет, сэр? – Фуражка в руках Ральстона превратилась в бесформенный ком. – В Кройдон?

– Разумеется... Куда же еще... – Поняв, какую бестактность он невольно допустил, Вэллери замер на полуслове.

– Простите меня, дружок. Надо же такую глупость сморозить!

– Не отсылайте меня, сэр, – негромко попросил Ральстон. – Понимаю, это звучит... сентиментально, но это правда... Мне некуда ехать. Мой дом здесь, на «Улиссе». Тут я постоянно чем-то занят, тут я работаю, сплю... Ни о чем не надо говорить. Я могу что-то делать...

Самообладание его было лишь тонкой, непрочной оболочкой, скрывавшей боль и отчаяние.

– Здесь я смогу отплатить им за все, – торопливо продолжал Ральстон. – Как, например, сегодня, когда я вставлял в заряд взрыватель, у меня было такое ощущение... Очень вам благодарен, сэр... У меня нет слов объяснить, что я испытывал...

Вэллери все понял. Он почувствовал печаль, усталость, собственную беспомощность. Что мог он предложить бедному юноше взамен его ненависти, этого естественного чувства, поглощавшего все его существо? Ничего. Он это знал. Ничего такого, за что бы его Ральстон не презирал, над чем бы не смеялся. Да и не время теперь для проповедей. Он тяжело вздохнул.

– Разумеется, вы можете остаться, Ральстон. Спуститесь в канцелярию корабельной полиции, пусть порвут ваш отпускной билет. Если я могу быть вам чем-то полезен...

– Понимаю, сэр. Очень вам благодарен. Доброй ночи, сэр.

– Доброй ночи, дружок.

Дверь неслышно закрылась.

ГЛАВА 2

В понедельник (утром)

– Задраить водонепроницаемые двери и иллюминаторы. По местам стоять, с якоря сниматься, – раздался в динамиках металлический голос.

И отовсюду на этот зов выходили люди. Пронизываемые ледяным северным ветром, бранясь на чем свет стоит, они дрожали от холода. Валил густой снег, забиравшийся за воротник и в обшлага, окоченевшие руки прилипали к стылым тросам и металлическим деталям. Люди устали: погрузка горючего, продовольствия и боеприпасов настолько затянулась, что захватила добрую половину средней вахты. Мало кому из членов экипажа удалось поспать больше трех часов.

Моряки были все еще озлоблены, глядели на офицеров волком. Правда, приказы по-прежнему выполнялись – так работает хорошо отлаженный механизм, но повиновение было неохотным, под внешним послушанием тлела ненависть.

Однако офицеры и старшины умело распоряжались подчиненными: командир корабля настаивал на вежливом обращении с матросами.

Странное дело, раздражение команды достигло своего апогея вовсе не тогда, когда «Кемберленд» убрался во-свояси. Произошло это накануне вечером, когда по трансляции было сделано оповещение: «Почту сдать до 20.00». Какая там к черту почта! Те, кто отработал сутки подряд

без всякой передышки, спали мертвецким сном, у остальных же не было даже желания подумать о письме. Старший матрос Дойл, старшина второго кубрика, ветеран с тремя шеvronами (тринадцать лет нераскрытых преступлений, как скромно объяснил он появление нашивок, полученных за безупречную службу), выразил свое отношение к этому приказу следующим образом: «Будь моя старушка одновременно Еленой Прекрасной и Джейн Рассел, а вы, олухи, видели, что у меня за красotka, я не послал бы ей и вшивой открытки».

С этими словами он достал с полки свою койку, подвесил ее прямо над горячей трубой (почему не воспользоваться своими привилегиями?) и две минуты спустя спал как убитый. Его примеру последовала вся вахта до единого. Мешок с почтой был отправлен на берег почти пустой...

Ровно в шесть ноль-ноль, ни минутой позже, «Улисс» отдал швартовы и малым ходом двинулся к проходу в боновых заграждениях. В серых сумерках, пробивавшихся сквозь низкие свинцовые облака, едва различимый среди густых хлопьев снега корабль, словно привидение, скользил по рейду.

Но даже в редкие паузы между снежными зарядами крейсер было трудно разглядеть. Казалось, что он невесом: так расплывчат, нечеток был его силуэт. В нем было что-то эфемерное, воздушное. Это, конечно, была иллюзия, но иллюзия, хорошо сочетавшаяся с легендой. Хотя «Улисс» и прожил недолгую жизнь, он успел стать легендой. В нем души не чаяли торговые моряки, которые несли трудную службу в северных морях, те, кто ходил из Сент-Джона в Архангельск, от Шетлендских островов до Як-Майена, от

Гренландии до заброшенных на край света портов Шпицбергена. Повсюду, где возникала опасность, где подстерегала смерть, там, словно призрак, появлялся «Улисс».

В минуту, когда люди уже не надеялись увидеть вновь хмурый арктический рассвет, взорам их представлял силуэт крейсера.

Крейсер-призрак, почти легенда, «Улисс» был построен недавно, но успел состариться в полярных конвоях. Он плавал в северных водах с самого своего рождения и не знал иной жизни. Сначала плавал в одиночку, эскортируя отдельные корабли или отряды из двух-трех кораблей. Потом стал действовать совместно с фрегатами и корветами, а теперь и шагу не ступал без своей эскадры, относившейся к 14-й группе эскортных авианосцев.

В сущности, «Улисс» и прежде не оставался в одиночестве. За ним по пятам бродила смерть. Стоило ей костлявым своим перстом указать на танкер, как раздавался адский грохот взрыва; едва касалась она транспорта, как тот, надвое перешибленный вражеской торпедой, шел ко дну с грузом военного снаряжения; прикасалась к эсминцу, и тот устремлялся в свинцовые глубины Баренцева моря. Указывала курносая на подводную лодку, и та, едва всплыв на поверхность, расстреливалась орудийным огнем и камнем падала на дно: тогда оглушенная, онемевшая от ужаса команда молила лишь об одном – о трещине в прочном корпусе лодки, что означало бы мгновенную милосердную кончину, а не мучительную смерть от удушья в железном гробу на дне океана. Повсюду, где возникал «Улисе», появлялась смерть. Но смерть никогда не прикасалась к нему. Он был везучим кораблем, кораблем-призраком, и Арктика служила ему домом родным.

Призрачность эта была, конечно, иллюзией, но иллюзией рассчитанной.

«Улисс» был спроектирован для выполнения определенной задачи в определенном районе, а специалисты по камуфляжу дело свое знали. Особая арктическая защитная окраска — ломаные, наклонные диагонали белого и серо-голубого цвета плавно сливались с белесыми тонами водных пустынь.

По одному лишь внешнему виду «Улисса» всякий мог определить, что корабль этот создан для севера.

«Улисс» был легким крейсером, единственным в своем роде. Водоизмещением в 5500 тонн, он представлял собой модификацию знаменитого типа «Дидона», предшественника класса «Черный принц». Длиной в сто пятьдесят метров при ширине всего в пятнадцать на миделе, с наклонным форштевнем, квадратной крейсерской кормой и длинным, в шестьдесят метров, баком, оканчивающимся за мостиком, «Улисс» был стремительным, быстроходным, подтянутым кораблем. Вид у него был зловещий и хищный.

«Обнаружить противника, вступить в бой, уничтожить». Такова первая и главная задача боевого корабля, и для выполнения ее, причем как можно более быстрого и эффективного, «Улисс» был превосходно оснащен.

Наиболее важным фактором, необходимым для обнаружения цели, являлись, естественно, люди. Вэллери был достаточно опытным боевым командиром, чтобы знать цену неусыпной бдительности наблюдателей и сигнальщиков. Ведь человеческий глаз — не механизм, где что-то может заесть или сломаться.

Естественно, широко использовалось радио; единственной защитой от подводных лодок был гидролокатор.

Однако наиболее эффективное средство обнаружения противника, которым располагал крейсер, было иным. «Улисс» представлял собой первый корабль в мире, оснащенный современной радиолокационной аппаратурой. Установленные на топах фок- и гротмачты денно и ночью вращались радарные антенны, неустанно прочесывая горизонт в поисках врага. В восьми радарных помещениях, находившихся ниже, и в пунктах управления огнем зоркие глаза, от которых не могла ускользнуть ни малейшая деталь, неотрывно следили за светящимися экранами радиолокаторов. Надежность и дальность действия радара казались фантастическими. В душе полагая, что преувеличивают, изготовители заверили, что радиус действия поставляемого ими оборудования составляет сорок – сорок пять миль. Между тем во время первых же испытаний радарной установкой был обнаружен немецкий «кондор», находившийся на расстоянии восьмидесяти пяти миль и впоследствии сбитый «бленхеймом».

Вступить в бой – таков был следующий этап. Иногда противник сам шел на сближение, чаще – приходилось его искать. И тогда необходимо было одно – скорость.

«Улисс» был необыкновенно быстроходным кораблем. С четырьмя винтами, приводимыми в движение четырьмя турбинами Парсонса – две были установлены в носовом, две в кормовом машинном отделении, – он развивал скорость, какой не могли достичь многие другие корабли. Согласно тактическому формуляру, она составляла 33,5 узла. Но на ходовых испытаниях у Аррана, задрал нос и

опустив, словно гидроплан, корму, крейсер, дрожа всеми заклепками и вздымая на три метра над кормовой палубой фонтаны воды, прошел мерную милю с неслыханной скоростью – 39,2 узла. А «дед» – инженер-капитан третьего ранга Додсон, многозначительно улыбаясь, заявил, что «Улисс» не проявил и половины своих возможностей. Окажись, дескать, рядом «Абдиэл» или же «Мэнксман», «Улисс» показал бы, на что способен. Но поскольку ни для кого не составляло секрета, что скорость хода этих знаменитых минных заградителей достигала 44 узлов, то обитатели кают-компаний вслух называли заявление стармеха хвастовством, хотя в душе не меньше Додсона гордились могучими машинами крейсера.

Итак, обнаружить противника, вступить в бой, уничтожить. Уничтожение противника – такова главная, конечная задача военного корабля. Взять вражеский корабль или самолет на прицел и уничтожить его. «Улисс» был хорошо оснащен и для этой задачи.

Он имел четыре двухорудийные башенные установки: две башни на носовой, две на кормовой палубе. Скорострельные пушки калибром 5,25 дюйма могли с одинаковым успехом поражать как надводные, так и воздушные цели. Управление огнем осуществлялось с командно-дальномерных постов: главный находился в носовой части корабля, за мостиком и чуть выше его, а запасной – на корме.

Все необходимые параметры – пеленг, скорость ветра, дрейф, расстояние, собственная скорость, скорость хода противника, курсовой угол – поступали в гигантские электронные вычислительные машины, установленные в

центральном посту, этом сердце корабля, которое, странное дело, находилось глубоко в утробе «Улисса» – значительно ниже ватерлинии. Там вырабатывались и автоматически подавались на башенные установки лишь две величины – прицел и целик. Разумеется, командиры башен могли вести огонь и самостоятельно.

В башнях размещались орудия главного калибра. Остальные орудия были зенитными. На корабле имелось несколько многоствольных скорострельных установок калибром 42 миллиметра. Пушки эти были не слишком точны, но создавали достаточно плотную огневую завесу, чтобы отпугнуть любого воздушного противника. Кроме того, в различных частях надстроек были размещены спаренные «эрликоны» – точные, сверхскорострельные пушки. В опытных руках они становились смертоноснейшим оружием.

Арсенал «Улисса» дополняли глубинные бомбы и торпеды. Глубинных бомб было всего тридцать шесть – сущие пустяки по сравнению с противолодочным вооружением многих корветов и эсминцев. Причем в одной серии можно было сбросить не более шести бомб. Но каждая из них заключала двести килограммов аматола; прошлой зимой «Улисс» потопил две неприятельские подводные лодки.

Из двух трехтрубных аппаратов, установленных на главной палубе за второй трубой, стремительные и грозные, выглядывали торпеды в 21 дюйм диаметром, в каждой – заряд в 337 килограммов тринитротолуола. Но аппараты эти еще ни разу не использовались.

Таков был «Улисс». Наивысшее для своего времени

достижение человека, апофеоз его стремления – слить воедино научную мысль и звериный инстинкт, чтобы создать совершеннейшее орудие разрушения. Это был великолепный боевой механизм до тех лишь пор, пока находился в руках надежного, сработавшегося экипажа. Корабль – любой корабль – таков, каков его экипаж, ничуть не лучше.

А экипаж «Улисса» распадался на глазах: хотя кратер вулкана был заткнут, грозный рокот не умолкал.

Первые признаки новой опасности появились три часа спустя после выхода «Улисса» из гавани. Расчищая фарватер, впереди крейсера шли тральщики.

Однако командир корабля не ослаблял бдительности. Именно поэтому и сам Вэллери, и его корабль были до сих пор целы и невредимы. В шесть часов двадцать минут капитан распорядился поставить параваны – торпедообразные буи, выпускаемые по одному с каждой стороны форштевня на специальных тросах – буйрепах. По законам гидродинамики минрепы – тросы, соединяющие мины с их якорями, – должны отводиться тралами прочь от корпуса корабля, к параванам, где их рассекают специальные резаки, и мины всплывают. Затем их подрывают или расстреливают огнем стрелкового оружия.

В 09.00 Вэллери приказал убрать параваны. «Улисс» сбавил ход. Первый офицер, капитан-лейтенант Кэррингтон, отправился на полубак проследить за операцией: матросы, лебедчики и унтер-офицеры, в чьем заведовании находились параваны обоих бортов, уже стояли на своих местах.

Стрелы для подъема параванов, находившиеся позади бортовых ходовых огней, были спешно поставлены в ра-

бочее положение. Установленные на оружейной палубе второй башни трехтонные электролебедки мощным плавным усилием начали натягивать тросы; вскоре из воды показались параваны.

Тут-то и случилась беда. Виновен в случившемся был матрос первого класса Ферри. На лебедке левого борта оказался неисправным выключатель. В довершение всего лебедчиком был молчаливый, острый на язык Ральстон, тот мог ляпнуть или выкинуть такое, что не приведи Бог. Но виновным в том, что такое случилась именно так, а не иначе, был Карслейк.

Присутствие младшего лейтенанта Карслейка среди спасательных плотов, где он руководил работами по подъему левого трала, явилось следствием целого ряда ошибок. Первой из них была ошибка его отца, отставного контр-адмирала, который, полагая, что сын одного с ним поля ягода, в 1939 году забрал его из Кембриджа в далеко не юном возрасте (Карслейку-младшему стукнуло уже двадцать шесть) и, в сущности, навязал свое чадо флоту. Вслед за первой последовали другие ошибки: недостаточная принципиальность командира корвета, первого начальника Карслейка (знакомый его отца, он, грешным делом, представил Карслейка к офицерскому званию); недосмотр аттестационной комиссии на «Кинг Альфреде», которая присвоила ему такое звание; наконец, промах старшего офицера «Улисса», назначившего его на эхо-заведование, хотя он и знал о некомпетентности Карслейка и его неумении командовать людьми.

Лицо Карслейка, точно у сверхпородистой лошади, было длинное, худое и узкое, с бледно-голубыми глазами навыкат и торчащими вперед верхними зубами.

Белокурые волосы жидки, брови изогнуты в виде вопросительного знака. Под длинным, острым носом, под стать бровям, изгибалась верхняя губа. Речь его представляла собой пародию на язык, каким говорят нормальные англичане: краткие гласные у него получались, долгими, а долгие – бесконечными, да и с грамматикой он не всегда был в ладах. Он лютой ненавистью ненавидел флот, ненавидел начальство, медлившее с представлением его к очередному званию, ненавидел матросов, которые платили ему той же монетой. Словом, младший лейтенант Карслейк воплощал в себе все самое порочное, что порождала английская система привилегированных частных школ. Тщеславный заносчивый мужлан и недоучка, он стал посмешищем экипажа.

Он и теперь выставлял себя на посмешище. Забравшись на спасательные плоты, широко расставив ноги для лучшей устойчивости, он кричал, отдавая матросам бессмысленные, ненужные распоряжения. Главный старшина Хартли стонал, но, соблюдая субординацию, вслух не произносил ни слова. Зато матрос I класса Ферри чувствовал себя гораздо раскованней.

– Глянь на их сиятельство, – обратился он к Ральстону. – Перед командиром так и распинается, землю роет. – Он кивнул в сторону Вэллери, стоявшего на мостике метрах в шести от Карслейка. – И, наверно, думает: «До чего здорово это у меня получается!»

– Оставь Карслейка в покое. Лучше за шкенгелем следи – посоветовал ему Ральстон. – Да сними ты эти проклятые рукавицы. А не то...

– Знаю, знаю, – насмешливо перебил его Ферри. – А не

то их зацепит тросом, и меня наматает на барабан лебедки, — добавил он, ловко подавая трос. — Ничего, корешок, с кем с кем, — а уж со мной-то этого не произойдет.

Но он ошибался. Внимательно наблюдавший за раскачивающимся параваном Ральстон вдруг посмотрел на лебедку. Он заметил разорванную прядь на тросе всего в нескольких дюймах ее руки Ферри, увидел как острая проволока впиалась в рукавицу к потащила ее вместе с рукой к вращающемуся барабану. Ферри даже крикнуть не успел.

Реакция Ральстона была мгновенной. Ножной тормоз находился всего в шести дюймах, но это было слишком далеко. Матрос изо всех сил крутанул реверс, в долю секунды переключив лебедку на «полный назад». И в то мгновение, как раздался крик Ферри, чье предплечье угодило между тросом и барабаном, послышался глухой взрыв, и лебедка, стоимостью в пятьсот фунтов стерлингов, окутанная клубами едкого дыма, в мгновение ока превратилась в грудку лома.

Под тяжестью паравана начал разматываться трос, увлекая за собой Ферри.

Трос проходил сквозь блок — киповую планку, находившуюся в шести метрах от лебедки. Если бы Ферри повезло, он потерял бы только руку.

Ферри оттащило фута на четыре, но тут Ральстон изо всей силы нажал на педаль тормоза. Взвизгнув, барабан застыл как вкопанный, и параван бултыхнулся в море. Оборванный конец троса лениво раскачивался из стороны в сторону.

Карслейк слез с плота с лицом, перекошенным злобой. Подскочив к Ральстону, он свирепо завопил:

– Ты, идиот проклятый! Из-за тебя мы потеряли параван. Ты чего тут раскомандовался? Отвечай, черт тебя побери!

Ральстон сжал губы, но ответил достаточно почти-тельно:

– Виноват, сэр. Но иного выхода не было. Рука Ферри...

– Черт с ней, с рукой! – чуть не верещал от ярости Карслейк. – Я тут главный... я отдаю приказания. Погляди! Ты только погляди!.. – Он показал на обрывок троса. – Твоя работа, Ральстон, идиот несчастный! Параван пропал, понимаешь, пропал!!

– И в самом деле, – произнес Ральстон, с деланным изумлением посмотрев за борт. Потом, с вызовом взглянув на Карслейка, похлопал по лебедке. – Не забудьте и про это. Лебедка тоже пропала, а она дороже любого паравана.

– Мне надоела твоя наглость, болван проклятый, – завопил Карслейк. Рот у него дергался, голос дрожал от ярости. – Тебя надо хорошенько проучить, и я тебя, черт возьми, проучу, наглый ублюдок!

Ральстон густо покраснел. Стиснув кулаки, он шагнул вперед и размахнулся, но сильные руки Хартли схватили его запястье, и юноша тотчас обмяк. Однако дело было сделано. О происшедшем будет доложено командиру.

Вэллери терпеливо выслушал рапорт разъяренного Карслейка. Правда, спокойствие его было лишь кажущимся. И без того хватает забот, думал он устало. Бесстрастная маска не выражала его настоящих чувств.

– Это правда, Ральстон? – спросил он невозмутимо, когда Карслейк закончил свою тираду. – Вы действительно отказались выполнять распоряжения лейтенанта и оскорбляли его?

– Нет, сэр, – в голосе Ральстона прозвучала такая же усталость, какую испытывал и Вэллери. – Неправда.

Он равнодушно посмотрел на Карслейка, потом вновь повернулся к командиру.

– Я не отказывался выполнять распоряжений. Их попросту не было. Главному старшине Хартли это известно. – Он кивнул в сторону грузного спокойного мужчины, приведшего их обоих на мостик. – Я никого не оскорблял, сэр. Мне не хотелось бы изображать из себя такого юриста, но многие могут засвидетельствовать, что младший лейтенант Карслейк сам оскорблял меня, причем не раз. А если я что-то и сказал, – при этих словах он слабо улыбнулся, – то лишь в целях самозащиты.

– Здесь не место для шутовства, Ральстон, – холодно произнес Вэллери.

Юноша ставил его в тупик. Озлобленность, показное спокойствие – это еще можно понять, но откуда в нем этот юмор?

– Инцидент произошел у меня на глазах. Ваша сообразительность и находчивость спасли этому матросу руку, а возможно, и жизнь. Так что потеря паравана и поломка лебедки – сущие пустяки.

Карслейк побледнел, поняв намек командира.

– За это вам спасибо. Что касается прочего... Завтра утром доложите старшему офицеру, получите взыскание. Вы свободны, Ральстон.

Сжав губы, Ральстон пристально взглянул на Вэллери, потом резким жестом отдал честь и ушел с мостика.

– Разрешите обратиться, сэр... – с просительным выражением повернулся к Вэллери Карслейк.

Но при виде поднятой ладони командира он осекся на полуслове.

– Не теперь, Карслейк. Поговорим об этом позднее. – Вэллери даже не пытался скрыть свою неприязнь. – Можете быть свободны, лейтенант. Хартли, на минуту.

Сорокачетырёхлетний главный старшина шагнул вперед. Хартли был одним из лучших моряков королевского флота. Мужественный, добрейшей души человек и большая умница, он был предметом восхищения всего личного состава корабля, начиная от салаги-матросика, боготворившего его, и кончая командиром, который его ценил и уважал. Оба они служили вместе с самого начала войны.

– Ну, главный, выкладывайте все начистоту.

– Тут все ясно, сэр, – пожал плечами Хартли. – Ральстон оказался молодцом. Младший лейтенант Карслейк потерял голову. Возможно, Ральстон вел себя несколько задиристо, но его вынудили к этому. Хотя он совсем юн, на это профессионал, и он не любит, когда им помыкают любители. – Хартли помолчал, потом, поглядев на небо, прибавил:

– Особенно такие, что путаются под ногами.

Вэллери погасил улыбку.

– Может, сочтем это за... э... критическое замечание, главный?

– Пожалуй, что так, сэр, – Хартли кивнул. – То, что случилось, произвело неприятное впечатление на команду. Люди возмущены. Прикажете...

– Благодарю вас, главный. Постарайтесь, по возможности, успокоить матросов.

Когда Хартли ушел, Вэллери повернулся к Тиндаллу.

– Вы слышали, сэр? Еще один признак надвигающейся грозы.

– Грозы, говорите? Бури, урагана, если угодно, – едко отозвался Тиндалл. – Вам не удалось выяснить, кто находился вчера вечером у моей каюты?

Накануне, во время ночной вахты, услышав скрежещущий звук, доносившийся из-за двери его салона, Тиндалл решил выяснить, в чем же дело. Но в спешке запнулся и уронил стул, и тотчас в коридоре послышался топот ног. Открыв дверь, адмирал увидел, что коридор пуст. На палубе, под ящиком, где хранились флотские кольты калибра 0,445 дюйма, валялся напильник. Цепочка, пропущенная через предохранительные скобы спусковых крючков, была почти полностью перепилена.

– Не имею представления, сэр, – пожал плечами Вэллери. Лицо его было озабочено. – Плохо дело, очень плохо.

Дрожа от пронизывающего насквозь ледяного ветра, Тиндалл криво усмехнулся.

– Совсем как в пиратских романах, а? Того и гляди, головорезы с пистолетами и кортиками, с черными повязками на глазу, кинутся на капитанский мостик.

Вэллери решительно покачал головой.

– Нет, только не это. Вы сами знаете, сэр. Дерзость – может быть, но... не больше. Дело в том, что за углом, у распределительного щита постоянно стоит на часах морской пехотинец. Денно и ночью. Он должен был заметить злоумышленника. Но утверждает, что никого не видел...

– Вот уже до чего дошло? – присвистнул Тиндалл. – Настал черный день, командир. А что говорит по этому поводу наш лихой капитан морской пехоты?

– Фостер? Мысль об измене он находит смехотворной. А сам крутит усы, того и гляди, оторвет. Встревожен ужасно. Ивенс, старший сержант, обеспокоен не меньше.

Дверь отворилась, и по палубе мостика зашаркала подошвами похожая на застигнутого бурей медведя грузная, угрюмая фигура в канадке, непромокаемом плаще и русской ушанке на бобровом меху. Брукс подошел к экрану Кента – стеклянному диску, вращающемуся с большой скоростью, сквозь который можно наблюдать в любую погоду – дождь ли, град, или снег. С полминуты он с несчастным видом разглядывая горизонт. По всему судя, представшая его взору картина удручала его.

Громко фыркнув, он отвернулся и начал хлопать себя по бокам, пытаясь согреться.

– Ха! Врач-лекаришка на командном мостике крейсера. Какая непозволительная роскошь! – Он ссутулился и стал казаться еще более несчастным. – Здесь не место цивилизованному человеку вроде меня. Но вы сами понимаете, господа, меня привел трубный зов долга.

Тиндалл усмехнулся.

– Наберитесь терпения, командир. Эти костоправы долго раскачиваются, а уж если раскачаются...

Прервав адмирала на полуслове, Брукс озабоченно произнес:

– Новые неприятности, командир. Не хотел сообщать по телефону. Не знаю еще, насколько дело серьезно.

– Неприятности? – Вэллери внезапно умолк, чтобы откашляться в платок. – Прошу прощения. Говорите, неприятности? А чего еще можно ожидать? У нас у самих только что была крупная неприятность.

– Вы об этом самонадеянном молодом кретине Карслейке? Мне уже все известно. У меня повсюду шпионы. Этот олух смертельно опасен... Теперь послушайте, что я скажу. Мой юный коллега Николлс вчера допоздна засиделся в санчасти. Карточками туберкулезников занимался. Сидел там часа два или три. Свет в лазарете был выключен, и больные не то не знали о его присутствии, не то забыли. И он услышал, как кочегар Райли – кстати, до чего же опасен этот Райли – да и другие заявили, что, как только их выпишут, они запрутся в кочегарке и устроят сидячую забастовку. Сидячая забастовка в кочегарке – это что-то невероятное! Во всяком случае, Николлс пропустил это мимо ушей. Словно бы ничего не слышал.

– То есть как? – Голос Вэллери был резок, гневен. – Николлс промолчал, не доложил мне? Вы говорите, это случилось вчера вечером? Почему же мне тотчас не доложили? Вызовите Николлса, и немедленно. Хотя нет, не надо. Я сам его вызову. – Он протянул руку к телефонной трубке.

– Не стоит, сэр, – положил ладонь на руку командира Брукс. – Николлс толковый мальчик, очень толковый. Он не подал виду, что слышал их разговор, иначе бы матросы решили, что он доложит об их намерениях. Тогда бы вам пришлось принимать соответствующие меры. А ведь открытое столкновение с экипажем вам совершенно ни к чему. Сами сказали вечером в кают-компании.

– Верно, я так говорил, – нерешительно произнес Вэллери. – Но тут совсем другое дело, док. Смутьяны всю команду могут подбить к мятежу...

– Я уже вам объяснил, сэр, – вполголоса возразил

Брукс. — Джонни Николлс очень смысленный юноша. Он огромными красными буквами вывел на дверях лазарета: «Не подходить. Карантин по скарлатине». При виде этой надписи я со смеху помираю. И, знаете, помогает. Все шарахаются от лазарета, как от чумы. Связаться со своими дружками из кочегарского кубрика — для Ралли дело безнадёжное.

Тиндалл громко засмеялся, даже Вэллери слабо улыбнулся.

— Толково придумано, док. И все-таки следовало уведомить меня еще вчера.

— Зачем же беспокоить командира по всякому пустяку, да еще глубокой ночью? — с грубоватой фамильярностью ответил Брукс. — У вас и так забот полон рот. Нельзя допустить, чтобы вы лишний раз кровь себе портили. Вы согласны, адмирал?

— Согласен, о Сократ, — важно кивнул Тиндалл. — Довольно витиеватый способ пожелать командиру корабля спокойной ночи. Но я к вам присоединяюсь.

— Ну, у меня все, господа, — Брукс приветливо улыбнулся. — Надеюсь, на военно-полевом суде встретимся. — Он лукаво поглядел через плечо; снег валил все гуще. — Чудно было бы попасть на Средиземное, а, господа? — Вздыхнув, Брукс непринужденно продолжал с заметным ирландским акцентом:

— Мальта весной. Взморье в Слиеме. На заднем плане — белые домики. Сто лет назад мы там устраивали пикники. Легкий ветерок, причем теплый, голубчики вы мои. Синее небо, бутылочка кьянти под полосатым тентом...

— Прочь! — взревел Тиндалл. — Прочь с мостика, Брукс, а не то...

– Уже исчез, – произнес Брукс. – Сидячая забастовка в кочегарке. Надо же придумать! Ха! И оглянуться не успеешь, как эти суффражистки в штанах бросятся приковывать себя к поручням!

Дверь тяжело захлопнулась за ним.

– Похоже, вы были правы насчет бури, сэр, – с озабоченным лицом повернулся к адмиралу Вэллери.

Тиндалл невозмутимо произнес:

– Возможно. Беда в том, что людям сейчас нечем заняться. Вот им в голову и лезет всякая ерунда. Они ругаются и злятся на все и вся. Позднее все встанет на свои места.

– Хотите сказать, когда у нас будет... э... больше работы?

– Ага. Когда дерешься за свою жизнь, за жизнь корабля... на заговоры и размышления о несправедливости судьбы не остается времени. Закон самосохранения – все-таки основной закон природы... Хотите вечером обратиться к экипажу по громкоговорящей связи, командир?

– Да, обычное сообщение. Во время первой полувахты, после объявления вечерней боевой тревоги. – Вэллери улыбнулся. – Тогда наверняка все услышат.

– Хорошо. Пусть узнают, почем фунт лиха. Пусть обмозгуют, что и как. Судя по намекам Винсента Старра, у нас будет о чем подумать во время нынешнего похода. Это займет команду.

Вэллери засмеялся. Его худое аскетическое лицо преобразилось.

По-видимому, ему действительно было весело.

Тиндалл вопросительно поднял брови. Вэллери улыбнулся в ответ.

– Забавная мысль пришла в голову, сэр. Как бы выразился Спенсер Фэггот, положение пиковое... Дела наши из рук вон плохи, раз дошло до того, что лишь противник может нас выручить.

ГЛАВА 3

Понедельник (полудни)

Весь день, не утихая, с норд-норд-веста дул свежий ветер. Ветер, который час от часу крепчал. Словно начиненный мириадами иголок, студеный этот ветер нес с собой снег, частицы льда и странный мертвый запах, доносившийся с отдаленных ледников за Ледовым барьером. Он не был порывист и резок. Ровно, не ослабевая, он дул в правую скулу корабля с рассвета до вечерних сумерек и постепенно разгонял зыбь. Старые моряки вроде Кэррингтона, повидавшие все порты и моря мира, бывалые моряки вроде Вэллери и Хартли, с тревогой смотрели на волнующееся море и не говорили ни слова.

Ртутный столбик опускался. Однажды выпав, снег уже не таял. Мачты и реи походили на огромные сверкающие рождественские елки, украшенные гирляндами штагов и фалов. Иногда на грот-мачте появлялись бурые пятна — следы дыма, вырывавшегося из задней трубы, но тотчас исчезали. Снег опускался на палубу и уносился ветром. Якорные цепи на полубаке он превращал в огромные ватные канаты, прилипал к волнолому перед носовой орудийной башней. Возле башен и надстроек скапливались

целые сугробы снега, снег проникал на мостик и влажной грудой ложился у ног. Залеплял огромные глаза центрального дальномера, тихой сапой вползал в проходы судовых помещений, неслышно сеял в люки. Выискивая малейшие щели в металлической и деревянной обшивке, проникал в кубрик, и там становилось сыро, скользко и неудобно. Вопреки законам тяготения, снег запросто поднимался вверх по штанинам, забирался под полы тужурок, непромокаемых плащей, в капюшоны канадок и доставлял людям множество неприятностей. И все-таки это был мир своеобразной, неброской красоты – белоснежный мир, наполненный странным приглушенным гулом. Снег падал целый день – непрерывно, без устали, а меж тем «Улисс» – призрачный корабль, очутившийся в призрачном мире, – лишь покачивался на волнах, продолжая мчаться вперед.

Но он не был одинок. Теперь у него была компания, превосходная, надежная компания – 14-я эскадра авианосцев – бесстрашный, опытный, закаленный в боях отряд эскортных кораблей, почти столь же легендарный, как знаменитый восьмой отряд, который недавно был переброшен на юг для участия в конвоях на Мальту – работа не менее самоубийственная.

Как и «Улисс», эскадра весь день шла на норд-норд-вест. Шла прямым курсом. Противолодочный зигзаг Тиндалл не жаловал и использовал его лишь во время эскортирования караванов, да и то лишь в водах, опасных от подводных лодок. Подобно многим флотоводцам, он полагал, что зигзаг представляет собой большую опасность, чем противник. Шедший зигзагом «Кюрасао», броненосный крейсер водоизмещением в 4200

тонн, у него на глазах был протаранен могучим форштевнем «Куин Мэри» и обрел могилу в пучине Атлантики. Тиндалл никому не рассказывая об увиденном, но картина эта навсегда врезалась ему в память.

Будучи флагманом, «Улисс» занимал свое обычное место в ордере – он находился почти в середине соединения, состоявшего из тринадцати кораблей.

Впереди него шея крейсер «Стерлинг» – старый корабль типа «Кардифф», крепкий и надежный, на много лет старше и на много узлов тихходнее «Улисса», вооруженный пятью шестидюймовыми орудиями. Но конструкция его была совсем неподходящей для плавания в арктических водах, в штормовую погоду он принимал столько воды, что стал сущей притчей во языцех. Главной его задачей была охрана эскадры, второстепенной – замена флагманского корабля в случае его выхода из строя или гибели.

Авианосцы «Дефендер», «Инвейдер», «Реслер» и «Блу Рейнджер» находились справа и слева от флагмана. «Дефендер» и «Реслер» шли несколько впереди, остальные чуть отставали. Кто-то решил, что их названия должны непременно оканчиваться на «ер». То же обстоятельство, что на флоте уже существовал один «Реслер», эсминец, входивший в состав восьмого отряда (так же, как и «Дефендер», потопленный незадолго до того возле Тобрука), было по блаженному неведению упущено. Корабли не походили на гигантов в тридцать пять тысяч тонн, входивших в состав основных сил флота, таких, как «Индефатигэбл» и «Илластриес». Нет, это были вспомогательные крейсера водоизмещением всего пятнадцать-двадцать ты-

сяч тонн, непочтительно называемые «банановозами». Это были переоборудованные торговые суда американской постройки. Они были оснащены в Паскагоуле, что в штате Миссисипи, а через Атлантику их перегоняли смешанные англо-американские экипажи.

Они развивали скорость восемнадцать узлов, довольно высокую для одновинтовых судов (один лишь «Реслер» имел два винта), но на некоторых из них устанавливалось до четырех дизелей типа «Буш-Зульцер», соединенных общим валом. Их неуклюжие прямоугольные взлетные палубы длиной в сто тридцать пять метров были надстроены над открытым полубаком, и под ним образовывалось открытое пространство, через него с мостика просматривался горизонт. На этих авианосцах размещалось десятка три истребителей – «Груммань», «Сифайры», а чаще всего «Корсары» – или двадцать легких бомбардировщиков. Суда были старые – неуклюжие, безобразные, ничуть не похожие на военные корабли; однако в течение многих месяцев они отлично выполняли свою задачу, охраняя конвои от авиации противника, обнаруживая и топя вражеские корабли и субмарины. Число уничтоженных ими кораблей противника – как надводных, так и подводных – было весьма внушительным, хотя адмиралтейство подчас и подвергало сомнению такого рода сведения.

Перечень эскортных эсминцев вряд ли вдохновил бы морских стратегов с Уайтхолла. То был поистине сброд, и термин «эсминец» по отношению к ним употреблялся только из вежливости.

Один из них, «Нейрн», был фрегатом класса «Ривер» в 1500 тонн; второй, «Игер», – флотским тральщиком; а

третий, «Гэннет», более известный под прозвищем «Хентли и Пальмер», был довольно дряхлым и немощным корветом типа «Кингфишер», по-видимому, пригодным лишь для плавания в прибрежных водах.

Никакого глубокого смысла в его прозвище не было, однако стоило увидеть его – похожего на ящик на фоне заката, и вы понимали уместность такого прозвища⁴. Несомненно, строитель этой коробки работал по чертежам, одобренным адмиралтейством, но лучше бы тот день у него оказался выходным.

«Вектра» и «Викинг» были двухвинтовыми модифицированными эсминцами типа «V» и «W», которые давно успели устареть. Кое-как вооруженные и недостаточно быстроходные, они были довольно прочны и надежны. «Балиол», крохотный эсминец допотопного класса «Хант», каким-то чудом оказался в могучих просторах северных морей. «Портпатрик», тощий, как скелет, четырехтрубник, был одним из полуста эсминцев, переданных Англии Соединенными Штатами по ленд-лизу еще во время первой мировой войны. Никто даже не осмеливался справиться о его возрасте. Корабль этот притягивал к себе взоры всего флота, особенно когда погода ухудшалась. Поговаривали, будто два однотипных с ним корабля перевернулись во время шторма в Атлантике, поэтому, как только шторм достигал достаточной силы, многие, в силу подлости человеческой натуры, жаждали воочию убедиться в достоверности этих слухов. Как ко всему этому относился экипаж, сказать было трудно.

⁴ «Хентли и Пальмер» – известная английская фирма по производству печенья.

Эти семь кораблей охранения, плохо различимые за снежной завесой, добросовестно несли свои обязанности. Фрегат и тральщик шли впереди отряда, эсминцы по бокам, корвет замыкал строй. Восьмой корабль охранения, быстроходный современный эсминец класса «8» под командованием капитана третьего ранга Орра, неумоимо сновал вокруг. Все командиры кораблей эскадры завидовали Орру, получившему такую свободу действий у Тиндалла, который уступил его настойчивым просьбам. Но никто не оспаривал привилегию Орра: «Сиррус», которым он командовал, вечно лез на рожон, у него был какой-то сверхъестественный нюх на вражеские подлодки.

Расположившись в теплой кают-компании «Улисса», Джонни Николлс глядел на свинцовое в белых клочьях небо. Даже этот благословенный снег, прячущий тысячи грехов, думал он, мог мало чем помочь этим допотопным судам — угловатым, неуклюжим, которым давно пора на переплавку.

Молодой лейтенант почувствовал озлобление при мысли о лордах адмиралтейства, их лимузинах, высоких креслах и барских привычках, огромных простынях настенных карт с красивыми флажочками, — этих холеных господах, которые отправили разношерстный, собранный с бору по сосенке отряд воевать с отборными подводными силами противника, а сами остались дома, в уюте и роскоши. Но в следующую минуту Николлс осознал, что подобная мысль до нелепости несправедлива. Адмиралтейство охотно дало бы им дюжину новеньких эсминцев, если бы их имело. Он знал, что обстановка тяжелая, и в первую очередь удовлетворяются нужды Атлантического и Средиземноморского флотов.

Казалось, почему бы не поострить по поводу этих нелепых, смешных кораблей. Но, как ни странно, Николлсу совсем не хотелось смеяться. Он знал, на что способны эти суда, знал об их прошлых заслугах. Он испытывал лишь восхищение, даже гордость за них. Николлс заерзал на стуле и отвернулся от иллюминатора. Его взгляд упал на Капкового – мальчика, который дремал, откинувшись на спинку кресла. Над электрическим камином сохла пара огромных летных унт.

Капковый, он же лейтенант королевского военно-морского флота Эндрю Карпендер, штурман «Улисса» и его лучший друг, – вот кто должен был гордиться этими корытами. Известный прожигатель жизни, Капковый чувствовал себя повсюду в своей тарелке – в танцевальном зале и в кокпите гоночной яхты, на пикнике, на теннисном корте и за рулем своего мощного пурпурного «бугатти». Но в данном случае внешность была обманчива. Ибо самой большой на свете привязанностью, целью всей жизни Капкового мальчика был флот. Под фатоватой личиной скрывались блестящий ум и романтическая, елизаветинских времен преданность морю и кораблям, которую штурман, по его мнению, успешно пытался скрыть от своих сослуживцев-офицеров. Но любовь эта была столь явной, что никто не считал даже нужным отмечать ее.

До чего же странна наша дружба, размышлял Николлс. Влечение противоположностей, так сказать. Если Карпендеру присущи дерзость и непринужденность, то ему, Николлсу, свойственны сдержанность и немногословность. И если штурман боготворит все, что связано с морской службой, то сам он ненавидит ее всем своим существом.

Благодаря чувству независимости, свойственному многим шотландским горцам, развитому в Джонни, ему претили тысяча и одна иголка флотской дисциплины, службизма и военно-морской глупости, они постоянно оскорбляли его ум и самолюбие. Уже три года назад, когда война вырвала его из стен известной больницы в Глазго, где он не успел проработать и года, у него возникли первые сомнения насчет совместимости его взглядов с флотским уставом. Сомнения эти подтвердились.

Однако, несмотря на антипатию к службе, а возможно, благодаря ей и окаянной кальвинистской добросовестности, Николлс стал первоклассным морским офицером. И все-таки он встревожился, обнаружив в душе нечто похожее на гордость за корабли их эскадры.

Юноша вздохнул. В эту минуту ожил динамик в углу кают-компаний. По своему горькому опыту Николлс знал, что сообщения, передаваемые по системе корабельной громкоговорящей связи, редко предвещают что-то доброе.

«Внимание! Внимание!» – Голос звучал металлически, бесстрастно, и Капковый продолжал пребывать в блаженном забытии, – «В семнадцать тридцать с обращением к экипажу выступит командир корабля. Повторяю: в семнадцать тридцать с обращением к экипажу выступит командир корабля. Конец».

– Проснись, Васко да Гама! – ткнул жестким пальцем в бок приятелю Николлс. – Пора пропустить по чашечке, чайку. Скоро тебе в штурманскую рубку.

Карпентер заворочался, приоткрыв красные веки. Николлс ободряюще улыбался.

– На дворе красота. Волнение усиливается, температура

падает, а недавно, ко всему, началась пурга. Погодка, для которой ты создан, друг мой, Энди!

Капковый со стоном очнулся, сел и наклонился вперед; его прямые светлые волосы упали на ладони, поддерживавшие голову.

– Что еще там стряслось? – проговорил он ворчливо. После сна голос его звучал вяло. Капковый чуть усмехнулся, – Ты знаешь, где я был, Джонни? – спросил он мечтательно. – На берегу Темзы, в ресторане «Серый гусь». Он чуть выше Хенли. Лето, Джонни. Конец лета. Тепло и очень тихо. Она была в чем-то зеленом...

– Несварение желудка, – прервал его Николлс. – От чересчур веселой жизни. Сейчас четыре тридцать, через час будет говорить Старик. В любую минуту могут объявить готовность номер один. Пойдем перекусим, пока время есть.

– У этого человека нет души, он бесчувствен, – сокрушенно покачал головой Карпентер. Затем встал, потянулся. Как обычно, он был облачен в стеганный комбинезон на капке – шелковистых прядях с зернами хлопкового дерева, растущего в Японии и Малайе. На правом нагрудном кармане была золотом вышита огромная буква «Х». Что она обозначала, не знал никто.

Штурман взглянул в иллюминатор, передернул плечами.

– Как ты считаешь, о чем сегодня пойдет речь, Джонни?

– Представления не имею. Любопытно, каковы будут выражения, тон, как он преподнесет нам эту пилюлю. Обстановочка, скажем прямо, щекотливая. – Николлс улыбнулся, но глаза его оставались серьезными. – Не говоря о

том, что экипажу пока не известно, что мы снова идем на Мурманск. Хотя, пожалуй, иного они и не ожидали.

– Ага, – кивнул рассеянно Капковый. – Однако не думаю, что Старик попытается подсластить пилюлю. Он не станет преуменьшать опасности похода или выгораживать себя, вернее, возлагать вину на кого следует.

– Ни за что, – решительно покачал головой Николлс. – Старик не таковский. Не в его это натуре. Он никогда не выгораживает себя. И никогда себя не щадит. – Уставясь на огонь камина, Джонни спокойно поднял глаза на Карпентера. – Командир очень больной человек, Энди, страшно больной.

– Да что ты говоришь? – искренне удивился Капковый. – Очень больной... Боже правый! Ты, верно, шутишь!

– Не шучу, – прервал его Николлс. Он говорил почти шепотом: в дальнем конце кают-компаний сидел Уинтроп, корабельный священник – энергичный, очень молодой человек, отличавшийся необыкновенным жизнелюбием и ровным характером. Жизнелюбие его временно дремало: священник был погружен в глубокий сон. Джонни любил его, но не хотел, чтобы Уинтроп услышал его: тот не умел держать язык за зубами. Николлсу часто приходило в голову, что Уинтропу никогда не преуспеть на поприще духовного пастыря – ему не доставало профессионального умения хранить тайны.

– Старина Сократ говорит, что командир безнадежен, а уж он-то зря не скажет, – продолжал Николлс. – Вчера вечером Старик вызвал его по телефону. Вся каюта была забрызгана кровью, Вэллери надрывно кашлял. Острый приступ гемоптизиса. Брукс давно подозревал, что Старик

болен, но тот не позволял осматривать его. По словам Брукса, если приступы повторятся, через несколько дней он умрет.

Николлс замолчал, мельком взглянул на Уинтропа.

– Болтаю много, – произнес он внезапно. – Вроде нашего духовного наставника. Зря я тебе об этом сказал. Разглашение профессиональной тайны и все такое. Так что ни гу-гу, Энди. Понял?

– Само собой. – Последовала долгая пауза. – По твоим словам, Джонни, он умирает?

– Вот именно. Ну, Энди, пошли чаевничать.

Двадцать минут спустя Николлс отправился в лазарет. Смеркалось. «Улисс» сильно раскачивало. Брукс находился в хирургическом отделении.

– Вечер добрый, сэр. В любую минуту могут объявить боевую готовность номер один. Не будете возражать, если я в лазарете задержусь?

Брукс в раздумье посмотрел на него.

– Согласно боевому расписанию, – поучал он, – боевой пост младшего офицера-медика находится на корме, в кубрике машинистов, я далек от мысли...

– Ну, пожалуйста, сэр.

– Но почему? Это что – скука, лень или усталость? – Он повел бровью, и слова потеряли всякую обидность.

– Нет. Обыкновенное любопытство. Хочу видеть реакцию кочегара Райли и его... э-э-э... соратников на выступление командира. Это может оказаться весьма полезным.

– Шерлок Николлс, да? Хорошо, Джонни. Позвони на корму командиру аварийной группы. Скажи, что занят.

Сложная операция или что-нибудь в этом роде. До чего же у нас легковверная публика. Позор!

Николлс усмехнулся и взял трубку.

Взревел горн, объявляя боевую готовность, Джонни сидел в диспансере.

Свет был выключен, шторы задернуты почти да отказа. Ярво освещенный лазарет был как на ладони. Пятеро больных спали. Двое других – кочегар Петерсен, малоразговорчивый гигант, наполовину норвежец, наполовину шотландец, и Бэрджес, темноволосый низенький «кокни», – негромко разговаривали, поглядывая в сторону смуглого плечистого крепыща. Председательствовал кочегар Райли.

Альфред О'Хара Райли с самых юных лет решил ступить на путь преступлений и, несмотря на многочисленные препятствия, с непоколебимой последовательностью продолжал стремиться к намеченной щели. Будь энергия его направлена в любую иную сторону, такая целеустремленность могла бы оказаться похвальной, возможно, даже прибыльной. Однако ни похвалы, ни выгоды он так и не добился.

Любой человек представляет собой то, что делают из него его окружение и наследственность. Райли не составляя исключения, и Николлс, знавший, как воспитывался Райли, понимал, что, в сущности, у этого рослого кочегара и не было шанса стать честным человеком. Родившись в зловонной трущобе Ливерпуля у вечно пьяной, неграмотной матери, он с младых ногтей стал отверженным.

Волосатый, с тяжелой, выдающейся вперед челюстью, он смахивал на обезьяну.

Перекошенный рот, раздувающиеся ноздри, хитрые

черные глазки, выглядывающие из-под крохотного лба, точно определявшего умственные способности его владельца, — словом, вся его внешность была под стать избранной им стезе.

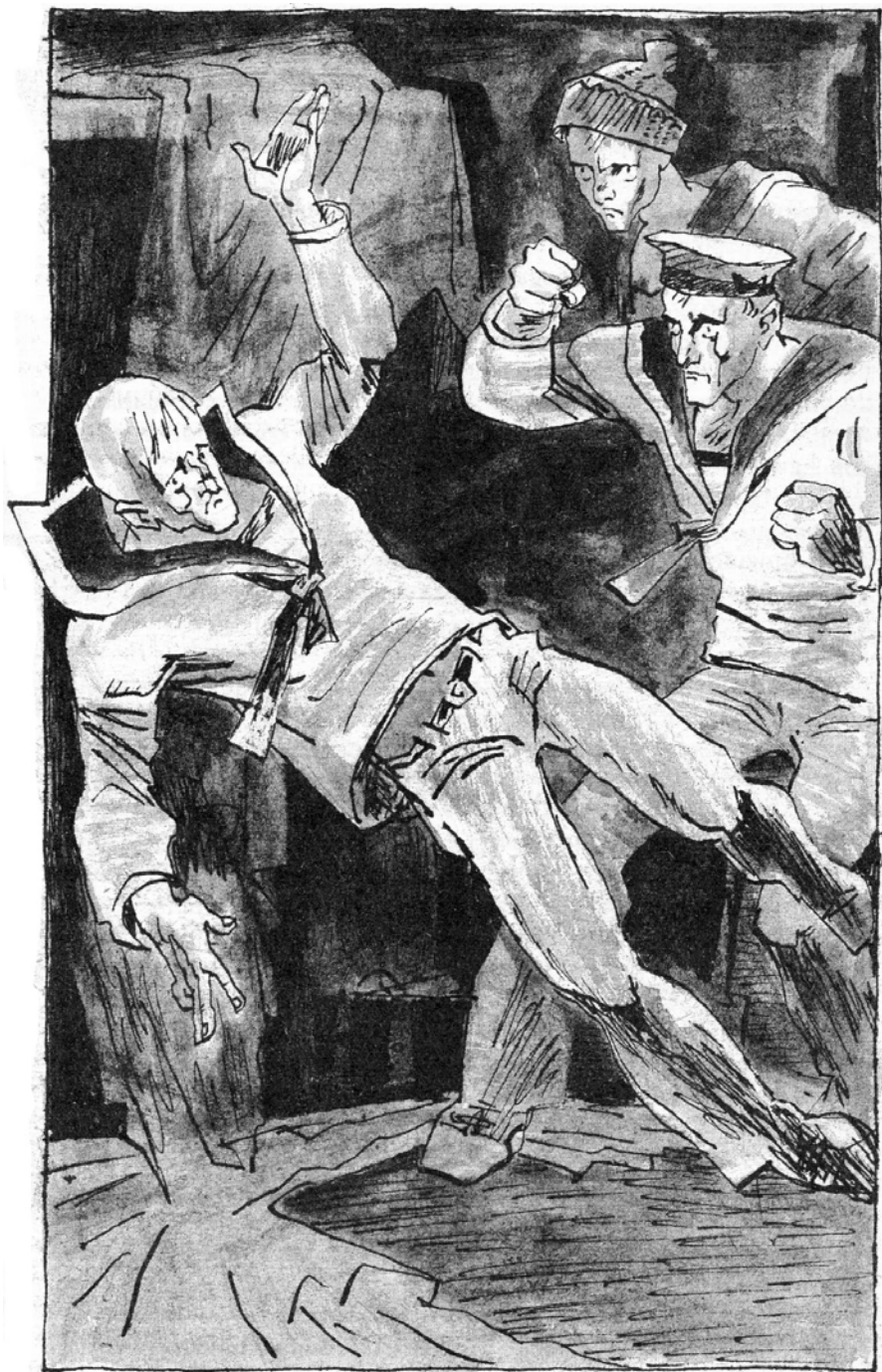
Личность Райли была не по душе Николлсу, хотя он и не осуждал его. На какое-то мгновение драматизм судьбы этого бедолаги потряс Джонни.

На преступном поприще Райли так и не преуспел. Подняться выше любительского уровня не позволяли умственные способности. Сознавая свою ограниченность, он напрочь отказался от высших, более утонченных видов преступления. Грабеж, в основном грабеж с насилием — такова была его узкая специальность. Он шесть раз сидел в тюрьме, последний срок был два года.

Почему его зачислили на флот, осталось тайной как для самого Райли, так и для начальства. Однако Райли стойко воспринял это новое несчастье и, подобно вихрю, налетевшему на кукурузное поле, пронесся по разбомбленным помещениям флотских казарм в Портсмуте, оставив позади след в виде вспоротых чемоданов и выпотрошенных бумажников. Без особого труда он был схвачен, приговорен к двум месяцам карцера и отправлен на «Улисс» в качестве кочегара.

Преступная его деятельность на борту «Улисса» была недолгой и закончилась плачевно. Первая совершенная им кража оказалась и последней.

Неуклюже и невероятно глупо он выпотрошил рундук в кубрике для сержантов морской пехоты, но был застигнут на месте преступления старшим сержантом Ивенсом и сержантом Мак-Интошем. Они не стали докладывать о слу-

чившемся, и следующие трое суток, Райли провел в лазарете. По его словам, он оступился на трапе в котельном отделении и с шестиметровой высоты упал на железные плиты. Но подлинная причина его пребывания в лазарете была известна всем, и Тэрнер, старший офицер, решил списать Райли с корабля. К удивлению всего экипажа и в неменьшей степени самого Райли, инженер-механик Додсон упросил, чтобы тому дали последний шанс, и Райли был оставлен на корабле.

Начиная с того самого дня, то есть в течение четырех месяцев, Райли только и делал, что подстрекал команду. Едва ли логично, хотя и закономерно, его краткое знакомство с морскими пехотинцами развеяло в дым его пассивную терпимость по отношению к флоту, уступив слепой ненависти. Как подстрекатель Райли преуспел гораздо больше, чем как преступник.

Хотя почва для его деятельности была благодатной, следовало отдать должное также и его проницательности, звериному чутью и лукавству, его власти над матросами. Хриплый, настырный голос, напористость да еще пронзительный взгляд глубоко посаженных глаз — все это придавало Райли некую таинственную силу, которую он в полной мере проявил несколько дней назад, вызвав бунт, кончившийся гибелью младшего Ральстона и таинственной смертью морского пехотинца. Вне всякого сомнения, именно Райли был повинен в смерти их обоих; несомненно было также и то, что вину его оказалось невозможным доказать. Любопытно, думал Николлс, какие новые козни рождаются за этим низким, нахмуренным лбом и почему этот же самый Райли то и дело приносит на корабль без-

домных котят и раненых птиц и заботливо за ними ухаживает.

В динамике затрещало. Звук этот пронзил мозг Джонни, заглушив негромкие голоса. И не только в лазарете, но и в самых отдаленных отсеках корабля – в орудийных башнях и погребах, в машинных и котельных отделениях, на верхней палубе и в нижних помещениях – замолкли разговоры. Слышался лишь шум ветра да удары волн, глухой рев втяжных вентиляторов в котельных и жужжание электромоторов. Напряжение, охватившее семьсот тридцать с лишком офицеров и матросов, было почти осязаемым.

– Говорит командир корабля. Добрый вечер. – Вэллери произнес эти слова спокойно, с хорошей дикцией, без каких-либо признаков волнения или усталости. – Как вам известно, у меня вошло в обычай перед каждым походом извещать вас о том, что за работа вам предстоит. Полагаю, вы вправе знать это. Информировать вас надлежащим образом – мой долг. Долг не всегда приятный – он не был таковым последние несколько месяцев. Однако на сей раз я почти доволен. – Вэллери помолчал, потом заговорил вновь неторопливо, размеренно:

– Это наша последняя операция в составе флота метрополии. Через месяц, Бог даст, мы будем на Средиземном.

«Молодец, – подумал Николлс. – Подсласти пилюлю, намажь пожирнее!» Но Вэллери и не думал этого делать.

– Но прежде всего, джентльмены, надо сделать свое дело. И дело нешуточное. Мы опять идем в Мурманск. В среду, в 10.30, севернее Исландии состоится randevu с конвоем из Галифакса. В конвое восемнадцать транспортов

– крупнотоннажных судов со скоростью хода пятнадцать узлов и выше. Это наш третий русский конвой, Эф-Ар-77, если захотите рассказать когда-нибудь о нем своим внукам, – добавил он сухо. – Транспорта везут танки, самолеты, авиационный бензин, нефть и больше ничего. Не стану преуменьшать ждущие нас опасности. Вы знаете, в каком отчаянном положении находится сейчас Россия, как остро нуждается она в этом вооружении и горючем. Наверняка, об этом знают и немцы. Их шпионы, должно быть, уже донесли о характере конвоя и дате его выхода.

Вэллери внезапно умолк, и во всех уголках притихшего корабля зловеще раздался надрывный кашель, приглушенный платком.

Потом он продолжил:

– Конвой везет такое количество истребителей и горючего, что есть возможность в корне изменить характер войны в России. Наци не остановятся ни перед чем, повторяю, ни перед чем, чтобы не пропустить конвой в Россию. Я никогда вас не обманывал. Не стану обманывать и на сей раз. Обстановка не благоприятствует нам. Единственное, что играет нам на руку, это наш хороший ход и, надеюсь, фактор внезапности. Мы попробуем прорваться прямо к Нордкапу. Против нас четыре немаловажных фактора. Как вы заметили, с каждым часом погода ухудшается. Боюсь, нас ждет крепкий шторм – крепкий даже для полярных широт. Возможно, повторяю, только возможно, он помешает подводным лодкам атаковать нас. Но, с другой стороны, нам, вероятно, придется лишиться малых кораблей охранения. На то, чтобы отстаиваться на плавучем якоре или уходить от шторма, у нас нет времени.

Наш конвой идет прямо к месту назначения... А это почти наверняка означает, что поднять с авианосцев истребители прикрытия не удастся.

«Боже правый, что же он, рехнулся? – возмущался Николлс. – Он же подрывает боевой дух команды. Если только он еще остался, этот дух...»

– Во-вторых, – голос командира звучал спокойно и неумолимо, – на этот раз в конвое не будет спасательных судов. На остановки у нас не будет времени. Кроме того, всем вам известна судьба «Стокпорта» и «Зафарана». Остаться на своем корабле безопаснее⁵. В-третьих, известно, что на широте семьдесят градусов действуют две, возможно, три волчьи стаи подводных лодок, а ваши агенты в Норвегии доносят о концентрации немецких бомбардировщиков всех типов на севере страны. Наконец, есть основания полагать, что «Тирпиц» намерен выйти в открытое море.

Вэллери снова сделал бесконечную паузу, словно бы сознавая страшную силу, заключенную в этих немногих словах, и хотел, чтобы люди их поняли.

– Незачем объяснять вам, что это значит. Вероятно, немцы рискнут линкором, чтобы задержать конвой. На это рассчитывает адмиралтейство. К концу похода линейные корабля флота метрополии, возможно, в их числе авианосцы «Викториес» и «Фьюриес», а также три крейсера будут двигаться курсом, параллельным вашему, находясь

⁵ Спасательные суда входили в состав многих полярных конвоев. «Зафаран» пропал без вести, сопровождая один из опаснейших за всю войну конвоев. «Стокпорт» был торпедирован и погиб со всем экипажем; а также подобранными им остатками экипажей с других потопленных кораблей. (Прим. автора)

от нас в двенадцати часах ходу. Они давно ждали этой минуты, и мы явимся как бы приманкой, которая поможет поймать этот линкор в ловушку...

Может случиться, что план не удастся, и ловушка захлопнется слишком поздно. Но конвой все равно должен будет прорываться. Если не удастся поднять самолеты с авианосцев, отход конвоя придется прикрывать «Улиссу». Вы понимаете что это значит? Надеюсь вам все ясно до конца.

Послышался новый приступ кашля опять наступила долгая пауза, и, когда командир заговорил вновь, голос его стал необычно спокоен.

— Понимаю, как многого я требую от вас. Понимаю, как вы утомлены, как тоскливо, тяжело у вас на душе. Я знаю — никто лучше меня не знает этого — что вам пришлось пережить, как нужен вам давно заслуженный отдых. Вы его получите. Весь экипаж корабля по возвращении в Портсмут получит отпуск на десять суток. Потом идем на ремонт в Александрию. — Слова эти были сказаны мимоходом, словно не имея для Вэллери никакого значения. — Но прежде — я понимаю, это звучит жестоко, бесчеловечно — я вынужден просить вас снова вытерпеть лишения, возможно, еще более тяжкие, чем когда-либо прежде. Иного выхода у меня нет.

Теперь каждая фраза перемежалась долгими паузами. Слова командира можно было расслышать лишь с большим трудом: говорил он негромко, словно откуда-то издалека.

— Никто, тем более я, не вправе требовать от вас этого... И все же я уверен, что вы это сделаете. Я знаю, вы не под-

ведете меня. Я знаю, вы приведете «Улисс» в назначенное место. Желаю вам удачи. Да благословит вас Бог! Доброй ночи.

Щелкнув, умолкли динамики, но на корабле по-прежнему царила тишина.

Никто не говорил и не шевелился. Одни не спускали глаз с динамиков, другие разглядывали собственные руки или тлеющие кончики сигарет (несмотря на запрет, многие курили), не обращая внимания на то, что едкий дым резал усталые глаза. Казалось, каждый хочет остаться наедине со своими мыслями; каждый понимал, что встретив взгляд соседа, не сможет оставаться в одиночестве. То было понимание без слов, какое так редко возникает между людьми. В подобные минуты словно бы поднимается и тотчас опускается некая завеса. Потом человеку уж и не вспомнить, что именно он видел, хотя он и знает, что видел нечто такое, что никогда более не повторится. Редко, слишком редко удастся ему быть свидетелем подобного, будь то закат с его безвозвратной красотой, отрывок из какой-то вдохновенной симфонии или жуткая тишина, которая воцаряется на огромных аренах Мадрида и Барселоны, когда беспощадная шпага знаменитого матадора попадает в цель. У испанцев есть особые для этого слова: «мгновение истины».

Неестественно громко тикая, лазаретные часы отстучали минуту, другую. С тяжелым вздохом – казалось, он на целую вечность задержал дыхание – Николлс осторожно отодвинул скользящую дверь, закрытую шторами, и включил свет. Он взглянул на Брукса, потом отвернулся вновь.

– Ну что, Джонни? – Голос старого доктора прозвучал тихо, почти насмешливо.

– Ничего не понимаю, сэр, просто ничего не понимаю, – покачал головой Николлс. – Сперва я подумал: – ну и нарубит же Старик дров! Напугает матросов до смерти. И, Боже ты мой! – продолжал он с изумлением, – именно это он и сделал. И чего только не наговорил – тут тебе и штормы, и «Тирпиц», и полчища подлодок, и чего только нет... И все-таки... – Голос его затих.

– И все-таки? – отозвался Брукс, словно подзадоривая юношу. – То-то и оно. Очень уж вы умны, молодые доктора. В том-то и беда ваша. Я наблюдал за вами. Сидите как какой-нибудь психиатр-самоучка. Вовсю исследуете воздействие командирского выступления на психику увечных воинов, а изучить ее воздействие на собственную психику не удосужились. – Помолчав, Брукс продолжал вполголоса: – Рассчитано великолепно, Джонни. Хотя что я говорю? Никакого расчета тут не было. И все-таки что получается? Картина самая мрачная, какую только можно себе представить. Объясняет, что предстоящий поход – нечто вроде хитроумного способа самоубийства; никакого просвета, никаких обещаний. Даже про Александрию сказано вскользь, походя. Громоздит ужас на ужас. Не сулит никакого утешения, никакой надежды, не предпринимает ни малейшей попытки добиться хоть какого-то успеха. И все-таки успех его речи был потрясающим... В чем же дело, Джонни?

– Не понимаю. – Николлс казался озабоченным. Он резко поднял голову, едва заметно улыбнулся. – Но, может, и в самом деле он не добился успеха? Слушайте.

Бесшумно открыв дверь в палату, он выключил свет. Резкий, глуховатый и настойчивый голос, несомненно, принадлежал Райли.

– ...Все это пустая брехня. Александрия? Средиземное? Только не для нас с тобой, корешок, мать твою в гроб. Тебе их не видать. Даже Скапа-Флоу не видать как своих ушей... Как же, слыхали! Капитан первого ранга Ричард Вэллери, кавалер ордена «За боевые заслуги»... Вы знаете, что этой старой падле нужно, братишки? Еще одну золотую соплю на рукав. А может, «Крест Виктории»! Хрена с два он его получит! Как же, держи карман шире! «Я знаю, вы меня не подведете», – передразнил он пискляво. – Гребучий старый нытик! – Немного помолчав, он с прежней яростью продолжал:

– «Тирпиц»! Мать вашу так и разэтак! Мы должны задержать «Тирпиц»! Мы! Со своим игрушечным корабликом, будь он неладен! Хотя ведь мы – только приманка. – Голос Райли повышался. – Знаете что, братишки? Всем на нас ровным счетом наплевать. Курс на Нордкап! Да нас бросают на съедение своре этих треклятых волков! А этот старый ублюдок, который там наверху...

– Заткни свою поганую глотку! – послышался свирепый шепот Петерсена.

И тут Брукс с Николлсом с ужасом услышали, как хрустнула кисть Райли, сжатая могучими пальцами гиганта.

– Частенько я тебя слушал, Райли, – медленно продолжал Петерсен. – Теперь с меня хватит. Ты хуже рвотного порошка!

Отшвырнув руку Райли, он отвернулся от него. Райли,

кривясь от боли, потер кисть, потом заговорил, обращаясь к Бэрджесу:

– Что это с ним стряслось, черт возьми? Какого еще дьявола...

Он замолчал на полуслове. Бэрджес пристально глядел на Райли. Он уже давно смотрел на него. Нарочито медленно он опустился на постель, натянул одеяло до самого подбородка и повернулся к ирландцу спиной.

Брукс вскочил на ноги, затворил дверь и нажал на выключатель.

– Конец картины первой действия первого! Занавес! Свет! – проговорил он. – Вы поняли, что я хотел сказать, Джонни?

– Да, сэр, – медленно кивнул Николлс. – Во всяком случае, мне так кажется.

– Имейте в виду, мой мальчик, этого ненадолго хватит. Во всяком случае, такого подъема. – Он усмехнулся. – Но, возможно, до Мурманска и дотянем. Как знать?

– Я тоже на это надеюсь, сэр. Спасибо, за представление. – Николлс протянул руку, чтобы взять канадку. – Пожалуй, я пойду на ют.

– Ступайте. Да, Джонни...

– Слушаю, сэр.

– Я насчет объявления о скарлатине... По пути на ют можете предать его волнам. Не думаю, чтобы оно могло нам понадобиться.

Усмехнувшись, Николлс осторожно затворил за собой дверь.

ГЛАВА 4

В понедельник (ночью)

Повышенная боевая готовность, объявляемая в период сумерек, продолжалась целую бесконечность. В тот вечер, как и сотни раз прежде, она оказалась излишней мерой предосторожности. Во всяком случае, так казалось со стороны. Хотя вражеские налеты в утренних сумерках были обычным явлением, на закате они происходили редко. С другими кораблями обстояло иначе, но «Улисс» был везучим кораблем. Каждый знал это. Даже Вэллери. Но он знал, почему именно. Бдительность – такова была первая из его морских заповедей.

Вскоре после выступления командира радарной установкой была обнаружена воздушная цель. Дистанция до нее сокращалась. Это наверняка был неприятельский самолет: у командера Уэстклиффа, старшего авиационного офицера, на стене висела карта, на которой были обозначены маршруты полетов своей авиации. Этот же участок был свободен. Но внимания на донесение радиометриста никто не обратил, за исключением Тиндалла, приказавшего изменить курс на 45 градусов. Появление самолета было столь же обыденным явлением, как и вечерняя боевая тревога. Это их старинный друг «Чарли» спешил засвидетельствовать свое почтение.

«Чарли» – обычно четырехмоторный «фоккевульф кондор» – был неотъемлемой принадлежностью полярных конвоев. Для моряков, ходивших на Мурманск, он стал

примерно тем же, чем для моряков прошлого столетия, плававших возле «гремящих сороковых» широт, был альбатрос – эта зловещая птица, которую немного боялись, но встречали почти дружелюбно и никогда не убивали. Правда, с «Чарли» дело обстояло несколько иначе. В былые дни, до появления авианосных транспортов⁶ и эскортных авианосцев, «Чарли», бывало, висел в воздухе от зари до зари, кружа над конвоем и регулярно сообщая на свою базу его координаты.

Нередко между английскими кораблями и немецкими самолетами-разведчиками происходил обмен любезностями, на этот счет рассказывались самые диковинные истории. Самыми распространенными были шутки по поводу погоды. Несколько раз «Чарли» слезно молил сообщить его координаты и получал подробнейшие данные о его широте и долготе, судя по которым, он находился где-нибудь в южной части Тихого океана. Как всегда, команды не одного десятка кораблей утверждали, будто история эта произошла именно с ними. Говорят, что начальник одного конвоя радировал «Чарли»: «Прошу, летайте в обратную сторону. А то голова кружится». В ответ «Чарли» с любезной готовностью начал кружить в противоположном направлении.

Однако в последние месяцы отношения с «Чарли» за-

⁶ Авианосные транспорты представляли собой торговые суда со специально усиленными полубаками. На них устанавливались особые кронштейны, с которых катапультировались истребители, например модифицированные «харрикейны», с целью охраны конвоя. После выполнения боевой задачи пилот должен был или выбрасываться с парашютом, или же садиться на воду. Слова «опасная служба» вряд ли достаточно точно определяют боевую деятельность горстки этих в высшей степени бесстрашных летчиков: шансов уцелеть у них в этом случае оставалось очень немного. (Прим. автора.)

метно ухудшились, он стал осмотрительнее. С появлением авианосных кораблей разведчик прилетал изредка. Обычно, сделав лишь один круг на почтительном от конвоя расстоянии, он затем исчезал в темноте.

Этот вечер не был исключением. Матросы лишь мельком увидели сквозь пургу силуэт «кондора», который тотчас пропал в сгущающейся мгле. Теперь «Чарли» сообщит о составе и количестве кораблей эскадры и курсе, которым она движется; правда, Тиндалл питал слабую надежду на то, что ему удалось ввести немецкую разведку в заблуждение относительно их курса. Эскадра возле широты шестьдесят два градуса, восточнее Фарерских островов, и вдруг идет курсом норд-норд-ост? Немцы вряд ли попадутся на удочку, тем более, что им почти наверняка известно о выходе конвоя из Галифакса. Сопоставить два этих факта – проще простого.

Поднять в воздух «сифайры» – единственный тип истребителей, способных догнать «кондор», – никому и в голову не пришло. Отыскать потом в темноте авианосец, даже по радиолучу, трудно. Да и посадка ночью, тем более во время пурги, да еще на раскачивающуюся во все стороны палубу, означала бы самоубийство. Малейший просчет, самая незначительная ошибка – и пропал бы не только самолет, но и летчик. И тогда «сифайр» с его длинным, торпедообразным фюзеляжем из-за огромного веса мотора системы «Роллс-Ройс мерлин» превращался в западню, откуда не было никакой возможности выбраться.

«Улисс» снова лег на прежний курс, двигаясь навстречу приближающемуся шторму. Оставив боевые посты, моряки заступили на обычную походную вахту: четыре часа

на вахте, четыре – свободных. Можно подумать, не ахти уж какие лишения – двенадцать часов на вахте и столько же свободных часов. Если б так оно и было, это еще терпимо. Но дело в том, что три часа ежедневно продолжались боевые тревоги, через день по утрам матросы занимались судовыми работами (это в свободное-то от вахты время), и Бог знает сколько времени оставались на боевых постах, когда объявлялась боевая тревога. Кроме того, прием горячей пищи – когда он был, этот прием, – приходился на свободное от вахты время. Три-четыре часа сна в сутки считалось обычным явлением. А случалось и так, что люди по двое суток обходились без сна.

И температура, и давление падали медленно, но верно. Волны стали выше и круче, ложбины между ними глубже; пронизывающий до костей ветер гнал тучи снега, превращая его в сплошную, непроницаемую пелену. Это была тяжкая, бессонная ночь как для тех, кто находился на палубе, так и для тех, кто оставался в нижних помещениях; и для вахтенных, и для подвахты.

Находившиеся на мостике первый офицер, штурман Карпентер, сигнальщик, старший прожекторист, впередсмотрящие и посыльные, вконец иззябшие, закочневшие, вглядывались в белую тьму ночи, не веря, что где-то существуют тепло и уют. Каждый надел на себя все, что мог: свитеры, куртки, шинели, канадки, плащи, шарфы, башлыки, ушанки – все шло в ход. Все были закутаны до самых глаз и все-таки дрожали от холода. Люди грели руки под мышками, ставили ноги на трубы паропровода, проходившие по мостику. Прячась в укрытиях, расчеты зенитных орудий ежились, притопывали ногами, хлопали рука

об руку и бранились не переставая. Втиснутые в тесные гнезда скорострельных «эрликонов», комендоры прижимались к тайком установленным обогревателям, всячески сопротивляясь самому упорному своему врагу – сну.

Подвахтенным, находившимся в нижних кубриках, повезло лишь немногим больше. Рундуков для команды на крейсере не было, были только подвесные койки, которые подвешивались лишь во время стоянки в гавани. На то были достаточно веские причины.

На военном корабле требования гигиены весьма высоки даже по сравнению с обычным гражданским жилищем. Моряку вряд ли придет в голову забраться одетым на койку. Никто из тех, кто в своем уме, даже не подумал бы раздеваться во время похода в Россию. Кроме того, одна мысль о том, что надо сперва подвешивать, а потом убирать койку, измученному матросу казалась дикой. А лишние секунды, потерянные на то, чтобы выбраться из койки по тревоге, могли отделять жизнь от смерти, не говоря уже о том, что само существование подвесных коек представляло опасность при всеобщей спешке, так как они мешали бы передвижению. Наконец, в эту ночь, во время такой сильной килевой качки вряд ли возможно было бы найти место более неудобное, чем подвешенная вдоль борта койка.

Поэтому люди спали где попало, не снимая канадок и даже перчаток, – на столах, под столами, на табуретках, на полу, на сетках для хранения коек – словом, везде. Самым теплым местечком были нагретые стальные листы палубы в коридоре возле камбуза. В ночное время в коридоре этом, смахивавшем на таинственный туннель, зловеще алела

лампочка. Таков был этот дортуар, который моряки предпочитали, тем более что от верхней палубы он был отделен лишь одной переборкой. Ведь моряков всегда преследует тайный страх оказаться взаперти на тонущем корабле.

Но и в нижних помещениях стояла лютая стужа. Системы воздушного отопления работали эффективно лишь во втором и третьем кубриках, но и там температура поднималась лишь чуть выше точки замерзания. С подволока постоянно капало, образовавшаяся на водонепроницаемых переборках влага текла тысячью ручейков, скапливаясь на палубе. В помещениях было сыро, душно и ужасно холодно – идеальные условия для возникновения туберкулеза, которого так боялся Брукс, начальник корабельной медицинской службы. Наряду с постоянной килевой качкой и резкой дрожью корпуса, которая возникала всякий раз, когда нос корабля опускался вниз, все это делало сон невозможным, в лучшем случае то была тяжелая, урывками, дрема.

Чуть не вся команда спала – или пыталась уснуть, – подложив под голову надувные спасательные пояса. Согнутые пополам и связанные тесьмой, пояса эти вполне заменяли подушки. Спасательные средства применялись лишь для такой цели, хотя, согласно приказу, надувные жилеты необходимо было надавать во время боевых тревог и при плавании в заведомо вражеских водах. Приказ этот игнорировался, в том числе и командирами боевых частей, которым вменялось в обязанность следить за его исполнением. В складках громоздкой одежды, носимой в здешних широтах, воздуха достаточно, чтобы человек мог удержаться на плаву по крайней мере минуты три. Если же

его не успевали подобрать за это время, ему все равно наступал конец. Его убивал шок: человеческое тело, имеющее температуру 96 градусов по Фаренгейту, внезапно погружалось в воду, температура которой была на 70 градусов ниже, ибо в арктических морях температура воды зачастую опускается ниже точки замерзания. Более того, морозный ветер тысячей кинжалов рассекал промокшую одежду моряка, очутившегося в воде, и сердце, не выдержав резкого перепада температуры величиной почти в сто градусов, просто останавливалось. Но, говорили моряки, то была легкая смерть.

За десять минут до полуночной вахты старший офицер и Маршалл отправились на мостик. Несмотря на поздний час и бурную погоду, старпом, как всегда, был невозмутим и весел. Худощавый, смахивающий на пирата, он, казалось, чудом явился из елизаветинских времен. Его жизнерадостность не омрачалась ничем. Капюшон канадки откинут назад, фуражка с золотым галуном заломлена набекрень. Нащупав ручку, он отодвинул дверь и постоял с минуту, чтобы глаза привыкли к темноте. Заметив Кэррингтона, он звучно похлопал его по спине.

— Как ночка, вахтенный? — прогудел он жизнерадостно. — Вот именно, бодрит. Обстановочка хуже некуда. Куда-то разбежались наши цыплятки в этот чудный вечерок?

Он стал вглядываться в снежную пелену; окинул взор горизонт, потом отвернулся.

— Провалились в тартарары, а может, и дальше...

— Да нет, все не так уж и плохо, — усмехнулся Кэррингтон. Пришедший на флот из запаса, бывший капитан торгового флота (Вэллери всецело ему доверял), капи-

тан-лейтенант Кэррингтон был человеком, неразговорчивым и почти никогда не улыбался. Но между ним и Тэрнером – этими превосходными моряками – давно возникла симпатия и взаимное уважение. – Иногда можно разглядеть авианосцы. Но Боудену и его присным их координаты известны с точностью до дюйма. По крайней мере, они так утверждают.

– Не дай Бог, чтобы старина Боуден услышал вас, – заметил Маршалл. – По его мнению, радар – это единственный шаг вперед, который род людской сделал с той поры, как слез с деревьев на землю.

Ежась от холода, он повернулся спиной к пронизывающему ветру.

– Во всяком случае, я бы поменялся с ним местами, – прибавил он мечтательно. – Стужа тут почище, чем у нас зимой в Альберте!

– Вздор, мой мальчик, сущий вздор! – загрохотал старпом. – Ну и хлипкая же пошла нынче молодежь. Именно такой и должна быть жизнь всякого уважающего себя мужчины. – Тэрнер с жадностью вдохнул ледяной воздух и повернулся к Кэррингтону. – Кто с вами на вахте, первый?

От нактоуза отделилась темная фигура и направилась к нему.

– Ах, вот вы где. Ну-ну. Могу поклясться, это не кто иной, как штурманский офицер господин Карпентер. Как всегда, при деле и с шиком одетый. Знаете, штурманец, в этом одеянии вы смахиваете на помесь водолаза и человека с реклам, призывающих покупать шины «Мишлен»!

– Три ха-ха, – грустно ответил Капковый мальчик. –

Смейтесь и издевайтесь, сэр, пока ваш черед. — Он любовно погладил свой капковый комбинезон. — Что-то вы запоете, когда мы все окажемся в одном бульоне. Вы все, пойдете ко дну или замерзнете, а я буду в тепле и уюте докуривать которую по счету сигарету...

— Разговорчики! Ступайте. Какой курс, первый?

— Двадцать три градуса. Скорость пятнадцать узлов.

— Где командир?

— В укрытии. — Кэррингтон кивнул головой в сторону бронированного помещения в задней части мостика. Оно служило основанием дня поста управления огнем. В кожухе, проходившем через укрытие, находились кабели, во которым передавались данные для управления огнем. В помещении стояла жесткая койка для командира корабля.

— Спит, надеюсь, — прибавил он. — Хотя очень сомневаюсь. Командир приказал вызвать его в полночь.

— Зачем? — поинтересовался Тэрнер.

— Не знаю. Наверное, для порядка. Хочет посмотреть, как идут дела.

— Приказ отменяется, — проронил Тэрнер. — Командир обязан сам подчиняться распоряжениям, особенно когда они исходят от доктора. Беру на себя полную ответственность. Доброй ночи, первый.

Дверца захлопнулась, и Маршалл нерешительно повернулся к старпому.

— Я относительно командира, сэр. Понимаю, это не мое дело... — продолжал он, поколебавшись. — Он что, не совсем здоров?

Тэрнер мгновенно обернулся. Голос его был удивительно спокоен.

– Если бы Бруксу удалось настоять на своем, Старик давно лежал бы в госпитале. – Помолчав с минуту, он добавил:

– Но, боюсь, даже в этом случае было бы поздно.

Маршалл ничего не ответил. Не находя себе места, он стал расхаживать по мостику, потом отправился на ют к щиту управления прожекторами левого борта.

Минут пять до старпома доносился приглушенный говор. Когда Маршалл вернулся, он с любопытством поднял на него глаза.

– Пытался потолковать с Ральстоном, сэр, – объяснил минный офицер. – Я решил, что если он и станет с кем разговаривать, то это со мной.

– Ну и как?

– Он действительно говорит, но только о том, о чем сам захочет. Об остальном – ни звука. Мне так и мерещится табличка у него на груди: «Частная собственность. Вход воспрещен». Очень учтив, очень вежлив и совершенно нелюдим. Будь я проклят, если знаю, как с ним быть.

– Оставьте его в покое, – посоветовал Тэрнер. – Тут ничего не поделаешь. – Он покачал головой. – Ну и подло же обошлась с ним жизнь!

Снова воцарилась тишина. Снег валил не так густо, но ветер по-прежнему крепчал. Диковато завывал в мачтах и такелаже, сливаясь с жутким звенящим щелканьем гидролокатора. Эти тревожные звуки точно скребли по сердцу, пробуждая первобытные страхи, давно приглушенные в человеке под влиянием цивилизации. Гнусную эту симфонию экипаж корабля возненавидел лютой ненавистью.

Пробили одну склянку – половина первого; две склянки

– час; три – половина второго. Тэрнеру вспомнилось о существовании таких приятных вещей, как кофе и какао. Что выбрать – кофе или какао? Он остановился на какао – напиток этот бодрящ и питателен. Он повернулся к посылному. Это был Крайслер, брат старшего акустика.

– На мостике! Докладывает радиорубка. Докладывает радиорубка! – слышалось из динамика над акустической рубкой. Голос звучал торопливо, настойчиво. Тэрнер бросился к переносному микрофону, отрывистым голосом подтвердил донесение.

– Радиограмма с «Сирруса»: «Получены эхо-сигналы слева по носу, пеленг, триста, сигналы отчетливы, дистанция сокращается».

– Эхо-сигналы? Оператор, вы сказали: «эхо-сигналы»?

– Эхо-сигналы, сэр. Повторяю, эхо-сигналы.

Едва оператор умолк, рука Тэрнера опустилась на светящийся выключатель сигнала боевой тревоги.

Из всех звуков, какие только существуют на земле, всякий, кто слышал сигнал боевой тревоги, наверняка запомнит его до конца дней своих. Звука, хотя бы отдаленно похожего на него, на свете не существует. В нем нет ничего возвышенного, воинственного, кровь не стынет в жилах при этом звуке. Это свист, частота которого где-то у верхней границы слышимого диапазона.

Завывающий, пронзительный, атональный, настойчивый, тревожный, он ножом врезается в опьяненный сном рассудок, и человек, каким бы измученным, ослабевшим и заспанным он ни был, через секунду уже на ногах. Пульс его учащен, он готов встретить любую неожиданность, и в кровь мощной струей хлынул адреналин.

Через две минуты весь экипаж «Улисса» находился на боевых постах.

Старший офицер перешел на ют в запасной командный пункт. На мостике остались Вэллери и Тиндалл.

Находившийся с левого борта, в двух милях от «Улисса», «Сиррус» в течение получаса принимал отраженные эхо-сигналы. На подмогу ему отрядили «Викинг», и вскоре в нижних помещениях крейсера через неравные промежутки времени слышались характерные звуки разрывов глубинных бомб. Наконец с «Сирруса» доложили: «Действия оказались безуспешными. Контакт потерян. Надеемся, что не причинили вам беспокойства». Тиндалл отдал распоряжение обоим эсминцам прекратить преследование, и горн протрубил отбой.

Вернувшись наконец-то на мостик, старший офицер послал за своим какао.

Крайслер отправился прямо на матросский камбуз (пойло, которым обычно потчевали офицеров, старпому было не по нутру) и вернулся с дымящимся кувшином и гирляндой тяжелых кружек, нанизанных на проволочное кольцо.

Тэрнер одобрительно наблюдал, как нехотя переливается через край кувшина густая, вязкая жидкость, и, попробовав, с удовлетворением кивнул головой.

Облизнув губы, он довольно вздохнул.

– Превосходно, Крайслер-младший, превосходно! У тебя золотые руки. Минный офицер, присмотрите, пожалуйста, за кораблем. Пойду взгляну, где мы находимся.

Войдя в штурманскую рубку, находившуюся на левом борту сразу за нактоузом, он затворил за собой светоне-

проницаемую дверь. Откинувшись на спинку стула, поставил кружку на стол для прокладки, положил ноги рядом с ней и, закулив, глубоко затянулся. Но в ту же минуту с бранью вскочил на ноги, услышав треск динамика.

Докладывали с «Портпатрика». По определенным причинам к его донесениям относились несколько скептически, но на этот раз сообщения с корабля были особенно тревожными. У Тэрнера не оставалось иного выхода, и он снова потянулся к выключателю сигнала боевой тревоги.

Двадцать минут спустя опять прозвучал отбой, но в ту ночь старпому так и не довелось выпить свое какао. Еще трижды матросы занимали свои боевые посты, и не успели пройти после последнего отбоя несколько минут, как горн возвестил обычную утреннюю тревогу.

В том смысле, в каком мы это понимаем, утра и не было. Лишь едва заметное посветление угрюмого, серого, стылого неба, когда усталые люди в который раз потащились на свои боевые посты. Такова война в северных ведах.

Тут не было славной смерти, не было героики, рева пушек и стука «эрликонов», не было могучего взлета духа, дерзновенного вызова врагу. Были лишь измученные, недосыпающие люди, окоченевшие от холода, в сырых каютах, с серыми, исхудалыми лицами; они едва держались на ногах от голода, слабости и усталости, удрученные гнетом воспоминаний, нервных потрясений, физического напряжения, накопившегося за сотню таких же бессонных ночей.

По своему обыкновению Вэллери находился на мостике. Обычно учтивый, добрый и внимательный, он выглядел жутко. Лицо изможденное, цвета замазки, налитые

кровью глаза ввалились, губы бескровны. Ужасное кровотечение накануне и бессонная ночь сильно пошатнули его и без того хрупкое здоровье.

В утреннем сумраке показались корабли эскадры. Каким-то чудом они все еще сохраняли свое место в строю. Фрегат и тральщик ушли далеко вперед, не желая попасть в темноте под форштевень крейсера или авианосца. Тиндалл это понял и ничего не сказал. Ночью «Инвейдер» потерял место в ордере, оказавшись далеко за пределами охранения. После хорошей взбучки он принялся догонять эскадру, вспарывая винтами крутые встречные волны.

Отбой дали в 08.00. В 08.10 подвахта находилась внизу, моряки заваривали чай, мылись, выстраивались в очередь у камбуза. В этот момент корпус «Улисса» потряс глухой взрыв. Полотенца, куски мыла, чашки, миски, подносы полетели в разные стороны. Серdito бранясь, люди бросались к своим боевым постам, прежде чем рука Вэллери легла на выключатель сигнала боевой тревоги.

Находившийся менее чем в полумиле «Инвейдер» начал круто поворачивать.

Взлетная палуба корабля немыслимо накренилась. Опять повалил густой снег, но сквозь белую пелену пробивались густые клубы дыма, вырывавшиеся откуда-то из недр передней палубы. Высыпая наверх, весь экипаж «Улисса» разглядывал подбитый корабль. Между тем «Инвейдер» потерял ход и начал проваливаться в ложбины между огромными валами.

— Идиоты, болваны безмозглые! — бранил неизвестно кого Тиндалл. Он даже Вэллери не признался бы в том, как угнетает его бремя ответственности.

Именно это напряжение и вызывало в нем неожиданную вспышку гнева – признак раздражительности, ставшей почти хронической.

– Вот что случается, командир, когда корабль теряет место в строю. Я сам виноват не меньше, следовало послать к нему эсминец для сопровождения.

Контр-адмирал преник к биноклю, потом повернулся к Вэллери.

– Посемафорьте, пожалуйста, пусть доложит об объеме повреждений. Эта проклятая субмарина, должно быть, стерегла его с самого рассвета.

Вэллери промолчал. Он понимал, каково Тиндаллу видеть, что один из вверенных ему кораблей получил тяжелые повреждения, возможно, тонет.

«Инвейдер» почти лежал на борту. Дым валил столбом, но пламени видно не было.

– Хотите выяснить, в чем дело? – поинтересовался Вэллери.

Тиндалл задумчиво закусил губу и помолчал.

– Да, пожалуй, надо нам самим выяснить, что же произошло. Распорядитесь, чтобы эскадра продолжала следовать прежним курсом и с прежней скоростью. Просигнальте «Балиолу» и «Нейрну» – пусть подойдут к «Инвейдеру».

Наблюдавший за тем, как к ноку рея потянулись гирлянды сигнальных флагов, Вэллери почувствовал, что кто-то стоит рядом. Он обернулся.

– Это не подводная лодка, сэр, – уверенно произнес Капковый мальчик. – «Инвейдера» не могли торпедировать.

Повернувшись вместе со стулом, Тиндалл уставился на злополучного штурмана.

— А вам откуда это известно, сударь? — прорычал он. Когда адмирал называл своего подчиненного сударем, следовало ожидать грозы.

Капковый покраснел до корней своих светлых волос, но продолжал стоять на своем.

— Прежде всего, сэр, «Инвейдер» прикрыт «Сиррусом» с левого борта, хоть он и находится несколько впереди. «Сиррус» некоторое время курсировал на том участке, и командер Орт наверняка обнаружил бы лодку. Кроме того, волна слишком крута, чтобы субмарина могла выйти на перископную глубину, а не то что произвести прицельный выстрел. Будь это подводная лодка, она выпустила бы не одну торпеду, а шесть и поразила бы сразу несколько кораблей, стоявших почти сплошной стеной за «Инвейдером». Но кроме него не было торпедировано ни одно судно... Я три года в штурманах, сэр.

— А я десять лет в адмиралах, — пророкотал Тиндалл. — Все это одни догадки.

— Нет, сэр, — настаивал Карпентер. — Не догадки. Не стану биться об заклад, — он приложил бинокль к глазам, — но я почти уверен, что «Инвейдер» движется кормой вперед. А это значит, что носовая часть корабля ниже ватерлинии оторвана или в ней пробоина. Должно быть, то была мина, возможно, акустическая мина.

— Да, да, конечно, — ядовито заметил Тиндалл. — С минрепом длиной две тысячи метров, разумеется?

— Дрейфующая мина, сэр, — терпеливо объяснял Капковый. — Или использованная акустическая торпеда —

немецкие торпеды, не попавшие в цель, не всегда тонут. Но, скорее всего, мина.

– Может быть, теперь скажете мне, какой она марки и когда была поставлена? – прорычал Тиндалл. Однако логичность доводов Карпентера произвела на него впечатление. К тому же «Инвейдер» действительно двигался кормой вперед, хотя и с недостаточной скоростью, чтобы управляться. Его по-прежнему захлестывали волны.

В ответ на светограмму «Инвейдера» застучал сигнальный фонарь на «Улиссе». Оторвав листок от блокнота, Бентли протянул его командиру корабля.

– «„Инвейдер“ вызывает адмирала, – читал Вэллери. – В носовой части корпуса, по правому борту, много ниже ватерлинии, значительная пробоина. Предположительно дрейфующая мина. Объем повреждений изучается. О результатах осмотра будет доложено».

Взяв донесение, Тиндалл медленно перечитал его. Потом повернул через плечо голову, едва улыбнулся.

– Похоже, вы правы, мой мальчик. Примите извинения старого ворчуна.

Карпентер что-то пробормотал и отвернулся, побагровев – на этот раз от смущения. Взглянув на Вэллери, Тиндалл задумался.

– Надо бы поговорить с командиром «Инвейдера». Его фамилия, кажется, Барлоу. Просемафорьте, буду говорить с ним по радиотелефону.

Они поднялись выше, в командный пункт авиационного офицера.

Уэстклифф уступил свое место адмиралу.

– Кэптен Барлоу? – проговорил Тиндалл, взяв в руки микрофон.

– Слушаю. – Голос Барлоу донесся из динамика над головой адмирала.

– Говорит адмирал. Как ваши дела?

– Надеюсь справиться, сэр. Боюсь, оторван значительный кусок носовой части. Имеется несколько раненых. Загорелось топливо, но пожар не распространяется. Водонепроницаемые двери целы. Механики и аварийные группы укрепляют поперечные переборки.

– Сумеете двигаться самостоятельно?

– Можно попробовать, сэр, но рискованно. Во всяком случае, при таком волнении.

– Как полагаете, до базы сумеете добраться?

– При попутной волне и ветре – да. Суток трое-четверо понадобится.

– Тогда ладно. – Голос Тиндалла звучал неприветливо. – Возвращайтесь назад. С оторванным носом от вас проку мало. Вам чертовски не повезло, кэптен Барлоу. Примите соболезнования. Да, вот еще что! Даю вам провожатыми «Балиол» и «Нейрн» и попрошу штаб выслать вам навстречу океанский буксир. На всякий случай.

– Благодарю, сэр. Мы все вам очень признательны. И последнее, Прошу разрешения опорожнить топливные цистерны правого борта. Мы приняли много воды, всю выкачать невозможно. Иначе крен не выправить.

– Я так и думал, – вздохнул Тиндалл. – Ничего не поделаешь. Принять от вас топливо в такую погоду невозможно. Счастливого пути, командир. Прощайте.

– Большое спасибо, сэр. Прощайте.

Двадцать минут спустя «Улисс» занял свое прежнее место в ордере.

Немного погодя команда крейсера увидела, как «Инвевдер», который уже кренился не так заметно, медленно повернул на зюйд-ост, а по обоим бортам его, подпрыгивая на волнах, шли два корабля – маленький эсминец класса «Хант» и фрегат. Через десять минут они исчезли из виду, закрытые снежным зарядом.

Три корабля ушли, осталось одиннадцать, но, странное дело, именно эти одиннадцать ощущали себя покинутыми.

ГЛАВА 5

Вторник

Об «Инвевдере» и случившейся с ним беде вскоре забыли. У 14-й авианосной эскадры возникло более чем достаточно других забот. Появился враг, с которым надо было бороться – враг много опаснее любой мины или подводной лодки. Изю всех сил стараясь удержаться на раскачивающейся, проваливающейся из-под ног палубе, Тиндалл посмотрел на Вэллери. «Вид у бедняги ужасен – краше в гроб кладут», – снова подумал он.

– Каково ваше мнение, командир? Перспективы не блестящие, а?

– Предстоит хорошая трепка, сэр. Дело к тому идет. Кэррингтон шесть лет плавал в Вест-Индии, раз десять попадал в ураган. Он признается, ему приходилось видеть такой низкий барометр, но чтобы он еще и продолжал так стремительно падать – никогда. Во всяком случае, в здешних широтах. Выходит, это еще только цветочки.

– Очень утешили, премного вам благодарен, – сухо

отозвался Тиндалл. – Тем более что и цветочки эти дают себя знать.

Достигнув девяти баллов, ветер более не усиливался. Перестал валить снег. Но все понимали, что это лишь временная передышка: далеко на норд-весте небо было зловещего цвета. Этот тусклый пурпурный оттенок не бледнел, не сгущался; такая монотонная окраска неба сулила беду. Даже тем, кто давно плавал в здешних водах и видел все разнообразие красок арктического неба, то черного, как смола, в летний полдень, то освещенного великолепием северного сияния, то чудесного лазурного цвета, когда небеса, улыбаясь, видят свое отражение в спокойной, молочно-белой воде за Ледовым барьером, – даже этим бывалым морякам не приходилось видеть ничего подобного.

Но адмирал не обращал внимания на небо. Он глядел на море. Все утро волны росли – постепенно, неотвратимо. Теперь, в полдень, море напоминало гравюру XVIII века с изображением парусника, попавшего в бурю: тесные ряды зеленовато-серых валов двигались чередой, увенчанные живописными гребнями кипящей белой пены. Только здесь расстояние от одного вала до другого было около полутораста метров, и эскадру, шедшую почти наперерез волне, трепало основательно.

Особенно тяжело приходилось малым кораблям. Каждые пятнадцать секунд они зарывались носом в пучину. Но еще более страшным и упорным врагом оказалась стужа. Давно опустившись ниже точки замерзания, температура продолжала падать.

Холод становился невыносимым, лед образовывался в

каютах и кубриках, намертво сковывал трубы водопровода. Корежился металл, перекашивались крышки люков; дверные петли, замерзнув, перестали вращаться; смазка в приборах застывала, выводя их из строя. Нести вахту, особенно на мостике, было сущей мукой: первый же глоток ледяного ветра точно рассекал легкие, и человек начинал задыхаться.

Огромную опасность представлял собой лед. На палубе «Улисса» образовалось уже свыше трехсот тонн льда, и количество его увеличивалось с каждой минутой. Толстым слоем лежал он на главной палубе, на баке, на оружейных площадках и мостиках; длинными причудливыми сосульками свисал с комингсов, башен и поручней, утраивал толщину каждого троса, штага и фала и превращал стройные мачты в безобразные, фантастического вида деревья. Он был опасен еще и тем, что превращал палубу в каток. С этой проблемой проще справиться на торговом судне, где топливом служит уголь и где под рукой сколько угодно шлака и золы. На современных же военных кораблях, где в качестве топлива применяют мазут, все гораздо сложнее. На «Улиссе» палубу посыпали песком с солью и уповали на Бога.

Но главная опасность заключалась в тяжести льда. Всякий корабль, если выразиться технически, может быть валким или остойчивым. У остойчивого корабля центр тяжести расположен низко, он подвержен качке, зато легко возвращается в первоначальное положение. Если центр тяжести расположен высоко, то говорят, что корабль валок. Такое судно неустойчиво и ненадежно, его трудно накренить, но зато столь же трудно выпрямить. Если же на па-

луге такого судна образуется лед, то центр тяжести переместится выше, а это крайне опасно. Последствия могут быть роковыми...

Особенно доставалось эскортным авианосцам и эсминцам, в частности «Портпатрику». И без того неустойчивые из-за высоко расположенной и тяжелой взлетной палубы, авианосцы представляли собой огромные площадки, на которых скапливался снег и образовывался лед. Поначалу взлетные палубы содержались в относительном порядке, специальные команды беспрестанно сметали снег метлами, посыпали палубу солью и обдавали горячим паром из шлангов. Но погода ухудшилась настолько, что послать человека на раскачивающуюся во все стороны, предательски скользкую палубу означало бы отправить его на тот свет. На «Реслере» и «Блу Рейнджере» имелись модифицированные отопительные системы, размещенные под взлетными палубами. На этих кораблях из Миссисипи, в отличие от английских судов, палубы были деревянные, поэтому в столь суровых условиях системы отопления оказались совершенно неэффективными.

Эсминцам доставалось еще больше. Им приходилось мириться не только со льдом, образовавшимся из спрессованного снега, но и со льдом, нараставшим на палубе по мере того, как через равные промежутки времени на корабль обрушивались все новые и новые массы воды. Брызги от волн, ударявшихся о форштевень, замерзали, не успев упасть на палубу. В некоторых местах толщина льда достигала фута. Под огромной его тяжестью скорлупки эти с каждым разом все глубже зарывались носом в пучину, и каждый раз все труднее вырывались из ее объятий. Ко-

мандирам эсминцев, как и командирам авианосцев, оставалось лишь наблюдать с мостика за происходившим, да уповать на милость Провидения.

Прошло долгих два часа. За это время термометр опустился до самой низшей точки и застыл на ней... Вдогонку сломя голову бросился барограф. Но, странное дело, снега по-прежнему не было. Свинцовые тучи на северо-западе находились все еще в отдалении. Южная и восточная части неба были совершенно чисты. Эскадра представляла собой фантастическое зрелище: игрушечные, похожие на леденцы, кораблики – ослепительно белые, сверкающие в бледных лучах зимнего солнца, – отчаянно раскачивались из стороны в сторону, то и дело проваливаясь в ложбинах меж становящихся все круче и выше зеленовато-серых валов студеного Норвежского моря. Суда упорно двигались к далекому горизонту, залитому зловещим багрянцем, – горизонту, за которым лежал иной мир. Это была невероятная, редкостная картина.

Но контр-адмирал Тиндалл не находил в ней ничего прекрасного. Человек, имевший обыкновение говорить, что ему чужда всякая тревога, он был серьезно обеспокоен. Он был резок с теми, кто находился на мостике, – резок до грубости. Никто не узнавал в нем старого «фермера Джайлса», каким его знали еще месяца два назад; от бывшего его добродушия не осталось и следа. Он беспрестанно окидывал взглядом корабли эскадры, все время ерзая на стуле.

Наконец слез с него и, открыв дверь в рубку командира, вошел.

Свет был выключен, и Вэллери находился в полутьме.

Накрывшись двумя одеялами, командир лежал на кушетке с мертвенно-бледным лицом. В правой руке Вэллери сжимал скомканный платок, покрытый пятнами: он даже не попытался спрятать его. Прежде чем адмирал успел помешать ему, через силу опустив ноги на пол, каперанг подвинул стул. Пожурив больного, Тиндалл с благодарностью сел.

— Обещанные тобою цветочки. Дик, скоро, полагаю, превратятся в ягодки? И какого дьявола напросился я командовать эскадрой?

— Вам не позавидуешь, сэр, — сочувственно улыбнулся Вэллери, — Что намерены предпринять?

— А что бы ты на моем месте предпринял? — невесело проронил Тиндалл.

Вэллери засмеялся. На мгновение лицо его преобразилось, став почти мальчишеским, но затем смех прервался, сменившись приступом сухого, резкого кашля. По платку расплылось пятно.

— Вот каково смеяться над начальством, — подняв глаза, улыбнулся Вэллери. — Что бы я предпринял? Выпустил бы плавучий якорь, сэр. А не то бросился наутек, поджав хвост.

Тиндалл покачал головой.

— Ты никогда не умел убедительно врать, Дик.

Оба сидели молча некоторое время, потом Вэллери посмотрел на адмирала.

— Сколько еще осталось пути, сэр?

— По расчетам Карпентера, что-то около ста семидесяти миль.

— Сто семьдесят... — Вэллери взглянул на часы. — Двадцать часов ходу при такой погоде. Должны успеть!

Тиндалл тяжело кивнул.

– Там восемнадцать транспортов. А если считать тральщик из Хвальфьорда, то все девятнадцать. Вдобавок ко всему, надо учесть кровавое давление старины Старра...

Тут он умолк: кто-то постучался.

– Два донесения, господин каперанг.

– Читайте, Бентли.

– Первое от «Портпатрика»: «Повреждена обшивка в носовой части. Сильная течь. Помпы справляются. Опасаюсь новых повреждений. Прошу указаний».

Тиндалл выругался. Вэллери спокойно произнес:

– От кого второе донесение?

– С «Гэннета», сэр: «Разламываюсь».

– Понятно. Читайте дальше.

– Это все: «Разламываюсь».

– Лишнего слова из себя не выдавят эти молчальники, – проворчал Тиндалл. – Подожди минутку, главстаршина!

Он опустился в кресло, скребя подбородок и разглядывая собственные ноги, не в силах заставить свой усталый мозг думать.

Вэллери что-то негромко произнес. Изумленно выгнув брови, Тиндалл поднял голову.

– Сильное волнение, сэр. Может быть, с авианосцев...

Тиндалл хлопнул себя по колену.

– И мне такая же мысль пришла в голову. Бентли, набери два сигнала. Первый – всем кораблям охранения. Пусть займут позиции позади авианосцев, как можно ближе к ним. Другой сигнал – авианосцам. С правого и левого борта через грузовые шланги выкачивать мазут... Сколько, как вы полагаете, командир?

– Галлонов двадцать в минуту, сэр?

– Пусть будет двадцать галлонов в минуту. Понял, главный? Пускай сейчас же наберут сигналы. Потом вот еще что. Позови сюда штурмана с картой.

Бентли вышел. Тиндалл повернулся к Вэллери.

– Правда, потом придется дозаправляться топливом. Здесь это сделать невозможно. Похоже, у нас остался последний шанс найти укрытие до прихода в Мурманск... Если же в течение следующих суток шторм усилится настолько, насколько предсказывает Кэррингтон, то сомневаюсь, чтобы все малые корабли выдержали его... Ага! Вот и штурман. Узнаем, где мы находимся. Кстати, какова сила ветра?

– Десять баллов, сэр. – Стараясь не поскользнуться на уходящей из-под ног палубе, Капковый мальчик разложил карту на командирской койке. – Ветер помалу поворачивает против движения часовой стрелки.

– Норд-вест, и поворачивает против часовой? – Тиндалл потер руки. – Отлично, штурман. Наше местоположение, мой мальчик?

– Двенадцать сорок востовой долготы. Шестьдесят шесть пятнадцать нордовой широты, – четко проговорил Карпенстер, даже не удосужившись взглянуть на карту. Адмирал поднял брови, но ничего не сказал.

– Курс?

– Триста десять градусов, сэр.

– Рассчитайте курс, чтобы найти укрытие, если понадобится заправиться топливом.

– Курс двести девяносто, сэр. Я сделал предварительную прокладку. Вот. Примерно четыре с половиной часа хода.

– Какого дьявола!.. – взорвался Тиндалл. – Кто вам велел? – проговорил он зло и умолк.

– Я произвел расчет пять минут назад, сэр. Мне казалось, такое решение... э-э-э... неизбежно. Следуя курсом двести девяносто, мы окажемся в нескольких милях от полуострова Ланганес. Укрытый там сколько угодно, – серьезно, без тени улыбки на лице ответил Карпентер.

– Ему, видите ли, такое решение показалось неизбежным! – грохотал Тиндалл. – Вы только послушайте его, каперанг Вэллери! Неизбежным! Да мне самому это пришло в голову сию лишь минуту! Подумать только... Убирайтесь! Катитесь ко всем чертям со своим опереточным нарядом!

Капковый мальчик ничего не ответил. С видом оскорбленной невинности собрав свои карты, он направился к двери. Голос Тиндалла остановил его:

– Штурман!

– Сэр? – Глаза Карпентера уставились в точку над головой адмирала.

– Как только корабли охранения займут позицию, пусть Бентли сообщит им новый курс.

– Слушаю, сэр. Будет исполнено, – произнес он, постояв некоторое время в нерешительности. Тиндалл усмехнулся.

– Ну, полно дуться, – сказал он миролюбиво. – Опять повторяю, что я старый ворчун... А теперь закрой эту проклятую дверь! Не то замерзнем.

Ветер крепчал. По воде пошли длинные белые полосы. Ложбины между валами становились все глубже, волны все круче. Срываемые ветром гребни казались приплю-

щенными. Вой ветра, в такелаже становился все пронзительнее. Время от времени из-за вибрации корпуса глыбы льда срывались с мачт и штагов и разбивались о палубу.

Тянувшаяся хвостом за авианосцами пленка мазута сделала свое дело.

Эсминцы, заляпанные причудливыми пятнами, все еще глубоко погружались кормой в воду, но благодаря сцеплению частиц мазута на поверхности моря волны уже не заливали палубы кораблей. Тиндалл был более чем доволен собой.

К половине пятого пополудни довольства его не было и в помине. До убежища оставалось еще добрых полтора десятка миль. Шторм разыгрался не на шутку, и Тиндаллу пришлось отдать приказ сбавить ход.

С палубы корабля поверхность моря представляла собой впечатляющее зрелище. Гигантские валы наводили ужас. Защищенные от волн полубаком, Николлс вместе со сменившимся с вахты Карпентером стояли на главной палубе под моторным баркасом. Молодой медик, который держался за шлюпбалку, чтобы не упасть, и отскакивал в сторону всякий раз, как из-под форштевня вздымались фонтаны воды, перегнувшись через фальшборт, глядел на «Дефендер», за которым плелись «Вектра» и «Викинг». Точно обезумев, корабль раскачивался с носа на корму. Вверху – мирная лазурь, внизу – огромные валы. При виде этого зловещего контраста становилось не по себе.

– Ни за что бы не поверил, что такое случается, – проронил наконец Николлс. – Боже мой, Энди, – продолжал он, объятый суеверным ужасом, – ты видел когда-нибудь такую картину?

– Лишь однажды. Мы попали в тайфун близ Никобарских островов. Но, пожалуй, сейчас почище, чем тогда. По словам первого офицера, по сравнению с тем, что предстоит нынче ночью, это детские игрушки. А уж он-то болтать не станет. Хотел бы я оказаться сейчас у себя дома, в Хенли, черт побери!

Николлс с любопытством посмотрел на приятеля.

– Не скажу, что хорошо знаю первого. Не слишком э-э... общительный господин, а? Но все до одного – старый Джайлс, командир, старпом, да и ты тоже – говорят о нем с каким-то благоговением. Что в нем такого особенного? Я его уважаю, как каждый, но не думаю, что он сверхчеловек.

– Волнение усиливается, – рассеянно заметил Капковый. – Обрати внимание, время от времени на нас обрушивается волна наполовину больше остальных. Седьмой вал, как говорят бывалые моряки. Нет, Джонни. Он не сверхчеловек. Он самый великий мореход из всех, каких тебе доведется встретить на своем веку, только и всего. У него два капитанских диплома – может командовать и парусником с прямым вооружением, и паровым судном. Он плавал на финских барках вокруг мыса Горн, когда мы с тобой под стол пешком ходили. Старпом мог бы нарасказывать тебе о Кэррингтоне столько историй, что хватило бы на целую книгу.

Помолчав, Капковый спокойно добавил:

– Нет, правда. Он один из немногих настоящих моряков, какие еще остались на свете. Старый флибустьер Тэрнер – сам не промах, однако Джимми он и в подметки не годится... Я не из идолопоклонников, Джонни. Ты это знаешь. Но про Кэррингтона можно сказать то же самое,

что говорили о Шеклтоне: если не осталось никакой надежды, опустись на колени и молись, чтобы появился он. Поверь мне, Джонни, я дьявольски рад, что с нами Кэррингтон.

Николлс промолчал, пораженный услышанным. Кредо штурмана Карпентера было «плевать-мне-на-все», ерничество – второй натурой; серьезность он считал преступлением, а все, что могло походить на восхищение, казалось ему преступлением. Что же за человек этот Кэррингтон, если о нем так отзывается даже Капковый мальчик?

Стужа была лютой. Срывавший гребни волн ветер превращал их в мельчайшие брызги, которые, замерзнув на лету, со скоростью пули ударяли о полубак и борта корабля. Чтобы сделать вдох, следовало повернуться спиной к ветру и закрыть рот и нос шерстяным шарфом, обмотавшись им несколько раз. Но у людей с бледными, посилившими лицами, дрожавших от холода, не было и мысли спуститься вниз. Моряки были загипнотизированы, околдованы увиденным: гигантские, растущие на глазах валы длиной в триста, а то и шестьсот метров – пологие с наветренной стороны, крутые, леденящие кровь – с другой, двигались чередой, гонимые достигавшим шестидесяти узлов ветром и некой таинственной, могучей силой, находившейся где-то далеко на северо-западе.

Окажись между валов церковь, волны спрятали бы ее вместе со шпилем.

Услышав сзади себя грохот, молодые моряки оглянулись. Какая-то закутанная фигура, отчаянно бранясь, пыталась захлопнуть тяжелую стальную дверь, раскачивавшуюся вместе с кораблем. Наконец незнакомцу удалось

повернуть ручки и закрыть ее. Им оказался старшина Дойль. Несмотря на то, что борода на три четверти закрывала его лицо, было все-таки заметно, до чего же опостылела ему такая жизнь.

Карпентер улыбнулся ему. Они с Дойлем служили вместе на базе «Чайна».

Дойль был весьма привилегированной особой.

– Ба, ба! Никак это наш старый морской волк? Как дела на нижних палубах, Дойль?

– Ни черта хорошего, сэр, – голос Дойля был так же мрачен, как и его лицо. – Холодина собачья, кругом все разбросано. От посуды остались одни только черепки. Половина экипажа...

Он внезапно умолк. Глаза его расширились от изумления. Не видя Николлса и Карпентера, он уставился в какую-то точку позади.

– Ну, так что она, эта половина экипажа?.. В чем дело, Дойль?

– Боже всемогущий! – медленно, словно читая молитву, произнес ошеломленный Дойль. – Боже милостивый! – Голос Дойля резко подскочил на двух последних слогах.

Оба офицера мигом обернулись. «Дефендер» карабкался – да, да, авианосец буквально карабкался по подветренному склону гигантской волны, величина которой потрясала воображение; человеческий разум не в силах был осознать происходящее. На глазах потрясенных увиденным людей, не верящих в то, что подобное может происходить в действительности, корабль, поднявшись на гребень волны, на мгновение замер, затем, задрав корму и обнажив винт и перо руля, с грохотом ринулся вниз...

Несмотря на то что судно находилось в двух кабельтовых, несмотря на свист ветра, похожий на раскат грома, удар носовой части «Дефендера» о поверхность воды едва не оглушил моряков. Прошла вечность, а «Дефендер» уходил все глубже в кипящую белой пеной пучину... Вот уже один мостик остался над водой.

Сколько времени авианосец летел стрелой, вонзаясь в глубины Ледовитого океана, впоследствии не мог сказать никто. Наконец невероятно медленно, с адским усилием корабль выбрался на поверхность моря. С палубы его стекали каскады воды. И тут взорам предстало невероятное, невиданное никогда и нигде прежде зрелище. Под весом несчетных тысяч тонн воды открытую часть взлетной палубы сорвало со стоек и загнуло назад, чуть не до самого мостика, в виде исполинской буквы «и». Зрелище это способно было лишить разума любого человека, потрясти его, отнять дар речи. Любого – только не Капкового мальчика. Реакция его была достойной события.

– Клянусь честью! – произнес он задумчиво. – Картина поистине необычная.

Еще одна такая волна, еще один такой сокрушительный удар, и «Дефендеру» был бы конец. Самые лучшие корабли, самые горделивые, могучие суда изготовлены всего лишь из тонких, невероятно тонких листов металла. А искореженный, изуродованный металл корпуса «Дефендера» еще одной подобной нагрузки не выдержал бы ни за что.

Таких ударов более не последовало. То прошла шальная волна – одно из тех могучих, необъяснимых содроганий моря, которые, слава Всевышнему, возникают раз в кои-то веки, когда Природе вздумается показать человеку –

этому дерзкому, самонадеянному существу, — сколь он слаб и ничтожен... Таких волн больше не последовало, и около пяти часов, хотя до земли оставалось еще восемьдесят миль, эскадра, зайдя за мыс полуострова Ланганес, оказалась более-менее защищенной от волнения.

Командир «Дефендера» время от времени посылал адмиралу депеши, видно, находя в этом занятии удовольствие. На корабле, дескать, сильная течь, но он справляется, спасибо. Современные взлетные палубы в виде буквы «и» представляют собой значительный шаг вперед в области кораблестроения и нынче в моде. Конструкторам плоских палуб недоставало воображения, а как считает адмирал? Дескать, вертикальный тип палубы является прекрасной защитой от непогоды и при попутном ветре может вполне заменить парус. Получив от командира «Дефендера» последнее сообщение, где тот опасался, что самолетам теперь будет трудно взлетать, вконец издерганный Тиндалл, потеряв терпение, послал ему такую многоэтажную депешу, что всякая связь с авианосцем тотчас оборвалась.

В шесть часов без малого эскадра легла в дрейф под прикрытием находившегося в двух милях полуострова Ланганес. Ланганес невысок, и поэтому все еще усилившийся ветер, почти не встречая препятствий, обрушивался на бухту. Но по сравнению с тем, что творилось час назад, море было гораздо спокойнее, хотя корабли все еще сильно трепало. Крейсера и корабли охранения, за исключением «Портпатрика» и «Гэннета», пришвартовавшись к авианосцам, приняли на борт грузовые шланги для перекачки топлива. После долгих размышлений Тиндалл при-

шел к заключению, что «Портпатрик» и «Гэннет» будут лишь обузой для эскадры, и решил придать их поврежденному авианосцу для сопровождения его в Скапа-Флоу.

Ощущавшееся почти физически, как некое живое существо, в кубриках и кают-компании «Улисса» повисло изнурение. Позади еще одна бессонная ночь, еще одни сутки; люди не знали покоя, а отдых был невозможен. С рассеянным видом моряки выслушали сообщение по трансляции о том, что, когда шторм поутихнет, «Дефендеру», «Портпатрику» и «Гэннету» следует вернуться в Скапа-Флоу. Уже шести кораблей недосчитывалась эскадра. Она лишилась половины авианосцев. В строю оставалось всего восемь единиц.

Неудивительно, что матросам было не по себе, их словно оставляли на произвол судьбы, как сказал Райли, бросали на съедение волкам.

Но, как ни странно, моряки еще не озлобились вконец; удивительное дело, они не восставали, правда, лишь в силу своей пассивности и послушания. Брукс видел это оцепенение чувства, это противоестественное отсутствие реакции и терялся в догадках. Возможно, это маразм, самая низшая точка, достигнув которой, больной ум больного человека совершенно перестает функционировать, окончательное торможение всякого животного и человеческого начала. Возможно, то был последний предел апатии. Старый доктор понимал: все это объяснимо, более того, неизбежно... И все-таки какая-то интуиция, седьмое чувство исподволь твердили ему: здесь что-то не так, однако разум Брукса был слишком утомлен, чтобы понять, в чем же дело.

Скорее всего, это апатия. В тот вечер на какое-то мгновение экипаж корабля охватила волна раскаленного добела гнева. И гнева справедливого – это признавал даже сам командир корабля, но руки у него были связаны.

Вот как все началось. Во время очередного вечернего осмотра оказалось, что на нижнем рее, по-видимому обледенев, не горят боевые огни.

Ослепительно белый из-за толстого слоя льда и снега, покрывавшего его, нижний рей находился на головокружительной восемнадцатиметровой высоте над палубой, в двадцати четырех метрах выше ватерлинии. Лампы боевых огней висели над ноками рея; чтобы там работать, следовало или сесть верхом на рей – положение крайне неудобное для работы, поскольку сверху привинчена тяжелая стальная антенна радиопередатчика, – или же забраться в беседку, подвесив ее к рею. Сама по себе работа эта была не из легких. Выполнить ее требовалось в самый сжатый срок, в тот же самый вечер, поскольку ремонтные работы помешали бы поддерживать связь по радио. Вначале полагалось извлечь рассчитанные на 3000 вольт стальные предохранители, разрывавшие цепь, и оставить их у вахтенного офицера до окончания работы. Сложную, тонкую эту операцию пришлось бы осуществить на морозе, да еще на скользком, гладком, как стекло, рее. Причем в то время, как мачта «Улисса» описывала дугу в тридцать градусов. Работа предстояла не просто трудная, а чрезвычайно опасная.

Маршалл, минный офицер, не решился послать на рей вахтенного матроса, довольно пожилого и грузного резервиста, давно забывшего, как лазать по мачтам. Маршалл

вызвал добровольцев. По воле случая, выбор его пал на Ральстона.

На все ушло полчаса: двадцать минут на то, чтобы забраться на мачту, подползти к ноку рея, приладить беседку и привязать страховочный трос, и десять минут – на ремонт. Задолго до того, как Ральстон закончил работу, на палубу высыпала сотня или две усталых моряков. Лишив себя сна и ужина, ежась от пронизывающего ветра, они с восхищением наблюдали за смельчаком.

Ральстон раскачивался по огромной дуге на фоне темнеющего неба. Ветер срывал с него канадку и капюшон. Дважды беседку наклоняло ветром так, что тело его оказывалось в одной плоскости с реем; чтобы не упасть, моряку пришлось обеими руками ухватиться за рей. Один раз юноша, судя по тому, как он держал голову, ударился лицом об антенну. Тогда-то, видно, и потерялись его рукавицы; когда смельчак был занят особо ответственной операцией, он положил их на колени, откуда они и соскользнули.

Несколько минут спустя, когда Вэллери и Тэрнер, стоявшие возле катера, рассматривали полученные им в Скапа-Флоу повреждения, из кормового помещения торопливо вышел низкорослый коренастый человек и бросился к полубаку. Увидев командира и старпома, он вытянулся ношвам. Они узнали в нем Гастингса, начальника корабельной полиции.

– В чем дело, Гастингс? – резко спросил Вэллери. Он всегда с трудом скрывал свою неприязнь к полицейскому унтер-офицеру, который раздражал его своей жестокостью и беспричинной суровостью.

– На мостике беспорядки, сэр, – проговорил, запыхавшись, Гастингс, ткнув назад большим пальцем. Вэллери готов был поклясться, что в глазах унтера сверкнуло злорадование. – Что именно произошло, не знаю. По телефону ничего не слышно. Только свист ветра... Вам, пожалуй, следует пойти туда, сэр.

На мостике находились трое. Итертон, артиллерийский офицер, с озабоченным видом все еще сжимал в руке телефонную трубку. Ральстон, осунувшийся до жути, стоял, опустив руки с изуродованными, разодранными до мяса ладонями. Обмороженный подбородок его был мертвенно-бел; на лбу застыли подтеки крови. В углу лежал и стонал младший лейтенант Карслейк. Видны были лишь белки его глаз. Он бессмысленно ощупывал разбитые губы, разинув рот. В верхних, торчащих вперед зубах зияла брешь.

– Боже мой! – воскликнул Вэллери. – Боже милостивый!

Он застыл на месте, все еще держась за ручку двери, и пытался понять, что же произошло. Лязгнув челюстями, командир повернулся к артиллерийскому офицеру.

– Черт подери! Что произошло, Итертон? – произнес он строго. – Что это все значит? Снова Карслейк...

– Ральстон ударил его, сэр, – прервал его Итертон.

– Не мели чепуху, канонир! – проворчал Тэрнер.

– Мы и так видим. – В голосе Вэллери звучало раздражение. – За что?

– Посыльный. Из радиорубки пришел посыльный, чтобы забрать предохранители для включения радиостанции. Карслейк дал их ему. Минут десять назад, по-моему.

– По-вашему! А где были вы сами, Итертон, и почему вы это допустили? Вы же прекрасно понимаете, что значит включить радиостанцию, когда человек на мачте...

Вэллери умолк, вспомнив о Ральстоне и полицейском сержанте.

– Что вы сказали, Итертон? – наклонился к нему Вэллери.

– Я был внизу, сэр. – Итертон смотрел на палубу. – Спустился буквально на минуту.

– Понимаю. Вы были внизу. – Голос Вэллери был сдержан, ровен и спокоен, но выражение глаз командира не предвещало Итертону ничего хорошего. Вэллери повернулся к Тэрнеру. – Лейтенант сильно избит, старпом?

– Выживет, – коротко ответил Тэрнер, помогая Карслейку подняться. Тот стоял, прикрывая рукой окровавленный рот, и охал.

Казалось, лишь сейчас Вэллери заметил Ральстона. Он смотрел на него несколько секунд – целую вечность, – затем зловеще и односложно произнес одно слово. За этим единственным словом чувствовались тридцать лет командования кораблем.

– Ну?

Лицо Ральстона словно окаменело. Не сводя глаз с Карслейка, он произнес:

– Да, сэр. Это сделал я. Я избил его – этого подлого убийцу, этого подонка!

– Ральстон! Вы забываетесь! – Голос полицейского сержанта прозвучал как удар хлыста.

Плечи Ральстона опустились. С усилием оторвав глаза от Карслейка, он устало посмотрел на командира корабля.

– Виноват. Я действительно забылся. Ведь у него на рукаве золотой галун. Подонком может быть только матрос.

Вэллери был поражен горечью, прозвучавшей в словах моряка.

– Но он хотел...

– Разотри подбородок, приятель! – резко оборвал юношу Тэрнер. – Ты поморозился.

Повинуясь, Ральстон стал медленно растирать лицо. Он тер его тыльной стороной ладони. Вэллери поежился, увидев его изувеченную ладонь: кожа и мясо свисали клочьями. Это оттого, что он слезал с рея без рукавиц...

– Он хотел убить меня, сэр. Преднамеренно, – словно нехотя произнес Ральстон.

– Вы отдаете отчет своим словам? – Голос Вэллери был холоден, как ветер, проносившийся над Ланганесом. Но в эту минуту старый моряк сам впервые ощутил некое подобие страха.

– Он хотел убить меня, сэр, – монотонно повторил Ральстон. – За пять минут до того, как я начал слезать с рея, он передал посыльному из радиорубки предохранителя. Как только я добрался бы до мачты, чтобы спуститься вниз, радиостанция оказалась бы включенной.

– Что за ерунда, Ральстон. Как вы смее...

– Это правда, сэр, – убитым голосом произнес Итертон, кладя на место телефонную трубку. – Я только что звонил в радиорубку.

На Вэллери снова повеяло ужасом. Чуть ли не с отчаянием в голосе он произнес:

– Всякий может ошибиться. Возможно, виной тому было неведение, а не злой умысел.

– Неведение! – Усталости в голосе Ральстона как не бывало. Он сделал два быстрых шага вперед. – Неведение, вы говорите! Я сам сдал ему эти предохранители, когда поднялся на мостик. Я спросил, кто вахтенный офицер, а Карслейк заявил, что вахтенный офицер он. Я не знал, сэр, что вахтенный – командир артиллерийской части. Когда я предупредил лейтенанта, что предохранители следует вернуть только мне и никому другому, он сказал: «Надоела мне твоя проклятая настырность, Ральстон. Я занимаюсь своим делом, ты занимайся своим. Полезай наверх и твори чудеса геройства». Он отдавал себе отчет, что делает, сэр.

Вырвавшись из рук старшего офицера, Карслейк бросился к командиру корабля. Вылезшие из орбит глаза побелели, лицо исказила гримаса.

– Это ложь, сэр! Грязная, подлая ложь! – прошамкал он, с трудом шевеля разбитыми губами. – Ничего подобного я не говорил...

Слова его перешли в клохчущий визг: кулак Ральстона обрушился на бормочущий, окровавленный рот Карслейка. Пошатнувшись, тот грохнулся о палубу, отворив при этом дверь в штурманскую рубку, и остался лежать бесформенной грудой. Тэрнер и Гастингс тотчас кинулись к старшему торпедисту и схватили его за руки, но Ральстон и не пытался сопротивляться.

Несмотря на вой ветра, всем показалось, что на мостике воцарилась мертвая тишина. Когда Вэллери заговорил, голос его прозвучал безжизненно:

– Старпом, вызовите пару морских пехотинцев. Отправьте Карслейка в каюту и пришлите к нему Брукса. Гастингс...

– Слушаю, сэр.

– Отправьте старшего торпедиста в лазарет, пусть ему сделают перевязку и все, что полагается. Потом посадите на гауптвахту. Приставьте часового. Понятно?

– Так точно, сэр.

В голосе Гастингса прозвучало удовлетворение.

Вэллери, Тэрнер и артиллерийский офицер молча наблюдали, как два рослых солдата морской пехоты понесли вниз Карслейка, все еще не пришедшего в себя, как в сопровождении Гастингса ушел с мостика Ральстон.

Вэллери двинулся было следом, но, заслышав сзади голос Итертона, замедлил шаг.

– Прошу прощения, сэр. – Вэллери даже не оглянулся.

– Поговорим потом, Итертон.

– Прошу вас, сэр. Это очень важно.

В голосе артиллериста прозвучало нечто такое, что заставило Вэллери остановиться. Он нетерпеливо обернулся.

– Я не о себе хлопочу, сэр. Не пытаюсь оправдаться. Мне нет оправдания. – Он впился глазами в командира корабля. – Когда Ральстон передавал предохранители Карслейку, я стоял у входа в рубку акустика. Я слышал каждое слово.

Лицо Вэллери словно окаменело. Он взглянул на Тэрнера. Тот тоже напряженно ждал.

– Так ли было дело, как рассказывал Ральстон? – Несмотря на усилие Вэллери казаться спокойным, голос его прозвучал хрипло, почти тревожно.

– Именно так, сэр, – едва слышно проговорил Итертон. – До малейшей подробности. Ральстон сказал сущую правду.

На мгновение закрыв глаза, Вэллери с усилием отвернулся. Он не стал протестовать, почувствовав у локтя руку старшего офицера, который помог ему спуститься по крутому трапу. Не раз старина Сократ говорил, что он на собственной спине тащит весь корабль. Он внезапно почувствовал всю, до последней унции, тяжесть этого бремени.

Когда прибыл посыльный, Вэллери и Тиндалл обедали в адмиральской каюте.

Погруженный в думы, командир крейсера смотрел на свою нетронутую тарелку.

Тиндалл разгладил радиограмму.

– «Иду указанным курсом. Соблюдаю график. Волнение умеренное. Ветер свежее. – Адмирал откашлялся и продолжал:

– Рассчитываю прийти на место randevu в указанный срок. Коммодор конвоя Эф-Ар-77».

– Черт меня побери! Волнение умеренное, ветер свежий! Как по-твоему, он в том же океане находится, будь он неладен, что и мы, или как?

Вэллери едва заметно улыбнулся.

– В том-то и вопрос, сэр.

– В том-то и вопрос, – отозвался Тиндалл. Потом повернулся к посыльному. – Передайте следующее: «Идете навстречу сильному шторму. Время и место randevu останется без изменения. Вы, возможно, запоздаете. Будем ждать на условленном месте до вашего прибытия». Сформулировано достаточно вразумительно, командир?

– Пожалуй, да, сэр. Радиомолчание?

– Да, разумеется. Прибавьте еще вот что: «Соблюдать

радиомолчание. Командующий 14-й эскадрой авианосцев». Отправьте депешу немедленно, хорошо? Потом пусть радист закроет вахту.

Дверь осторожно притворилась. Налив себе кофе, Тиндалл взглянул на Вэллери, сидевшего напротив.

– Все еще думаешь о том парне. Дик?

Едва заметно улыбнувшись, Вэллери закурил сигарету. И тотчас закашлялся.

– Прошу прощения, сэр, – произнес он. Помолчав немного, поднял глаза. – Какое безумное честолюбие вынудило меня стать командиром крейсера! – проговорил он невесело.

– Я тебе не завидую, – усмехнулся Тиндалл. – По-моему, я уже слышал подобные слова. Что же ты собираешься предпринять в отношении Ральстона, Дик?

– А что бы ты предпринял на моем месте? – спросил в ответ Вэллери.

– Упрятал бы его за решетку до возвращения из России. Посадил бы на хлеб и воду. Заковал в кандалы, если хочешь.

– Ты никогда не умел убедительно врать, Джон, – улыбнулся Вэллери.

– Угадал! – захохотал Тиндалл. У него потеплело на душе. Втайне он был доволен. Редко, очень редко Ричард Вэллери снимал с себя надетую им самим маску официальности. – Всякому известно: избить офицера флота его величества – тяжкое преступление. Но если Итертон сказал правду, то я только сожалею о том, что Ральстон не произвел полную косметическую операцию на физиономии этого негодяя Карслейка.

– Боюсь, что Итертон не лжет, – покачал головой Вэллери. – Но вся беда в том, что корабельный устав (до чего пришлась бы по вкусу эта фраза Старру!)... устав требует, чтобы я наказал жертву преступления, а не преступника, едва не убившего ее!

Он умолк, сотрясаемый новым приступом кашля. Тиндалл отвернулся, чтобы Вэллери не увидел печали на его лице, не заметил ни сострадания, ли гнева, которые он испытывал при мысли о том, что Вэллери – этот рыцарь без страха и упрека, самый порядочный человек и самый верный – на глазах тает, возможно, умирает у него на глазах из-за слепоты и бессердечности штабной крысы, засевшей в Лондоне, за две тысячи миль отсюда.

– ...Этого бедного юношу, – продолжал наконец Вэллери, – который потерял мать, брата и трех сестер... По-моему, отец его где-то плавает.

– Как насчет Карслейка?

– Поговорю с ним завтра. Мне бы хотелось, сэр, чтобы вы присутствовали при этом разговоре. Я сообщу ему о том, что он остается на корабле лишь до возвращения в Скапа-Флоу. Там я его спишу с крейсера... Не думаю, чтобы он захотел предстать перед трибуналом, даже в качестве свидетеля, – прибавил он сухо.

– Конечно, не захочет, если он в здравом уме, – согласился Тиндалл. – А ты уверен, что он действительно в своем уме? – нахмурился он, пораженный внезапной мыслью.

– Карслейк?.. – Вэллери помолчал в нерешительности. – Да. Я в этом уверен, сэр. Во всяком случае, он был в своем уме. Правда, Брукс в этом не слишком уверен. Говорит,

лейтенант ему нынче вечером что-то не понравился. По мнению Брукса, с Карслейком творится неладное. А в этих экстремальных условиях самые незначительные отклонения от нормы вырастают до невероятных размеров. – Вэллери улыбнулся. – Хотя Карслейк вряд ли считает отклонением от нормы совершенное дважды посягательство на его достоинство и личность.

Тиндалл кивнул.

– Надо будет присмотреть за ним... О проклятие! Когда же прекратится эта болтанка! Полчашки опрокинул на скатерть. Влетит мне от Спайсера. – Он взглянул в сторону буфетной. – Девятнадцать лет, а настоящий тиран... Я-то думал, мы окажемся в защищенной гавани, Дик.

– По сравнению с тем, что нам предстоит, это и есть защищенная гавань! – Он наклонил голову, прислушиваясь к завыванию ветра. – Узнаем, что скажет синоптик.

Протянув руку к телефону, он попросил оператора соединить его с центральным постом управления огнем. Обменявшись несколькими фразами, положил трубку.

– С центрального доносят, что анемометр крутится как бешеный. Скорость ветра достигает восьмидесяти узлов. По-прежнему дует норд-вест. Температура без изменения, десять градусов ниже нуля⁷. – Он поежился. – Десять градусов. – Потом внимательно взглянул на Тиндалла. – Барометр показывает двадцать семь и восемь десятых.

– Что-что?

– Давление двадцать семь и восемь десятых дюйма. Так мне доложили. Невероятно, но факт. – Вэллери взглянул на

⁷ Минус 23 градуса Цельсия. (Прим. переводчика.)

ручные часы. – Пора идти на соединение с конвоем, сэр... Сложный же способ самоубийства мы с вами выбрали.

С минуту оба помолчали. Молчание прервал адмирал Тиндалл, отвечая на мучивший обоих вопрос.

– И все-таки нужно идти, Дик. Кстати, наш бесстрашный мореход, лихой кап-три Ортр вздумал увязаться за нами со своим «Сиррусом»... Пусть попробует, что это за мёд. Узнает, почем фунт лиха.

В 20.20 все корабли эскорта закончили прием топлива. Подрабатывая машинами, они с огромным трудом удерживались на месте: столь свирепо дул ветер. Однако по-камест суда находились в сравнительной безопасности, все-таки не в открытом море. Командиры кораблей получили приказ сниматься с якоря, когда шторм поутихнет. Поврежденному «Дефендеру» вместе, с его провожатыми следовало идти в Скапа-Флоу, остальным кораблям эскадры – к месту randevу с караваном, находившимся в ста милях по пеленгу ост-норд-ост.

Был отдан приказ о радиомолчании.

В 20.30 «Улисс» и «Сиррус» легли на курс ост. Вдогонку замигали сигнальные фонари, желая счастливого плавания. Адмирал Тиндалл принялся было ругаться (корабли эскадры нарушали приказ о затемнении), но потом, сообразив, что, кроме них самих, ни одна живая душа не увидит эти вспышки, вежливо поблагодарил оставшихся за пожелания удачи.

В 20.45, еще не успев выйти из-под прикрытия оконечности полуострова, «Сиррус» получил основательную трепку: похожие на горные хребты волны обрушивались на корабль; с полубака и главной палубы скатывались целые

водопады, и в темноте «Сиррус» походил не столько на эсминец, сколько на всплывающую субмарину.

В 20.50 с «Улисса» заметили, что «Сиррус» сбавил ход и жметя к берегу, как бы ища укрытия. Одновременно замигал шестидюймовый сигнальный прожектор эсминца: «Перекосило водонепроницаемые двери. Носовую башню заклинило. Заливает втяжные вентиляторы котельной левого борта».

Орр ругался на чем свет стоит, до смерти обидевшись, когда прочитал последнюю светограмму с «Улисса»: «Это тебе урок. Сейчас же беги домой. Тебе еще рано играть с большими мальчиками». Проглотив пилюлю, Орр просемафорил в ответ: «Приказ понял. Я еще покажу вам, когда вырасту». Потом круто развернул «Сиррус» на обратный курс и, благодаря в душе Бога, повел корабль в сторону закрытого рейда. На флагмане его почти сразу же потеряли из виду.

В 21.00 «Улисс» вошел в Датский пролив.

ГЛАВА 6

Во вторник (ночью)

То был самый страшный шторм за всю войну. Без всякого сомнения, если бы данные о нем были представлены в адмиралтейство, то выяснилось бы, что это самый свирепый шторм, самая жуткая конвульсия природы из всех, зарегистрированных с тех пор, как адмиралтейство начало регулярно собирать подобного рода сведения. Ни одному

из самых бывалых моряков «Улисса» – даже тем, кто обшарил все уголки земного шара, – не приходилось видеть на своем веку хотя бы нечто, отдаленно похожее на эту бурю.

В двадцать два часа были задраены все двери и люки, всякое передвижение по верхней палубе запрещено. Расчеты покинули орудийные башни и артиллерийские погреба; впервые за все время после спуска крейсера на воду была отменена вахта на верхней палубе. Даже молчаливый Кэррингтон признался, что заставшие его в Карибском море осенние ураганы, от которых ему не удалось уйти в тридцать четвертом и тридцать седьмом году (оба раза ему, очутившемуся в правой четверти этих смертоубийственных циклонов, пришлось отстаиваться на плавучем якорю), даже они вряд ли были опаснее нынешней бури. Правда, суда, которыми он тогда командовал, – трамп⁸ водоизмещением в 3000 тонн и допотопный танкер, возивший битум и работавший на нью-йоркской линии, – не обладали теми мореходными качествами, какими отличался «Улисс». Кэррингтон едва ли сомневался в том, что крейсер выдержит испытание. Но ни первый офицер, ни кто-либо другой не догадывались, что этот свирепо завывающий шторм был лишь жутким вступлением к адской симфонии.

Подобно лишенному разума страшному зверю из некоего древнего, неизвестного доселе мира, полярное чудовище уже выползло из своего логова и сжалось в комок, готовое к прыжку. В 22.30 «Улисс» пересек Полярный круг. И тут чудовище нанесло первый удар.

⁸ Трампом, или трамповым судном, в отличие от линейного, называется судно, работающее где придется, а не на какой-то определенной линии перевозок. (Прим. переводчика.)

Оно наносило удары с жестокостью и дикой злобой, сокрушая людей духовно и физически и не давая им опомниться. Когтями ему служили острые ледяные рапиры, которые рассекали человеку лицо, оставляя на нем кровавые рубцы.

Зубами – морозный вихрь, несшийся со скоростью выше ста двадцати узлов и пронзавший, точно папиросную бумагу, самую плотную одежду, пробирая человека до самых костей. Голосом его был дьявольский оркестр – могучий рев ветра, сливавшийся с заубойным воем такеджа и мучительными стопами рангота.

Всей своей гигантской тяжестью чудовище наваливалось на беспомощный корабль.

Очутившегося на палубе человека сокрушительная мощь вихря придавливала к переборке с такой силой, что тот не мог вздохнуть, а иной бедняга, отброшенный куда-нибудь в угол, падал, ломая себе кости, и терял сознание.

Не найдя добычи среди стальных пустынь Гренландского ледового щита, вместе с океаном – союзником столь же безжалостным, как и оно само, – чудовище, двигавшееся фронтом в полтысячи миль, с яростью и рыком обрушилось на «Улисс» – эту крохотную скорлупку.

«Улиссу» следовало погибнуть в ту же минуту. Ни одно творение рук человеческих не могло выдержать подобного удара. Корабль должен был утонуть, перевернуться вверх дном, сломать себе хребет или же, оказавшись между гигантской наковальней и молотом – ветром и волнами, – развалиться на части.

Однако ничего подобного не произошло.

Каким образом выдержал «Улисс» слепую ярость первой атаки, одному Богу известно. Мощный вихрь подхватил носовую часть корабля и, повернув его на 45 градусов, швырнул корабль на бок в то самое мгновение, когда он начал буквально падать вниз, скользя по головокружительному склону исполинской водяной горы. «Улисс» ударился о подошву этой горы с такой страшной силой, что корпус его затрясся всеми листами обшивки, каждой заклепкой. Вибрация длилась целую вечность, и в течение всего этого времени стальная коробка крейсера испытывала чудовищные перегрузки, не предусмотренные никакими кораблестроительными стандартами. Металл гнулсЯ, но не лопалсЯ. Каким-то чудом крейсер еще держалсЯ на плаву, но минуты его, казалось, сочтены. Он повалилсЯ на правый борт, едва не черпая воду. А уже в сторону беззащитного корабля с ревом ринулАсь находившАяся в полумиле новая гигантская, выше мачт крейсера, волна.

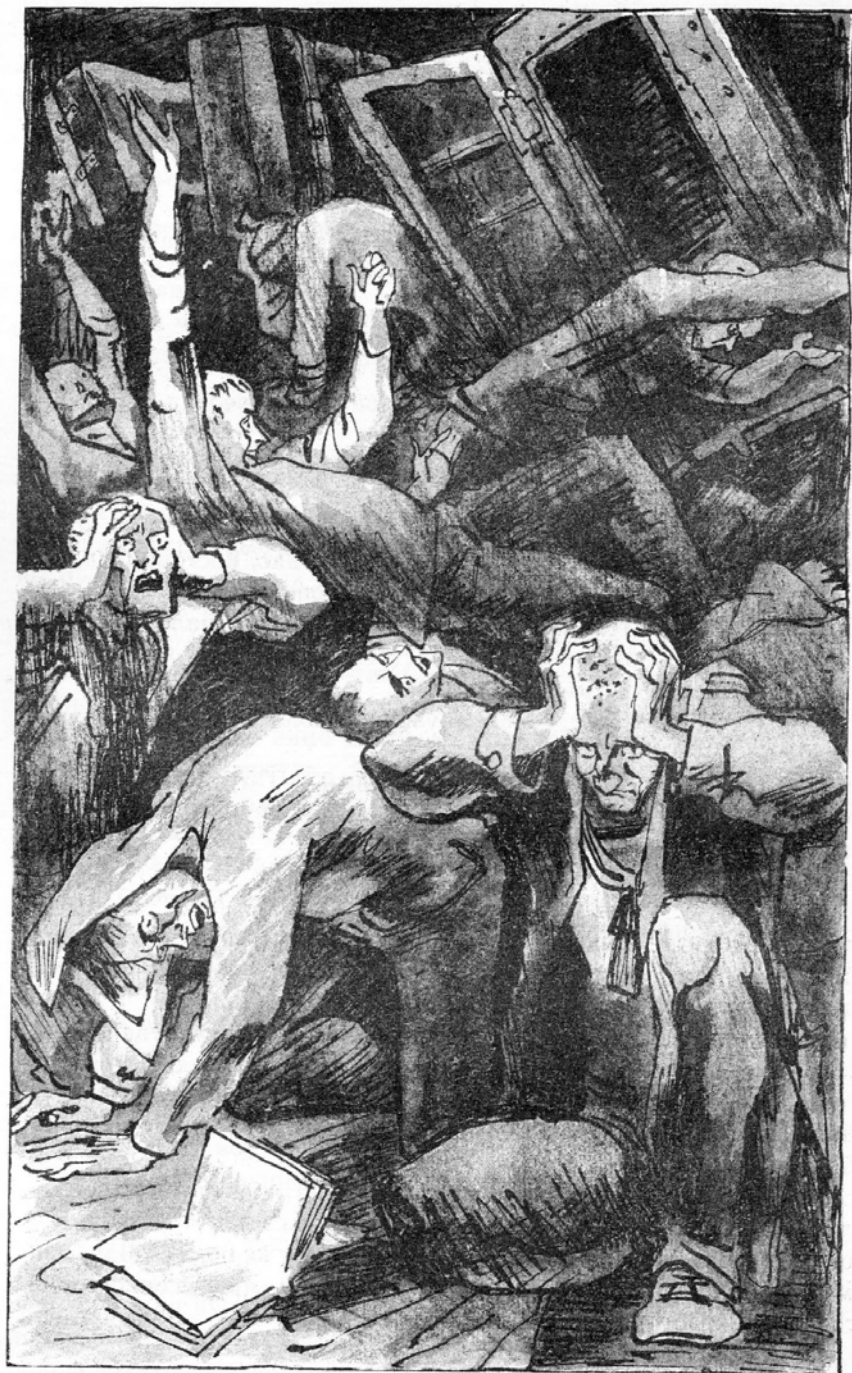
Спасителем «Улисса» оказалсЯ «дед». «Дед», известный также под прозвищем «Персил», а официально старший инженер-механик Додсон, как всегда, облаченный в белоснежный комбинезон, находилсЯ на командном пункте машинного отделения в ту самую минуту, когда сверхъестественной силы вихрь подхватил корабль. Додсон не знал, что именно произошло. Не знал, что корабль неуправляем, что никто из находившихся на мостике не успел оправиться от первого оглушительного удара. Не знал, что старшина-рулевой, отлетев в дальний угол рулевой рубки, потерял сознание, что его помощник, еще совсем мальчик, перепугавшись до смерти, не решалсЯ схватить бешено вращающийся штурвал. Но он знал, что «Улисс» круто кренится, почти ложится на воду, и догадалсЯ, в чем дело.

Он принялся кричать в переговорную трубу, соединяющую машинное отделение с мостиком, но никто не ответил. Показав на приборы управления левой машиной, он заорал в самое ухо вахтенному механику: «Малый ход!», а сам прыгнул к маховику правой машины.

Опоздай он секунд на пятнадцать, кораблю пришел бы конец. Однако, прибавив оборотов правому винту, он успел развернуть корабль носом к несшейся с ревом водяной горе. Корма крейсера погрузилась до самых поручней, а киль, обнажившись метров на двенадцать, повис над бездонной пропастью.

Когда корабль устремился вниз, вонзаясь в стену воды, корпус его потряс новый удар – полубак исчез под поверхностью моря, волны перехлестнули через носовую орудийную башню. Но крейсер снова встал наперерез волне. В ту же минуту «дед» дал знак механику увеличить обороты, а сам повернул маховик в прежнее положение.

В нижних помещениях корабля царил невообразимый хаос. Сорванные с мест стальные шкафы ерзали по кубрикам в самых различных направлениях. Накладки и замки лопнули, и содержимое рундуков вывалилось на палубу. Койки были сброшены с сеток, помещения усыпаны осколками битой посуды. Повсюду, словно после чудовищного погрома, ломаные столы, табуретки, а вперемешку с ними – книги, листки бумаги, чайники, котелки и прочая утварь. Среди этого немыслимого беспорядка кричали и бранились испуганные, измученные люди. Одни силились подняться на ноги, другие опустились на колени, третьи просто сидели, иные лежали пластом.

Начальник корабельной медицинской службы Брукс и лейтенант Николлс, которым помогал энергичный, не знающий устали корабельный священник, буквально сбились с ног. От старого моряка, старшего санитары Джонсона, проку не было никакого: его, видно, укачало. Почему так случилось, никто не знал; вероятно, существует предел человеческой выносливости.

Раненых приносили в лазарет целыми пачками – по десять, двадцать человек. Вереница эта тянулась всю ночь, пока «Улисс» боролся за свою жизнь, и тесное помещение переполнилось до отказа. Вскоре и кают-компания стала походить на полевой госпиталь. Ушибы, резаные раны, вывихи, сотрясения мозга, переломы – какими только больными не приходилось заниматься в эту ночь измученным врачам. К счастью, серьезных увечий было немного: за четыре часа в лазарете появилось всего девять «лежачих» пациентов. Чтобы освободить место для раненых, отчаянно бранившегося Райли и его дружков бесцеремонно вышвырнули.

Около 23.30 Николлса вызвали к штурману. То и дело падая из-за дикой качки, молодой врач наконец добрался до каюты больного. У Карпентера был совсем убитый вид. Внимательно оглядев его, Николлс заметил глубокий безобразный шрам на лбу и распухшую лодыжку, выглядывавшую из-под марсианского скафандра. Дело плохо, но, судя по несчастному лицу Капковского, не так уж безнадежно, усмехнулся про себя Николлс.

– Ну, Гораций, произнес он неприветливо. – Что еще стряслось? Опять нализался?

Его благородие жалобно застонал.

– Спина, Джонни, – пробормотал он и лег на койку вниз лицом. – Взгляни, а?

Лицо у Николлса изменилось. Шагнув было вперед, он остановился.

– Как же я взгляну, – воскликнул он раздраженно, – если на тебе этот дурацкий комбинезон, будь он неладен!

– И я про то же! – подхватил Капковый, – Меня в проекторной о пульт ударило. А там разные ручки, острые детали. Он что, разорван? Поврежден или порезан? А швы, они...

– Господи Боже! Неужели ты хочешь сказать... – недоверчиво проговорил Николлс, опускаясь на рундук.

– Выходит, он цел? – с надеждой посмотрел на него Капковый мальчик.

– Конечно, цел! Но если тебе понадобился портняжка, какого же ты дьявола...

– Довольно! – Бойко вскочив, штурман сел на край койки и предостерегающе подмял руку. – И для вас, костоправов, работенка найдется, – он показал на кровотокающий лоб. – Заштопай-ка меня, только поживей. Без такого специалиста, как я, на мостике не обойтись... Я единственный человек на корабле, который знает, где мы находимся.

– Ну и где же? – усмехнулся Николлс, держа в руках тампон.

– Не знаю – признался Капковый. – Потому-то и надо спешить. Но зато я знаю, где я находился! У себя дома, в Хенли. Я тебе рассказывал?..

«Улисс» не погиб. В ту ночь, когда на дрейфующий корабль, в правую скулу которого дул ветер, обрушивались

огромные массы воды, не раз казалось, что крейсеру не под силу стряхнуть страшный груз. Однако, судорожно напрягаясь всем корпусом, корабль снова и снова сбрасывал с себя немыслимое бремя. Тысячекратно, до самой зари офицеры и матросы благословляли кораблестроителей с Клайда, создавших этот крейсер; тысячекратно кляли они слепую злобу бури, то и дело норовившей опрокинуть их корабль.

Пожалуй, слово «слепую» в данном случае неуместно. В дикой своей ярости шторм орудовал с почти человеческим коварством. Сразу после первой атаки ветер невероятно быстро повернул и, вопреки всем законам метеорологии, снова задул с севера. На «Улисс», находившийся у подветренного берега, то и дело обрушивались огромные валы.

Гигантские валы эти, казалось, были одушевленными существами... С ревом мчатся мимо «Улисса», огромный вал неожиданно делая рывок в сторону и опускался на палубу корабля, разбивая вдребезги то одну шлюпку, то другую.

За какой-то час от вельбота, разъездного катера и двух моторных баркасов остались одни щепки, тотчас пропавшие в кипящем котле. Спасательные плоты Карлея сорвало и смыло за борт, туда же отправились и четыре бальзовых плотов.

Но особенно досталось кормовой части крейсера. В самый разгар шторма раздалась серия мощных взрывов. Корма корабля чуть не выпрыгнула из воды.

Точно лесной пожар, в кормовых кубриках распространилась паника; на юте почти все лампы освещения

были разбиты или выведены из строя. Заглушая ропот, по темным кубрикам понеслись вопли: «Нас торпедировали!», «Мины!», «Корабль тонет!» Эти вопли точно гальванизировали измученных, израненных людей – даже тех, кто, укачавшись, лежал в разной степени прострации. Толпа ринулась к дверям и люкам, но из-за лютой стужи их невозможно было открыть.

Тут и там вспыхивали автоматические аккумуляторные лампы; тусклые, подобно тлеющим булавочным головкам, они выхватывали из тьмы бледные как смерть, осунувшиеся, с запавшими глазами, искаженные страхом лица. Еще минута, и случилось бы непоправимое. Но тут среди бедлама раздался грубый, насмешливый голос Ральстона; по распоряжению командира корабля его освободили еще накануне около девяти часов. Карцер находился в форпике, в самом носу корабля, и при встречной волне оставлять там человека было опасно. Но, даже получив приказ командира, Гастингс выполнил его с величайшей неохотой.

– Это же глубинные бомбы взорвались! Слышите, идиоты безмозглые? Наши собственные глубинные бомбы!

Не столько слова, сколько ядовитая, убийственная насмешливость тона – вот что прекратило панику, остановило обезумевших людей.

– Говорят вам, это глубинные бомбы! Их, верно, за борт смыло.

Ральстон оказался прав. Сорванная шальной волной, за борт упала целая серия глубинных бомб. По чьему-то недосмотру взрыватели были установлены на малую глубину. Очевидно, бомбы были подготовлены к сбрасыванию при появлении в Скапа-Флоу мини-лодки и взорвались под

самым днищем корабля. Однако, судя по всему, повреждения были незначительными.

Тем, кто находился в носовом кубрике, приходилось хуже остальных.

Ломаной мебели и утвари тут было еще больше, а укачались чуть ли не все.

Здесь не было вызывающих насмешку зеленых лиц, какие увидишь у страдающих морской болезнью пассажиров плавающего по Ла-Маншу парохода. Здесь люди корчились в конвульсиях, исходили кровавой рвотой; шутка ли сказать, нос корабля то поднимался на девять, двенадцать, а то и пятнадцать метров, то стремительно опускался вниз с этой высоты. И так продолжалось до бесконечности. В довершение всего, случилась новая беда. Остаться в носовом кубрике стало невозможно.

Впереди канатного ящика, к которому примыкал кубрик, находилась аккумуляторная. В ней размещалось и при надобности заряжалось не меньше сотни разного типа аккумуляторов, начиная от тяжелых свинцово-кислотных батарей весом свыше пятидесяти килограммов и кончая крохотными никеле-кадмиевыми элементами, что использовались для аварийного освещения.

Тут же хранились керамические банки с готовым раствором и огромные стеклянные бутылки с неразведенной серной кислотой. Эти бутылки находились тут на постоянном хранении; в штормовую погоду их накрепко принаитовывали.

Никто не знал, как все произошло. Скорее всего, выплеснувшаяся из-за жестокой килевой качки из аккумуляторов кислота разъела крепления. Один аккумулятор,

видно, сорвался с места и разбил другой, третий... затем дошла очередь до банок и бутылей, в результате чего в аккумуляторной, к счастью, облицованной кислотоупорным материалом, образовалась лужа серной кислоты глубиной пять-шесть дюймов.

Молодой торпедист, открыв во время обхода дверь в аккумуляторное отделение, увидел, что там плещется кислота, и до смерти перепугался.

Вспомнив, что каустическая сода нейтрализует серную кислоту, он высыпал в аккумуляторную целый сорокафунтовый картон каустика. Теперь бедняга лежал в лазарете: ему выжгло глаза. Пары кислоты заполнили шпильное отделение, и войти туда без кислородной маски было невозможно. Медленно, но верно ядовитые пары просачивались в кубрик. В довершение всего, сквозь разорванные переговорные трубы и поврежденные листы палубы из шпильного проникали сотни галлонов соленой морской воды. В воздухе уже пахло хлором. Обвязавшись концом, Хартли с двумя моряками попытались было заделать зияющие отверстия.

Но на полубак по-прежнему обрушивались огромные волны. Не прошло и минуты, как троих смельчаков чуть живых унесли прочь.

В нижних помещениях царил поистине кавардак. Если находящимся там угрожала опасность быть искалеченными и уделом их были мучительные приступы морской болезни, то на ходовом мостике, где была горстка моряков-офицеров и рядовых, царил суший ад. Причем не тот, о котором повествуется в Библии, но ад в представлении наших далеких североευропейских предков – язычни-

ков-викингов, датчан, ютов – ад Беовульфа с озерами, где кишат жуткие чудища, ад, где царит вечный холод.

Правда, термометр показывал всего тридцать градусов по Цельсию.

Известно, что люди живут и даже работают при гораздо более низких температурах. Однако менее известен факт, который люди едва ли сознают в полной мере, – факт, что при минусовых температурах усиление скорости ветра на один узел эквивалентно понижению температуры на один градус. Не однажды, а несколько раз в ту ночь анемометр, под конец вышедший из строя, регистрировал скорость ветра в сто двадцать пять узлов. Под таким напором штаги рвались как нитки, а дымовые трубы чуть не унесло прочь. Закоченевшие, точно парализованные люди, находившиеся на мостике, испытывали мороз градусов шестьдесят по Цельсию.

Каждые пять минут люди уходили с мостика в командирскую рубку: дольше выдержать было невозможно. Правда, вахту на ходовом мостике несли лишь для порядка, о том, чтобы смотреть вперед, не было и речи. Колючим инеем залепило бы веки, частицами льда выбило бы глаза. Диски Кента по-прежнему вращались с огромной скоростью, но проку от них не было никакого: песчинками, которыми была посыпана палуба, стекла расцарапало до такой степени, что они стали матовыми.

Ночь была не слишком темной. Можно было наблюдать небо в направлении траверза и кормы. Иногда в просветах возникало усыпанное звездами синее небо, но мгновение спустя просветы эти закрывали мчащиеся стремглав рваные тучи. По бортам и по корме море казалось черным

бархатом, отделанным белыми кружевами. Не было ни вчерашних стройных валов, двигавшихся чередой, ни нарядных белоснежных гребней. Повсюду, куда ни глянь, могучие водяные горы.

Сталкиваясь между собой, они расходились в разные стороны, но затем устремлялись на юг. Некоторые из этих движущихся хребтов (не верилось, что это волны), величиной с коттедж, казались лилипутами по сравнению с иными великанами, высотой в двадцать – двадцать пять метров, вздымавшимися в поднебесье, заслоняя собой горизонт...

Как заметил Капковый мальчик, самое лучшее – это сделать вид, что не замечаешь этих исполинов. В большинстве своем волны проходили мимо, не причиняя кораблю вреда, но иногда обрушивали свои гребни на мостик, окатывая с головы до ног вахтенного офицера. Беднягу тотчас сменяли, иначе минуту спустя он превратился бы в глыбу льда.

Как это ни невероятно, «Улисс» остался цел и невредим. Но поскольку моряки не видели, что происходит прямо по курсу, у каждого в душе жила тревога. Что-то случится минуту спустя? Пронесется ли следующий вал мимо или же низринет их в пучину? Мысль эта ни на секунду не покидала моряков, ожидание стало еще тревожней. Оттого, что никто не видел, как «Улисс» карабкается по склону гигантской волны, а затем устремляется вниз, напряжение росло. Лишь по силе вибрации корпуса да по головокружительной скорости такого спуска можно было судить о размерах водяной горы. Шум волн тонул в адской какофонии ветра, дико завывавшего в мачтах и штагах.

Около двух часов ночи, сразу после того, как прозвучали разрывы глубинных бомб, несколько старших офицеров «Улисса» устроили своего рода бунт. Разбуженный грохотом, измученный, дрожащий от стужи командир корабля, всего час назад по настоянию старпома отправившийся в каюту, поднялся на мостик. Там его встретили старший офицер и командер Уэстклифф. Преградив Вэллери дорогу, они вежливо препроводили его в командирскую рубку. Открыв дверь, Тэрнер включил свет. Вэллери был скорее изумлен, чем разгневан.

— Это еще что такое? — спросил он властно.

— Бунт, — жизнерадостно прогудел Тэрнер. Лицо его, израненное осколками льда, было запачкано кровью. — Бунт в открытом море — так это, очевидно, называется. Правильно, адмирал?

— Совершенно верно, — кивнул Тиндалл. Вздрогнув, Вэллери оглянулся.

Адмирал вытянулся на койке, сложив руки, точно покойник.

— Я не вправе указывать командиру на его корабле. Но я сделаю вид, что ничего не заметил, — проговорил адмирал и в изнеможении откинулся назад.

Никому даже в голову не пришло, что адмирал и не думал притворяться.

Вэллери промолчал. С серым, осунувшимся лицом и воспаленными глазами он стоял, стискивая поручни. Когда старший офицер взглянул на командира, его точно ножом кольнуло. Он заговорил необыкновенно тихо и серьезно. Это не было похоже на Тэрнера, и Вэллери весь превратился в слух.

– Сэр, в такую ночь военному тут делать нечего. Опаснее нынешней бури противника не существует. Вы согласны?

Вэллери молча кивнул.

– Тут нужен опытный моряк. При всем к вам уважении позвольте мне заявить, что никто из нас в этом смысле не чета Кэррингтону. Это моряк высшей пробы.

– Очень любезно с вашей стороны, что вы не позабыли и себя, – пробормотал Вэллери. – Только напрасно вы скромничаете, старпом.

– Всю ночь на мостике будет находиться первый офицер. Кроме него, Уэстклифф. И я.

– Я тоже, – проворчал Тиндалл. – Но сейчас я сосну. – Вид у адмирала был почти такой же измученный, как и у Вэллери.

– Благодарю вас, сэр, – улыбнулся Тэрнер. – Боюсь, командир, на мостике нынче будет тесновато... Так что увидимся после завтрака.

– Но постойте...

– Никаких «но», – буркнул Уэстклифф.

– Прошу вас, – настаивал Тэрнер. – Вы нас премного обяжете.

Вэллери посмотрел на него.

– Я, как командир корабля... – Он не закончил фразы. – Не знаю, что и сказать.

– Зато я знаю, – тотчас нашелся Тэрнер, взяв Вэллери под руку. – Пойдемте со мной.

– Не уверены, что я дойду без посторонней помощи? – чуть улыбнулся Вэллери.

– Нет, почему же. Но лучше не рисковать. Прошу вас, сэр.

– Ну хорошо, хорошо, – устало вздохнул старый моряк. – На что только не согласишься ради спокойной жизни... и возможности выспаться!

Лейтенант Николлс с трудом сбросил с себя путы тяжелого сна. Медленно, нехотя разлепил веки. «Улисс» по-прежнему отчаянно качало; палуба уходила из-под ног с такой стремительностью, что дух захватывало. Николлс увидел наклонившегося над ним Капкового мальчика. Лоб штурмана обмотан бинтом, остальная часть лица в пятнах крови. Вид у Карпентера был до отвращения жизнерадостный.

– Вставать, вставать, довольно спать... и так далее... – усмехался Карпентер. – Как мы себя сегодня чувствуем? – произнес он дурашливым голосом. Отпрыск знатного рода, лейтенант Карпентер не слишком-то уважал профессию врача.

– В чем дело, Энди? – вытаращил на него сонные глаза Николлс. – Случилось что-нибудь?

– Что может случиться, когда на мостике господа Кэррингтон и Карпентер, – заносчиво проговорил Капковый мальчик. – Не желаешь ли подняться наверх, посмотреть, как делает свое дело Кэррингтон? Он собирается развернуть корабль на обратный курс. А в такой заварушке дело это нешуточное!

– Так ты меня затем только и разбудил?

– Старик, при повороте корабля на другой курс ты все равно оказался бы на палубе... Только, пожалуй, со сломанной шеей. Ко всему, Джимми, требуется твоя помощь. Ему нужны толстые стекла, а их у тебя в лазарете навалом. Однако, как я убедился, лазарет закрыт, – прибавил он без стеснения.

– Но к чему они... эти стекла?

– Пойдем, сам увидишь.

Забрезжил жуткий, зловещий рассвет – достойный эпилог кошмара. Над кораблем, едва не задевая за мачты, проносились белесые полосы, но в вышине небо было чистым. Огромные волны стали гораздо короче и круче. Машины работали на малых оборотах, лишь бы крейсер слушался руля. Несмотря на это, шедший против волны «Улисс» нещадно трепало. Ветер, скорость которого многим не достигала пятидесяти узлов, дул ровно. И все-таки, едва Николлс вышел на палубу, вихрь обжег ему легкие, ослепил льдом и студеным ветром.

Поспешно обмотав лицо шарфом, молодой врач стал на ощупь подниматься на мостик. За ним, неся в руках куски толстого стекла, следовал Капковый. Когда они взбирались по трапу, из динамика вырвалось что-то нечленораздельное. На плохо освещенном мостике находились лишь Тэрнер и Кэррингтон, закутанные точно мумии. Глаза их были скрыты очками.

– Привет, Николлс, – прогудел старший офицер. – Ведь это, кажется, он, не так ли? – Повернувшись к ветру спиной, Тэрнер сорвал с себя очки и в сердцах отшвырнул их прочь. – Ни черта не видно в эти хреновины... Эй, первый, он притащил стекла.

Николлс пригнулся, чтобы спрятаться за нактоуз. В углу валялась груда очков, стеклянных щитков, противогазных масок. Он мотнул головой в их сторону.

– Это что, распродажа?

– Ложимся на обратный курс, док, – произнес Кэррингтон. Голос его звучал спокойно, как всегда в нем не было и следа усталости.

– Но нам нужно видеть, что у нас по курсу. От этих же хреновин, как выразился старпом, никакого проку. Они мгновенно обледеневают. Не подержите ли стекло, вот так.... А вы протирайте, Энди.

Взглянув на огромные волны, Николлс содрогнулся.

– Простите мое невежество, но к чему нам вообще куда-то поворачивать?

– Потому что скоро это будет невозможно, – ответил Кэррингтон. Потом, усмехнувшись, добавил:

– Боюсь, предстоящий маневр сделает меня самым непопулярным офицером на корабле. Мы только что предупредили экипаж о повороте. Готово, сэр?

– В машинном отделении! На руле! Подготовиться к повороту! Готово, первый.

Тридцать, сорок пять секунд, целую минуту Кэррингтон неотрывно смотрел через стекло. У Николлса замерзли руки. Капковый прилежно тер стекло. Потом раздалась команда:

– Левая, машина, средний ход!

– Левая машина, средний ход! – эхом отозвался Тэрнер.

– Право двадцать!

– Право двадцать!

Николлс рискнул взглянуть краешком глаза через плечо. За долю секунды, прежде чем глаза его наполнились слезами, он успел увидеть гигантский вал, ринувшийся прямо на корабль, нос которого уже находился под углом к фронту волны. Боже милостивый! Почему Кэррингтон не дождался, пока она пройдет?

Огромная волна подбросила носовую часть крейсера ввысь, безжалостно накренив корабль на правый борт, и

прошла под днищем. С судорожным усилием перевалив через гребень, «Улисс» бешено устремился вниз, кренясь на противоположный борт. Мачты – эти огромные обледеневшие деревья – описали гигантского радиуса дугу, а поручни левого борта погрузились в подошву нового вала.

– Левая, полный вперед!

– Левая, полный вперед!

– Право тридцать градусов!

– Право тридцать градусов!

Следующая волна, пройдя над кораблем, лишь выпрямила его. И тут Николлса осенило. Невероятно (поскольку это невозможно было предугадать), но Кэррингтон словно предвидел, что между двумя встречными волнами должен образоваться участок сравнительно спокойной воды. Как он догадался, что это произойдет, не знал никто, в том числе и сам Кэррингтон. Но это был великий моряк, и чутье не обмануло его. В течение пятнадцати или двадцати секунд море представляло собой кипящую белую массу, где волны сталкивались, сшибались меж собой. Такое, хотя и в гораздо меньших масштабах, происходит при встрече морских течений и возле водопадов. Воспользовавшись относительным затишьем, «Улисс» беспрепятственно проскользнул среди валов.

Затем на завершивший поворот корабль ринулась новая волна – высотой до самого ходового мостика. Подойдя с траверза, она всей своей огромной тяжестью обрушилась на крейсер. Такого удара в ту ночь крейсеру еще не приходилось получать. «Улисс» лег на борт, так что поручни оказались под водой. Николлса сшибло с ног, и он с размаху ударился о борт мостика. Стекло разлетелось вдре-

безги. Он готов был поклясться, что в эту минуту слышался смех Кэррингтона. Оправившись от удара, Николлс стал продвигаться к центру компасной площадки.

Но этим дело не кончилось. Швырнув «Улисс» в пропасть, когда крен достиг сорока градусов, гигантский вал начал безжалостно опрокидывать корабль. Стрелка креномера неумолимо поползла: сорок пять градусов, пятьдесят, пятьдесят три... Потом остановилась. Казалось, прошла целая вечность. Моряки упирались ногами в борт, цеплялись за неровности палубы, тупо осознавая, что случилось неизбежное. Конец. Из такого крена «Улиссу» не выйти.

Тянулись долгие, как жизнь, секунды. Белые как полотно Николлс и Карпентер бессмысленно глядели друг на друга. Наклоненный под таким углом, мостик оказался защищенным от ветра. Внезапно раздался голос Кэррингтона. Он прозвучал спокойно, буднично и удивительно отчетливо.

— Крен достигнет шестидесяти пяти градусов. Потом корабль вернется на ровный киль, — произнес он, как ни в чем не бывало. — Не потеряйте свои шапки, господа. Вам предстоит увидеть нечто любопытное.

Не успел он закончить, как «Улисс» вздрогнул, потом сначала медленно, а затем с бешеной скоростью стал крениться в обратную сторону, описывая дугу в девяносто градусов, затем снова качнулся назад. Николлс снова очутился в углу мостика. Но к тому времени поворот был почти закончен.

Успевший прийти в себя Капковый мальчик с улыбкой тронул Кэррингтона за плечо.

– Не оглядывайтесь, сэр. Дело в том, что мы потеряли грот-мачту.

Он несколько преувеличивал, однако верхней части мачты – футов пятнадцать длиной – вместе с круговой антенной радиолокатора действительно как не бывало. Двойного удара, к которому прибавился вес льда, стенга не смогла выдержать.

– Обе машины – малый вперед! Прямо руль!

– Обе машины – малый вперед! Прямо руль!

– Так держать!

«Улисс» лег на обратный курс. Перехватив взгляд Николлса, Капковый кивнул в сторону первого офицера.

– Понял, что я хотел сказать, Джонни?

– Да, – спокойно произнес Николлс. – Я понял, что ты хотел сказать.

Потом, широко улыбнувшись, прибавил:

– В следующий раз поверю тебе на слово. Доказательство твоей правоты слишком вредно для моего здоровья!

Двигаясь с крупной попутной волной, «Улисс» стал удивительно устойчивым на курсе. Ветер тоже перешел на корму, и мостик словно по волшебству оказался защищенным от шторма. Летевшие над кораблем клочья тумана начали таять, они почти исчезли... Далеко на зюйд-осте по безоблачному небосклону поднималось ослепительное белое солнце. Долгая ночь кончилась.

Через час, когда ветер поутих и скорость его уменьшилась до тридцати узлов, радарной установкой было обнаружено несколько кораблей, шедших с веста. Спустя еще час ветер и вовсе спал, шла лишь крупная зыбь. И тут на горизонте показались хвосты дымков. В десять тридцать в

условленном месте, в условленное время состоялось ран-деву «Улисса» с конвоем из Галифакса.

ГЛАВА 7

В среду (ночью)

Тяжело переваливаясь с борта на борт, один за другим подходили суда конвоя. Огромная эта армада была лакомым куском для любой «волчьей стаи». В караване насчитывалось восемнадцать единиц: пятнадцать крупнотоннажных транспортов современной постройки и три танкера водоизмещением по 16000 тонн. Груз, который они везли, был гораздо ценнее и нужнее, чем тот, какой когда-либо знавали античные триремы или испанские галеоны. Они везли танки, самолеты, бензин. Что по сравнению с этими сокровищами золото и драгоценные камни, шелка и редчайшие пряности? Все это добро стоило по меньшей мере десять или двадцать миллионов фунтов стерлингов, в действительности же не имело цены.

Приветствуя «Улисс», проходивший между левой и средней колоннами конвоя, на палубах транспортов выстроились их экипажи. Торговые моряки изумленно разглядывали крейсер и благодарили Всевышнего за то, что этот страшный шторм прошел стороной, не задев их. «Улисс» представлял собой незабываемое зрелище: со сломанной мачтой, без спасательных плотов, с туго задраенными шлюпталями над осиротевшими кильблоками, при свете утра он сверкал словно хрустальный. Свирепым

вихрем сдуло с палубы весь снег и отполировало лед, которым был покрыт корабль, так что он стал прозрачен и гладок, точно шелк. На обеих скулах и на передней части надстройки алели огромные пятна: нашпигованный песком ураганный ветер ободрал защитную окраску и обнажил загрунтованный свинцовым суриком металл.

Американское охранение было немногочисленным: тяжелый крейсер, оснащенный гидропланом-разведчиком, два эсминца и два фрегата береговой обороны.

Но этого было вполне достаточно: эскортные авианосцы, которые зачастую сопровождали атлантические конвои, не требовались, поскольку самолеты «Люфтваффе» не могли значительно удалиться от своих баз в западном направлении, а «волчьи стаи» немецких подводных лодок последнее время действовали севернее и восточнее Исландии. В результате они не только оказывались ближе к своим базам, но и могли без труда оседлать сходящиеся в один пучок пути конвоев, направляющихся в Мурманск. Транспорты, американские корабли эскорта и «Улисс» двигались на ост-норд-ост. Шли до тех пор, пока к концу дня на горизонте не замаячил похожий на ящик из-под мыла силуэт эскортного авианосца. Спустя полчаса, в 16.00, американские корабли сбавили скорость, дали задний ход и легли на обратный курс, на прощание помигав сигнальными фонарями. Моряки «Улисса» смотрели им вслед со смешанным чувством. Они понимали, что американцам нужно возвращаться, что в заливе Святого Лаврентия их ждет новый караван. Они не испытывали ни зависти, ни горечи, чего еще несколько недель назад можно было бы ожидать от этих измученных людей, несших ос-

новное бремя войны на море. Вместо этого у них появилось беззаботное равнодушие, полуциничная бравада, зачастую граничившая со своеобразной гордостью, которую моряки «Улисса» пытались замаскировать соленой шуткой и напускной грубостью.

14-я эскадра авианосцев, вернее, то, что от нее осталось, находилась всего в двух милях. Поднявшись на мостик, Тиндалл начал поминать всех святых: одного авианосца и тральщика недосчитались. К Джеффрису, командиру «Стерлинга», полетела сердитая депеша: «Почему не выполнен приказ, куда подевались два корабля?»

«Стерлинг» замигал сигнальным фонарем. Тиндалл молча, с угрюмым лицом выслушал Бентли, читавшего ему ответ. Выяснилось, что ночью у «Реслера» вышло из строя рулевое управление. Несмотря на близость полуострова Ланганес, шторм дал себя знать. В полночь, когда ветер повернул к северу, буря еще больше рассвирепела. Хотя «Реслер» имел два винта, он почти перестал управляться. Пытаясь сохранить свое место, он оторвался и из-за отсутствия видимости сел на банку Вейле. Произошло это во время прилива, поэтому до сих пор судно не могло сняться. На рассвете эскадра направилась к месту randevu. Возле потерпевшего бедствие авианосца остался лишь тральщик «Игер».

После некоторого раздумья Тиндалл продиктовал радиограмму «Реслеру», но, не рискнув нарушить радиомолчание, распорядился задержать радиограмму и решил самолично выяснить обстановку. Ведь до «Реслера» каких-то три часа ходу. Он просигналил «Стерлингу»: «Принять командование эскадрой. Присоединюсь утром» и приказал Вэллери повернуть на Ланганес.

Вэллери невесело кивнул и отдал необходимые распоряжения. Он был донельзя расстроен и изо всех сил старался не показать этого. Менее всего Вэллери заботился о самом себе, несмотря на то, что знал (хотя никому бы не признался в этом), что он тяжело болен. Усмехнувшись, он подумал, что признаваться-то и незачем; его радовала и трогала нарочитая небрежность, с какой офицеры пытались облегчить его бремя, проявить свою заботу о командире.

Больше всего его тревожил экипаж: при такой стуже люди были не в состоянии выполнять простейшую работу, а не то что с боями вести корабль в Россию. Его огорчили невзгоды, преследовавшие эскадру с того самого дня, как корабли покинули Скапа-Флоу. Дурное предзнаменование. Вэллери не питал никаких иллюзий относительно того, какое будущее ожидает обескровленную эскадру. Ко всему его терзала мысль о судьбе Ральстона...

Ральстон, рослый матрос, был похож на своих скандинавских предков. Льяные волосы, спокойный взгляд голубых глаз. Никто его не понимал, никто особенно не дружил с ним. Всегда неулыбчивый, сдержанный, Ральстон, у которого ничего не осталось, кроме воспоминаний, один из самых надежных моряков крейсера – находчивый, решительный, знающий, не теряющийся ни при каких обстоятельствах – вновь оказался под арестом, за решеткой. По существу, безо всякой вины.

Под арестом и за решеткой – какая несправедливость, подумал Вэллери.

Накануне, под предлогом ухудшения погоды, командир распорядился освободить его из карцера, рассчитывая затем замять дело. Но начальник корабельной полиции Га-

стингс превысил свои полномочия и во время утренней вахты вновь заключил Ральстона в карцер. По правде говоря, чины корабельной полиции никогда не отличались особой гуманностью.

Но даже среди них Гастингс составлял исключение. С виду справедливый, но, по существу, бессердечный службист, бездушный, как робот. Не будь Гастингс так осмотрителен, с ним произошло бы то же самое, что и с Листером, начальником судовой полиции «Блу Рейнджера», самым ненавистным человеком на авианосце. Никто так и не узнал, что с ним случилось. Известно лишь одно: он отправился прогуляться по взлетной палубе темной беззвездной ночью...

Вэллери вздохнул. У него связаны руки, так объяснил он и Фостеру.

Фостер, рядом с которым стоял нелюдимый старший сержант Ивенс, жаловался, что его пехотинцев, которым дорога каждая минута сна, назначают в караул.

Вэллери сочувствовал, но не мог отменить свое же решение... Снова вздохнув, он послал за старшим офицером и велел достать из шкиперской растительные тросы, пятидюймовый стальной буксир и разнести тросы по кормовой палубе, полагая, что вскоре все это понадобится. Приготовления оказались не напрасными.

К банке Вейле подошли в сумерках, но «Реслер» обнаружили без труда, десять минут назад получив приблизительные координаты. Хотя солнце уже зашло, приземистый силуэт авианосца выделялся на багряном фоне закатного неба, точно вырезанный из картона.

Взлетная палуба «Реслера» угрожающе наклонилась в

сторону кормы, возле которой, очевидно, стоя на якоре, находился «Игер». Море было почти спокойно, шла лишь плавная зыбь.

Посылая тонкий, как игла, луч света, на «Улиссе» застучал заслонкой сигнальный фонарь:

– Поздравляю! Насколько прочно сидите?

В ответ с мостика «Реслера» стал вспыхивать крохотный огонек. Бентли читал вслух: «Сел носовой частью на сто футов».

– Великолепно, – огорченно произнес Тиндалл. – Просто великолепно. Спросите его, как рулевое управление.

Вскоре пришел ответ:

– «Водолаз установил, что сломан баллер руля. Необходим доковый ремонт».

– Еще не легче! – простонал Тиндалл. – Доковый ремонт! Спроси, какие меры приняты?

– «Все запасы топлива и воды перекачаны в кормовые цистерны. Заведен якорь. „Игер“ пытается снять нас с мели. Дайте полный назад в двенадцать ноль-ноль – двенадцать тридцать».

Тиндалл знал, что в это время прилив достигнет наивысшего уровня.

– Очень кстати, – пробормотал он. – Да нет же, это не надо передавать, – накинулся он на сигнальщика. – Просемафорь, пусть приготовятся принять буксирный трос и заведут с кормы якорь-цепь.

– «Указание понял», – прочитал Бентли.

– Спроси его: «Сколько имеется запаса топлива для эскадры?»

– «Восемьсот тонн».

– Выкачать за борт.

– «Прошу подтвердить распоряжение», – прочитал сигнальщик.

– Пусть выливает топливо к чертовой матери! – заорал Тиндалл.

Огонек сигнального фонаря на «Реслере» мигнул и тотчас обиженно померк.

В полночь «Игер» дал малый ход. Он шел впереди «Улисса», надраивая буксирный трос, заведенный с носа крейсера. Спустя две минуты «Улисс» задрожал всем корпусом: винты, приводимые в движение четырьмя могучими машинами, начали бешено вращаться, и взбаламученная вода забурлила как в котле. Цепь, поданная с кормы «Реслера», была всего пятнадцать сажен длиной, и поэтому буксир уходил вверх градусов на тридцать. Таким образом, корма авианосца должна была погрузиться. Правда, ничтожно мало, но в создавшейся обстановке даже эта малость имела значение, так как тогда бы носовая часть корабля приобрела большую плавучесть. И, что еще важнее, поскольку винты «Реслера», лишь наполовину погруженные в воду, работали почти вхолостую, оба буксирующих корабля мощной струей от своих винтов вымывали песок и ил из-под киля «Реслера».

За двадцать минут до полной воды «Реслер» начал плавно сползать с мели.

Боцман на баке «Улисса» сразу же выбил чеку из скобы, крепившей буксирный конец, поданный с «Игера», и крейсер, развернувшись на 189 градусов, описал циркуляцию большого радиуса и оттащил авианосец, не имевший хода, восточнее мели.

К часу «Реслера» словно не бывало. Он ушел в сопровождении «Игера», готового в случае ухудшения погоды взять авианосец на буксир. Стоявший на мостике «Улисса» Тиндалл наблюдал, как исчезает во тьме «Реслер», идущий зигзагом: командир авианосца пытался управляться с помощью машин.

– Хлебнут горя, пока доберутся до Скапа-Флоу, – проворчал адмирал. Он продрог и чувствовал себя так, как должен чувствовать командующий эскадрой, потерявший три четверти всех своих авианосцев. Он тяжело вздохнул и повернулся к Вэллери:

– Как думаете, когда догоним конвой?

Вэллери стал высчитывать. Но у Капкового мальчика уже был готов ответ:

– В ноль-восемь ноль-пять, – четко отрапортовал он. – При скорости двадцать семь узлов, если следовать рассчитанным мною курсом на соединение с кораблями.

– О, Боже! – простонал Тиндалл. – Опять этот сосунок! Навязался ты на мою голову! Дело в том, молодой человек, что нам необходимо догнать конвой до рассвета.

– Так точно, сэр. – Капковый был невозмутим. – Я тоже так полагал. Если идти другим, также предварительно рассчитанным мною курсом, при ходе тридцать три узла мы настигнем конвой за полчаса до рассвета.

– Он тоже так полагал! Уберите его от меня! – взвыл Тиндалл. – Уберите, а не то я этого проклятого штурмана с его циркулем...

Внезапно умолкнув, он с трудом слез со своего стула и взял Вэллери под руку.

– Пойдем, командир, вниз. Какого дьявола две старые развалины вроде нас с тобой будут мешать молодежи?

Вслед за Вэллери он с усталой улыбкой ушел с мостика.

Едва на «Улиссе», как обычно перед рассветом, была объявлена боевая готовность номер один, из серой мглы возникли туманные очертания кораблей конвоя. До него оставалось не более мили. На правой раковине двигался «Блу Рейнджер». Не узнать его было невозможно. Шла крупная, но довольно плавная волна, с запада дул легкий бриз, температура опустилась чуть ниже нуля, на стылом небе не было видно ни облачка. Часы показывали ровно семь.

В 07.02 «Блу Рейнджер» был торпедирован. «Улисс» находился в двух кабельтовых на правой раковине авианосца. Те, кто стоял на мостике, ощутили удар воздушной волны от двух взрывов, слышали, как они разорвали тишину рассвета, и увидели, как над мостиком «Блу Рейнджера» и в кормовой его части вздыбились два огненных столба. Секунду спустя все слышали нечленораздельный вопль сигнальщика: он показывал куда-то вперед и вниз. К кораблю мчалась еще одна торпеда. Она прошла по корме авианосца, оставляя зловещий фосфоресцирующий след, и скрылась в темных глубинах Ледовитого океана.

Вэллери прокричал команду в машинное отделение: «Улиссу», который по-прежнему мчался со скоростью двадцать узлов, чтобы избежать столкновения с потерявшим управление авианосцем, следовало круто отвернуть. Замигали три комплекта сигнальных фонарей и клотиковые лампы, передавая кораблям конвоя кодовый сигнал: «Сохранять позицию». По телефону Маршалл командовал старшему торпедисту подготовить глубинные бомбы к сбрасыванию. Стволы орудий уже опускались вниз, хищно

вглядываясь в предательские воды. «Сиррусу» приказ не стали передавать: вздымая буруны воды, он уже мчался через строй конвоя к предполагаемому местонахождению подлодки.

«Улисс» пронесся менее чем в пятидесяти метрах от горящего авианосца.

На такой скорости, при таком крене и со столь близкой дистанции картина происходящего казалась как бы смазанной. Можно было разглядеть лишь клубы густого дыма и зловещие языки пламени, выделявшегося на фоне еще темного неба, наклоненную взлетную палубу, «грумманов» и «корсаров», скатывающихся, точно игрушечные, в океан, вздымая фонтаны ледяной воды и обдавая потрясенных жутким зрелищем людей. Развернувшись на обратный курс, «Улисс» ринулся в атаку.

Через минуту на «Вектре», шедшей впереди конвоя, замигал сигнальный фонарь: «Слышу эхо-сигнал, семьдесят градусов правого борта. Сигнал усиливается».

— Подтвердить донесение, — кратко распорядился Тиндалл.

Едва начал стучать сигнальный фонарь «Улисса», как «Вектра», прервав депешу, сообщила:

— «Эхо-сигналы. Повторяю, эхо-сигналы. Справа по траверзу, справа по траверзу. Дистанция сокращается, быстро сокращается. Повторяю, слышу эхо-сигналы».

Тиндалл негромко выругался.

— Подтвердить семафор, выяснить характер цели. — Повернувшись к Вэллери, прибавил:

— Присоединимся к «Вектре», командир. Началось. «Волчья стая» номер один, причем немалая. По какому это

праву она тут появилась? – невесело пошутил он. – Хороша разведка у лордов адмиралтейства!

«Улисс» снова сделал поворот, держа курс на «Вектру». Должно было развиднеться, но из-за того, что «Блу Рейнджер» пылал гигантским факелом в той стороне горизонта, где должно было взойти солнце, все вокруг погрузилось в кромешную тьму. Авианосец, находившийся почти на траверзе «Улисса», приближался с каждой минутой. Прикинув к окулярам ночного бинокля, адмирал твердил: «Ах вы, бедняги!»

Жить «Блу Рейнджеру» оставалось считанные минуты. Корабль повалился на правый борт. Одна за другой с треском рвались топливные цистерны, взрывались боеприпасы. Внезапно над морем прокатился грохот слившихся воедино нескольких взрывов – глухих и мощных. Вся средняя надстройка авианосца вместе с мостиком пошатнулась, застыла на мгновение, точно в раздумье, потом вся эта громада медленно и величественно рухнула в ледяную тьму моря. Одному Богу известно, сколько человек, оказавшись в стальной ловушке, нашли свой последний приют на дне Ледовитого океана. Это были счастливы.

Находившаяся всего в двух милях «Вектра» круто ложилась на зюйд. Увидев ее, Вэллери изменил курс, чтобы выйти ей наперехват. Бентли, находившийся в дальнем углу компасной площадки, что-то кричал. Вэллери покачал головой, но тут снова услышал настойчивый голос старшины сигнальщиков. Перегнувшись через ветровое стекло, Бентли, словно обезумев, показывал куда-то, и Вэллери тотчас ринулся к нему.

Море горело. Отягощенное сотнями тонн мазута, оно

стало ровным и гладким и теперь походило на гигантский ковер, над которым плясали языки пламени. Но в следующее мгновение каперанг увидел нечто такое, что заставило его содрогнуться, как от внезапной мучительной боли: горящее море кишело людьми. Люди барахтались, отчаянно размахивали руками. Не горстка, не несколько десятков, а буквально сотни людей. Беззвучно крича, корчась в страшных муках, они умирали от противоестественного сочетания воды и пожирающего огня.

– Донесение с «Вектры», сэр, – проговорил Бентли. Голос его звучал с неестественной деловитостью. – «Сбрасываю глубинные бомбы. Слышу три, повторяю, три эхо-сигнала. Прошу срочно оказать помощь».

Теперь адмирал находился возле Вэллери. Услышав голос Бентли, он испытующе посмотрел на Вэллери, перехватил его наполненный тоской взор, прикованный к поверхности моря.

Для человека, очутившегося в воде, нефть – сущее бедствие. Она связывает его движения, жжет глаза, разрывает легкие и выворачивает наизнанку желудок, вызывая мучительные, безудержные спазмы. Но горящая нефть – это орудие дьявола, медленная, страшная смерть под пыткой. Человек захлебывается, горит, задыхается, поскольку пламя пожирает весь кислород над поверхностью моря. И даже в суровой Арктике несчастному не суждена милосердная смерть от холода, так как человек, пропитанный нефтью, защищен от переохлаждения и ему уготованы бесконечные крестные муки, длящиеся до тех пор, пока в страдальце не погаснет жизнь. Все это Вэллери знал.

Сознавал он также и то, что, если бы «Улисс», оза-
ренный пламенем авианосца, застопорил ход, это для него
означало бы гибель. Может, круто переложив руль, по-
дойти к кораблю с правого борта, чтобы подобрать гиб-
нущих в огне людей? Но тогда будут потеряны драгоцен-
ные минуты, а за это время подводные лодки успеют занять
позицию для торпедной атаки транспортов. Между тем
главная обязанность «Улисса» состояла в том, чтобы сбе-
речь конвой. Все это Вэллери понимал. Но в ту минуту он
чувствовал, что обязан прежде всего оставаться человеком.
Слева по носу, возле самого «Блу Рейнджера» слой мазута
был особенно густ, огонь особенно силен, а людей осо-
бенно много.

Вэллери оглянулся на вахтенного офицера.

– Лево десять градусов!

– Есть лево десять.

– Прямо руль!

– Есть прямо руль.

– Так держать.

Секунд десять или пятнадцать, рассекая горящее море,
«Улисс» двигался к месту, где сгрудилось сотни две людей,
понуждаемых каким-то атавистическим инстинктом дер-
жаться возле корабля. Задыхаясь, корчась в страшных су-
дорогах, они умирали в муках. На мгновение в самой гуще
людей, точно вспышка магния, взвился огромный столб
белого пламени, осветив жуткую картину, раскаленным
железом врезавшуюся в сердца и умы людей, находив-
шихся на мостике, – картину, которую не выдержала бы
никакая фотопластинка: охваченные огнем люди – живые
факелы – безумно колотили руками по воде, отмахиваясь

от языков пламени, которые лизали, обжигали, обугливали одежду, волосы, кожу.

Некоторые чуть не выпрыгивали из воды; изогнувшись точно натянутый лук, они походили на распятия; другие, уже мертвые, плавали бесформенными грудями в море мазута. А горстка обезумевших от страха моряков с искаженными, не похожими на человеческие лицами, завидев «Улисс» и поняв, что сейчас произойдет, в ужасе бросились в сторону, ища спасения, которое в действительности обозначало еще несколько секунд агонии, после чего смерть была бы для них избавлением.

– Право тридцать градусов!

Эту команду Вэллери произнес тихо, почти шепотом, но в потрясенной тишине, воцарившейся на мостике, слова прозвучали отчетливо.

– Есть право тридцать градусов.

Третий раз за последние десять минут «Улисс» менял курс, не снижая бешеной скорости. При циркуляции на полном ходу корма корабля не движется вслед за носовой частью, ее как бы заносит в сторону, точно автомобиль на льду; и чем выше скорость хода, тем значительнее это боковое перемещение.

Разворачиваясь, крейсер всем бортом врезался в самую середину пожара, в самую гущу умирающих страшной смертью людей.

Большинству из них маневр этот принес кончину – мгновенную и милосердную. Страшным ударом корпуса и силовых волн выбило из них жизнь, увлекло в пучину, в благодатное забытие, а потом выбросило на поверхность, прямо под лопасти четырех бешено вращающихся винтов...

Находившиеся на борту «Улисса» моряки, для которых смерть и уничтожение давно стали смыслом всего их существования и потому воспринимались с черствостью и циничной бравадой (иначе можно спятить), – люди эти, сжав кулаки, без конца выкрикивали бессмысленные проклятия и рыдали как малые дети. Рыдали при виде жалких обожженных лиц, исполнившихся было радостью и надеждой при виде «Улисса», которые сменялись изумлением и ужасом; несчастные вдруг поняли, что сейчас произойдет, ибо в следующее мгновение вода сомкнется у них над головой. С ненавистью глядя на «Улисс», обезумевшие люди поносили его самой страшной бранью. Воздев к небу руки, несчастные грозили побелевшими кулаками, с которых капал мазут, и тут крейсер подмял их под себя. Суровые моряки рыдали при виде двух молоденьких матросиков; увлекаемые в водоворот винтов, те подняли большой палец в знак одобрения. А один страдалец, словно только что снятый с вертела, – жизнь лишь каким-то чудом еще теплилась в нем, – прижал обгорелую руку к черному отверстию, где некогда был рот, и послал в сторону мостика воздушный поцелуй в знак бесконечной признательности. Но больше всего, как ни странно, моряки оплакивали одного весельчака, оставшегося самим собой и в минуту кончины: подняв высоко над головой меховую шапку, он почтительно и низко поклонился и погрузил лицо в воду, встречая свою смерть.

На поверхности моря не осталось вдруг никого. До странности неподвижный воздух был пропитан зловонным запахом обугленного мяса и горящего мазута.

Корма «Улисса» проносилась почти в непосредствен-

ной близости от черного навеса над средней частью авианосца, когда в борт крейсера впились несколько снарядов.

Три снаряда калибром 3,7 дюйма прилетели с «Блу Рейнджера». Разумеется, никого из комендоров на борту авианосца не осталось в живых; должно быть, от жары взорвались капсулы боезарядов. Ударив в броню, первый снаряд взорвался, не причинив вреда; второй разнес в щепы шкиперскую, там, к счастью, никого не оказалось; третий, пробив палубу, проник в низкочастотное помещение номер три. Там сгрудилось девять человек: офицер, семь рядовых и помощник старшего торпедиста Нойес. Смерть их была мгновенной.

Несколько секунд спустя оглушительным, мощным взрывом вырвало огромную дыру у ватерлинии «Блу Рейнджера». Корабль медленно, устало повалился на правый борт, взлетная палуба встала вертикально. Казалось, авианосец умирал, удовлетворенный тем, что успел перед смертью отомстить кораблю, погубившему его экипаж.

Вэллери по-прежнему стоял на сигнальном мостике, перегнувшись через исцарапанное, ставшее матовым ветрозащитное стекло. Голова безжизненно повисла, глаза закрыты. Его рвало кровавой рвотой. Кровь отливала зловещим багрянцем в рубиновом зареве гибнущего авианосца. С беспомощным видом, не зная, что предпринять, рядом стоял Тиндалл. Больной мозг его словно оцепенел. Внезапно кто-то бесцеремонно отпихнул адмирала в сторону. Это был Брукс. Прижав белое полотенце ко рту Вэллери, он осторожно повел командира вниз. Все знали, согласно боевому расписанию, старому врачу следовало

находиться в лазарете, но никто не посмел что-либо возразить.

В ожидании Тэрнера, находившегося на запасном командном пункте, Кэррингтон повернул «Улисс» на курс сближения с конвоем. Через три минуты крейсер догнал «Вектру», которая методически обшаривала море в поисках притаившейся субмарины. Обнаружив гидролокатором лодку, оба корабля дважды сбрасывали серии мощных бомб. На поверхность всплыло огромное жирное пятно нефти. Возможно, то было попадание, а возможно, лишь уловка врага. В любом случае кораблям некогда было продолжать поиск. Конвой находился в двух милях под охраной лишь «Стерлинга» и «Викинга», для того чтобы защитить суда от массированного удара вражеских субмарин.

Не кто иной, как «Блу Рейнджер», выручил конвой Эф-Ар-77. В здешних высоких широтах рассвет наступает бесконечно медленно, но к этому времени стало достаточно светло, и транспорты, которые шли, плавно покачиваясь на мертвой зыби, четко выделялись на безоблачном горизонте. О такой цели командир любой подлодки мог лишь мечтать. Однако конвой был целиком закрыт от «волчьей стаи», находившейся южнее: легкий западный ветер относил густой черный дым, поднимавшийся над горящим авианосцем и стлавшийся над морем, образуя плотную, непроницаемую завесу, которая закрывала южный фланг конвоя.

Почему лодки изменили своей обычной тактике утренних атак с северной части горизонта с тем, чтобы цель оказалась против восхода, объяснить трудно.

Возможно, то был маневр. Как бы то ни было, именно это обстоятельство спасло конвой. А час спустя транспорты конвоя, подталкиваемые мощными ударами винтов, ушли далеко, оставив «волчью стаю» позади.

Скорость конвоя была настолько велика, что, однажды выпустив добычу из лап, «волчья стая» уже не могла настигнуть ее.

Передачик флагманского корабля выстукивал шифрованную радиограмму в Лондон. Теперь нет смысла сохранять радиомолчание, решил Тиндалл: враг знал координаты конвоя с точностью до мили. Он мрачно усмехнулся, представив ликование командования германского флота при известии, что конвой Эф-Ар-77 остался без всякой авиационной поддержки. Видно, не позднее чем через час пожалует в гости «Чарли».

В депеше сообщалось следующее: «От командующего 14-й эскадрой авианосцев начальнику штаба флота, Лондон. Встретил конвой Эф-Ар-77 вчера в 10.30. Погода крайне неблагоприятна. Тяжелые повреждения получили авианосцы „Дефендер“, „Реслер“. Оба возвращаются на базу в сопровождении охраны.

„Блу Рейнджер“ торпедирован сегодня в 07.02, затонул в 07.30. В составе эскорта остались „Улисс“, „Стерлинг“, „Сиррус“, „Вектра“, „Викинг“. Тральщиков не имею. „Игер“ возвращается на базу, тральщик из Хвальфьорда не пришел к месту randevu. Срочно необходима авиационная поддержка. Прошу отрядить боевую эскадру авианосцев. При невозможности выслать эскадру прошу разрешения вернуться на базу. Прошу ответить немедленно».

Текст можно было бы составить и в более удачных

выражениях, размышлял Тиндалл. Особенно конец депеши. Звучит точно угроза. Она, похоже, способна взбесить старину Старра, который в своем малодушии усмотрит в последних фразах лишнее доказательство того, что «Улисс» – как и сам Тиндалл – ни на что не пригоден... Кроме того, вот уже два года – это началось до того, как «Худ» был потоплен «Бисмарком», – политика адмиралтейства состояла в том, чтобы сохранять целостность флота метрополии и не отражать отдельные боевые единицы – линейные корабли или авианосцы. Для участия в современных морских операциях старые линкоры были слишком тихоходны, а такие корабли, как «Рэмилиес» или «Малайя», использовались лишь для сопровождения наиболее важных атлантических конвоев. Лишь эти корабли составляли исключение.

Официальная же стратегия, по существу, сводилась к тому, чтобы беречь флот метрополии и подвергать риску конвои. В последний раз окинув взглядом караван судов, Тиндалл со вздохом спустился на палубу. «Да ну их к дьяволу, – подумал он, – сойдет и так». Если он понапрасну старался, составляя депешу, пусть и Старр, читая ее, потеряет не меньше времени. Тяжело переваливаясь, он сошел по трапу с мостика и с трудом протиснулся в дверь каюты командира корабля, находившейся рядом с авиационным командным пунктом. Вэллери, наполовину одетый, лежал на койке, закрытый ослепительно белыми, безукоризненно чистыми простынями Их отглаженные, острые, точно лезвие ножа, складки казались донельзя неуместными по белоснежной ткани расплывалось злое алое пятно.

Мертвенно-бледный, с впалыми щеками, заросшими темной щетиной, и красными, глубоко ввалившимися глазами, Вэллери походил на покойника. Из уголка рта по пергаментной коже текла струйка крови. Когда Тиндалл открыл дверь, Вэллери в знак приветствия с усилием поднял иссохшую, в синих венах, руку.

Тиндалл тихо, осторожно затворил дверь. Он выждал некоторое время, вернее, много времени, с избытком, чтобы с лица его успело исчезнуть выражение ужаса. Когда он обернулся, лицо его было спокойно, но он даже не пытался скрыть свою озабоченность.

– Слава Богу, что рядом оказался старина Сократ, – проговорил он взволнованно – На всем корабле лишь он один может хоть сколько-нибудь вразумить тебя.

Он уселся на край постели.

– Как твое состояние. Дик?

Вэллери криво усмехнулся.

– Все зависит от того, какое состояние вы имеете в виду, сэр. Физическое или душевное? Чувствую себя несколько поизношенным, но отнюдь не больным. Док говорит, что сумеет поставить меня на ноги. Во всяком случае, на время. Собирается сделать мне переливание плазмы. Говорит, я потерял много крови.

– Переливание плазмы?

– Да, кровь была бы лучшим коагулятором, вообще-то говоря. Но, по его мнению, плазма, возможно, предотвратит или же ослабит новые приступы.

Помолчав, он стер пену с губ и опять улыбнулся, так же печально, как и в первый раз.

– Не доктор мне нужен и не медицина, Джон. Нужен

священник и прощение Всевышнего – голос его стал едва слышен. В каюте наступила глубокая тишина.

Тиндалл заерзал и громко откашлялся.

– Какое еще прощение? Что ты имеешь в виду?

Слова помимо его воли прозвучали слишком громко и резко.

– Вы прекрасно знаете, что я имею в виду, – кротко проговорил Вэллери.

– Вы же утром стояли рядом со мной на мостике.

Минуты две оба не произносили ни слова. Потом Вэллери снова закашлялся.

Полотенце у него в руках потемнело, и, когда он откинулся на подушку, Тиндалла кольнул страх. Он поспешно наклонился к больному, но, услышав частое, неглубокое дыхание, облегченно вытер лоб.

Вэллери снова заговорил. Глаза его были по-прежнему закрыты.

– Дело не столько в тех людях, которые погибли в отделении слаботочных агрегатов, – казалось, он разговаривал сам с собой, вполголоса, почти шепотом. – Моя вина, пожалуй, в том, что я слишком близко подошел к «Рейнджеру». Глупо приближаться к тонущему кораблю, особенно если он горит. Что делать бывает, идешь на риск...

Остальные слова слились в неразборчивый шепот. Конца фразы Тиндалл не расслышал.

Адмирал резко поднялся и стал натягивать перчатки.

– Извини, Дик. Не надо было мне приходить и оставаться так долго. Старый Сократ задаст мне теперь взбучку.

– Я о других. О парнях, которые плавали в воде, –

продолжал Вэллери, словно не слыша адмирала. – Я не имел права. Может быть, кого-нибудь из них...

Голос Вэллери снова затих на мгновение, но потом старый моряк четко проговорил:

– Капитан первого ранга, кавалер ордена «За боевые заслуги» Ричард Вэллери – судья, присяжный и палач. Скажите мне, Джон, что мне ответить, когда придет мой черед предстать перед судом Всевышнего?

Тиндалл растерянно молчал, но тут послышался настойчивый стук в дверь, контр-адмирал резко обернулся и, благодаря провидение, едва слышно глубоко вздохнул.

– Войдите, – проговорил он.

Дверь распахнулась, вошел Брукс. При виде адмирала он замер и повернулся к стоявшей за ним белой фигуре, нагруженной бутылками, колбами и какими-то приборами.

– Подождите, пожалуйста, за дверью, Джонсон, – обратился он к санитару.

– Я позову вас, когда понадобится.

Закрыв дверь, он пододвинул себе стул и сел возле койки командира.

Нащупывая пульс больного, Брукс пристально посмотрел на Тиндалла. Он вспомнил слова Николлса, который говорил, что адмирал не слишком здоров. У Тиндалла и в самом деле был усталый вид, вернее, не столько усталый, сколько несчастный... Пульс у Вэллери был частый, неправильный.

– Вы чем-то расстроили его, – укорил его Брукс.

– Я? Да что вы, док! – уязвленно произнес Тиндалл, – Ей-Богу, я не сказал ни слова...

– Он тут ни при чем, доктор. – Это говорил Вэллери.

Голос его был тверд. – Он и слова не вымолвил. Виноват я. Ужасно виноват.

Брукс долгим взглядом посмотрел на Вэллери. Потом улыбнулся – понимающе, с состраданием.

– И вам нужно прощение грехов, сэр. Все дело только в этом, так ведь?

Тиндалл вздрогнул от неожиданности и изумленно уставился на старого доктора.

Вэллери раскрыл глаза.

– Сократ! – проронил он. – Как ты догадался?

– Прощение... – задумчиво повторил Брукс. – Прощение. А чье прощение? Живых, мертвых или прощение Всевышнего?

Тиндалл вздрогнул опять.

– Вы что? Подслушивали под дверь? Да как вы сме-
ли?..

– Прощение их всех, док. Боюсь, задача не из легких.

– Да, вы правы, сэр. Мертвым вас нечего прощать. Вы заслужили одну лишь их признательность. Не забывайте, я врач... Я видел этих парней, которые плавали в море. Вы положили конец их страданиям. Что же касается Всевышнего... В писании сказано: «Господь дал, Господь взял. Да святится имя Его». Таково ветхозаветное представление о Господе, который берет, когда ему вздумается, и к дьяволу всякое милосердие и великодушие!

Брукс с улыбкой взглянул на Тиндалла.

– Не смотрите на меня с таким ужасом, сэр. Я вовсе не богохульствую. Если бы Всевышний оказался таков, кэп-тен, то ни вам, ни мне да и адмиралу тоже он был бы ни к чему. Но вы знаете, что это не так...

Вэллери слабо улыбнулся и приподнялся на подушке.

– Вы сами по себе превосходное лекарство, доктор. Жаль, что вы не можете говорить от имени живых.

– Нет, почему же? – Брукс шлепнул себя по ляжке и, что-то вдруг вспомнив, заразительно захохотал. – Нет, это было великолепно!

Он снова от души рассмеялся. Тиндалл с деланным отчаянием посмотрел на Вэллери.

– Простите меня, – заговорил наконец Брукс. – Минут пятнадцать назад несколько сердобольных кочегаров приволокли в лазарет неподвижное тело одного из своих сотоварищей, находившегося без сознания. Догадываетесь, чье это было тело? Корабельного смутьяна, нашего старого знакомого Райли. Небольшое сотрясение мозга и несколько ссадин на физиономии, но к ночи его нужно водворить назад в кубрик. Во всяком случае, он на этом настаивает. Говорит, что он нужен его котяткам.

Вэллери, повеселев, прислушался.

– Опять упал с трапа в котельном отделении?

– Именно такой вопрос задал и я. Хотя, судя по его виду, он, скорее, угодил в бетономешалку. «Что вы, сэр! – ответил мне один из принесших его. – Он о корабельного кота споткнулся». А я ему: «О кота? Какого такого кота?»

Тут он поворачивается к своему другу и говорит: «Разве у нас нет на корабле кота, Нобби?» А упомянутый Нобби смотрит на него этак жалостливо и отвечает: «Поднапутал он, сэр. Дело было так. Бедняга Райли налился в стельку, а потом возьми да и упади. Он хоть не очень расшибся, а?» Голос у матросика был довольно озабоченный.

– А что произошло на самом деле? – поинтересовался Тиндалл.

– Сам я так ничего и не добился от них. А Николлс отвел кочегаров в сторонку, пообещал, что им ничего не будет, они тотчас же все и выложили.

По-видимому, Райли усмотрел в утреннем происшествии превосходный повод к новому подстрекательству. Поносил вас всячески, называл зверем, кровопийцей и, прошу прощения, непочтительно отзывался о ваших близких. Все это он говорил в присутствии своих дружков, где чувствовал себя в безопасности. И эти самые дружки его до полусмерти избили... Знаете, сэр, я вам завидую...

Тут Брукс поднялся.

– А теперь попрошу засучить рукав... Проклятье!

– Войдите, – ответил на стук Тиндалл. – Ага, это мне, Крайслер. Спасибо.

Он взглянул на Вэллери.

– Из Лондона. Ответ на мою депешу.

Он повертел пакет в руках.

– Все равно когда-нибудь придется распечатывать – произнес он недовольно.

Брукс приподнялся со словами:

– Мне выйти?

– Нет, нет. К чему? К тому же это весточка от нашего общего друга адмирала Старра. Уверен, вам не терпится узнать, что же он такое пишет, не так ли?

– Отнюдь, – резко ответил Брукс. – Ничего хорошего он не сообщит, насколько я его знаю.

Вскрыв пакет, Тиндалл разгладил листок.

– «От начальника штаба флота командующему 14-й

эскадрой авианосцев, – медленно читал Тиндалл. – Согласно донесениям, „Тирпиц“ намеревается выйти в море. Выслать авианосцы нет возможности. Конвой Эф-Ар-77 имеет важнейшее значение. Следуйте в Мурманск полным ходом. Счастливого плавания. Старр».

Тиндалл помолчал. Брезгливо скривив рот, повторил:

– «Счастливого плавания». Уж от этого-то он мог бы нас избавить!

Все трое долго, не произнеся ни слова, глядели друг на друга. Первым, кто нарушил тишину, был, разумеется, Брукс.

– Кстати, еще раз насчет прощения, – проговорил он спокойно. – Кто, хочу я знать, на земле, под землей или в небесах сможет когда-нибудь простить этого мстительного старого подонка?

ГЛАВА 8

В четверг (ночью)

За полдень перевалило совсем недавно, но, когда «Улисс» стал сбавлять ход, над морем уже начинали сгущаться серые арктические сумерки. Ветер стих, снова повалил густой снег, а видимость не превышала и кабельтова.

По-прежнему царила лютая стужа.

Группками по три, четыре человека офицеры и матросы шли на ют.

Измученные, продрогшие до костей, погруженные в невеселые думы, они молчаливо шаркали подошвами, сбивая носками башмаков пушистые комочки снега.

Придя на корму, беззвучно вставали позади командира или выстраивались в шеренги по правому борту, где симметричным полукругом были подвешены заснеженные койки...

Рядом с командиром корабля находились три офицера: Карслейк, Итертон и Брукс. Карслейк стоял возле леерного ограждения. Нижняя часть лица у него до самых глаз была забинтована. За последние сутки он уже дважды обращался к командиру, умоляя того отменить свое решение списать его с корабля. В первый раз Вэллери был непреклонен и презрителен; последний раз (это случилось десять минут назад) командир был холоден и резок и даже пригрозил Карслейку арестом, если тот вздумает впредь досаждать ему. Карслейк тупо уставился в одну точку, вперив в наполненный снегом сумрак невидящий, тяжелый взгляд потемневших от ненависти водянистых глаз.

Итертон стоял слева, позади командира. Крепко сжатые, побелевшие губы его судорожно дергались, на скулах ходили желваки; неподвижны были лишь глаза, прикованные каким-то болезненным любопытством к бесформенной груди, лежавшей у его ног. У Брукса рот был тоже крепко сжат; но на этом сходство между ними заканчивалось. Побагровев, гневно сверкая голубыми глазами, он кипел, как может только кипеть врач при виде тяжело больного, открыто пренебрегающего его предписаниями. Резким тоном, забыв о всякой субординации, Брукс заявил Вэллери, что тот, черт бы его побрал, не имеет, так сказать, никакого права находиться здесь, что, поднявшись с постели, он ведет себя, как безмозглый осел. Вэллери возразил: необходимо совершить погребальный обряд, и по-

сколько этого не может сделать корабельный священник, то такая обязанность возлагается на командира корабля. Священник действительно не смог выполнить своих обязанностей в тот день, потому что его бездыханное тело лежало у ног командира. У его ног и у ног человека, послужившего причиной его смерти.

Священник скончался четыре часа назад, сразу после того, как улетел «Чарли». Тиндалл ошибся в своих расчетах. «Чарли» не прилетел через час. Он прилетел чуть ли не в полдень, но зато в сопровождении трех себе подобных самолетов-разведчиков. Огромное расстояние отделяло их от норвежского побережья до десятого градуса западной долготы, точки, где находился «Улисс». Но такая даль была ничем этим гигантским машинам типа «Фокке-вульф-200», которые изо дня в день, от зари до зари летали по гигантскому полукружью от Трондхейма до оккупированной Франции, огибая при этом с запада Британские острова.

Появляясь стаяй, «кондоры» всегда предвещали что-то недоброе. Не были исключением и эти незваные гости. Они пролетели над самым конвоем, зайдя с кормы, но заградительный огонь зенитной артиллерии транспортов и кораблей охранения был настолько плотен, что бомбежка была произведена ими с заметным отсутствием энтузиазма: «кондоры» бомбили с высоты двух тысяч метров. В чистом, морозном утреннем небе бомбы были видны чуть ли не с момента открытия бомбовых люков, и времени, чтобы уклониться от них, хватило с лихвой. Почти сразу же после этого «кондоры» отвернули и ушли на восток, хотя и удивленные теплом оказанного им приема, но целые и невредимые.

В данных обстоятельствах налет не сулил ничего хорошего. Осмотрительный «Чарли» обычно занимался воздушной разведкой, но в тех редких случаях, когда совершал нападение, делал это смело и решительно. Последний же налет был осуществлен неубедительно, тактика нападающих была до очевидности беспомощной. Возможно, конечно, это были недавно пришедшие в «Люфтваффе» новички, отличавшиеся робостью, – которой не было и в помине у их предшественников. Возможно также, им было строго-настрого запрещено рисковать дорогостоящими самолетами. Но, вероятнее всего, их безуспешное нападение представляло собой отвлекающий маневр, а основная опасность заключалась в чем-то ином. Визуальное наблюдение за морем и гидроакустическое наблюдение были усилены.

Прошло пять, десять, пятнадцать минут, но ничего не происходило. Ни радиометристы, ни гидроакустики по-прежнему ничего не могли обнаружить. В конце концов Тиндалл решил, что незачем держать измученных людей на боевых постах, и приказал дать отбой боевой тревоги.

Взамен была объявлена обычная походная готовность. Все работы по утренней приборке были отменены, и почти все подвахтенные – офицеры и матросы – прилегли, чтобы соснуть. Но некоторые бодрствовали. Брукс и Николлс занялись пациентами, Карпентер вернулся в штурманскую рубку, Маршалл и Питерс, артиллерийский офицер, возобновили прерванный тревогой обход огневых точек, Итертон нервничал и, еще не придя в себя после столкновения между Карслейком и Ральстоном, в котором была и его доля вины, лез из кожи вон, чтобы ее искупить. Съе-

жившись от холода, он пристально наблюдал за морем из центра управления огнем.

Маршалл и Питерс, разговаривавшие со старшим электриком, в чьем заведовании находилась электротехническая мастерская № 2, услышали доносившийся с палубы настойчивый крик. Мастерская находилась перед кают-компанией в левой части прохода, огибавшего с кормы основание второй башни. В два прыжка оба выскочили из мастерской. Открыв дверь с проволочной сеткой, очутились на палубе и, перегнувшись через борт, сквозь снегопад стали смотреть вниз, куда возбужденно показывал морской пехотинец. Маршалл сразу же узнал его; это был Чартерис, единственный рядовой на корабле, которого знали в лицо все офицеры; во время стоянок в порту он выполнял обязанности бармена.

– В чем дело, Чартерис? – спросил он. – Что ты там увидел? Да живее же!

– Вон там, сэр, подводная лодка!

– Что? Что такое? Подводная лодка?

Поглядев искоса, Маршалл увидел преподобного Уинтропа, корабельного священника, который протискивался между ним и Чартерисом.

– Где? Где она? Покажите ее мне! Да покажите же!

– Прямо по носу, преподобный отец. Теперь я ее вижу. Правда, смахивает она, скорее, на любого дьявола, чем на субмарину. Прошу меня простить, преподобный отец, – поспешно прибавил Маршалл. Заметив в глазах священника воинственный, отнюдь не христианский блеск, он подавил смешок и принялся рассматривать странный приземистый предмет, который находился теперь почти на траверзе корабля.

Беспокойные, внимательные глаза Итертона, сидевшего в командно-дальномерном посту, заметили этот предмет еще раньше Чартериса. Он тоже принял его за немецкую подводную лодку, всплывшую во время пурги, и счел, что это – результат визита «кондоров». Мысль о том, что радаром или гидролокатором давно бы обнаружили ее, даже не пришла ему в голову. Нельзя терять ни минуты, пока она не скрылась. Недолго думая он схватил трубку телефона, соединенного с носовой батареей универсальных пушек.

– На батарее! Говорит командно-дальномерный пост, – настойчиво прокричал он. – Подводная лодка! Шестьдесят градусов левого борта. Дистанция сто ярдов, цель перемещается к корме. Повторяю, шестьдесят левого борта. Видите цель?.. Отставить шестьдесят; семьдесят левого борта, – кричал он что есть мочи. – Так, хорошо. Следите за целью.

– Цель на прицеле, сэр! – ответил ему в ухо телефон.

– Открыть беглый огонь!

– Сэр, но Кингстона нет. Он пошел...

– Отставить Кингстона! – завопил свирепо Итертон. Он знал, что Кингстон был командиром батареи. – Огонь, идиоты, сию же минуту! Беру ответственность на себя.

Швырнув трубку на место, он кинулся к наблюдательной щели. И вдруг до его сознания дошло... Мозг его точно-током пронизало, и он стремглав бросился к телефону.

– Отставить стрельбу! Не стрелять! – дико вопил он. – Не стрелять! О Боже мой! Боже мой!

В телефонной трубке послышалось сердитое стаккато сорокадвухмиллиметровых орудий. Выпав из его руки,

трубка вдребезги разбилась о переборку. Было слишком поздно.

Было слишком поздно, потому что он совершил страшную ошибку: забыл распорядиться, чтобы сняли дульные пробки – крышки, которыми закрывают жерла пушек, когда орудия находятся в походном положении. А взрыватели у снарядов были контактного действия.

Первый снаряд взорвался в стволе, убив наповал наводчика и серьезно ранив телефониста. Три других, пробив тонкие стальные крышки, взорвались почти сразу один за другим на расстоянии каких-то нескольких футов от четверых человек, стоявших на полубаке.

Удивительное дело: разлетевшиеся с визгом в стороны стальные осколки не задели ни одного из них. Раскаленный металлический дождь обрушился в море.

Но взрывная волна ударила назад, а взрыв даже нескольких фунтов взрывчатки, происшедший на расстоянии вытянутой руки, смертелен, Священник умер мгновенно. Питере и Чартерис скончались спустя несколько секунд. Причина их смерти была одна – компрессивный перелом шейных позвонков. Взрывом, словно рукой гиганта, их сшибло с ног и швырнуло затылками о перегородку с такой силой, что их головы превратились в месиво.

Белая палуба потемнела от крови, но ее тут же замело снегом.

Маршаллу же невероятно повезло. Взрыв – впоследствии он рассказывал, что ему показалось, будто его ударило поршнем мощного авиационного двигателя, – бросил его в проем открытой двери позади него, при этом с башмаков, которыми он задел о комингс двери, у него сорвало

каблуки. Сделав в воздухе сальто, он шлепнулся о палубу и, проехавшись по ней, ударился с размаху о вентиляционную шахту второй башни, задев спиной большие барашки, крепившие болты люка для осмотра. Стой он хотя бы на фут правее или левее, будь его ноги дюйма на два длиннее, ударся он о башню хоть на волосок выше или ниже, песенка лейтенанта Маршалла была бы спета. Но на роду у него было написано уцелеть в этот раз. И теперь Маршалл сидел в лазарете, весь забинтованный, с переломанными ребрами, отчего трудно было дышать, но в остальном, можно сказать, целый и невредимый.

А перевернувшаяся шлюпка, немой свидетель некогда разыгравшейся в этих широтах трагедии, уже давно исчезла в белесом полумраке.

Негромкий, хрипловатый голос командира корабля умолк. Закрыв молитвенник, Вэллери отступил назад. Над кораблем печально прозвучал горн, эхо которого тотчас умолкло, заглушенное снежной пеленой. Моряки застыли в молчании. Возле приспущенного британского флага лежало тринадцать тел, зашитых в парусину, с грузом, привязанным к ногам. Соскользнув одно за другим по доске, они с глухим всплеском исчезли в пучине Ледовитого океана.

Несколько долгих секунд моряки стояли не шевелясь. Печальный ритуал погребения словно загипнотизировал усталых людей, позабывших про стужу и снегопад. Итертон, простонав, рухнул, словно сноп, на палубу, но даже это не вывело людей из оцепенения. Одни не замечали жалкой фигуры, распростертой на снегу, другие смотрели на него равнодушным взглядом. Николлсу пришла в голову

абсурдная мысль: ему вдруг показалось, что люди эти будут стоять целую вечность – до тех пор, пока не застынет мозг, кровь не свернется в жилах, а сами они не превратятся в ледяные глыбы. Внезапно нарушив гробовую тишину, раздался пронзительный сигнал боевой тревоги, разрезавший сгущающиеся сумерки.

Чтобы добраться до мостика, Вэллери понадобилось целых три минуты. Он часто отдыхал, останавливаясь на каждой третьей или четвертой ступеньке четырех трапов, ведущих наверх, и все равно восхождение это отняло у него последние силы. Бруксу пришлось тащить его на мостик чуть ли не на руках.

Вэллери схватился за нактоуз; обтирая покрытые пеной губы, он тяжело дышал; но глаза его смотрели зорко и внимательно, привычно вглядываясь в снежную круговерть.

– Обнаружена цель. Цель приближается. Курс постоянный, идет на сближение, скорость без изменения.

Голос в динамике звучал приглушенно, бесстрастно, но четкая, спокойная интонация выдавала лейтенанта Боудена.

– Хорошо, отлично! Мы его еще поведем за нос! – Тиндалл повернулся к командиру. Его усталое, словно измятое лицо сияло от радости. Перспектива боя всегда воодушевляла Тиндалла. – Какая-то посуда движется сюда с зюйд-зюйд-веста, командир. Господи Боже, что это с вами? – воскликнул он, пораженный видом Вэллери. – Брукс! В чем дело, черт побери?

– Попробуйте сами с ним поговорить, – свирепо проорывал Брукс и, хлопнув дверью, стал неуклюже спускаться с мостика.

– Что с ним такое? – спросил Тиндалл, ни к кому не обращаясь. – Неужели я опять в чем-нибудь виноват, будь я проклят?

– Да нет же, сэр, – успокоил его Вэллери. – Я сам во всем виноват. Не послушался доктора, и вот результат. Вы что-то сказали?

– Ах, да. Боюсь, начинается заваруха, командир.

Вэллери улыбнулся про себя, увидев, как краска удовлетворения, радостного предвкушения битвы прихлынула к щекам адмирала.

– Радарной установкой обнаружен надводный корабль. Крупнотоннажный, быстроходный, похоже, идет на сближение.

– Разумеется, это не наш корабль? – проговорил вполголоса Вэллери. Потом он неожиданно вскинул голову. – Неужели же это...

– «Тирпиц»? – закончил за него Тиндалл. Потом, решительно мотнув головой, прибавил:

– Я тоже сначала так подумал. Но этого не может быть.

Точно наседка со своих цыплят, адмиралтейство и командование ВВС глаз с него не спускают. Пошевелились он, нас бы давно известили... Возможно, это какой-то тяжелый крейсер.

– Цель приближается. Курс прежний. – Голос Боудена звучал четко и уверенно, казалось, что это говорит спортивный комментатор. – Скорость около двадцати четырех узлов. Повторяю, скорость двадцать четыре узла.

Едва умолк Боуден, как ожил динамик радиорубки.

– На мостике! На мостике! Докладывает радиорубка. Деша со «Стерлинга» адмиралу: «Приказ понял. Выполняю маневр».

– Превосходно, превосходно! Это от Джеффериса, – объяснил Тиндалл. – Я дал ему по радио указание, чтобы конвой повернул на норд-норд-вест. Тогда наш новоявленный друг проскочит мимо конвоя.

Вэллери кивнул.

– Далеко ли находится от вас конвой?

– Штурман! – крикнул Тиндалл и выжидательно откинулся на спинку кресла.

– В шести, шести с половиной милях. – Лицо Капкового мальчика было бесстрастно.

– Сдавать начал наш штурман, – с деланно сокрушенным видом произнес Тиндалл. – Видно, сказывается напряжение. Дня два назад он сообщил бы нам дистанцию с точностью до ярда. Шесть миль, командир, – это достаточно далеко. Ему не обнаружить конвой. По словам Боудена, он нас еще не обнаружил, а то, что идет курсом перехвата, вероятно, случайность. Насколько я понимаю, лейтенант Боуден невысокого мнения о возможностях немецких радарных установок.

– Я знаю. Надеюсь, он прав. Впервые этот вопрос перестал носить чисто академический характер. – Приложив к глазам бинокль, Вэллери смотрел на юг, но видел лишь море да редеющую пелену снега. – Во всяком случае, хорошо, что мы успели.

Тиндалл изумленно поднял кустистые брови.

– Странное дело, сэр, – помолчав, продолжал Вэллери. – Там, на корме, в воздухе чувствовалось нечто таинственное, зловещее. Мне стало что-то не по себе. Чувство, которое я испытывал, походило на ужас. Снег, гробовая тишина, мертвецы – тринадцать мертвецов... Могу пред-

ставить, каково было матросам, что они думали об Итертоне, о случившемся. Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы не...

– Дистанция пять миль, – прервал его голос из динамика. – Повторяю, до цели пять миль. Курс и скорость постоянные.

– Пять миль, – облегченно вздохнул Тиндалл, не любивший мудрствования.

– Пора подразнить его, командир. По расчетам Боудена, мы скоро окажемся в зоне действия его радара. Пожалуй, нужно повернуть на чистый ост. Со стороны это будет выглядеть так, словно мы прикрываем с тыла конвой, направляющийся к Нордкапу.

– Право десять градусов, – скомандовал Вэллери. Плавно выполнив поворот, крейсер лег на новый курс. Обороты машин были уменьшены, и теперь ход «Улисса» не превышал двадцати шести узлов.

Прошла одна минута, пять. Снова взревел динамик.

– На мостике! Докладывает радиометрист. Дистанция не изменяется, цель ложится на курс перехвата.

– Превосходно! Великолепно! – Адмирал чуть не мурлыкал от удовольствия.

– Мы его провели, господа. Он проскочил мимо конвой... Открыть огонь! Наводить по радару!

Вэллери протянул руку к телефону, связанному с центральным постом управления огнем.

– Центральный? Ах, это вы, Кортни?... Хорошо, отлично... Что ж, действуйте.

Вэллери положил трубку и посмотрел на Тиндалла.

– Догадлив как бес этот юноша. Следит за целью уже

десять минут. Обе кормовые башни изготовлены к бою. Стоит лишь нажать кнопку.

– Ничем не уступит нашему приятелю, – Тиндалл кивнул головой в сторону штурмана. Потом изумленно взглянул на командира корабля. – Кортни? Вы сказали, Кортни? А где же артиллерийский офицер?

– У себя в каюте, насколько мне известно. На юте он упал в обморок. Он совершенно не в состоянии выполнять свои обязанности...

– Не дай Бог никому оказаться на его месте. Могу себе представить...

В эту минуту «Улисс» вздрогнул всем корпусом. Прозвучав ударом огромного бича, грохот третьей башни заглушил слова Вэллери, и снаряды калибра пять с четвертью дюйма с визгом помчались в сумерки. Несколько секунд спустя корабль снова вздрогнул: огонь открыла и четвертая башня.

После этого пушки стали бить поочередно, стреляя одиночными выстрелами через каждые полминуты. Бессмысленно было расходовать боеприпасы, не видя падения снарядов и не имея возможности корректировать огонь, но для того, чтобы досадить врагу и отвлечь его внимание на себя, этого было достаточно.

Снег поредел, снежная пелена теперь не закрывала горизонт, а словно бы набрасывала на него легкую вуаль. Небо на западе, расчистившись от облаков, осветилось лучами заходящего солнца. Вэллери отдал приказание четвертой башне прекратить огонь и зарядить орудия осветительными снарядами.

Неожиданно снегопад прекратился, и глазам наблюда-

телей предстал расплывчатый силуэт – огромный и грозный. В брызгах, взлетающих из-под форштевня вражеского корабля, сверкало зарево заката.

– Право тридцать! – резко скомандовал Вэллери. – Полный вперед. Поставить дымзавесу.

Тиндалл одобрительно кивнул. В его планы отнюдь не входило ввязываться в драку с немецким тяжелым крейсером, а то и карманным линкором... особенно на такой близкой дистанции – каких-то четыре мили.

С полдюжины биноклей сверкнуло на мостике, пытаясь опознать корабль противника. Но силуэт корабля, обращенного диаметральной плоскостью к «Улиссу», на фоне багрового неба оказался как бы смазанным. Классифицировать его было трудно. Внезапно из самой середины силуэта вырвался столб пламени; одновременно в небе вспыхнул осветительный снаряд, залил беспощадно ярким белым светом вражеский корабль, неожиданно ставший голым и беззащитным.

Но беззащитность эта была лишь кажущейся. Заслышав вой снарядов, которые, просвистев над их головами, тяжело плюхнулись в море, впереди по курсу крейсера, все, кто находился на мостике, инстинктивно пригнулись. Все, но только не Капковый мальчик.

– Крейсер класса «Хиппер», сэр, – определил он, искоса взглянув на адмирала, который медленно выпрямлялся в эту минуту. – Водоизмещение десять тысяч тонн, главный калибр – восемь дюймов, имеет на борту авиацию.

Тиндалл долгим, подозрительным взглядом посмотрел на серьезное, без тени улыбки, лицо штурмана, но не нашелся, что ответить, чтобы сокрушить этого всезнайку. Башни немецкого крейсера изрыгнули клубы дыма.

– Тысяча чертей! – воскликнул Тиндалл. – Фрицы времени не теряют. И метко стреляют, будь они прокляты! – прибавил он с восхищением, заметив, что снаряды с шипением упали в кильватерную струю «Улисса», всего в полутораста футах от его кормы. – С двух залпов взяли нас в вилку. А третьим накроют.

«Улисс» все еще катился вправо, из задней трубы его валил черный дым.

Вэллери выпрямился, схватил бинокль. Над правым шкафутом вражеского крейсера, перед самым мостиком, поднимались густые клубы дыма.

«Улисс», шедший почти точно на юг, пропал из виду вражеского крейсера.

Возле самой кормы его в море упало несколько снарядов, один из них взорвался, вздыбив огромный столб воды.

Было очевидно, что попадание во вражеский крейсер ничуть не ослабило его огневую мощь: следующий залп упал с недолетом в кабельтов. Теперь немец стрелял вслепую. Додсон, старший инженер-механик, старался вовсю: жирный черный дым стлался над морем плотной, непроницаемой стеной. Вэллери лег на обратный курс, потом, дав полный ход, повернул на ост.

В течение двух последующих часов – в сумерках, а затем и в темноте – «Улисс» играл в кошки-мышки с крейсером класса «Хиппер». Он то вступал в перестрелку, появляясь на короткое время, чтобы раззадорить врага, то исчезал за дымовой завесой, которая с наступлением ночи стала едва ли нужна.

Все это время глазами и ушами «Улисса» был радар, который ни разу его не подвел. Наконец, решив, что кон-

вою уже не грозит опасность, Тиндалл приказал поставить двойную дымовую завесу в виде гигантской буквы «V», и «Улисс» ушел на зюйд-вест, сделав напоследок несколько выстрелов – не столько на прощание, сколько для того, чтобы указать направление своего отхода.

Полтора часа спустя, описав гигантскую дугу, «Улисс» очутился далеко на севере. Между тем Боуден вместе со своими подчиненными продолжал следить за продвижением немецкого крейсера. Тот продолжал двигаться к осту, затем, находясь почти на предельной дистанции, повернул на зюйд-ост.

Тиндалл слез со своего кресла, расправляя онемевшие члены, и с удовольствием потянулся.

– Неплохо поработали мы нынче вечером, командир. Совсем неплохо. Бьюсь об заклад, наш друг всю ночь будет нестись на всех парах на зюйд, потом повернет на ост, рассчитывая к утру догнать конвой.

Несмотря на усталость, Тиндалл чуть ли не торжествовал.

– А к тому времени конвой Эф-Ар-77 будет в двухстах милях севернее его... Штурман, вы верно рассчитали курсы сближения с конвоем для всех скоростей до ста узлов включительно?

– Полагаю, мы смогли бы соединиться с конвоем без особых трудностей, – учтиво ответил Капковый мальчик.

– Больше всего он меня бесит, – прогудел Тиндалл, – когда изображает из себя пай-мальчика... О Боже милостивый, до чего же я замерз!.. Проклятье! Надеюсь, это не очередной сюрприз?

Связной, находившийся за пеленгаторным мостиком, снял трубку.

– Вас, сэр, – произнес он, обращаясь к командиру корабля, – лейтенант медицинской службы.

– Примите депешу, Крайслер.

– Прошу прощения, сэр. Лейтенант хочет что-то сообщить вам лично.

Крайслер протянул телефонную трубку Вэллери. Тот, подавляя раздражение, приложил ее к уху.

– Командир слушает. Да, а в чем дело?.. Что?.. Боже мой! Не может быть!.. Почему меня сразу не известили?.. Понятно. Благодарю вас.

Вэллери отдал Крайслеру трубку, устало повернулся к Тиндаллу.

В темноте адмирал скорее угадал, чем увидел, как у него бессильно опустились плечи.

– Звонил Николлс. – Голос Вэллери был вял, бесцветен. – Пять минут назад лейтенант Итертон застрелился у себя в каюте.

В четыре часа утра «Улисс» присоединился к конвою. Густо валил снег, но море было спокойно.

За какие-то шесть часов контр-адмирал превратился в измученного, дряхлого старика. Изможденное лицо его осунулось. Тиндалла мучили угрызения совести, досада на самого себя, граничившая с отчаянием. За эти немногие часы его румяные щеки ввалились и поблекли, кожа стала серой, как пергамент, налитые кровью, усталые глаза запали. Казалось просто невероятным, чтобы в бесстрашном, не знающем уныния, бывалом моряке, стойчески переносившем любые тяготы войны, в столь короткий срок могли произойти такие разительные перемены. Факт этот, тре-

вожний сам по себе, оказал страшно деморализующее влияние на матросов. А ведь каков поп, таков и приход. Сравнение это поневоле приходило на ум каждому.

Любой беспристрастный суд оправдал бы Тиндалла, даже не начав следствия. Ведь он делал то, что, по его мнению, было правильным, то, что сделал бы на его месте любой начальник. Но Тиндалл предстал перед иным судом – беспощадным судом собственной совести. Он не мог забыть, что именно он пренебрег официальным приказом прорываться к Нордкапу, что именно там, где, по словам лордов адмиралтейства, это может произойти, то есть на широте семьдесят градусов, конвой наткнулся на огромное скопище немецких субмарин – самую крупную «волчью стаю» из всех, какие действовали в Арктике в продолжение второй мировой войны.

«Волчья стая» нанесла удар в свой излюбленный час – на рассвете и с излюбленной позиции – с норд-оста, то есть оказавшись против восхода. Удар был нанесен жестоко, умело и без лишнего риска. Эпоха капитан-лейтенанта Прина и его знаменитых современников – эпоха лихих подводников, эпоха личной находчивости и безграничной отваги давно, видно, миновала, а подводная лодка под командованием Прина, потопленная эсминцем «Вулверин», давно покоилась со всем ее экипажем на дне моря.

Взамен тактики индивидуальных атак немецкие стратеги разработали гораздо более эффективную тактику – тактику нападения одновременно нескольких «волчьих стай», действующих под единым командованием. Эти «стаи» действовали методически, как заведенные, словно руководствуясь определенной программой.

Первой погибла «Кочелла», шедшая третьей в левой колонне.

Принадлежавший к тому же типу, что и «Вайтура» и «Варелла», танкер «Кочелла» имел на борту свыше трех миллионов галлонов высокооктанового авиационного бензина. В нее попало по меньшей мере три торпеды. Двумя первыми корпус ее почти переломило пополам, а от удара третьей торпеды бензин сдетонировал. От этого гигантского взрыва танкер почти мгновенно пошел ко дну. Еще секунду назад судно, ничего не подозревая, плыло по глади океана, окрашенной алым цветом утренней зари, а теперь его не стало. Танкер погиб. Исчез навсегда, лишь кипящая пена, вырываясь на поверхность моря, напоминала о том, что еще недавно он тут был. Судно уже исчезло, а люди, находившиеся на соседних кораблях, оглушенные, потрясенные увиденным, все еще не могли понять, что произошло. Танкер уже исчез, а смертоносный дождь металла еще проносился над конвоем, и люди инстинктивно бросались кто куда.

Более других пострадали от взрыва два судна. Огромной глыбой металла, — возможно, то была лебедка — насквозь пробило надстройку «Сирруса», находившегося по правому борту от «Кочеллы» на расстоянии одного кабельтова, и совершенно вывело из строя радиолокационную рубку. Что именно случилось с другим судном, носившим немислимое название «Теннесси Адвенчурер» и шедшим в кильватер за танкером, было неясно, но наверняка его рулевая рубка и мостик получили серьезные повреждения: судно потеряло управление.

Трагичнее всего было то, что на «Улиссе» не сразу поняли, в чем дело.

Оправившись от удара воздушной волны, Тиндалл дал сигнал поворота «влево все вдруг». «Волчья стая», решил он, находится с левого борта, и единственным маневром с целью уменьшить потери, нарушить планы врага остается идти прямо, на него. Он не без основания полагал, что вражеские подводные лодки собраны в кулак, поскольку в цепочку они вытягивались при встрече тихоходных конвоев. Кроме того, он не раз использовал эту тактику прежде, причем весьма успешно. И действительно, при маневре такого рода площадь цели сокращалась для врага в десять раз, и подводным лодкам оставалось одно: срочно погружаться или же подставлять себя под удары форштевней английских кораблей.

С безукоризненной четкостью и согласованностью олимпийских наездников транспорты конвоя, заноса корму вправо, повернули, оставляя за собой белый, фосфоресцирующий след, выделявшийся на еще темной поверхности моря. То, что «Теннесси Адвенчурер» лишен управления, заметили слишком поздно. Сперва медленно, потом с ужасающей быстротой нос танкера покати́лся к осту, нацеливаясь на соседний транспорт «Тобакко Плантер». Времени, чтобы понять неизбежное, почти не оставалось; на «Плантере» руль положили право на борт, надеясь проскочить по корме «Адвенчурера», но поворачивающий с бешеной скоростью танкер, которым, казалось, управляла какая-то злобная сила, неумолимо, фут за футом, приближался к «Плантеру», описывающему крутую спираль.

Удар, нанесенный со страшной силой, пришелся по средней части корпуса перед самым мостиком. Нос «Адвенчурера», сминаясь, точно лист бумаги, глубоко врезался

в борт транспорта – на три-три с половиной метра, разрывая, сгибая стальную обшивку: кинетическая энергия судна с дедвейтом десять тысяч тонн при скорости хода пятнадцать узлов фантастически велика. Нанесенная ему рана была смертельной. К тому же «Плантер», двигаясь по инерции, оторвался от «Адвенчурера», вцепившегося ему в бок так, что обнажилась пробоина, куда жадно устремилась вода. Это ускорило гибель транспорта. Почти сразу же «Плантер» начал заметно оседать и тяжело валиться на правый борт. На борту «Адвенчурера» наконец кто-то, видно, принял на себя управление судном: машины его были застопорены, и транспорт, имея небольшой дифферент на нос, почти замер неподвижно возле тонущего «Плантера».

Остальные транспорты и корабли конвоя, обойдя стороной злополучные суда, пошли курсом вест-тень-норд.

Орр, командир «Сирруса», находившегося на правом фланге конвоя, круто развернул свой эсминец и понесся назад, к изувеченным транспортам. Но, не успев пройти и мили, «Сиррус» получил «фитиль» от флагмана и тотчас занял свое место в порядке. Насчет «Плантера» Тиндалл не питал никаких иллюзий. Он знал, что судну осталось жить считанные минуты, а «Адвенчурер» будет цел и невредим в течение всего дня. Но вовсе не из-за отсутствия поблизости от него вражеских лодок. Напротив, движимый сомнительным благородством, враг будет держаться возле подбитого судна до самой темноты, рассчитывая, что к «Адвенчуреру» подойдет какой-нибудь эсминец, чтобы оказать ему помощь.

Тиндалл оказался прав. «Адвенчурер» был торпедиро-

ван перед самым заходом солнца. Три четверти экипажа и с ними двадцать моряков, снятых с «Плантера», спаслись на шлюпках. Месяц спустя у стылых берегов острова Медвежий их обнаружил фрегат «Эшер». Три шлюпки, соединенные между собой перлинем, упорно продвигались к северу. Капитан, прямой и неподвижный, сжимал высохшей рукой румпель, вперив невидящий взгляд пустых глазниц в далекий, навеки утраченный для него горизонт. Остальные сидели или лежали в шлюпках, а один стоял, обняв мачту. Почерневшие от солнца губы моряков были растянуты в жуткой улыбке. Вахтенный журнал лежал возле капитана. В нем не было оставлено ни одной записи: в первую же ночь все замерзли. Командир фрегата, еще совсем молодой человек, приказал оттолкнуть шлюпки от борта корабля и долго смотрел им вслед, пока они не исчезли за горизонтом, дрейфуя на самый край света к Ледовому барьеру. Ледовый барьер – это край великого безмолвия, где царит первозданный покой, тишина и вечный холод. Возможно, они и поныне блуждают там – мертвецы, осужденные на вечные скитания... Сколь жалкий конец, недостойный бесценного сосуда, заключающего в себе высокий дух... Одобрило ли адмиралтейство действия командира фрегата, неизвестно.

Адмирал просчитался в главном – он не сумел разгадать диспозицию противника. Командир «волчьей стаи» перехитрил его, но действительно ли Тиндалл не мог предвидеть этого, остается спорным. Излюбленный прием командующего эскадрой поворачивать корабли в сторону торпедной атаки был известен врагу. Хорошо известно было и то, что адмирал всегда находится на «Улиссе», а

«Улисс», корабль, единственный в своем роде, знали командиры всех немецких подлодок. Они видели его лично или на фотографиях. Кроме того, «волчьей стае» наверняка сообщили, что именно «Улисс» является флагманом конвоя Эф-Ар-77, идущего в Мурманск. Тиндаллу следовало предвидеть, предвидеть и предупредить встречный маневр, который давным-давно должен был бы применить противник.

Пустившая ко дну «Кочеллу» субмарина была последней, а не первой в «стае». Остальные расположились южнее той лодки, что взвела капкан, и много западнее маршрута конвоя, оказавшись вне досягаемости гидролокатора... И когда конвой повернул на запад, командиры подводных лодок, произведя расчет торпедных треугольников, преспокойно ждали, когда транспорты подставят свои борта под удар. Спокойный, точно мельничный пруд, океан был ультрамаринового цвета, какой увидишь лишь на Средиземном море. От ночной пурги не осталось и следа. Далеко на юго-востоке из воды поднималось ослепительное солнце.

Отлогие его лучи сверкали серебром на поверхности Ледовитого океана, и белые силуэты заснеженных судов резко выделялись на фоне темного моря и неба.

Погода была идеальной, если допустить, что определением «идеальный» можно характеризовать пролог к массовому убийству.

А поголовный разгром, гибель всего конвоя были бы неизбежны, если бы не предупреждение, полученное в самую последнюю минуту. Предупреждением этим моряки конвоя были обязаны не радарной установке, гидролока-

тору или какому-либо иному сверхсовременному техническому устройству, а зорким глазам восемнадцатилетнего юноши – матроса второго класса – да Богом ниспосланным лучам восходящего солнца.

– Господин каперанг! – закричал Крайслер голосом, прерывающимся от невероятного волнения. Глаза его прильнули к окулярам мощного бинокля, укрепленного на пульте управления прожекторной установки левого борта. – Там, на юге, что-то сверкает, сэр. Блеснуло два раза. Вон, вон, опять!

– Где, паренек? – закричал Тиндалл. – Ну, живет, где?

Растерявшись, Крайслер забыл золотое правило наблюдателя: при докладе всегда сообщать курсовой угол обнаруженной цели.

– Пятьдесят градусов левого борта, сэр!.. Отставить, шестьдесят левого борта... Теперь я потерял этот предмет из виду, сэр.

Все, кто находился на мостике, направили свои бинокли в указанном направлении. Но никто ничего не увидел. Медленно вдвинув колена подзорной трубы одно в другое, Тиндалл красноречиво пожал плечами.

– Возможно, он все-таки действительно что-то видел, – произнес после раздумья Капковий мальчик. – А что, если это блеснул, вращаясь, перископ?

Тиндалл молча посмотрел на него ничего не выражающим взглядом, потом отвернулся и уставился вдаль. Он показался Карпентеру каким-то совсем не похожим на себя. Лицо адмирала словно окаменело. Лицо человека, отвечающего за судьбу двадцати судов и пяти тысяч душ, человека, который однажды уже принял ошибочное решение.

– Вон, вон, опять сверкнуло! – раздался вопль Крайслера. – Блеснуло два раза, нет, три! – Вне себя от возбуждения, словно в каком-то безумном танце, он неистово прыгал на месте. – Я их видел, сэр, видел, видел. Прошу вас, поверьте мне!

Тиндалл круто повернулся к нему. Десять долгих секунд он смотрел на юношу. Тот, оставив бинокль, схватился за дверцу и тряс ее в отчаянии, умоляюще глядя на адмирала. Внезапно решившись, Тиндалл скомандовал:

– Лево на борт, командир! Бентли, сигнал конвою!

На основании никем не подтвержденного донесения восемнадцатилетнего юноши суда и корабли конвоя Эф-Ар-77 стали медленно, чересчур медленно поворачивать к зюйду. Внезапно море словно ожило: к кораблям конвоя неслись три, пять, десять торпед... За тридцать секунд Вэллери насчитал тридцать торпед. Установленные на малую глубину, страшные сигары оставляли на стеклянной поверхности моря зловещий пенистый след. Тая, след этот походил на летящую смертоносную стрелу. Средние торпеды шли параллельно, а на восточном и западном флангах расходились веером, выпущенные с расчетом поразить все корабли конвоя. Это было фантастическое зрелище: никто из моряков за всю свою жизнь не видел ничего подобного.

В мгновение ока все смешалось. Подавать сигналы было некогда. Каждому кораблю следовало самому позаботиться о своей судьбе. Смятение усугубилось из-за того, что транспорты, находившиеся в середине конвоя и в крайних кильватерных колоннах, еще не успели заметить мчащихся к ним торпед.

Спастись всем было невозможно: торпеды шли слиш-

ком кучно. Первым подбили «Стерлинг». Казалось, крейсер был уже вне опасности, поскольку ушел далеко вперед, когда торпеды шли гуще всего, корабль покачнулся, словно от удара невидимого молота, круто развернулся и понесся на восток. Над кормой его поднимались густые клубы дыма. «Улисс», находившийся в умелых руках, развернулся буквально на пяточке, маневрируя рулем и мощными машинами, и проскользнул в невероятно узкий коридор между четырьмя торпедами: обе пары прошли не далее чем в нескольких ярдах от его бортов: удача по-прежнему сопровождала крейсеру. Быстроходные эсминцы, чрезвычайно маневренные, безукоризненно управляемые, подпрыгивая на волнах, с презрительной небрежностью обошли торпеды и очутились в безопасности. Затем, дав полный ход, ринулись на зюйд.

Огромные, неуклюжие и сравнительно тихоходные торговые суда оказались не столь везучими. Два судна, находившиеся в левой кильватерной колонне, – танкер и транспорт – получили попадания, однако, лишь содрогнувшись от страшного удара, оба, словно заколдованные, продолжали идти. Но крупнотоннажный транспорт, шедший следом, постигла иная участь. В судно это, груженное танками, закрепленными в трюмах и на палубе, в течение трех секунд ударило три торпеды. Ни дыма, ни пожара, ни живописного детонационного взрыва не было: насквозь изрешеченный, разодранный от кормы до форштевня, транспорт затонул быстро и тихо, держась на ровном киле, увлекаемый ко дну страшной тяжестью металла. У тех, кто находился в помещениях, спастись не было ни малейшего шанса.

«Бель Иль», купец, шедший в средней колонне, получил попадание в среднюю часть корпуса. Раздалось два взрыва (возможно, в судно ударили две торпеды), и на транспорте вспыхнул пожар. Спустя всего несколько секунд он сильно накренился на левый борт; крен увеличивался на глазах. Вот уже скрылись под водой поручни; вельботы, приспущенные на вываленных шлюпбалках, едва не касались поверхности моря. Десятка полтора моряков, скользя и спотыкаясь, бежали по наполовину залитой водой наклонной палубе к ближайшей шлюпке. Они принялись остервенело рубить фалинь, крепивший шлюпку, потом, карикатурно суетясь, кинулись в нее. Высвободившись из-под погрузившихся шлюпбалок, люди схватили весла и начали яростно отгребать от тонущего судна.

От начала до конца этого эпизода не прошло и минуты.

Полдюжины мощных ударов весел – и моряки отошли на безопасное расстояние от тонущего судна; еще два рывка – и шлюпка попала прямо под форштевень «Уолтера А. Бэдделея», транспорта, тоже нагруженного танками, который шел справа от «Бель Иля». Великолепное мастерство капитана, спасшее «Бэдделея» от столкновения с «Бель Илем», тут оказалось бессильно; крохотное суденышко хрупнуло, точно скорлупка, выбросив в ледяную воду кричащих в ужасе людей.

При виде окрашенной шаровой краской громады «Бэдделея», быстро надвигавшегося на них, моряки, яростно работая руками, поплыли прочь.

Тяжелую полярную одежду стащило с них сопротивлением воды. В подобные минуты голос разума не слышен:

этим людям даже не пришло в голову, что если они увернутся от разящего винта «Бэдделея», то все равно закочуют насмерть в студеной воде Ледовитого океана. Но погибли они не под ударами лопастей винта и не от холода. Люди еще барахтались, тщетно пытаюсь выбраться из страшного водоворота, когда в корму «Бэдделея», возле самого баллера руля, врезались одновременно две торпеды.

Для человека, оказавшегося в непосредственной близости от подводного взрыва, нет ни тени надежды уцелеть. Действие такого взрыва страшно, отвратительно, потрясающе: представить себе его не в силах ничье воображение. Даже выдавшие виды патологоанатомы с трудом могут заставить себя взглянуть на то, что некогда было человеческим существом... Но для этих бедняг, как часто случается в Арктике, смерть была не злом, а благом, ибо умерли они мгновенно, без мук.

У «Уолтера А. Бэдделея» взрывом оторвало почти всю кормовую часть корпуса. В огромную, как туннель, пробоину разом хлынули сотни тонн воды, ломая перекошенные взрывом водонепроницаемые двери котельно-машинного отделения и неумолимо увлекая судно в жадную пучину Ледовитого океана. Вот уже поручни юта, словно в приветствии, коснулись поверхности воды. На мгновение судно точно замерло. Затем в утробе его раздался глухой взрыв – оглушительный, зловещий рев вырвавшегося на свободу сжатого пара и, под конец, в минуту, когда судно встало на дыбы, послышался адский грохот сорвавшихся с фундаментов тяжелых котлов. Изуродованная корма почти тотчас же стала погружаться все глубже и глубже, затем вовсе скрылась под водой.

Носовая же часть судна задралась вверх. Угол наклона ее увеличивался фут за футом. Корма оказалась уже на глубине ста или двухсот футов, а нос поднялся ввысь, к голубому небу, удерживаемый на плаву заключенным в корпусе воздухом объемом в полмиллиона кубических футов.

Когда наступил конец, палуба судна не достигла отвесной линии лишь на четыре градуса. Определить угол с такой точностью возможно было потому, что на «Улиссе», находящемся в полумиле, щелкнул затвор фотокамеры. Ее сжимал в руках лейтенант Николлс. Камеру, которая запечатлела незабываемое зрелище – страшную в своей простоте картину тонущего судна, вставшего почти вертикально на фоне голубого неба. Картина эта была необычна отсутствием деталей, если не считать двух плоских предметов, нелепо повисших в воздухе.

То были тяжелые тридцатитонные танки, погруженные на переднюю палубу.

Оборвав найтовы, они падали вниз, чтобы обрушиться на среднюю надстройку, уже находившуюся в воде. На заднем плане фотографии видна была корма «Бель Иля» с обнажившимся винтом и повисшим над безмятежной гладью моря кормовым флагом торгового флота.

Несколько секунд спустя камеру из рук Николлса вырвало и ударило о переборку. Объектив оказался разбитым вдребезги, но пленка уцелела. Моряков в спасательной шлюпке охватила паника, и не зря: во втором трюме «Бель Иля», рядом с которым возник пожар, находилась тысяча тонн танковых снарядов...

Разломанный надвое транспорт минуту спустя пошел

ко дну; носовая часть «Бэдделей», изрешеченная взрывом, плавно скользнула вслед за ним.

Не успело стихнуть катившееся над морем эхо взрыва, как его подхватила и швырнула назад, как мяч, серия до-несшихся с юга глухих ударов. Менее чем в двух милях от «Улисса», ослепительно белые в лучах утреннего солнца, «Сиррус», «Вектра» и «Викинг» рисовали на поверхности моря замысловатый узор. С обоих бортов, с кормовой палубы они сбрасывали глубинные бомбы.

Иногда то один, та другой из кораблей совершенно исчезал из виду, скрытый гигантскими столбами воды и брызг, но, когда огромные эти грибы исчезали словно по волшебству, он появлялся вновь.

Примкнуть к охотникам, утолить неистовую, первобытную жажду мести – таков был первый порыв Тиндалла. Капковый мальчик украдкой наблюдал за ним, пораженный обнаружившейся в адмирале жестокостью: разглядывал крепкий рот с поджатыми губами, искаженное лицо, побелевшее от ненависти и злобы, направленной не в последнюю очередь и против самого себя. Неожиданно Тиндалл скорчился в своем кресле.

– Бентли! Просигнальте «Стерлингу»: «Сообщите, какие имеете повреждения».

Отставший от «Улисса» на милю с лишком, «Стерлинг», круто повернув, догонял его со скоростью не менее двадцати узлов.

– «Имею течь в отсеке сзади машинного отделения, – читал Бентли ответ „Стерлинга“. – Кладовые затопило водой, но повреждения корпуса незначительные. Ситуация под контролем. Заклинило привод рулевого управления. Использую аварийное рулевое устройство. Все в порядке».

– Слава тебе, Господи! Просигнальте: «Примите командование. Следуйте курсом ост». А теперь, командир, поможем Орру разделаться с этими кровожадными псами!

– Сэр! – с тоской взглянул на адмирала Капковый мальчик.

– Да, штурман! В чем дело? – нетерпеливо произнес Тиндалл.

– Что вы скажете о первой подлодке? – осторожно спросил Карпентер. – Она не далее чем в миле к северу от нас, сэр. Не следует ли нам?..

– Тысяча чертей! – оборвал его Тиндалл. Лицо его побагровело от гнева. – Уж не думаете ли вы учить меня? – Адмирал умолк и пристально поглядел на Карпентера. – Что вы мне сказали, штурман?

– Я говорю о лодке, что потопила танкер, сэр, – учтиво произнес Капковый. – Возможно, она перезарядила аппараты и находится в выгодной позиции для торпедной атаки...

– Ах да, верно, – пробормотал Тиндалл. Проведя ладонью по глазам, он мельком взглянул на Вэллери. Но командир «Улисса» в эту минуту отвернулся.

Снова прошла по усталым глазам ладонь. Тиндалл с улыбкой сказал:

– Вы правы, штурман, совершенно правы. – Помолчав, прибавил: – Как всегда, черт вас побери!

На севере «Улисс» ничего не обнаружил. Субмарина, пустившая на дно танкер и заманившая конвой в западню, благоразумно убралась восвояси. Во время поиска лодки на «Улиссе» слышали орудийные выстрелы. Из пушек «Сирруса» калибром 4,7 дюйма вырывался дым.

– Узнайте, что там стряслось! – раздраженно скомандовал Тиндалл.

Капковый мальчик усмехнулся про себя: старик еще не выдохся.

– «Вектра» или «Викинг» повредили или уничтожили подводную лодку, – отвечал командир «Сирруса». – Совместно с «Вектрой» мы потопили всплывшую подводную лодку. Как ваши успехи?

– «Как ваши успехи»! – взорвался Тиндалл. – До чего же нахален мерзавец: «как ваши успехи»! Когда вернемся в Скапа-Флоу, всучу этому наглецу Орру самый дряхлый, самый занюханный тральщик... А все из-за вас, штурман!

– Так точно, сэр. Виноват, сэр. Но, возможно, он лишь хочет выразить нам свое сочувствие?

– А как вы смотрите на то, чтобы попасть на этот тральщик штурманом? – с угрозой проговорил Тиндалл.

Карпентер удалился к себе в рубку.

– Кэррингтон!

– Есть, сэр.

Первый офицер был, как обычно, верен себе. Ясноглазый, бодрый, свежевыбритый, знающий все, о чем его ни спроси. На матово-бледном лице его – у всех, кто слишком долго находился в тропиках, именно такой оттенок кожи – не было и следа усталости, несмотря на то, что он трое суток не спал.

– Что на это скажете? – показал Тиндалл в сторону норд-веста. Горизонт заволакивали похожие на барашки серые облака, тронутые рябью, которая шла с севера, море приобрело оттенок индиго.

– Трудно сказать, сэр, – медленно взвешивая слова,

произнес Кэррингтон. – Но только не шторм, наверняка... Мне уже доводилось однажды видеть подобное. Ясным утром ввысь поднялось приземистое крученое облако. Температура воздуха при этом повысилась. Весьма обычное явление на Алеутских островах и в Беринговом море, сэр. И там это предвещает туман – густой туман.

– А ваше мнение, командир?

– Не имею ни малейшего представления, сэр, – решительно мотнул головой Вэллери. Переливание плазмы, видно, пошло ему на пользу. – Это что-то новое. Ничего подобного не видел прежде.

– А я-то думал, видели, – проворчал Тиндалл. – Я тоже такого не видывал, потому и просил сначала первого офицера... Если решите, что это все-таки туман, дайте мне знать, первый, хорошо? Нельзя, чтобы с ухудшением видимости транспорты и корабли охранения разбрелись по всему океану. Хотя, если бы не мы, прибавил он с горечью, – они находились бы в гораздо большей безопасности!

– Могу дать ответ уже сейчас, сэр. – Кэррингтон был наделен редким даром – спокойно и твердо возражать, ни на йоту не роняя достоинства собеседника. – Надвигается туман.

– Сказано достаточно ясно. – Тиндалл никогда не сомневался в справедливости слов Кэррингтона. – Надо убираться отсюда к чертовой матери. Бентли, просигнальте эсминцам: «Выйти из соприкосновения с противником. Присоединиться к конвою». Да, Бентли, прибавьте еще: «Немедленно». – Он повернулся к Вэллери. – Это я специально для Орра.

Через час транспорты и корабли эскорта, заняв место в

ордере, повернули на норд-ост, чтобы оторваться от «волчьих стай», притаившихся вдоль широты 70 градусов, оставив их в стороне. Солнце, находившееся на зюйд-осте, по-прежнему ярко светило, но на суда и корабли конвоя уже ложились рваные хлопья густого тумана. Скорость уменьшили до шести узлов, все корабли выпустили туманные буи.

Поежившись, Тиндалл неуклюже, неловко слез с кресла: прозвучал сигнал отбоя. Отворив дверцу, ведущую на мостик, адмирал остановился и опустил руку на плечо Крайслера. Юноша изумленно оглянулся.

– Просто захотелось увидеть твои ясные глаза, сынок, – улыбнулся адмирал. – Мы им многим обязаны. Большое тебе спасибо. Мы никогда не забудем этого.

Забыв про усталость, Тиндалл долго смотрел в лицо сигнальщика, смутившегося от похвалы. При виде воспаленных век, осунувшегося, бледного лица, покрытого пятнами румянца, адмирал почувствовал жалость к этому мальчику. Он негромко выругался.

– Сколько вам лет, Крайслер? – спросил он.

– Восемнадцать, сэр... Исполнится через два дня. – Голос Крайслера, в котором слышался акцент уроженца запада, звучал почти вызывающе.

– Ему тоже исполнится восемнадцать... через два дня? – медленно повторил Тиндалл про себя. – Господи, Боже! Боже милостивый?

Уронив руку, он устало побрел в броневую рубку и закрыл за собой дверь.

– Через два дня ему исполнится восемнадцать, – повторил он словно в забытии. Вэллери привстал с кушетки.

– Кому? Юному Крайслеру?

Тиндалл с убитым видом кивнул.

– Я понимаю, – спокойно произнес Вэллери. – Понимаю, что это такое... Сегодня этот мальчик сослужил нам великую службу.

Тиндалл устало опустился в кресло. Губы его скривились в горькой усмешке.

– Единственный сын... Боже мой, за что такое наказание!

Он глубоко затаился, уставился в пол.

– «Десять бутылок висят на стене...» – рассеянно запел он.

– Что вы сказали, сэр?

– Четырнадцать кораблей вышло из Скапа-Флоу, восемнадцать транспортов – из залива Святого Лаврентия, составив конвой Эф-Ар-77, – негромко произнес Тиндалл. – Итого тридцать две единицы. А теперь... Теперь их всего семнадцать, и трое из них подбиты. Можно считать, что «Теннеси Адвенчурер» обречен.

Он яростно выбранился.

– О исчадия ада! Как тяжело бросать суда на произвол судьбы, оставлять на расправу этой кровожадной сволочи...

Адмирал замолчал, глубоко затаился.

– Здорово у меня получается, не так ли?

– Что за глупости, сэр, – нетерпеливо, почти сердито прервал его Вэллери. – Ведь в том, что авианосцам пришлось вернуться, нет вашей вины.

– Значит, в остальном, что произошло потом, есть моя вина? – усмехнулся Тиндалл и поднял руку, видя, что Вэ-

ллери собирается возразить. – Простите, Дик. Я знаю, вы не хотели упрекнуть меня, но это правда. За каких-то десять минут погибло шесть транспортов. Шесть! А нам и одного нельзя было потерять.

Опустив голову на ладони и уперев локти в колени, он снова стал тереть кулаками усталые глаза.

– Контр-адмирал Тиндалл, блестящий стратег, – продолжал он вполголоса.

– Он изменяет маршрут конвоя, и тот наталкивается на тяжелый крейсер. Снова меняет курс, и конвой оказывается в лапах самой крупной «волчьей стаи», какую мне только доводилось видеть, причем именно в той самой точке, где она и должна была находиться по данным адмиралтейства... Как бы снисходительно ни обошелся со мной по возвращении старина Старр, на глаза ему лучше не попадаться. После всего, что произошло, мне лучше вовсе не возвращаться.

Тиндалл с усилием поднялся. Свет единственной лампочки упал на его лицо. Вэллери был потрясен происшедшей, в адмирале переменой.

– Куда же вы, сэр? – спросил он.

– На мостик. Нет, нет, оставайся здесь, Дик.

Тиндалл попытался улыбнуться, но вместо улыбки получилась гримаса, которая тотчас исчезла.

– Не мешай мне обдумывать свой очередной промах.

Контр-адмирал открыл дверь, но тотчас замер, услышав знакомый звук – свист проносащихся чуть ли не над головой снарядов и раздающийся в тумане вопль сигнала боевой тревоги.

– Похоже, – произнес он с горечью, – я уже совершил его, этот промах.

ГЛАВА 9

В пятницу (утром)

Тиндалл увидел, что их окружает плотная стена тумана. После того как ночью выпал густой снег, температура воздуха стала понемногу подниматься.

Но потепления не чувствовалось: от липких ледяных полос тумана было еще холоднее. Он торопливо вышел на мостик, следом за ним – Вэллери. Тэрнер, захватив каску, спешил на запасной командно-дальномерный пост. Протянув руку, Тиндалл остановил его.

– В чем дело, старпом? – спросил он. – Кто стрелял? Откуда?

– Не знаю, сэр. Похоже, снаряды летят с кормовых курсовых углов. Я, кажется, догадываюсь, кто именно ведет огонь. – Он долгим, испытующим взглядом посмотрел на адмирала. – Наш вчерашний знакомец.

Резко повернувшись, Тэрнер стал поспешно спускаться с мостика. Тиндалл недоуменно смотрел ему вслед. Потом, яростно бранясь, бросился к телефону, соединенному с рубкой радиометриста.

– Говорят с мостика. У телефона адмирал. Немедленно лейтенанта Боудена!

– Боуден слушает, сэр, – тотчас ожил динамик.

– Чем вы там занимаетесь, тысяча чертей? – Голос Тиндалла звучал тихо и зловеще. – Спите или как? Нас обстреливают, лейтенант Боуден. Огонь ведет надводный корабль. Возможно, это для вас новость.

Адмирал умолк и пригнул голову: несколько снарядов с визгом пронеслись над самым крейсером и рухнули в воду менее чем в полумиле впереди по курсу.

На палубу одного из транспортов обрушились каскады воды, заметные в просвете меж двух полос густого тумана. Поспешно выпрямившись, Тиндалл прорычал в микрофон:

– Немец определил дистанцию до нас, причем довольно точно. Черт вас побери, Боуден, где же он сам?

– Прошу прощения, сэр. – Голос Боудена звучал спокойно и невозмутимо. – Но нам до сих пор не удалось его обнаружить. На экранах все еще виден «Адвенчурер», правда, его пеленг как-то искажен. Приблизительный пеленг триста градусов... Предполагаю, корабль противника по-прежнему прячется за корпусом «Адвенчурера» или же находится в створе с ним, по эту сторону транспорта.

– Далеко ли корабль противника? – отрывисто пролаял Тиндалл.

– Довольно далеко, сэр. Он жметя к «Адвенчуреру». Ни размеров его, ни дистанции установить невозможно.

Поигрывая микрофоном, адмирал повернулся к Вэллери.

– Неужели этот Боуден считает, что я поверю его рассказам? – проговорил он сердито. – Слишком уж много совпадений. Из тысячи возможных позиций вражеский корабль почему-то занял такую, что позволяет ему спрятаться от нашей радарной установки. Мыслимо ли!

Вэллери посмотрел на адмирала. Лицо командира крейсера было бесстрастно.

– Ну? – нетерпеливо произнес Тиндалл. – Разве не так?

– Нет, сэр, – спокойно произнес Вэллери. – Не так. Не

совсем так. Совпадение отнюдь не случайно. «Волчья стая» сообщила ему по радио наш пеленг и курс. Остальное было просто.

Тиндалл уставился на Вэллери, потом, закрыв глаза, отчаянно замотал головой. Это был жест, выражавший самобичевание, презрение, попытку напрочь истощенный, усталый ум. Дьявольщина, шестилетний ребенок разгадал бы этот маневр... Метрах в пятидесяти по левому борту «Улисса» в воду со свистом врезался снаряд. Тиндалл не пошевелился; возможно, он даже не увидел и не услышал его всплеска.

– Боуден? – проговорил он, снова поднося к губам микрофон.

– Слушаю, сэр.

– Есть перемены на индикаторе?

– Нет, сэр. Все по-прежнему.

– И вы по-прежнему придерживаетесь своего мнения?

– Да, сэр. Иного объяснения быть не может.

– Полагаете, корабль противника держится неподалеку от «Адвенчурера»?

– Точнее сказать, жмется к нему.

– Но, черт возьми, приятель, ведь «Адвенчурер» находится от нас менее чем в десяти милях!

– Да, сэр, я знаю. И этот бандит – тоже!

– Как! В десяти милях! Но ведь...

– Он ведет огонь по радарным данным, – прервал его Боуден. В металлическом голосе лейтенанта возникли усталые нотки. – Я так предполагаю. С помощью радара он также следит за нами. Вот почему противник постоянно находится на том же курсовом угле, что и «Адвенчурер». И

огонь его чрезвычайно точен... Боюсь, адмирал, его радар ничуть не уступает нашему.

В динамике щелкнуло. В напряженной тишине, воцарившейся на мостике, послышался неестественно громкий треск разбившейся на мелкие кусочки эбонитовой трубки, выскользнувшей из рук адмирала. Словно слепой, пошарив вокруг себя, он ухватился за трубу паропровода. Вэллери шагнул к Тиндаллу, заботливо протянул ему руки, но тот машинально отстранил его. Разом превратившись в дряхлого, обессилевшего старика, волоча ноги, адмирал побрел по настилу мостика, забыв, что на него смотрит дюжина изумленных глаз, и с невероятным трудом забрался в свое высокое кресло.

«Осел! – бранил он себя. – Старый безмозглый осел!» Он никогда не сможет простить себя! Ни за что! Враг перехитрил его. Всякий раз фриц предупреждал его мысли, заранее угадывал его намерения и маневры. Старого дурака обвели вокруг пальца. Радиолокатор! Конечно, все дело именно в нем.

До чего же он был глуп, полагая, что немецкие радарные установки все те же несовершенные, примитивные системы, какими, судя по донесениям адмиралтейства и данным авиаразведки, они были год назад! Радиолокатор, причем не хуже того, которым оснащен «Улисс»! А ведь все полагали, что «Улисс» – корабль, оснащенный превосходнейшей, более того, единственной в мире радарной установкой! Оказывается, у фрица радар не хуже, а возможно, много лучше, чем на «Улиссе». Но разве подобная мысль хоть однажды пришла ему в голову? Тиндалл корчился от душевной муки, от чувства отвращения к самому

себе. Утром пришел час расплаты: шесть судов с тремя сотнями душ на борту пошли ко дну. «Молись, Тиндалл! – думал он тупо. – Моли о прощении Всевышнего. Это ты их погубил... Радарная установка!»

Взять, к примеру, прошлую ночь. Когда «Улисс», заметая следы, повернул на ост, немецкий крейсер потащился за ним, делая вид, что попался на удочку «гениального мыслителя и стратега». Адмирал даже застонал от чувства унижения. Крейсер последовал за ним и устраивал беспорядочную стрельбу всякий раз, как «Улисс» исчезал в дымовой завесе. Делал это для того, чтобы скрыть, насколько эффективна его радарная установка, одновременно утаивая и тот факт, что он, по крайней мере, уже полчаса следил за конвоем, ушедшим на норд-норд-вест. И задачу эту упростил он сам, адмирал Тиндалл, запретивший судам конвоя идти противолодочным зигзагом.

Да и позднее, когда «Улисс», великолепно петляя, сперва повернул на зюйд, затем снова на норд, противник, должно быть, постоянно видел корабль на экране своего локатора. И, в довершение всего, казня себя, адмирал вспомнил этот финт немецкого крейсера – его ложный отход на зюйд-ост. Почти наверняка вслед за «Улиссом» он повернул к норду, поймал английский крейсер, находившийся на предельной для его радара дистанции, и, рассчитав курс «Улисса» для сближения с конвоем, радировал «волчьей стае» субмарин, находившейся впереди, координаты конвоя с точностью чуть ли не до фута.

И вот последнее оскорбление, сокрушительный удар по остаткам его человеческого и командирского достоинства... Противник открыл огонь с предельной дистанции,

но с максимальной точностью – несомненное доказательство того, что целеуказание производится с помощью радара.

Единственным объяснением этому могла быть лишь уверенность противника, что на «Улиссе» наконец-то сообразили: немецкий крейсер оснащен чрезвычайно надежной радиолокационной установкой. Какое там сообразили! Тиндаллу это и во сне не приснилось. Он стал мерно бить кулаком по краю ветрового стекла, не чувствуя боли. Боже, какой же он идиот, беспросветный, безнадежный идиот!

Шесть транспортов, триста человек! Сотни танков и самолетов, миллионы галлонов горючего потеряны для России. Сколько тысяч русских – солдат и мирных жителей – погибли из-за этого! А сколько семей будет убито горем в разных концах Великобритании, лишившись своих близких! Представил себе юношей-почтальонов, развозящих на велосипедах похоронные. Представил, как стучатся они в двери домиков в долинах Уэльса, в тенистых, переулках Сюррея, привозят их родным убитых, сидящим у очагов на далеких Западных островах – очагов, где, чадая, тлеет торф. Представил выбеленные известью коттеджи Донегала и Антрима... Осиротевшие дома – на бескрайних просторах Нового Света, от Ньюфаундленда и Мейна до дальних нагорий тихоокеанского побережья... Эти несчастные семьи так никогда и не узнают, что не кто иной, как он, адмирал Тиндалл, столь преступно распорядился жизнями их мужей, братьев, сыновей. Мысль эта была еще горше, чем безутешное отчаяние.

– Каперанг Вэллери? – Голос Тиндалла доходил на

хриплый шепот. Вэллери подошел к контр-адмиралу и остановился, мучительно кашляя: клочья ледяного тумана, проникавшие в носоглотку, острым ножом рассекали воспаленные легкие.

Столь явные страдания Вэллери адмирал даже не заметил – настолько он был удручен и подавлен. – Ах, вы здесь? Командир, вражеский крейсер должен быть уничтожен.

Вэллери кивнул с угрюмым видом.

– Да, сэр. Каким образом?

– Каким образом? – В ореоле капюшона, покрытого капельками влаги, лицо Тиндалла казалось бескровным и изможденным. Но адмирал с неким подобием улыбки добавил:

– Семь бед – один ответ... Я предлагаю атаковать крейсер силами эскорта, включая «Улисс», и прикончить немца. – Горько опустив уголки губ, Тиндалл невидящим взглядом смотрел на плену тумана. – Нехитрый тактический маневр, который возможно осуществить даже при моих скромных способностях.

Внезапно умолкнув, он перегнулся через борт и тотчас пригнул голову: в воде (явление редкое), всего в нескольких ярдах от корабля, разорвался неприятельский снаряд, окатив мостик фонтаном брызг.

– Мы, то есть «Стерлинг» и «Улисс», атакуем его с зюйда, – продолжал адмирал, – и отвлечем на себя огонь его артиллерии и радарную установку. Опп со своими сорвиголовами обойдет фрица с норда. В таком тумане эсминец сможет подойти вплотную и произвести торпедный залп. Для одиночного корабля условия неблагоприятные, шансов уцелеть у него немного.

– Все корабли эскорта? – повторил Вэллери, глядя на адмирала. – Вы намереваетесь отрядить все корабли охранения?

– Именно это я намерен сделать, каперанг Вэллери.

– Но, возможно, этого-то и добивается противник, – возразил командир «Улисса»...

– Самоубийство? Славная смерть во имя фатерланда? Неужели вы в это верите? – насмешливо проговорил Тиндалл. – Такие идеи погибли вместе с Лангесдорфом и Миддельманном.

– Да нет же, сэр! – нетерпеливо проговорил Вэллери. – Он хочет отвлечь нас на себя, чтобы конвой остался без охранения.

– Ну и что? – резко спросил Тиндалл. – Кто отыщет конвой в этом молоке? – Он обвел рукой вокруг, показывая кружащие вокруг густые полосы тумана. – Черт побери, старина, если бы не туманные буи, даже наши собственные суда не могли бы видеть друг друга. Я уверен, что и никто другой не увидит.

– Не увидит? – быстро переспросил Вэллери. – А если поблизости находится еще один немецкий крейсер, оборудованный радарной установкой? Или еще одна «волчья стая»? И те, и другие могут поддерживать радиосвязь с нашим знакомцем, что у нас по корме. А уж он-то знает наш курс с точностью до минуты!

– Радиосвязь? Но разве наши радисты не следят за переговорами противника?

– Да, сэр. Следят. Но, как мне сказали, в диапазоне сверхвысоких частот это не так-то просто.

Тиндалл буркнул что-то непонятное и умолк. Он ис-

пытывал адскую усталость. У него не было больше ни сил, ни желания продолжать спор. Но Вэллери, в тревоге сдвинув брови, снова заговорил.

– Почему наш «приятель» преследует нас по пятам, время от времени постреливая? Да потому, что он лезет из кожи вон, чтобы мы шли в каком-то определенном направлении. Иначе к чему ему было уменьшать на девяносто процентов вероятность попадания и использовать лишь половину орудий главного калибра?

– Возможно, он рассчитывает на то, что мы придем к такому выводу. – Тиндалл с трудом напрягал свою мысль. В голове его словно стоял туман – туман не менее плотный и непроницаемый, чем те влажные густые полосы, что, кружась, проносились мимо. – Возможно, он хочет нагнать на нас страху и заставить изменить курс, – разумеется, повернуть на север, где нас, вполне вероятно, поджидает «волчья стая».

– Вполне допустимо, – согласился Вэллери. – Но вероятно и другое. Возможно, противник сделал еще более тонкий ход. А вдруг он рассчитывает, что мы, поняв очевидное, с целью избежать опасности, будем следовать прежним курсом, то есть поступим именно так, как ему нужно?.. Это умный враг, сэр. Мы уже успели в этом убедиться.

Что же сказал Брукс Старру там, в Скапа-Флоу, целую вечность тому назад? «Каждый нерв тела, каждая клеточка мозга перенапряжены до крайности, и ты чувствуешь, что находишься на самом краю пропасти, называемой безумием...»

Тивдалл с тупым изумлением подумал, до чего точно

описал Брукс это состояние. Теперь он и сам знал, что такое «находиться на самом краю пропасти»... Тиндалл смутно создавал, что стоит на краю той самой пропасти.

Голова словно налита свинцом; мысль пробивается с трудом, словно слепец, бредущий по колена в грязи. Он догадывался, что это, должно быть, первый (а может, последний?) симптом нервного срыва... Одному Богу известно, сколько было таких срывов на «Улиссе» за последние месяцы... Но он все-таки адмирал... Он обязан что-то предпринять, что-то сказать.

– К чему гадать на кофейной гуще, Дик? – произнес он жестко.

Вэллери пристально поглядел на адмирала: находясь на мостике, старина Джайлс никогда прежде не обращался к нему иначе, как «командир».

– Надо что-то предпринять, на что-то решиться. Для успокоения совести оставим «Вектру». И никого больше. – Тиндалл усмехнулся. – Для черной работы, которая нам предстоит, понадобится по крайней мере пара эсминцев. Бентли, запишите текст радиogramмы: «Всем кораблям охранения и коммодору Флетчеру на „Кейп-Гаттерасе“...»

Рассекая непроницаемую стену тумана, на зюйд-вест мчались четыре корабля, покрыв за десять минут половину дистанции до корабля противника.

«Стерлинг», «Викинг» и «Сиррус» поддерживали постоянную радиосвязь с «Улиссом»: для них, ничего не видящих за серой пеленой, «Улисс» был поводырем.

– На мостике! Докладывает радиометрист! Докладывает радиометрист!

Глаза всех, кто там находился, впились в диск динамика.

– Противник ложится на зюйд, увеличивает ход.

– Поздно надумал! – хрипло прокричал Тиндалл, стиснув кулаки в предвкушении успеха. – Слишком поздно изменил курс!

Вэллери ничего не ответил. Проходили секунды. «Улисс» по-прежнему мчался сквозь холодный туман по глади студеного моря. Неожиданно динамик снова ожил.

– Неприятельский корабль делает поворот на сто восемьдесят градусов. Ложится на зюйд-ост. Скорость хода противника двадцать восемь узлов.

– Двадцать восемь узлов? Удирает во все лопатки! – Тиндалл словно ожил, – Командир, предлагаю «Сиррусу» и «Улиссу» полным ходом следовать курсом зюйд-ост, атаковать и задержать противника. Пусть радист передаст депешу Орру. Запросить у радиометриста курс противника.

Тиндалл замолчал, нетерпеливо ожидая ответа.

– На мостике! Докладывает радиометрист! Курс противника триста двенадцать. Курс не изменяется. Повторяю, курс не изменяется.

– Курс не изменяется, – отозвался Тиндалл. – Командир, открыть огонь! Управление огнем по радиометрическим данным. Теперь-то он попался! – воскликнул он торжествующе. – Он слишком долго выжидал. Он в наших руках, командир!

Вэллери снова промолчал. Тиндалл посмотрел на него с каким-то гневным недоумением.

– Разве вы не согласны?

– Не знаю, сэр, – качая головой, произнес Вэллери. – Ничего не могу сказать. Почему он так долго выжидал? Почему не начал отходить в ту самую минуту, когда мы оставили конвой?

– Слишком уверен в себе, черт его побери! – прорычал Тиндалл.

– Или слишком уверен в чем-то другом, – отдельно проговорил командир «Улисса». – Возможно, он хотел убедиться в том, что мы действительно увязались за ним.

Тиндалл опять что-то раздраженно пробурчал, хотел было что-то возразить, но не успел: от залпа носовой башни «Улисс» вздрогнул всем корпусом. Из-за страшного жара пламени туман над баком корабля на мгновение рассеялся. Еще несколько секунд – и серая пелена должна была снова окутать корабль.

Но тут, словно по волшебству, посветлело. «Улисс» прорвал полосу густого тумана; в образовавшейся брешии на траверзе крейсера все увидели «Сиррус», похожий на гончую, держащую в пасти гигантскую кость. Эсминец неся курсом зюйд-вест, делая свыше тридцати четырех узлов. «Стерлинг» и «Викинг», окутанные туманом, остались за кормой.

– Опп находится слишком близко, – резко проговорил Тиндалл. – Почему не сообщил об этом Боуден? Так нам противника в вилку не взять. Передать «Сиррусу»: «Следовать курсом 317 градусов в течение пяти минут». Командир, то же относится к «Улиссу». Лево пять градусов на пять минут, затем лечь на прежний курс.

Едва он успел усесться в свое кресло, а «Улисс», снова окутанный туманом, только лишь начал менять курс, как ожил динамик.

– На мостике! Докладывает радиорубка! Докладывает радиорубка...

Метнув в туман языки пламени и клубы дыма, оглу-

шительно ухнули оба орудия второй носовой башни. Одновременно со страшным грохотом и взрывом под ногами находившихся на мостике подпрыгнула палуба. Людей взметнуло точно катапультой, и они полетели, сшибаясь друг с другом, ударяясь о металл, отчего получали страшные ушибы, ломали кости. Не в силах тотчас оправиться от страшного умственного и физического потрясения, люди оцепенели; барабанные перепонки болели, едва не лопнув от давления воздушной волны; носоглотку разъедали ядовитые газы, глаза слепил густой черный дым. А бесстрастный голос в динамике все твердил и твердил что-то неразборчивое.

Дым понемногу рассеялся. Шатаясь, точно пьяный, Тиндалл поднялся на ноги и ухватился за брусok – компенсатор девиации: адмирала швырнуло взрывом на середину компасной площадки. Он встряхнул головой. Все вокруг ходило ходуном. Здорово же его шарахнуло, он даже не помнит, как все произошло. И кисть чьей-то руки... Почему она так нелепо вывернута? Да это же его собственная кисть, подумал он с вялым изумлением. Странное дело, совсем не больно. Перед ним возникло лицо Карпентера. Повязку со лба штурмана сорвало, рана, полученная во время страшной бури, открылась, лицо залито кровью. «Что бы сказала та девушка из Хенли, о которой он твердил, если бы увидела его в таком виде?» – подумал почему-то Тиндалл. Отчего не перестанет бубнить, точно помешанный, этот голос в динамике?.. Неожиданно ум его прояснился.

– Боже мой! Боже! – Он изумленно уставился на обезображенный настил палубы и под ней расколотый на куски

асфальт. Отпустив брусок, адмирал тотчас ткнулся в ветрозашитное стекло; чувство равновесия подтвердило то, чему отказывались верить глаза: вся компасная площадка наклонилась на пятнадцать градусов вперед.

— В чем дело, штурман? — Голос его звучал хрипло, напряженно и показался незнакомым даже ему самому. — Скажите, Бога ради, что произошло? Взрыв в казенниках второй башни?

— Нет, сэр, — ответил Карпентер, проводя по глазам рукой, и рукав его комбинезона тотчас окрасился кровью. — Прямое попадание, сэр. Точно в надстройку.

— Он прав, сэр.

Кэррингтон, далеко перегнувшись через ветровое стекло, пристально всматривался вниз. Даже в такую минуту Тиндалла удивило спокойствие капитан-лейтенанта, его почти нечеловеческое самообладание.

— Нам здорово не повезло, — продолжал Кэррингтон. — Поврежден носовой скорострельный автомат, прямо под нами — пробоина величиной с дверь... Должно быть, натворило там бед...

Едва ли адмирал расслышал последние слова. Опустившись на колени возле Вэллери, он подложил ему под голову здоровую руку. Командир корабля лежал, скрючившись, у дверцы. Он хрипло, прерывисто дышал, захлебываясь кровью, которая шла у него горлом. Лицо Вэллери было смертельно бледно.

— Крайслер, вызвать на мостик Брукса, то есть начальника медицинской службы! — закричал Тиндалл. — Живо!

— На мостике! Докладывает радиорубка. Докладывает радиорубка. Прошу подтвердить сообщение. Прошу подтвердить сообщение.

Голос в динамике говорил торопливо, уже не так монотонно, и теперь даже в его металлической бесстрастности ощущалась какая-то тревога.

Положив трубку, Крайслер озабоченно посмотрел на адмирала.

– Ну? – властно спросил Тиндалл. – Он скоро придет?

– Никто не отвечает, сэр. – Поколебавшись, юноша прибавил:

– Линия, видно, повреждена.

– Так какого дьявола вы здесь стоите? – взревел Тиндалл. – Сбегайте за ним. Первый офицер, прошу принять на себя командование кораблем! Бентли, вызовите на мостик старшего офицера!

– На мостике! Докладывает радиорубка. Докладывает радиорубка.

Тиндалл испепеляющим взглядом впился в динамик, но тотчас похолодел: до его сознания дошел смысл слов радиста.

– ...Попадание в кормовую часть. Из дивизиона живучести докладывают, что разрушен шифрпост. Радиолокационные рубки номер шесть и семь выведены из строя. Повреждена корабельная лавка. Кормовой командно-дальномерный пост получил значительные повреждения.

– Кормовой пост! – Тиндалл с бранью начал стаскивать перчатки, но тотчас сморщился от острой боли: он забыл, что у него сломана рука.

Осторожно подложив под голову Вэллери свои толстые перчатки, он с трудом поднялся.

– Кормовой командный пост! Но ведь там Тэрнер! Боже, неужели же он...

Не договорив, адмирал, спотыкаясь, бросился к задней части мостика.

Опираясь о поручни трапа, Тиндалл с опаской посмотрел в сторону юта.

Сперва он не увидел ничего, кроме задней трубы и грот-мачты. Сводящий с ума плотный серый туман, круживший над кораблем, был совершенно непроницаем.

Неожиданно туман и дым, висевшие над ютом, на какое-то мгновение рассеялись.

Тиндалл судорожно вцепился в поручни; косточки пальцев побелели как слоновая кость.

Кормовой надстройки как не бывало. Вместо нее вышалась нелепая груда исковерканного, изуродованного металла. Взору Тиндалла предстала третья башня, обычно невидимая с мостика. Башня на вид повреждений не имела. Но остальные сооружения кормовой надстройки исчезли. Не было ни радиолокационных рубок, ни шифрпоста, ни служебного помещения корабельной полиции, ни корабельной лавки. Кормовой камбуз, должно быть, уничтожен почти полностью. Смерть прошла по юту стальной метлой. Чудом уцелела лишь обрубленная грот-мачта. Но сразу за ней адмирал увидел кормовой пост управления, венчавший это чудовищное нагромождение. Кормовой пост скособолен, укрепленный на нем дальномер сбит. Именно тут находился Тэрнер, старший офицер крейсера... Тиндалл покачнулся и едва не упал с верхней ступеньки крутого трапа. Он встряхнул головой, чтобы прогнать туман, сдавливавший его мозг. Где-то в области темени ощущалась странная тупая боль. Именно там, казалось, и возникал этот туман... «Корабль-счастливчик» — так ко-

гда-то называли «Улисс». Двадцать месяцев ходил он в самые трудные походы и не получил ни единой царапины... Но Тиндалл знал, что когда-нибудь счастье от него отвернется.

Заслышав торопливые шаги ног, поднимавшихся по металлическому трапу, он с усилием поднял отяжелевшие веки и тотчас узнал смуглое, худощавое лицо старшего сигнальщика Дэвиса. Тот поднимался с флаг-дека. Лицо его было белым как полотно, он учащенно дышал. Дэвис открыл было рот, но тут же осекся, уставившись на поручни.

– Ваша рука, сэр! – Он перевел изумленный взгляд на глаза адмирала. – На ней же нет перчатки!

– Неужели так? – Тиндалл посмотрел на свою руку с некоторым удивлением.

– И в самом деле. Благодарю вас, Дэвис.

С этими словами он убрал руку с мерзлой стали и равнодушно поглядел на кровоточащую, с содранной кожей, ладонь.

– Пустяки. В чем дело, паренек?

– Я только что с поста управления авиацией. – Глаза Дэвиса потемнели от пережитого ужаса. – Там разорвался снаряд. Пост... его просто не существует. А запасной командный пункт, что над ним...

Срывающийся голос сигнальщика утонул в грохоте залпа первой башни.

Казалось почему-то странным, что орудия главного калибра по-прежнему действуют.

– Я там был, сэр, – продолжал Дэвис несколько спокойнее. – Все... Словом, беднягам не повезло.

– А что с командером Уэстклиффом? – произнес Тиндалл, хотя и понимал, что цепляется за соломинку.

– Не знаю, сэр. Пост управления разнесло в клочья. И если он находился там...

– Где же ему еще было находиться? – прервал его мрачным голосом Тиндалл. – Авиационный офицер никогда не оставлял свой командный пункт во время боевой тревоги...

Сжав в кулаки изуродованные руки, адмирал замолчал: послышался пронзительный визг и оглушительный треск снарядов, разорвавшихся до жути близко. Оба эти звука слились в адскую какофонию.

– Боже мой! – прошептал Тиндалл. – Чуть снова не угодило! Дэвис! Что за дьявол!

Голос внезапно превратился в мучительный стон. Отчаянно размахивая руками, чтобы сохранить равновесие, адмирал ударился спиной о палубу, да с такой силой, что едва не отбил себе легкие. Это Дэвис, взвившись точно снаряд катапульты, перелетел через последние три ступеньки трапа и с размаху ударил головой и плечами в живот адмиралу.

Упав на ноги Тиндалла, юноша неподвижно лежал, раскинув руки.

С усилием набрав воздуха в легкие, Тиндалл словно всплывал из пучины обморока. Еще ничего не соображая, он машинально приподнялся, но сломанная рука подломилась, не выдержав тяжести тела. От ног, похоже, тоже не было проку. Они были точно ватные. Туман рассеялся, и в потемневшем небе возникали ослепительные разноцветные вспышки – красные, зеленые, белые. Что это, освети-

тельные снаряды? Какой-то новый тип? Усилием воли адмирал заставил себя размышлять. До его сознания дошло, что между этими яркими отблесками и пронзительной болью где-то в лобной части его мозга есть какая-то связь. Он провел по лицу тыльной стороной ладони: глаза его были все еще зажмурены...

– Вы ранены, сэр? Не двигайтесь. Мы вас сию же минуту унесем отсюда, – прогудел над головой адмирала грудной, властный голос. Тиндалл отпрянул назад в неопишемом ужасе. Это был голос Тэрнера, а Тэрнер, он знал, погиб.

Уж не умер ли и он сам? И мир, куда он теперь попал, – это жуткий мир, где все смешалось – крошечный мрак и ослепительный свет, – темный и яркий мир, наполненный болью, бессилием и голосами из прошлого?

Неожиданно веки его открылись. В каком-то футе от себя Тиндалл увидел худощавое пиратское лицо старшего офицера, озабоченно склонившегося над ним.

– Тэрнер! Неужели это Тэрнер? – с надеждой протянул руку адмирал и, несмотря на боль, благодарно ощутил прикосновение жесткой ладони старпома. – Тэрнер! Ну, конечно же, это вы! А я-то думал...

– Кормовой командный пост? Меня там и близко не было. Я шел сюда, уже по трапу на бак поднимался, когда разорвался первый снаряд. Меня швырнуло на палубу... Как себя чувствуете, сэр?

– Слава Богу! Слава Богу! Только вот ноги. Силы небесные, что это?

Глаза его расширились от изумления. Над самой головой Тэрнера навис похожий на дерево огромный белый ствол, наклонившийся на левый борт.

Протянув руку, можно было коснуться этой громады.

– Это фок-мачта, сэр, – объяснил Тэрнер. – Последним снарядом ее ниже рея срезало. Воздушная волна закинула обломок на мостик. Боюсь, почти полностью разрушен пункт управления зенитным огнем. Мачту вдавило в главный командно-дальномерный пост. Юный Кортни вряд ли смог уцелеть... Дэвис вовремя заметил, что она падает. Я поднимался вслед за ним.

«Дэвис!» – Тиндалл только сейчас вспомнил о нем. Ну, конечно же, Дэвис!

Должно быть, это он и придавил ему ноги. Вытянув шею, Тиндалл смог увидеть тело юноши; огромная мачта упала тому на спину.

– Ради Бога, старпом, вытащите его!

– Лежите, сэр, скоро придет Брукс. С Дэвисом все в порядке.

– В порядке? Вы говорите, в порядке! – кричал своим голосом Тиндалл, не обращая внимания на молчаливые фигуры, скапливавшиеся вокруг. – Вы что, спятили, Тэрнер? Бедняга парень, должно быть, мучается.

Сделав отчаянное усилие, адмирал попытался подняться, но несколько пар рук – заботливых и крепких – удержали его.

– С ним все в порядке, сэр. – Голос Тэрнера прозвучал непривычно тихо.

– Это правда, сэр. Дэвис больше не мучается. Он отмучился.

Тиндалл все понял. Ошеломленный страшным открытием, закрыв глаза, адмирал плашмя упал на спину.

Глаза его были все еще закрыты, когда появился Брукс,

уверенный, расторопный. С его приходом у всех словно отлегло от сердца. Не прошло, казалось, и минуты, как адмирал снова был на ногах – потрясенный, весь в синяках и ушибах, но в целом невредимый. Открыто выражая неповиновение доктору, Тиндалл настоял, чтобы его отвели на мостик. При виде Вэллери, который, пошатываясь, прижимал ко рту белое полотенце, глаза его вспыхнули.

Но он промолчал. Нагнув голову, адмирал с мучительным усилием забрался в свое высокое кресло.

– На мостике! Докладывает радиорубка! Докладывает радиорубка. Прошу подтвердить сообщение.

– Этот проклятый болван все еще бормочет? – сварливо заметил Тиндалл. – Почему никто не заткнет ему глотку?

– Вы были без сознания всего лишь несколько минут, сэр, – заметил Капковый мальчик.

– Несколько минут! – Тиндалл изумленно уставился на него и тотчас умолк. Потом взглянул на Брукса, перевязывавшего ему правую руку.

– Начальнику корабельной медслужбы больше нечего делать? – спросил он неприязненно.

– Да, нечего, – проворчал Брукс. – Когда снаряды рвутся в четырех стенах, начальнику медслужбы остается одно... подписывать свидетельства о смерти, – добавил он грубо. Вэллери и Тэрнер переглянулись. Вэллери понял, что Брукс даже не догадывается, насколько тяжело состояние Тиндалла.

– На мостике! Докладывает радиорубка! «Вектра» снова запрашивает указаний. Срочно. Срочно.

– «Вектра», – Вэллери взглянул на умолкнувшего, оцепеневшего адмирала и повернулся к посыльному. –

Крайслер! Во что бы то ни стало доберитесь до радиста. Пусть повторит первое донесение.

Снова поглядев на Тиндалла и увидев его искаженное лицо, он посмотрел вниз, через борт, куда смотрел адмирал... И тотчас отпрянул в ужасе, подавив внезапную тошноту. Зенитчик, находившийся в гнезде ниже мостика, – ровесник Крайслера, должно быть, увидев падающую мачту, попытался спастись. Едва он выскочил из гнезда, как антенна радиолокатора, укрепленная на мачте, обрушившейся на мостик, – стальная решетка площадью в добрую сотню квадратных футов – с размаху ударила по нему. Комендор лежал без движения – обезображенный, изуродованный, не похожий на человеческое существо. Лежал, раскинув руки, словно распятый на спаренном стволе своего «эрликона».

Вэллери отвернулся в душевной боли. Боже, до чего безумная и бессмысленная эта вещь – война! Будь проклят этот немецкий крейсер, эти немецкие артиллеристы! Будь они трижды прокляты!.. Хотя что это он? Ведь они просто делают свое дело, и делают его дьявольски умело. Невидящим взором каперанг уставился на остатки своего мостика. Какая точность, будь они неладны! «Интересно, получил ли повреждения вражеский корабль?» – машинально подумал Вэллери. Очевидно, нет, а теперь попасть в него и вовсе невозможно.

«Улисс», по-прежнему мчавшийся в тумане на зюйд-ост, стал слеп, пав жертвой непогоды и немецких орудий, выведших из строя обе радарные установки. Хуже того, и оба командно-дальномерных поста в безнадежном состоянии. Если так будет продолжаться и дальше, криво

усмехнулся он, останется одно: пустить в ход абордажные крючья и сабли. Хотя орудия главного калибра «Улисса» и уцелели, с военной точки зрения крейсер беспомощен. Больше того, он попросту обречен. Как это выразился кочегар Райли? Ах, да. «Нас бросают на съедение своре волков». Вот именно, брошены на съедение волкам. Но только Нерон, подумал он устало, был бы способен ослепить гладиатора, прежде чем бросить его на арену...

Огонь прекратился. На мостике воцарилась могильная тишина. Невыносимая, небывалая тишина. Слышен был лишь шум воды, рассекаемой форштевнем, глухой рев огромных втяжных вентиляторов котельного отделения да монотонное, действующее на нервы щелканье гидролокатора. Но, странное дело, эти звуки лишь усугубляли безмолвие.

Вэллери увидел, что глаза всех устремлены на адмирала Тиндалла. Старина Джайлс бубнил что-то неразборчивое. Его лицо стало вдруг мертвенно-серым, изможденным. Адмирал перегнулся через борт. Казалось, взгляд его был прикован к убитому юноше. А может быть, к решетке люка? Дошло ли до его сознания, что в действительности означают сбита радарная антенна и разрушенные командно-дальномерные посты? Вэллери долго смотрел на адмирала, потом отвернулся, поняв, что дошло.

— На мостике! Докладывает радиорубка! Докладывает радиорубка!

Все, кто находился на мостике, и без того взвинченные до предела, так и подпрыгнули, заслышав голос в динамике. Все, кроме Тиндалла. Он застыл словно изваяние.

— Донесение с «Вектры». Первое донесение, полученное в 09.52.

Вэллери взглянул на часы. Прошло всего шесть минут. Невероятно!

– Повторяем текст донесения. «Установлены контакты. Три контакта. Повторяю, три. Отставить три. Пять контактов. Крупное сосредоточение подводных лодок противника впереди по курсу и на траверзе. Вступаю в бой».

Всем было известно, что, вопреки указаниям руководства, Тиндалл самолично принял решение оставить конвой почти без всякого охранения. На свой страх и риск. Вэллери невольно восхитился мастерством, с каким была подложена приманка и рассчитано время захлопнуть мышеловку. Каково-то воспримет старина Джайлс этот страшный просчет, завершивший целый ряд роковых ошибок, – просчетов, за которые, говоря по справедливости, судить его нельзя... Но держать ответ ему все равно придется. Железный голос динамика прервал размышления командира крейсера.

– Передаю текст второго донесения с «Вектры»: «Вступил в бой. Начал бомбометание. Один транспорт торпедирован, тонет. Танкер торпедирован, имеет повреждения, но остается на плаву, управляется. Прошу срочных указаний. Прошу срочной помощи».

В динамике щелкнуло. Снова воцарилась напряженная, неестественная тишина. Так продолжалось пять, десять, двадцать секунд. Потом все, словно сговорясь, как-то неловко отвернулись.

Тиндалл стал слезать со своего кресла. Движения его были неуклюжими, медленными. Он неуверенно зашаркал ногами – так ходят очень дряхлые люди.

Было заметно, что он сильно хромает. Правая рука,

неестественно белая из-за наложенной на нее повязки, поддерживала сломанную кисть левой руки. В фигуре адмирала ощущалось какое-то неестественное, как бы вымученное достоинство, лицо было бесстрастно, лишь бледный отсвет улыбки, казалось, еще играл на нем. Потом он заговорил – словно бы с самим собой.

– Я нездоров, – произнес он. – Спускаюсь вниз.

Крайслер, при всей своей молодости понявший разыгравшуюся у него на глазах трагедию, отворил дверцу и вовремя подхватил Тиндалла, когда тот остуился на ступеньке трапа.

Адмирал, бросив через плечо умоляющий взгляд, заметил сочувственный кивок Вэллери.

Оба – старик и юноша – медленно, бок о бок, пошли в сторону юта. Спустя короткое время шарканье стихло.

Изуродованный мостик стал удивительно пустынным, а те, кто на нем находились, чувствовали себя словно осиротелыми. Старины Джайлса – жизнерадостного, энергичного, неутомимого Джайлса – больше не было. Люди еще не успели осознать непоправимое: столь быстрой и разительной была эта страшная перемена в адмирале. В ту минуту они лишь почувствовали себя беззащитными, беспомощными и одинокими.

– Ибо сказано: «Устами младенцев глаголет истина...» – Конечно же, первым нарушил тишину Брукс. – Николлс всегда утверждал...

Осекшись на полуслове, старый врач медленно, словно что-то припоминая, покачал головой.

– Схожу выясню, не могу ли чем-нибудь помочь, – проговорил он и стал торопливо спускаться с мостика.

Вэллери, проводив его взглядом, повернулся к Бентли. Поросшее седой щетиной, осунувшееся лицо командира, казавшееся мертвенно бледным в туманном полусвете, было бесстрастно.

– Отправьте три депеши, главстаршина. Сначала «Вектре»: «Идти курсом 360 градусов. Не рассеиваться. Повторяю, не рассеиваться. Иду на помощь». – Помолчав, он добавил: – «Подписано: Командующий 14-й эскадрой авианосцев». Записали?.. Хорошо. Шифровать некогда. Пусть передают клером. Пошлите немедленно кого-нибудь из ваших людей в радиорубку.

– Второе радио «Стерлингу», «Сиррусу» и «Викингу»: «Немедленно оставить преследование. Курс норд-ост. Ход самый полный». Это тоже передать открытым текстом.

Вэллери повернулся к Карпентеру.

– Как голова, штурман? Можете нести службу?

– Разумеется, сэр.

– Спасибо, мой мальчик. Вы слышали, что я говорил? Конвой изменит курс на норд... минут через шесть, в 10.15. Скорость его шесть узлов. Рассчитайте как можно скорей наш курс соединения с конвоем.

– Третье радио, Бентли. «Стерлингу», «Сиррусу» и «Викингу»: «Радар выведен из строя. Не могу обнаружить вас. Выпустить туманные буи. Подавать сигналы сиреной с перерывом в две минуты». Эту депешу пусть зашифруют. Подтверждения депеш тотчас на мостик. Старший офицер!

– Слушаю, сэр. – Тэрнер в мгновение ока был рядом.

– Объявить обычную походную готовность. Полагаю, к тому времени, как мы придем, «волчья стая» уберется во-свояси. Кто будет на подвахте?

– А Бог ее знает! – откровенно признался Тэрнер. – Допустим, вахта левого борта.

Вэллери усмехнулся.

– Левого так левого. Отрядите из подвахтенных две партии. Пусть первая партия расчищает обломки. Все за борт. Ничего не оставлять. Вам понадобится кузнец и его подручный, а Додсон, думаю, выделит вам газорезчиков. Руководство примете на себя. Вторая партия будет выполнять обязанности похоронной команды. Пусть ее возглавит Николлс. Все трупы снести в корабельную лавку... Через час дать мне отчет о потерях и повреждениях сумеете?

– Сделаю это гораздо раньше, сэр... Нельзя ли поговорить с вами с глазу на глаз?

Оба зашли в броневую рубку. Когда дверь за ними захлопнулась, Вэллери с любопытством и чуть ли не весело взглянул на Тэрнера.

– Снова бунт, старпом?

– Нет, сэр. – Тэрнер, расстегнув куртку, достал из заднего кармана брюк плоскую бутылку и посмотрел сквозь нее на свет.

– Слава Богу, цела! – произнес он с облегчением. – Боялся, что она разбилась, когда я упал. Это ром, сэр. Неразбавленный. Я знаю, вы противник подобного зелья, но ничего. Хлебните, вам это необходимо!

Вэллери нахмурил брови.

– Ром. Послушайте, старпом, что это вы себе позволяете?

– К едреной матери правила и уставы, командир! – грубо прервал его Тэрнер. – Выпейте, вам это будет как

нельзя кстати! Вы контужены, потеряли много крови и до смерти замерзли.

Он открыл фляжку и сунул ее в руки Вэллери, который неохотно взял ее.

– Будем смотреть фактам в лицо. Вы нам нужны, нужны как никогда, а вы едва стоите на ногах. Да, да, едва стоите, – прибавил он сурово. – А ром поможет вам продержаться еще несколько часов.

– Вы весьма деликатны, – пробормотал Вэллери. – Хорошо, как вам угодно.

Он замолчал, не донеся флягу до рта.

– Кстати, вы подали мне одну мысль, старпом. Прикажите боцману начать раздачу рома. Велите сыграть сигнал: «Улучшить состояние!» Каждому матросу двойную порцию. Им это тоже понадобится. – Глотнув, он поморщился. Но не вкус рома вызвал у него гримасу отвращения. – Особенно похоронной команде, – добавил он.

ГЛАВА 10

В пятницу (пополудни)

Щелкнул выключатель, и хирургическую палату, где начало темнеть, залило резким голубоватым светом. Вздвигнув, Николлс проснулся и машинально прикрыл рукой утомленные веки: резало глаза. Он прищурился и с усилием взглянул на стрелки ручных часов. Уже четыре! Неужели он так долго спал?

Боже, ну и колотун!

Восседа в зубо­вра­чеб­ном кресле, он с трудом повернул голову назад. У двери стоял Брукс. Запорошенный снегом капюшон, словно венец, обрамлял его серебристые волосы. Онемевшими пальцами он пытался распечатать пачку сигарет. Наконец ему удалось вытащить одну сигарету. Держа в руке горящую спичку, он насмешливо поднял брови.

— Привет, Джонни! Простите, что разбудил вас, но вы нужны командиру. Правда, времени у вас еще хватит. — Поднеся сигарету к угасающему пламени, он снова поднял глаза. — Как себя чувствуете? Хотя чего тут спрашивать? Я себя чувствую еще хуже. Не осталось ли у вас этой отравы?

— Отравы, сэр? — в тон ему ответил Николлс. — Она понадобилась вам только потому, что поставили ошибочный диагноз? С адмиралом все будет в порядке, не волнуйтесь.

— О дьявол! До чего же несносны зеленые юнцы, особенно в тех, слава Богу, редких случаях, когда они оказываются правы... Я имел в виду ту самую бутылку контрабандного зелья, что изготовлено на острове Молл.

— Колл! — поправил его Николлс. — Но это неважно, как оно называется, — все равно его больше нет. Это вы его выпили, — прибавил он недружелюбно. Он устало усмехнулся при виде огорченного лица Брукса, затем, сжавшись, произнес:

— Но бутылочка «Талискера» у нас найдется.

Подойдя к шкафчику с надписью «Яд», он отвинтил крышку флакона с наклейкой «Лизол». Он скорее услышал, чем увидел, как стекло коснулось стекла, и машинально, как бы со стороны, попытался определить, почему у него так сильно трясутся руки.

Брукс опустошил свой стакан и блаженно вздохнул, чувствуя, как по всему телу разливается благодатное тепло.

– Спасибо, мой мальчик, спасибо. У вас налицо все задатки первоклассного лекаря.

– Вы так думаете, сэр? А я нет. Я больше так не думаю. После сегодняшнего дня. – Он поморщился, вспомнив что-то. – Их было сорок четыре.

Одного за другим, словно мешки с мусором, их побросали за борт. На все ушло каких-то десять минут.

– Сорок четыре? – поднял глаза Брукс. – Неужели так много?

– Не совсем, сэр. Это число пропавших без вести. Убитых человек тридцать, и Бог знает, сколько кусков и ключев... В посту управления авиацией пришлось пустить в ход швабры и лопаты. – Он невесело усмехнулся. – Сегодня я не обедал. Не думаю, что и у остальных из похоронной команды появился аппетит. Задраю-ка я этот иллюминатор.

Он поспешно отвернулся от Брукса и пересек лазарет. Невысоко над горизонтом сквозь редкий снежок он заметил мигающий свет вечерней звезды.

Значит, туман рассеялся – туман, который спас конвой, укрыл корабли от подводных лодок, когда транспорты резко повернули на север. Он увидел «Вектру» с бомбосбрасывателями, на которых не оставалось ничего, даже отдаленно похожего на глубинные бомбы. Увидел «Вайтуру», подбитый танкер, почти по палубу осевший в воду, который угрюмо тащился в хвосте конвоя.

Видел четыре транспорта типа «Виктори» – огромные, мощные, надежные и в то же время, при всей их кажущейся

неуязвимости, какие-то жалкие. Захлопнув водонепроницаемую крышку иллюминатора, туго закрутив все до последнего барашка, Николлс круто обернулся.

– Почему мы не поворачиваем назад, черт возьми? – вырвалось у него. – Кого Старик хочет одурачить, нас или немцев? Без авиационной поддержки, без радара, без малейшей надежды на помощь! Немцы теперь знают наши координаты с точностью до дюйма, а дальше им будет еще проще следить за нами. А впереди еще целая тысяча миль! – Повысив голос, он продолжал:

– И теперь каждый поганый немец, действующий в Ледовитом океане, – будь то надводный корабль, субмарина или самолет – облизывается, выжидая момент, когда можно будет прикончить нас на досуге. – Он в отчаянии покачал головой. – Я не боюсь опасности, сэр. Вы это знаете. Но ведь мы свидетели самого настоящего убийства, если не сказать самоубийства. Выбирайте, что вам угодно, сэр. Все равно конец будет одинаков.

– Послушайте, Джонни, что-то вы разговорились...

– Почему же он не поворачивает назад? – Николлс даже не услышал замечания, сделанного Бруксом. – Ему стоит только отдать приказ. Чего он хочет? Смерти или славы? Чего ищет? Бессмертия за мой счет, за наш счет? – Он зло выругался. – Пожалуй, Райли был прав. Не правда ли, заголовков получится превосходный: «Капитан первого ранга Ричард Вэллери, кавалер ордена „За боевые заслуги“, посмертно представлен...»

– Заткнитесь! – Фраза прозвучала как удар хлыста. Глаза Брукса стали холодными, как Ледовитый океан, – И вы смеете подобным образом отзываться о капитане пер-

вого ранга Вэллери? – продолжал старый врач. – Осмеливаетесь чернить имя достойнейшего человека...

Не окончив фразы, Брукс с гневным удивлением покачал головой. Он молчал, тщательно подыскивая нужные слова, не сводя при этом глаз с побелевшего, напряженного лица лейтенанта.

– Он отличный офицер, лейтенант Николлс. Возможно, даже превосходный офицер. Но это не самое главное. Это еще ничего не значит. Главное то, что он самый честный, самый порядочный человек из всех, кто ходил по этой не знающей милосердия, Богом забытой земле. Ни вы, ни я ему не чета. Никто ему не чета. Он один в этом мире, но никогда не бывает одинок. С ним такие люди, как апостол Петр, Беда Достопочтенный⁹, святой Франциск Ассизский. – С коротким смешком Брукс прибавил:

– Не правда ли, забавно слышать подобные речи от такого закоренелого циника, как я?.. Возможно, мои слова кажутся вам святотатственными, хотя правда не может быть святотатством. А я знаю, что это правда.

Николлс ничего не сказал. Лицо его словно окаменело.

– Гибель, слава, бессмертие... – безжалостно продолжал Брукс. – Таковы были ваши слова, не так ли? Смерть? – Он усмехнулся и снова покачал головой.

– Для Ричарда Вэллери смерти не существует. Слава? Конечно, он стремится к славе, каждый из нас ищет славы, но все великосветские «Лондон Гэзетт», все букингемские дворцы мира, вместе взятые, не помогут нашему коман-

⁹ Беда Достопочтенный (ок. 673-735) – английский теолог и первый английский историк. Ввел в обиход летоисчисление «от Рождества Христова». (Прим. переводчика.)

диру снискать такой славы, какая ему нужна. Капитан первого ранга Вэллери не ребенок, а лишь дети забавляются побрякушками... Что касается бессмертия...

– Брукс усмехнулся, но уже без всякого сарказма, и положил руку на плечо Николлсу. – Я вас спрашиваю, Джонни, разве это не глупо – стремиться к бессмертию, если одной ногой стоишь в могиле?

Николлс ничего не ответил. Затянувшееся молчание стало тягостным, шум воздуха, втягиваемого вентилятором, – раздражающе громким. Наконец Брукс откашлялся и многозначительно посмотрел на «Лизол».

Наполнив стаканы, Николлс закрыл шкафчик. Заметив взгляд молодого лейтенанта, Брукс почувствовал жалость. Да, что же сказал Каннингем¹⁰ во время немецкого вторжения на Кипр?.. «Неразумно злоупотреблять долготерпением людей». Банально, но справедливо. Справедливо даже по отношению к таким людям, как Николлс. Какое тяжкое испытание пришлось, должно быть, на долю этого мальчика. Целое утро он извлекал из-под обломков изуродованные останки того, что недавно называлось людьми. В довершение всего, ему было вменено в обязанность опознать каждый из трупов, осмотреть все куски...

– Еще один шаг, и я окажусь в дерьме. – Голос Николлса был едва слышен.

– Не знаю, что и сказать в свое оправдание. Не понимаю, как я мог говорить подобным образом... Простите меня.

¹⁰ Английский адмирал, командующий Средиземноморским флотом во время второй мировой войны. (Прим. переводчика.)

– И вы меня простите, – искренне проговорил Брукс, – Я был с вами резок. Мне действительно жаль, – подняв стакан, он стал любовно рассматривать его содержимое. – За наших врагов, Джонни. За их гибель и посрамление. Не забудем и адмирала Старра.

Осушив залпом стакан, Брукс поставил его и пристально посмотрел на Николлса.

– Полагаю, вам следует выслушать и все остальное, Джонни. Знаете, почему Вэллери не поворачивает назад? – Он криво усмехнулся. – Вовсе не потому, что этих проклятых немецких лодок сзади ничуть не меньше, чем впереди, а это наверняка так. – Брукс закурил новую сигарету и стал спокойно продолжать:

– Сегодня утром командир связался с Лондоном. Он высказал предположение, что конвой Эф-Ар-77 отправят на дно (правда, он выразился иначе, сказал, что конвой будет истреблен, что одно и то же) задолго до того, как он достигнет мыса Нордкап. Вэллери просил хотя бы разрешить ему, на худой конец, обогнуть Нордкап с севера, а не идти прямо на восток... Жаль, что сегодня не было заката, – прибавил он не без юмора. – Хотелось бы взглянуть на него еще раз.

– Ну, разумеется, – нетерпеливо проговорил Николлс. – И каков же был ответ?

– Что? Ах да, ответ... Вэллери рассчитывал получить его тотчас же. А ждать пришлось целых четыре часа. – Брукс улыбнулся, но глаза его были невеселы. – Кто-то где-то замышляет нечто грандиозное. Скорее всего, гигантскую десантную операцию. Только об этом – молчок, Джонни.

– Само собой, сэр.

– Но что именно, не имею ни малейшего представления. Возможно, даже давно обещанный Второй фронт. Во всяком случае, для операции, очевидно, крайне необходима поддержка флота метрополии. Но флот метрополии по рукам и ногам связан «Тирпицем». Отсюда – приказ во что бы то ни стало разделаться с этим линкором. Любой ценой.

– Брукс усмехнулся, в глазах сверкнул холодок. – Мы – большие шишки, Джонни, важные персоны. Мы представляем собой самую богатую, самую лакомую приманку и потребовались для того, чтобы заполучить самую богатую, самую лакомую добычу в мире, хотя подозреваю, что шарниры капкана, при помощи которого намереваются поймать эту добычу, подзаржавели... Радиограмма была подписана первым лордом адмиралтейства... и Старром. Решение принято на уровне кабинета. Мы должны следовать дальше. Идем прямо на восток.

– Выходит, мы и есть та самая «любая цена», – возмущенно проговорил Николлс. – Нас заранее списали, как залежалый товар.

– Да, нас заранее списали, – согласился Брукс. В динамике над его головой щелкнуло, и он простонал:

– Вот чертова музыка! Опять двадцать пять!

Дождавшись, когда замрет горн, возвещающий вечернюю боевую тревогу, Брукс протянул руку в сторону Николлса, поспешившего было к двери.

– К вам это не относится, Джонни. Пока. Я говорил, вы нужны командиру.

Через десять минут после объявления тревоги он велел явиться на мостик.

– Что? На мостик? Какого еще дьявола?

– Восклицания такого рода не украшают младшего офицера, – с торжественной миной произнес Брукс. – Какое впечатление произвели на вас морячки? – продолжал он без всякой связи с предыдущим. – Ведь вы работали с ними все утро. Такие же, как всегда?

Николлс заморгал недоуменно, потом пришел в себя.

– Пожалуй. – Помолчав, прибавил:

– Как ни странно, дня два назад они были в лучшей форме. Ну, а теперь они в таком же состоянии, как тогда, в Скапа-Флоу. Зомби, бродячие привидения. Даже хуже. Теперь они и ходят-то еле-еле! – Николлс сокрушенно покачал головой. – Одни носилки тащили пять-шесть человек. То и дело запинаются, натыкаются на разные предметы. Словом, спят на ходу. Глаза открыты, но ничего не видят. Люди чертовски устали, даже под ноги себе не смотрят.

– Знаю, Джонни, знаю, – кивнул Брукс. – Сам все видел.

– В них не осталось больше ни бунтарства, ни злобы. – Николлс говорил с каким-то изумлением, пытаясь сложить в стройное целое расплывчатые, рассеянные впечатления. – Для мятежа они просто выдохлись. Но дело не в этом. Когда мы расчищали пост наведения истребителей, то и дело слышались от них такие вот фразы: «Счастличик», «Умер легкой смертью» и все в таком вот духе. А еще говорили: «Старый Джайлс совсем из ума выжил». Вы бы видели, каким жестом сопровождалась эта фраза. Причем говорили без всякого юмора, даже мрачного юмора ви-сельников... – Николлс снова покачал головой. – Не знаю, что это с ними, сэр. Апатия, безразличие, безнадежность, называйте как хотите. Словом, люди они пропащие!

Брукс пристально поглядел на него, потом негромко спросил:

– Пропашие, говорите? – После некоторого раздумья он прибавил:

– Знаете, Джонни, пожалуй, вы правы... Но, как бы то ни было, поднимайтесь наверх. Командир намерен сделать обход корабля.

– Что? – Николлс был поражен. – Во время боевой тревоги? Покинуть мостик?

– Вот именно.

– Ну это невозможно, сэр. Это... это беспрецедентно!

– Таков уж каперанг Вэллери. Об этом-то я и твержу вам весь вечер.

– Но этим он убьет себя! – негодуяще воскликнул Николлс.

– Именно так и я сказал ему, – согласился Брукс. – С клинической точки зрения он уже умирает. Он давно должен быть мертв. В чем у него душа держится, одному Богу известно. Во всяком случае, жив он не переливанием плазмы и не лекарствами... Иногда, Джонни, нам полезно напоминать, сколь ограничены возможности медицины. Кстати, это я уговорил его взять вас с собой... Не нужно заставлять ждать себя.

То, что увидел лейтенант Николлс, напоминало чистилище. Во время продолжавшегося целых два часа обхода корабля им с Вэллери пришлось перешагивать через высокие комингсы дверей, втискиваться в невероятно узкие люки и горловины, пробираться между изуродованными стальными конструкциями, взбираться и спускаться по сотне трапов, стынуть на холоде, от которого заходится

сердце. Но воспоминание об этом обходе на всю жизнь останется в его памяти, всякий раз согревая душу удивительно теплым и светлым чувством признательности к Вэллери.

Командир крейсера, Николлс и главный старшина Хартли начали обход корабля с юта. Вэллери и слышать не хотел, чтобы его, как прежде, сопровождал полицейский сержант Гастингс. Грузная фигура Хартли дышала какой-то спокойной уверенностью. В тот вечер Хартли работал точно вол, открывая и закрывая десятки водонепроницаемых дверей, поднимая и опуская бесчисленное количество тяжелых люков, поворачивая тысячи задраек, закрывавших эти двери и люки, и уже через десять минут после начала обхода, несмотря на протест Вэллери, протянул свою могучую руку и предложил командиру помощь.

По крутому бесконечному трапу все трое спустились в орудейный погреб четвертой башни – темный, мрачный каземат, тускло освещенный крохотными, как спичечные головки, лампочками. Здесь работали бывшие мясники, булочники, ремесленники, то есть те, кто до мобилизации занимался мирным ремеслом.

Почти сплошь это были вояки, годные лишь для службы в военное время.

Распоряжался ими опытный кадровый артиллерист. Работа, которую они выполняли, была грязной, тяжелой и неблагодарной. Как ни странно, до этих людей никому не было никакого дела. Странно потому, что работа эта была чрезвычайно опасна. В случае попадания в каземат восьмидюймового бронебойного снаряда или торпеды четырехдюймовая броня оказалась бы не более надежной защитой, чем лист газетной бумаги...

Уставленные снарядами и гильзами стены погреба отпотели, по ним стекали струйки ледяной воды. Часть матросов сидели или лежали, прислонясь к стеллажам. Лица у людей посинели, осунулись; все дрожали от стужи. В холодном воздухе тяжелым облаком повис пар от их дыхания. Несколько человек топтались вокруг элеватора по лужам ледяной воды. Засунув руки в карманы, понутив голову, сгорбленные, изнемогающие от усталости, бедняги то и дело спотыкались. Ходячие привидения, думал Николлс, привидения, да и только. И чего они бродят? Лежали бы уж лучше.

Наконец все заметили присутствие командира корабля. Один за другим моряки останавливались или поднимались со своих мест, прилагая мучительные усилия. Зрение у них настолько ослабло, ум притупился до такой степени, что никто не поразился, не удивился приходу командира.

— Вольно, вольно, — поспешно сказал Вэллери. — Кто здесь старший?

— Я, сэр. — Облаченная в робу грузная фигура медленно вышла вперед и остановилась перед командиром.

— Ах, это вы, Гардинер, не правда ли? — Командир показал на людей, ходящих вереницей вокруг элеватора. — Ради Бога, объясните, Гардинер, что тут происходит?

— Лед, — лаконично ответил унтер-офицер. — Приходится месить воду ногами. А не то она сразу же замерзнет. Замерзнет сию же минуту. А раз на палубе погреба образовался лед — пиши пропало.

— Разумеется, разумеется! Но почему не пустите в ход помпы, осушительную систему?

— Все замерзло!

– Но не все же время вы ходите?

– В штилевую погоду – все время, сэр.

– Боже правый! – Вэллери покачал головой. Он был потрясен. Прямо по воде он направился к группе, находившейся в центре помещения. Прикрыв рот огромным зеленым в белую клетку шарфом, худенький, невзрачный паренек надрывно кашлял.

– Здоровы ли вы, мой мальчик? – Вэллери участливо положил руку на дрожащее плечо юноши.

– Да, сэр. Как же иначе? – Юноша поднял бледное лицо, искаженное болью.

– Конечно, здоров, – прибавил он с вызовом.

– Как ваша фамилия?

– Мак-Куэйтер, сэр.

– Должность?

– Камбузник.

– Сколько вам лет?

– Восемнадцать, сэр.

«Боже милостивый, – подумал Вэллери, – я не крейсерам командую, а детским садом!»

– Родом из Глазго, верно? – улыбнулся Вэллери.

– Оттуда, сэр, – смело ответил юноша.

– Я так и подумал. – Командир посмотрел на ноги Мак-Куэйтера, по щиколотки стоявшего в воде.

– Почему сапоги не надели? – спросил внезапно Вэллери.

– Нам их не выдают, сэр.

– Дружище, но у вас же насквозь мокрые ноги!

– Не знаю, сэр. Наверно. Да и что из того? – сказал просто Мак-Куэйтер. – Я их все равно не чувствую.

Вэллери поморщился. Понимает ли командир, подумал, глядя на него, Николлс, сколь угнетающее, жалкое зрелище представляет он сам со своим изможденным, бескровным лицом, красными, воспаленными глазами, с пятнами крови на губах и на носу, вечно с полотенцем в левой руке – потемневшим и мокрым. Неожиданно, без всякой причины, Николлсу стало стыдно; он вдруг понял, что подобная мысль не могла даже в голову прийти такому человеку.

– Скажи мне, сынок, по чести, ты устал?

– Что да, то да. Устал, сэр.

– Я тоже, – признался Вэллери. – Но не сможешь ли ты потерпеть еще немного? – Командир ощутил, как хрупкие плечи расправились под его пальцами.

– Конечно смогу, сэр! – произнес юноша обиженно, почти сердито. – Как же иначе?

Вэллери медленно обвел взглядом матросов. Когда он услышал негромкий хор одобрительных голосов, темные глаза его засветились. Он хотел было сказать что-то, но не смог: помешал острый приступ кашля. Потом, снова подняв глаза, он обвел встревоженные лица моряков и неожиданно отвернулся.

– Мы вас не забудем, – проговорил он. – Обещаю, мы вас не забудем.

И старый моряк прямо по луже пошагал к трапу. Через десять минут все трое выбрались из башни. Очистившись, ночное небо было сплошь усыпано алмазными блестками звезд, этими брызгами застывшего огня, рассыпанными по синему бархату бездонного свода. Стужа была невыносимой. Когда дверь башни захлопнулась за ними, капитан первого ранга невольно поежился от холода.

– Хартли!

– Слушаю, сэр!

– В башне я почуял запах рома!

– Да, сэр. Я тоже, – как ни в чем не бывало, даже весело отозвался главстаршина. – Дух там, как в хорошем кабаке. Только вы не беспокойтесь, сэр. Люди приберегают свои порции рома для боевой вахты. Полэкипажа так делает.

– Это же строго-настрого запрещено уставом, главный! Вы сами прекрасно знаете!

– Знаю. Но что в этом за беда, сэр? Ром людей согревает. А если и придает морячкам пьяной храбрости, тем лучше. Помните тот вечер, когда носовая зенитная батарея сбила два пикировщика?

– Конечно.

– Расчет был пьян в стельку. Иначе вряд ли бы у них что вышло... Теперь же, сэр, это им просто необходимо.

– Возможно, вы правы, главный. Я их осуждаю. – Вэллери хмыкнул. – Не утруждайте себя, давно знал об этом. Но там стоял такой дух, хоть топор вешай.

Поднялись в третью башню, которую обслуживали морские пехотинцы, потом спустились орудийный погреб. Где бы ни появлялся Вэллери, как это было в четвертой башне, своим приходом он ободрял моряков. Он обладал обаянием, был наделен необъяснимой силой, заставлявшей людей подниматься над собой, силой, пробуждавшей в них душевные качества, о существовании которых моряки и сами не подозревали. Видя, как тупая апатия и безысходность постепенно уступают решимости, пусть решимости отчаяния, Николлс испытывал недоумение. Ведь лейтенант знал, что физически и духовно люди давно переступили

грань, за которой начинается это отчаяние. Он попытался было представить себе, как это делается, понять подход, метод Вэллери. Но подход, убедился он, был всякий раз иным. В сущности, то была естественная реакция на конкретные обстоятельства, на ту или иную обстановку – реакция, в которой нет никакого расчета, никакой нарочитости. Что касается метода, то метода как такового не существовало. Тогда, может быть, движущей силой была жалость? Жалость к человеку, проявляющему недюжинное мужество, несмотря на то, что он одной ногой стоит в могиле? А может, стыд? Если этот страдалец терпит лишения, заставляя двигаться свое истощенное тело, не похожее на тело живого человека, если он убивает сам себя для того лишь, чтобы убедиться, каково нам, то, дескать, видит Бог, мы тоже сумеем все вынести? Вот в чем разгадка, убеждал себя Николлс. Вот какие чувства двигают людьми. Жалость и стыд. И юный врач возненавидел себя за то, что так думал, – не потому, что мысль эта была нелепой, а потому, что он лгал самому себе... Николлс слишком устал, чтобы думать. Бессвязные, разрозненные мысли путались. Так было со всеми.

Даже Энди Карпентер (неслыханное дело!) чувствовал себя не вполне нормальным и не отрицал этого. Любопытно, как бы ответил на мучивший молодого доктора вопрос Капковый мальчик. Энди, верно, тоже размышлял, но размышлял на свой манер, словно находясь дома, на берегах Темзы. Интересно, что представляет собой эта девушка из Хенли? Имя ее начинается с «Х» – Хелена, Христина? Почему он знает? На правом нагрудном кармане его капкового комбинезона золотом вышита буква «Х».

Это она вышивала ее. Но какая она из себя, эта девушка? Белокурая и веселая, как сам Капковый мальчик? Или темноволосая, добрая и отзывчивая, как Франциск Ассизский? Святой Франциск Ассизский? При чем тут он? Ах да, старый Сократ говорил о нем. Не тот ли это человек, о котором писал Аксель Мунте...

– Николлс! Вы здоровы? – обеспокоенно спросил Вэллери.

– Да, да, конечно, сэр. – Николлс встрепенулся, словно сию секунду сбросить с себя невидимый груз. – Просто задумался. Куда теперь, сэр?

– В кубрик машинистов, к аварийным партиям, в щитовую, в третье слаботочное отделение. Хотя что же я? Его больше нет. Ведь именно там был убит Нойс, не так ли?.. Хартли, буду вам премного обязан, если вы иногда позволите мне касаться ногами палубы...

Они обошли все перечисленные помещения и добрый десяток других, Вэллери не пропустил ни одного, самого отдаленного уголка, как бы ни был труден доступ туда, если был уверен, что в отсеке на боевом посту находится хотя бы один матрос.

Наконец они оказались в машинно-котельном отделении, где с непривычки у человека сдавливают барабанные перепонки, где от жары захватывает дух. В носовом котельном Николлс настоял на том, чтобы Вэллери передохнул. От боли и усталости лицо командира сделалось серым. Хартли с кем-то разговаривал в углу. Какая-то фигура, заметил краешком глаза Николлс, вышла из котельного.

Потом он увидел коренастого смуглого кочегара со

ссадинами на щеках и огромным, но уже поблекшим сиянием под глазом. В руках он держал складной парусиновый стул. С глухим стуком кочегар поставил стул позади командира.

– Садитесь, сэр, – грубым голосом произнес он.

– Спасибо, спасибо, – благодарно проговорил Вэллери, усаживаясь. Потом поднял брови. – Райли? – удивился он, затем перевел взгляд на Гендри, старшину котельных машинистов. – Скрепя сердце выполняет распоряжение начальства?

– Он сам решил принести стул, сэр! – замявшись, ответил Гендри.

– Приношу свои извинения, Райли! – с искренним сожалением произнес Вэллери. – Спасибо за стул, большое спасибо.

Он изумленно поглядел Райли вслед, потом снова посмотрел на Гендри, вопросительно подняв брови.

Гендри пожал плечами.

– Хоть убейте, не могу его понять. Странная личность. Он может, глазом не моргнув, проломить человеку череп свинцовой трубой, и в то же время подберет котенка или хромого пса. Если вы принесете ему птицу с подбитым крылом, можете считать, что теперь вы для Райли свой человек. Но о ближних он невысокого мнения, сэр.

Устало откинувшись назад, Вэллери молча, медленно кивнул и закрыл глаза. Николлс склонился над командиром.

– Послушайте, сэр, – тихо, но настойчиво просил он. – Следует прекратить обход. Вы же свалитесь, сэр, честное слово, свалитесь. Обход можно будет продолжить как-нибудь в другой раз.

– Боюсь, ничего не выйдет, – терпеливо объяснил Вэллери. – Вам трудно это понять, но другого раза не будет.

Вэллери повернулся к Гендри.

– Так вы полагаете, что справитесь, старшина?

– Насчет нас не беспокойтесь, сэр, – ответил Гендри. Акцент выдавал в нем уроженца Девоншира. – Себя поберегите, а уж кочегары вас не подведут, – прибавил он с грубоватой нежностью.

С усилием поднявшись на ноги, Вэллери слегка коснулся рукава Гендри.

– А знаете, старшина, я был в этом уверен... Готовы, Хартли? – Командир вдруг умолк, заметив огромную закутанную фигуру, ждущую у основания трапа. У верзилы было темное, мрачное лицо. – Кто это? Ах да, узнал. Никогда бы не подумал, что кочегарам бывает настолько холодно, – улыбнулся он.

– Да, сэр, это Петерсен, – сказал негромко Хартли. – Он пойдет с вами.

– Что, и Петерсен? Кто же так распорядился? Кстати, это не он ли...

– Да, сэр. Он был... правой рукой Райли, когда произошло злополучное столкновение в Скапа-Флоу... Начальник медицинской службы отдал распоряжение. Петерсен будет оказывать нам помощь.

– Нам? Мне, вы хотите сказать. – В голосе Вэллери не было ни возмущения, ни горечи. – Хартли, послушайтесь моего совета, не попадайтесь в руки докторам... Вы считаете, что этого кочегара не стоит опасаться? – прибавил он полушутя.

– Он глотку перегрызет всякому, кто косо на вас по-

смотрит, – заявил с уверенностью Хартли. – Он славный человек, сэр. Простой, доверчивый, но славный и честный.

Петерсен шагнул в сторону, чтобы пропустить их к трапу, но Вэллери остановился и, подняв голову, взглянул в угрюмые голубые глаза белокурого гиганта, который был на целых шесть дюймов выше его ростом.

– Здравствуйте, Петерсен. Хартли говорит, что вы идете с нами. Вам действительно этого хочется? Видите ли, это вовсе не обязательно.

– Прошу вас, сэр, сделайте одолжение, – отчетливо произнес Петерсен. На лице его застыла странная смесь отчаяния и чувства собственного достоинства. – Мне очень жаль, что так все случилось тогда...

– Да я не о том! – успокоил его Вэллери. – Вы меня неправильно поняли. Наверху лютый мороз. Но я был бы весьма признателен, если бы вы пошли с нами. Пойдете?

Петерсен растерянно уставился на командира, потом по лицу его, покрасневшему от удовольствия, медленно расплылась улыбка. Едва Вэллери поставил ногу на первую ступеньку, как огромная рука подхватила его куда-то ввысь.

Ощущение, рассказывал впоследствии Вэллери, было таково, словно он поднимался на лифте.

Из котельного вчетвером пошли в машинное отделение, к инженер-механику Додсону – жизнерадостному, добродушному, всезнающему Додсону, инженеру до мозга костей, всецело преданному огромным механизмам, где он был и царь и бог. Потом, поднявшись по сходному трапу, расположенному между искореженной, разбитой корабельной лавкой и помещением корабельной полиции, по-

пали в кубрик машинистов, а оттуда – на верхнюю палубу. После адской жары котельного отделения, очутившись на морозе, они едва вынесли столь резкий перепад температур: разница составляла почти сто градусов. Жалкая «арктическая» одежда не спасала от холода, и у них тотчас перехватило дыхание.

Торпедный аппарат правого борта (по объявленной боевой готовности обслуживался только он) находился в каких-то четырех шагах. Обнаружить боевой расчет, спрятавшийся с подветренной стороны шкиперской, почти полностью разрушенной снарядами «Блу Рейнджера», оказалось делом несложным: торпедисты притопывали замерзшими ногами, стучали зубами от холода.

Вэллери взглянул в полумрак.

– Старший торпедный электрик здесь?

– Это вы, господин капитан первого ранга? – В голосе вопрошавшего прозвучало удивление и сомнение.

– Да, это я. Как дела?

– Все в порядке, сэр, – произнес нерешительно старшина. – Вот только у Смита, похоже, левая нога отморожена.

– Отправьте его вниз. Немедленно. И организуйте десятиминутные вахты: один дежурит у телефона, остальные четверо в рубке машинистов. Не медля. Вы меня поняли? – И Вэллери поспешил прочь, словно боясь услышать слова благодарности и увидеть смущенные, радостные улыбки матросов.

Пройдя минно-торпедную мастерскую, где хранились запасные торпеды и баллоны со сжатым воздухом, группа по трапу поднялась на шлюпочную палубу.

Вэллери остановился, на мгновение положив одну руку на лебедку, другой прижимая ко рту окровавленный шарф, ставший на холоде жестким и ломким. Во тьме он с трудом различал двигавшиеся по обоим бортам крейсера громады транспортов. На фоне звездного неба были почему-то отчетливо видны лишь их мачты. Суда как бы нехотя покачивались на плавной волне. Вэллери поежился и подтянул шарф повыше. Боже, ну и холод! Он двинулся вперед, опираясь о руку Петерсена. Слой снега толщиной в три-четыре дюйма заглушал шум шагов.

Подойдя к «эрликону», командир положил руку на плечо закутанного наводчика, который сидел, сгорбившись в три погибели, в своем гнезде.

– Все ли в порядке, комендор?

Никакого ответа. Зенитчик словно бы шевельнулся, качнулся вперед, потом снова замер.

– Я спрашиваю вас, все ли в порядке? – Голос Вэллери стал жестче.

Встряхнув наводчика, он нетерпеливо повернулся к Хартли.

– Уснул, главный! Уснул на боевом посту! Понимаю, все еле держатся на ногах от недосыпания. Но ведь он подводит своих товарищей, которые надеются на него! Этого простить нельзя. Запишите его фамилию!

– Записать фамилию? – негромко отозвался Николлс. Он понимал, что ему не следовало говорить подобным образом, но не смог пересилить себя. – Записать фамилию? – повторил он. – А для чего? Чтобы послать его родным похоронную? Ведь он же мертв!

Снова повалил снег – холодный, сырой; ветер чуть

покрепчал. Вэллери ощущал, как невидимые в темноте ледяные хлопья прикасаются к его щекам; слышал унылый, жалобный стон ветра, воющего в такелаже. Командир зябко передернул плечами.

— У него полетела грелка. — Хартли убрал руки и выпрямился. У главстаршины был утомленный, печальный вид. — К стенкам гнезд автоматических пушек они тайком привинчивают электрические обогреватели. Канониры целыми часами греются возле них, сэр... Думаю, у него сгорел предохранитель. Тысячу раз твердили им, чтобы были осторожнее, сэр. Тысячу раз!

— Боже мой! Боже мой! — сокрушенно покачал головой Вэллери. Внезапно он почувствовал себя дряхлым и измученным. — Какая нелепая, бессмысленная смерть... Велите снести его в корабельную лавку, Хартли.

— Нельзя, сэр, — вслед за Хартли выпрямился Николлс. — Нужно подождать... Видите ли, такая стужа — быстрое трупное окоченение... Словом, придется подождать.

Вэллери кивнул, с усилием отвернулся. Внезапно динамик, укрепленный на палубе возле лебедки, ожил, нарушив ледяную тишину вечера.

— На боевых постах! На боевых постах! Просьба командиру немедленно связаться с мостиком.

Трижды повторив сообщение, динамик щелкнул и умолк.

Вэллери быстро повернулся к Хартли.

— Где ближайший телефон, главстаршина?

— Вот здесь, сэр, — Хартли повернулся к гнезду «эрликона», снял с мертвого комендора головные телефоны и микрофон.

– Если, конечно, зенитный командный пост функционирует.

– Да, то, что от него осталось, действует.

– Зенитный пост? Соедините меня с мостиком. Будет говорить командир. – Хартли протянул Вэллери микрофон и наушники. – Прошу вас, сэр.

– Благодарю. Мостик? Да, командир у телефона... Да, да... Отлично. Отрядите «Сиррус»... Нет, старпом, я все равно не в состоянии что-либо предпринять. Сохраняйте место в ордере, и только.

Вэллери передал телефон Хартли.

– «Викинг» обнаружил подводную цель, – произнес он. – На левом траверзе.

Отвернувшись, он машинально поглядел через борт, вглядываясь вдаль.

Потом, поняв бесполезность этого занятия, пожал плечами.

– Мы послали ему на помощь «Сиррус». Пойдемте дальше.

Обход шлюпочной палубы они завершили визитом, нанесенным расчету зенитной многостволки, установленной на шкафуте. Промерзшей до костей, дрожащей от холода прислужой командовал бородач Дойл, который на чем свет ругал погоду, не забывая при этом выбирать подходящие выражения. Затем вся группа снова спустилась на главную палубу. Теперь Вэллери уже не пытался даже символически протестовать против помощи и поддержки Петерсена. Старый моряк был признателен этому великану и мысленно благословлял Брукса за его предусмотрительность и заботливость. Вэллери растрогала та удивительная

деликатность и предупредительность, с какой гигант норвежец убирал свою руку всякий раз, как они останавливались, чтобы побеседовать с матросами, или проходили мимо какой-нибудь группы.

Открыв забранную сеткой дверь возле камбуза, Николлс и Вэллери стали ждать, пока Хартли и Петерсен отобьют задрайки люка, который вел вниз, в кочегарский кубрик. Внезапно они услышали приглушенный гул отдаленных разрывов глубинных бомб – всего взрывов было четыре, – почувствовали, как вздрогнул от гидродинамического удара корпус крейсера. При первом взрыве Вэллери сразу напрягся и, наклонив набок голову, весь превратившись в слух, уставился куда-то в пространство. Постояв мгновение в нерешительности, командир пожал плечами и занес ногу над комингсом люка. Сделать что-либо было невозможно.

В центре кубрика находился другой люк, гораздо тяжелее. Открыли и его.

Трап вел вниз, рулевой пост, находившийся, как и на всех современных кораблях, вдалеке от мостика, в утробе крейсера ниже броневых поясов. Пока Петерсен поднимал массивный люк – стальную плиту весом в сто девяносто килограммов, снабженную противовесом, Вэллери беседовал со старшиной рулевых. Люк открывал вход в трюм, в самое чрево «Улисса», где помещались центральный пост и отделение слаботочных агрегатов номер два.

Удивительным, похожим на диковинный лабиринт было это помещение. Оно поражало зрение и слух. Возле каждой переборки, вперемишку с десятками выключателей, рубильников и реостатов выстроились бесконечные

ряды предохранителей и иных приборов, при виде которых у непосвященного рябило в глазах. А от доброго десятка низковольтных преобразователей, чей тонкий писк, сливаясь в диком диссонансе, измазывал нервы, голова шла кругом.

Спустившись по трапу, Николлс выпрямился. Его охватила неприятная дрожь. До чего жуткое место!

«Немудрено, – подумал Николлс, – если разум и нервная система человека, не выдержав этой ужасной, беспрестанной какофонии, соскользнут за ту грань, где начинается безумие!»

В отделении слаботочных агрегатов находились всего два человека – штурманский электрик и его помощник. Склонившись над гидрокомпасом системы Сперри, оба возились с прибором, вводя поправку на широту. Они вскинули на вошедших глаза, и усталое удивление, написанное на их лицах, сменилось усталой радостью. Вэллери обменялся с ними всего несколькими фразами – разговаривать в этом аду было невозможно – и затем направился к двери, ведущей в центральный пост.

Положив руку на поворотную скобу, командир застыл на месте. Рванула еще одна серия глубинных бомб – на этот раз гораздо ближе, не больше чем в двух кабельтовых. То, что это были глубинные бомбы, подсказал опыт: внизу, в чреве бронированного корабля, не слышно ни взрыва, ни рева воды, вырвавшейся на поверхность. Слышен лишь страшный металлический удар, словно некий исполин грохнул огромным молотом в борт и обшивка разошлась при этом по швам. Вслед за серией, почти одновременно, послышались еще два удара. Не дождавшись, когда за-

тихнет отзвук последнего взрыва, Вэллери вошел в пост управления огнем, за ним – его спутники. Петерсен, шедший последним, неслышно затворил за собой дверь. Вой электромоторов разом стих, сменившись благоговейной тишиной, царившей в центральном посту.

Половину этого помещения – этого мозга корабля, – как и агрегатное отделение, загроможденного множеством блоков предохранителей, занимали две огромные электронные машины. Эти вычислительные устройства связывали между собой командно-дальномерные посты и орудийные башни. Обычно работа здесь была напряженной, тяжелой. Но командно-дальномерные посты утром были почти целиком выведены из строя снарядами немецкого крейсера, так что вычислительные устройства оказались фактически бесполезными. В обезлюдевшем помещении поста было необычно тихо. Электронный компьютер обслуживали всего восемь матросов и один офицер.

Несмотря на многочисленные таблички «не курить», под подолоком лениво плыло синее облако табачного дыма, к которому тянулись тонкие лиловые спирали, оканчивавшиеся рдеющими точками сигарет. Дымки сигарет придавали Николлсу какую-то уверенность, вселяли в него надежду. В неестественной, натянутой, как тетива, тишине, среди неподвижных, точно изваяния, людей эти дымки были единственной прочной гарантией жизни.

Николлс с рассеянным любопытством посмотрел на матроса, сидевшего ближе всех к нему. Худощавый, темноволосый, тот, ссутулясь, облокотился о стол.

Дымящаяся сигарета находилась всего лишь в дюйме от полуоткрытого рта.

Дымок, причудливо завиваясь, разъедал глаза, но матрос, не замечая этого, глядел куда-то перед собой, уставясь в одну точку. На сигарете выросла шапка пепла чуть ли не в два дюйма. «Интересно, – машинально подумал Николлс, – сколько времени сидит он в таком положении, совершенно неподвижно... и что тому причиной?»

Конечно же ожидание. Вот именно, томительное ожидание. Как он сразу не понял? Ожидание. Но чего? И вдруг Николлс ясно представил себе это невыносимое чувство ожидания, которое испытывают люди, чьи нервы напряжены сверх всякого предела, точно туго натянутая струна – прикоснись, и она лопнет, – ожидание разящего удара торпеды, которая в любую минуту может оборвать их жизнь. Он впервые понял, почему матросы, подтрунивающие над всем и вся, отпускающие шуточки в адрес друг друга, никогда не избирали предметом острот тех, кто находится в центральном посту. Над смертниками не подшучивают. Помещение это расположено на шесть метров ниже ватерлинии, впереди – орудийный погреб второй башни, позади – носовое котельное отделение, внизу – ничем не защищенное днище, отличная – лучше не придумать – цель для акустических мин и торпед. Обитатели этого помещения со всех сторон окружены стихией, за каждым углом их подстерегает смерть. Достаточно вспышки, случайной искры – и костлявая тут как тут... А если же из тысячи шансов уцелеть на их долю все же выпадет один, то наверху целый ряд люков, которые запросто может заклинить корежащим, уродующим металл взрывом. Ко всему, основная идея кораблестроителей заключается в том, чтобы люки, конструкция которых намеренно

утяжелена, в случае их повреждения оставались задраенными с целью изоляции нижних помещений, если те заполнятся водой.

Людям, находящимся здесь, в центральном, это известно.

– Добрый вечер. Как у вас дела? Все ли в порядке?

Голос Вэллери, ровный, спокойный, как всегда, прозвучал неестественно громко. Испуганные лица – белые, напряженные, в глазах изумление – повернулись в сторону вошедших. Взрывы глубинных бомб, догадался Николлс, заглушили шум их шагов.

– Не обращайтесь внимания на этот грохот, – успокаивающе продолжал Вэллери. – Отставшая от своей «стаи» подводная лодка. «Сиррус» ее преследует. Благодарите небо за то, что вы здесь, а не в той подлодке.

Никто не произнес ни слова. Николлс заметил, что матросы поглядывают то на командира, то на дымящиеся сигареты, которые они держат в руках, и понял охватившее их смущение, неловкость от того, что их захватили врасплох.

– Есть ли какие-либо донесения с центрального командно-дальномерного поста, Брайерли? – спросил Вэллери офицера, сделав вид, что не заметил напряженности, воцарившейся с его приходом, – Нет, сэр. Никаких. Наверху все спокойно.

– Превосходно. – Голос Вэллери прозвучал совсем весело. – Никаких вестей – самые лучшие вести.

Сунув руку в карман, он протянул Брайерли свой портсигар.

– Курите? А вы, Николлс?

Достав сигареты и сам, он спрятал портсигар и машинально взял спички, лежавшие возле ближайшего к нему оператора. Возможно, он и заметил испуганное недоумение матроса, слабую улыбку, чуть опустившиеся в долгом, беззвучном вздохе облегчения плечи, но и бровью не повел.

Громовой грохот новой серии глубинных бомб заглушил скрип люка и резкий, конвульсивный кашель Вэллери, возникший в тот момент, когда дым проник в его легкие. Лишь потемневшее полотенце выдало его. Когда затих последний отзвук взрыва, Вэллери озабоченно посмотрел на Брайерли.

– Господи Боже! Неужели тут у вас всегда так грохочет?

– Более или менее, сэр. Обычно более, – едва улыбнулся Брайерли.

Вэллери медленно обвел взглядом моряков, кивнул в сторону носа.

– Там орудийный погреб, не правда ли?

– Да, сэр.

– А вокруг пузатенькие топливные цистерны?

Брайерли кивнул. Глаза всех присутствующих были прикованы к командиру.

– Понимаю. Говоря по правде, не хотел бы променять свою работу на вашу... Николлс, пожалуй, мы останемся здесь на несколько минут, выкурим не торопясь по сигарете. Тем истовей, – усмехнулся он, – будем славословить Бога, когда выберемся.

Минут пять Вэллери спокойно беседовал с Брайерли и его людьми. Наконец затушил окурок и, распрощавшись, направился к двери.

– Сэр, – остановил его голос худощавого темноволосого артиллериста, у которого Вэллери брал спички.

– Да, в чем дело?

– Вам это может пригодиться. – С этими словами он протянул командиру чистое белое полотенце. – То, которое у вас, сэр... Я хочу сказать...

– Спасибо. – Вэллери без лишних слов взял полотенце. – Большое спасибо.

Несмотря на помощь Петерсена, от долгого и трудного подъема на верхнюю палубу Вэллери выбился из сил. Он едва волочил ноги.

– Послушайте, сэр, это же безумие! – в отчаянии воскликнул Николлс. – Простите, сэр, у меня это вырвалось. Только... давайте зайдем к начальнику медслужбы. Прошу вас!

– Конечно, – раздался в ответ хриплый шепот. – Это наш следующий пункт захода.

Сделав несколько шагов, группа оказалась возле дверей лазарета. Вэллери настоял на том, чтобы увидаться с Бруксом с глазу на глаз. Выйдя через некоторое время от Брукса, он выглядел как-то странно посвежевшим, походка его стала бодрее. Командир улыбался, Брукс тоже.

После того как Вэллери отошел, Николлс приблизился к Бруксу.

– Вы что-нибудь дали ему, сэр? – спросил он. – Ей-Богу, он же убивает себя!

– Он принял кое-что, – улыбнулся Брукс. – Я знаю, что он убивает себя, он – тоже. Но он знает, зачем это делает, и я знаю, зачем, и он знает, что я это знаю. Во всяком случае, ему стало лучше. Не стоит волноваться, Джонни.

Николлс подождал на верхней площадке трапа возле лазарета, пока командир со своими спутниками вернутся с телефонной станции и первого отделения слаботочных агрегатов. Когда группа поднялась наверх, юноша шагнул в сторону, но Вэллери, взяв Николлса под руку, медленно пошел рядом с ним. Они миновали канцелярию минно-торпедной боевой части. Вэллери коротко кивнул Карслейку, который числился командиром одной из аварийных партий.

Тот, по-прежнему забинтованный до самых глаз, посмотрел на Вэллери диким, отсутствующим взглядом. Похоже, он не узнал командира. Ничего не сказав, Вэллери покачал головой, потом, улыбаясь, повернулся к Николлсу.

— Тайное заседание Британской медицинской ассоциации состоялось, не так ли? — спросил он. — Ничего, Николлс, не беспокойтесь. Это я должен беспокоиться.

— Но почему же, сэр?

Вэллери, снова качнув головой, произнес:

— Ром в орудийных башнях, сигареты в центральном посту, а теперь — славное старое виски во флаконе из-под «Лизола». Я уже решил, что командер Брукс собирается отравить, меня. Что за прекрасная это была бы смерть! Превосходное зелье! Примите извинения начальника медслужбы за то, что он посягнул на ваши личные запасы.

Николлс, густо покраснев, начал извиняться, но Вэллери прервал его:

— Полно, мой мальчик. Какое это имеет значение? Любопытно, что же мы обнаружим далее. Торговлю наркотиками на шпильевой палубе или, не дай Бог, танцовщиц во второй башне?

Но, кроме стужи и несчастных, голодных, измученных людей, они не обнаружили ничего. Николлс заметил, что после визита Вэллери настроение моряков повышалось. Зато сами они совсем выбились из сил; Николлс чувствовал это по себе. Ноги у него стали точно резиновые, он беспрестанно дрожал.

Оставалось только гадать, откуда брались силы у Вэллери. Даже могучий Петерсен начинал сдавать – не столько от того, что ему приходилось чуть ли не тащить на себе командира, сколько от возни с бесчисленным количеством задраек на дверях и люках, намертво схваченных морозом. Каждую из них приходилось отбивать кувалдой.

Прислонясь к переборке, чтобы отдышаться после подъема из орудийного погреба первой башни, Николлс с надеждой поглядел на командира.

Перехватив его взгляд, Вэллери понимающе улыбнулся.

– Можно сказать, мы уже закончили, дружок. Осталась только шпилевая. Полагаю, там никого нет, но все равно надо бы заглянуть.

Они медленно обошли громоздкие механизмы, расположенные в центре шпилевой палубы, миновали аккумуляторную и шкиперскую, электромастерскую и карцер и оказались у запертой двери малярной – самого переднего помещения на корабле.

Вэллери, протянув руку, машинально дотронулся до ручки двери и, утомленно улыбнувшись, отвернулся. Проходя мимо карцера, он вдруг откинул крышку иллюминатора, на всякий случай заглянул внутрь и пошел было дальше.

Но, словно спохватившись, внезапно остановился и, круто повернувшись, снова открыл крышку «глазка».

– Господи Боже! Да это же Ральстон! Какого черта вы тут делаете? – воскликнул он.

Ральстон усмехнулся. Даже сквозь толстое стекло было видно, что улыбка безрадостна и не коснулась его голубых глаз. Жестом он указал на закрытый иллюминатор, словно желая сказать, что ничего не слышит.

Вэллери нетерпеливо открыл иллюминатор.

– Что вы тут делаете, Ральстон? – властно спросил он, впившись в матроса пронзительным взглядом глаз из-под насупленных бровей. – В такую пору – и в карцере! Что же вы молчите, точно воды в рот набрали! Отвечайте же, черт побери!

Николлс медленно повернул голову в сторону командира. Старик сердится!

Неслыханно! Он мудро рассудил, что не следует в такую минуту попадаться ему под руку.

– Меня заперли, сэр. – Слова были достаточно невинны, но тон, которым они были произнесены, словно говорил: «Что за дурацкий вопрос!» Вэллери чуть заметно покраснел.

– Когда?

– В 10.30, сегодня утром, сэр.

– Кто, позволю себе спросить?

– Старшина корабельной полиции.

– По чьему распоряжению? – с яростью спросил Вэллери.

Ральстон, не говоря ни слова, посмотрел на него долгим взглядом.

– По вашему, сэр.

– По моему? – изумленно воскликнул Вэллери. – Но я не отдавал приказа запереть вас в карцер!

– Вы также не запрещали меня запирать, – спокойно произнес Ральстон.

Вэллери вздрогнул: он допустил промах, совершил непростительную ошибку, и это было неприятно.

– Где ваш боевой пост? – спросил Вэллери.

– Торпедный аппарат левого борта, сэр. «Так вот почему прислуга была лишь у аппарата правого борта», – подумал Вэллери.

– Но почему... почему вас оставили здесь во время боевой тревоги? Разве вам не известно, что это запрещено, что это нарушение устава?

– Да, сэр. – Снова едва заметная невеселая улыбка. – Известно. Но известно ли это старшине полиции, я не знаю. – Помолчав секунду, он снова улыбнулся. – Возможно, он просто забыл про меня, – предположил Ральстон.

– Хартли! – Вэллери овладел собой. Голос его был ровен и угрюм. – Старшину полиции сюда, немедленно. Пусть принесет ключи! – Закашлявшись, он сплюнул кровь в полотенце и опять взглянул на Ральстона.

– Я сожалею, что так произошло, мой мальчик, – проговорил он, выделяя каждое слово. – Искренне сожалею.

– Что с танкером? – вдруг негромко спросил Ральстон.

– Как? Как вы сказали? – Вопрос застал Вэллери врасплох, – С каким танкером?

– С тем, что был подбит утром, сэр?

– Все еще движется в составе конвоя, – не скрывая изумления, произнес Вэллери. – Но сильно осел. А в чем дело?

– Просто интересуюсь, сэр. – Улыбка юноши хотя и была кривой, но все же это была улыбка. – Дело в том...

Он умолк на полуслове: могучий, глухой рев разорвал молчание ночи; от удара взрывной волны «Улисс» резко накренился на правый борт. Вэллери зашатался и потерял бы равновесие, не подхвати его расторопная рука Петерсена.

Удержавшись на ногах, когда корабль качнулся, выпрямляясь, в обратную сторону, командир с неожиданной печалью взглянул на Николлса. Чересчур знакомым был этот звук.

Николлс посмотрел, преисполненный жалости к умирающему человеку, на чьи плечи легло новое бремя, и в ответ медленно кивнул головой, нехотя соглашаясь с невысказанной мыслью, которую он прочитал в глазах командира.

– Боюсь, что вы правы, сэр. Торпеда. В кого-то угодило.

– Внимание, внимание! – В тишине, наступившей после взрыва, голос, доносившийся из динамика, установленного в шпилевой, прозвучал неестественно громко. – Внимание, внимание! Командира срочно на мостик. Командира срочно на мостик...

ГЛАВА 11

**В пятницу
(вечером)**

Ухватившись за поручень трапа, ведущего на полубак, Вэллери наклонился. Согнувшись чуть ли не пополам, он

вглядывался в потемневшую воду, но тщетно. Перед глазами плыл густой туман, окропленный пятнами крови, пронизанный ослепительным светом. Дышать было трудно, каждый вдох разрывал легкие, нижние ребра словно стискивало огромными клещами, которые так и расплющивали его тело. Этот поспешный подъем на мостик, когда Вэллери, спотыкаясь, сбегал с полубака, едва не доконал его. «Еще бы немного, и мне крышка, – подумал он. – В следующий раз надо поосторожнее...»

Мало-помалу зрение вернулось к нему, но яркий свет по-прежнему мучительно резал глаза. «Клянусь небом, – подумал Вэллери, – даже слепому видно, что тут происходит». А различимы были лишь смутный, едва заметный силуэт танкера, глубоко, очень глубоко осевшего в воду, и огромный, в несколько сотен метров вышиной, столб пламени, взвившегося в небо из плотного облака дыма, окутавшего носовую часть торпедированного судна. Хотя танкер находился в полумиле от крейсера, рев пламени был невыносим. Оцепенев от ужаса, Вэллери смотрел на это зрелище. Николлс, стоявший позади, не переставая озлобленно бранился вполголоса.

Вэллери ощутил у своего локтя руку Петерсена.

– Желаете подняться на мостик, сэр?

– Минутку, Петерсен. Постойте пока рядом.

Ум командира снова включился, взгляд натренированных глаз машинально обводил горизонт. Сорокалетний опыт службы не пропал даром. «Странное дело, – подумал Вэллери, – самого танкера почти не видно. Это, должно быть, „Вайтура“. Ее, вероятно, скрывает густая пелена дыма». Зато остальные суда конвоя, залитые зловещим

заревом, – белые, точно привидения, – четко выделялись на фоне темно-синего неба, на котором поблекли даже звезды.

До сознания Вэллери дошло, что Николлс перестал монотонно браниться и теперь спрашивает:

– Ведь это же танкер, сэр! Надо бы уйти в укрытие! Вспомните, что произошло с тем танкером!

– Каким?

– С «Кичеллой». Кажется, будто было это много дней назад. Боже милостивый! А на деле это случилось лишь сегодня утром!

– Когда танкеры гибнут, Николлс, они гибнут сразу. – Казалось, голос Вэллери звучал словно откуда-то издалека. – Если же только горят, это может длиться очень долго. Танкеры умирают тяжело, страшно тяжело, мой мальчик.

Они держатся на плаву даже тогда, когда любое другое судно давно бы пошло ко дну.

– Но ведь... ведь у него в борту пробоина с дом величиной! – возразил Николлс.

– И все-таки это так, – отозвался Вэллери. Казалось, он все ждал, ждал чего-то. – У этих судов огромный запас плавучести. В каждом из них до двадцати семи герметически закрытых танков, не говоря о коффердамах, насосных отсеках, машинном отделении... Вы когда-нибудь слышали об устройстве Нельсона? Чтобы удержать судно на плаву, с помощью этого устройства в нефтяные цистерны закачивают сжатый воздух. А слышали ли вы о Дадли Мэйсоне, капитане «Огайо»? Вы слышали...

Вэллери умолк, и, когда заговорил вновь, усталости в его голосе как не бывало.

– Я так и думал! – воскликнул он резким, возбужден-

ным голосом. – Я так и думал! «Вайтура» все еще на ходу, все еще управляется! Боже мой, да она делает чуть ли не пятнадцать узлов! На мостик, живо!

Ноги Вэллери оторвались от палубы и едва слышно коснулись ее вновь: великан Петерсен осторожно опустил командира перед самым носом оторопевшего старшего офицера. Заметив изумление на худощавом пиратском лице Тэрнера, то, как кустистые его брови поползли вверх, а профиль в зареве горящего танкера стал еще более рельефным, словно высеченным резцом, Вэллери чуть улыбнулся.

«Вот человек, на четыреста лет опоздавший родиться, – почему-то пришла ему в голову мысль. – Но как славно иметь такого человека рядом!»

– Все в порядке, старпом, – произнес он с коротким смешком. – Брукс решил, что мне нужен свой Пятница. Это котельный машинист Петерсен. Чересчур усерден, нередко понимает распоряжения слишком буквально... Но нынче он для меня был ангелом-хранителем... Однако хватит обо мне. – Ткнув большим пальцем в сторону танкера, горевшего таким ярким пламенем, что болели глаза, он спросил:

– Что вы на это скажете?

– Отличный маяк для немецкого корабля или самолета, которому вздумалось бы искать нас, будь он неладен, – проворчал Тэрнер. – Того и гляди, сообщит наши координаты в Трондхейм.

– Вот именно, – кивнул Вэллери. – Кроме того, это отличное освещение мишеней, которые мы представляем собой для той субмарины, что только что торпедировала «Вайтуру». Опасное соседство, старпом. Кстати, сработано великолепно – ведь стреляли почти в полной темноте.

– Кто-то, видно, забыл задраить иллюминатор. За каждым не уследишь. Да и не так уж все великолепно. Во всяком случае, для этой подлодки, будь она трижды проклята. «Викинг» нащупал фрица, из лап не выпускает... Я сразу же отрядил его на поиск.

– Молодец! – с теплом произнес Вэллери. Посмотрев на горящий танкер, он снова повернулся к Тэрнеру. Лицо его стало жестким.

– С ним надо кончать, старпом.

– С ним надо кончать, – кивнув головой, точно эхо отозвался Тэрнер.

– Это «Вайтура», не так ли?

– Так точно. Тот самый танкер, что получил попадание утром.

– Кто на нем капитаном?

– Понятия не имею, – признался Тэрнер. – Первый офицер, штурман! Не знаете, где список состава конвоя?

– Нет, сэр. – Капковый нерешительно замаялся, что было совсем на него не похоже. – Знаю только, что он был у адмирала. Наверно, теперь списка не существует.

– Почему вы так полагаете?

– Спайсер, его буфетчик, утром чуть не задохнулся от дыма. Войдя в адмиральскую каюту, он обнаружил, что адмирал развел в ванне настоящий костер, – с несчастным видом продолжал Капковый. – Сказал, что сжигает важные бумаги, которые не должны попасть в руки противника. Большею частью это были старые газеты, но, думаю, что и список попал туда же, потому что документа нигде нет.

– Бедный старый... – Тэрнер осекся на полуслове, вспомнив, что говорит об адмирале, и сокрушенно покачал головой. – Запросить Флетчера на «Кейп Гаттерасе»?

– Ни к чему, – нетерпеливо оборвал его Вэллери. – Некогда. Бентли, распоряжение капитану «Вайтуры»: «Прошу немедленно покинуть судно. Намерены потопить танкер».

Неожиданно Вэллери пошатнулся, но успел схватить Тэрнера за рукав.

– Виноват, – проговорил он. – Ноги ослабли. Какое там – совсем не держат. – Он с невеселой улыбкой оглядел озабоченные лица. – К чему далее притворяться, не правда ли? Особенно когда собственные ноги тебе не повинуются? О Господи милостивый! Пропавшее мое дело.

– Ничего удивительного, тысяча чертей! – выругался Тэрнер. – Я с бешеным псом не стал бы так обращаться, как вы с собой обращаетесь! Прошу вас, сэр. Вот вам адмиральское кресло, ну же. А если не сядете, напущу на вас Петерсена, – погрозил он, заметив протестующий жест командира. Однако, в конце концов с кроткой улыбкой Вэллери позволил посадить себя в кресло.

Облегченно вздохнув, он блаженно откинулся на спинку, положил локти на подлокотники. Он чувствовал себя совсем разбитым и беспомощным. Обессилившее его тело было насквозь пронизано болью и лютым холодом. Несмотря на это, он испытывал благодарность и гордость; о том, чтобы командир спустился к себе в каюту, Тэрнер даже не заикнулся.

Послышался стук дверцы, рокот голосов. В следующее мгновение Тэрнер очутился рядом с каперангом.

– Прибыл старшина корабельной полиции, сэр. Вы посылали за ним?

– Конечно. – Вэллери повернулся в кресле; лицо его было сумрачно. – Подойдите сюда, Гастингс!

Старшина корабельной полиции вытянулся во фрунт. Как всегда, лицо его походило скорее на маску, чем на лицо живого человека. Освещенное жутким заревом, оно, как никогда, казалось непроницаемым и бесстрастным.

– Слушайте внимательно. – Пламя ревело так громко, что Вэллери пришлось повысить голос. Даже это усилие оказалось для него утомительным. – Мне с вами некогда сейчас разбираться. Вызову вас утром. А пока освободите старшего матроса Ральстона, и немедленно. После этого передадите свои полномочия, а также всю документацию и ключи унтер-офицеру Перрату. Вы дважды превысили свои права – это уже непослушание, и оно должно быть наказано. Кроме того, вы оставили человека в запертом помещении во время боевой тревоги. Заключенный мог бы погибнуть, как крыса, попавшая в мышеловку. Вы отстранены от должности. У меня все.

Несколько секунд Гастингс стоял неподвижно. Потрясенный, он не верил услышанному и не произносил ни слова. Стальная цепь дисциплины лопнула.

Бесстрастной маски как не бывало. На искаженном лице Гастингса появилось крайнее изумление. Умоляюще воздев руки, он шагнул к командиру.

– Лишить меня полномочий? Лишить меня должности? Но вы не смеете, сэр! Вы не имеете права...

Голос его прервался, сменившись стоном боли: железная рука Тэрнера сжала ему локоть.

– Командиру не говорят: «Вы не имеете права!» – прошипел старший офицер. – Слышали, что сказал командир корабля? Убирайтесь с мостика!

Дверца со щелчком закрылась за Гастингсом. Как ни в чем не бывало, Кэррингтон произнес:

– На «Вайтуре» нашелся толковый парень. Установил красный фильтр на сигнальный фонарь. Иначе ничего бы не разглядеть.

И напряжение тотчас спало. Взоры всех, кто находился на мостике, обратились в сторону красного огня, мигавшего на средней надстройке танкера метрах в тридцати от пожарища и все-таки едва различимого. Неожиданно огонь погас.

– Что он написал, Бентли? – поспешно спросил Вэллери.

Бентли смущенно откашлялся.

– Текст донесения следующий: «Вы что, рехнулись? Только попробуйте, и я вас протараню. Машина исправна. Можем идти дальше».

Вэллери на мгновение прикрыл глаза. Он начал понимать, каково приходилось старому Джайлсу. Когда капеланг открыл веки, решение было принято.

– Передайте на «Вайтуру»: «Вы подвергаете опасности весь конвой. Немедленно оставить судно. Повторяю: немедленно».

Командир повернулся к старшему офицеру. Рот его кривился страдальчески.

– Я обнажаю перед ним голову. Как бы вы себя чувствовали, если бы под вами находилось такое количество горючего, что при взрыве его вы мигом очутились бы в царстве небесном?.. В некоторых цистернах, должно быть, есть еще нефть... Боже, до чего неприятно угрожать такому человеку!

– Знаю, сэр, пробормотал Тэрнер. – Понимаю, что это такое... Интересно, что там поделявает «Викинг»? Выяснить?

– Запросите его по радио, – распорядился Вэллери. – Пусть сообщит о результатах поиска. – Он оглянулся назад, ища глазами лейтенанта-торпедиста.

– А где же Маршалл?

– Маршалл? – удивился Тэрнер. – В лазарете, конечно. Он ранен. У него сломаны четыре ребра, помните?

– Ах да, конечно! – Вэллери устало покачал головой, досадуя на себя. – А старшина-минер Нойес, так, кажется, его звали?.. Ах да. Убит вчера в помещении номер три. Что с Виккерсом?

– Он находился в командно-дальномерном посту.

– В командно-дальномерном посту, – медленно повторил Вэллери. Отчего это до сих пор не остановилось у него сердце, удивлялся каперанг. Он давно уже миновал ту стадию, когда кости стынут, а кровь свертывается. Все его тело, казалось, походило на огромную глыбу льда... Он даже представить себе не мог, что бывает такая стужа. Очень странно, мелькнула у него мысль, что он перестал дрожать...

– Я сам произведу залп, сэр, – прервал его размышления Тэрнер. – Переведу управление торпедной стрельбой на мостик. Правда, когда я служил на базе Чайна, я был самым бездарным офицером-торпедистом. – Он едва заметно улыбнулся. – Но, может, кое-какие навыки еще не забылись!

– Спасибо, – с признательностью произнес Вэллери. – Займитесь этим сами.

– Придется стрелять аппаратом правого борта, – напомнил старший офицер.

– Прибор управления левобортного аппарата утром

разбило вдребезги. Вес у фок-мачты приличный... Пойду произведу нужные расчеты... Боже правый! – воскликнул Тэрнер, до боли стиснув плечо командира. – Да ведь это же адмирал! На мостик поднимается!

Вэллери недоверчиво оглянулся. Старший офицер был прав. Отворив дверцу мостика, Тиндалл направлялся к нему – в этом не было никакого сомнения.

Темная тень ограждения мостика падала на адмирала, и тот казался как бы лишенным тела. Четко, точно на барельефе, выделялась в свете пожара его обнаженная голова, едва прикрытая пучками жидких седых волос, серое, жалкое, осунувшееся лицо, опущенные, невероятно худые плечи, прикрытые черным дождевиком. Ниже ничего не было видно. Ни слова не говоря, неслышно ступая по мостику, Тиндалл остановился возле Вэллери.

Опираясь на с готовностью подставленную руку Тэрнера, командир медленно слез с кресла. Адмирал, без улыбки поглядев на каперанга, с важным видом кивнул и сам забрался в кресло. Взяв бинокль, лежавший перед ним на полке, стал пристально вглядываться вдаль.

Тэрнер первым заметил неладное.

– Вы без перчаток, сэр!

– Что? Что вы сказали? – Положив бинокль на место, Тиндалл принялся внимательно разглядывать свои окровавленные, забинтованные руки. – Ах, вот что! Знаете, так и думал, забыл что-то. Это со мной во второй раз. Спасибо, старпом.

Он признательно улыбнулся и, снова вскинув к глазам бинокль, стал изучать поверхность моря. Внезапно Вэллери почувствовал, как его пронизала струя еще более

жгучего холода, не имевшего никакого отношения к студеной арктической ночи.

Постояв в нерешительности секунду, Тэрнер повернулся к Карпентеру.

– Штурман! Я, кажется, видел у вас в рубке рукавицы.

– Да, сэр! Сию минуту! – С этими словами Капковий торопливо сбежал с мостика. Тэрнер снова посмотрел на адмирала.

– Ваша голова, сэр. Вы без головного убора. Не надеваете ли канадку или башлык, сэр?

– Башлык? – весело изумился Тиндалл. – А на кой он мне черт? Мне не холодно... Прошу прощения, старпом. – Он направил бинокль в самую середину зарева. Тэрнер снова посмотрел на адмирала, взглянул на Вэллери, потом, постояв в раздумье, пошел в сторону кормы.

Карпентер поднимался с рукавицами на мостик, когда динамик ожил.

– На мостике! Докладывает радиорубка! Докладывает радиорубка. Донесение с «Викинга»: «Контакт с подводной лодкой утерян. Продолжаю поиск».

– «Утерян контакт»! – воскликнул Вэллери. – Только этого еще не хватало – хуже не придумаешь! Где-то рыскает необнаруженная подлодка, а весь конвой освещен, словно ярмарочная площадь.

«Да какая там ярмарочная площадь, – подумал он с горечью. – Еще хуже. Ярмарочный тир с мишенями на выбор. И сдачи не дашь, если контакт утерян. Теперь жди беды...»

Резко покачнувшись, чтобы не упасть, он ухватился за нактоуз. Вэллери совсем забыл, насколько он ослаб, как

трудно ему удержаться на ногах при малейшем крене мостика.

– Бентли! Ответа с «Вайтуры» не было?

– Нет, сэр. – Бентли был озабочен не менее командира, он понимал, как дорога теперь каждая минута. – Возможно, у них нет электроэнергии. Нет, нет, вот он снова сигналиит, сэр!

– Сэр!

– Да, старпом, – оглянулся Вэллери. – В чем дело? Неужели снова дурные вести?

– Боюсь, что да, сэр. Торпедный аппарат правого борта заклинило.

– Заклинило, – раздраженно отрезал Вэллери. – Что тут удивительного? Лед, замерзший снег. Срубите его, растопите кипятком, паяльными лампами, черт побери...

– Простите, сэр, – огорченно покачал головой Тэрнер. – Тут совсем другое дело. Заклинило поворотную платформу и зубчатую рейку. Должно быть, снарядом, который угодил в шкиперскую. А возможно, и оттого, что под аппаратом находился агрегатный отсек, также разбитый снарядом. Как бы то ни было, аппарату капут.

– Так в чем же дело? – нетерпеливо воскликнул Вэллери. – Используйте аппарат левого борта.

– Прибор для управления торпедной стрельбой с мостика вышел из строя, сэр, – возразил Тэрнер. – Может быть, использовать прицел для автономной стрельбы?

– Почему бы нет? – сердито спросил Вэллери. – В конце концов, торпедистов для этого и готовят. Свяжитесь с расчетом левобортного аппарата – полагаю, телефонная связь с ним не нарушена, – пусть изготовятся к залпу.

– Есть, сэр.

– И еще, Тэрнер.

– Я вас слушаю, командир.

– Вы уж меня извините. – Вэллери криво усмехнулся. – Как говаривал старина Джайлс, я старая перечница. Будьте уж великодушны.

Тэрнер дружелюбно улыбнулся командиру, но тотчас же помрачнел.

– Ну, как он, сэр? – кивнул он в сторону адмирала. Долгим взглядом посмотрев на старшего офицера, Вэллери едва заметно покачал головой. Тэрнер мрачно кивнул и тотчас исчез.

– Бентли! Что докладывают с танкера?

– Я сбился, сэр, – признался Бентли. – Не смог всего разобрать. Танкер пишет, что собирается оставить конвой и идти самостоятельно, сэр.

Идти самостоятельно! Вэллери понимал, это не выход из положения.

Танкер, возможно, будет гореть несколько часов, демаскируя конвой, даже если ляжет на другой курс. Подумать только, идти самостоятельно. Танкер беззащитен, поврежден, охвачен пламенем, а до Мурманска тысяча миль, тысяча страшных – страшнее не бывает – миль! Вэллери закрыл глаза. Сердце защемило.

Такой капитан, такое судно, а он должен их топить!

Неожиданно заговорил Тиндалл.

– Право тридцать градусов! – приказал он. Голос адмирала прозвучал громко и властно. Вэллери оцепенел. Право тридцать! Да ведь они врежутся в «Вайтуру».

На мостике несколько секунд царила полная тишина,

затем Кэррингтон, который был вахтенным офицером, отрепетовал, склонившись над переговорной трубой:

– Право тридцать градусов.

Вэллери бросился было вперед, но остановился, заметив выразительные жесты Кэррингтона. Оказалось, рас-
труб переговорной трубы тот заткнул перчаткой.

– Прямо руль!

– Есть прямо руль!

– Одерживай! Командир?

– Да, сэр.

– Этот свет режет мне глаза, – пожаловался Тиндалл. –
Нельзя ли его выключить?

– Попытаемся, сэр. – Подойдя к адмиралу, Вэллери
негромко произнес: – У вас усталый вид, сэр. Спустились
бы вниз.

– Что? Мне спуститься вниз?

– Да, сэр. Мы пошлем за вами, когда понадобится, –
прибавил он, чтобы убедить Тиндалла.

Подумав, Тиндалл решительно покачал головой.

– Ничего не выйдет. Дик. Это было бы несправедливо
по отношению к тебе.

– Голос Тиндалла стал невнятным, он пробормотал
что-то насчет «адмирала Тиндалла». Но Вэллери не был
уверен в этом.

– Я не расслышал, что вы сказали, сэр?

– Ничего! – оборвал его Тиндалл. Он отвернулся и
посмотрел на «Вайтуру», но вдруг, вскрикнув от боли, за-
крыл рукой глаза. Вэллери тоже отшатнулся назад, при-
щуривав глаза, чтобы уберечь их от ослепительной вспышки,
возникшей на «Вайтуре».

Взрыв почти одновременно ударил по их барабанным перепонкам, воздушной волной обоих сбило с ног. Танкер был торпедирован снова. На этот раз вражеская торпеда угодила в кормовую часть судна, вблизи машинного отделения. Ввысь взметнулся огромный сноп пламени. Только средняя надстройка, где находился ходовой мостик, каким-то чудом была свободна от дыма и огня. Потрясенный, Вэллери думал: «Теперь он, должен погибнуть. Долго ему не продержаться». Но он сознавал, что обманывает себя, пытаюсь уйти от неизбежного, уйти от решения, которое предстояло принять. Танкеры, как он сам говорил Николсу, умирают тяжело, мучительно долго. «Бедный старый Джайлс, – подумал он вне всякой связи, – бедный старый Джайлс».

Вэллери пошел назад, к дверце левого борта.

– Вы сделаете то, что вам приказывают, черт вас побери! – зло кричал в микрофон старший офицер. – Слышите? Немедленно изготовить аппарат! Да, я сказал: «Немедленно!»

Вэллери в удивлении дотронулся до его рукава.

– В чем дело, старпом?

– Вот наглец, будь он проклят! – рявкнул Тэрнер. – Он учит меня, что надо делать!

– Кто?

– Командир расчета. Ваш знакомец Ральстон! – гневно воскликнул Тэрнер.

– Ральстон! Ах да! – вспомнил Вэллери. – Он же мне говорил, что это его боевой пост. Так что же произошло?

– Что произошло? Заявляет, что не сможет произвести залп. Ему, видите ли, не хочется, он не желает стрелять.

Вконец распустился, черт бы его побрал! – кипятился Тэрнер.

– Ральстон? Вы уверены? – недоуменно заморгал Вэллери. – Интересно, в чем же дело?... У этого юноши страшная трагедия... Вы думаете...

– Не знаю, что тут думать! – Тэрнер снова снял трубку. – Аппарат развернут? Наконец-то!.. Что? Что вы сказали?... Почему бы не расстрелять из орудий? Какие тут к дьяволу орудия? – Он с треском повесил телефонную трубку и резко повернулся к Вэллери. – Он просит, умоляет расстрелять танкер из пушек, а не торпедировать его! Малый, видно, спятил. Я покажу этому наглецу, что такое флотская дисциплина!

Никогда еще Вэллери не видел Тэрнера таким разгневанным.

– Не можете ли вы поставить Кэррингтона к этому телефону, сэр?

– Да, да, конечно! – злость Тэрнера в какой-то степени передалась и командиру. – Каковы бы ни были его чувства, сейчас не время выражать их! – отрезал он. – Одерните его хорошенько! Возможно, я был слишком мягок к нему, слишком снисходителен. Может, он полагает, что мы у него в долгу, морально обязаны ему, потому что столь круто с ним обошлись... Ну, хорошо, хорошо, старпом! – прибавил он, видя явное нетерпение Тэрнера. – Ступайте. Через три-четыре минуты начинаем атаку.

Резко повернувшись, он направился к компасной площадке.

– Бентли!

– Да, сэр!

– Последнюю светограмму на «Вайтуру».

– Вы только взгляните, сэр, – вмешался Кэррингтон. – Он снижает ход.

Вэллери, подойдя к ветровому стеклу, весь подался вперед. «Вайтура», представлявшая собой ревущее облако пламени, быстро отставала.

– Вываливают шлюпбалки, сэр! – возбужденно доносил Капковый мальчик. – Кажется, да, да, теперь ясно вижу... Спускают на воду шлюпку!

– Слава тебе, Господи! – едва слышно прошептал Вэллери. Он чувствовал себя словно приговоренный к смерти, которого неожиданно помиловали. Наклонив голову, он обеими руками вцепился в край ветрового стекла: от напряжения он совсем ослаб. Несколько секунд спустя он поднял глаза. – Шифровка «Сиррусу», – распорядился он спокойно. – «Отстать от конвоя. Подобрать всех находящихся в шлюпке „Вайтуры“». – Перехватив быстрый взгляд Кэррингтона, он пожал плечами. – Мы рискуем в любом случае, капитан-лейтенант, так что к черту распоряжения адмиралтейства. Видит Бог, – произнес он с неожиданным озлоблением, – я бы дорого дал, чтобы увидеть в Баренцевом море шлюпку, набитую до отказа вояками с Уайтхолла, которые выбросили лозунг: «Уцелевших не подбирать!»

Отвернувшись, Вэллери заметил Николлса и Петерсена.

– Вы все еще здесь, Николлс? Не лучше ли вам спуститься вниз?

– Как вам будет угодно, сэр, – произнес Николлс. Поколебавшись, он кивнул в сторону Тиндалла:

– Я полагал, возможно...

– Пожалуй, вы правы, – устало кивнул Вэллери. – Там будет видно. Подождите пока, хорошо? Штурман! – высыл он голос.

– Есть, сэр.

– Обе малый вперед!

– Есть обе малый вперед!

Сначала «Улисс» едва заметно сбавил ход, потом стал двигаться еле-еле, при этом постепенно отставая от конвоя. Вскоре его обогнали замыкавшие кильватерные колонны суда, шедшие, молотя по воде винтами, на норд-вест.

Снег повалил гуще, но суда, по-прежнему залитые зловещим заревом, казались до жути беззащитными и беспомощными.

Кипя от гнева, Тэрнер застыл как вкопанный возле торпедного аппарата левого борта. Грозные трубы, освещенные пламенем пожара, были изготовлены к залпу. Жерла их нависли над водой, на поверхности которой вспыхивали отблески пожара. На сиденье наводчика, расположенном над центральной трубой аппарата, он сразу же разглядел Ральстона.

– Ральстон! – Голос Тэрнера был резким, повелительным. – Я хочу поговорить с вами!

Быстро обернувшись, Ральстон поднялся с сиденья и, спрыгнув на палубу, очутился лицом к лицу со старшим офицером. Оба они были одинакового роста, и глаза их встретились – голубые, неподвижные, встревоженные глаза Ральстона и темные от гнева глаза Тэрнера.

– В чем дело, Ральстон, черт побери? – проскрежетал Тэрнер. – Отказываетесь выполнить приказ?

– Нет, сэр. – Голос Ральстона был спокоен, но в нем чувствовалось какое-то напряжение. – Это неправда.

– Неправда? – Глаза Тэрнера сузились, он едва сдерживал свою ярость. – Тогда какого дьявола вы заявляете, что не хотите обслуживать аппарат? Намерены перещеголять кочегара Райли? Вы что, рехнулись?

Ральстон ничего не ответил.

Приняв молчание юноши за дерзкий вызов, Тэрнер взорвался. Схватив Ральстона за отвороты канадки сильными пальцами, старший офицер притянул торпедиста к себе.

– Я задал вопрос, Ральстон, – сказал он тихо. – Ответа я не слышал. Я жду. Что это все значит?

– Ничего, сэр. – В глазах Ральстона была лишь печаль, но не страх. – Я... я просто не хочу этого делать, сэр. Я не могу... не могу топить наше же судно! – Теперь в его голосе звучала просьба и, пожалуй, отчаяние, но Тэрнер остался глух к ним. – Почему судно должно погибнуть, сэр? – вырвалось у юноши. – Почему? Почему?

– Не ваше дело, дьявол вас побери! Но я все-таки объясню. Из-за этого танкера весь конвой подвергается опасности! – Тэрнер почти вплотную приблизил свое лицо к лицу Ральстона. – У вас есть обязанности, вы должны выполнять распоряжения начальников. Ну так и выполняйте! Живо! – взревел он, видя нерешительность Ральстона. – Марш к аппарату! – последние слова Тэрнер чуть ли не выплюнул.

Ральстон не двинулся с места.

– Но ведь есть другие торпедисты, сэр! – воскликнул он, умоляюще взметнув ввысь руки. Что-то в его голосе за-

ставило одуматься ослепшего от гнева Тэрнера. Потрясенный открытием, он вдруг понял, в каком отчаянном состоянии находится Ральстон. – Почему не могут они?..

– Пусть грязную работу выполнит за вас кто-то другой? Вы это хотите сказать, не так ли? – с убийственной насмешкой произнес Тэрнер. – Хотите, чтобы другие сделали то, что не желаете делать сами, вы, заносчивый сопляк! Связой! Передайте мне свой аппарат. Свяжусь с мостиком.

Взяв телефон, старший офицер взглянул на Ральстона, который, медленно взобравшись на свое сиденье, склонился над расчетной таблицей.

– Первый офицер? Говорит старпом. Здесь все готово. Командир на месте?

– Да, сэр. Сейчас позову. – Положив трубку, Кэррингтон подошел к командиру. – Сэр, докладывает старший офицер...

– Минуту! – поднятая рука, напряженность в голосе командира заставили Кэррингтона умолкнуть на полуслове. – Посмотрите, капитан-лейтенант. Что вы думаете на этот счет?

Веллери показал на «Вайтуру», не замечая фигуры адмирала, облаченной в дождевик. Понуриив голову, Тиндалл что-то бессвязно бормотал себе под нос.

Кэррингтон посмотрел туда, куда указывал командир. На шлюпке, на ходу опущенной с танкера, отдали фалинь. Смутно различимый сквозь густой снег, битком набитый людьми, вельбот быстро отставал от судна, над которым повисло плотное облако дыма – настолько быстро, что первый лейтенант тотчас сообразил, в чем дело. Обер-

нувшись, он увидел потухший взор Вэллери – его усталые, постаревшие глаза. Кэррингтон медленно кивнул:

– Танкер увеличивает ход, сэр. Он на плаву, управляется... Что вы намерены предпринять, сэр?

– Да поможет мне Бог, у меня нет выбора. «Викинг» молчит, «Сиррус» молчит, от нашего акустика также нет никаких донесений. А эта подлодка все еще рыщет... Сообщите Тэрнеру о случившемся. Бентли!

– Да, сэр?

– Передайте на «Вайтуру». – Губы Вэллери были сжаты добела, глаза, наполненные болью, потемнели. – «Покинуть судно. Через три минуты вас торпедируем. Это последнее предупреждение». Лево двадцать градусов!

– Есть лево двадцать!

«Вайтура» легла на норд, двигаясь под углом к курсу конвоя. Медленно описав циркуляцию, «Улисс» шел почти параллельно танкеру, чуть отстав от него.

– Средний вперед, штурман!

– Есть средний вперед!

– Штурман!

– Слушаю, сэр?

– Что там говорит адмирал? Вы не можете разобрать?

Наклонившись к Тиндаллу, Карпентер прислушался, затем покачал головой.

С его меховой шапки упали хлопья снега.

– Прошу прощения, сэр, но из-за пожара на танкере невозможно что-либо расслышать... По-моему, он что-то напевает, сэр.

– О Боже! – Вэллери повернулся, потом медленно поднял голову. Даже такое ничтожное усилие было невыносимо для него.

Вытянувшись, он посмотрел на «Вайтуру». На танкере снова мигал красный сигнальный фонарь. Командир попытался было прочесть светограмму сам, но писали слишком быстро. Возможно, просто глаза его переутомились, а возможно, он был уже не в состоянии думать... В этом крохотном алом огоньке, вспыхивавшем между двух половин гигантского занавеса из пламени, медленно, торжественно, неизбежно смыкавшихся вместе, было что-то загадочное, гипнотическое. Потом алый огонек потух, потух так неожиданно, так внезапно, что, услышав голос Бентли, Вэллери не сразу понял смысл его слов.

– Светограмма с танкера, сэр.

Вэллери еще крепче вцепился в край нактоуза. Бентли скорее вообразил, чем заметил кивок командира.

– Текст донесения: «Катитесь к едрене-фене. На военных моряков кладу с прибором. Лучшие пожелания».

Голос Бентли затих, слышен был лишь рев пламени да одинокое теньканье гидролокатора.

– Лучшие пожелания. – Вэллери покачал головой в недоумении. – Лучшие пожелания! Должно быть, сошел с ума. Не иначе. Он шлет нам лучшие пожелания, а я должен его потопить... Капитан-лейтенант!

– Слушаю, сэр?

– Передать старпому: «Аппарат товсь!»

Отрепетовав полученную с мостика команду, Тэрнер повернулся к Ральстону.

– Аппарат товсь!

Перегнувшись через борт, он увидел, что танкер по-прежнему находится чуть впереди крейсера, который заканчивал циркуляцию, ложась на боевой курс.

– Осталось минуты две.

По тому, как утихла дрожь палубы, он понял, что «Улисс» замедляет ход.

Секунда-другая, и крейсер рыскнет вправо. В трубке снова затрещало; звук был едва различим из-за рева пламени. Он прислушался к голосу в телефоне, потом поднял голову.

– Стрелять только из первой и третьей труб. Установки средние. Скорость цели одиннадцать узлов.

– Сколько осталось до залпа? – спросил в телефон Тэрнер.

– Сколько до залпа? – отрепетовал Кэррингтон.

– Девяносто секунд, – хрипло ответил Вэллери. – Штурман! Право десять градусов!

Услышав треск упавшего бинокля, он вскочил на ноги и увидел, как адмирал повалился вперед и с размаху ударился лицом и шеей о край ветрового стекла. Руки Тиндалла болтались безжизненно, как плети.

– Штурман!

Но Капковый мальчик уже подскочил к адмиралу. Просунув руку ему под мышку, он приподнял Тиндалла, чтобы снять его с ветрового стекла.

– Что случилось, сэр? Что с вами?

Тиндалл чуть шевельнулся, продолжая прижиматься щекой к краю ветрового стекла.

– Холодно, холодно, – монотонно повторял он дребезжащим старческим голосом.

– Что? Что вы сказали, сэр? – умоляюще спрашивал его штурман.

– Холодно. Мне холодно. Мне ужасно холодно! О, мои

ноги! – Стариковский голос утих, и Тиндалл соскользнул в угол мостика. Снег падал на его серое лицо, обращенное к небу.

Карпентера озарила догадка, перешедшая в уверенность. В испуге он опустился на колени рядом с адмиралом. Вэллери услышал приглушенное восклицание, увидел, как штурман выпрямился и повернулся к нему с белым от ужаса лицом.

– На нем... на нем нет ничего, сэр, – произнес он, запинаясь. – Он бос! Ноги у него обморожены!

– Бос? – недоверчиво переспросил Вэллери. – Неужели? Не может быть!

– Он в одной лишь пижаме, сэр!

Вэллери наклонился к адмиралу, стаскивая с рук перчатки. Коснувшись пальцами холодной, как лед, кожи, он ощутил внезапную тошноту. В самом деле, адмирал был бос! И в одной лишь пижаме! Бос! Так вот почему не слышно было его шагов! Он машинально вспомнил, что термометр показывал тридцать пять градусов мороза¹¹. А Тиндалл – с голыми ногами, к которым прилипла слякоть и снег, – по меньшей мере пять минут сидел на морозе!.. Вэллери почувствовал, как огромные руки подхватили его под мышки, и в следующее мгновение он уже стоял на ногах. Петерсен. Конечно, это Петерсен! Кто же еще? А позади него маячил Николлс.

– Предоставьте его мне, сэр. Петерсен, отнесите адмирала вниз.

Бодрый, уверенный голос Николлса, голос человека,

¹¹ По Фаренгейту. Около 20 градусов Цельсия.

очутившегося в своей стихии, успокоил Вэллери, помог вернуться к действительности, к ее насущным проблемам, как не помогло бы ничто другое. До его сознания дошел четкий, размеренный голос Кэррингтона, который сообщал курс и скорость, отдавал распоряжения. «Вайтуру» он увидел по левой скуле. Медленно, но верно танкер перемещался в сторону кормы крейсера. Даже на таком расстоянии ощущалась адская жара. Каково же тем, кто стоит на мостике судна, помилуй их, Боже!

– На курсе, первый офицер! – произнес он. – Стрелять самостоятельно.

– На курсе, стрелять самостоятельно, – эхом отозвался Кэррингтон, словно находясь на учебных стрельбах на полигоне в Соленте.

– Есть стрелять самостоятельно, – отозвался Тэрнер. Повесив трубку, он обернулся к Ральстону. – Действуйте, – проговорил он тихо.

Ответа не последовало. Сгорбившаяся фигура, точно изваяние застывшая на сиденье наводчика, не подавала никаких признаков жизни.

– Тридцать секунд до залпа, – резко произнес Тэрнер. – Все готово?

– Так точно. – Фигура шевельнулась. – Все готово, сэр. – Резко повернувшись, Ральстон воскликнул в порыве отчаяния:

– Бога ради, сэр! Неужели нельзя найти никого другого?!

– Двадцать секунд до залпа! – прошипел Тэрнер. – Хочешь, чтобы на твоей совести была гибель тысячи человек, трусливая твоя душа? Попробуй только промахнуться!..

Ральстон медленно отвернулся. На какое-то мгновение лицо его осветилось адским заревом горящего танкера, и Тэрнер с ужасом увидел, что лицо юноши залито слезами. Потом заметил, что он шевелит губами.

– Не беспокойтесь, сэр. Я не промахнусь. – Голос его прозвучал безжизненно, с непонятной горечью.

Охваченный скорее недоумением, чем гневом, Тэрнер увидел, как торпедист вытер глаза рукавом, как правая рука его схватила спусковую рукоятку первой трубы. Тэрнеру отчего-то пришла вдруг на память знаменитая строка из Чосера:

«Копье вонзилось в плоть и, задрожав, застыло...» В движении руки Ральстона была та же щемящая душу решимость, та же роковая бесповоротность. Внезапно – настолько внезапно, что Тэрнер невольно вздрогнул, – рука торпедиста конвульсивно отдернулась назад. Послышался щелчок курка машинного крана, глухой рев в пусковой камере, шипенье сжатого воздуха, и торпеда вылетела вон. На какую-то долю секунды ее зловещее гладкое тело сверкнуло в свете зарева и тяжело плюхнулось в воду. Не успела вылететь эта торпеда, как аппарат снова вздрогнул, и вслед за первой помчалась вторая смертоносная сигара.

Пять, десять секунд Тэрнер точно зачарованный смотрел широко раскрытыми глазами на две струи пузырьков, которые мчались стрелой и исчезали вдали. «В зарядном отделении каждой из этих зловещих сигар – полторы тысячи фунтов аматола... – мелькнуло в голове у Тэрнера. – Спаси, Господи, несчастных, оставшихся на „Вайтуре“!»

В динамике, установленном на шкафуте, щелкнуло.

– Внимание! Внимание! Всем немедленно в укрытие. Всем немедленно в укрытие.

Очнувшись, Тэрнер оторвал взгляд от поверхности моря. Он поднял глаза и увидел, что Ральстон все еще сидит, сгорбившись на своем сиденье.

– Слезай оттуда, болван! – закричал он. – Хочешь, чтоб при взрыве танкера тебя изрешетило? Слышишь?

Молчание. Ни слова, ни движения, один лишь рев пламени.

– Ральстон!

– Со мной все в порядке, сэр. – Голос Ральстона прозвучал глухо; он даже головы не повернул.

Тэрнер с руганью вскочил на торпедный аппарат и, стащив Ральстона с сиденья, поволок его в укрытие. Ральстон не сопротивлялся: казалось, он был охвачен глубокой апатией, совершеннейшим безразличием, когда человеку все становится трин-трава.

Обе торпеды попали в цель. Конец был скор и удивительно неэффектен...

Люди, находившиеся в укрытиях, напряженно прислушивались, ожидая взрыва. Но взрыва не последовало.

Устав бороться, «Вайтура» переломилась пополам и медленно, устало накренившись, исчезла в пучине.

Спустя три минуты, открыв дверь командирской рубки, Тэрнер втолкнул Ральстона.

– Вот он, сэр, – произнес он мрачно. – Не угодно ли взглянуть на этого ослушника?

– Именно это я и хочу сделать! – Вэллери, положив вахтенный журнал, холодно оглядел торпедиста с головы до ног.

– Отлично сработано, Ральстон, но это не оправдывает вашего поведения. Прошу извинить, старпом, – произнес

он. Повернувшись к Карпентеру, Вэллери взял у него текст шифровки. – По-моему, текст составлен удачно. Придется по душе светлейшим лордам адмиралтейства, – прибавил он с горечью. – Суда, которые не удалось пустить ко дну немцам, мы топим сами... Не забудьте связаться утром с «Гаттерасом» и запросить фамилию капитана «Вайтуры».

– Он мертв... Можете теперь не беспокоиться... – произнес с мукой Ральстон и тут же отшатнулся: Тэрнер ударил его ладонью по лицу. Тяжело дыша, старший офицер смотрел на него потемневшими от гнева глазами.

– Ах ты, наглец! – проговорил он едва слышно. – Все-таки вывел меня из терпения.

Ральстон медленно поднял руку, потер вспухшую от удара щеку.

– Вы меня неверно поняли, сэр! – В голосе его не было и следа обиды. Юноша говорил так тихо, что офицерам пришлось напрячь слух, чтобы расслышать его слова. – Вы хотите узнать фамилию капитана «Вайтуры»? Я могу сказать: Ральстон. Майкл Ральстон. Это был мой отец.

ГЛАВА 12

Суббота

Всему бывает конец, на смену ночи приходит рассвет. Даже если ночь бесконечно долга, он все-таки наступает. Наступил рассвет и для конвоя Эф-Ар-77. Серый, мрачный, столь же безнадежный, сколь долгой была ночь.

Он застал конвой в трехстах пятидесяти милях севернее Полярного круга.

Двигаясь точно на ост, по семьдесят второй параллели, конвой находился на полпути между Ян-Майеном и мысом Нордкап. Долгота его, по приблизительным расчетам Капковского мальчика, составляла восемь градусов сорок пять минут к востоку от Гринвича, хотя твердой уверенности у штурмана не было. Из-за густого снега и сплошной облачности пришлось полагаться на счисление: когда в пост управления зенитным огнем угодил снаряд, автопрокладчик вышел из строя. До порта назначения оставалось около шестисот морских миль. Шестьсот миль, сорок часов хода, и конвой – вернее, то, что от него к тому времени останется, – войдет в Кольский залив. А оттуда до Полярного и Мурманска – рукой подать... Сорок часов хода.

Рассвет застал конвой – теперь в нем насчитывалось четырнадцать судов и кораблей – рассредоточенным по площади свыше трех квадратных миль. Суда сильно качала усиливающаяся зыбь, шедшая от норд-норд-оста. Да, в конвое осталось всего четырнадцать единиц, глубокой ночью исчезло еще одно судно.

Что послужило причиной его гибели? Мина, торпеда? Никто не знал и никогда не узнает. Застопорив машины, «Сиррус» целый час обследовал место трагедии, освещая поверхность моря затемненными десятидюймовыми сигнальными прожекторами. Никого из членов экипажа не удалось обнаружить. Опп, командир «Сирруса», и не рассчитывал на это: температура воздуха была ниже двадцати градусов мороза по Цельсию.

Рассвет наступил после бессонной ночи, после беспрерывных боевых тревог, бесконечных акустических контактов, беспрестанной бомбежки невидимых и неуяз-

вимых подводных лодок. Бомбежки, которая не достигла никаких результатов. Но лишь с точки зрения кораблей охранения. Зато для противника то была двойная победа: измученным морякам пришлось всю ночь оставаться на своих боевых постах, что притупило, возможно бесповоротно, последние остатки прежней, отточенной, как лезвие бритвы, бдительности, от которой как никогда зависела теперь судьба корабля. Но главная опасность заключалась в ином: бомбосбрасыватели на кораблях эскорта были совершенно пусты. Враг не на шутку взялся за дело, мертвой хваткой вцепившись в горло конвоя!.. То, чего еще никогда не случалось, сейчас произошло: на кораблях не осталось ни одной глубинной бомбы. Зубы у конвоя были вырваны, обороняться стало нечем. С минуты на минуту «волчьи стаи» обнаружат, что теперь можно нападать безнаказанно и когда заблагорассудится...

С рассветом, как обычно, была объявлена утренняя боевая тревога, хотя и без того люди находились на своих боевых постах пятнадцать часов кряду. То были пятнадцать часов лютого холода и страданий, и за все это время у личного состава «Улисса» во рту не было ничего, кроме ломтика корнбифа с черствым сухарем, потому что выпечь свежий хлеб пекарям было недосуг, да кружки какао. Эти утренние боевые тревоги сами по себе имели особое значение в жизни корабля, продлевая ожидание атаки противника на два бесконечных часа. А для человека, качающегося на ногах от неимоверной усталости, буквально пальцами придерживающего слипающиеся веки, в то время как мозг — источник мучительных страданий — принуждает его забыться хотя бы на секунду, хотя бы только раз, для такого человека даже минута тянется как вечность.

Утренние боевые тревоги имели для экипажа особое значение потому, что во время походов в Россию являлись испытанием на выносливость каждого – испытанием, показывавшим, кто чего стоит на самом деле. Экипаж же «Улисса» – корабля, заклеянного как мятежный, – люди, осужденные и приговоренные к наказанию, физически сломленные и распятые духовно, люди, которым никогда уж не стать прежними, – этот экипаж не хотел покрыть себя позором. Конечно, не все испытывали такое чувство, потому что были обыкновенными людьми, но многие поняли – или начинали понимать, – что рубеж, за который они перешагнули, это не обязательно край пропасти, что это, скорее, долина, начало долгого подъема по противоположному склону холма. Человек же, однажды начав восхождение, никогда не оглядывается назад.

Ни пропасти, ни долины для некоторых не существовало. К их числу принадлежал, к примеру, Кэррингтон. Проведя на мостике целых восемнадцать часов, он по-прежнему оставался самим собой – несгибаемым, бодрым, отличавшимся какой-то непринужденной, никогда не подводившей его наблюдательностью, человеком невероятной выносливости, который никогда не сдает, ибо даже мысль о том, что он может сдать, казалась нелепой. Таким уж он уродился. Под стать ему были люди вроде старшего боцмана Хартли, старшего котельного машиниста Гендри, старшего сержанта Ивенса и сержанта Мак-Интоша.

Эти люди – до странности похожие друг на друга, рослые, смелые и добродушные – впитали в себя лучшие флотские традиции. Молчаливые, никогда не кичащиеся

своей властью, они отдавали себе отчет в том, сколь важна их роль. Они понимали – и с этим первым бы согласился любой флотский офицер, – что именно они, старшины, а не офицерский состав, представляют собой опору британского королевского флота. Это крайне развитое в них чувство ответственности и придавало им стойкость гранита. Были, конечно, и такие люди – всего лишь горстка – люди наподобие Тэрнера, Капкового мальчика и Додсона, – которые с рассветом как бы выросли над собой. Опасность, трудности радовали их, ведь лишь в подобных обстоятельствах они могли проявить себя целиком, ибо опасность была их стихией, тем, ради чего они родились на свет. Были, наконец, и такие люди, как Вэллери, который, свалившись пополуночи с ног, до сих пор спал в командирской рубке; как старый врач Брукс. Их якорем спасения была мудрость, ясное понимание того, сколь относительное значение имеют как их собственные личности, так и судьба конвоя. Этим якорем была их логическая оценка обстановки, сочетавшаяся в этих людях с сочувствием к человеческим слабостям и страданиям.

На другой чаше весов находился иной сорт людей – их было несколько десятков, не более. Людей, опустившихся до предела. Они пали жертвой себялюбия, жалости к самим себе, страха. Так случилось с Карслейком. Пали оттого, что с них сорван был их покров, мишура власти. Так случилось с Гастингсом. Оттого, что не выдержали легшего на их плечи бремени, а станового якоря, который смог бы спасти их, у них не было. Так случилось со старшим санитаром Джонсоном и десятком других людей.

Между этими двумя полюсами оказались люди иного

сорта, составлявшие большинство. Достигнув, казалось бы, предела терпения, они обнаружили, что человеческая выносливость безгранична, и в этом открытии нашли для себя целительный источник. Оказывается, подняться на противоположный склон ложбины можно, правда с посохом. Для Николлса, измученного настолько, что не хватало слов описать его состояние, уставшего от долгой и утомительной работы в операционной, этим посохом были гордость и стыд. Для старшего матроса Дойла, который, съезжившись в три погибели, прятался от ледяного ветра за передней трубой и видел страдания дрожавших от холода молоденьких комендоров из расчета под его началом, таким посохом была жалость. Но, если бы ему об этом сказали, он, бранясь на чем свет стоит, стал бы отрицать подобное утверждение. Для юного Спайсера – буфетчика Тиндалла – этим посохом тоже была жалость, жалость к человеку, умирающему в своей адмиральской каюте. Хотя Тиндаллу пришлось ампутировать обе ноги ниже коленей, он мог бы жить. Но у него не осталось желания бороться, цепляться за жизнь; Брукс понимал, что смерть старый Джайлс примет как избавление. А для многих десятков, если не сотен таких, как больной чахоткой Мак-Куэйтер, закочневший в промокшей одежде (правда, теперь ему не надо было больше топтаться на ослабших ногах вокруг элеватора, из-за сильной качки вода не замерзала); как великан Петерсен, щедро тративший свои силы, помогая товарищам; как юный Крайслер, чьи зоркие глаза стали и вовсе незаменимыми, потому что радарная установка выведена из строя и юноша непрерывно наблюдал за горизонтом, – для таких людей посохом этим был Вэллери и глубокое ува-

жение к нему, и безграничная любовь, и еще – уверенность, что они не должны подвести командира.

Вот каковы были прочные канаты, надежные якорь-цепи, воедино соединявшие экипаж крейсера в то хмурое, серое утро, – гордость, жалость, стыд, любовь, печаль и природный инстинкт самосохранения, хотя последний фактор вряд ли нынче много значил. Что же до пресловутой ненависти к врагу, любви к своим близким и отечеству – понятиям, которые внушают миру сентиментальные обыватели, борзописцы и краснобаи, занятые шовинистической болтовней, – ни одно из этих чувств не вдохновляло моряков «Улисса». Никто и словом не обмолвился об этом.

Ненависти к врагу в них не было. Чтобы кого-то ненавидеть, надо его знать в лицо, а они его не знали. Моряки просто проклинали своих врагов, уважали их, боялись и уничтожали, когда выпадал случай, иначе те уничтожили бы их самих. Люди вовсе не думали, что сражаются за короля и отечество; они понимали: война неизбежна, но им претило, когда необходимость эту прикрывали трескучей лжепатриотической фразой. Они лишь выполняли то, что им приказывают, иначе их бы поставили к стенке. Любовь к близким? В этом заключен известный смысл, но не более. Защищать свою семью – естественное чувство, но оно представляет собой уравнение, истинность которого прямо пропорциональна расстоянию. Довольно сложно вообразить себе, чтобы зенитчик, скрючившийся в обледенелом гнезде «эрликона» где-нибудь неподалеку от острова Медвежий, воображал, что защищает утопающий в розах заветный коттедж в Котсуолде.

...Что же до остального, то искусственно раздуваемая ненависть к другим нациям и расхожий миф о короле и отечестве не стоят и ломаного гроша. Когда человек стоит у последней черты, когда на исходе надежда и выдержка, лишь великие и простые чувства – любовь, печаль, страдание, отчаяние – помогут ему найти в себе силы, чтобы перешагнуть этот рубеж.

Наступил полдень, а караван, сомкнув строй, по-прежнему мчался вперед сквозь плотную снежную пелену. Тревог не объявляли с самого утра. Теперь до порта назначения оставалось тридцать шесть часов, всего лишь тридцать шесть часов ходу. Только бы продержалась такая же погода!.. Крепкий ветер, густой снегопад помешали бы немецким самолетам подняться в воздух, а почти нулевая видимость и крутая волна не позволили бы всплыть на перископную глубину ни одной подводной лодке... Чем черт не шутит... Ведь осталось каких-то тридцать шесть часов!

Адмирал Джон Тиндалл скончался почти сразу после полудня. Брукс, сидевший возле него все утро, записал в документе, что причиной смерти является «послеоперационный шок и переохлаждение». На самом же деле Джайлс умер потому, что не хотел больше жить. Он лишился доброго имени, утратил веру в свои силы, в себя. Его терзали угрызения совести; по его вине погибли сотни людей. А поскольку он лишился ног, то навсегда утратил возможность продолжать привычный для себя и единственный образ жизни, который он знал и любил, которому посвятил сорок пять лет, к которому был привержен. Джайлс встретил смерть охотно и радостно. В полдень он

пришел в сознание и посмотрел на Брукса и Вэллери с улыбкой здорового, а не душевнобольного человека. У Брукса сжалось сердце при виде этой невеселой улыбки. А как заразительно смеялся Джайлс в былые времена!.. Потом адмирал закрыл глаза и пробормотал что-то невнятное насчет семьи, хотя Брукс знал: никакой семьи у него не было. Снова открыв глаза, адмирал посмотрел на Вэллери так, словно видел его впервые. Отыскав взглядом Спайсера, он проговорил: «Поддай стул командиру, мой мальчик». И умер.

Хоронили его в два часа пополудни, в самую пургу. Порыв ветра, смешанного с тучами снега, заглушали голос командира, читавшего заупокойную молитву. Британский флаг еще полоскался над наклоненной вниз доской, моряки даже не успели заметить, как тело адмирала исчезло в пучине. Сиротливо, словно из какой-то неведомой и печальной страны, прозвучал горн. Потом моряки (их было, самое малое, человек двести), молча отвернувшись, побрели в свои стылые кубрики.

Не прошло и получаса, как метель стихла, словно ее и не бывало. Ветер тоже ослаб, и, хотя небо было по-прежнему темным, а снег все валил и валил, хотя зыбь была настолько еще сильна, что крен судов водоизмещением в пятнадцать тысяч тонн при качке достигал пятнадцати градусов, было ясно, что шторм идет на убыль. На мостике, в орудийных башнях, в кубриках люди молча прятали глаза друг от друга.

Около пятнадцати часов «Вектра» обнаружила подводную лодку. Получив светограмму, Вэллери задумался.

Если послать «Вектру» на поиск и эсминец, обнаружив

местонахождение лодки, начнет, как водится, описывать вокруг нее спираль, постепенно сужая ее, то командир немецкой субмарины сразу обратит внимание на то, что преследователь не сбрасывает глубинные бомбы. И как только немец улучит минуту, чтобы всплыть и связаться по радио со своим штабом, – а это лишь вопрос времени, – то каждая немецкая подлодка, действующая севернее Полярного круга, будет знать, что конвой Эф-Ар-77 можно атаковать, не опасаясь возмездия. Однако вряд ли в такую погоду следовало ожидать нападения подводного противника. Не говоря уж о том, что при волнении невозможно удержаться на перископной глубине, сама подводная лодка представляла бы весьма неустойчивую платформу для торпедной стрельбы. Ведь при волнении взбудоражены не только поверхностные, но и удаленные от поверхности слои воды. Волнение это ощутимо на глубине десяти, двенадцати и пятнадцати метров, а в особенно крепкий шторм волнение это испытывается на глубине чуть ли не тридцати метров. В то же время не исключалась возможность, что командир субмарины все-таки воспользуется ничтожным, одним из тысячи, шансом и попытается провести атаку. Вэллери все же приказал «Вектре» начать поиск.

Но сделал он это слишком поздно. Правда, то, что произошло, произошло бы в любом случае. «Вектра» все еще мигала сигнальным фонарем, подтверждая получение приказа, как до «Улисса» донесся грохот мощного взрыва. Глаза всех, кто находился на мостике, принялись обшаривать горизонт в поисках дыма и пламени, наклоненной палубы и судна, покотившегося в сторону от курса, – при-

знаков того, что торпеда угодила в цель. Ничего такого видно не было.

Лишь чуть ли не полминуты спустя почти случайно обнаружили, что «Электра», головной в правой кильватерной колонне транспорт, начала сбавлять ход, потом, словно выбившись из сил, застопорила ход, по-прежнему находясь на ровном киле. Дифферента ни на нос, ни на корму не было – почти наверняка торпеда попала в машинное отделение.

На «Сиррусе» замигал сигнальный фонарь. Прочтя светограмму, Бентли повернулся к командиру корабля.

– Капитан третьего ранга Опп просит разрешения подойти к левому борту и снять с транспорта команду.

– К левому? – переспросил Тэрнер, потом кивнул:

– Слепой борт для лодки. В штиль дело вполне возможное, сэр, но в такую погоду... – Старший офицер посмотрел на «Сиррус», который сильно валило с боку на бок, и пожал плечами. – Краску ему пообдерет, как пить дать.

– Что за груз на «Электре», не знаете? – спросил Вэллери. – Не взрывчатые вещества?

Оглянувшись кругом и увидев, что каждый покачал головой, он обратился к Бентли:

– Запросите «Электру», нет ли у нее в трюмах взрывчатки.

Бентли простучал заслонкой, потом стих. Вскоре стало ясно, что ответа не будет.

– Нет, видно, электроэнергии или сигнальный фонарь разбит, – вмешался Капковый мальчик. – Может, предложить им поднять под сигнальным реем один флаг, если у них есть взрывчатка на борту, и два – если нет?

Вэллери одобрительно кивнул.

– Вы слышали, Бентли?

Командир перегнулся через ограждение мостика и посмотрел назад. Пока Бентли отстукивал светограмму, «Вектра» находилась на правой раковине, примерно в миле от крейсера. Качаясь то с боку на бок, то с носу на корму, она кружилась на одном месте. Эсминец обнаружил убийцу, но бомбосбрасыватели его были пусты.

Круто обернувшись, Вэллери перевел взгляд на «Электру». Ответа все не было... Вдруг под ноком рея взвились два флага.

– Передать на «Сиррус», – скомандовал он. – «Даю добро. Действуйте крайне осмотрительно».

Неожиданно его тронули за рукав.

– Вы слышите? – спросил Тэрнер.

– Что именно? – резко повернулся Вэллери.

– А Бог его знает. Что-то с «Вектрой». Взгляните!

Вэллери посмотрел в ту сторону, куда указывал старший офицер. Сперва он ничего не мог различить, потом заметил фонтанчики воды, возникавшие в кильватерной струе корабля и тотчас, исчезающие в набегавших волнах. Потом, напрягши слух (мешали порывы ветра), услышал глухой рокот подводных взрывов.

– Чем это «Вектра» занимается, черт побери? – спросил Вэллери. – Что это она такое сбрасывает?

– Фейерверк устраивает, – проворчал Тэрнер. – А вы как считаете, первый?

– Это двадцатипятифунтовые подрывные заряды, – сдержанно ответил Кэррингтон.

– Он прав, сэр, – согласился Тэрнер. – Их-то они и

сбрасывают. А проку от них не больше, чем от бенгальских огней, – прибавил он насмешливо.

Но старпом ошибался. Действительно, сила взрыва такого заряда в десять раз меньше, чем у глубинной бомбы, но если заряд попадет в боевую рубку лодки или взорвется возле рулей, то результат будет столь же губительным. Не успел Тэрнер закрыть рот, как на поверхность выскочила субмарина – первая лодка в надводном положении, которую увидели на «Улиссе» за шесть месяцев без малого, – и, повиснув на секунду в воздухе, шлепнулась днищем о воду и закачалась на крутой волне.

Драматическая внезапность появления подлодки – ведь еще секунду назад море было пустынным, и вдруг на виду у всего конвоя на волнах прыгает немецкая подводная лодка, – внезапность эта застала врасплох все корабли, в том числе и «Вектру». Лодка попала эсминцу, что называется, не под ту ногу: описывая восьмерку, «Вектра» двигалась в противоположную от подлодки сторону. Расчет многоствольного автомата открыл огонь, но это оружие печально знаменито тем, что из него трудно попасть в цель и при самых благоприятных обстоятельствах, а в условиях качки, да еще в то время, когда быстроходный корабль описывает циркуляцию, это вообще гиблое дело. Правда, наводчики «эрликонов» вlepили несколько снарядов в боевую рубку, а спаренные «льюисы» поливали корпус лодки градом пуль, жужжавших, точно осиный рой. Но к тому времени, как «Вектра», сделав разворот, готова была пустить в ход главный калибр, подлодка медленно скрылась под поверхностью моря.

Орудия эсминца калибром 4,7 дюйма открыли огонь по

тому месту, где исчезла субмарина. Но после того, как два снаряда, отскочив рикошетом от воды, едва не угодили в одно из судов конвоя, огонь прекратился. «Вектра» устремилась прямо к месту погружения немецкой подлодки. Наблюдатели на «Улиссе» разглядели в свои бинокли закутанные в канадки фигуры матросов. Те стояли на кормовой палубе, один за другим сбрасывая за борт подрывные заряды. Почти сразу же на «Вектре» руль положили вправо на борт, и эсминец снова ринулся на зюйд, ощерившись с правого борта орудиями, которые смотрели в воду.

На сей раз субмарина, должно быть, получила более серьезные повреждения, причиненные не то снарядами, не то подрывными зарядами, сброшенными напоследок. Вся окутанная кипящей пеной, лодка снова выскочила на поверхность – на этот раз еще более стремительно – и снова попала «Вектре» не под ту ногу: лодка всплыла на левой раковине эсминца, кабельтовых в трех.

Теперь лодка больше не погружалась. Ни командиру ее, ни экипажу храбрости было не занимать. Распахнулся рубочный люк, и по скоб-трапу на палубу посыпались матросы, которые тотчас бросились к пушке, готовые вступить в безнадежное единоборство с превосходящим их силою и числом противником.

Двое первых артиллеристов даже не успели добежать до орудия: огромными валами, перехлестывавшими через палубу подлодки, их смыло за борт. Но вместо них к пушке кинулись другие. Лихорадочно вращая маховики, они разворачивали ствол орудия, наводя его на приближавшийся с каждой секундой смертоносный форштевень эс-

минца. Невероятное дело, – несмотря на то, что волны перекатывались через палубу лодки, сбивая матросов с ног, а сама лодка качалась и подпрыгивала на волнах, – первый же снаряд, выпущенный в упор, угодил прямо в мостик «Вектры». Первый этот снаряд оказался и последним; орудейную прислугу точно сдуло ветром: одни комендоры упали возле орудия, другие, судорожно дрыгая ногами, полетели за борт.

Началась расправа. «Вектра» была вооружена двумя счетверенными скорострельными установками типа «Болтон Пол Дефайэнт», предназначенными для ночного боя и оснащенными прицелами типа «Астроном». Расположенные на полубаке корабля, обе одновременно открыли огонь, выплевывая каждые десять секунд триста снарядов. Избитое выражение «смертоносный ливень» оказалось бы тут как нельзя кстати. Более двух секунд на открытой палубе подводной лодки не удавалось продержаться никому. Спасения от этого града не было. Один за другим в самоубийственном порыве выскакивали из рубочного люка немецкие подводники, но никому из них не удавалось добраться до орудия.

Никто из находившихся на «Улиссе» не смог впоследствии припомнить, когда именно они поняли, что «Вектра», нос которой то высоко задирался, то опускался вниз, намеревается таранить подводную лодку. Возможно, командиру эсминца такая мысль даже не приходила в голову. Возможно, полагая, что подводная лодка снова произведет погружение, и не желая упустить ее на этот раз из рук, он решил снести ей рубку вместе с перископом. Возможно, он был убит снарядом, разорвавшимся на мостике. А может

быть, в последнюю секунду изменив свое решение, он отвернул круто вправо свой корабль, несшийся прямо на боевую рубку неприятельской лодки.

Сначала всем показалось, что «Вектра» пройдет по носу подводной лодки, не задев ее, но надежда эта тотчас угасла. Стремительно спускаясь по крутому склону волны, нижней частью форштевня «Вектра» нанесла мощный удар по корпусу подлодки метрах в десяти от ее носа и рассекла каленую сталь прочного корпуса лодки, словно он был из картона. Киль «Вектры» все еще продолжал углубляться в корпус лодки, расширяя пробоину, как с молниеносной быстротой, один за другим, последовали два громовых удара, слившихся в один страшный взрыв. В небо взметнулось облако кипящей воды и изуродованного железа, скрывшее оба корабля. О причине взрыва можно было лишь догадываться, но результаты его были очевидны. Вследствие какой-то необъяснимой случайности в зарядном отделении одной из торпед взорвался заряд тола — вещества, обычно чрезвычайно инертного и стойкого к ударам. А это, в свою очередь, вызвало детонацию торпед в соседних стеллажах, а возможно, и всего боезапаса в носовом оружейном погребе «Вектры».

Огромные каскады воды медленно, словно нехотя устремились вниз, и взорам наблюдателей предстали «Вектра» и подводная лодка, вернее, то, что от них осталось. Разум отказывался верить, что такие обломки могут еще держаться на плаву. Субмарина очень глубоко осела; было такое впечатление, словно корпус ее обрывается сразу за оружейной площадкой. Носовой части эсминца впереди мостика как не бывало: казалось, неким гигант-

ским ножом «Вектру» разрезало пополам. Разум отказывался верить происходящему: на глазах у всех изуродованная «Вектра» ринулась в ту же впадину, куда устремилась вражеская подлодка. Устало, словно нехотя, «Вектра» повалилась на лодку. Боевая рубка лодки легла на палубу миноносца между мачтой и мостиком. Спустя мгновение оба корабля скрылись под водой, падая на дно океана в объятиях друг друга.

Шедшие последними в строю конвоя суда успели удалиться мили на две от места, где разыгралась трагедия, и на столь значительном расстоянии да еще при таком сильном волнении разглядеть, уцелел ли кто-нибудь, было невозможно. Да и вряд ли кто-нибудь уцелел. Если на поверхности моря и оставались еще люди, которые барахтались в ледяной воде, выбиваясь из сил и взывая о помощи, минуты их были сочтены. Прежде чем спасательное судно пришло бы к ним на выручку, они бы насмерть зачоченели. А конвой уходил все дальше на восток. Отстали от него лишь два судна: «Электра» и «Сиррус».

«Электра», имея крен на левый борт, дрейфовала лагом к волне, тяжело, неуклюже покачиваясь. Крен ее к этому времени достиг почти пятнадцати градусов. На переднюю и заднюю палубы транспорта высыпала вся команда.

Завидев на левой раковине «Сиррус», приближавшийся к ним, отчаянно прыгая на волнах, моряки не стали садиться в вельбот. Вельбот уже был вывален на шлюпбалках за борт, но убрать его назад оказалось невозможно. Повиснув в воздухе на высоте шести метров, шлюпка раскачивалась из стороны в сторону.

Бранясь почему зря, Опп еще на подходе к «Электре»

дважды семафорил ей, требуя стравить шлюп-тали. Но вельбот по-прежнему болтался на шлюпбалках, словно огромная гиля, не позволяя «Сиррусу» подойти вплотную к транспорту.

Видно, на транспорте возникла паника, а, скорее всего, морозом сковало тормозные барабаны шлюпочных лебедок.

Времени терять было нельзя: еще десять минут, и «Электра» пойдет ко дну.

«Сиррус» сделал всего два захода. Опп не собиpался останавливаться у борта транспорта: громадное, в пятнадцать тысяч тонн, судно подмяло бы под себя эсминец. При первом заходе он медленно, имея ход всего пять узлов, приблизился к «Электре», не дойдя до ее борта метров шесть. Ближе подходить он не осмелился из-за качки, швырявшей оба судна навстречу друг другу.

Когда носовая часть «Сирруса» поравнялась с мостиком «Электры», люди, ждавшие этой минуты, начали прыгать на бак эсминца. Они прыгали, когда полубак «Сирруса» подкинуло вровень с палубой транспорта, прыгали и тогда, когда он стал опускаться на четыре-шесть метров. Какой-то моряк — с чемоданом и брезентовым мешком в руке — небрежно перешагнул через поручни обоих судов, когда они на какое-то мгновение как бы застыли. Люди прыгали с жуткой высоты на обледенелую палубу, вывихивая себе при этом лодыжки и тазобедренные суставы, ломая голени и берцовые кости. Двое прыгнули, но промахнулись. В немыслимом бедламе раздался вопль, от которого леденеет кровь: это одного из моряков ударило железным корпусом корабля, погасив в нем жизнь.

Потом послышались страшные крики отчаяния: второй, скользя вдоль огромного борта «Электры», попал под винты «Сирруса».

Тут-то и случилась беда. Случилась вовсе не по вине командира «Сирруса» — тот управлял кораблем безукоризненно. Но даже его искусство оказалось бессильным против двух шальных волн, невзвест откуда взявшихся. Они были вдвое больше остальных. Первая швырнула «Сиррус» в сторону «Электры», затем, пройдя под днищем транспорта, круто накренила его на левый борт, в то время как другая волна чуть не опрокинула «Сиррус», повалив его направо. Поручни и верхний пояс обшивки «Сирруса» погнулись и лопнули на протяжении метров сорока. Одновременно в лобовую часть мостика с размаху ударилась шлюпка, которая тотчас разбилась в щепки. Прозвенел машинный телеграф, за кормой «Сирруса» вскипела белая пена. Казалось, корабль вострепнулся, ужаснувшись тому, сколь близок был конец. Но, к счастью, смерть, от которой экипаж был на волоске, пощадила людей. Все обошлось, лишь один бедняга сорвался в воду при столкновении.

В следующий миг «Сиррус», круто повернув, уже уходил прочь от «Электры».

Через пять минут «Сиррус» снова вернулся. Холодный расчет, железная выдержка, удача, постоянно сопутствовавшая Орру, сказались в том, что на сей раз, улучив минуту, когда вода возле «Электры» на какой-то миг успокоилась, Орт мятым правым бортом прижался к «Электре». К этому времени транспорт осел настолько глубоко, что не мог уже придавить эсминец. Дружеские руки подхватили моряков, прыгавших с «Электры», смягчая удар при па-

дении. Спустя тридцать секунд эсминец отвалил от транспорта. Палуба «Электры» успела опустеть. Минуты через две корпус тонущего судна потряс глухой удар. Это взорвались котлы. Судно медленно повалилось на бок. Мачты и дымовая труба коснулись поверхности воды и исчезли в пучине. На какую-то долю секунды на сером фоне моря и неба блеснули темное днище, киль и затем скрылись в волнах. В течение целой минуты на поверхность моря вырывались огромные пузыри воздуха. Постепенно они становились все меньше и меньше и наконец вовсе пропали.

Битком набитый спасенными, «Сиррус» лег на курс сближения и увеличил ход, чтобы догнать конвой. Конвой под кодовым названием Эф-Ар-77. Конвой, о судьбе которого королевский флот до сих пор пытается забыть. Тридцать шесть судов вышли из Скапа-Флоу и из залива Сент-Джон. Теперь их в конвое насчитывалось двенадцать, всего лишь двенадцать. А до Кольского залива оставалось почти тридцать два часа ходу...

Тэрнер с задумчивым видом наблюдал, как приближается с кормы «Сиррус».

Даже старпому изменила на какое-то время присущая ему бодрость духа и бьющая через край энергия. Оторвав взгляд от эсминца, он украдкой с жалостью посмотрел на командира, походившего теперь на живые мощи. Одному Богу известно, откуда у Вэллери берутся силы, чтобы отвоевывать у смерти час за часом. Между тем смерть, сами мысль о ней, неожиданно понял Тэрнер, стала, должно быть, желанной, заветной для Вэллери. Посмотрев на командира в упор, старпом увидел на лице его – этой маске –

боль и печаль и молча яростно выругался. Измученные глаза каперанга безжизненно поглядели на старшего офицера. Поспешно прокашлявшись, Тэрнер спросил Вэллери:

– Сколько теперь может быть спасенных на «Сиррусе», сэр?

– Представления не имею, старпом, – устало приподнял плечи Вэллери. – Человек сто. Возможно, больше, а что?

– Сто... – задумчиво повторил Тэрнер. – Сто человек, обреченных на смерть приказом никого не спасать. Интересно, что-то скажет наш приятель Старр, если Опп вышлет эту малую толику в подол адмиралу, когда вернемся в Скапа-Флоу?

ГЛАВА 13

В субботу (пополудни)

«Сиррус» находился еще в миле от конвоя, когда на эсминце замигал сигнальный фонарь. Прочтя донесение, Бентли повернулся к Вэллери.

– Донесение с «Сирруса», сэр. «Имею на борту двадцать пять – тридцать раненых. Трое в очень тяжелом состоянии. Срочно нужен доктор».

– Подтвердите получение светограммы, – произнес Вэллери. Поколебавшись мгновение, он проговорил:

– Передайте лейтенанту медицинской службы Николсу, что командир просит его подняться на мостик. – Повернувшись к Тэрнеру, он слабо улыбнулся. – Не могу представить себе атлетическую фигуру старины Брукса на

спасательном бую, да еще в такую погоду. Путешествие будет не из приятных.

Тэрнер снова оглянулся на «Сиррус», подходивший с веста, подпрыгивая на волнах и описывая мачтой дугу градусов в сорок.

– Да, на пикник походить оно не будет, – согласился он. – Ко всему, надувные спасательные буи не предназначены для таких телес, какими наградило небо нашего почтенного доктора.

«Странное дело, – подумал Тэрнер, – до чего же все очерствели: после того как „Вектра“ протаранила подводную лодку и погибла сама, никто даже словом о ней не обмолвился».

Скрипнула дверца. Медленно повернувшись, Вэллери ответил на приветствие Николлса.

– «Сиррусу» понадобился доктор, – произнес он без всяких околичностей.

– Как вам это нравится?

Чтобы устоять на вздыбившейся палубе, Николлс за что-то ухватился рукой. Покинуть «Улисс»! Даже мысль об этом, к собственному его удивлению, возмутила Николлса. Подумать только, подобное чувство испытывает он, Джонни Николлс, которому так претит все, что связано с флотской службой. Должно быть, у него с головой не все в порядке. И вдруг он осознал, что находится в полном здравии, и понял, почему ему хочется остаться здесь. Дело было вовсе не в гордости, принципе или какой-то обиде... Просто... просто он почувствовал, что сроднился с кораблем. Сроднился – более точного, более ясного определения невозможно было найти; он понял, сколь близки ему

судьбы этого корабля, этих людей. Заметив, что на него устремлены любопытные взоры, юноша смутился и стал смотреть на бурное море.

– Ну так как? – не скрывая нетерпения, спросил Вэллери.

– Мне это вовсе не нравится, – признался Николлс. – Но, разумеется, сэр, я отправлюсь на эсминец. Прикажете отбыть сию же минуту?

– Как только соберете вещи, – кивнул Вэллери.

– Значит, сейчас. Походный комплект у нас всегда наготове. – Николлс снова взглянул искоса на беспокойную воду. – Что мне нужно делать? Прыгать в воду?

– Даже не думай! – дружелюбно воскликнул Тэрнер, хлопнув лейтенанта по спине своей широкой ладонью. – Тебе не о чем беспокоиться, – гудел он весело. – И почувствовать ничего не успеешь. Насколько я помню, именно так ты выразился недели две назад, когда удалял мне коренной зуб. – Вспомнив эту операцию, Тэрнер болезненно поморщился. – Дадим тебе спасательный буй, дружок, вот что!

– Спасательный буй! – удивился Николлс. – Разве вы не заметили, какая нынче погода? Из меня всю душу вытрясет!

– О невежество молодости! – печально покачал головой Тэрнер. – Естественно, мы прикроем тебя бортом. Прокатишься точно в «Роллс-Ройсе», мой мальчик! Сейчас же снарядим буй. – Он отвернулся. – Крайслер, найдите главстаршину Хартли. Пусть на мостик поднимется.

Крайслер и виду не подал, что слышит. Он находился в своей излюбленной позе – руки на трубах паропровода,

верхняя часть лица прижата к окулярам мощного бинокля, укрепленного на пульте управления прожекторной установкой правого борта. Каждые несколько секунд рука его опускалась и чуть поворачивала рифленый поворотный винт. А после этого – снова полная неподвижность.

– Крайслер! – взревел Тэрнер. – Вы что, оглохли?

Прошло еще три, четыре, пять секунд. По-прежнему молчание. Глаза всех были устремлены на Крайслера, когда тот внезапно подался назад и, поглядев на лимб, круто повернулся. Лицо его было взволнованно.

– Курсовой сто градусов правого борта! – воскликнул он. – Курсовой сто градусов. Самолеты. Над самым горизонтом, – Он снова прилип к окулярам бинокля. – Четыре, семь. Отставить, десять! Десять самолетов! – закричал он.

– Курсовой правого борта сто градусов? – Тэрнер вскинул к глазам бинокль. – Не вижу ни черта! А ты не ошибся, паренек? – воскликнул он.

– Никак нет, сэр! – Во взволнованном голосе юноши прозвучала твердая убежденность.

Тэрнер в два прыжка очутился возле сигнальщика.

– Дай-ка я взгляну! – властно произнес старший офицер. Он посмотрел в окуляры, крутнул раз-другой поворотный винт, потом отошел назад, сердито хмуря брови.

– Что ты мне голову морочишь, приятель? – проворчал он. – У тебя плохое зрение или мерещится? Знаешь что?..

– Он прав, – спокойно прервал его Кэррингтон. – Я тоже их вижу.

– И я, сэр! – воскликнул Бентли.

Тэрнер кинулся назад к биноклю, прильнул к окулярам и тотчас замер.

Повернувшись к Крайслеру, он улыбнулся:

– Напомни мне как-нибудь, чтобы я извинился! – Не успев договорить фразу, он снова очутился на компасной площадке.

– Сигнал конвою! – отдавал распоряжения Вэллери. – Походный ордер «Эйч». Первый офицер, обе машины полный вперед! Боцманмат! Объявить по трансляции: «Расчеты всех огневых средств к бою!» Старший офицер!

– Есть, сэр!

– Расчетам всех зенитных установок! Выбор цели самостоятельный, вести огонь самостоятельно! Как ваше мнение? Как насчет главного калибра?

– Пока неясно... Крайслер, ты не можешь сказать?..

– «Кондоры», сэр, – угадал вопрос Крайслер.

– «Кондоры»! – Тэрнер изумленно открыл глаза. – Целая дюжина «кондоров»! А ты уверен?.. Ну ладно, ладно! – оборвал он себя поспешно. – Конечно, «кондоры». – Поискав глазами свой шлем, старший офицер повернулся к Вэллери. – Где эта распроклятая жестянка? Сигнальщик говорит: «кондоры»!

– Раз говорит, значит, так оно и есть, – с улыбкой отозвался Вэллери. Невозмутимое спокойствие командира поразило Тэрнера. – Целеуказание башням с мостика. Управление огнем автономное. Каково ваше мнение? – продолжал Вэллери.

– Согласен, сэр. – Тэрнер посмотрел на двух телефонистов, находившихся позади компасной площадки, – каждый из них обслуживал группу телефонов, связанных с носовыми и кормовыми башнями.

– Эй, ребята! Держать ушки на макушке! Работать четко!

Вэллери подозревал Николлса.

– Спуститесь-ка лучше вниз, молодой человек, – посоветовал он. – Сожалею, но ваше путешествие откладывается.

– А я не сожалею, – признался Николлс.

– Струсили? – улыбнулся Вэллери.

– Никак нет, сэр, – улыбнулся в ответ Николлс. – Не струсил. Вы сами знаете.

– Знаю, что не струсили, – спокойно согласился Вэллери. – Я понимаю... Благодарю вас.

Проводив взглядом Николлса, спускавшегося с мостика, он жестом подозвал к себе посыльного из радиорубки и повернулся к Карпентеру.

– Когда было отправлено последнее донесение адмиралтейству, штурман? Взгляните в вахтенный журнал.

– Вчера в полдень, – тотчас ответил Капковый мальчик.

– Не знаю, что бы я без вас делал, – проговорил командир корабля. – Наши координаты?

– Семьдесят два градуса двадцать минут северной широты, тринадцать градусов сорок минут восточной долготы.

– Благодарю вас. – Командир взглянул на Тэрнера. – Думаю, что соблюдать радиомолчание больше не имеет смысла, как, старпом?

Тэрнер кивнул головой.

– Отправьте эту шифровку, – быстро проговорил Вэллери. – «Лондон, начальнику штаба флота»... Что подразумевают наши друзья, старпом?

– Заходят с запада, сэр. Обычный гамбит. Атака с большой высоты с кормовых курсовых углов. Я так пола-

гаю, – прибавил он мрачно. – Правда, – он несколько просветлел, – облачность всего тысяча футов.

Вэллери кивнул и продолжал:

– «Конвой Эф-Ар-77. Шестнадцать ноль-ноль. Широта семьдесят два тридцать. Долгота тринадцать сорок. Курс девяносто. Ветер пять баллов, северный. Значительное волнение. Положение отчаянное. С прискорбием извещаю, что адмирал Тиндалл скончался сегодня в двенадцать ноль-ноль. Танкер „Вайтура“ торпедирован вчера вечером, потоплен мною. „Уошингтон Стейт“ затонул сегодня в ноль один сорок пять. „Вектра“ затонула в пятнадцать пятнадцать вследствие столкновения с субмариной. „Электра“ затонула в пятнадцать тридцать. Подвергаюсь массированному налету авиации. Конвой атакуют минимум двенадцать „Фоккевульфов-200“». Думаю, старпом, это реальное предположение, – усмехнулся он криво. – Светлейшие лорды будут потрясены. Ведь они придерживаются мнения, что такое количество «кондоров» не найдется во всей Норвегии. «Срочно высылайте поддержку, – продолжал он диктовать. – Крайне необходима авиация. Отвечайте немедленно». Прошу отправить депешу, не мешкая.

– Потрите нос, сэр! – воскликнул Тэрнер.

– Спасибо. – Вэллери стал тереть отмороженный нос, казавшийся мертвенно бледным на посиневшем лице, но спустя уже несколько секунд бросил это занятие, чтобы не расходовать попусту те немногие силы, что у него оставались. – Морозец изрядный, старпом, – спокойно проговорил он.

Дрожа от холода, командир ухватился рукой за стойку,

чтобы встать на ноги. Подняв к глазам бинокль, оглядел суда и корабли конвоя. Они перестраивались в походный ордер под кодовым названием «Эйч». Суда рассыпались по поверхности моря в кажущемся беспорядке, нарушив строй двух кильватерных колонн, упрощавший задачу вражеским летчикам при атаке с кормы.

Теперь им придется атаковать разрозненные цели. Суда рассеялись, но не совсем – они по-прежнему находились достаточно близко друг к другу, чтобы общими усилиями создать плотную завесу огня. С удовлетворением кивнув головой, Вэллери повернулся в сторону кормы и направил бинокль на запад.

Он убедился, что это действительно «кондоры». Приближавшиеся с кормы огромные четырехмоторные машины, опустив закрылки, медленно, неторопливо отвалили вправо, потом легли на курс 180 градусов, догоняя конвой. При этом они набирали высоту, все время набирали высоту.

Вэллери тотчас стали ясны два обстоятельства. Во-первых, противник знал, где находится конвой, – командование «Люфтваффе» не имело обыкновения посылать тяжелые бомбардировщики наобум: оно даже «Чарли» не удосужилось выслать на разведку. Наверняка их накануне обнаружила какая-нибудь подводная лодка, сообщившая своему командованию координаты и курс конвоя: при таком волнении немудрено не заметить перископ. Во-вторых, немцам было известно, что радарная установка «Улисса» выведена из строя. «Фоккевульфы» набирали высоту, чтобы спрятаться за ближайшие облака. Они выйдут из-под прикрытия за несколько секунд до бомбо-

метания. При радарном управлении огнем с такой близкой дистанции подобный маневр почти наверняка означал бы самоубийство.

Но немцы знали, что опасаться им нечего.

Вот уже последний «кондор», надрывно завывая, тяжело взмыл вверх и исчез совсем из виду. Вэллери устало пожал плечами и опустил бинокль.

– Бентли!

– Слушаюсь, сэр!

– Походный ордер «Ар». Немедленно.

Под ноком рея затрепетали сигнальные флаги. Прошло пятнадцать, двадцать секунд – горевшему нетерпением командиру они показались вечностью, – но ничего не происходило. Затем, точно марионетки, послушные умелому кукловоду, все суда конвоя стали поворачивать – те, что находились слева от «Улисса», стали поворачивать на север, находившиеся справа – на юг. Когда «кондоры» прорвутся сквозь облака – самое большее, прикинул Вэллери, через две минуты – под собой они увидят лишь пустынное море. Пустынное, если не считать «Улисса» и «Стерлинга» – кораблей, прекрасно вооруженных, чтобы постоять за себя. И тогда «кондоры» окажутся под плотным перекрестным огнем с транспортов и эскадренных миноносцев. Изменить же курс для того, чтобы пройти вдоль транспортов для бомбежки, у них не будет времени. Вэллери усмехнулся про себя. Не ахти какой эффективный защитный маневр, но лучшего при данных обстоятельствах не придумать... Услышав голос Тэрнера, отдававшего отрывистые, как лай, команды по трансляции, он почувствовал глубокое удовлетворение от того, что передал

оборону корабля в умелые руки старшего офицера. Если бы только сам он не чувствовал себя таким усталым!..

Прошло девяносто секунд, сто, две минуты... а «кондор» все не было видно. Сотня глаз впилась в рваную тучу, нависшую над кормой: она упрямо продолжала оставаться все такой же серой и расплывчатой.

Прошло две с половиной минуты. Никаких признаков «кондоров».

— Никто ничего не заметил? — обеспокоенно спросил Вэллери. Он неотрывно смотрел на тучу по корме корабля. — Ничего? Совсем ничего? — На мостике по-прежнему царила тишина — гнетущая, тяжелая.

Прошло уже три минуты. Три с половиной. Четыре. Вэллери отвел глаза в сторону, чтобы дать им отдохнуть, и перехватил взгляд Тэрнера, направленный на него. На худощавом лице старпома застыло выражение растущего беспокойства, которое сменилось сначала едва заметной, потом все более твердой уверенностью. Уверенностью в том, что что-то неладно. Словно сговорившись, оба повернулись к носу крейсера и впились взглядом в небо.

— Вот оно что! — торопливо проговорил Вэллери. — Пожалуй, вы правы, старпом! — Командир заметил, что все, кто находился на мостике, тоже напряженно смотрели вперед. — Они проскочили мимо. Намерены в лоб атаковать. Предупредить орудийные расчеты! Боже мой, чуть не провели нас, — пробормотал он под нос.

— Глядеть в оба всем! — прогудел Тэрнер. Напряжение исчезло, сменившись прежним радостным оживлением, волнуящим ожиданием боя. — Повторяю: всем! Мы с вами в одной лодке. Две недели отпуска тому, кто первый обнаружит «кондор»! Я не шучу.

– С какого числа отпуск? – сухо спросил Капковый мальчик.

Тэрнер улыбнулся юноше. Но улыбка тут же пропала: он резко вскинул голову, к чему-то прислушиваясь.

– Слышите? – спросил Тэрнер. Он говорил вполголоса, точно опасаясь, что его услышит противник. – Они где-то над нами. Но где именно, черт их разберет. Если бы не ветер...

Злобный торопливый стук «эрликонов», установленных на шлюпочной палубе, прервал его на полуслове. Молниеносным движением он кинулся к микрофону. И все-таки он опоздал – он опоздал бы в любом случае. В разрывах облаков уже видны были три «кондора», летевшие строем фронта. Они шли на высоте всего лишь ста пятидесяти метров, находясь менее чем в полумиле от крейсера.

Заходили они с кормы. С кормы! Должно быть, бомбардировщики, спрятавшись за облака, снова повернули на восток, чтобы ввести противника в заблуждение...

Прошло шесть секунд, а это время, достаточное для того, чтобы даже тяжелая машина, выйдя в пологое пике, успела покрыть расстояние в полмили.

Растерянные, охваченные болью и досадой люди и глазом не успели моргнуть, как бомбардировщики обрушились на конвой.

Приближались сумерки – этот зловещий полумрак арктических широт. В темнеющем небе четко виднелись трассы зенитных снарядов – жарко тлеющие алые точки. Сначала они беспорядочно метались и блекли где-то вдали, потом гасли, едва успев вспыхнуть, вонзаясь в фюзеляжи

атакующих «кондоров». Однако под огнем бомбардировщики находились слишком мало времени – всего каких-то две секунды, – а эти гигантские машины обладали невероятной живучестью. Головной бомбардировщик выровнялся на высоте около девяноста метров. Бомбы весом в четверть тонны, пролетев какую-то долю секунды параллельно курсу самолета, нехотя изогнув траекторию полета, устремились к «Улиссу». Асинхронно, натужно ревя своими четырьмя моторами, «кондор» тотчас взмыл ввысь, ища за облаками укрытия.

В цель бомбы не попали. Они упали в тридцати футах от корабля, взорвавшись при соприкосновении с водой. Тем, кто находился в центральном посту, машинных и котельных отделениях, грохот и удар, должно быть, показались страшными, буквально оглушающими. В небо взметнулись огромные, выше мачт, столбы воды метров шесть в диаметре и, повиснув на мгновение в воздухе, обрушились на мостик и шлюпочную палубу крейсера, промочив до нитки расчеты зенитных автоматов и «эрликонов», установленных на открытых площадках. Температура была около семнадцати градусов мороза по Цельсию.

Самое худшее заключалось в том, что стена воды полностью ослепила зенитчиков. Следующий «кондор» атаковал крейсер, не встретив никакого сопротивления, если не считать огня одинокого «эрликона» на барбете под правым крылом мостика. Подход был осуществлен блестяще, точно вдоль диаметральной плоскости крейсера, но пилот, очевидно стараясь удержать машину точно на курсе, проскочил мимо. На этот раз были сброшены три бомбы.

Сначала казалось, что они упадут мимо, но первая

бомба, ударив в полубак между волноотводом и шпилем, взорвалась под палубой, откуда взлетели искореженные стальные обломки. Когда стих гул взрыва, моряки, стоявшие на мостике, услышали яростный грохот. Должно быть, взрывом повредило шпиль, одновременно сорвав стопор якорь-цепи, и правый якорь, ничем теперь не удерживаемый, падал на дно Ледовитого океана, увлекая за собой якорь-цепь.

Остальные бомбы угодили в воду прямо по курсу корабля. Со «Стерлинга», находившегося в миле от него, казалось, что «Улисс» погребен под огромным водяным столбом. Но столб рухнул, и «Улисс», со стороны невредимый, продолжал мчаться дальше. Вздрыбленный нос закрывал спереди все повреждения; ни пламени, ни дыма не было: сотни галлонов воды, ринувшейся в огромные рваные пробоины в обшивке палубы, залили бы пожар, если бы он и начался.

«Улисс» по-прежнему был кораблем-счастливчиком...

И вдруг, после двадцати месяцев фантастического везения, баснословной удачи, превратившей «Улисс» в легенду, притчу во языцах, в символ неуязвимости, удача покинула его.

По иронии судьбы «Улисс» сам накликнул на себя беду. К этому времени успели открыть огонь кормовые орудия главного калибра, в упор бившие 152-миллиметровыми снарядами по пикирующим на корабль бомбардировщикам.

Первый же снаряд, выпущенный третьей башней, угодил третьему бомбардировщику в правое крыло между моторами, оторвав его начисто, и крыло, кружась, точно

осенний лист, упало в темное, бурное море. Какую-то долю секунды «фоккевульф» летел прежним курсом, потом клюнул носом и с диким, оглушительным воем уцелевших моторов стал почти отвесно пикировать на палубу «Улисса».

На то, чтобы избежать удара, что-то предпринять, времени не осталось.

Несколько бомб врезались в кипящую воду кильватерной струи – «Улисс» неся со скоростью свыше тридцати узлов, – две бомбы пробили кормовую палубу и взорвались внутри корабля – первая в кормовом матросском кубрике, вторая в кубрике морских пехотинцев. Секунду спустя в четвертую башню со страшным ревом врезался охваченный ослепительным пламенем горящего бензина «кондор».

Он падал со скоростью свыше трехсот миль в час.

Невероятно, но то был последний налет на «Улисс». Невероятно потому, что теперь корабль был уязвим, незащищен против нападения с кормы.

Четвертая башня была разрушена, уцелевшая каким-то чудом третья башня оказалась почти целиком погребенной под обломками «кондора», а расчет ее ослеплен дымом и языками пламени. «Эрликоны» на шлюпочной палубе тоже умолкли. Комендоров, едва не захлебнувшихся в водопаде, который низвергнулся на них меньше минуты назад, вытаскивали из их гнезд. И без того трудная эта задача стала почти невыполнимой: канадки на зенитчиках замерзли, и, когда их вытаскивали, ткань трескала и рвалась как бумага. Людей поспешно тащили вниз, в проход возле камбуза и оставляли там в буквальном смысле оттаивать. То было

адским мучением, но иного способа спасти их от скорой и верной смерти в обледенелых орудийных гнездах не было.

Остальные бомбардировщики, отвалив вправо, постепенно набирали высоту.

Со всех сторон их окружали белые пушистые облачка разрывов, но самолеты, словно заколдованные, продолжали идти дальше. Вот они уже исчезли в облаках, поворачивая на юго-восток, чтобы лечь на обратный курс. «Странно, – подумал Вэллери, – ведь следовало ожидать, что, используя момент внезапности, машины общими усилиями обрушатся на подбитый „Улисс“. Ведь до сих пор экипажам „кондоров“ храбрости было не занимать...» Но он не стал ломать голову, занятый более неотложными делами. А их было немало.

Вся кормовая часть крейсера была охвачена огнем. Правда, горело лишь на палубе и в кубрике, но опасность угрожала всему кораблю: внизу находились орудийные погреба третьей и четвертой башен. Десятки матросов из аварийных партий, спотыкаясь и падая на обледенелую раскачивающуюся палубу, уже бежали на ют, на ходу разматывая пожарные рукава. Смерзшиеся кольца рукавов, бывало, неожиданно распрямлялись от напора воды и сбивали людей с ног.

Некоторые тащили под мышкой или на плече огромные красные огнетушители. Один несчастный – то был матрос первого класса Ферри, оставивший лазарет, несмотря на строгий запрет, – пробегая по левому борту мимо разбитой корабельной лавки, поскользнулся и ударился грудью о третью башню. В этом месте поручни были срезаны оторвавшимся от фюзеляжа левым крылом «кондора».

Ферри, отчаянно цепляясь руками и ногами за гладкую ледяную палубу, сломанной рукой ухватился за уцелевшую стойку, но не удержался и соскользнул за борт. Пронзительный, полный ужаса вопль заглушил на секунду рев пламени и тут же смолк: вода сомкнулась над головой моряка. А внизу находились винты.

Первыми принялись за дело те, кто был оснащен огнетушителями, как и полагается при тушении горящего бензина, – вода лишь повредила бы делу, увеличила бы площадь пожара, разбрызгав во все стороны горящую жидкость, а бензин, который легче воды и с нею не смешивается, продолжал бы пылать с прежней силой. Но проку от огнетушителей было мало, и не столько потому, что у некоторых из них замерзли выпускные клапаны, сколько от того, что из-за страшной жары невозможно было приблизиться к пожару. Между тем тетраклорметановые огнетушители размером поменьше, которые предназначались для тушения электропроводки, оказались вообще непригодны. Эти огнетушители никогда прежде не использовались; матросы «Улисса» знали лишь, что содержащаяся в них жидкость выводит самые застарелые пятна на одежде. Можно внушить матросу-радисту, что напряжение в две тысячи вольт смертельно; можно объяснить артиллеристу, что приносить спички в оружейный погреб – безумие; можно втолковать торпедисту, что небрежное обращение с гремучей ртутью – сумасшествие, но попробуйте кому-нибудь из них втолковать, что отлить из огнетушителя несколько капель жидкости – преступное легкомыслие... Несмотря на регулярные проверки, большинство огнетушителей оказались заполненными наполовину, а некоторые и вовсе пустыми.

От пожарных рукавов проку было не многим больше. К магистрали правого борта подсоединили два шланга, открыли краны, но шланги повисли безжизненно.

Магистраль правого борта, по которой подавалась забортная вода, замерзла — явление, обычное для систем пресной воды, — но ведь тут текла морская вода!

Третий рукав был присоединен к магистрали левого борта, но кран оказалось невозможно отвернуть. Когда же по нему принялись колотить молотками и ломами, кран сломался у основания: ведь при особо низких температурах молекулярная структура металлов претерпевает изменения, и сопротивление на разрыв становится ничтожным. Хлынувшая под мощным напором вода до нитки промочила всех, кто находился поблизости. Спайсер, буфетчик покойного адмирала, бледный, с печальными глазами, жалкое подобие прежнего шустрого паренька, — отшвырнул прочь кувалду и зарыдал от гнева и досады. Удалось открыть другой кран левобортной системы, но, прежде чем вода наполнила плоский смерзшийся рукав, прошла целая вечность.

Постепенно пожар на верхней палубе сник — не столько благодаря усилиям моряков, тушивших его, сколько из-за того, что, кроме бензина, который сгорел, горючего материала оставалось немного. После этого, протаскив брандспойты и огнетушители в огромные рваные пробоины, стали заливать пламя, бушевавшее в кубриках. Между тем среди раскаленных докрасна дымящихся обломков, заваливших кормовую палубу, пробирались два моряка, облаченные в асбестовые костюмы. Одним из них был лейтенант Николлс, другим — старший телеграфист Браун, специалист по спасательным работам.

Первым появился Браун. С трудом расчищая себе дорогу, он добрался до двери в четвертую башню. Те, кто находился в проходах по левому и правому борту, наблюдали, как он привязывает тяжелую дверь, которая гулко хлопала в такт качке. Потом увидели, как он вошел внутрь. Меньше чем через десять секунд Браун снова появился в дверях. Опустившись на колени, в поисках опоры он судорожно цеплялся за комингс. Все тело его извивалось в конвульсиях, его рвало прямо в кислородную маску.

При виде этого зрелища Николлс не стал тратить времени на осмотр четвертой башни и обугленных трупов в обгоревшем фюзеляже «кондора».

Торопливо вскарабкавшись по крутым ступенькам скоб-трапа на площадку третьей башни и обойдя ее с задней стороны, он попытался открыть дверь. Но сделать это ему не удалось: задрайки не то прихватило морозом, не то перекосило взрывом. Джонни огляделся вокруг в поисках какого-нибудь рычага, но, увидев Дойла, отступил в сторону. Худощавый бородатый моряк – дымящаяся канадка, сосредоточенное выражение лица – приближался, держа в руках кувалду. После нескольких сильных и метких ударов (внутри гулкой башни грохот, должно быть, невыносим, подумал Николлс) дверь подалась. Дойл привязал ее, чтобы она не качалась, и шагнул в сторону, пропуская лейтенанта.

Николлс влез внутрь башни. Что им теперь за дело до нашей суеты, с горечью подумал молодой офицер. Все до единого в башне были мертвы. Старший унтер-офицер Ивенс сидел, выпрямившись на своем сиденье, – он и после смерти, казалось, оставался таким же твердым и решительным, каким был в жизни. Рядом с ним лежал Фостер –

смелый, вспыльчивый капитан морской пехоты. Смерть застала его врасплох. Остальные сидели или лежали, находясь на своих боевых постах, с первого взгляда совершенно невредимые. Лишь кое у кого из уголка рта или из уха сбегала струйка крови. На морозе кровь уже застыла: пламя, бушевавшее на палубе, относил ветром к корме, и оно не касалось брони орудийной башни. Удар, очевидно, был страшен, смерть – мгновенна. Сделав усилие, Николлс наклонился над убитым телефонистом, осторожно снял с него наушники и микрофон и вызвал мостик.

Трубку снял сам командир. Выслушав донесение, он повернулся к Тэрнеру.

У него был вид старого, придавленного несчастьем человека.

– Лейтенант Николлс докладывал, – произнес Вэллери. Несмотря на усилие казаться спокойным, ужас и боль застыли в каждой морщине его худого, изможденного лица. – Четвертая башня разбита. В живых не осталось никого. Третья башня с виду цела, но все, кто находился внутри, погибли. По словам лейтенанта, причина гибели – удар взрывной волны. Пожар в кормовом кубрике до сих пор не погашен... Ну, в чем дело, дружище?

– Докладывают из орудийного погреба четвертой башни, сэр, – неуверенно проговорил матрос. – Артиллерийского офицера просят к аппарату.

– Скажите, что его нет, – коротко ответил Вэллери. – У нас нет времени... – Умолкнув на полуслове, он резко вскинул глаза на связного. – Вы сказали, погреб четвертой башни? Дайте-ка мне трубку.

Взяв телефонную трубку, он откинул назад капюшон канадки.

– Орудийный погреб? У аппарата командир корабля. В чем дело?.. Что, что?.. Отвечай же, приятель, я ничего не слышу... Вот дьявольщина! – Вэллери круто повернулся к старшему торпедному электрику, находившемуся на мостике.

– Попрошу переключить телефон на усилитель, а то ни черта не слышно... Ага, теперь совсем другое дело.

Динамик над штурманской рубкой ожил. Он звучал как-то хрипло, гортанно, вдвойне неразборчиво из-за сильного шотландского акцента говорившего.

– А теперь слышите? – прогудело в динамике.

– Слышу, – гулко отозвался голос самого Вэллери, усиленный громкоговорителем. – Это Мак-Куэйтер, не так ли?

– Так точно, сэр. Неужто узнали? – В голосе юного матроса прозвучало откровенное изумление. Несмотря на усталость и подавленное состояние, Вэллери не смог удержаться от улыбки.

– Это сейчас не имеет значения, Мак-Куэйтер. Кто там у вас за старшего, Гардинер?

– Так точно, сэр. Он самый.

– Попросите его к телефону, хорошо?

– Не могу, сэр. Убит он.

– Убит! – недоверчиво воскликнул Вэллери. – Вы сказали, он убит, Мак-Куэйтер?

– Ну да. И не только он. – Голос юноши звучал почти сердито, но ухо Вэллери уловило едва заметную дрожь. – Меня самого шарахнуло, но теперь со мной все в порядке.

Вэллери подождал, когда у юноши прекратится приступ хриплого, надрывного кашля.

– Но... но что же произошло?

– Почему я знаю?.. Виноват, не могу знать, сэр. Грохот страшный раздался, а потом... Что потом было, хоть убей, не помню... У Гардинера весь рот в крови.

– Сколько... сколько вас там осталось?

– Баркер, Уильямсон и я еще. Только мы одни. Никого больше.

– Ну и... Как они себя чувствуют, Мак-Куэйтер?

– Они в порядке. Вот только Баркер считает, что ему каюк. Очень уж он плох. У него, похоже, чердак поехал.

– Что, что?

– Свихнулся он, говорю, – терпеливо объяснял Мак-Куэйтер. – Умом тронулся. Какую-то чепуху мелет. Дескать, скоро предстанет перед Творцом, а совесть у него нечистая. Всю жизнь, говорит, только и знал, что обманывал ближнего.

Вэллери услышал, как Тэрнер фыркнул, и тут вспомнил, что Баркер заведовал корабельной лавкой.

– Уильямсон заряды в стеллажи укладывает. А то вся палуба завалена этими хреновинами.

– Мак-Куэйтер! – резко проговорил Вэллери, по привычке одергивая матроса.

– Виноват, сэр. Забылся... А что теперь нам делать?

– То есть как что делать? – нетерпеливо переспросил Вэллери.

– Как быть с погребом? Коробка горит, что ли? Здесь жара страшная. Хуже, чем у нечистого в пекле!

– Что? Что ты сказал? – крикнул Вэллери, на этот раз забыв сделать ему внушение. – Жара, говоришь? Сильная жара? Да живей отвечай, парень!

– До задней переборки не дотронуться, – просто ответил Мак-Куэйтер. – Пальцы обжигает.

– Но система орошения! – закричал Вэллери. – Разве она не действует?! Господи Боже! Да ведь погреб может в любую минуту взлететь на воздух!

– И то верно, – спокойно подтвердил Мак-Куэйтер. – Я тоже так подумал. А система орошения – она не работает, сэр. Температура уже на двадцать градусов выше нормы.

– Что же вы стоите сложа руки?! – ужаснулся Вэллери. – Открывайте оросители вручную. Если там настолько жарко, вода в системе не должна замерзнуть. Живей, паренек, шевелись! Если погреб взорвется, крейсер погиб. Бога ради, торопись!

– Я уже пробовал, сэр, – тихо произнес Мак-Куэйтер. – Ни черта не получается. Заклинило начисто!

– Тогда сломай патрубок! Где-нибудь там валяется лом. Стукни им хорошенько. Да поживей!

– Ладно, сэр, так и сделаю. Только как мне потом закрыть систему? – в спокойном голосе юноши на мгновение появилась нотка отчаяния. «Наверное, это что-то с динамиком», – решил Вэллери.

– Это невозможно! Но не беспокойтесь! – нетерпеливо, не скрывая тревоги, проговорил Вэллери. – Воду мы потом откачаем. Торопитесь, Мак-Куэйтер, торопитесь!

После кратковременной тишины послышался приглушенный вопль и удар – видно, во что-то мягкое. Потом раздался тонкий металлический звон, усиленный динамиком, за ним град торопливых ударов. Мак-Куэйтер, должно быть, не переставая колотил по вентилям. Внезапно стук прекратился.

Подождав, пока Мак-Куэйтер возьмет микрофон, Вэллери озабоченно спросил:

– Ну, как дела? Работают оросители?

– Дела идут как по маслу, сэр. – В голосе юноши появилась новая нотка – нотка гордости и удовлетворения. – Я только что шарахнул ломом Баркера, – прибавил он с оживлением.

– Что сделал? – переспросил Вэллери.

– Баркера, говорю, огрел ломом по черепу, – отдельно произнес Мак-Куэйтер. – Помешать мне хотел. Струхнул старый болван... Да чего тут о нем толковать... А здорово работают оросители, сэр. Я еще никогда раньше не видел, как они действуют. Воды уже по лодыжки. Пар так и шипит, отскакивают от задней переборки!

– Хватит! – резко проговорил Вэллери. – Сейчас же оставьте погреб. Да не забудьте захватить с собой Баркера!

– Однажды я смотрел кино. В Глазго, в «Парамаунте», вроде бы. Я был тогда, кажется, на взводе, – задумчиво говорил Мак-Куэйтер. Переглянувшись с Тэрнером, Вэллери понял, что тот тоже пытается стряхнуть с себя ощущение нереальности происходящего. – Ну и ливень же был. Только здесь почище будет. А пару – куда там! Будто в парнике в ботаническом саду!

– Мак-Куэйтер! – взревел Вэллери. – Вы меня слышите? Оставьте помещение, вам говорят! Немедленно, слышите?

– Уже до колен вода, – восхищенно говорил Мак-Куэйтер. – До чего же прохладно... Что вы сказали, сэр?

– Я сказал, убирайтесь прочь! – проскрежетал Вэллери. – Сию же минуту!

– Ах да. Понятно. Убираться, вы говорите. Я так и подумал. Не так-то это просто. Вообще невозможно. Люк перекосило. И крышку люка заклинило.

Эхо его голоса замерло в стылom молчании мостика. Моряки, потрясенные, замерли. Вэллери, машинально опустив трубку, невидящим взглядом обвел находящихся на мостике. Тэрнер, Кэррингтон, Капковый мальчик, Бентли, Крайслер и другие моряки – все они выжидающе глядели на него. Выражение это сменилось ужасом. Командир понял; что на их лицах как в зеркале отразились чувства, написанные на лице у него самого. На секунду, точно собираясь с мыслями, он прищурил глаза, затем снова взял микрофон.

– Мак-Куэйтер! Мак-Куэйтер! Вы все еще там?

– А где же еще? – несмотря на то, что голос его был искажен динамиком, в нем явственно слышалось раздражение. – Какого дьявола...

– Ты уверен, что крышку люка заклинило? – воскликнул в отчаянии Вэллери, перебивая его. – А если попробовать оторвать задрайки ломом?..

– Да хоть динамитом рви эту проклятую крышку... Будет то же самое, – деловито ответил Мак-Куэйтер. – И потом, она докрасна раскалилась, крышка-то. Видно, пожарище будь здоров наверху.

– Подожди минуту, – произнес Вэллери и оглянулся. – Тэрнер, прикажите Додсону послать кого-нибудь к главному клапану кормовой системы затопления. Пусть стоит наготове, если его закрыть понадобится.

Каперанг подошел к ближайшему телефонисту.

– Вы соединены с ютом? Хорошо! Дайте мне трубку...

Алло, говорит командир. Кто у телефона? Это вы, Хартли? Выясните, насколько силен пожар в кормовых кубриках. Поторопитесь. В оружейном погребе четвертой башни находятся несколько матросов. Им оттуда никак не выбраться. Система орошения включена, а крышку входного люка заклинило... Да, да, я подожду у телефона.

В нетерпеливом ожидании он похлопывал рукой по аппарату. Медленным взглядом обвел суда конвоя, увидел, что транспорты меняют курс, занимая прежнее место в порядке. Внезапно он весь обратился в слух.

– Да, командир слушает... Да... Что? Потребуется полчаса или час?.. Боже правый! Неужели так долго? Вы уверены?.. Нет, у меня все.

Положив трубку на место, он медленно поднял свое лишенное всякого выражения лицо.

– Пожар в матросском кубрике ликвидирован, – произнес монотонно Вэллери. – В кубрике морской пехоты – над артиллерийским погребом четвертой башни – сущий ад. По словам Хартли, раньше чем через час пожар потушить не удастся. Капитан-лейтенант, не спуститесь ли вниз?

Прошла минута, целая минута. Слышны были лишь щелканье гидролокатора да мерные удары крутых волн, рассекаемых форштевнем крейсера.

– Думаю, температура в погребе достаточно снизилась, – проговорил наконец Капковый мальчик. – Может быть, воду возможно отключить на достаточно длительный срок?.. – неуверенно прибавил он.

– Достаточно понизилась? – переспросил Тэрнер, шумно прокашливаясь. – Как это выяснить? Только

Мак-Куэйтер мог бы нам это сказать... – Он внезапно умолк, осознав зловещий смысл сказанного.

– Вот мы его и спросим, – с усилием проговорил Вэллери и поднял трубку.

– Мак-Куэйтер!

– Есть, сэр!

– Если опасность миновала, может, отключить систему орошения? Как вы считаете, температура...

Не dokonчив фразы, командир крейсера замолчал. Возцарилась почти осязаемая тишина. О чем думает сейчас Мак-Куэйтер, мелькнула у него мысль, о чем подумал бы он сам на его месте.

– Подождите, – прогудело в динамике. – Залезу наверх, узнаю, как там дела.

Снова над мостиком повисла неестественная тишина. Вэллери вздрогнул: динамик снова ожил.

– Черта с два! Будь я трижды проклят, если я смогу подняться на этот трап еще раз... Сейчас пока я на нем стою, но, пожалуй, долго не продержаться.

– Ничего... – Вэллери осекся, ужаснувшись фразе, едва не вырвавшейся у него. Если Мак-Куэйтер упадет с трапа, он утонет, как крыса.

– И то правда. Главное дело – погреб. – Прерываемый приступами мучительного кашля, голос юного матроса звучал необычно спокойно. – Снаряды в верхних стеллажах вот-вот расплавятся. Дела совсем плохи, сэр.

– Понимаю. – Ничего другого Вэллери не мог придумать. Глаза его были закрыты. Он чувствовал, что качается. Сделав над собой усилие, он продолжал:

– Как Уильямсон? – Спросить что-нибудь другое он был не в состоянии.

– Скоро ему каюк. Он по шею в воде, за стеллажи цепляется. – Мак-Куэйтер снова закашлялся. – Говорит, хочет кое-что передать напоследок старпому и Карслейку.

– Кое-что передать?

– Ага. Пусть, говорит, старый пират завязывает, хватит ему в рюмку заглядывать, – смачно проговорил матрос. Послание же, предназначавшееся Карслейку, было непечатным.

Вэллери даже не возмутился.

– А вы сами, Мак-Куэйтер, – сказал он, – ничего не хотите передать? Может быть... – он умолк, поняв нелепость своих слов.

– Я? Ничего я не хочу... Разве только перевод на блокшив. Да вот спохватился я поздненько. Уильямсон! – воскликнул он с тревогой в голосе. – Уильямсон, держись, парень. Сейчас приду!

В установленном на мостике динамике послышался треск ударившейся о металл трубки. Потом все стихло.

– Мак-Куэйтер! – закричал в микрофон Вэллери. – Отвечайте же. Вы меня слышите? Мак-Куэйтер!

Но динамик, висевший у него над головой, молчал. Наступила мертвая, жуткая тишина. Вэллери поежился, пронизываемый ледяным ветром... Суток не прошло после посещения им этого погреба. И вот теперь он затоплен. Каперанг явственно представил себе орудийный погреб. Перед мысленным его взором он встал так же четко, как прошлым вечером. Представил темный, пещерный мрак и крохотные точки лампочек аварийного освещения. Как медленно поднимается снизу черная вода. Представил себе этого болезненного мальчика-шотландца с тощими пле-

чиками и наполненными болью глазами. Вот он изо всех сил пытается удержать голову товарища над ледяной водой, с каждой секундой теряя последние силы. Вэллери понимал, что минуты ребят сочтены, что угасла последняя надежда. С внезапной ясностью он вдруг понял, что, когда двое этих юношей выбьются из сил, они пойдут ко дну вместе. Мак-Куэйтер ни за что не выпустит друга из рук. Восемнадцать лет, совсем еще мальчик... Вэллери отвернулся. Спотыкаясь, точно слепой, отворил дверцу и поднялся на компасную площадку. Снова повалил снег. Отовсюду надвигалась темнота.

ГЛАВА 14

В субботу (вечером)

Рассекая полярные сумерки, «Улисс» раскачивался, продвигаясь вперед.

Тяжело, неуклюже задирает нос, а потом так же грузно врывается в волны.

Лишившись обеих мачт, без единой шлюпки и спасательного плота, с поврежденными носовыми и кормовыми надстройками, скособоченным мостиком и изуродованной кормовой башней, наполовину погребенной под обломками «кондора», крейсер представлял собой нелепое зрелище. И все же, несмотря на бросающиеся в глаза огромные пятна красного сурика и зияющие черные пробоины в полубаке и на юте, откуда валил густой дым, сквозь который прорывались языки пламени, – несмотря на все это,

крейсер по-прежнему походил на зловещий, грациозный призрак, некое сказочное существо, чьей стихией, чьим обиталищем был Ледовитый океан. Существо призрачное, изящное, в высшей степени выносливое... и все еще смертоносное. Корабль по-прежнему имел пушки и мощные машины. Огромные, могучие механизмы, сказочно живучие. Так, по крайней мере, казалось...

Прошло пять бесконечно долгих минут – пять минут, в течение которых небо потемнело еще больше, пять минут, в течение которых с кормы поступали донесения о том, что удалось лишь ограничить распространение пожара, пять минут, в течение которых Вэллери в какой-то степени обрел свойственное ему самообладание. Но теперь он чрезвычайно ослаб.

Наполненную мраком тишину внезапно вспорол телефонный звонок. Крайслер, сняв трубку, повернулся в сторону мостика:

– Сэр! Докладывают из кормового машинного отделения. Просят к телефону командира.

Тэрнер, взглянув на Вэллери, предложил:

– Позвольте, я сам этим займусь!

– Благодарю, – признательно кивнул Вэллери. В свою очередь наклонив голову, Тэрнер подошел к телефону.

– У телефона старший офицер. Кто говорит? Ах, лейтенант Грайрсон? В чем дело, Грайрсон? Может, для разнообразия найдутся добрые вести?

Чуть ли не целую минуту Тэрнер не произносил ни слова.

Все, кто находился на мостике и слышал легкое потрескивание в наушниках, скорее почувствовали, чем

увидели, как напряженно сжался рот старпома, олицетворявшего внимание.

– Но какое-то время продержится? – неожиданно спросил Тэрнер. – Да, да, разумеется... Передайте ему, сделаем все, что возможно... Добро. Прошу докладывать каждые полчаса.

– Пришла беда – отворяй ворота, – проворчал Тэрнер, кладя трубку. – Машина работает с перебоями, перегревается. Погнут правый средний вал. Додсон сам сейчас в туннеле гребного вала. Говорит, вал искривлен, что банан.

– Зная Додсона, – едва заметно улыбнулся Вэллери, – можно предположить, что немного нарушена центровка вала, только и всего.

– Возможно, – с серьезным видом проговорил Тэрнер. – Но главное то, что поврежден коренной подшипник и перебита масляная магистраль.

– Даже так? – негромко произнес Вэллери.

– Додсон огорчен донельзя. По его словам, повреждение давнишнее. Он считает, все началось в ту ночь, когда во время шторма смыло за борт глубинные бомбы. – Тэрнер покачал головой. – Этот вал испытал неизвестно какие перегрузки... А сегодня его совсем доконало... Подшипник приходится смазывать вручную. Стармех намерен до предела уменьшить обороты машины, а то и вовсе выключить ее. Механики будут держать нас в курсе.

– Есть ли возможность исправить повреждение? – хмурясь, спросил Вэллери.

– Нет, сэр, никакой.

– Ну, хорошо. Идти со скоростью конвоя. Старший офицер!

– Есть, сэр.

– Пусть экипаж остается на боевых постах всю ночь. Сообщать людям о случившемся незачем, но, пожалуй, это самое разумное решение. Мне кажется...

– Что это? – воскликнул Тэрнер. – Смотрите! Что это он делает, черт возьми? – Он ткнул пальцем в сторону транспорта, замыкавшего правую кильватерную колонну. Судовые орудия били по какой-то невидимой цели: вечернее небо рассекали белые полосы трассирующих снарядов. Бросившись к микрофону трансляции, старший офицер заметил, что орудия главного калибра на «Викинге» изрыгают дым и рваные языки огня.

– Всем орудиям открыть огонь по воздушным целям. Курсовой – сто десять правого борта! Стрелять самостоятельно! Выбор цели самостоятельный!

Услышав команду «право на борт», отданную Вэллери, старпом понял, что командир хочет повернуться носовыми башнями в сторону противника.

Но было слишком поздно. Едва «Улисс» начал менять курс, как из облаков бесшумно вынырнули вражеские самолеты. В угрюмом мраке огромные, неуклюжие машины казались призрачными, нереальными. Внезапно взревели авиационные моторы, взметнулось пламя выхлопа. «Кондоры», ни малейшего сомнения. Те самые «кондоры». Снова одурачили их, исчезнув для того лишь, чтобы вернуться опять. Убрав газ, подошли на малой высоте, с подветренного борта, так что суда конвоя не слышали приглушенного рокота моторов. Расчет времени и дистанции произведен был безукоризненно.

В крайний транспорт угодило по меньшей мере семь

бомб. Увидеть в полумраке попадания было невозможно, зато взрывы были слышны. Пролетая над транспортом, каждый из нападающих поливал палубу транспорта пулеметным огнем. Орудийные установки на торговых судах не имели почти никакой защиты от пуль, так что военные моряки, обслуживавшие легкие зенитки, и морские артиллеристы, составлявшие расчеты тяжелых орудий, нанимаясь на транспорты, направлявшиеся в Россию, знали, что шансы выжить у них не очень велики. Для немногих командоров, которые уцелели после бомбежки, злобный стук немецких пулеметов был, пожалуй, последним звуком, услышанным в жизни.

Когда бомбы обрушились на соседний транспорт, первое судно представляло собой грудку исковерканного металла, над которой взвивались языки пламени. Ко всему, видно, у него была вырвана часть днища: имевший сильный крен транспорт медленно разломился надвое позади мостика, словно оснащенный шарниром где-то ниже ватерлинии. Не успел затихнуть рев моторов последнего бомбардировщика, скрывшегося вдали, как транспорт исчез в пучине океана.

Тактика внезапности принесла противнику полный успех. Один транспорт был потоплен, второй, получив сильный дифферент на нос, покатился круто в сторону, затем остановился. На судне царила зловещая тишина, не видно было ни дыма, ни огня, ни одной живой души не оставалось на палубе. Третий транспорт получил тяжелые повреждения, но по-прежнему управлялся. Нападающие не потеряли ни одной машины.

Тэрнер приказал прекратить огонь: некоторые зенит-

чики продолжали ошалело палить в темноту. Возможно, то были любители пострелять, а скорее всего, им что-то померещилось. Ведь что только не пригрезится утомленному разуму, что только не увидят запавшие, с воспаленными красными веками глаза, не знавшие отдыха столько суток и часов, что Тэрнер потерял им счет. И когда умолк последний «эрликон», старпом снова услышал гул тяжелых авиационных моторов, из-за порывов ветра то усиливавшийся, то стихавший, похожий на отдаленный шум прибора гул.

Что-либо предпринять было невозможно. «Фокке-вульф», правда, прикрытый низкой облачностью, даже не пытался скрывать своего присутствия: зловещее гудение все время преследовало конвой. Было ясно, что вражеский самолет кружит над кораблями.

– Что вы на это скажете, сэр? – спросил Тэрнер.

– Не знаю, – медленно, задумчиво проговорил Вэллери. – Не знаю, что и сказать. Во всяком случае, визитов со стороны «кондоров» не будет, я в этом уверен. Для этого несколько темновато. И потом, эти знают, что теперь им нас врасплох не поймать. Скорее всего, наблюдение.

– Наблюдение! Но через полчаса будет темно, как в преисподней! – возразил Тэрнер. – По-моему, на психику давят.

– Бог его знает, – устало вздохнул Вэллери. – Скажу только одно. Я продал бы бессмертную душу за пару «корсаров», за радарную установку, туман или же ночь, вроде той, что была в Датском проливе. – Вэллери коротко хохотнул и тут же закашлялся. – Слышали, что я сказал? – спросил он шепотом.

– Никогда бы не подумал, что вспомню с такой тоской о той ночи... Когда мы вышли из Скапа-Флоу, старпом?

– Пять, нет, шесть суток назад, сэр, – прикинув в уме, ответил Тэрнер.

– Шесть суток! – недоверчиво покачал головой Вэллери. – Всего шесть суток назад. А осталось у нас... осталось всего тринадцать судов.

– Двенадцать, – спокойно поправил Тэрнер. – Семь транспортов, танкер и корабли охранения. Двенадцать... Колупнули бы разок старого «Стерлинга», – прибавил он хмуро.

Вэллери поежился от внезапного снежного заряда. Погруженный в думы, он наклонил голову, чтобы спрятаться от пронзительного ветра и колючего снега.

Резким движением повернулся.

– К Нордкапу подойдем на рассвете, – проговорил он рассеянно. – Пожалуй, нам туго придется, старпом. Немцы обрушат на нас все, что найдется под рукой.

– Проходили же мы раньше, – возразил Тэрнер.

– У нас пятьдесят шансов из ста, – разговаривая с собой, продолжал Вэллери, похоже, не слыша слов старпома, – «Улисс» и сирены... «Быть может, нас поглотит всех пучина...» Желаю вам удачи, старпом.

Тэрнер широко открыл глаза.

– Что вы хотите сказать?..

– И себе тоже, разумеется. – Вэллери улыбнулся, вскинув голову. – Мне тоже очень нужна удача, – прибавил он едва слышно.

Тут Тэрнер сделал то, чего никогда бы не осмелился сделать. В почти полной тьме он наклонился над коман-

диром и, осторожно повернув его лицо, впился в него встревоженным взглядом. Вэллери не протестовал. Спустя несколько секунд Тэрнер выпрямился.

– Сделайте милость, сэр, – спокойно произнес он. – Спуститесь к себе вниз. Я сам обо всем позабочусь. Скоро придет и Кэррингтон. Пожар на корме почти потушен.

– Нет, только не сегодня. – Вэллери улыбался, но в голосе его была какая-то странная решимость. – И не посылайте свою челядь за стариной Сократом. Прошу вас, старпом. Я хочу остаться на мостике. Хочу в эту ночь все увидеть своими глазами.

– Да, да, разумеется. – Тэрнеру почему-то не захотелось настаивать. – Принесите командиру в его рубку галлон горячего, как огонь, кофе... А вы полчаса пробудете в рубке, – твердо проговорил старший офицер, повернувшись к Вэллери. – И выпьете все это пойло, иначе... иначе не знаю, что с вами сделаю...

– Я в восторге! – обрадовался Вэллери. – Кофе, разумеется, будет приправлен вашим восхитительным ромом?

– А как же иначе? Только... Будь этот жулик Уильямсон неладен! – проворчал раздраженно Тэрнер. Помолчав, он медленно прибавил: – Впрочем, не стоило так говорить о нем... Бедняги, здорово им досталось... – Он умолк. Наклонив голову, прислушался. – Интересно, долго ли будет висеть над нами этот мерзавец «Чарли», – пробормотал он.

Вэллери прокашлялся, чтобы ответить, но не успел он открыть рта, как в динамике щелкнуло.

– На мостике! Докладывает радиорубка. Докладывает радиорубка. Примите два донесения.

– Бьюсь об заклад, одно из них от этого сорвиголовы Орра, – проворчал Тэрнер.

– Первая шифровка с «Сирруса»: «Прошу разрешения подойти к борту транспорта снять людей. Семь бед – один ответ».

Вэллери стал вглядываться сквозь редющую снежную пелену во мрак ночи, в бушующее море.

– При таком-то волнении? – пробормотал он. – Да и темнота – хоть глаз коли. Он разобьется вдребезги.

– Это сущие пустяки по сравнению с тем, что с командером сделает Старр, когда до него доберется! – весело воскликнул Тэрнер.

– Шансы у Орра ничтожные. Я лично... я бы не решился отдать ему такой приказ. Неоправданный риск. Кроме того, транспорт получил сильные повреждения. Вряд ли много людей уцелело.

Тэрнер ничего не сказал.

– Передать на «Сиррус», – четко проговорил Вэллери. – «Благодарю. Разрешаю. Желаю удачи». Пусть радист передаст следующее донесение.

После краткой паузы динамик снова ожил.

– Вторая радиограмма для командира корабля из Лондона. Расшифровывается. Сию же минуту отправляю на мостик с посыльным.

– Пусть читает вслух, – распорядился Вэллери.

– «Командующему 14-й эскадрой авианосцев и конвоем Эф-Ар-77, – загудел спустя несколько мгновений бас в динамике. – Чрезвычайно огорчены полученным известием. Продолжайте идти курсом девяносто. Выслана эскадра боевых кораблей. Идет на сближение курсом

зюйд-зюйд-ост. Ход полный. Рандеву завтра ориентировочно в четырнадцать ноль-ноль. Лорды адмиралтейства шлют наилучшие пожелания и поздравления контрадмиралу Вэллери, повторяю, контр-адмиралу Вэллери. Начальник штаба флота. Лондон». Динамик умолк. Слышны были лишь пощелкивание гидролокатора да монотонный пульсирующий гул моторов «кондора», но в воздухе еще трепетала радость, прозвучавшая в голосе оператора.

– Светлейшие лорды стали непривычно учтивы, – проговорил Капковый мальчик, и на этот раз оказавшийся на должной высоте. – Можно сказать: весьма порядочно с их стороны.

– Давно пора, чтоб они лопнули, – проворчал Тэрнер. – Поздравляю вас, сэр, – прибавил он тепло. – Наконец-то с берегов Темзы сверкнул нам светлый луч.

Одобрительный ропот пронесся по мостику. На мгновение все забыли о дисциплине, субординации. Никто даже не пытался скрыть своей радости.

– Спасибо, спасибо. – Вэллери был тронут, тронут до глубины души.

Обещана долгожданная помощь. Одна надежда на эту помощь для каждого из членов экипажа означает выбор между жизнью и смертью, а этих людей интересует одно – представление его к адмиральскому чину! «Туфли, доставшиеся в наследство от мертвеца», – подумал он и хотел было высказать это вслух, но вовремя спохватился: к чему омрачать искреннюю радость моряков?

– Большое спасибо, – повторил он. – Однако, господа, вы пропустили мимо ушей единственную новость, которая имеет сколько-нибудь существенное значение...

– Ничего подобного, – пробасил Тэрнер. – Боевая эскадра – как же! Придет к шапочному разбору, мать их в душу. Нет, нет, они, конечно, подспеют. К похоронам или чуть позже. Возможно, даже успеют подобрать несколько уцелевших. Наверное, в составе эскадры линейные корабли «Илластриес» и «Фьюриес»?

– Возможно. Я не знаю... – Вэллери с улыбкой покачал головой. – Несмотря на недавнее мое... э... повышение в чине, светлейшие лорды не удостаивают меня своим доверием. Но на подходе авианосцы. За несколько часов до randevu они смогут выслать вперед самолеты, чтобы с рассветом обеспечить нам воздушную поддержку.

– Ничего не получится, – пророчески проговорил Тэрнер. – Погода испортится, и машины не смогут подняться. Попомните мое слово.

– Возможно, о ясновидящий! – улыбнулся Вэллери. – Поживем – увидим... Что вы сказали, штурман? Я не совсем вас понял...

– Просто мне пришла в голову мысль, – усмехнулся Капковый мальчик. – Завтра для нашего юного доктора будет знаменательный день. Ведь он твердо уверен, что линейные корабли выходят в море лишь для участия в морских парадах в Спитхеде в мирное время.

– Вы мне напомнили, – спохватился Вэллери. – Мы же обещали послать врача на «Сиррус»...

– У Николлса дел по горло, – вмешался Тэрнер. – Он хоть и не очень-то обожает нас, вернее флот, но работу свою любит, уж это точно. Облачился в асбестовый костюм и, по словам Кэррингтона, он уже... – Умолкнув на полуслове, старший офицер поднял голову, вглядываясь в ред-

кую пелену снегопада. – Вы только посмотрите! Совсем обнаглел проклятый «Чарли»!

С каждой секундой рев моторов «кондора» нарастал в диком крещендо.

Огромная машина с бешеным воем пронеслась всего в сотне футов от сбитых мачт крейсера. Гул моторов постепенно затих: самолет полетел дальше кружить над конвоем.

– Радио кораблям охранения! – быстро проговорил Вэллери. – Пропустить самолет! Не трогать его! Никаких осветительных снарядов! Ни единого выстрела! Он хочет нас раззадорить, чтобы мы себя выдали... Только бы на транспортах... О Боже! Идиоты! Идиоты несчастные! Что вы наделали!

Какое-то торговое судно в левой кильватерной колонне открыло огонь из пушек – не то из «эрликонов», не то из «бофорсов». Стреляли наугад, вслепую.

В темноте да еще в пургу шансы обнаружить самолет по одному лишь звуку ничтожны.

Стрельба продолжалась каких-то десять-пятнадцать секунд. Но этого было достаточно, чтобы навлечь беду. «Чарли» отвалил прочь; послышался натужный рев моторов: самолет круто набирал высоту.

– Как вы полагаете, сэр, что это значит? – в упор спросил Тэрнер.

– Предстоят большие неприятности, – со спокойной уверенностью сказал Вэллери. – Это что-то новое. Но только не игра на наших нервах, как вы, старпом, полагаете. И он вовсе не изматывает нас, лишая сна. Ведь до Нордкапа рукой подать. Преследовать нас долго он не

сможет: стоит нам дважды резко изменить курс и... Ага! – выдохнул он. – Что я вам говорил?

Ослепительный свет, обжегший зрачки людей, с ошеломляющей внезапностью превратил ночь в день. Высоко в небе над «Улиссом» невыносимо ярко вспыхнула и, разорвав снежную пелену, словно легкую прозрачную вуаль, повисла под куполом парашюта осветительная бомба. Лениво раскачиваясь из стороны в сторону под порывами ветра, бомба медленно приближалась к поверхности моря, внезапно ставшего черным, как ночь, и корабли, одетые в ослепительно белый панцирь изо льда и снега, на чернильном фоне моря и неба стали видны как на ладони.

– Сбить эту чертову свечку! – пролаял в микрофон Тэрнер. – Расчетам всех «эрликонов» и скорострельных автоматов! Сбить эту бомбу! – Он положил микрофон. – Хотя при такой качке это все равно что попасть в луну пивной бутылкой, – пробормотал он. – До чего же странно себя чувствуешь. Ей-Богу!

– Это верно, – подхватил Капковый мальчик. – Будто во сне, когда ты идешь по оживленной улице и вдруг обнаруживаешь, что на тебе одни лишь ручные часы. «Голый и незащитный» – таково, полагаю, соответствующее случаю определение. А для малограмотных – «попался со спущенными портками». – Он машинально стряхнул снег с капкового комбинезона с вышитой на нагрудном кармане буквой «Х» и тревожным взглядом впился в темноту, кольцом окружавшую пятно света. – Не нравится мне все это, – пожаловался он.

– Мне тоже, – сокрушенно проговорил Вэллери. – Не нравится мне и внезапное исчезновение «Чарли».

– А он и не исчезал, – мрачно произнес Тэрнер. – Прислушайтесь! – Напрягши слух, они услышали где-то вдалеке прерывистый рокот мощных моторов.

– С кормы заходит.

Меньше чем минуту спустя «кондор» снова проревел у них над головами – пройдя на этот раз выше, в облаках. И снова сбросил осветительную бомбу, вспыхнувшую много выше, чем первая, уже над самой серединой конвоя.

Грохот моторов снова сменился отдаленным рокотом, потом асинхронный вой усилился. «Кондор» догнал конвой во второй раз.

Сверкнув на мгновение в разрыве между облаками, он повернул налево, описывая круг вокруг конвоя, залитого беспощадным заревом опускающихся вниз «люстр». И, когда самолет, ревя моторами, улетел прочь, с интервалом в четыре секунды ослепительным огнем вспыхнули еще четыре бомбы. Теперь вся северная часть горизонта была залита зловещим мерцающим светом, рельефно выделявшим каждую деталь картины. А южная часть неба погрузилась во мрак: освещенное пятно обрывалось сразу за правой кильватерной колонной конвоя.

Тэрнер первым оценил обстановку, понял значение подобного маневра. Эта догадка поразила его точно удар грома. С хриплым воплем он бросился к микрофону трансляции; обращаться за разрешением было некогда.

– Вторая башня! – взревел он. – Огонь осветительными снарядами в зюйдовом направлении. Курсовой девяносто правого борта, девяносто правого. Угол возвышения десять градусов. Взрыватели установить на ближнюю дистанцию. Огонь по готовности. – Быстро взглянув через плечо, он проговорил: – Штурман! Вы не видите?..

– Вторая башня разворачивается, сэр.

– Отлично, отлично! – Старший офицер снова взял микрофон. – Расчеты всех орудий! Расчеты всех орудий! Приготовиться к отражению налета авиации противника с правого борта. Вероятное направление атаки с правого траверза.

Предполагаемый противник – торпедоносцы. – Краешком глаза он заметил, как на нижнем рее замигали сигнальные огни: это Вэллери отдавал распоряжения конвоем.

– Вы правы, старпом, – прошептал Вэллери. В ослепительном сиянии бескровное, бесплотное лицо его, обтянутое одной кожей, едва ли походило на лицо живого человека. Казалось, то была мертвая голова, одухотворенная лишь блеском запавших глаз и внезапной дрожью век, когда, разрывая тишину, словно удар бича, хлестнул залп второй башни. – Должно быть, правы, – проговорил он медленно. – Все суда конвоя освещены с севера, и логично предположить, что атака будет произведена со стороны темной части горизонта.

Он внезапно умолк, увидев милях в двух южнее «Улисса» огромные светлые шары разрывов.

– Вы-таки оказались правы, – проговорил он негромко. – Пожаловали незваные гости.

Едва не задевая друг друга крыльями, самолеты летели с юга. Они двигались тремя волнами, по три-четыре машины в каждой. Шли на высоте около полутора десятков метров, и в тот момент, когда начали рваться выпущенные крейсерам снаряды, клюнув носом, машины уже теряли высоту, ложась на боевой курс. Перейдя в пики, торпедоносцы стали рассредоточиваться, как бы выбирая индивидуаль-

ные цели. Но это была только уловка. Несколько секунд спустя стало ясно, что объектом нападения являются лишь два корабля – «Стерлинг» и «Улисс». Даже идеальнейшая цель – подбитый транспорт и эскадренный миноносец «Сиррус», подошедший к нему, – не привлекла внимания атакующих. Видно, торпедоносцы получили особый на то приказ.

Вторая башня дала еще один залп осветительными снарядами с взрывателями, установленными на минимальную дистанцию, потом орудия перезарядили осколочными. К этому времени открыли интенсивный заградительный огонь пушки всех судов конвоя. Торпедоносцам – тип самолетов было трудно определить, но похоже, то были «хейнкели» – теперь приходилось пробиваться сквозь плотную завесу смертоносных стальных осколков. Элемент внезапности был потерян: выпустив осветительные снаряды, «Улисс» выиграл двадцать драгоценных, секунд.

Разомкнутым строем, чтобы рассредоточить огонь зенитных средства к крейсеру устремились пять самолетов. Они снижались, ложась на курс торпедной атаки. Неожиданно один из самолетов, летевших, едва не касаясь волн, запоздав на какую-то долю секунды выровняться, задел вспенившийся гребень, отскочил, а потом пошел прыгать с волны на волну (машины летели перпендикулярно движению волн) и исчез в пучине. То ли пилот неверно рассчитал дистанцию, то ли снежным зарядом залепило ветрозащитное стекло – «фонарь», – сказать трудно.

Секунду спустя летевшая в центре порядка головная машина, мгновенно охваченная пламенем, развалилась на куски: снаряд ударил в зарядное отделение торпеды. Тре-

тый самолет, приближавшийся с запада, резко отвалил влево, чтобы увернуться от сыпавшихся градом осколков, поэтому сброшенная им торпеда не причинила кораблю никакого вреда. Промчавшись в кабельтове от кормы «Улисса», смертоносная сигара ушла в открытое море.

Оставшиеся два торпедоносца, бросаясь из стороны в сторону, дабы избежать попадания, с самоубийственной храбростью ринулись в атаку. Прошло две секунды, три, четыре – а они все приближались, летя сквозь пелену снега и плотного огня словно заколдованные. Попасть в подлетающий вплотную самолет теоретически проще простого; в действительности же происходит иное. Почти полная неуязвимость торпедоносцев на всех театрах военных действий – будь то Арктика, Средиземное море или Тихий океан, высокий процент успешных атак, несмотря на почти сплошную стену огня, постоянно ставили в тупик экспертов.

Напряженность, взвинченность до предела, страх – вот что, самое малое, было тому причиной. Ведь, если атакует торпедоносец, то или ты его, или он тебя.

Третьего не дано. Ничто так не действует на психику (за исключением, конечно, чайкокрылого «юнкерса», пикирующего почти отвесно), как зрелище приближающегося торпедоносца, наблюдаемого в прицел, когда он растет у тебя на глазах и ты знаешь, что жить тебе осталось каких-то пять секунд... А из-за сильной бортовой качки крейсера добиться точности зенитного огня было немыслимо.

Два последних самолета летели крыло к крылу. Тот, что находился под более острым курсовым углом, сбросив торпеду меньше чем в двухстах метрах от корабля, круто

взмыл вверх и, поливая надстройки крейсера градом пуль и снарядов, отвалил вправо. Торпеда, косо ударившись о воду, срикошетила, подпрыгнула высоко в воздух, затем, врезавшись носом в крупную волну, ушла вглубь, пройдя под днищем крейсера.

Несколькими секундами раньше неудачную атаку провел последний торпедоносец. Летя всего в трех метрах от поверхности воды, он вплотную приблизился к крейсеру, не выпустив торпеды и ни на дюйм не увеличивая высоту. Видны уже кресты на плоскостях, до крейсера не больше сотни метров.

В последнюю секунду пилот отчаянным усилием попытался набрать высоту. Но спусковой механизм, видно, заело – виною тому была не то какая-то механическая неполадка, не то обледенение. Очевидно, пилот намеревался сбросить торпеду в самую последнюю минуту, рассчитывая, что мгновенное уменьшение веса поможет машине круто взмыть вверх.

Нос торпедоносца с размаху врезался в переднюю трубу крейсера, а правое крыло, ударившись о треногу мачты, отлетело словно картонное. Взвилось ослепительное пламя, но ни дыма, ни взрыва не было. Мгновение спустя смятый, изувеченный самолет, из боевой машины превратившийся в пылающее распятие, с шипением упал в море в десятке метров от корабля. Едва над ним сомкнулась вода, раздался страшной силы подводный взрыв. Оглушительный удар, похожий на удар гигантского молота, поваливший крейсер на правый борт, сбил с ног людей и вывел из строя систему освещения левого борта.

Старший офицер «Улисса», едва не задохнувшийся от

газов кордита, оглушенный разрывами авиационных снарядов, вонзавшихся в палубу мостика на расстоянии вытянутой руки, с мучительным трудом поднялся на ноги и встряхнул головой. Но не ударной волной швырнуло его на палубу. Он сам успел упасть навзничь какими-нибудь пятью секундами раньше, заведя, что, изрыгая пламя, пушки другого торпедоносца в упор бьют по мостику.

Первая мысль Тэрнера была о Вэллери. Он увидел его лежащим у нактоуза.

Командир корабля лежал на боку, как-то странно скрючившись. Во рту у Тэрнера пересохло. Внезапно похолодев, он поспешно нагнулся над Вэллери и осторожным движением повернул его на спину.

Вэллери лежал неподвижно, не подавая признаков жизни. Ни следов крови, ни зияющей раны видно не было. Слава Богу! Стянув с руки перчатку, Тэрнер сунул ладонь под полы канадки и тужурки. Ему показалось, что он ощутил слабое, едва заметное биение сердца. Он осторожно приподнял голову командира, лежавшую на обледеневшей палубе, и взглянул вверх. Рядом стоял Капковый мальчик.

– Вызовите Брукса, штурман, – нетерпеливо проговорил старший офицер. – Немедленно!

Капковый мальчик нетвердой походкой двинулся к телефонам.

Матрос-телефонист, навалившись на дверцу, сжимал в руке трубку.

– Лазарет, живо! – приказал штурман. – Пусть начальник медслужбы... – Он внезапно замолк, сообразив, что матрос еще не успел опомниться, чтобы понять, чего от него требуют. – Ну-ка, дай мне аппарат!

Нетерпеливо протянув руку, Карпентер схватил головной телефон и оцепенел: матрос начал сползать, волоча безжизненно руки, и рухнул на палубу. Отворив дверцу, Карпентер широко раскрытыми глазами глядел на убитого, лежавшего у его ног. Между лопаток у комендора зияла дыра величиной с кулак.

Убитый лежал возле акустической рубки, которая, как лишь сейчас заметил Капковый мальчик, была насквозь изрешечена пулями и пушечными снарядами.

Штурман похолодел: выходит, аппаратура выведена из строя, крейсер лишен последнего средства защиты от подводных лодок. В следующее мгновение Карпентер с ужасом подумал о том, что в рубке, верно, находился акустик...

Блуждающий взгляд его остановился на Крайслере, поднимавшемся на ноги у пульта управления торпедной стрельбой. Тот тоже впился невидящим взором в акустическую рубку. Не успел штурман и слова сказать, как сигнальщик бросился вперед и в отчаянии начал колотить по заклинившейся двери рубки.

Штурману показалось, будто ему слышны рыдания. И тут он вспомнил: фамилия акустика тоже была Крайслер. С тяжелым сердцем Капковый мальчик снова взялся за трубку...

Тэрнер положил голову командира поудобнее, потом подошел к правому углу пеленгаторного мостика. Бентли – всегда спокойный, неназойливый старшина сигнальщиков – сидел на палубе. Спина его оказалась стиснутой трубами паропровода. Голова опущена. Приподняв ему подбородок, Тэрнер увидел незрячие глаза унтер-офицера – един-

ственное, что сохранилось от лица, превратившегося в кровавое месиво. Негромко, яростно выбравшись, Тэрнер попытался оторвать мертвые пальцы от рукоятки сигнального фонаря, потом оставил мертвеца в покое. Узкий луч прожектора освещал загадочным светом мостик, над которым сгущался мрак.

Старший офицер принялся внимательно осматривать мостик, устанавливая потери. Он обнаружил еще троих убитых. То, что они умерли мгновенно, без муки, было не слишком утешительно. «Пять убитых – неплохой результат атаки, длившейся всего три секунды», – подумал с горечью Тэрнер. Лицо его окаменело: поднявшись по кормовому трапу, он вдруг понял, что зияющая перед ним дыра – это все, что осталось от передней дымовой трубы. Больше он ничего не смог разглядеть: в мертвенном свете угасающей осветительной бомбы шлюпочная палуба превращалась в темное расплывчатое пятно. Круто повернувшись на каблуках, он двинулся назад к компасной площадке.

Теперь хоть «Стерлинг» можно разглядеть без труда, подумал он мрачно.

Да, что он сказал каких-то десять минут назад? «Пусть бы разок колупнули „Стерлинг“!» Или что-то вроде того. Губы у него передернулись. Вот его и колупнули. И еще как! «Стерлинг», находившийся в миле по носу от «Улисса», катился круто вправо, на зюйд-ост. Над полубаком бешено плясали языки пламени. Тэрнер прильнул к окулярам ночного бинокля, пытаясь определить объем повреждений, но от носовой палубы до задней стороны мостика корабль был закрыт плотной стеной огня. Разглядеть что-либо было невозможно, однако, несмотря на крупную

волну, старпом заметил, что «Стерлинг» накренился на правый борт. Впоследствии выяснилось, что «Стерлинг» получил два попадания.

Сначала в носовое котельное отделение ударила торпеда, а спустя несколько секунд в крыло мостика врезался торпедоносец с подвешенной под фюзеляжем торпедой. Почти наверняка с ним произошло то же, что и с самолетом, атаковавшим «Улисс»: из-за сильного холода заело механизм сбрасывания торпеды. Для тех, кто находился на мостике и на нижних палубах, смерть, видно, наступила мгновенно. В числе убитых были Джефферис, командир крейсера, первый офицер и штурман.

Последний торпедоносец исчез в темноте. Повесив трубку, Кэррингтон повернулся к Хартли.

— Как вы думаете, главный, один управитесь? Меня вызывают на мостик.

— Пожалуй, справлюсь, сэр. — Испачканный копотью, в пятнах пены от огнетушителей, Хартли устало провел рукавом по лицу. — Самое худшее позади... Где лейтенант Карслейк? Разве не он...

— Бог с ним, — резко проговорил Кэррингтон. — Я не знаю, где он, и знать не хочу. Что греха таить, мы превосходно обошлись без него. Если он и появится, все равно возглавлять аварийную группу будете вы. Приступайте.

Повернувшись, он быстро зашагал по проходу левого борта, неслышно ступая резиновыми подошвами сапог по смерзшемуся снегу и льду.

Проходя мимо разбитой корабельной лавки, он увидел высокую темную фигуру, стоявшую в проходе между засыпанной снегом крайней трубой торпедного аппарата и

стойкой леерного ограждения. Ударяя краном огнетушителя о стойку, моряк пытался открыть его. Секунду спустя Кэррингтон заметил, как из мрака возникла еще чья-то фигура и стала подкрадываться сзади к человеку с огнетушителем, подняв над головой не то дубинку, не то лом.

– Полундра! – крикнул Кэррингтон.

Спустя две секунды все было кончено. Бросок нападающего, грохот огнетушителя, выпавшего из рук моряка, стоявшего у борта: мгновенно оценив обстановку, тот упал навзничь; пронзительный вопль гнева и ужаса, вырвавшийся у нападающего: перелетев через согнутую спину своей жертвы, он пролетел между торпедным аппаратом и леерным ограждением. Послышался всплеск, затем наступила тишина.

Подбежав к моряку, лежавшему на палубе, Кэррингтон помог ему встать на ноги. В свете догорающей «люстры» он увидел, что это Ральстон, старший торпедный электрик. Схватив его за руки, Кэррингтон озабоченно спросил:

– Как себя чувствуете? Он вас ударил? Господи Боже, кто бы это мог быть?

– Благодарю вас, сэр. – Ральстон часто дышал, но на лице его было почти невозмутимое выражение. – Еще бы немного, и мне конец. Очень вам благодарен, сэр.

– Кто бы это мог быть? – изумленно повторил Кэррингтон.

– Я его не видел, сэр, – угрюмо произнес Ральстон. – Но знаю, кто это. Младший лейтенант Карслейк. Он всю ночь бродил за мной, глаз с меня не спускал. Теперь я понял почему.

Обычно невозмутимый и бесстрастный, первый офицер

не скрыл своего изумления. Он удрученно покачал головой.

– Я знал, что он вас не очень-то жаловал! – проговорил он. – Но дойти до такого! Не представляю даже, как и доложить о случившемся командиру...

– А зачем докладывать? – безучастно отозвался Ральстон. – Стоит ли вообще рассказывать об этом кому бы то ни было? Может быть, у него есть родные? К чему огорчать их, причинять неприятности? Пусть всякий думает, что ему заблагорассудится, – с нервным смешком продолжал моряк. – Пусть считают, что он умер геройской смертью, сражаясь с огнем, упал за борт или что-то вроде этого. – Торпедист посмотрел на темную воду, проносившуюся за бортом, и невольно поежился. – Оставьте его в покое, сэр. Он свое получил.

Перегнувшись через леерное ограждение, Кэррингтон тоже поглядел за борт, потом отвернулся и посмотрел на стоявшего перед ним высокого юношу.

Хлопнув его по рукаву, он медленно кивнул головой и пошел прочь.

Услышав стук дверцы, Тэрнер опустил бинокль и увидел рядом с собой Кэррингтона, который молча смотрел на горящий крейсер. В эту минуту послышался слабый стон Вэллери, и Кэррингтон поспешно наклонился к фигуре, лежавшей ничком у его ног, – Боже мой! Наш Старик! Он тяжело ранен, сэр?

– Не знаю, капель. Если это не так, то свершилось чудо, черт побери! – прибавил он с горечью. Нагнувшись, приподнял контуженного с палубы и прислонил спиной к нактоузу.

– Что с вами, сэр? – участливо спросил старший офицер. – Вы ранены?

Вэллери зашелся в кашле – долгим, мучительном. Потом едва заметно покачал головой.

– Я цел, – чуть слышно прошептал он, попытавшись улыбнуться. При свете прожектора было видно, что улыбка получилась жалкой и жуткой. – Упал на палубу, но при этом, по-видимому, ударился о нактоуз. – Он потер лоб, покрытый синяками и ссадинами. – Что с кораблем, старпом?

– К черту корабль! – грубо оборвал его Тэрнер. Обхватив командира за пояс, он осторожно поставил его на ноги.

– Как дела на юте, каплей?

– Идут на лад. Пожар ликвидируется. За главного я оставил Хартли. – О Карслейке первый лейтенант ни словом не обмолвился.

– Хорошо. Примите командование кораблем. Свяжитесь по радио со «Стерлингом» и «Сиррусом», выясните, что с ними. Пойдемте, сэр. Сюда, в командирскую рубку.

Вэллери слабо запротестовал, но это было просто символическим жестом: он слишком ослаб, чтобы стоять на ногах. Каперанг невольно осекся, увидев, как белеет снег, озаряемый узкой неподвижной полоской света. Взгляд его скользнул к источнику этого света.

– Бентли? – прошептал он. – Неужели он... – Старпом молча кивнул, и Вэллери с усилием отвернулся. Они прошли мимо убитого телефониста, лежавшего за дверцей мостика, и остановились у гидроакустической рубки. Забившись между командирской рубкой и перекосившейся,

изуродованной дверью рубки гидроакустика, закрыв лицо рукавом, кто-то рыдал. Вэллери положил руку на сотрясаемое рыданиями плечо, заглянул в лицо плачущему.

– В чем дело? Ах, это ты, дружок, – произнес он, увидев обращенное к нему белое лицо. – Что случилось, Крайслер?

– Дверь, сэр! – Дрожащий голос Крайслера звучал глухо. – Мне ее никак не открыть.

Лишь сейчас Вэллери увидел, во что превратилась акустическая рубка. Ум его был все еще в оцепенении, и внезапная, страшная мысль о том, во что превратился оператор, была, пожалуй, лишь следствием ассоциации.

– Да, – произнес он спокойно. – Дверь заклинило... Ничего нельзя сделать, Крайслер. – Он вгляделся в глаза юноши, наполненные тоской. – Полно, мой мальчик, к чему зря убиваться?..

– Там мой брат, сэр. – Безысходное отчаяние этих слов словно хлыстом ударило Вэллери, Господи Боже! Он совсем забыл... Ну конечно же, Крайслер, старший акустик... Он уставился на убитого, лежавшего у его ног, уже запорошенного снегом.

– Пусть отключат прожектор, старпом, – произнес он рассеянно. – Крайслер!

– Да, сэр, – безжизненным голосом ответил юноша.

– Спуститесь вниз, принесите, пожалуйста, кофе.

– Кофе, сэр? – Бедняга был ошеломлен и растерян. – Кофе! Но ведь... ведь мой брат...

– Я знаю, – мягко ответил Вэллери. – Знаю. Прошу вас, сходите за кофе.

Крайслер, спотыкаясь, пошел к трапу. Когда дверь командирской рубки затворилась за ним, Вэллери щелкнул выключателем и повернулся к старпому.

– Вот и толкуй тут о славной смерти в бою, – проговорил он спокойно. – Dulce el decorum¹²... Вот тебе и гордые потомки Нельсона и Дрейка. С той поры, как на глазах у Ральстона погиб его отец, не прошло и суток... А теперь этот мальчик. Стоит, пожалуй...

– Я обо всем позабочусь. – Тэрнер понял командира с полуслова. Он до сих пор не мог простить себе то, как он обошелся с Ральстоном накануне, хотя юноша готовно принял его извинение, да и потом выказывал знаки своего расположения.

– Отвлеку как-нибудь Крайслера, чтобы не видел, как открываем рубку... Садитесь, сэр. Хлебните-ка отсюда. – Он слабо улыбнулся. – Все равно наш друг Уильямс выдал мою тайну... Эге! Нашего полку прибыло.

Свет погас, и на тусклом фоне открытой двери появилась грузная фигура, заполнившая собой весь проем. Дверь захлопнулась, и оба увидели Брукса, зажмурившегося от внезапно вспыхнувшей лампочки. Он покраснел и тяжело дышал. Глаза его впились в бутылку, которую держал в руках Тэрнер.

– Ага! – проговорил он наконец. – Играем в бутылочки, не так ли? Посуда, несомненно, принимается любая.

Найдя место поудобнее, он поставил свой саквояж и начал в нем рыться. В эту минуту кто-то резко постучал.

– Войдите, – произнес Вэллери. Вошел сигнальщик и протянул депешу.

– Из Лондона, сэр. Старшой говорит, что вы, может быть, захотите ответить.

¹² Dulce el decorum est pro patria mori – сладка и славна смерть за отчизну (лат.).

– Благодарю. Я позвоню вниз.

Дверь распахнулась и снова закрылась. Вэллери взглянул на Тэрнера: руки его были уже пусты.

– Спасибо, что так быстро убрали следы преступления, – улыбнулся он. Потом покачал головой. – Глаза... У меня что-то неладно с глазами. Не прочтете ли вы радиограмму, старпом?

– А вы тем временем примите приличное лекарство, – прогудел Брукс, – вместо этой дряни, которой потчует старший офицер. – Порывшись в саквояже, он извлек оттуда бутылку с янтарной жидкостью. – При всех достижениях современной медицины – вернее сказать, из всех медицинских средств, какими я располагаю, – ничего лучше этого я не смог сыскать.

– Вы сказали об этом Николлсу? – Вэллери лежал теперь, закрыв глаза, на кушетке. На бескровных губах его играла бледная улыбка.

– Да нет, – признался Брукс. – Еще успеется. Выпейте!

– Спасибо. Ну, выкладывайте хорошие вести, Тэрнер.

– Хорошие вести, говорите? – внезапное спокойствие в голосе Тэрнера ледяной глыбой придавило ожидавших ответа людей. – Нет, сэр, вести вовсе не хорошие.

«Контр-адмиралу Вэллери, командующему 14-й эскадрой авианосцев и конвоем Эф-Ар-77. – Тэрнер читал монотонно и бесстрастно. – Согласно донесениям, „Тирпиц“ с эскортом крейсеров и эскадренных миноносцев с заходом солнца вышел из Альта-Фьорда. Значительная активность на аэродроме Альта-Фьорда. Остерегайтесь нападения надводных кораблей под прикрытием авиации. Примите все меры к тому, чтобы не допустить потерь среди

кораблей и транспортов конвоя. Начальник штаба флота. Лондон».

Тэрнер подчеркнуто старательно сложил листок и положил его на стол.

– Великолепно, не правда ли? – проронил он. – Что-то они там еще выкинут?

Вэллери приподнялся на кушетке, не замечая крови, которая извилистой струйкой сбегала у него из уголка рта. Лицо его, было спокойно и неподвижно.

– Пожалуй, я теперь выпью этот стакан, Брукс, если не возражаете, – сказал он без всякого волнения. – «Тирпиц». «Тирпиц». – Он устало, словно во сне, помотал головой. «Тирпиц» – название этого линкора каждый произносил с каким-то тайным трепетом и страхом – слово, которое в течение последних лет целиком владело умами стратегов, разрабатывавших операции в Северной Атлантике. Наконец-то он выходит из базы, этот бронированный колосс, родной брат линкора, одним свирепым ударом поразившего насмерть крейсер «Худ», который был любимцем всего британского флота и считался самым мощным кораблем в мире. Разве устоял бы против него их крохотный крейсер с броней не крепче ореховой скорлупки?.. Он снова покачал головой – на этот раз сердито – и заставил себя вернуться к насущным нуждам.

– Что ж, господа, время всякой вещи под небом. И «Тирпиц» – одна из них. Когда-нибудь это должно было случиться. Нам не повезло. Приманка была слишком близка, слишком аппетитна.

– Мой юный коллега будет вне себя от восторга, – мрачно проговорил Брукс. – Наконец-то увидит настоящий линейный корабль.

– Вышел с заходом солнца, – вслух размышлял Тэрнер. – С заходом. Господи Боже! – воскликнул он. – Даже если учесть, что ему придется пройти весь фьорд, он настигнет нас через четыре часа.

– Вот именно, – кивнул Вэллери. – Уходить на север тоже нет смысла. Нас догонят, прежде чем мы приблизимся хотя бы на сотню миль к нашим.

– К нашим? К нашим большим парням, что идут к нам на выручку? – презрительно фыркнул Тэрнер. – Мне не хочется изображать из себя заезженную грампластинку, но я снова повторю, что они появятся к шапочному разбору, мать их в душу! – Помолчав, он снова выругался. – Надеюсь, теперь этот старый подонок будет доволен!

– К чему такой пессимизм? – вопросительно поднял глаза Вэллери. Затем негромко прибавил:

– У нас есть еще возможность через какие-то двое суток живыми и невредимыми вернуться в Скапа-Флоу. Ведь в шифровке ясно сказано: «Избегайте напрасных потерь». А «Улисс» – один из самых быстроходных кораблей в мире. Все очень просто, господа.

– Ну, нет! – простонал Брукс. – После такого нервного напряжения внезапная разрядка будет убийственной. Я этого не выдержу.

– Полагаете, что повторяется история с конвоем

Пи-Кью-17¹³? – улыбнулся Тэрнер, но улыбка не коснулась его глаз. – Британский королевский флот не вынесет такого позора. Каперанг... контр-адмирал Вэллери никогда этого не допустит. Что касается меня и нашей банды головорезов и бунтарей, то ручаюсь, никто из нас не смог бы спать

¹³ Пи-Кью-17, крупный смешанный конвой, куда входило свыше тридцати английских, американских и панамских судов, вышел из Исландии, держа курс на Россию, под охранением полудюжины эскадренных миноносцев и дюжины кораблей меньшего тоннажа. Для непосредственной поддержки конвою была придана смешанная англо-американская эскадра, куда входили крейсера и эскадренные миноносцы. Севернее двигался отряд прикрытия, состоявший из авианосцев, двух линейных кораблей, трех крейсеров и соединения эскадренных миноносцев. Как это случилось и с конвоем Эф-Ар-77, капкан, пружиной которого являлся этот отряд, захлопнулся слишком поздно.

Дело происходило в 1942 году, в середине лета, так что попытка осуществить подобную операцию с самого начала была обречена на провал: в столь высоких широтах в июне и в июле ночи не бывает совсем. У меридиана 20 градусов восточной долготы конвой подвергся массированному налету авиации и подводных лодок противника.

В тот же самый день, когда это случилось, – 4 июля – эскадра прикрытия, состоявшая из крейсеров, получила донесение о том, что из Альта-Фьорда вышел «Тирпиц». (На самом же деле все обстояло иначе. Правда, «Тирпиц» действительно сделал краткую, но безрезультатную вылазку во второй половине дня 5 июля, но в тот же вечер повернул обратно. По слухам, он был атакован русской подводной лодкой.) Эскадра прикрытия и корабли эскорта, дав полный ход, скрылись в западном направлении, бросив конвой на произвол судьбы.

Транспорты вынуждены были рассеяться и кто как может, без всякого охранения, пробиваться в Россию. Нетрудно себе представить чувства, какие испытывали экипажи транспортов при виде этого бегства ради спасения собственной шкуры, этого предательства со стороны кораблей британского королевского флота.

Нетрудно представить себе и их опасения, но даже самые черные предчувствия не могли предвосхитить кошмарную действительность: двадцать три транспорта были потоплены вражескими подводными лодками и авиацией. Между тем «Тирпиц» так и не появился, его и близко не было возле конвоя; однако одно упоминание о нем заставило спасаться бегством целый флот.

Автору не известны все факты касательно конвоя PQ-17. Не пытается он также по-своему истолковывать и те факты, которые ему известны. Еще менее он склонен кого-то обвинять в происшедшем. Довольно любопытно то обстоятельство, что на командира эскадры адмирала Хамильтона, совершенно определенно, возлагать вину за случившееся не следует. Он не имел никакого отношения к принятию решения об отходе. Приказ об отходе был дан адмиралтейством, причем в самой категорической форме. Но все равно адмиралу не позавидуешь.

спокойно, совершив подобную подлость.

– Черт подери! – пробормотал Брукс. – Да это же настоящий поэт!

– Вы правы, старпом. – Вэллери опустошил стакан и в изнеможении откинулся назад. – Однако выбор у вас не очень велик... Но что вы скажете, если мы получим приказ... э-э-э... срочно отходить?

– Вы не смогли прочесть этот приказ, – отрезал Тэрнер. – Помните, вы как-то говорили, что у вас глаза пошаливают?

– «Друзья любезные в бою со мной плечом к плечу стояли...» – продекламировал вполголоса Вэллери. – Благодарю вас, господа. Вы облегчаете мою задачу.

Вэллери приподнялся, упершись локтем: решение у него уже созрело. Он улыбнулся Тэрнеру, и лицо его снова стало почти мальчишеским.

– Сигнал всем судам конвоя и кораблям эскорта: «Прорываться на север».

Тэрнер изумленно уставился на командира.

– На север? Вы сказали «на север»? Но ведь приказ адмиралтейства...

– Я сказал: на север, – невозмутимо повторил Вэллери. – Мне безразлично, как отнесется к этому адмиралтейство. Мы и так достаточно долго шли у него на поводу. Мы захлопнули капкан. Что ему еще надо? Если повернуть на север, у конвоя остаются шансы уцелеть – шансы, возможно, ничтожные, но можно будет хоть постоять за себя. Продолжать двигаться на восток – самоубийство. – Он снова улыбнулся, почти мечтательно. – Чем дело кончится – неважно, – произнес он негромко. – Думаю, мне не придется краснеть за свое решение. Ни теперь, ни потом.

Тэрнер просиял.

– Есть приказать повернуть на север, адмирал.

– Сообщите о решении командующему, – продолжал Вэллери. – Запросите у флагманского штурмана курс сближения с конвоем. Передайте конвою, что мы будем следовать за ним, прикрывая отход судов. Как долго мы сумеем продержаться, другой вопрос. Не будем обманывать себя. Уцелеть у нас один шанс из тысячи... Что нам еще остается сделать, старпом?

– Помолиться, – лаконично ответил Тэрнер.

– И поспать, – прибавил Брукс. – В самом деле, почему бы вам не поспать с полчаса, сэр?

– Поспать? – искренне развеселился Вэллери. – Нам и без того вскоре представится такая возможность. Для сна у нас целая вечность.

– В ваших словах есть смысл, – согласился Брукс. – Вполне возможно, что вы правы.

ГЛАВА 15

В субботу (вечером)

Одна за другой поступали на мостик депеши. С транспортов поступали тревожные, озабоченные запросы, просьбы подтвердить сообщение о выходе «Тирпица» в море. «Стерлинг» докладывал о том, что борьба с пожаром в надстройке идет успешно, что водонепроницаемые переборки в машинном отделении держатся. Опп, командир «Сирруса», сообщал, что эсминец имеет течь, но водоот-

ливные помпы справляются (корабль столкнулся с тонущим транспортом), что с транспорта снято сорок четыре человека, что «Сиррус» сделал все, что полагается, и нельзя ли ему идти домой. Донесение это поступило после того, как на «Сиррусе» получили дурные вести. Тэрнер усмехнулся про себя: он знал, что теперь ничто на свете не заставит Орра оставить конвой.

Донесения продолжали поступать. Они передавались с помощью сигнальных фонарей и по радио. Не было никакого смысла сохранять радиомолчание, чтобы затруднить работу вражеских станций радиоперехвата: местонахождение конвоя было известно противнику с точностью до мили. Не было нужды запрещать и визуальную связь, поскольку «Стерлинг» все еще пылал, освещая море на милю вокруг. Поэтому донесения все поступали и поступали – донесения, полные страха, уныния и тревоги. Но наиболее тревожная для Тэрнера весть была передана не сигнальным прожектором и не по радио.

После налета торпедоносцев прошла добрая четверть часа. «Улисс», шедший теперь курсом 350 градусов, то вставал на дыбы, то зарывался носом во встречные волны. Неожиданно дверца, ведущая на мостик, с треском распахнулась, и какой-то человек, тяжело дыша и спотыкаясь, подошел к компасной площадке. Тэрнер, к этому времени вернувшийся на мостик, внимательно взглянул на вошедшего, освещенного багровым заревом «Стерлинга», и узнал в нем трюмного машиниста. Лицо его было залито потом, превратившимся на морозе в корку льда. Несмотря на лютую стужу, он был без шапки и в одной лишь робе. Трюмный страшно дрожал – дрожал от возбуждения, а не от студеного ветра: он не обращал внимания на стужу.

– Что случилось, приятель? – схватив его за плечи, спросил озабоченно Тэрнер. Моряк, еще не успевший перевести дух, не мог и слова, произнести.

– В чем дело? Выкладываете же!

– Центральный пост, сэр! – Он дышал так часто, так мучительно, что говорил с трудом. – Там полно воды!

– В центральном посту? – недоверчиво переспросил Тэрнер. – Он затоплен? Когда это произошло?

– Точно не знаю, сэр. – Кочегар все еще не мог отдышаться. – Мы услышали страшный взрыв, минут этак...

– Знаю, знаю! – нетерпеливо прервал его Тэрнер. – Торпедоносец сорвал переднюю трубу и взорвался в воде у левого борта корабля. Но это, старина, произошло, пятнадцать минут назад! Пятнадцать минут! Господи Боже, да за столько времени...

– Распределительный щит выведен из строя, сэр. – Трюмный, начавший ощущать холод, съежился, но, раздосадованный обстоятельностью и медлительностью старпома, выпрямился и, не соображая, что делает, ухватился за его куртку. Тревога в его голосе стала еще заметнее. – Нет току, сэр. А люк заклинило. Людям никак оттуда не выбраться!

– Заклинило крышку люка? – Тэрнер озабоченно сощурил глаза. – Но в чем дело? – властно спросил он. – Перекос, что ли?

– Противовес оборвался, сэр. Упал на крышку. Только на дюйм и можно ее приподнять. Дело в том, сэр...

– Капитан-лейтенант! – крикнул Тэрнер.

– Есть, сэр. – Кэррингтон стоял сзади. – Я все слышал... Почему вам ее не открыть?

– Да это же люк в центральный пост! – в отчаянии воскликнул трюмный. – Черт знает какая тяжесть! Четверть тонны потянет, сэр. Вы его знаете, этот люк. Он под трапом возле поста управления рулем. Там только вдвоем можно работать. Никак не подступишься. Мы уже пробовали... Скорее, сэр. Ну пожалуйста.

– Минутку. – Кэррингтон был так невозмутим, что это бесило. – Кого же послать? Хартли? Он все еще тушит пожар. Ивенса? Мак-Интоша? Убиты. – Он размышлял вслух. – Может, Беллами?

– В чем дело, капель? – вырвалось у старпома. Вздвонованность, нетерпение трюмного передались и ему. – Что вы как пономарь?..

– Крышка люка вместе с грузом весят тысячу фунтов, – проговорил Кэррингтон. – Для особой работы нужен особый человек.

– Петерсен, сэр! – трюмный мгновенно сообразил, в чем дело. – Нужно позвать Петерсена!

– Ну конечно же! – всплеснул руками Кэррингтон.

– Ну, мы пошли, сэр.

– Что, ацетиленовый резак? Нет времени! Трюмный, прихватите ломы, кувалды...

– Не позвоните ли вы в машинное, сэр?

Но старпом уже снял телефонную трубку и держал ее в руке.

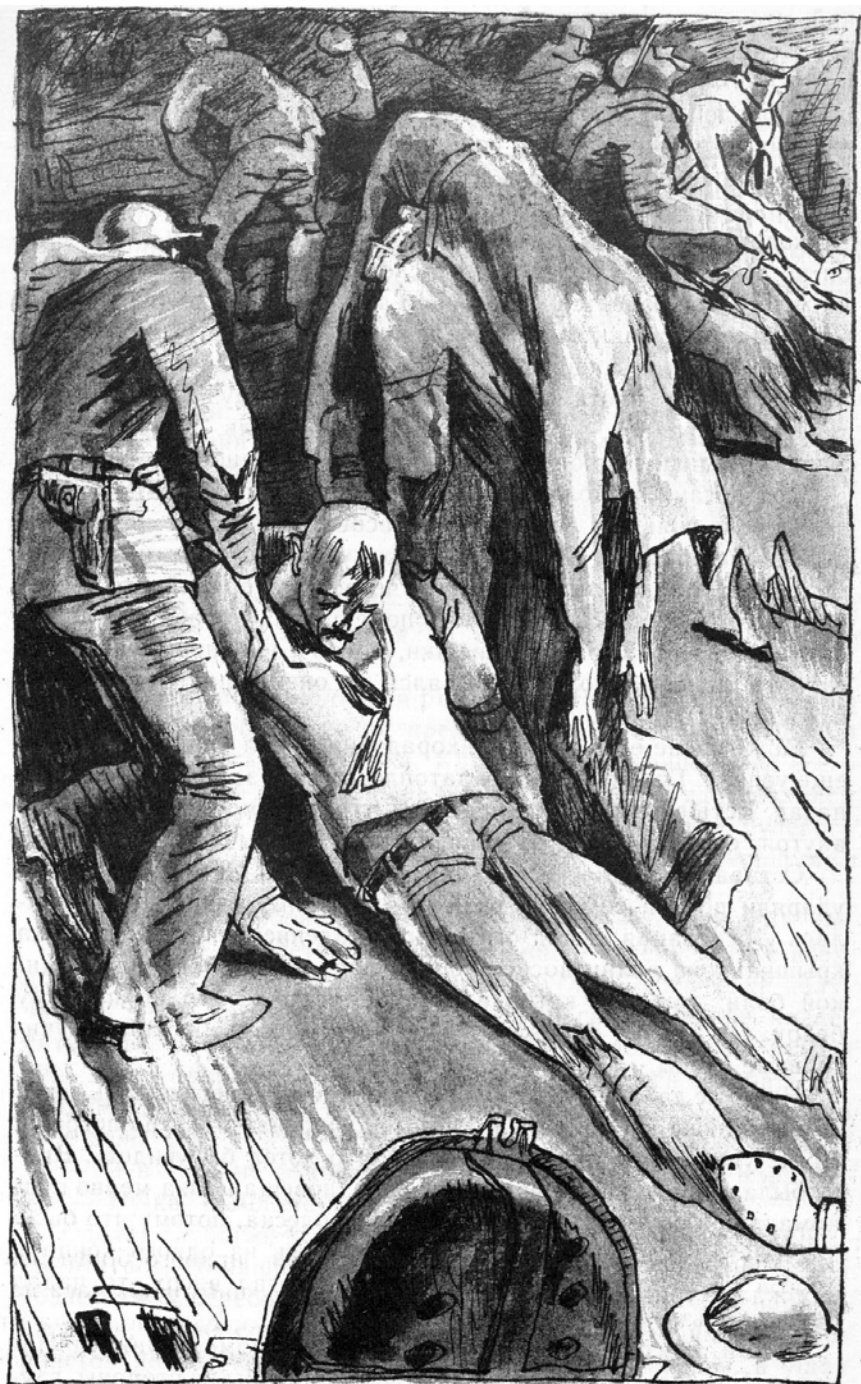
На кормовой палубе пожар был почти ликвидирован.

Лишь кое-где сохранились очаги пожара – следствие сильного сквозняка, раздувавшего пламя. Переборки, трапы, рундуки в кормовых кубриках от страшной жары превратились в груды исковерканного металла. Пропи-

таннный бензином настил верхней палубы толщиной почти в три дюйма точно слизнуло гигантской паяльной лампой. Обнажившиеся стальные листы, раскаленные докрасна, зловеще светились и шипели, когда на них падали хлопья снега.

Хартли и его люди, работавшие на верхней палубе и в нижних помещениях, то мерзли, то корчились от адского жара. Они работали как одержимые. Одному Богу известно, откуда брались силы у этих измученных, едва державшихся на ногах людей. Из башен, из служебного помещения корабельной полиции, из кубриков, из поста аварийного управления рулем – отовсюду они вытаскивали одного за другим моряков, застигнутых взрывом, когда в корабль врезался «кондор». Вытаскивали, бранясь, обливаясь слезами, и снова бросались в эту преисподнюю, не смотря на боль и опасность, раскидывая в стороны все еще горящие, раскаленные обломки, хватаясь за них руками в обожженных, рваных рукавицах. Когда же рукавицы терялись, они оттаскивали эти обломки голыми руками.

Мертвецов укладывали в проходе вдоль правого борта, где их ждал старший матрос Дойл. Еще каких-нибудь полчаса назад Дойл катался по палубе возле камбуза, едва не крича от страшной боли: промокший до нитки возле своей зенитной установки, он заоченел, после чего начал отходить. Спустя пять минут он уже снова был около орудия, неsgiбаемый, крепкий что скала, и прямой наводкой всаживал в торпедоносцы один снаряд за другим. А теперь, все такой же неутомимый и спокойный, он работал на юте. Этот железный человек с обросшим бородой лицом, точно отлитым из железа, и львиной гривой, взвалив

на плечи очередного убитого, подходил к борту и осторожно сбрасывал свою ношу через леерное ограждение. Сколько раз повторил он этот страшный путь, Дойл не знал; после двадцати ходок он потерял счет мертвецам. Конечно, он не имел права делать то, что делал: церемония погребения на флоте соблюдается строго. Но тут было не до церемоний. Старшина-парусник был убит, а никто, кроме него, не захотел бы да и не смог зашить в парусину эти изуродованные, обугленные груды плоти и привязать к ним груз. «Мертвецам теперь все равно», – бесстрастно думал Дойл. Кэррингтон и Хартли были того же мнения и не мешали ему.

Под ногами Николлса и старшего телеграфиста Брауна, до сих пор не снявших свои нелепые асбестовые костюмы, гудела дымящаяся палуба. Удары тяжелых кувалд, которыми оба размахивали, отбивая задрайки люка четвертого артиллерийского погреба, – гулко отдавались в соседних помещениях корабля. В дыму, полумраке из-за страшной спешки они то и дело промахивались, и тогда тяжелый молот вырывался из онемевших рук и летел в жадную тьму.

«Может, еще есть время, – лихорадочно думал Николлс, – может, еще успеем».

Главный клапан затопления закрыт пять минут назад. Есть еще какая-то надежда, что двое моряков, запертых внутри, еще держатся за трап, подняв головы над водой.

Оставалась одна, всего одна задрайка. Они попеременно ударяли по ней со всего размаху. Внезапно задрайка оторвалась у основания, и под страшным давлением сжатого воздуха крышка люка молниеносно распахнулась. Браун вскрикнул от дикой боли: тяжелая крышка с силой

ударила его по правому бедру. Он рухнул на палубу и остался лежать, издавая мучительные стоны.

Даже не удостоив его взглядом, Николлс перегнулся через комингс люка и направил мощный луч фонаря внутрь погреба. Но не увидел там ничего – ничего, что хотел бы увидеть. Внизу была лишь вода – черная, вязкая, зловещая.

Подернутая пленкой мазута, она мерно поднималась и опускалась бесшумно, без плеска, перекачиваясь из одного конца в другой по мере того, как крейсер то взлетал вверх, то падал вниз, скользя по склону огромной волны.

– Эй, внизу! Есть там кто живой? – громко крикнул Николлс. Его голос – голос, он заметил словно бы со стороны, глухой, надтреснутый от волнения, – многократно усиленный эхом, с грохотом покатился по железной шахте. – Эй, внизу? – крикнул он опять. – Есть тут кто-нибудь? – Он напряг слух в мучительном ожидании, но в ответ не услышал ни малейшего, даже самого слабого шороха. – Мак-Куэйтер! – крикнул он в третий раз. – Уильямсон! Вы меня слышите? – Он снова стал вглядываться, прислушался снова, но внизу была лишь темнота да глухой шепот маслянистой воды, колыхавшейся из стороны в сторону. Он посмотрел на сноп света и был поражен тем, как быстро поглотила поверхность воды этот яркий луч. А там, под ее поверхностью... Его бросило в озноб. Даже вода казалась мертвой – какой-то стоялой, мрачной и страшной.

Внезапно рассердившись на себя, он тряхнул головой, отгоняя нелепые первобытные страхи. Расшалилось воображение, надо будет подлечиться.

Отступив назад, он выпрямился. Бережно, осторожно затворил раскачивавшуюся взад-вперед крышку люка.

Палуба загудела: раздался удар кувалды. Потом еще один, и еще, и еще...

Додсон, командир механической части, шевельнулся и застонал. Он попытался открыть глаза, но веки были словно чугунные. И ему казалось, что вокруг него стояла стеной темнота – абсолютная, непроницаемая, почти осязаемая. Поражаясь своей беспомощности, он силился вспомнить, что же произошло, сколько времени он тут лежит. Шея – возле самого уха – страшно болела. Медленным, неуклюжим жестом он стащил с руки перчатку, осторожно пощупал. Ладонь была мокрой и липкой. Он с удивлением обнаружил, что волосы его пропитаны кровью. Ну, конечно, то была кровь, он ощущал, как она медленной, густой струей течет по щеке.

И эта мощная вибрация, сопровождаемая каким-то неуловимым напряженным звуком, заставившим стиснуть зубы... Он слышал, почти осязал эту вибрацию – здесь, совсем рядом. Додсон протянул голую руку и инстинктивно отдернул ее, прикоснувшись к какой-то гладкой вращающейся детали, которая, вдобавок, была чуть ли не раскалена докрасна.

Коридор гребного вала! Ну конечно же. Он находился в коридоре гребного вала. Когда выяснилось, что масляные магистрали обоих левых валов перебиты, он решил сам исправить неполадки, чтобы не останавливать машину. Он знал, что корабль подвергся налету. Сюда, в самую утробу корабля, не проникал никакой звук. Здесь не было слышно ни шума авиационных моторов, ни даже выстрелов собственных пушек, хотя он и ощутил сотрясение при залпах

орудий главного калибра, снабженных гидравлическими амортизаторами, – это неприятное чувство ни с чем не спутаешь. Потом раздался взрыв торпеды или бомбы, упавшей возле самого крейсера. Слава Богу, что он в ту минуту сидел спиной к борту корабля. Случись иначе – он наверняка сыграл бы в новый ящик: его швырнуло бы на соединительную муфту вала и намотало бы на нее как чулок.

Вал! Господи Боже, вал! Он раскалился почти докрасна, а подшипники совсем сухие! Додсон начал судорожно шарить вокруг. Найдя аварийный фонарь, повернул его основание. Фонарь не горел. Стармех повернул его изо всей силы еще раз. Потрогав, нащупал неровные края разбитой лампочки и стекла и отшвырнул ставший теперь бесполезным прибор в сторону. Достал из кармана фонарик, но выяснилось, что и он разбит вдребезги. Вконец отчаявшись, принялся искать масленку на ощупь. Она была опрокинута, рядом валялась патентованная пружинная крышка. Масленка оказалась пустой.

Масла ни единой капли. Одному Богу было известно, каков предел выносливости металла, подвергнутого страшным перегрузкам. Ему же самому это известно не было. Даже для самых опытных инженеров остается загадкой, где граница усталости металла. Но, как у всех людей, всю жизнь посвятивших машинам, у Додсона появилось как бы шестое чувство. И вот теперь это шестое чувство беспощадно терзало его. Масло! Нужно во что бы то ни стало достать масла! Однако он понимал, насколько он плох; голова кружилась, он ослаб от контузии и потери крови, а туннель был длинным, скользким и опасным. И,

вдобавок ко всему, неосвященным. Стоит оступиться, сделать неверный шаг и...

Ведь рядом этот вал... Старший механик осторожно протянул руку, на какое-то мгновение прикоснулся к валу и, пронизанный внезапной болью, отдернул ее.

Прижав ладонь к щеке, он понял, что не трением содрало и обожгло кожу на кончиках пальцев. Выбора не оставалось. Собравшись с духом, он подтянул ноги под себя и поднялся, коснувшись свода туннеля.

И в то же мгновение он заметил свет – раскачивающуюся из стороны в сторону крохотную светлую точку, которая, казалось, находится где-то невероятно далеко – там, где сходятся стены туннеля, – хотя он знал, что свет этот всего в нескольких ярдах от него. Поморгав, Додсон опустил веки, потом снова открыл глаза. Свет медленно приближался. Уже слышно шарканье шагов. И стармех тотчас обмяк, голова сделалась словно невесомой. Он с облегчением опустился на пол, снова для безопасности упершись ногами в основание подшипника.

Человек с фонарем в руке остановился в паре футов от старшего механика.

Повесив фонарь на кронштейн, осторожно опустился рядом с Додсоном. Свет фонаря упал на его темное лицо с лохматыми бровями и тяжелую челюсть. Додсон замер от изумления.

– Райли! Котельный машинист Райли! – Глаза его сузились. – Какого дьявола вы тут делаете?

– Два галлона масла принес, – ворчливым голосом произнес Райли. Сунув в руки стармеху термос, прибавил:

– А тут кофей. Я валом займусь, а вы пока кофей по-

хлебайте... Клянусь Христом-Спасителем! Да этот проклятый подшипник раскалился докрасна!

Додсон со стуком поставил термос на палубу.

– Вы что, оглохли? – спросил он резко. – Как вы здесь оказались? Кто вас послал? Ваш боевой пост во втором котельном отделении!

– Грайрсон меня прислал, вот кто, – грубо ответил Райли. Смуглое лицо его оставалось невозмутимым. – Дескать, машинистов не может выделить. Очень уж они незаменимые, мать их в душу... Не переборщил?

Густое, вязкое масло медленно стекало по перегретому подшипнику.

– Инженер-лейтенант Грайрсон! – чуть не со злостью проговорил Додсон. Тон, каким он сделал это замечание, был убийственно холоден. – Ко всему, это наглая ложь, Райли. Лейтенант Грайрсон и не думал вас сюда присылать. Скорее всего, вы сказали ему, что вас послал сюда кто-то другой?

– Пейте свой кофе, – резко проговорил Райли. – Вас в машинное вызывают.

Инженер-механик стиснул кулаки, но вовремя сдержался.

– Ах ты, нахал! – вырвалось у него. Но он тут же опомнился и ровным голосом произнес:

– Утром явитесь к старшему офицеру за взысканием. Вы мне за это заплатите, Райли!

– Ничего не выйдет.

«Чтоб ему пусто было, – в ярости подумал Додсон. – Еще и ухмыляется, наглец...»

– Это почему же? – спросил он с угрозой.

– Потому что вы обо мне не станете докладывать. – Райли, похоже, испытывал несказанное удовольствие от беседы.

– Ах, вот оно что! – Додсон быстро оглянулся. Губы его сжались. Он осознал, как он беспомощен здесь, в этом темном туннеле. Поняв вдруг, что должно сейчас произойти, он взглянул на крупную, зловеще ссутулившуюся фигуру Райли. «И еще улыбается, – подумал Додсон. – Но никакая улыбка не скрасит это уродливое звериное лицо. Улыбка на морде тигра...» Страх, усталость, постоянное напряжение – все это творит с людьми ужасные вещи. Но их ли вина в том, во что они превращаются, а также в том, какими рождаются на свет?.. Если сейчас что-то случится, то прежде всего по вине его самого, Додсона. Стармех помрачнел, вспомнив, как Тэрнер назвал его самым последним олухом за то, что он не захотел отправить Райли за решетку.

– Ах, вот в чем дело? – повторил он негромко. Повернувшись лицом к кочегару, он крепко уперся ногами в блок подшипника. – Это тебе с рук не сойдет, Райли. Можешь схлопотать двадцать пять лет каторги. Попробуй только...

– Да черт побери! – раздраженно воскликнул Райли. – О чем вы толкуете, сэр? Пейте свой кофе поживей. Не слышали, вас в машинном ждут! – повторил он нетерпеливо.

Додсон как-то обмяк и стал неуверенно отвинчивать крышку термоса. У него вдруг появилось странное чувство: словно все происходит не наяву, а во сне, словно сам он зритель, посторонний наблюдатель, не имеющий никакого отношения к этой фантастической сцене. Голова все еще страшно болела.

– Скажите, Райли, – сказал он негромко, – почему вы так уверены в том, что я не подам на вас рапорт?

– Да подать-то вы можете, – снова повеселел Райли, – только завтра меня самого в каюте у старпома не будет.

– То есть как так – не будет? – Это был полувывоз, полувопрос.

– А так, – усмехнулся Райли. – Потому как старпома не будет, да и каюты тоже не будет. – Блаженно потягиваясь, кочегар сцепил на затылке пальцы рук.

– Вообще ничего не будет.

Не столько слова, сколько интонация, с какой они были сказаны, заставила Додсона прислушаться. Он вдруг сразу понял, что, хотя Райли и улыбается, ему вовсе не до шуток. Додсон с любопытством взглянул на кочегара, но ничего не сказал.

– Только что по трансляции выступал старпом, – продолжал Райли. – «Тирпиц» вышел в море. В запасе у нас всего четыре часа.

Эта простая фраза, сказанная без всякой рисовки, желания произвести впечатление, исключала всякое сомнение. «Тирпиц» в море, «Тирпиц» в море, твердил Додсон мысленно. У них осталось четыре часа. Всего четыре часа...

Инженер-механик даже поразился спокойствию, с каким он сам отнесся к этому известию.

– Ну, так как? – озабоченно спросил Райли. – Пойдете вы или нет? Кроме шуток, сэр. Вас вызывают... срочно!

– Врешь! – произнес Додсон. – А кофе зачем принес?

– Для себя. – Улыбка исчезла с лица Райли, оно стало хмурым и сосредоточенным. – Просто я решил, не худо бы

вам хлебнуть горяченького. Видок-то у вас не ахти какой... А в машинном вас поставят на ноги.

– Вот туда-то ты сейчас и пойдешь, – ровным голосом произнес Додсон.

Райли и виду не подал, что это относится к нему.

– А ну, Райли, живо! – сухо проговорил Додсон. – Я вам приказываю!

– Да отгребитесь вы от меня! – раздраженно сказал кочегар. – Я остаюсь. Неужели для того, чтоб держать в руках вшивую масленку, обязательно иметь три золотые сопля на рукаве? – прибавил он презрительно.

– Пожалуй, не обязательно. – Тут корабль сильно качнуло, и Додсон, не удержавшись на ногах, ткнулся Райли в бок. – Извините, Райли. Похоже, начинает штормить. Значит, это финал.

– Что, что? – переспросил Райли.

– Финал. Конец то есть. Всякая дальнейшая борьба не приведет ни к чему... Послушайте, Райли, – проговорил он вполголоса, – что вас заставило прийти сюда?

– Я ж вам говорил, – сокрушенно вздохнул Райли. – Грайрсон. То бишь, лейтенант Грайрсон послал меня.

– Что вас заставило прийти сюда? – продолжал стармех, словно не слыша слов Райли.

– Это мое гребаное дело! – с яростью в голосе ответил Райли.

– Нет, что вас сюда привело?

– Да оставьте вы меня в покое, ради Бога! – закричал кочегар. Голос его гулким эхом отозвался под сводами туннеля. Неожиданно он в упор посмотрел на офицера и, кривя рот, проговорил:

– Сами, что ли, не знаете, черт бы вас побрал?

– Прикончить меня хотели?

Райли пристально поглядел на стармеха, потом отвернулся, ссутулив плечи и низко опустив голову.

– Из всех ублюдков на корабле вы один вступились за меня, – пробормотал он. – Один из всех, кого я знал, – медленно, словно в раздумье, добавил он.

Хотя слово «ублюдок» в какой-то мере относилось и к нему, правда в положительном смысле, Додсону стало вдруг стыдно за свое предположение.

– Если бы не вы, – продолжал негромко Райли, – в первый раз меня посадили бы в карцер, а во второй – в тюрьму. Помните, сэр?

– Вы тогда вели себя довольно глупо, Райли, – признался Додсон.

– Зачем вы за меня вступились? – Верзила-кочегар, по всему видно, был взволнован. – Ведь все же знают, что я за фрукт...

– Так ли? Сомневаюсь... По-моему, на самом деле вы лучше, чем кажется.

– Бросьте мне мозги пачкать, – насмешливо фыркнул Райли. – Я-то знаю, кто я такой. Уж это точно. Я – самое последнее дерьмо. Все говорят, что я дерьмо! И правду говорят... – он подался вперед. – Знаете что? Я католик. Через четыре часа... – он оборвал фразу на полуслове. – Надо встать на колени, верно? – усмехнулся он. – Показаться, а потом надо попросить... Как его?..

– Отпущения грехов?

– Вот-вот. Оно самое. Отпущения грехов. А вы знаете что? – раздельно произнес он. – Мне на него наплевать, на это отпущение.

– Возможно, вам оно и не нужно, – проговорил как бы про себя Додсон. – Последний раз говорю, ступайте в машинное отделение.

– Не пойду!

Старший механик вздохнул, поднял с пола термос.

– В таком случае, может быть, соизволите выпить со мной чашечку кофе?

Подняв глаза, Райли улыбнулся и, удачно подражая полковнику Каскинсу, герою популярной развлекательной программы, проговорил:

– А воопче-то кто-кто, а я возражать не стану.

Вэллери повернулся на бок, подогнув под себя ноги, и машинально потянулся за полотенцем. Истощенное, слабое тело старика ходило ходуном от надрывного оглушительного кашля, который отражался от бронированных стенок рубки. Господи, так плохо он еще никогда себя не чувствовал. Но, странное дело, боли он не ощущал. Приступ кашля прекратился. Взглянув на пунцовое мокрое полотенце, Вэллери, собрав оставшиеся силы, с внезапным отворачиванием швырнул его в дальний угол рубки.

«Вы же на собственном хребте тащите эту проклятую посудину!» – невольно вспомнилась эта фраза, сказанная старым Сократом, и командир «Улисса» слабо улыбнулся. Но он сознавал, что никогда еще не был так нужен на крейсере, как сейчас. Он знал: стоит чуть помедлить, и ему никогда больше не выйти из рубки.

Делая над собой адское усилие, Вэллери приподнялся с койки и сел, обливаясь потом. Затем с трудом перебросил ноги через ограждение. Едва подошвы его ног коснулись палубного настила, «Улисс» вздыбился.

Покачнувшись, Вэллери ударился о кресло и беспомощно соскользнул на пол.

Прошла целая вечность, прежде чем ценой страшного напряжения ему удалось снова подняться. Еще одно такое усилие, и ему конец.

Следующим препятствием была дверь – тяжелая стальная дверь. Как-то надо ее открыть, но сделать это сам он был не в состоянии. Он положил ладони на ручку двери, та открылась сама собой, и Вэллери очутился на мостике, глотая морской ветер, который острым ножом сек глотку и разрушенные легкие. Он оглядел корабль с носа до кормы. Пожары утихали – и на «Стерлинге», и на юте «Улисса». Слава Богу, хоть это пронесло! Отворотив ломом дверь акустической рубки, двое матросов осветили ее фонарем. Не в силах выдержать подобного зрелища, Вэллери отвернулся и, вытянув руки точно слепой, стал на ощупь искать дверцу рубки.

Увидев командира, Тэрнер бросился ему навстречу и осторожно посадил его в кресло.

– Зачем же вы пришли? – сказал он мягко. Потом внимательно поглядел на начальника. – Как себя чувствуете, сэр?

– Много лучше, благодарю вас, – ответил Вэллери. И с улыбкой прибавил:

– Вы же знаете, старпом, у нас, контр-адмиралов, есть определенные обязанности. Я отнюдь не намерен зря получать свое княжеское жалованье.

– Всем отойти назад! – приказал Кэррингтон. – Зайти в рулевой пост или подняться на трап. Посмотрим, в чем тут дело.

Он наклонился и принялся разглядывать огромную стальную плиту. Прежде он даже не представлял, насколько тяжела и массивна крышка этого люка.

Крышка приподнята всего лишь на какой-то дюйм. В щель засунут лом. Рядом сломанный блок. Противовес лежит возле комингса рулевого поста. «Слава Богу, хоть этот груз оттащили», – подумал Кэррингтон.

– Талями пробовали поднять? – отрывисто спросил он.

– Да, сэр, – ответил матрос, стоявший к нему ближе всех, показав на грудку тросов, сваленную в углу. – Ничего не получается. Трап нагрузку выдерживает, но как никак не подцепить – все время соскальзывает. – Матрос показал на крышку. – Одни задрайки согнуты – ведь их пришлось отгибать кувалдами, – а другие повернуты не так, как надо... Я же знаю свое дело, сэр.

– Я в этом не сомневаюсь, – рассеянно произнес Кэррингтон. – Ну-ка, помогите-ка мне.

Сделав глубокий вдох, он ухватился пальцами за край крышки. Матрос, стоявший у края люка (другой его край находился возле самой переборки), последовал его примеру. Оба напряглись так, что их спины и мышцы ног задрожали от натуги. Лицо Кэррингтона налилось кровью, в ушах застучало. Он выпрямился. Так они только надорвутся: эта проклятая крышка не сдвинулась ни на йоту. Немало, видно, пришлось положить труда, чтобы приоткрыть ее. «Хоть люди и измучены, но ведь должны же они вдвоем приподнять край крышки», – подумал Кэррингтон. Выходит, заело шарниры. Но возможен и перекося палубы.

Если же это так, размышлял первый офицер, то и с помощью талей ничего не сделать. Когда необходим ры-

вок, от талей нет никакого проку: как их ни набей, слабина всегда остается.

Опустившись на колени, он прижал губы к щели.

– Эй, внизу! – крикнул он. – Вы меня слышите?

– Слышим, – послышался слабый, приглушенный голос. – Ради Бога, вызволите нас отсюда. Мы будто крысы в мышеловке.

– Это вы, Брайерли? Не беспокойтесь, мы вас вызволим. Много ли там у вас воды?

– Какая тут к черту вода? Одна нефть! Наверно, повреждена левая топливная цистерна. Кольцевой коридор, должно быть, тоже затоплен.

– Высок ли уровень воды?

– Помещение затоплено на три четверти! Стоим на генераторах, цепляемся за щиты. Один из ребят сорвался. Мы не смогли его удержать. – В голосе, хотя и приглушенном люком, явственно слышалась тревога, почти отчаяние. – Поторопитесь, умоляем вас!

– Вам говорят, вызволим! – резко, властно произнес Кэррингтон.

Уверенности в том, что он сказал, у него самого не было, однако он и виду не подал, иначе среди тех, кто оказался в западне, быстро распространилась бы паника. – Снизу не можете нажать?

– На трапе только один человек может поместиться, – крикнул Брайерли. – Никакого упора нет.

Он неожиданно умолк, послышались ругательства.

– Что произошло? – отрывисто спросил Кэррингтон.

– Трудно держаться, – прокричал в ответ Брайерли. – Волны гуляют фута в два высотой. Одного смыло... Вот он, кажется, снова тут. Темно, как в преисподней.

Услышав стук тяжелых шагов, Кэррингтон поднял голову. По трапу спускался Петерсен. В такой тесноте белокурый норвежец показался гигантом.

Кэррингтон посмотрел на него, разглядел необычайно развитые плечи, могучую грудную клетку, огромные руки, — одна была опущена вниз, в другой он небрежно, словно это были тростинки, держал три лома и кувалду. Увидев кочегара, его серьезные глаза, синевшие из-под льняных прядей, Кэррингтон вдруг ощутил какую-то странную уверенность.

— Нам люк не открыть, Петерсен, — сказал он просто. — Не сумеете ли вы?

— Попробую, сэр. — Положив свой инструмент, норвежец наклонился и схватил конец лома, торчащего из-под крышки люка. Потом быстро и легко выпрямился. Крышка чуть приподнялась, но лом, словно кусок проволоки, начал сгибаться и согнулся почти под прямым углом.

— По-моему, крышку заело, сэр. — Петерсен даже не запыхался. — Очевидно, что-то с шарнирами.

Обойдя крышку люка с другой стороны, он внимательно осмотрел шарнирное соединение и довольно хмыкнул. Три удара со всего маху, прямо по торцу соединения, и рукоятка молота сломалась. Петерсен отшвырнул прочь ставшую бесполезной кувалду и взял другой лом — гораздо тяжелее.

Этот лом тоже согнулся, но крышка приподнялась — уже на дюйм. Взяв две кувалды поменьше, которыми до этого отбивали задрайки, великан-норвежец принялся колотить по шарнирам. Наконец сломались и обе эти кувалды.

На этот раз, сложив вместе два лома, он подсунул их под угол крышки и нагнулся. Пять, десять секунд стоял он в такой позе, не двигаясь с места.

Потом часто, глубоко задышал. Неожиданно задержал дыхание. По лицу его ручьями полил пот, все тело задрожало от адского напряжения. И вдруг – невероятное дело! – оба лома стали сгибаться.

Кэррингтон смотрел словно зачарованный. Он никогда еще не видел ничего подобного; да наверняка и остальные. Он был в этом уверен. Он мог поклясться, что каждый из этих ломов выдерживает, самое малое, полтонны. Он не верил своим глазам, но это было так: по мере того как гигант выпрямлялся, ломы сгибались все больше и больше. И вдруг – настолько неожиданно, что все подскочили, – крышка разом открылась. Всего на целых пять-шесть дюймов.

Петерсен отлетел в сторону, ударившись о переборку. Ломы, вырвавшись у него из рук, с плеском упали в воду.

Великан тигром кинулся к крышке люка. Ухватившись за край, он напряг могучие мышцы рук и плеч, наваливаясь изо всех сил на тяжелую стальную плиту. Три, четыре раза надавливал он на нее. На пятый раз массивная крышка с визгом распахнулась и с грохотом ударилась о стойку. Защелка, удерживавшая крышку вертикально, закрылась. Люк был открыт. Петерсен улыбался. Давно на лице Петерсена не видели улыбки. Он обливался потом, грудь часто-часто поднималась и опускалась, точно мехами накачивая воздух в натруженные легкие.

В отсеке слаботочных агрегатов вода всего на два фута не доходила до комингса люка. Порою, когда корабль па-

дал в ложбину между крутых валов, в верхнее помещение через комингс вливалась темная маслянистая жидкость.

Освобожденных из плена моряков быстро вытащили наверх. Они с ног до головы были выпачканы нефтью, глаза залеплены густой жижей. Казалось, они только что вышли из преисподней. Вконец измученные переживаниями, бедняги были на грани полного коллапса. Даже инстинкт самосохранения не смог заставить их найти в себе силы двигаться. А трое других моряков, вцепившихся в скоб-трап, застряли в шахте, не в состоянии сделать ни шагу больше. Они наверняка сорвались бы в черную бездну, если бы не Петерсен, – тот нагнулся и словно малых детей вытащил их из шахты люка.

– Немедленно отправить их в лазарет! – распорядился Кэррингтон, наблюдая за тем, как мокрым насквозь, дрожащим от холода людям помогали подниматься. Потом с улыбкой повернулся к Петерсену: – Мы поблагодарим вас потом, Петерсен. Дело еще не закончено. Теперь этот люк надо наглухо задрать.

– Дело трудное, сэр, – мрачно произнес Петерсен.

– Трудное или нет, а сделать его нужно, – оборвал котельного машиниста Кэррингтон. Вода все чаще и чаще выплескивалась через комингс люка, заливая основание рулевого поста. – Запасной рулевой пост выведен из строя. Если рулевую машину зальет, всем нам конец.

Петерсен ничего не сказал. Приподняв защелку, он навалился на упорно сопротивлявшуюся крышку люка и на фут опустил ее. Потом, упершись плечом в трап, встал на тяжелую плиту и судорожным движением выпрямился. Взвизгнув, крышка опустилась примерно на сорок пять

градусов. Норвежец передохнул, изогнул спину точно лук, ухватившись руками за трап, и начал что есть силы колотить ногами по краю крышки. До комингса люка оставалось дюймов пятнадцать.

– Нужны тяжелые кувалды, сэр, – озабоченно проговорил Петерсен.

– Некогда! – покачал головой Кэррингтон. – Еще две минуты, и давление воды не позволит закрыть крышку люка. Вот еще дьявольщина-то! – воскликнул он сокрушенно. – Если бы крышка закрывалась снизу! Тогда даже я сумел бы прижать ее к комингсу.

Петерсен ничего не сказал и на этот раз. Присев на корточки у края люка, он заглянул в темноту.

– Я кое-что придумал, сэр, – проговорил он торопливо. – Что если вы вдвоем встанете на крышку и упретесь в трап руками? Да, да, вот так, сэр. Повернитесь ко мне спиной, тогда упор будет сильнее.

Положив ладони на железную ступеньку трапа, капитан-лейтенант что есть мочи напрягся. Внезапно послышался всплеск, за ним металлический стук.

Мгновенно обернувшись, Кэррингтон успел заметить лишь сжимавшую лом огромную руку, которая тотчас исчезла под крышкой люка. Петерсена и след простыл.

Подобно многим крупным, сильным людям, он был быстр и ловок, как кошка, и прыгнул в люк, не издав и звука.

– Петерсен! – Кэррингтон опустился на колени возле шахты. – Не валяй дурака, черт тебя возьми! Вылезай, идиот несчастный! Ты что, утонуть захотел?

Ответа не было. Воцарилась полная тишина, которая

казалась еще невыносимее из-за чуть слышного плеска воды. Неожиданно раздался стук металла, потом пронзительный скрип, и люк опустился дюймов на шесть. Не успел Кэррингтон сообразить, в чем дело, как тяжелая плита опустилась еще ниже. Охваченный отчаянием, первый офицер схватил лом и подsunул его под крышку люка. Спустя долю секунды крышка с грохотом ударилась о него.

Приложив рот к щели, Кэррингтон крикнул:

– О Господи! Петерсен! Ты в своем уме? Открой, открой сейчас же! Слышишь?

– Не могу... – Кочегар умолк на полуслове: волна накрыла его с головой.

– ...И не хочу. Вы же сами сказали... некогда... другого выхода не было.

– Но я совсем не это имел в виду...

– Я знаю. Это не важно... так будет лучше. – Слова норвежца почти невозможно было разобрать. – Передайте командиру, что Петерсен очень сожалеет... Я хотел было сказать ему вчера сам...

– Сожалеешь? О чем ты еще там сожалеешь? – Кэррингтон в отчаянном усилии навалился на железный лом, но тяжелая крышка даже не дрогнула.

– Тот морской пехотинец... в Скапа-Флоу... Я не хотел его убивать, я ни за что не посмел бы убить человека... Но он вывел меня из себя, – просто сказал великан-норвежец. – Он убил моего товарища.

На секунду Кэррингтон ослабил пальцы, сжимавшие лом. Петерсен! Ну конечно, кто же кроме него мог свернуть шею тому солдату! Петерсен – рослый, веселый скандинав,

которого вдруг словно подменили, и он превратился в мрачного гиганта. Не зная ни покоя, ни сна, денно и нощно, как неприкаянный, бродил он по палубам, кубрикам, переходам корабля. Озаренный изнутри, Кэррингтон внезапно понял, что творится в исстрадавшейся душе этого простого, доброго парня.

– Послушай же, Петерсен! – заклинал он. – Мне совершенно наплевать на то, что когда-то произошло. Никто об этом не узнает. Обещаю. Прошу тебя, Петерсен. Будь умницей...

– Так будет лучше... – Приглушенный голос звучал необычно умиротворенно. – Убить человека грех... Нельзя после этого жить... Я это понял... Прошу вас... Это очень важно. Передайте моему командиру. Петерсен сожалеет и стыдится... Я делаю это ради моего командира.

Лом из рук Кэррингтона внезапно вышибло. Крышка люка захлопнулась. В помещении рулевого поста эхом отдавались глухие металлические удары. Это продолжалось с минуту. Потом стук оборвался. Слышен был лишь плеск воды возле рулевого поста да скрип штурвала: удерживая крейсер на румбе, рулевой перекладывал руль.

Заглушая низкий рев втяжных вентиляторов, вой многих десятков электромоторов и шум волн, бьющих о борт крейсера, струился чистый, мелодичный голос. Даже холодная бесстрастность динамиков не могла исказить этот прекрасный девичий голос... Так бывало не раз. Когда не было необходимости соблюдать полнейшую тишину, то, чтобы скрасить монотонность бесконечно долгих часов ночи, по распоряжению командира корабля по трансляционной сети передавали граммофонные записи.

Почти неизменно репертуар был сугубо классическим, или, как зачастую говорят чванливые, высокомерные люди, был составлен из популярных классических произведений. Бах, Бетховен, Чайковский, Легар, Верди, Делиус... «Концерт № 1 си-бемоль минор», «Ария для струны соль», «Луна над рекой Альстер», «Clair de Lune», «Вальс конькобежцев» – все это никогда не прискучивало экипажу крейсера. Нетрудно вообразить, что скажут на это снобы, которые судят о музыкальном вкусе матросов по расхожим среди обывателей представлениям о низменности привычек и нравов моряков. «Смехотворно! Нелепо!» Людям этим неведомо, какая благоговейная, словно в храме, тишина царила в переполненном до отказа ангаре гигантского авианосца на рейде Скапа-Флоу, когда, прикасаясь к струнам скрипки, пел магический смычок Иегуди Менухина. В благодатное, волшебное царство музыки скрипач уносил тысячи матросов, заставляя их забыть о суровой военной действительности, об испытаниях, доставшихся на их долю во время недавнего дозора или боевого похода.

На этот раз пела девушка. То была Дина Дурбин. Она исполняла песню «Под родным небосводом», хватавшую за душу тоской по далекой отчизне. В нижних помещениях и на верхней палубе, склоняясь над могучими механизмами или съезжившись подле орудий, слушали моряки этот прелестный голос, летевший над кораблем, окутанным мраком и снегом. Вспоминая свой дом, они думали о своей тяжелой доле и о том, что скоро наступит утро, которое им не суждено встретить. Неожиданно песня оборвалась.

– Внимание! Внимание! – загрохотали динамики. – Говорит... говорит старший офицер корабля. – Низкий

голос Тэрнера звучал угрюмо. Услышав его, все насторожились. – У меня недобрые вести, – Тэрнер говорил медленно, спокойно. – С прискорбием сообщаю... – Он умолк, потом заговорил вновь – на этот раз еще медленнее: – Пять минут назад скончался ваш командир Ричард Вэллери. – На мгновение динамик замолчал, потом ожил вновь. – Он умер на командном мостике, в своем адмиральском кресле. Он знал, что умирает. Думаю, он совсем не мучился... Он настоял... Настоял на том, чтобы от его имени я поблагодарил вас за верную службу. «Передайте морякам, – таковы были его последние слова, которые я запомнил. – Передайте им, – сказал он, – что без них я был бы как без рук, что Господь наградил меня лучшим экипажем, о каком только смеет мечтать командир корабля». Потом добавил: «Пусть они простят меня. После всего, что они для меня сделали... Словом, передайте, что я страшно огорчен тем, что оставляю их в беде». Вот все, что он сказал. «Передайте им, что я огорчен». И умер.

ГЛАВА 16

В субботу (ночью)

Ричард Вэллери умер. Умер в печали, удрученный мыслью, что оставляет экипаж корабля без командира. Но, прежде чем наступил рассвет, за своим адмиралом последовали сотни моряков. Они гибли на борту крейсеров, эсминцев, транспортов. Вопреки опасениям Вэллери корабли эти, подобно судам злосчастного конвоя Пи-Кью-17, по-

гибли не от орудийных залпов «Тирпица». «Тирпиц» так и не вышел из Альта-Фьорда.

В сущности, они погибли от того, что внезапно переменилась погода.

Ричард Вэллери умер. С его смертью в морях «Улисса» произошла разительная перемена. Вэллери словно бы унес с собой смелость, доброту, кротость, непоколебимую веру, безграничную терпимость к людям, понимание их.

Ничего этого у моряков «Улисса» не осталось. Но что из того? Экипажу «Улисса» смелость была более не нужна, ибо теперь люди эти не боялись ничего. Вэллери был мертв, и лишь с его смертью моряки осознали, как уважали и любили они этого благородного человека. Осознали в полную меру. Поняли, что из их жизни ушло нечто необыкновенное, нечто такое, что навеки запечатлелось в их разуме и сердце, нечто бесконечно прекрасное и доброе, чему никогда более не бывать, и обезумели от горя. На войне же нет более грозного противника, чем человек, убитый горем. Благоразумие, осторожность, страх, боль – ничего этого для него уже не существует. Он живет лишь затем, чтобы убивать, уничтожать врага, причинившего ему это горе. Справедливо или нет, но в смерти своего командира моряки «Улисса» считали повинным неприятеля. Отныне их уделом стали печаль да всепоглощающая ненависть.

«Зомби» – так однажды назвал их Николлс. Именно теперь моряки походили на зомби, ходячие привидения, которые, не находя себе места, все время бродили по раскачивающейся палубе, покрытой снегом и льдом. То были роботы, жившие лишь ради мести.

Погода изменилась перед самым концом средней вахты. Волнение не утихло: корабли конвоя по-прежнему сильно трепало. С норда шла крупная, крутая волна, и баки кораблей, рассекавших студёные воды, все больше обрас-тали сверкающим льдом. Внезапно ветер стих, и почти тотчас прекратилась пурга; последние клочья темной, тяжелой тучи унесло к зюйду. К четырем часам небо очи-стилось.

Ночь выдалась безлунная, но на небе, овеваемом ле-дяным северным ветром, высыпали яркие, крупные звезды.

Потом в северной части горизонта возникла едва за-метная светлая полоска. Постепенно она стала увеличи-ваться. С каждой минутой полоса пульсирующего, вспы-хивающего света поднималась все выше. Вскоре рядом появились ленты нежных пастельных оттенков голубого, зеленого, лилового цвета, но ярче других горел белый цвет. Полосы становились все шире и ярче.

И наконец образовалась огромная сплошная белая за-веса, протянувшаяся от одного края неба до другого...

То было северное сияние – само по себе красивое зре-лище. В эту же ночь оно было особенно прекрасно. Но люди, находившиеся на кораблях и судах, залитых светом на фоне темного беспокойного моря, проклинали это ве-ликолепие.

Из всех, кто находился на мостике, звук этот первым услышал Крайслер – тот самый юноша, что обладал не-обыкновенным зрением и сверхъестественным слухом. Вскоре и остальные слышали вдалеке этот рокот – пре-рывистый, пульсирующий гул приближающегося с юга «кондора». Спустя немного времени все решили, будто

«кондор» перестал приближаться, но, едва родившись, надежда эта умерла. Без сомнения, натужный рев означал, что «фоккевульф» набирает предельную высоту. Старший офицер с усталым видом повернулся к Кэррингтону.

– «Чарли» тут как тут, – проговорил он угрюмо. – Обнаружил нас, подлец. Уже радировал в Альта-Фьорд. Ставлю сто против одного в любой валюте, что на высоте около трех тысяч метров он сбросит осветительную бомбу. Она озарит участок радиусом пятьдесят миль.

– Можете быть уверены, что деньги останутся при вас. – Капитан-лейтенант сник на глазах. – Пари беспроигрышное... Потом, метрах на шестистах, повесит еще пару «люстр».

– Уж это точно! – кивнул Тэрнер. – Штурман, далеко ли мы от Альта-Фьорда, по вашим расчетам? Я имею в виду, в летных часах?

– Час лету для машины со скоростью двести узлов, – спокойно произнес Капковый мальчик. Куда подевалась его бывлая бойкость? С тех пор как скончался Вэллери, он стал неразговорчив и мрачен.

– Всего лишь час! – воскликнул Кэррингтон. – Немцы непременно прилетят. Клянусь Богом, сэр, – прибавил он в раздумье, – нас намерены доконать окончательно. Нас еще никогда раньше не бомбили и не торпедировали в ночное время. Нас еще никогда не преследовал «Тирпиц». Нас еще никогда...

– «Тирпиц»! – прервал его Тэрнер. – Где он, этот «Тирпиц», будь он проклят? Ему давно бы пора догнать нас. Понимаю, сейчас темно, и мы изменили курс, – прибавил он, заметив, что Кэррингтон намерен возразить. – Но

боевое охранение из быстроходных эсминцев давно бы успело нас обнаружить... Престон! – воскликнул он, обращаясь к старшине-сигнальщику. – Глядеть веселей! Нам семафорят вон с того транспорта.

– Виноват, сэр. – Сигнальщик, едва стоявший на ногах от усталости, подняв фонарь, отстучал «квитанцию».

На «купце» снова сердито замигал огонь.

– «Поперечный излом фундамента машины, – читал Престон. – Повреждение серьезное. Вынужден сбавить ход».

– Подтвердить светограмму, – сухо произнес Тэрнер. – Что это за транспорт, Престон?

– «Огайо Фрейтер», сэр.

– Тот, что напоролся на торпеду пару дней назад?

– Он самый, сэр.

– Передайте: «Следует сохранять скорость и место в ордере». – Тэрнер выбранился. – Нашли время для поломки машины... Штурман, когда рандеву с эскадрой?

– Ровно через шесть часов, сэр.

– Шесть часов... – Тэрнер сжал зубы. – Через каких-то шесть часов, возможно, рандеву и состоится, – прибавил он с горечью.

– Возможно? – переспросил Кэррингтон.

– Да, возможно, – повторил Тэрнер. – Все зависит от погоды. Командующий не станет рисковать крупными кораблями в такой близости от побережья, не имея возможности поднять в воздух авиацию прикрытия. Вот, кстати, и ответ, почему до сих пор не появился «Тирпиц». Какая-то подводная лодка радировала ему, что наши авианосцы идут на юг. Он будет ждать улучшения погоды... Что теперь пишет транспорт, Престон?

Немного помигав, сигнальный фонарь на «Огайо Фрейтере» угас.

– «Необходимо снизить скорость, – читал сигнальщик, – Имею серьезные повреждения. Сбавляю ход. Сбавляю ход».

– Он и в самом деле сбавляет ход, – невозмутимо заметил Кэррингтон.

Взглянув на старшего офицера, на его сосредоточенное лицо и потемневшие глаза, капитан-лейтенант понял, что им обоим в голову пришла одна и та же мысль. – Его пенска спета, сэр. Если только...

– Что «если только»? – взорвался Тэрнер. – Если только мы не оставим ему охранение? А кого мы ему оставим, каплей? «Викинг», единственный боеспособный корабль? – Он медленно покачал головой. – Печься о благе большинства – вот в чем наша обязанность. Они это поймут. Престон, напишите: «К сожалению, не можем оставить вам эскорт. Сколько времени потребуется на ремонт?»

Осветительная бомба вспыхнула прежде, чем Престон коснулся рукоятки сигнального фонаря. Она вспыхнула над самым конвоем. На какой именно высоте, определить было трудно, но где-то около двух – двух с половиной тысяч метров.

На фоне гигантской белой дуги северного сияния бомба казалась светящейся точкой. Но точка быстро приближалась, становясь все ярче: если к ней и был прикреплен парашют, то, видно, лишь для стабилизации полета.

В торопливый стук сигнального фонаря ворвался голос громкоговорителя.

– Мостик! Докладывает радиорубка. Мостик! Докла-

дывает радиорубка. Деша с «Сирруса». «Трое спасенных умерли. Много умирающих и тяжелораненых. Срочно необходима медицинская помощь. Повторяю: срочно».

Динамик умолк, и в эту минуту «Огайо» замигал в ответ на светограмму флагмана.

– Пошлите за лейтенантом Николлсом, – распорядился Тэрнер. – Пусть тотчас же поднимется на мостик.

Кэррингтон посмотрел на темные грозные валы, увенчанные молочно-белой пеной, на полубак крейсера, то и дело тяжело ударявшийся о стену воды.

– Хотите рискнуть, сэр?

– Я должен это сделать. Вы бы поступили так же, каплей... Престон, что пишет «Огайо»?

– «Вас понял. Нам некогда возиться с британскими кораблями. Перенесем на другой раз. Au revoir!»¹⁴.

– «В другой раз. Au revoir!» – негромко повторил Тэрнер. – Врет и не смеется. Черт меня побери! – вырвалось у него. – Если кто-нибудь посмеет сказать, что у янки кишка тонка, я ему в кровь разобью его подлую физиономию. Престон, напишите: «Au revoir! Желаю удачи». Каплей, я чувствую себя убийцей.

Он потер ладонью лоб, кивнул в сторону рубки, где лежал на кушетке Вэллери.

– Из месяца в месяц ему приходилось принимать такие решения. Неудивительно, что...

Но тут послышался скрип открываемой дверцы, и он замолчал.

– А, это вы, Николлс? Вам предстоит работа, мой

¹⁴ До свидания! (франц.).

мальчик. Хватит вам, лекарям, целый день слоняться без дела. — Он поднял руку. — Ну полно, полно, — усмехнулся он. — Я все знаю... Как дела на хирургическом фронте? — Тон его голоса стал серьезным.

— Мы сделали все, что в наших силах, сэр. Правда, делать нам оставалось немного, — проговорил спокойно Николлс. Лицо его осунулось, на нем появились складки, старившие юношу. — Но у нас очень туго с медикаментами. Бинтов почти не осталось. А анестезирующих средств и вовсе нет, если не считать неприкосновенного запаса. Однако начальник медслужбы не хочет к нему притрагиваться.

— Понятно, — пробормотал Тэрнер. — Как вы себя чувствуете, дружок?

— Отвратительно.

— Это видно по вам, — честно признался Тэрнер. — Николлс... Мне страшно жаль, мой мальчик... Но я хочу, чтобы вы отправились на «Сиррус».

— Есть, сэр. — В голосе юноши не было удивления: он давно догадался, зачем вызывает его старший офицер. — Прикажете отбыть сейчас?

Тэрнер молча кивнул. В свете опускающейся «люстры» четко вырисовывалось его худощавое, волевое лицо. «Такие лица не забываются», — подумал Николлс.

— Что с собою брать, сэр?

— Свои принадлежности. И только. Не в купейном же вагоне поедете, дружок!

— Так можно захватить с собой фотокамеру и пленку?

— Можно. — Тэрнер улыбнулся. — Не терпится запечатлеть последние секунды «Улисса», а?.. Не забывайте,

«Сиррус» течет как решето. Штурман, свяжитесь с радиорубкой. Пусть прикажут «Сиррусу» подойти к крейсеру и принять доктора с помощью леерного устройства.

Снова скрипнула дверца. Тэрнер взглянул на грузную фигуру, усталой походкой приближавшуюся к компасной площадке. Брукс, как и каждый из членов экипажа, едва стоял на ногах, но голубые глаза его, как всегда, полны были огня.

– У меня повсюду соглядатаи, – заявил он. – Чего ради вы надумали сплавить юного Джонни на «Сиррус»?

– Извините, дружище, – проговорил Тэрнер. – Но, похоже, дела на «Сиррусе» из рук вон плохи.

– Понимаю. – Брукс поежился. Возможно, виною тому был жуткий, как погребальная песнь, вой ветра в разбитом снарядами рангоуте, а возможно, пронизывающая стужа. Снова поежившись, он взглянул вверх, на опускавшуюся осветительную бомбу. – Красиво, очень красиво, – пробормотал он. – В честь чего такая иллюминация?

– Ждем гостей, – криво усмехнулся Тэрнер. – Ведь так заведено издавна, о, Сократ. Увидят огонек в окне – непременно пожалуют. – Он внезапно напрягся, лицо его словно окаменело. – Прошу прощения, я ошибся, – проронил он. – Гости уже пожаловали.

Последние слова его утонули в раскатах мощного взрыва.

Тэрнер ожидал этого: пять-шесть секунд назад он заметил узкий, как кинжал, снап огня, взвившийся к небесам, который возник перед самым мостиком «Огайо Фрейтера». До транспорта, находившегося на правой раковине, было уже больше мили, но он был отчетливо виден в свете се-

верного сияния. Свете, оказавшемся предательским: почти не имевшее хода судно было обнаружено рыскавшей поблизости немецкой подлодкой.

«Огайо Фрейтер» виден был недолго. Взрыв – и вслед за ним ничего: ни дыма, ни пламени, ни звука. Но спинной хребет транспорта был перебит: в днище, верно, зияла огромная пробоина, а трюмы были битком набиты танками и боеприпасами. Транспорт встретил свою кончину с каким-то удивительным достоинством: он затонул быстро, спокойно, без суеты. Через три минуты все было кончено.

Воцарившуюся на мостике угрюмую тишину нарушил Тэрнер. Он отвернулся; на лицо его, освещенное белым светом «люстры», было не слишком приятно смотреть.

– А еще говорил: «Au revoir!» – пробормотал он, ни к кому не обращаясь.

– Лгун несчастный!.. – Он сердито покачал головой, потом коснулся рукава Капкового мальчика. – Свяжитесь с радиорубкой! – резко проговорил он. – Прикажите «Викингу» заняться этой лодкой, пока мы не освободимся.

– Когда всему этому настанет, конец? – В призрачном свете лицо Брукса казалось неподвижным и утомленным.

– Одному Богу известно! Как я ненавижу этих подлых убийц! – простонал Тэрнер. – Я прекрасно понимаю, мы занимаемся тем же... Только дайте мне что-нибудь такое, что я мог бы видеть, с чем я мог бы помериться силами, что-нибудь такое...

– Не волнуйтесь, «Тирпиц» вы обязательно увидите, – сухо оборвал его Кэррингтон. – Судя по всему, он достаточно велик, чтобы его не заметить.

Взглянув на первого офицера, Тэрнер неожиданно

улыбнулся. Хлопнув Кэррингтона по плечу, он откинул голову назад и впился взглядом в мерцающее на небе сияние, гадая, когда же повесят вторую «люстру».

— Ты не можешь уделить мне минуту, Джонни? — вполголоса проговорил Капковый мальчик. — Хотелось бы поговорить с тобой.

— Разумеется. — Николлс удивленно взглянул на друга. — Разумеется, могу, не одну, а десять, пока не подойдет «Сиррус». В чем дело, Энди?

— Виноват, я сейчас. — Штурман подошел к старшему офицеру. — Разрешите пройти в штурманскую рубку, сэр.

— Спички не забыли? — улыбнулся Тэрнер. — О'кей. Ступайте.

На лице Капкового мальчика появилась слабая тень улыбки. Взяв Николлса под руку, он проводил его в штурманскую; там зажег свет и достал сигареты.

Штурман пристально смотрел на Николлса, поднесшего кончик сигареты к колеблющемуся язычку огня.

— Ты знаешь, Джонни? — внезапно произнес он. — Пожалуй, во мне есть шотландская порода.

— Шотландская кровь, — поправил его Николлс. — С чего это тебе взбрело в голову?

— И вот эта кровь говорит мне, что я обречен. Мои шотландские предки зовут меня к себе, Джонни. Я чувствую это всем своим существом. — Капковый мальчик словно не заметил, что его прервали. Он зябко поежился. — Не понимаю, в чем дело. Я еще никогда не испытывал такого ощущения.

— Пустяки. У тебя несварение желудка, приятель, — бодро ответил Николлс. Но ему стало не по себе.

– На этот раз попал пальцем в небо, – покачал головой штурман, едва заметно улыбнувшись. – Ко всему, я двое суток куска в рот не брал. Честное слово, Джонни.

Слова друга произвели на Николлса впечатление. Чувства, искренность, серьезность – все это было ново в Капковом.

– Мы с тобой больше не увидимся, – негромко продолжал штурман. – Прошу тебя, Джонни, окажи мне услугу.

– Перестань валять дурака, рассердился Николлс. – Какого черта ты...

– Возьми это с собой. – Капковый достал листок бумаги и сунул его в руки приятеля. – Можешь прочесть?

– Могу. – Николлс умерил свой гнев. – Да, я могу прочесть. – На листке бумаги стояло имя и адрес. Имя девушки и адрес в Сьюрее. – Так вот как ее звать, – произнес он тихо. – Хуанита... Хуанита. – Он проговорил это имя четко, с правильным испанским произношением. – Моя любимая песня и мое любимое имя, – проронил он.

– Неужели? – живо переспросил его Капковый мальчик. – Это правда? И мое тоже, Джонни. – Помолчав, он добавил:

– Если так случится... словом, если я... Ты навести ее, Джонни, ладно?

– О чем ты говоришь, старина? – Николлсу стало не по себе. Не то торопясь закончить этот разговор, не то шутливо он похлопал молодого штурмана по груди.

– Да в таком костюме ты смог бы вплавь добраться до Мурманска. Ты же сам твердил мне об этом раз сто.

Капковый мальчик улыбнулся. Но улыбка была не слишком веселая.

– Конечно же, конечно... Так ты сходишь, Джонни?

– Черт тебя побери, да! – в сердцах воскликнул Николлс. – Да, схожу. Кстати, мне пора идти еще кое-куда. Пошли!

Выключив свет, отворил дверь и хотел было перешагнуть через комингс.

Потом, раздумав, он вернулся и, закрыв дверь, снова включил свет. Капковый мальчик, даже не сдвинувшись с места, смотрел на него как ни в чем не бывало.

– Прости, Энди, – с искренним раскаянием проговорил Николлс. – Не знаю, что это на меня нашло...

– Дурной нрав, – весело отозвался Капковый мальчик. – Тебя всегда бесило, когда я оказывался прав, а ты ошибался!

У Николлса перехватило дыхание, и он на секунду прикрыл глаза. Потом протянул руку.

– Всего наилучшего, Васко, – попытался он улыбнуться. – И не беспокойся. Я навещу ее, если что... Словом, навещу, обещаю тебе. Хуанита... Но если застану там тебя... – с шутливой угрозой продолжал он, – тебе не поздоровится.

– Спасибо, Джонни. Большое спасибо. – Капковый мальчик был почти счастлив. – Желаю удачи, дружище... *Vaya con dios*¹⁵! Так она мне всегда говорила на прощание. Так и в последний раз сказала.

Спустя полчаса лейтенант Николлс оперировал на борту «Сирруса».

Стрелки часов показывали 04.45. Стужа была нестер-

¹⁵ С Богом! (исп.).

пимой. С норда дул ровный умеренный ветер. Волнение усилилось. Волна стали длиннее, а зловещие ложбины между ними глубже, и «Сиррусу», который тек, как решето, и был покрыт горой льда, доставалось здорово. Небо по-прежнему было ясным и не правдоподобно чистым. Северное сияние начало блекнуть, зажглись звезды. К поверхности моря опускалась пятая по счету осветительная бомба.

Именно в 04.45 они услышали этот звук – дальний гром пушек, доносившийся с юга. Грохот раздался минуту спустя после того, как на кромке горизонта вспыхнуло ровное белое пламя. Представить, что там происходит, было нетрудно. «Викинг», преследовавший подводную лодку, хотя был бессилен нанести ей удар, сам подвергся нападению. Бой, видно, был скоротечным и жестоким: оружейные залпы тотчас же смолкли. В эфире царило зловещее молчание. Никто так и не узнал, что же случилось с «Викингом»: из его экипажа не спасся ни один человек.

Едва умолкли пушки «Викинга», как послышался рев моторов «кондора», входящего на полных оборотах в пологое пике. Секунд пять, может десять, а казалось еще дольше, несмотря на то что ни один зенитный расчет кораблей конвоя не успел накрыть его, – огромный «фокке-вульф» летел, озаренный светом бомбы, сброшенной им самим, и вдруг исчез. А позади него небо вспыхнуло ярким пламенем, на которое было больно смотреть, – более ослепительным, чем лучи полуденного солнца. Световая сила этих «люстр» была столь велика, а действие их столь эффективно, что зрачки наблюдателей сузились, а веки плотно сжались. Прежде чем кто-либо успел понять, что

происходит, вырвавшиеся из кольца света бомбардировщики обрушились на конвой. Расчет, координация действий самолета-наводчика и бомбардировщиков были изумительны.

В первой волне шло двенадцать машин. На этот раз они атаковали одновременно несколько целей: на каждый корабль приходилось не более двух самолетов. Тэрнера, наблюдавшего с мостика, как машины круто падают вниз и выравниваются, прежде чем хотя бы одна пушка «Улисса» успела открыть огонь, обуяла тревога. Было что-то ужасно знакомое в большой скорости, манере летать, в силуэтах этих самолетов. Внезапно он узнал их: это же «Хейнкель-111». А Тэрнер знал, что «Хейнкель-111» оснащен крылатыми бомбами – оружием, которого он опасался больше всего.

И тут, словно кто-то нажал на невидимую кнопку, открыли огонь все до одного орудия «Улисса». Воздух наполнился дымом, едким запахом горящего кордита. Грохот стоял неописуемый. Внезапно Тэрнера охватило ощущение непонятной и свирепой радости... Черт с ними и с их крылатыми бомбами, думал он. Такая война ему по душе – не игра в кошки-мышки, не томительные, унылые прятки, когда пытаешься перехитрить засевшие в засаде «волчьи стаи», а драка врукопашную, в которой ты встречаешься с врагом лицом к лицу и ненавидишь его, и уважаешь за то, что он сошелся с тобой в честном бою, и как проклятый стараешься уничтожить его. И Тэрнер знал, что люди «Улисса», не щадя живота, будут стремиться уничтожить этого врага. Не нужно было обладать незаурядными способностями, чтобы направить в нужное русло

чувства, испытываемые его людьми. Да, теперь это были его люди. Они подавили в себе инстинкт самосохранения. Преступив порог страха, они увидели, что за ним ничего более нет, и потому были готовы подавать снаряды и нажимать на гашетки до тех пор, пока не упадут, сраженные врагом.

Головной «хейнкель» сдуло с неба страшным ветром смерти: удачным залпом его накрыла третья башня, обслуживаемая морскими пехотинцами, от которых осталась жалкая горстка, та самая башня, что сбила «кондор». Летевший следом за головной машиной «хейнкель» резко отвернул в сторону, спасаясь от дождя обломков, в которые превратились фюзеляж и моторы его ведомого, и спикировал, промелькнув перед носом крейсера на расстоянии всего одной длины корпуса. Затем круто накренился влево и, дав полный газ, снова ринулся на «Улисс». Расчеты орудий оказались сбитыми с толку; прошло несколько долгих секунд, прежде чем открыл огонь первый комендор. Этого времени «хейнкелю» хватило с лихвой, чтобы выйти на цель под углом 60 градусов, сбросить бомбу и рвануть в сторону, спасаясь от огня «эрликонов» и скорострельных автоматов. Каким-то чудом ему удалось спастись.

Крылатая бомба была сброшена, видно, недостаточно высоко. Сначала покачавшись, она затем выровнялась и, спикировав, вышла на горизонтальную траекторию поражения. Прорвав пелену дыма, бомба взорвалась с оглушительным грохотом. Взрыв потряс крейсер до самого киля, и у тех, кто находился на мостике, едва не разорвало барабанные перепонки.

Окинув взглядом кормовую часть корабля, Тэрнер ре-

шил, что судьба крейсера решена. Сам в прошлом офицер-торпедист, специалист по взрывчатым веществам, он мог определить степень разрушений, причиненных тем или иным взрывчатым веществом. Ему никогда еще не доводилось оказываться в такой близости от столь убийственного взрыва. Недаром старпом боялся этих планирующих бомб, но он и представить себе не мог, насколько велика сила их действия: удар оказался в два, а то и в три раза сильнее, чем он предполагал.

Откуда было знать старшему офицеру, что он услышал не один, а два взрыва, происшедших почти одновременно. По воле случая крылатая бомба попала прямо в трубы торпедного аппарата левого борта. В них оставалась всего одна торпеда: двумя другими была потоплена «Вайтура». Аматаол, находившийся в зарядной части торпеды, представляет собой чрезвычайно устойчивое, инертное вещество, не боящееся даже самых страшных ударов. Но взрыв бомбы произошел так близко и был так силен, что ответная детонация оказалась неизбежной.

Взрыв произвел чудовищные разрушения: рана, нанесенная кораблю, была тяжелой, хотя и не смертельной. Почти до самой ватерлинии борт крейсера был как бы распорот гигантским консервным ножом. От торпедных аппаратов не осталось и следа; палубы изрешечены, деревянные настилы разбиты в щепы, кожух дымовой трубы изуродован до неузнаваемости, а сама труба накренилась на левый борт, пожалуй, на все пятнадцать градусов. Однако основная энергия взрыва оказалась направленной в корму, так что ударная волна почти целиком ушла в воду, при этом камбуз и корабельная лавка, и без того полу-

чившие значительные повреждения, теперь превратились в свалку искореженного металла.

Поднятое взрывом облако пыли и обломков еще не успело осесть, когда вдали скрылся последний из «хейнкелей». Вражеские машины летели, едва не задевая за гребни волн, при этом они выделяли немыслимые пирозыты, чтобы не попасть под проливной дождь огненных трасс. Потом, точно по волшебству, они исчезли; остались лишь внезапно навалившаяся оглушающая тишина и медленно догорающие «люстры», освещающие облако, точно саван закрывшее «Улисс», темные клубы дыма, валившие из недр разбитого «Стерлинга», да танкер, у которого почти целиком была оторвана кормовая надстройка. Но ни одно из судов конвоя не дрогнуло и не остановилось, при этом было уничтожено пять «хейнкелей». «Победа, доставшаяся дорогой ценой, – размышлял Тэрнер, – если можно назвать это победой». Он понимал, что «хейнкели» вернутся снова.

Нетрудно представить оскорбленную гордость и ярость немецкого верховного командования в Норвегии: насколько известно Тэрнеру, еще ни один конвой, направлявшийся в Россию, не проходил в такой близости от побережья.

Чтобы не задеть огромный вращающийся вал, Райли осторожно вытянул онемевшую ногу. Он аккуратно налил масла на подшипник, боясь потревожить инженер-механика, который уснул, привалившись к стене туннеля и положив голову на плечо кочегару. Едва Райли выпрямился, как Додсон заворочался и открыл тяжелые, слипшиеся веки.

– Господи Боже! – проговорил он устало. – Вы все еще здесь, Райли?

То были первые слова, произнесенные им в течение нескольких часов.

– Это большая удача, что я здесь, черт бы меня побрал! – проворчал Райли и кивнул на подшипник. – Случись что, пожарный рукав сюда никто небось не притащит!

Он был несправедлив, и Райли сам понимал это: они с Додсоном менялись каждые полчаса; один отдыхал, а другой смазывал подшипник. Но Райли просто нужно было что-нибудь сказать, потому что ему все труднее становилось выдерживать неприязненный тон, разговаривая со стармехом.

Додсон усмехнулся про себя, но не сказал ничего. Наконец, откашлявшись, он как бы мимоходом заметил:

– Не кажется ли вам, что «Тирпиц» заставляет себя ждать?

– Да, сэр. – Райли чувствовал себя неловко. – Давно бы пора ей пожаловать, этой проклятой посудине!

– Не ей, а ему, – машинально поправил Додсон. – «Адмирал фон Тирпиц», как-никак... Почему вы не перестанете заниматься этой чепухой, Райли?

Райли что-то буркнул. Додсон вздохнул, потом лицо его просияло.

– Сходите-ка, принесите еще кофе. У меня в горле пересохло.

– Не пойду, – наотрез отказался Райли. – Сходите лучше вы.

– Прошу вас, сделайте одолжение, – ласково проговорил Додсон. – Чертовски хочется пить.

– Так и быть, схожу. – Верзила-кочегар, выругавшись, с трудом поднялся на ноги. – Только где я его достану?

– В машинном отделении кофе сколько угодно. Если там не хлещут ледяную воду, значит, хлещут кофе. Чур, мне ледяной воды не надо, – поежился Додсон.

Взяв термос, Райли поковылял вдоль туннеля. Не успел он пройти и нескольких футов, как «Улисс» вздрогнул всем корпусом от залпа тяжелых орудий. То было сигналом начала воздушного налета.

Додсон вцепился в стенку. Он заметил, что Райли сделал то же самое, потом неуклюже, спотыкаясь, бросился бежать. Было что-то гротескное и знакомое в его манере бегать. Снова слышался удар орудий, и нелепая фигура, похожая на гигантского краба, охваченного паникой, припустилась еще быстрее. «Паника, – подумал Додсон, – вот что бывает, когда людей охватывает паника». Снова весь коридор заходил ходуном – на этот раз сильнее. «Должно быть, стреляла третья башня, она почти над ними. Нет, я не осуждаю его. Слава Богу, что он сбежал».

Додсон мысленно улыбнулся. Наш друг Райли больше здесь не появится, он не из тех, кто быстро перековывается. Додсон устало откинулся назад. «Наконец-то я один», – пробормотал он едва слышно. Он ждал чувства облегчения. Но его не было. Взамен его появились досада, чувство одиночества и тоски и еще – какая-то пустота и разочарование.

Но немного спустя Райли появился вновь. Он снова бежал неуклюже, по-крабьи, держа в руках трехпинтовый термос и две кружки. Задев за стенку туннеля, он яростно бранился. Тяжело дыша, он не говоря ни слова сел рядом с Додсоном, налил тому дымящегося кофе.

– Какого дьявола вы вздумали вернуться? – резко проговорил Додсон. – Я вас не просил...

– Вы просили кофе, – грубо оборвал его Райли. – Вот и пейте, черт возьми.

В это мгновение в тускло освещенном коридоре гребного вала жутко отозвалось эхо взрыва бомбы и детонации торпеды в аппарате левого борта.

Вибрация была так сильна, что они оба сшиблись. Кружка, которую держал Райли, выплеснулась Додсону на ногу. Ум Додсона так устал, реакции стали столь замедленными, что первая его мысль была о том, как дьявольски он озяб, до чего холодно в этом туннеле с «плачущими» стенками. Горячий, как кипяток, кофе мгновенно проник сквозь одежду, но Додсон не ощущал ни ожога, ни влаги: ноги ниже колен у него совсем онемели. Затем, встряхнув головой, он посмотрел на Райли.

– Ради Бога, в чем дело? Что происходит? Не знаете?

– Понятия не имею. Спрашивать было некогда. – Райли с наслаждением потянулся и принялся дуть на дымящийся кофе. Тут ему в голову пришла, видно, удачная мысль: широкая улыбка осветила мрачную физиономию кочегара.

– Не иначе, как «Тирпиц», – произнес он с надеждой.

В эту страшную ночь немецкие эскадрильи трижды поднимались с аэродрома в Альта-Фьорде и, гудя моторами, улетали в студеную арктическую ночь, держа курс на норд-норд-вест. Среди вод беспокойного Ледовитого океана они искали жалкие остатки конвоя Эф-Ар-77. Особого труда для них эти поиски не составляли – всю ночь конвой неотступно преследовал «фокке-вульф кондор», несмотря на все попытки избавиться от него. У «кондора», казалось,

был бесконечный запас этих смертоносных «люстр». Вполне возможно, что так оно и было, наверняка он не взял иного груза, кроме осветительных бомб. А бомбардировщикам оставалось лишь лететь на этот ориентир.

Первая атака началась примерно в 05.45 с высоты около девятисот метров.

В нападении, похоже, участвовали «дорнье», но определить тип самолетов с полной уверенностью было сложно, поскольку неприятельские машины летели много выше всех трех осветительных бомб, висевших над водой. В сущности, атака оказалась не вполне удачной и проведена была без особого воодушевления. И вполне понятно: огневая завеса оказалась слишком плотной.

Но из двух бомб, достигших цели, одна попала в транспорт, разрушив часть носовой надстройки, вторая поразила «Улисс». Пробив флаг-дек и адмиральский салон, бомба разорвалась в лазарете, битком набитом тяжелоранеными и умирающими. Для многих взрыв этот, должно быть, оказался избавлением, ниспосланным с неба, потому что на корабле давно кончились анестезирующие средства. Не уцелел никто. В числе прочих погиб Маршалл – минный офицер; Джонсон – старший санитар корабельного лазарета; старшина корабельной полиции, час назад раненный осколком трубы торпедного аппарата; Бэрджесс, беспомощно лежавший, стянутый смиренной рубашкой (ночью, когда бушевал шторм, он получил контузию и сошел с ума). В числе погибших оказались Браун, лежавший с раздробленным крышкой орудийного погреба бедром, и Брайерли, которого так или иначе ожидал конец: легкие у него разъело соляром. Брукса в лазарете не было.

Взрывом бомбы вывело из строя телефонную станцию. За исключением связи между мостиком и орудиями, а также телефона и переговорных труб, связывавших мостик с машиной, все корабельные коммуникации оказались нарушенными.

Вторая атака была осуществлена в семь часов утра всего шестью бомбардировщиками. То снова были «хейнкели», вооруженные крылатыми бомбами.

Видно, выполняя приказ, они не обращали внимания на транспорты и сосредоточили свое внимание на крейсерах. Дорого обошлась неприятелю эта атака: уцелели лишь две машины, а попадание было лишь одно. Но эта единственная бомба, угодившая в ют «Стерлинга», вывела из строя оба кормовых орудия.

С налитыми кровью глазами и обнаженной головой, несмотря на ледяной ветер, Тэрнер молча расхаживал по полуразбитому мостику «Улисса». Упорство, с каким держался на плаву «Стерлинг», отбиваясь оставшимися у него огневыми средствами, поражало его. Затем он взглянул на собственный корабль, напоминавший не крейсер, а плавающий лабиринт изувеченной стали. Но лабиринт этот, как ни удивительно, по-прежнему рассекал мощные волны. Взглянул – и удивился еще больше. Изувеченные, горящие крейсера, крейсера, разбитые и изуродованные до неузнаваемости, не были в диковину Тэрнеру. На его глазах буквально до смерти были избиты крейсера «Тринидад» и «Эдинбург», тоже эскортировавшие транспорты, направлявшиеся в Россию. Но никогда еще не доводилось ему видеть, чтобы корабли, получив такие страшные раны, как «Улисс» и старик «Стерлинг», все еще могли оставаться в

живых. Расскажи ему об этом кто-нибудь другой, он бы не поверил.

Третья атака началась перед самым рассветом. В серых утренних сумерках на конвой налетело полтора десятка «хейнкелей». Атакующие проявили недюжинную храбрость и решительность. И на этот раз единственными объектами атаки оказались крейсера, но особенно тяжело пришлось «Улиссу». Однако экипаж его не испугался встречи с врагом, не стал сетовать на судьбу, пославшую ему новое испытание. Эти странные, самоотверженные люди, эти «ходячие привидения», какими их видел Николлс, встретили неприятеля радостно: разве можно сразить врага, если он прячется? Страх, тревога, предчувствие смерти – это для них больше не существовало. Домашний очаг, родина, семья, жена, любимая девушка – то были одни слова, понятия, которые, лишь тронув человеческий разум, тотчас исчезали бесследно. «Передайте им, – сказал Вэллери. – Передайте им, что Господь наградил меня лучшим экипажем, о каком только смеет мечтать командир корабля». Вэллери. Вот что было важно. Это и все то, во что верил Вэллери, что было неотъемлемой частью этого душевного и доброго человека. Неотъемлемой потому, что то был сам Вэллери. И матросы подносили снаряды, запирали затворы орудий, нажимали на гашетки «эрликонов», забыв обо всем. Они помнили лишь о своем командире, который умер, умоляя простить его за то, что покидает их в беде. Помнили, что не должны предать его. Да, это были привидения, но привидения одержимые. Это были люди, поднявшиеся над самими собой, как это зачастую бывает, когда человеку известно, что его следующий, неизбежный шаг приведет его в горние выси...

Первым атаке подвергся «Стерлинг». Тэрнер увидел, как, войдя в отлогое пике, на крейсер с ревом устремились два «хейнкеля», чудом уцелевшие, несмотря на ожесточенный огонь бьющих в упор корабельных пушек. Бронебойные, замедленного действия бомбы поразили среднюю часть «Стерлинга» чуть ниже палубы и взорвались в котельном и машинном отделении – самом чреве корабля.

Следующие три бомбардировщика были встречены лишь огнем скорострельных автоматов да «льюисов», носовые орудия главного калибра умолкли. Тэрнер похолодел: страшная догадка пронзила его мозг: очевидно, взрывом отрезало башни от источников электроэнергии¹⁶. Вражеские бомбардировщики беспощадно подавили жалкое сопротивление, каждая бомба попала в цель.

«Стерлинг» получил смертельную рану. Вновь охваченный пламенем, корабль сильно накренился на правый борт.

Рев авиационных моторов заставил Тэрнера резко обернуться. В первой волне двигалось пять «хейнкелей». Заходили они с разных высот и различных курсовых углов с целью рассредоточить зенитные средства крейсеров, но все машины метили в кормовую часть «Улисса». Дыма и

¹⁶ Один и даже несколько взрывов в том или ином помещении не могут разрушить или вывести из строя все динамо-машины крупного корабля, а также повредить все секции корабельной электросети. При повреждении динамо или связанной с ним секции корабельной сети плавятся предохранители, автоматически отключая вышедшую из строя секцию. Во всяком случае, теоретически. На практике же так происходит не всегда: предохранители могут не сработать, и тогда вся система выходит из строя. Ходят слухи – упорные слухи, что по меньшей мере один британский линейный корабль погиб по той простой причине, что не сработали автоматические выключатели динамо-машины – плавкие предохранители на 800 ампер, – и ставший беспомощным корабль не смог защищаться. (Прим. автора.)

грохота было столько, что Тэрнер лишь с трудом мог ориентироваться в обстановке. Воздух мгновенно наполнился свистом крылатых бомб и оглушительным лаем авиационных пушек и пулеметов. Одна бомба взорвалась в воздухе – чуть впереди кормовой дымовой трубы. Над шлюпочной палубой пронесся стальной смерч, и тотчас смолкли все «эрликоны» и скорострельные автоматы: их расчеты погибли от осколков и удара взрывной волны. Вторая бомба, пробив верхнюю палубу и палубу кубрика машинистов, взорвалась в отсеке радиотелеграфистов, походившем теперь на склеп. Две другие бомбы, летевшие выше, ударили в кормовую орудийную палубу и третью орудийную башню. С зияющей сверху пробоиной и боками, словно вспоротыми гигантским тесаком, башня, сорванная с основания, лежала уродливой грудой на изувеченной палубе.

За исключением артиллеристов, находившихся на бот-деке и в орудийной башне, погиб лишь один моряк, но моряк этот был поистине незаменим. Осколком первой бомбы пробило баллон со сжатым воздухом, находившимся в мастерской торпедистов, где только что укрылся Хартли, старший боцман «Улисса», на ком, в сущности, держался весь корабль...

Вот крейсер врезался в облако густого черного дыма – это горело топливо в пробитых топливных цистернах «Стерлинга». Что происходило в течение последующих десяти минут, никто не помнил. Корабль, объятый дымом и пламенем, походил на преисподнюю, и матросы терпели поистине адские муки.

«Улисс» вырвался из черного облака, но тут, паля из

пушек и пулеметов, на него обрушились «хейнкели» (бомб у них больше не осталось). Так на упавшую на колени жертву набрасывается кровожадная волчья стая. Правда, крейсер нет-нет да огрызался: стреляло то одно орудие, то другое.

Например, отвечала пушка, установленная возле самого мостика.

Перегнувшись вниз, Тэрнер увидел артиллериста, бывшего трассерами в пикирующий «хейнкель». В ту же минуту и «хейнкель» открыл огонь. Сбив с ног Капкового мальчика, Тэрнер кинулся назад.

Вражеская машина улетела, и пушки умолкли. Тэрнер с трудом поднялся на ноги, посмотрел через борт: зенитчик был мертв, одежда на нем была исполосована в клочья.

Услышав позади шум шагов, Тэрнер обернулся и увидел хрупкую юношескую фигуру. Отстранив чью-то руку, юноша перелез через ограждение мостика. На мгновение перед Тэрнером мелькнуло бледное, сосредоточенное лицо Крайслера, того самого юного сигнальщика, который ни разу не улыбнулся и ни с кем не разговаривал с тех самых пор, как была открыта рубка гидроакустика. В ту же секунду справа по борту он заметил трех «хейнкелей», делавших новый заход.

– Слезай, идиот! – закричал Тэрнер. – Жить надоело?

Крайслер взглянул на офицера широко раскрытыми, недоумевающими глазами, отвернулся и спрыгнул на бортовой барбет, где был установлен «эрликон».

Перегнувшись, Тэрнер посмотрел вниз.

Ни слова не говоря, Крайслер попробовал вытащить убитого стрелка из гнезда, но сил у него не хватало. Лишь

после нескольких судорожных, отчаянных рывков ему удалось стащить комендора с сиденья. Осторожно опустив мертвеца на палубу, он сам вскарабкался в освободившийся кокпит. Рука Крайслера, заметил Тэрнер, была рассечена и кровоточила, затем краешком глаза старпом увидел, как из пушек «хейнкеля» вырвалось пламя, и упал на пол.

Прошла одна секунда, две, три – три секунды, в продолжение которых вражеские снаряды и пули молотили по прочной броне мостика. И тут словно сквозь сон Тэрнер услышал, как застучал спаренный «эрликон». Юноша продолжал вести огонь до последней секунды. Он произвел всего лишь шесть выстрелов, но, окутанная дымом, огромная серая машина задела за командно-дальномерный пост левым крылом, которое тотчас же отлетело в сторону и упало в воду у противоположного борта корабля.

Крайслер по-прежнему сидел в кокпите. Правой рукой он держался за изувеченное авиационным снарядом левое плечо, пытаясь остановить кровь, льющуюся из перебитой артерии. И, когда следующий бомбардировщик ринулся на корабль, старший офицер увидел, как раненая, окровавленная рука юноши потянулась к рукоятке спускового механизма.

В бессильном гневе старпом колотил кулаком по палубе. Упав на настил рядом с Кэррингтоном и штурманом, он думал о Старре – человеке, который навлек на них эти мучения, – и ненавидел его пуще всех на свете. В ту минуту он был готов убить этого подлеца. Думал о юном Крайслере, который испытывал адскую боль от плечевых упоров, представил карие глаза этого мальчика, тоску и муку в них.

Тэрнер поклялся, что если останется жив, то представит юношу к Кресту Виктории.

Грохот пушек оборвался. «Хейнкель» отвалил вправо, оба мотора его были окутаны дымом.

Вместе с Капковым мальчиком, точно сговорясь, Тэрнер поднялся на ноги и наклонился, чтобы посмотреть вниз. Но при этом едва не погиб. Он не заметил третий «хейнкель», который пронесся над мостиком – излюбленной мишенью самолетов, – поливая его огненным дождем. Ощувив возле щек ветерок пуль, Тэрнер резко откинулся назад, с маху ударившись спиной о палубу, да так, что не смог вздохнуть. Но, лежа на палубе, он не видел ее. Перед взором старпома стояла иная картина, каленым железом врезавшаяся ему в памяти – образ Крайслера, которого он успел увидеть в долю секунды. В спине юноши зияла рана величиной с кулак. Стрелок упал, и от веса его тела стволы «эрликонов» задрались вверх. Оба ствола по-прежнему стреляли. Стреляли до тех пор, пока не опустели магазины; пальцы убитого судорожно сжимали гашетки.

Одна за другой смолкали пушки судов конвоя, вой авиационных моторов стал едва слышен. Налет окончился.

Тэрнер поднялся на ноги – на этот раз медленно, тяжело. Перегнувшись через край мостика, посмотрел на гнездо стрелка и отвернулся. Лицо его оставалось неподвижным.

Позади послышался кашель. Станный, булькающий. Тэрнер резко обернулся и оцепенел, сжав кулаки.

Не в силах ничем помочь, Кэррингтон опустился на колени рядом со штурманом. Тот сидел на палубе, опершись спиной о ножки адмиральского кресла. От левого

бедра юноши к правому плечу, рассекая вышитую на груди букву «Х», шла ровная, аккуратная строчка круглых отверстий, прошитых пулеметом «хейнкеля». Должно быть, воздушной волной молодого штурмана отшвырнуло на самую середину мостика.

Тэрнер стоял как вкопанный. Ему стало не по себе; он понял, что жить штурману оставалось считанные секунды. Любое резкое движение оборвет тонкую нить, еще связывавшую юношу с жизнью.

Почувствовав присутствие старшего офицера, ощутив на себе его взгляд, Капковый мальчик с усилием поднял голову. Ясные голубые глаза его уже помутнели, в лице не было ни кровинки. Машинально проведя рукой по пробитому пулями комбинезону, он ощупал отверстия. Взглянул на стеганный капковый костюм и невесело улыбнулся.

– Пропал, – прошептал он. – Пропал костюмчик! – Рука его с раскрытой ладонью соскользнула вниз. Голова тяжело упала на грудь. Ветер шевелил льняные волосы юноши.

ГЛАВА 17

В воскресенье (утром)

«Стерлинг» погиб на рассвете. Погиб, по-прежнему имея ход, по-прежнему разрезая форштевнем могучие волны. Изуродованный мостик и надстройки накалились докрасна; а когда адское пламя, питаемое соляром из разбитых топливных цистерн, раздувало ветром, металл раскалялся добела. Нелепое, страшное, хотя и не новое зре-

лице: именно так выглядел «Бисмарк», похожий на кусок стали в горниле, прежде чем торпеды «Шропшира» отправили корабль на дно.

«Стерлинг» погиб бы в любом случае, но пикировщики ускорили его конец.

Северное сияние давно померкло. На севере темнела туча, которая готова была вот-вот затянуть все небо. Моряки молили провидение, чтобы туча эта закрыла собою конвой, спрятала его под снежным покровом. Однако «штуки»¹⁷ опередили тучу. «Штуки» – наводившие на противника страх пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» с изломом крыльев, как у чайки, – появились с юга. Пролетев на большой высоте над конвоем, они развернулись и полетели назад, на юг. Очутившись на западе, на самом траверзе «Улисса», замыкавшего конвой, они начали новый разворот. Один за другим, в типичной для «юнкерсов» манере, пикировщики стали выходить из строя, падая на левое крыло. Сделав разворот, вражеские машины коршунами кинулись из поднебесья на свои жертвы.

Всякий самолет, пикирующий на изготовленную к бою зенитную установку, обречен. Так говорили ученые мужи, преподаватели артиллерийского училища на острове Уэйл и, теща собственное тщеславие, доказывали и без того очевидную истину, используя в качестве наглядных пособий зенитные орудия и воссоздавая боевую обстановку. К сожалению, воссоздать пикировщики было невозможно.

«К сожалению» – потому, что в боевых условиях

¹⁷ Stuka – от немецкого Sturzkampfflugzeug – пикирующий бомбардировщик.

единственным решающим фактором был именно пикирующий бомбардировщик. Чтобы убедиться в этом, надо самому очутиться возле орудия, слышать пронзительный вой и свист «штуки», падающей почти отвесно вниз, самому прятаться от ливня пуль, видеть, как с каждой секундой вражеская машина увеличивается в сетке прицела, и знать при этом, что никакая сила не предотвратит полет подвешенной под фюзеляжем пикировщика бомбы. Сотни человек – из тех, кто был свидетелем атаки «юнкерса» и остался в живых, – с готовностью подтвердят, что война не создала ничего более жуткого и деморализующего, чем зрелище «юнкерса» с его У-образным изломом крыльев в ту минуту, когда он с оглушительным ревом падает на вас перед самым выходом из пике.

Но в одном из ста, а, возможно, и из тысячи случаев, когда тот факт, что за пушкой сидел живой человек, не шел в счет, могло оказаться, что ученые мужи правы. Именно теперь-то и был этот тысячный случай, ибо ночью призрак страха исчез. Пикировщикам противостоял лишь один многоствольный зенитный автомат да полдюжины «эрликонов» – носовые башни использовать было невозможно. Но и этого оружия было достаточно, даже более чем достаточно, ибо оно находилось в руках людей нечеловечески бесстрастных, исполненных ледяного, как полярный ветер, спокойствия и проникнутых решимостью, от которой становилось страшно. В течение каких-то трех секунд были сбиты три «юнкерса». Два из них упали в море, не причинив кораблю вреда, а третий со страшным треском врезался в и без того разрушенный адмиральский салон.

Надежды на то, что топливные баки самолета не взо-

рвутся, а бомба не сдетонирует при ударе, почти не было. Но ни того, ни другого не произошло.

Казалось излишним восторгаться храбростью ветерана – в минуты испытаний мужество становится обычным явлением, – когда бородатый Дойл, оставив свой скорострельный автомат, забрался на полубак и упал на бомбу, тяжело перекатывавшуюся по шпигату, наполненную чистым авиационным бензином.

Достаточно было крохотной искры, высеченной башмаком Дойла или одним из стальных обломков «юнкерса», царапавших, по надстройке, и произошло бы непоправимое... Контактный взрыватель бомбы был цел, и бомба, словно живая, скользила и каталась по обледенелой палубе. Вырываясь из рук Дойла, крепко державшего ее, бомба так и норовила ткнуться носом в переборку или в пиллерс.

Если же Дойл и подумал о том, что может произойти, то ему это было безразлично. Спокойно, почти небрежно, ударом ноги он сбил уцелевшую стойку леерного ограждения и спихнул бомбу вниз стабилизатором, резко оттолкнув в сторону ее нос, чтобы детонатор не стукнулся о борт. Бомба упала в море, не взорвавшись.

Она упала в воду в ту самую минуту, когда первая бомба, проткнув, словно лист картона, дюймовую палубную броню «Стерлинга», взорвалась в машинном отделении. Вслед за нею в самое сердце гибнущего крейсера вонзились три, четыре, пять, шесть бомб, после чего освободившиеся от груза «юнгерсы», круто взмыв, отвалили в обе стороны от корабля. Люди, находившиеся на мостике «Улисса», взрыва этих бомб не слышали. Вместо него была жуткая, окаянная тишина. Бомбы попросту исчезли в дыму и реве адского пламени.

«Стерлинг» был сражен не одним ударом, а целой серией все более мощных ударов. Он многое вынес, но терпеть далее у него не осталось сил. Так под градом ударов, наносимых неумелым, но свирепым противником, шатается и, не выдержав их лавины, падает на ринг боксер.

С окаменевшим лицом, мучаясь сознанием собственного бессилия, Тэрнер безмолвно смотрел, как гибнет «Стерлинг». Странное дело, думал устало старпом, он таков, как и все. Должно быть, крейсера, – пришла ему в голову отвлеченная мысль, – самые стойкие в мире корабли. Он видел гибель многих, и ни один из них не погиб просто, легко, эффектно. Ни внезапный нокаут, ни «удар из милосердия» не могли оборвать их жизнь – всякий раз их приходилось бить, бить до смерти... Так случилось и со «Стерлингом». Тэрнер, так крепко вцепился в разбитое ветрозащитное стекло, что у него заболели предплечья.

Для него, как и для любого хорошего моряка, любимый корабль становился любимым другом, а старый храбрый «Стерлинг» вот уже пятнадцать месяцев был верным спутником «Улисса» и вместе с ним нес тяжелое бремя, участвуя в самых трудных конвоях. «Стерлинг» был последним из старой гвардии, ибо один лишь «Улисс» дольше него ходил в опасные походы. Тяжко видеть, как погибает друг; уставившись в обледенелый палубный настил и втянув голову в сгорбленные плечи, старпом отвернулся.

Тэрнер мог закрыть глаза, но не мог заткнуть уши. Он содрогнулся всем телом, услышав чудовищный клекот кипящей воды и шипенье пара. Это раскаленные добела надстройки «Стерлинга» стали погружаться в студёные

воды Ледовитого океана. Пятнадцать, двадцать секунд продолжался этот страшный предсмертный вздох и внезапно оборвался, словно отсеченный ножом гильотины.

Заставив себя поднять голову, Тэрнер увидел впереди лишь пустынное, мерно вздымающееся море да крупные жирные пузыри, поднимающиеся на поверхность.

Когда к ним прикасались капельки дождя, выпадавшие из огромного облака пара, уже превращавшегося во влагу на этом лютном холоде, они лопались.

«Стерлинг» погиб, но потрепанные остатки конвоя, раскачиваясь с борта на борт и с носа на корму, упорно продвигались на север. Осталось всего семь судов – четыре «купца», в том числе флагманское судно коммодора, танкер, «Сиррус» и «Улисс». Ни одно из судов не было целым, все получили повреждения, тяжелые повреждения, но больше остальных досталось «Улиссу».

Уцелело всего лишь семь судов. А ведь вначале в конвое насчитывалось тридцать шесть единиц.

В 08.00 Тэрнер послал светограмму «Сиррусу»: «Радиостанция выведена из строя. Сообщите командующему курс, скорость, место. Подтвердите randevу в 09.30. Зашифруйте».

Ответ пришел ровно час спустя. «Задержка из-за сильного волнения. Randevу ориентировочно в 10.30. Выслать авиационное прикрытие невозможно. Продолжайте идти к месту назначения. Командующий».

– «Продолжайте идти!» – яростно воскликнул Тэрнер. – Вы только послушайте его! «Продолжайте идти!» А мы что делаем, черт возьми? Кингстоны открываем? – Он замотал головой в гневе и отчаянии. – Не люблю повторяться, –

произнес он с горечью. – Но приходится. Как всегда, выручка приходит слишком поздно, тысяча чертей¹⁸!

Давно наступил рассвет, день был в полном разгаре, когда вдруг начало снова темнеть. Небо обложили тяжелые свинцовые тучи – бесформенные, зловещие. То были снеговые тучи. Слава Богу, скоро повалит снег, только он теперь может спасти конвой.

Но снегопада не было. На них, как снег на голову, обрушились «юнкерсы».

Сначала слышался размеренный, то стихающий, то усиливающийся, гул моторов: это бомбардировщики методически обшаривали пустынную поверхность моря («Чарли» улетел еще на рассвете). Но обнаружить крохотный конвой было лишь вопросом времени. Спустя десять минут после первого оповещения об их приближении головной «юнкерс», падая на крыло, ринулся вниз.

Прошло всего десять минут, но этого оказалось достаточно для того, чтобы, посоветовавшись, принять решение, какое приходит в минуту отчаяния.

Когда «юнкерсы» приблизились, они обнаружили, что конвой движется строем фронта: танкер «Варелла» в середине, по два транспорта с обоих его бортов, чуть впереди, а «Сиррус» и «Улисс» прикрывают фланги. Случись

¹⁸ К сожалению, это правда. Эскадра флота метрополии почти всякий раз приходила на выручку с большим опозданием. Трудно винить в этом адмиралтейство – линейные корабли были нужны для блокады «Тирпица», а лорды адмиралтейства не хотели рисковать, посылая эти суда к побережью континента, где их могли атаковать бомбардировщики берегового базирования. Давно приготовленная ловушка все-таки захлопнулась, но в нее попался лишь тяжелый крейсер «Шарнхорст», а не «Тирпиц». Эскадре так и не удалось поймать этот могучий линкор. Он был потоплен на рейде в Альта-Фьорде бомбардировщиками типа «ланкастер» британских королевских ВВС. (Прим. автора.)

рядом подводная лодка, ей ничего не стоило бы поразить разом все суда. Но метеорологические условия не благоприятствовали действиям подводных лодок, зато такой строй позволял по крайней мере постоять за себя. Если бы бомбардировщики приблизились с кормы – излюбленный прием «юнкерсов», – они натолкнулись бы на плотную завесу огня всех семи кораблей. Атакуй они с флангов, им пришлось бы сначала атаковать корабли охранения, поскольку ни один «юнкере» не станет подставлять свое незащищенное брюхо под снаряды орудий военного судна... Бомбардировщики решили атаковать одновременно с обоих флангов – пять машин шли с востока, четыре с запада. На этот раз они несли запасные топливные баки.

Смотреть, как идут дела у «Сирруса», Тэрнеру было недосуг. Впору было следить лишь за тем, что происходит на собственном корабле: густой едкий дым, вырывавшийся из стволов носовых башенных орудий, обволок мостик. В промежутках между оглушительными залпами орудий калибра 5,25 дюйма он слышал торопливые выстрелы скорострелки Дойл, установленной на шкафуте, и злобный стук «эрликонов».

Вдруг, да так, что у всех захватило дух, вспыхнули два мощных снопа ослепительно белого света, пронзившие сумрак дня. Широко раскрыв глаза, Тэрнер в яростном восторге оскалил зубы. Сорокачетырехдюймовые прожектора!

Ну конечно же! Все еще считающиеся секретными, огромные прожектора, способные обнаружить противника на расстоянии целых шести миль! Вот глупец!

Как он мог забыть, о них? Вэллери часто использовал

прожектора во время воздушных налетов – как засветло, так и в темное время. Ни один человек не мог выдержать взгляда этих страшных глаз, этого яркого, как солнце, пламени, не ослепнув при этом.

Часто моргая (дым разъедал ему глаза), Тэрнер посмотрел назад, чтобы выяснить, кто же находится у пульта управления прожекторами. Он догадался раньше, чем увидел его. Им мог быть только Ральстон. Пульт управления прожекторами был его боевым постом в дневное время. Тэрнер просто не мог себе представить, чтобы кто-то другой, кроме этого рослого белокурого торпедиста, такого смышленного и находчивого, мог по своей инициативе включить прожектора.

Забившись в угол мостика, Тэрнер наблюдал за юношей. Он забыл про корабль, забыл даже о бомбардировщиках – ко всему, лично он ничего не мог предпринять – и словно замороженный впился глазами в прожекториста.

Глаза юноши приникли к визирю, лицо его оставалось совершенно бесстрастным. Если бы в минуту, когда визир опускался, повинувшись легкому нажатию пальцев на штурвал, не напрягались мышцы спины и шеи, Ральстон походил бы на мраморное изваяние: при виде его неподвижного лица, нечеловеческой сосредоточенности становилось не по себе.

Ни одна жилка не дрогнула на этом лице – ни в тот момент, когда первый «юнкере» начал, словно обезумев, метаться во все стороны, пытаясь спастись от этого ослепительного снопа света, ни в то мгновение, когда вражеская машина ринулась вниз, но, выйдя из пике слишком поздно, упала в море в сотне ярдов от «Улисса».

О чем, интересно, думал этот юноша? О матери и сестрах, погребенных под развалинами дома в Кройдоне? О брате, павшем случайной жертвой мятежа в Скапа-Флоу, который теперь казался такой нелепицей? Об отце, погибшем от руки собственного сына? Тэрнер этого не знал, но что-то подсказывало, что задавать такие вопросы поздно, что этого не узнает никто.

Лицо Ральстона было нечеловечески спокойно. Оно оставалось спокойным и в ту минуту, когда второй пикировщик, промахнувшись, сбросил бомбу в море.

Лицо его было неподвижным, когда третий бомбардировщик взорвался в воздухе.

Оно оставалось спокойным и после того, как пушечными снарядами четвертого «юнкерса» был выведен из строя один из прожекторов... и даже тогда, когда снарядами последнего «юнкерса» вдребезги разбило пульт управления прожекторами, а самому оператору разворотило грудь. Ральстон умер мгновенно.

Постояв долю секунды, словно не желая покидать свой боевой пост, он медленно опустился на палубу. Тэрнер склонился над погибшим. На открытые глаза юноши падали первые пушистые хлопья снега. И лицо его, и глаза были по-прежнему бесстрастны, словно маска. Тэрнер поежился словно от холода и отвернулся.

Всего одна бомба попала в «Улисс». Она угодила в носовую палубу сразу перед первой башней. Не пострадал никто, но от удара и сотрясения вышла из строя гидравлика. Единственной на корабле действующей орудийной башней оказалась вторая башня.

«Сиррусу» повезло меньше. Комендоры эсминца сбили

один «юнкере», огнем с транспортов был уничтожен еще один бомбардировщик, но две бомбы поразили корабль и взорвались в кормовом кубрике. На «Сиррусе», битком набитом моряками, снятыми с погибших кораблей, народу скопилось вдвое больше обыкновенного, и поэтому этот кубрик был обычно переполнен до отказа. Но по боевой тревоге все его покинули, так что там никто не погиб. Ни один моряк не погиб и впоследствии; во время новых походов, в Россию эсминец не получил ни единого повреждения.

Надежда крепла с каждой минутой. До подхода боевой эскадры оставалось меньше часа. На корабли опустилась мгла, предвестница арктического шторма.

Густо валил снег, падая в темные беспокойные воды океана. Ни один самолет не смог бы теперь отыскать их в этой пронизанной свистом ветра снежной мгле. Ко всему, конвой оказался вне досягаемости береговой авиации, не считая, конечно, «кондоров». Да и подводные лодки вряд ли осмелятся высунуть свой нос в такую пургу.

– «На остров Счастья выбросит, быть может...» – негромко продекламировал Кэррингтон.

– Что? – недоуменно посмотрел на него Тэрнер. – Что вы сказали, капель?

– Теннисон, – извиняющимся тоном произнес Кэррингтон. – Командир любил его цитировать... Возможно, и выкарабкаемся.

– Возможно, возможно, – машинально отозвался Тэрнер. – Престон!

– Есть, сэр! Вижу семафор. – Престон впился взглядом в северную часть горизонта, где на «Сиррусе» торопливо мигал сигнальный фонарь.

– Корабль, сэр! – сообщил он взволнованно. – «Сиррус» докладывает, что с норда приближается военный корабль!

– С норда? Слава Богу! Слава Богу! – оживился Тэрнер. – С норда! Должно быть, эскадра. Раньше, чем обещали... Зря я их ругал! Что-нибудь видите, капель?

– Ничего не вижу, сэр. Снежный заряд плотен, хотя видимость вроде улучшается... Снова светограмма с «Сирруса».

– Что он пишет, Престон? – озабоченно спросил Тэрнер сигнальщика.

– «Контакт. Подводная цель. Тридцать градусов левого борта. Дистанция уменьшается».

– Подводная лодка? В такой-то темноте? – простонал Тэрнер. Изо всей силы он ударил кулаком по нактоузу и злобно выругался. – Черта с два! Пусть только попробует остановить нас! Престон, напишите «Сиррусу», пусть остается...

И на полуслове умолк, вперив изумленный взгляд в северную часть горизонта. Сквозь снег и мрак он увидел, как вдали вспыхнули и снова погасли кинжалы белого пламени. Подошел Кэррингтон, не мигая глядел, как перед форштевнем «Кейп Гаттераса», транспорта, на котором находился коммодор конвоя, взлетели белые водяные столбы. Потом снова увидел вспышки. На этот раз они были ярче, мощнее и на долю секунды озарили бак и надстройки ведущего огонь корабля.

Старпом медленно повернулся к Кэррингтону и увидел застывшее лицо и погасший взгляд первого офицера. Как-то сразу побледнев и осунувшись от усталости и предчувствия неминуемой беды, Тэрнер в свою очередь пристально посмотрел на Кэррингтона.

– Вот и ответ на многие вопросы, – проговорил он вполголоса. – Вот почему фрицы последние дни так обрабатывали «Стерлинг» и наш корабль. Лиса попала в курятник. Наш старый приятель, крейсер типа «Хиппер», пришел к нам с визитом вежливости.

– Совершенно верно.

– А спасение было так близко... – Тэрнер пожал плечами. – Мы заслужили лучшей участи... – Он криво усмехнулся. – Как вы относитесь к тому, чтобы погибнуть смертью героя?

– Одна мысль об этом внушает мне отвращение! – прогудел чей-то голос у него за спиной. Это появился Брукс.

– Мне тоже, – признался старший офицер. Он улыбнулся: он снова был почти счастлив. – Но есть ли у нас иной выбор, джентльмены?

– Увы, нет, – печально вымолвил Брукс.

– Обе машины полный вперед! – скомандовал Кэррингтон по переговорной трубе. Это было его ответом.

– Отставить, – возразил – Тэрнер. – Обе машины самый полный, капитан-лейтенант. Передайте в машинное отделение, что мы спешим, и напомните механикам, как они грозились перещеголять «Абдиэл» и «Манксман»... Престон! Сигнал всем судам конвоя: «Рассеяться. Следовать в русские порты самостоятельно».

Верхняя палуба оказалась под плотной белой пеленой, но снег все валил, не переставая. Снова поднялся ветер. Выйдя на палубу после тепла корабельной лавки, где он оперировал, Джонни Николлс едва не задохнулся от ле-

дяного ветра. Легкие пронизала острая боль: температура воздуха, понял он, была градусов двадцать по Цельсию. Спрятав лицо в воротник канадки, он медленно, с остановками, стал подниматься по трапам на мостик. Николлс смертельно устал и всякий раз, ступая, корчился от боли: осколками бомбы, взорвавшейся в кормовом кубрике, он был ранен в левую ногу выше лодыжки.

Командир «Сирруса» ждал его у дверцы крохотного мостика.

– Я решил, вам будет любопытно взглянуть на это, док, – произнес Питер Опп высоким, необычным для такого рослого мужчины голосом. – Вернее, подумал, что вы захотели бы увидеть это зрелище, – поправился он. – Посмотрите, как он несется! – проговорил Опп. – Как он несется!

Николлс повернул голову туда, куда показывал командер. Слева по траверзу, в полумиле от эсминца, пылал охваченный пламенем «Кейп Гаттерас», почти потерявший ход. Сквозь снежную пелену Джонни с трудом разглядел смутный силуэт немецкого крейсера. С дистанции в несколько миль тот беспощадно всаживал в тонущее судно один снаряд за другим, видны были вспышки оружейных выстрелов. Каждый залп попадал в цель: меткость немецких комендоров была фантастической.

«Улисс» мчался, вздымая тучи брызг и пены, навстречу вражескому крейсеру. Он находился в полумиле, на левой раковине «Сирруса». Носовая часть флагмана то почти целиком вырывалась из воды, то с громким, как пистолетный выстрел, гулом, несмотря на ветер, слышным на мостике «Сирруса», ударялась о поверхность моря. А мо-

гучие машины с каждой секундой увлекали корабль все быстрее и быстрее вперед.

Словно замороженный, Николлс наблюдал это зрелище. Впервые увидев родной корабль с той минуты, как покинул его, он ужаснулся. Носовые и кормовые надстройки превратились в изуродованные до неузнаваемости груды стали; обе мачты сбиты, дымовые трубы, изрешеченные насквозь, покосились; разбитый дальномерный пост смотрел куда-то в сторону. Из огромных пробоин в носовой палубе и в корме по-прежнему валил дым, сорванные с оснований кормовые башни валялись на палубе. Поперек судна, на четвертой башне все еще лежал обгорелый остов «кондора», из носовой палубы торчал фюзеляж вонзившегося по самые крылья «юнкера», а корпусе корабля, Николлс это знал, напротив торпедных труб зияла гигантская брешь, доходившая до ватерлинии.

«Улисс» представлял собой кошмарное зрелище.

Уцепившись за ограждение мостика, чтобы не упасть, Николлс неотрывно смотрел на крейсер, немея от ужаса и изумления. Орт тоже глядел на корабль, отвернувшись на миг лишь при появлении на мостике посыльного.

– «Рандеву в десять пятнадцать», – прочитал он вслух. – Десять пятнадцать! Господи Боже, через двадцать пять минут! Вы слышите, док? Через двадцать пять минут!

– Да, сэр, – рассеянно отозвался Николлс, не слушая Орта.

Посмотрев на лейтенанта, тот коснулся его руки и показал в сторону «Улисса».

– Невероятное зрелище, черт побери! Не правда ли? – пробормотал командер.

– Боже, как бы я хотел оказаться сейчас на борту нашего крейсера! – с несчастным видом проговорил Николлс. – Зачем меня отослали?... Взгляните! Что это?

К ноку сигнального рея «Улисса» поднималось гигантское полотнище – флаг длиной шесть метров, туго натянувшийся на ветру. Николлс никогда еще не видел ничего подобного. Флаг был огромен, на нем ярко горели полосы алого и голубого цвета, а белый был чище несшегося навстречу снега.

– Боевой флаг¹⁹, – проронил Опп. – Билл Тэрнер поднял боевой флаг.

– Он в изумлении, покачал головой. – Тратить на это время в подобную минуту... Ну, док, только Тэрнер способен на такое! Вы хорошо его знали?

Николлс молча кивнул.

– Я тоже, – просто произнес Опп. – Нам с вами повезло. «Сиррус» двигался навстречу противнику, делая пятнадцать узлов, когда в кабельтове от эсминца «Улисс» промчался с такой скоростью, словно тот застыл на месте.

Впоследствии Николлс так и не смог как следует описать, что же произошло. Он лишь смутно припоминал, что «Улисс» больше не нырял и не взлетал на волну, а летел с гребня на гребень волны на ровном киле. Палуба его круто накренилась назад, корма ушла под воду, метров на пять ниже кильватерной струи – могучего в своем великолепии потока воды, вздымавшегося над изуродованным ютом. Еще он помнил, что вторая башня стреляла безостановоч-

¹⁹ Британский боевой флаг представляет собой белое полотнище с красным прямым крестом и национальным флагом в «крыже» – верхнем углу. (Прим. переводчика.).

но, посылая снаряд за снарядом. Те с визгом уносились, пронзая слепящую пелену снега, и миллионами светящихся брызг рассыпались на палубе и над палубой немецкого крейсера: в артиллерийском погребе оставались лишь осветительные снаряды. В памяти его смутно запечатлелась фигура Тэрнера, приветственно махавшего ему рукой, – и огромное, туго натянутое полотнище флага, уже растрепавшееся и оборванное на углах. Но одного он не мог забыть – звука, который сердцем и разумом запомнил на всю жизнь. То был ужасающий рев гигантских втяжных вентиляторов, подававших в огромных количествах воздух задыхающимся от удушья машинам. Ведь «Улисс» мчался по бушующим волнам самым полным ходом, со скоростью, которая способна была переломить ему хребет и сжечь дотла могучие механизмы. Сомнений относительно намерений Тэрнера не могло быть: он решил таранить врага, уничтожить его и погибнуть вместе с ним, нанеся удар с невероятной скоростью в сорок или более узлов.

Николлс неотрывно глядел, чувствуя какую-то растерянность, и тосковал душою: ведь «Улисс» стал частью его самого; милые его сердцу друзья, в особенности Капковый мальчик, – Джонни не знал, что штурман уже мертв, – они тоже были частью его существа. Видеть конец легенды, видеть, как она гибнет, погружается в волны небытия, – всегда ужасно. Но Николлс испытывал еще и какой-то особый подъем. Да, то был конец, но какой конец! Если у кораблей есть сердце, если они наделены живой душой, как уверяют старые марсофлоты, то наверняка «Улисс» сам выбрал бы себе подобную кончину.

Крейсер продолжал мчаться со скоростью сорок узлов,

как вдруг в носовой части корпуса над самой ватерлинией появилась огромная пробоина. Возможно, то взорвался вражеский снаряд, хотя он вряд ли мог попасть в корабль под таким углом. Вероятнее всего, то была торпеда, выпущенная не замеченной вовремя субмариной. Могло статься, что в момент, когда носовая часть корабля зарылась в воду, встречной волной торпеду выбросило на поверхность. Подобные случаи бывали и прежде; редко, но бывали... Не обращая внимания на страшную рану, на разрывы тяжелых снарядов, сыпавшихся на него градом, «Улисс» птицей летел навстречу врагу.

С опущенными до отказа орудиями «Улисс» по-прежнему мчался под огнем противника.

Внезапно раздался страшной силы оглушительный взрыв: в оружейном погребе первой башни сдетонировал боезапас. Вся носовая часть корабля оказалась оторванной. Облегченный бак на секунду взлетел в воздух. Затем изувеченный корабль врезался в набежавший вал и стал погружаться. Уже целиком ушел под воду, а бешено вращающиеся лопасти винтов продолжали увлекать крейсер все дальше в черное лоно Ледовитого океана.

ГЛАВА 18

Эпилог

Теплый воздух был ласков и неподвижен. В вышине разливалась лазурь небес. Ленивоплыли к далекому горизонту легкие, похожие на клочки ваты облака. Из похожих на птичьи клетки цветочных вазонов струились го-

лубые, желтые, алые, золотые цветы нежнейших оттенков и тонов, о существовании которых Джонни успел забыть. Порой возле них останавливался какой-нибудь старик, озабоченная домашняя хозяйка или юноша, державший под руку свою смешливую подружку. Постояв и полюбовавшись на цветы, они снова продолжали свой путь, становясь красивее и лучше. Заглушая гул улицы, чистыми голосами пели птицы, на башне парламента гулко отбивал время Большой Бен.

Джонни Николлс с трудом выбрался из такси и, расплатившись с шофером, медленно поковылял вверх по мраморным ступеням.

Часовой с подчеркнуто бесстрастным лицом отдал честь и отворил тяжелую шарнирную дверь. Войдя, Джонни Николлс оглядел просторный вестибюль, по обеим сторонам которого выстроились ряды массивных, внушающих к себе почтение дверей. В дальнем конце вестибюля, под огромной винтовой лестницей, над широким выпуклым барьером, похожим на те, какие встречаются в банках, висела табличка: «Машинописное бюро. Стол справок».

Он заковылял к барьеру. Костыли неестественно громко стучали по мраморному полу. «Очень трогательное и мелодраматичное зрелище, Николлс, – подумал он машинально, – зрители не даром заплатили свои деньги». С полдюжины машинисток, словно по команде, перестали бить по клавишам и, не скрывая любопытства, широко раскрытыми, глазами глядели на раненого. К барьеру подошла стройная рыжеволосая девушка в форме женского вспомогательного корпуса, но без тужурки.

– Чем могу вам помочь, сэр? – В ее спокойном голосе, голубых глазах было жалостливое участие. Взглянув на себя в зеркало, висевшее позади девушки, Николлс увидел вытертую тужурку, надетую на серый рыбацкий свитер, выцветшие, запавшие глаза, ввалившиеся, бледные щеки и мысленно усмехнулся.

Не нужно быть доктором, чтобы понять, что он очень плох.

– Моя фамилия Николлс, лейтенант корабельной медицинской службы Николлс. Явился по вызову...

– Лейтенант Николлс... Вы с «Улисса»? – Девушка за-
таила дыхание. – Да, да, разумеется, сэр. Вас ждут.

Николлс взглянул на рыжеволосую, на остальных девушек, неподвижно застывших в своих креслах. В их глазах было напряженное изумление, смешанное с испугом, словно перед ними существо с другой планеты. Николлсу стало не по себе.

– Нужно подняться вверх? – Вопрос прозвучал неожиданно резко.

– Нет, сэр. – Девушка спокойно, без суеты, вышла из-за барьера. – Они... Словом, им известно, что вы ранены, – проговорила она, как бы оправдываясь. – Сюда, через вестибюль, прошу вас.

Девушка улыбнулась, придерживая шаг, чтобы при-
норовиться к неуклюжей походке раненого офицера.

Постучавшись, она отворила дверь и сообщила кому-то о его приходе.

Когда Николлс вошел, бесшумно закрыла за ним створку.

В кабинете находились три человека. Единственным,

кого он знал в лицо, был вице-адмирал Старр. Тот вышел навстречу молодому офицеру. Он показался Николлсу состарившимся и усталым, хотя с последней их встречи не прошло и двух недель.

– Как себя чувствуете, Николлс? – спросил он. – Вижу, ходите вы не слишком-то быстро. – К самоуверенности и фамильярности, столь пошлой и неуместной, примешивалась заметная нервозность. – Присаживайтесь.

Адмирал подвел Николлса к длинному, тяжелому столу, обитому кожей, за которым под огромными простынями настенных карт сидели два человека. Старр представил их вошедшему. Один из них, рослый и грузный, с красным обветренным лицом, был облачен в парадный мундир с нашивками адмирала флота – одна широкая и четыре средних. Второй, низенький плотный человек с седыми, отливающими сталью волосами и спокойными, мудрыми, старческими глазами, был в штатском.

Николлс тотчас узнал пожилого, да его и трудно было не узнать, видя почтительность к нему обоих адмиралов. «Морское министерство поистине оказывает мне честь», – подумал молодой офицер, подтрунивая над собой. Такие приемы устраивают не для каждого. Но, похоже, начинать беседу им не хочется.

Николлс не сразу сообразил, что присутствующие потрясены его видом. Наконец седоволосый кашлянул.

– Как нога, дружок? – спросил он. – Похоже, далеко не в порядке? – Голос его был негромок, но в нем чувствовалась сдержанная властность.

– Все не так уж плохо, сэр, благодарю вас, – отозвался Николлс. – Через две-три недели смогу вернуться к своим обязанностям.

– Вы получите два месяца отпуска, мой мальчик, – спокойно произнес седоволосый. – А хотите, и больше. – Он чуть улыбнулся. – Если кто-нибудь спросит, скажите, я велел. Сигарету?

Взяв со стола массивную зажигалку, седоволосый прикурил и откинулся на спинку стула. Казалось, что он не знает, о чем говорить. Внезапно он поднял глаза на Николлса.

– Как добрались?

– Превосходно, сэр. Со мной повсюду обращались словно с очень важной персоной. Где только я не побывал: Москва, Тегеран, Каир, Гибралтар. – Губы Николлса искривились. – Обратно ехал с гораздо большим комфортом, чем туда. – Помолчав, глубоко затянулся сигаретой, взглянул на собеседника, сидевшего напротив. – Однако предпочел бы вернуться домой на борту «Сирруса».

– Несомненно, – едко заметил Старр. – Но мы не в состоянии угождать всем и каждому. Мы желаем узнать из первых рук, что же произошло с конвоем Эф-Ар-77, и в особенности с «Улиссом», и не хотели бы терять времени.

Николлс впился пальцами в край стула. В душе его вспыхнул гнев. Юноша понял, что сидящий напротив него пожилой мужчина внимательно слепит за каждым его движением. Сделав усилие, молодой офицер взял себя в руки и, вопросительно подняв брови, посмотрел на седоволосого. Тот утвердительно кивнул.

– Просто расскажите нам все, что вы знаете, – проговорил он приветливо. – Все и обо всем. Не спешите, соберитесь с мыслями.

– С самого начала? – тихо спросил Николлс.

– С самого начала.

И Николлс начал свой рассказ. Ему хотелось объяснить, как все началось и как кончилось. Он старался как мог, но рассказ получился сбивчивым и до странного малоубедительным. Потому что атмосфера, обстановка была тут иной.

Контраст между теплом и покоем, царившим в этих комнатах, и жестокой арктической стужей был бездонной пропастью, преодолеть которую можно, лишь опираясь на личный опыт и понимание конкретных условий. Здесь же, вдали от студеного океана, в самом центре Лондона, жуткая, невероятная история, которую ему предстояло поведавать, даже самому Николлсу казалась фальшивой, не правдоподобной. В середине своего повествования он взглянул на слушателей и через силу заставил себя продолжить рассказ, с трудом удержавшись от желания замолчать. Было ли это недоверием? Нет, вряд ли, во всяком случае, со стороны седовласого и адмирала флота. На их лицах он увидел смущение и недоумение, несмотря на стремление понять.

Когда Николлс сообщал о реальных фактах, которые можно проверить, – об авианосцах, покалеченных во время шторма, о кораблях, подорвавшихся на минах, севших на банку и торпедированных, о страшной буре и отчаянной борьбе со стихией, – все было не так безнадежно. Так же и тогда, когда рассказывал о том, как с каждым днем таял конвой, о страшной судьбе двух танкеров-бензовозов, о потопленных подводных лодках и сбитых бомбардировщиках, об «Улиссе», несшемся сквозь пургу со скоростью сорок узлов и взорванном снарядами, выпущенными по

нему в упор немецким крейсером, о подходе боевой эскадры и бегстве немца, так и не успевшего окончательно разгромить конвой. Или о том, как были собраны жалкие остатки каравана, о встрече его русскими истребителями, барражировавшими над Баренцевым морем, и, наконец, о прибытии остатков разгромленного конвоя Эф-Ар-77 в Кольский залив, до которого добралось всего пять судов.

И лишь тогда Николлс перешел к фактам иного рода — фактам, которые не так-то просто уточнить; принялся рассказывать о событиях, достоверность которых вообще невозможно установить, — в глазах слушателей Николлс увидел не просто изумление, а недоверие. Он старался говорить спокойно, без эмоций.

Рассказал о Ральстоне, о том, как тот полез по обледенелой мачте, чтобы отремонтировать боевые огни, как в решающий момент боя ослепил прожекторами противника; поведал о гибели его отца и всей семьи; рассказал о Райли, зачинщике бунта, о том, как кочегар вручную смазывал коренной подшипник и отказался покинуть туннель гребного вала; не забыл и о Петерсене, который во время мятежа убил морского пехотинца, а потом охотно пожертвовал собственной жизнью; рассказал о Мак-Куэйтере, Крайслере, Дойле и десятке других моряков.

Когда Николлс стал рассказывать о нескольких моряках, спасшихся с «Улисса» и вскоре подобранных «Сиррусом», в голосе его на миг появилась нотка неуверенности. Он поведал о том, как Брукс отдал собственный спасательный жилет простому матросу, чудом продержавшемуся в ледяной воде целых пятнадцать минут; как Тэрнер, раненный в голову и руку, поддерживал контуженного

Спайсера до тех пор, пока, заливаемый волнами с бака до кормы, не подошел «Сиррус»; как старший офицер обвязал матроса булинем, а сам исчез в волнах, прежде чем его успели спасти. Рассказал о том, как Кэррингтон, этот поистине железный человек, зажав под мышкой обломок бруса, поддерживал на плаву двух моряков до тех пор, пока не подоспела помощь. Оба спасенных – одним из них был Престон – позднее скончались. Без посторонней помощи капитан-лейтенант вскарабкался по канату, самостоятельно перелез через леерное ограждение, хотя у него по щиколотку была оторвана левая нога.

Первый лейтенант должен был выжить, такие, как он, не гибнут. Наконец погиб и Дойл; ему бросили спасательный конец, но он не увидел его, поскольку был слеп.

Николлс догадался, что его собеседников интересует совсем иное. Им хотелось знать, как вели себя моряки «Улисса», экипаж мятежников. Он понимал, что рассказ его воспринимался, как повесть о невероятных подвигах; что сидящим перед ним людям не под силу понять, что моряки, решившиеся выступить против собственных командиров, а выходит, и против короля, оказались способными на такие подвиги.

Вот почему Николлс пытался убедить их, что все, рассказанное им, – сущая правда, а потом осознал, что не сумеет ничего объяснить. Да и что было объяснять? Как по трансляции обратился к личному составу командир? Как он беседовал с каждым членом экипажа и сделал своих моряков почти такими, каким был сам, как совершал то страшное путешествие, обойдя все помещения и отсеки корабля? Какие слова сказал о своих моряках в минуту

кончины? Рассказать о том, как смерть Вэллери снова превратила их в мужчин? Ведь только об этом Джонни и мог рассказать, а сами по себе подобные факты ничего не объяснят.

Николлса озарило. Он вдруг понял, что смысл этого удивительного превращения моряков «Улисса» – превращения ожесточенных, надломленных людей в тех, кто сумел подняться над своими страданиями, невозможно ни объяснить, ни понять, ибо смысл этот заключался в Вэллери, а Вэллери был мертв.

Неожиданно Николлс почувствовал усталость, бесконечную усталость.

Молодой врач понимал, что сам далеко не здоров. Он был словно в каком-то тумане; прошедшее вспоминалось нечетко, мысли путались. Он утратил чувство хронологической последовательности и уверенности в себе. Внезапно увидев всю бессмысленность разговора, Николлс сник и на полуслове умолк.

Словно во сне он услышал спокойный голос седовласого, о чем-то спрашивавшего его, и громко ответил ему.

– Как, как? Что вы сказали? – Седовласый посмотрел на него странным взглядом. Лицо адмирала, сидевшего напротив, было бесстрастно. На лице Старра было написано откровенное недоверие.

– «Бог наделил меня лучшим экипажем, о каком только может мечтать командир корабля» – таковы были последние слова контр-адмирала Вэллери, – негромко повторил Николлс.

– Понимаю. – Старческие, усталые глаза неотрывно глядели на него, но ничего не было сказано. Барабаня

пальцами по столу, седовласый обвел медленным взглядом обоих адмиралов, затем снова посмотрел на Николлса.

– Извините нас, дружок. На минуту оставим вас одного.

Поднявшись, седовласый неторопливо направился в другой конец комнаты, где высокие, просторные окна освещали глубокую нишу – эркер. За ним последовали остальные.

Николлс даже не повернул головы в их сторону. По-нурясь, он сидел на стуле и невидящим взором разглядывал лежавшие у его ног костыли.

Иногда до лейтенанта доносились обрывки фраз; выделялся высокий голос Старра: «Мятежный корабль, сэр... Иным он не стал... Так будет лучше». Ему что-то ответили, но что именно, Николлс не расслышал. Затем прозвучали слова Старра: «...перестал существовать как боевая единица».

Седовласый что-то возразил, в голосе его прозвучало раздражение, но слов было не разобрать. Затем раздался низкий, внушительный голос адмирала флота, говорившего что-то насчет «искупления», и седовласый медленно закивал головой.

Старр оглянулся через плечо на Николлса, и тот понял, что речь идет о нем. Лейтенанту показалось, что вице-адмирал произнес: «не здоров», «страшное перенапряжение», а возможно, ему это только почудилось.

Николлса не интересовало, о чем там толкуют. Ему хотелось поскорее уйти отсюда. Он чувствовал себя посторонним, а верят ему или нет, уже не имело значения. Ему нечего делать здесь, где все здраво, буднично и реально, – сам он принадлежал иному миру, миру теней.

Явственно представив себе, что сказал бы Капковый мальчик, очутись он здесь, Джонни тепло улыбнулся. Выбор эпитетов был бы убийствен, комментарии сочны, метки и злы. Затем вообразил себе, что бы сказал командир, и снова улыбнулся. Как просто оказалось это сделать, потому что Вэллери сказал бы: «Не судите их, ибо они не ведают, что творят».

Лишь теперь дошло до его сознания, что шепот стих и что все трое стоят перед ним... Улыбка на лице юноши поблекла, он медленно поднял глаза и увидел, что седовласый и его спутники смотрят на него каким-то странным взглядом, в котором была тревога.

— Страшно виноват перед вами, дружок, — с искренним сожалением произнес седовласый. — Вы больны, а мы докучаем вам своими расспросами. Не хотите ли выпить, Николлс? Было бы весьма...

— Нет, благодарю вас, сэр. — Николлс расправил плечи. — Со мной все в порядке. — Помолчав, спросил:

— Я вам еще нужен?

— Нет, все ясно. — Улыбка была искренней и дружелюбной. — Вы очень помогли нам, лейтенант. И сделали превосходный доклад. Огромное спасибо.

«Лжец и джентльмен», — с благодарностью подумал Николлс. С трудом поднявшись на ноги, он подхватил свои костыли. Пожав руки Старру и адмиралу флота, попрощался с ними. Седовласый проводил Николлса до дверей, поддерживая молодого офицера под локоть.

На пороге Николлс остановился.

— Прошу прощения, сэр. С какого числа начинается мой отпуск?

– С сегодняшнего дня, – живо отозвался его собеседник.
– Желаю хорошо отдохнуть. Видит Бог, вы это заслужили, мой мальчик... Куда поедете?

– В Хенли, сэр.

– Хенли? Я был готов поклясться, что вы шотландец.

– Это действительно так, сэр. Но никого из родных у меня не осталось.

– Ах, вот оно что... Выходит, девушка, лейтенант?

Николлс молча кивнул.

– И, должно быть, прехорошенькая? – хлопнув его по плечу, приветливо улыбнулся седовласый.

Николлс поднял глаза. Потом отвернулся, поглядел на часового, уже распахнувшего тяжелую, массивную дверь на улицу, и оперся о костыли.

– Не знаю, сэр, – произнес спокойно лейтенант. – Не имею ни малейшего представления, в глаза ее не видел.

Простучав костылями по мраморным плитам, он вышел на залитую солнцем улицу.

ПУШКИ ОСТРОВА НАВАРОН

Матери моей посвящаю.

Автор

ГЛАВА 1

Вступление

Воскресенье. 01:00-09:00

Ночь. Чиркнула спичка о прогнившую жестяную стену ангара, зашипела, загорелась крохотным желтым огоньком.

Меллори проводил взглядом светлячок в ладонях капитана. Огонек осветил застывшее лицо напряженно вслушивающегося человека. Спичка погасла.

– Через пять минут они будут здесь, – сказал полковник. – Ночь безветренна. Пошли. Встретим их на контрольном пункте. – Он умолк, вопросительно взглянул на Меллори и будто бы улыбнулся, но темнота обманчива: в голосе не было и тени усмешки. – Ничего, наберитесь терпения, молодой человек. Дела у нас сегодня идут неважно. – Он круто повернулся и широко зашагал к смутно видневшемуся зданию на краю аэродрома.

Меллори пожал плечами и не спеша последовал за ним. Рядом шел вразвалку еще один человек, широкоплечий и массивный. Меллори угрюмо спросил себя: «Сколько времени понадобилось Дженсену, чтобы приобрести такую походку? Лет тридцать, пожалуй...»

Но дело не только в походке. Капитан Дженсен, шеф

каирского отдела диверсий и подрывных операций, самым обычным видом работы считал интриги, обман, подлог и маскарад с переодеванием. Дженсен пользовался уважением рабочих от Александреты до Александрии, правда, с изрядной долей страха. В роли погонщика верблюдов он превзошел всех бедуинов в окрестностях. И на всех рынках и базарах Востока не нашлось бы более эффективного нищего с такими правдоподобными язвами на теле. Вот каков был Дженсен. Но сегодня он оделся моряком. Звездный свет мягко мерцал на золоченой тесьме эполет и околыше фуражки.

Они прошли по утрамбованному песку, потом под ногами глухо зазвенел бетон взлетной полосы. Меллори глубоко вздохнул и неожиданно повернулся к Дженсену:

– Послушайте, сэр, что все это значит? Зачем этот налет? Эта секретность? Какое отношение к этому имею я, черт возьми?! Только вчера меня вызвали с Крита. Документы оформили за восемь часов. Сказали, что дают месячный отпуск. А что получается?

– И что же получается? – пробормотал Дженсен.

– Никакого отпуска! – огорченно сказал Меллори. – Ночью даже поспать не дали. Вызывают в штаб, задают кучу глупых вопросов о моих восхождениях в Южных Альпах. В полночь вытаскивают из постели, приказывают срочно встретиться с вами. Какой-то сумасшедший шотландец везет меня через проклятую пустыню, поет пьяные песни и задает сотню еще более глупых вопросов.

– А мне показалось, что это один из самых удачных моих маскарадов, – самодовольно произнес Дженсен.

– Один из ваших... – Меллори запнулся, вспомнив все,

что наговорил старому капитану с бакенбардами, который вел штабную машину. – Сожалею, сэр. Мне и в голову не приходило, что...

– Конечно, не приходило, – перебил его Дженсен. – И не должно было прийти. Мне хотелось выяснить, годитесь ли вы для этого дела. Теперь я уверен, что вы именно тот, кто нам нужен. А про отпуск не ведаю. Часто интересуются, в своем ли уме люди в отделе диверсий, но даже мы никогда не посылали летающую лодку в Каир только затем, чтобы отвезти младших офицеров порастрясти жирок, – сухо закончил он.

– И все же я не понимаю...

– Терпение, малыш, терпение, как только что советовал тебе наш достойный полковник. Время бесконечно. Умение ожидать, терпеливо ожидать – вот что ценится на Востоке.

– Всего четыре часа за три дня. Это в сумме, – с чувством сказал Меллори. – Всего четыре часа... Вот они!

Оба невольно зажмурились – резкие огни посадочной полосы осветили их. Словно стрела уносилась во тьму бетонная дорожка. Буквально через минуту тяжело и неловко приземлился первый бомбардировщик, вырулил и остановился почти рядом с ними. Серая маскировочная окраска фюзеляжа и хвостового оперения изрешечена пулями и снарядами. Элероны согнуты, один мотор выведен из строя и залит маслом. Плексиглас кабины тоже пробит пулями, потрескался. Дженсен долго смотрел на искалеченную машину, покачал головой и отвернулся.

– Четыре часа спали, капитан Меллори? – вкрадчиво спросил он. – Начинаю подозревать, что вы, черт возьми, счастливчик, если вам удалось столько поспать.

...Душная и неудобная комната контрольного пункта ярко освещена. Несколько карт и графиков на стенах, два десятка расшатанных стульев да некрашеный стол – вот и вся обстановка.

Полковник авиации, Меллори и Дженсен уже сидели за столом, когда распахнулась дверь и вошел первый экипаж только что приземлившейся эскадрильи. Впереди, хмурясь от непривычного света, шел черноволосый плотный пилот со шлемом в руке. На плече его формы цвета хаки отчетливо выделялись белые буквы – «Австралия». Молча сел он перед ними, не спрашивая разрешения, вынул пачку сигарет и чиркнул спичкой о крышку стола.

У полковника вид настоящего отставника, да и говорил он как отставник.

– Джентльмены, перед вами командир эскадрильи Торренс – австралиец. Он руководил атакой на остров Наварон... Билл, джентльмены, которых ты видишь: капитан королевского флота Дженсен и капитан экспедиционного корпуса Меллори. Они интересуются островом Наварон. Что ты можешь рассказать о сегодняшнем полете?

«Наварон... Вот почему я здесь, – подумал Меллори. – Наварон. Об этом острове знает каждый, кто хоть недолго служил в Восточном Средиземноморье: мрачный, неприступный форт около турецкого побережья, с большим гарнизоном. Один из немногих островов Эгейского моря, над которым за весь период боевых действий союзникам не удалось установить контроль, а тем более – захватить его».

Торренс заговорил медленно, с трудом сдерживая гнев: – Настоящая преисподняя, сэр. Самоубийство, а не

атака. — Он внезапно умолк, мрачно глядя перед собой сквозь табачный дым. — И все же хотелось бы еще раз туда вернуться. На обратном пути мы толковали об этом с парнями. Нам хотелось бы сбросить без парашюта прямо на Наварон того шутника, который придумал эту операцию.

— Так скверно, Билл?

— Именно так, сэр. Не было ни малейшего шанса на успех. Честное слово, ни шанса. Начать с того, что нам не повезло с погодой. Весельчаки из метеослужбы выдали обычную травлю.

— Обещали летную погоду?

— Ага. Летную. Все десять десятых над целью, — с горечью сказал Торренс. — А нам пришлось снизиться до полутора тысяч метров... Да и какая разница! Нам все равно пришлось бы снизиться до трех тысяч метров над уровнем моря, а потом снова набирать высоту: утес целиком закрывает объект. С таким же успехом можно бросать им листовки с призывом самим взорвать эти проклятые пушки. На узком секторе немцы сконцентрировали чуть ли не половину всех зениток Европы, а полоска эта — единственный удобный подход к цели. Расса и Конноре срезали раньше. Они и не отбомбились.

— Знаю, знаю, — сочувственно кивнул полковник, — мы их слышали. Радиосвязь была хорошей. Маклвина сбили севернее Элекса?

— Да. Но за него не волнуйтесь. Его старая этажерка еще качалась на волнах, когда мы летели обратно, а сам он сидел в надувной лодке. С ним все в порядке, — повторил Торренс.

Дженсен взглянул через стол на плотного австралийца и едва заметно улыбнулся.

– Только один вопрос, командир. Как я понимаю, вам не хотелось бы вернуться туда еще раз?

– Уж это верно, черт возьми! – прорычал Торренс.

– Почему?

Торренса прорвало:

– Потому что я не сторонник самоубийства. Потому что я не хочу зря жертвовать жизнью хороших парней. Потому что я не Бог и не могу творить чудеса.

– Итак, вы утверждаете, что это невозможно? – настойчиво переспросил Дженсен. – Это чрезвычайно важно.

– Моя жизнь для меня тоже немаловажна. И жизнь моего экипажа. Сэр, это невозможно. По крайней мере для нас. – Он провел рукой по усталому лицу. – Может быть, с ним справится «летающая крепость» «дорнье» с новыми радиоуправляемыми глайд-бомбами... Не знаю. Зато я знаю, что наши бомбы для них все равно что снежки. Нет, – с горечью заметил он, – ничего не получится. Разве начинить взрывчаткой самолет типа «москит» и пустить тараном прямо в отверстие пещеры, где установлены эти пушки? Может быть, так...

– Спасибо, командир. Благодарю вас и ваш экипаж, – Дженсен встал. – Уверен, что вы сделали все от вас зависящее. Жаль, что не удалось... Итак, полковник?

– Можете быть свободны, Торренс, – сказал полковник и, когда тот вышел, провел Дженсена и Меллори через боковую дверь в свой кабинет. – Вот так-то, джентльмены. – Он взломал сургуч на бутылке талискера, принес несколько рюмок. – У Билла Торренса лучшая, самая опытная эскадрилья в Африке. Он бомбил нефтяные районы Пло-

ешти. Как орешки раскалывал. Только Билл Торренс мог осуществить сегодняшнюю операцию. И если он говорит «невозможно», задание действительно невыполнимо, поверьте мне, Дженсен.

— Я и раньше знал об этом. — Дженсен хмуро уставился на янтарь рюмки в своей руке. — Но не наверняка. Жаль, что дюжине человек пришлось заплатить жизнями за доказательство моей правоты... Остается единственный вариант... только один...

— Только один, — повторил полковник и поднял рюмку. — Выпьем за удачу острова Ксерос.

— За удачу Ксероса, — отозвался Дженсен. Лицо его оставалось суровым.

— Послушайте, — взмолился Меллори, — я ничего не понимаю. Быть может, вы потрудитесь объяснить мне...

— Ксерос, — прервал его Дженсен, — та ремарка, после которой ваш выход. Весь мир — театр, малыш... Ну и так далее. Сейчас наступил твой черед появиться на сцене и принять участие в этой маленькой комедии, — улыбка Дженсена была безрадостна. — Вы пропустили первые два акта, но не расстраивайтесь. Вам предстоит быть главным героем действия, хотите вы этого или нет. Итак, Ксерос. Акт третий, сцена первая. Появляется капитан Кейт Меллори.

Дженсен вел тяжёлый штабной «хамбер» с уверенностью и умением, которые отличали все его дела.

Меллори склонился над развернутой на коленях крупномасштабной адмиралтейской картой южной части Эгейского моря, освещая ее тусклым лучом карманного

фонарика. Он внимательно изучал испещренные красными квадратами районы Спардеса и северных Додеканозов. Потом выпрямился, передернул плечами – даже в Египте в ноябре прохладно ночами – и взглянул на Дженсена.

– Кажется, я уже разобрался, сэр.

– Отлично, – Дженсен смотрел вперед на серую ленту пыльной дороги. Она извивалась в белых лучах фар. – Отлично, – повторил он. – А теперь представьте, что вы уже в порту Наварон, на берегу овального залива в северной оконечности острова. Скажите, что вы увидели бы оттуда?

Меллори улыбнулся.

– Примерно в четырех милях к востоку я увидел бы турецкий берег, косо уходящий к северо-западу, к точке, что севернее Наварона. И еще – крутой утес, ближе к востоку. А прямо за утесом, милях в шестнадцати севернее, – мыс Демирки. Не так ли? Кроме того, на одной линии с ним я увидел бы остров Ксерос. Милях в шести западнее – остров Мейдос, первый из Лерадского архипелага, протянувшегося миль на пятьдесят к северо-востоку.

– На шестьдесят, – кивнул Дженсен. – У тебя неплохой глаз, малыш. У тебя достаточно смелости и опыта. – Он с минуту помолчал. – А надеюсь я на то, что тебе чертовски повезет. Одному Богу известно, как тебе необходимо везение.

Меллори ожидал продолжения, но Дженсен словно ушел в размышления. Только шуршание шин да приглушенный рокот сильного мотора нарушали ночную тишину. Наконец Дженсен, не отрывая глаз от дороги, тихо заговорил:

– Сегодня суббота. Скорее даже раннее утро воскресенья. На острове Ксерос тысяча двести человек. Тысяча двести солдат, которые будут убиты, ранены или взяты в плен к следующей субботе. – Короткая кривая улыбка промелькнула на его губах и сразу исчезла. – Как вам нравится держать в руках жизнь тысячи человек, капитан Меллори?

Меллори несколько долгих секунд глядел в непроницаемое лицо капитана и отвернулся. Бросил взгляд на карту.

«Тысяча двести человек на Ксеросе. Тысяча двести ожидающих смерти. Ксерос и Наварон. Ксерос и Наварон. Как там говорилось в стихотворении, которое он столько лет заучивал в маленькой пастушеской деревушке возле Куинстауна? «Чимборазо...» Вот именно: «Чимборазо и Котопакси, вы украли сердце мое...» Ксерос и Наварон. Они звучат так же слитно, как и те два названия. Ксерос и... Ксерос и...» – Он замотал головой, пытаясь сосредоточиться. Все элементы загадки мало-помалу занимали свои места.

– Восемнадцать месяцев назад, после падения Греции, немцы захватили почти все острова Спорадес. Итальянцы к тому времени контролировали большинство Додеканозов. К прошлому сентябрю мы постепенно заняли все крупные острова. Кроме Наварона. Слишком твердый орешек. Мы просто обошли его. Знаете, как реагировали на это немцы?

– Неистово?

– Вот именно, яростно. Политическое значение Турции в этой части мира трудно переоценить. Она всегда была или потенциальным партнером, или потенциальным про-

тивником. Большинство островов расположено всего в нескольких милях от побережья Турции. Вопрос восстановления доверия к Германии стоял на повестке дня. Немцы бросили в бой все, что могли, – парашютистов, морских десантников, альпийские отряды, целые полчища «штукас». Для этой операции они сняли с итальянского фронта пикирующие бомбардировщики. Все... Через несколько недель мы потеряли больше десяти тысяч солдат и все острова, которые заняли перед этим. Кроме Ксероса.

– Теперь очередь за ним?

Дженсен достал пару сигарет, подождал, пока Меллори прикурит, выбросил спичку в окно, сквозь которое севернее шоссе виднелась бледная дымка Средиземного моря.

– Да. Теперь они ударят по Ксеросу. Спасти его мы не в состоянии. В Эгейском море немцы имеют полное превосходство в воздухе...

– Но... Почему вы уверены, что это произойдет в ближайшую неделю?

Дженсен вздохнул.

– Малыш, Греция кишит агентами союзников. Только в Афинах и Пирее у нас их больше двух сотен. И...

– Двух сотен! – недоверчиво воскликнул Меллори. – Вы сказали...

Дженсен ухмыльнулся.

– Поверь, это еще пустяки по сравнению с ордой немецких шпионов, которую мы гостеприимно содержим в Каире и Александрии. – Он снова стал серьезным. – По крайней мере наша информация точна. На рассвете во вторник целая армада фелюг и каиков выйдет из Пирея, проскочит сквозь Циклады, просочится ночью меж ост-

ровков... Любопытная ситуация! Не так ли? Днем мы не рискуем выходить в Эгейское море – боимся бомбежек, а немцы не смеют носа показать ночью. Только стемнеет, отряды наших эскадренных миноносцев выходят на охоту, но еще до рассвета все они ретируются на юг. А маленькие суденышки переживают день под прикрытием отдельных островков. И все-таки мы не в состоянии им помешать на подходах к Ксеросу. Немцы наверняка окажутся там в субботу или в воскресенье. Нанесут одновременный удар с моря и с воздуха. Десятки «юнкерсов-52» базируются у них на окраине Афин. Ксерос не продержится и двух дней.

– Но ведь у нас есть флот, сэр. Эвакуация! Флот, несомненно...

– Флот! – с расстановкой сказал Дженсен. – Флот не заинтересован. Флоту надоело возиться с Восточным Средиземноморьем и Эгейским морем. Ему надоело без малейшей пользы подставлять шею под новые и новые удары. Немцы уже вывели из строя два линкора, восемь крейсеров, четыре из которых потоплено, и около дюжины эсминцев... А мелких судов и не сосчитаешь. И ради чего? Чтобы наше командование могло играть со своими берлинскими коллегами вокруг желтых скал в кошки-мышки? Игра эта доставляет им немалое удовольствие. Всем, кроме той тысячи моряков, которых потопили в этой игре, кроме десяти тысяч томми, индусов и австралийцев, которые страдали и умирали на этих островах, так и не узнав, во имя чего они пожертвовали жизнью.

Пальцы Дженсена на баранке побелели, рот сурово сжался. Дженсен имел отличное представление об изнанке событий...

– Вы сказали: тысяча двести человек, сэр? – спросил Меллори.

– Да. Тысяча двести человек. – Дженсен мельком взглянул на него и отвернулся. – Ты прав, малыш. Конечно, ты прав. Это я так, сгоряча. Несомненно, мы им поможем. Пусть погибнут еще два-три эсминца. Черт с ними... Прости, малыш, не буду об этом. А теперь слушай. Слушай внимательно. Эвакуировать их придется ночью. Днем такой ситуации не представится: около трехсот «штука» только и ждут появления эсминца ее величества. Эвакуировать придется именно на них. Транспорты и тендеры слишком тихоходны. Севернее Лерадских островов они идти не могут, потому что не успеют вернуться к рассвету на базу. Слишком большое расстояние.

– Но Лерады растянулись длинной цепочкой, – рискнул заметить Меллори. – Разве эсминцы не могут пройти между ними?

– Между островами? – Дженсен покачал головой. – Проливы напичканы минами, как огород картошкой. Там и на ялике не пройдешь.

– А пролив Мейдос – Наварон? Тоже заминирован?

– Нет. Он глубокий. На глубине невозможно ставить мины.

– Тогда здесь-то и нужно идти. Не так ли, сэр? Я хотел сказать: с одной стороны турецкие территориальные воды, с другой...

– Мы бы вошли в турецкие воды хоть завтра, средь бела дня, если бы это чем-нибудь помогло, – устало сказал Дженсен. – Если ничего не изменится, нам придется выбрать западный пролив. Он еще больше подходит: путь

короче, свободен от мин, не будет международных осложнений.

– Если ничего не изменится?

– Я говорю о пушках Наварона. – Дженсен долго молчал, потом повторил медленно, с чувством, как повторяют имя старого и опасного врага: – Пушки Наварона. Они все сводят на нет. Они прикрывают северные входы в оба пролива. Если бы нам удалось заткнуть глотку пушкам Наварона, то гарнизон Ксероса эвакуировали бы уже сегодня вечером.

Меллори не проронил ни слова.

– Это не обычные пушки, – неторопливо продолжал Дженсен. – Морские эксперты уверяют, что их калибр не меньше девяти дюймов. Думаю, что это двухсотдесяти-миллиметровые гаубицы. Наши солдаты на итальянском фронте боятся их больше всего на свете. Опасные орудия. Снаряд летит с малой скоростью, зато чертовски точно. Между прочим, – добавил он мрачно, – какой бы конструкции они ни были, им в пять минут удалось потопить «Сибарис».

– «Сибарис»? Я что-то слышал...

– Крейсер с восьмидюймовыми орудиями. Мы послали его месяца четыре тому назад пофорсить перед немцами. Думали, что будет просто, как на параде, вроде обычного морского похода. Но они потопили «Сибарис». Спаслось всего семнадцать моряков.

– Боже мой! – Меллори был поражен. – Я не имел представления...

– Два месяца назад мы организовали крупную атаку на Наварон. Воздушный десант, поддержанный флотом. –

Дженсен не обратил внимания на восклицание Меллори. — Знали, что мало надежды на успех. Наварон — нерушимый утес, но и наши войска были отборные. Лучшие десантники, которых только можно найти. — Дженсен помолчал и невозмутимо закончил: — Их разбили в пух и прах. Всех перебили, до единого. За десять дней мы дважды забрасывали диверсантов, парней специальной морской службы, — он зябко дернул плечами. — Они исчезли.

— Вот как!

— Вот так. А сегодня была отчаянная попытка проигравшего игрока... И что же? — Дженсен коротко и невесело рассмеялся. — Ведь я и есть тот самый «шутник», которого Торренс и его парни хотели сбросить на Наварон без парашюта. Но я вынужден был так поступить. Знал, что операция безнадежна, но все же был вынужден провести ее.

Громадный «хамбер» сбавил скорость, почти бесшумно покатыл мимо низких лачуг и домишек западного предместья Александрии. Серая бледная полоса рассвета высветила небо.

— Пожалуй, я не гожусь в парашютисты, — с сомнением сказал Меллори. — Я и парашюта никогда не видел.

— Парашютом пользоваться не придется. — Дженсен умолк и все внимание сосредоточил на дороге, которая стала еще хуже.

— Но почему выбрали меня, капитан? — спросил Меллори.

В сереющей мгле улыбка Дженсена была почти неуловима. Он резко крутнул руль, объезжая чернеющую воронку, снова выровнял машину.

– Боишься?

– Конечно. Не обижайтесь, сэр, но вы так все расписали, что у любого отбили бы охоту. То есть, я хотел сказать совсем не то...

– Я все понимаю. Виновата моя странная манера шутить... Почему ты? Особые качества, мой мальчик. Ты говоришь по-гречески, как грек, по-немецки – как немец. У тебя за плечами восемнадцать месяцев безукоризненной работы в Белых горах на Крите – убедительное доказательство способности выжить на занятой врагом территории, – Дженсен хмыкнул. – Ты даже не представляешь, какое подробное досье на тебя в моих руках.

– Меня это не удивляет, – с чувством заметил Меллори, – но я знаю по крайней мере трех офицеров, отвечающих таким требованиям.

– Да, есть и другие, – согласился Дженсен. – Но другого Кейта Меллори не найти. Кейт Меллори! – патетически воскликнул он. – Кто не слыхал о Кейте Меллори в добрые предвоенные годы! Лучший альпинист, лучший скалолаз, когда-либо появлявшийся в Новой Зеландии. Разумеется, для новозеландца лучший альпинист Новой Зеландии – лучший альпинист в мире. Человек-муха, покоритель неприступных вершин, победитель отвесных утесов и немыслимых пропастей. Все южное побережье Наварона, – весело продолжал Дженсен, – состоит из одного немыслимого обрыва. Ни единого выступа, решительно не за что зацепиться.

– Понимаю, теперь понимаю, – пробормотал Меллори. – Попасть в Наварон самым трудным путем.

– Именно, – подтвердил Дженсен, – вы должны за-

браться туда. Ты и твои парни. Их четверо. Веселые альпинисты Меллори! Отобраны чрезвычайно тщательно. Каждый – мастер своего дела.

Минут с десять они ехали молча. От порта повернули направо, к центру, прогрохотали по булыжной мостовой Рю-Сёр, выкатили на площадь Мохаммеда, потом мимо биржи – вниз, на улицу Шериф-паши. Светало.

– Куда мы едем, сэр?

– К единственному человеку на Среднем Востоке, который может вам чем-нибудь помочь, к месье Эжену Влакосу из Наварона.

– Вы храбрый человек, капитан Меллори. – Эжен Влакос нервно покрутил длинные тонкие концы черных усов. – Я бы сказал, храбрый и глупый, но считаю, что нельзя называть человека глупым, если он всего лишь выполняет приказ. – Он взглянул в бесстрастное лицо Дженсена. – Другого пути нет, капитан?

– Это наша последняя надежда, сэр.

Влакос понимающе кивнул и улыбнулся Меллори.

– Он называет меня сэром. Я простой грек, управляющий крохотной гостиницей. А капитан королевского флота Дженсен называет меня сэром. Для старика это приятно. – Некоторое время он молчал. – Да, теперь я старик, капитан Меллори. Теперь я бедный и скучный старик. Но когда-то я был человеком средних лет, богатым и довольным жизнью. Когда-то у меня был свой прекрасный участок земли. Сто квадратных километров в самой прекрасной стране, которую Господь Бог ниспослал земным существам. И как же я любил свою землю! – Он рассмеялся и провел рукой по

густым седеющим волосам. – Конечно, скажете вы, каждому владельцу свое кажется лучшим на земле. «Чертовым утесом» назвал эту землю капитан Дженсен. Но мы зовем эту землю Наварон.

Меллори удивленно посмотрел на Дженсена, тот утвердительно кивнул.

– Многие поколения Влакосов владели островом. Восемнадцать месяцев назад мы спешно вывезли месье Влакоса. Немцам не понравилась деятельность, которую Влакос развил на острове.

– Да, трудно сказать, как оно могло обернуться. Немцы уже приготовили мне и двум моим сыновьям специальные камеры в тюрьме. Но довольно о семье Влакосов. Просто я хотел бы сообщить вам, что прожил на Навароне сорок лет и провел четыре дня за составлением карты, – он указал на стол. – Вы вполне можете положиться на информацию, которую дают вам я и эта карта. Конечно, кое-что изменилось, но существуют вещи, никогда не меняющиеся. Горы, заливы, перевалы, пещеры, дороги, дома и, самое главное, форт остались такими, как несколько веков назад, капитан Меллори.

– Понимаю, сэр, – Меллори аккуратно свернул карту. – Большое спасибо.

Влакос побарабанил пальцами по столу и взглянул на Меллори.

– Капитан Дженсен сказал мне, что ваши парни говорят по-гречески, что вы будете одеты в платье греческих крестьян. Вы будете... как это по-английски... вполне самостоятельной группой. Будете действовать на свой страх и риск. Пожалуйста, старайтесь не прибегать к помощи жи-

телей Наварона. Немцы беспощадны. Если пронюхают, что вам кто-нибудь помог, уничтожат не только этого человека, но и всю деревню: мужчин, женщин, детей. Такое уже случилось. И может повториться снова.

– На Крите тоже такое было, – согласился Меллори. – Я сам видел.

– Вот-вот, – кивнул Влакос. – Немцы в нашей стране особенно жестоки.

– Обещаю вам, сэр... – начал Меллори.

– Минутку, – жестом остановил его Влакос. – Если вы окажетесь в отчаянном положении, можете обратиться к двум людям. На деревенской площади Маргариты, что у входа в долину, милях в трех от форта, под первым оливковым деревом вы найдете человека по имени Лука. Луке можете доверить даже собственную жизнь. У него есть друг Панаис.

– Благодарю вас, сэр. Я запомню. Лука и Панаис, а также деревня Маргарита, первое оливковое дерево на площади.

– Лука и Панаис, только эти двое, – повторил Влакос с мольбой в голосе.

– Даю вам слово, сэр. Чем меньше участников, тем лучше и для нас, и для ваших соотечественников. – Меллори удивился настойчивости старика.

– Надеюсь, надеюсь, – произнес Влакос.

– Меллори поднялся и протянул руку.

– Вы напрасно волнуетесь, сэр. Никто не увидит нас, и мы никого не увидим. Нас интересуют только пушки.

– Да, пушки... Это ужасные пушки, – Влакос покачал головой. – А вдруг...

– Пожалуйста... Не волнуйтесь. Все будет хорошо, – мягко, но настойчиво сказал Меллори.

– Да поможет вам Бог! Мне остается только жалеть, что я не могу пойти вместе с вами.

ГЛАВА 2

Воскресенье. Ночь.

19.00-02.00

– Чашку кофе, сэр?

Меллори замычал, шевельнулся и с трудом открыл глаза. Он раздраженно подумал, что военно-воздушные силы никогда не соберутся обить эти дьявольские железные кресла, последнюю новинку: тело ныло, как после тяжелой работы. Привычно взглянул на светящийся циферблат. Только семь! Значит, он спал меньше двух часов! Зачем его разбудили?..

– Чашку кофе, сэр? – молодой стрелок-радист с импровизированным подносом в руках терпеливо ожидал его пробуждения: несколько чашек кофе дымилось на крышке патронного ящика.

– Извини, парень, извини. – Меллори приподнялся, взял чашку и понюхал кофе с видом знатока. – Спасибо. Честное слово, запах совсем как у настоящего.

– Так оно и есть. Настоящий кофе, – довольно улыбнулся стрелок-радист. – У нас на камбузе свой кофейник с ситечком.

– Да вы просто волшебник! – недоверчиво покачал головой Меллори. – Вот тебе и ограничения военного вре-

мени в королевской авиации! – Он откинулся на спинку кресла и стал смаковать кофе. Случайно глянул в иллюминатор, вскочил, обернулся к стрелку-радисту и с сомнением указал на неясный горный пейзаж, проплывающий внизу: – Что за черт! Мы должны быть здесь через два часа после наступления темноты... А сейчас едва стемнело... Может быть, пилот?..

– Мы над Кипром, сэр, – ухмыльнулся стрелок-радиист. – Вон там, на горизонте, виден Олимп. Мы всякий раз даем крюк, когда летим в Кастельроссо. Чтобы нас не заметили, сэр. Потому всегда и уходим так далеко от Родоса.

– Ну и сказанул! Чтобы нас не заметили... – передразнил его тягучий голос. Говоривший лежал мешком, другого слова не найдешь. Острые колени поднимались из кресла на несколько дюймов выше подбородка. – Ой, не могу! Чтобы их не заметили! – повторил он, с блаженным изумлением. – Даем крюк к Кипру! Нас перебросили на моторной лодке за двадцать миль от Алекса, чтобы никто на острове не подсмотрел, как мы поднимаемся в воздух. И что потом? – Он с трудом приподнялся в кресле, мельком взглянул в иллюминатор и снова рухнул на сиденье, явно утомленный таким усилием. – А потом нас втискивают в эту старую этажерку, которую за сто миль и слепой увидит наверняка, особенно сейчас, в темноте, потому что болваны покрасили ее в самый белый из всех белых цветов.

– Белый цвет спасет от жары, – вступился за свой самолет стрелок-радиист.

– Меня, сынок, жара не беспокоит, – мрачно сказал янки. – Жара мне даже нравится, а вот снаряды и пули, которые могут просверлить дырки не в тех местах, где

надо, мне нравятся гораздо меньше... – И, хоть это казалось невозможным, он погрузился в кресло еще на несколько дюймов, устало прикрыл глаза и сразу уснул.

Молодой стрелок-радист улыбнулся Меллори:

– Видите, как он волнуется.

Попивая кофе, Меллори еще раз глянул на спящего, восхищаясь блаженным безразличием этого человека.

Да, капрал Дасти²⁰ Миллер был из тех, с кем приятно иметь дело. Меллори оглядел остальных. Все они были славными парнями, с которыми приятно иметь дело. С одного взгляда на эту четверку он мог поручиться, что они вполне подходят для задуманной операции. Меллори еще не был знаком с ними, но внимательно просмотрел подробнейшие досье на каждого и остался доволен.

Правда, против имени Стивенса стоял маленький просительный знак. Меллори взглянул на белокурого парня, почти мальчишку. Тот с интересом разглядывал землю, проплывавшую под белым крылом «Сандерленда». Лейтенанта Энди Стивенса включили в группу по трем причинам. Он поведет судно, которое доставит их на Наварон; он первоклассный альпинист, имеющий на счету несколько сложных восхождений; он свободно говорит на древнем и новогреческом языках.

«Но он молод, чертовски молод, – думал Меллори, глядя на Стивенса. – А молодость не всегда хорошее качество. В партизанской войне на Крите это обстоятельство часто становилось роковым. Там шла не та война, на которой трубят фанфары, режут моторы и ценится прене-

²⁰ Dusty – пыльный (англ.) – Здесь и далее примечания переводчика.

брежение к смерти в пылу битвы. Там требовались терпение, выносливость и постоянство, там высоко котирировалось умение перехитрить и обмануть врага, а подобные качества не часто встречаются у молодых».

Но Энди Стивенс был похож на способного ученика. Меллори еще раз украдкой взглянул на Миллера. Дасти Миллер на белом коне с трубой в руке? Нет, этого Меллори представить себе не мог. Миллер не походил на сэра Ланселота. Скорее он был похож на утратившего все иллюзии человека.

Действительно, капрал Миллер прожил на земле ровно сорок лет. Родился в Калифорнии. На три четверти ирландец, с долей польской крови. За последние двадцать пять лет умудрился повидать столько сражений, испытать столько рискованных приключений, что хватило бы и на дюжину жизней. Добывал серебро в рудниках Невады, пробивал туннели в Канаде, тушил пожары на нефтепромыслах по всему белу свету. Он был в Саудовской Аравии, когда Гитлер напал на Польшу. Его дальние родственники по материнской линии жили в Варшаве. Этого обстоятельства вполне хватило, чтобы в Дасти заговорила ирландская кровь, и он воспринял нападение нацистов на Польшу как личное оскорбление. С первым же самолетом он улетел в Британию, заморочил головы военным чиновникам и поступил в авиацию. Но, к неописуемому возмущению Дасти, чиновники послали его служить на бомбардировщик «Веллингтон». Первый полет Миллера оказался и последним. Он поднялся в воздух с аэродрома Мениди под Афинами, через несколько минут отказал мотор. Дасти сделал вынужденную посадку на рисовом

поле, в нескольких милях к северо-западу от города. Дело происходило в одну из январских ночей 1941 года, посадка была удачной, но остаток зимы Дасти провел на кухне того же аэродрома Мениди, проклиная неудачу самыми страшными ругательствами. В апреле, не сказав никому ни слова, он покинул королевские военно-воздушные силы и взял курс на север, к албанской границе, к настоящему фронту. Он потом говорил, что вступил в бой на двадцать дней раньше ближайшей танковой дивизии. Потом остатки их частей эвакуировали на транспорте «Сламат», а «Сламат» потопили немцы. Дасти Миллера подобрал эсминец «Ринек», но его тоже потопили. Дасти спасся и добрался, наконец, до Александрии на старом греческом каике с твердой решимостью никогда больше не пробовать свои силы в воздухе и на море. Через несколько месяцев он уже служил в экспедиционном корпусе, действовавшем в Ливии, в тылу немецкой обороны. Дасти – полная противоположность лейтенанту Стивенсу. Молодой, бодрый, корректный, безукоризненно одетый и полный энтузиазма Стивенс и – высохший, тощий, словно сплетенный из канатов, много повидавший, с патологическим отвращением к внешнему блеску Миллер, получивший прозвище Дасти. Греческие слова, которые знал Дасти, вы не нашли бы ни в одном словаре. Миллера взяли по одной причине. Он был известен Интеллидженс сервис по Среднему Востоку как гениальный специалист-подрывник, находчивый и бесстрастный, точный и аккуратный в работе. Миллера считали лучшим подрывником Южной Европы.

За Миллером сидел Кейси Браун. Приземистый, темноволосый и плотный связист, родом с берегов реки Клайд.

В мирное время старшина Браун работал инженером знаменитой верфи в Гарелохе. Чиновники из королевского флота, как обычно, не поверили своим глазам и зачислили Брауна в связисты: ведь было слишком очевидно, что перед ними опытный судомеханик. Невезение Кейси Брауна обернулось удачей для Кейта Меллори. Послужной список Брауна указывал, что он знаток партизанской войны, ветеран особой морской службы и дважды награжден за подвиги в Эгейском море и на ливийской земле.

Пятый, и последний из группы, сидел как раз позади Меллори, но не стоило оборачиваться, чтобы его увидеть. Меллори знал его лучше, чем кого бы то ни было на свете. Андреа, лейтенант Андреа, служивший под его началом все восемнадцать месяцев на Крите. Гигант Андреа, с роко-чущим смехом и трагическим прошлым. Они вместе скрывались в пещерах, в расщелинах скал, в покинутых пастушьих хибарах, когда немецкие разьезды и самолеты-разведчики преследовали их. Андреа стал его alter ego, его вторым «я». Смотреть на Андреа значило для Меллори смотреть на себя самого в зеркало. Андреа взяли вовсе не потому, что он был греком, хорошо знал язык, обычаи и психологию жителей островов. И даже не потому, что они с Меллори отлично сработались, хотя и то и другое учитывали. Его включили в группу по одной причине – присутствие Андреа надежно обеспечивало защиту и безопасность остальных. Выносливый, тихий и беспощадный грек, чрезвычайно стремительный, несмотря на массивность. Его кошачья вкрадчивость могла мгновенно смениться взрывом неистовой ярости – таков был Андреа, великолепный боевой аппарат. Андреа – их страхового полис, гарантия против неудач.

Меллори был доволен. Дженсену не удалось бы набрать лучшей группы, обшарь он все Средиземноморье. Вдруг Меллори пришло в голову, что скорее всего Дженсен именно так и сделал.

В восемь часов стало совсем темно. Меллори вошел в кабину пилотов и увидел совершенно идиллическую сценку. Окутанный клубами табачного дыма, капитан пил кофе, а второй пилот, небрежно махнув рукой Меллори, вновь уставился на осточертевшие ему приборы.

– Добрый, вечер, – с улыбкой сказал Меллори, – можно войти?

– Всегда рады видеть вас, – уверил его второй пилот.

– Я подумал, что вы заняты... – Меллори помолчал и спросил: – Кто ведет самолет?

– Джордж. Автопилот, – капитан указал рукой с чашкой кофе в сторону черного приплюснутого ящика, очертания которого едва различались. – Парень трудолюбивый, ошибается реже, чем тот ленивый пес, который сейчас несет вахту...

– Каковы планы на сегодняшнюю ночь?

– Забросить ваших парней в Кастельроссо, когда хорошенько стемнеет, – и добавил искренне: – Не понимаю. Гонять самолет такого класса из-за пяти человек и двухсот фунтов снаряжения. И именно в Кастельроссо. Последний самолет, что шел сюда ночью, разбился. Подводные заграждения, черт бы их побрал. Спаслись только двое.

– Знаю. Слышал об этом. Сожалею, но я тоже подчиняюсь приказу. А что до остального – забудьте. Предупредите экипаж, чтобы держали язык за зубами. Они нас никогда не видели.

Пилот мрачно кивнул.

– Нас всех уже запугивали трибуналом. Можно подумать, что мы на войне...

– Мы оставим здесь пару ящиков. Отправимся на берег в другой одежде. Кто-нибудь позаботится о нашем тряпье, когда будете возвращаться?

– Роджер. И – всего лучшего. Желаю вам всего лучшего, капитан. Тайны тайнами, но у меня предчувствие, что вам очень понадобится удача.

– Если так, вам не мешало бы получше посадить самолет, – усмехнулся Меллори.

– Не волнуйся, браток, – жестко сказал пилот. – Не забудь, что я тоже нахожусь в этом проклятом самолете.

В ушах еще раздавался грохот мощных моторов «Сандерленда», а небольшая тупорылая моторная лодка уже беззвучно вынырнула из темноты и пришвартовалась к сверкающему корпусу гидроплана. Времени на разговоры не теряли. Через пять минут все пятеро со всем снаряжением были на борту моторки, а еще через пять минут она остановилась у каменной дамбы в Кастельроссо. В темноту бросили два конца. Чьи-то ловкие руки подхватили и закрепили их. Ржавая железная лестница, вделанная в углубление стенки, уходила вверх, в звездное небо над головой. Едва Меллори поднялся на последнюю ступеньку, как из мрака выступила человеческая фигура.

– Капитан Меллори?

– Так точно.

– Капитан сухопутных, войск Бриггс. Прикажите, пожалуйста, своим людям подождать здесь. Вас хочет видеть полковник, – гундосый голос звучал далеко не радушно.

Меллори разозлился, но промолчал. Бриггс походил на любителя поспать и пропустить рюмочку джина. Кажется, их поздний визит оторвал его от одного из этих занятий.

Они вернулись минут через десять в сопровождении вестового. Меллори посмотрел на троих, стоящих на краю дамбы, узнал их, огляделся.

– Куда девался Миллер? – спросил он.

– Здесь, начальник, здесь я, – с тяжким вздохом ответил Миллер, отрывая спину от массивной деревянной тумбы и лениво поднимаясь на ноги. – Отдыхал, начальник. Так сказать, набирался сил после первых потрясений.

– Когда вы совсем, придете в себя, Мэтьюз отведет вас на квартиру, – едко сказал Бриггс и кивнул спутнику, – Мэтьюз, вы останетесь в подчинении капитана. Приказ полковника. – Тон Бриггса не оставлял сомнений, что лично он считает приказы полковника сущим вздором. – И еще. Не забудьте, капитан, что сказал полковник: «два часа».

– Знаю, знаю, я ведь был там, и полковник говорил это мне, – устало ответил Меллори. – Ну, ребята, пошли, если вы готовы.

– А как же снаряжение, сэр? – нерешительно спросил Стивенс.

– Оставьте здесь. Пожалуйста, ступайте вперед, Мэтьюз.

Мэтьюз направился вдоль дамбы по крутым выщербленным ступеням, остальные двинулись за ним след в след. Поднялись, круто повернули направо, спустились вниз по узкому извилистому переулку, вошли в дом, поднялись по скрипящим деревянным ступеням. Мэтьюз открыл первую дверь в коридоре.

– Здесь, сэр. Я буду ждать вас у двери.

– Лучше подождите внизу, – посоветовал Меллори, – чем меньше вы будете знать, тем для вас лучше.

Он закрыл дверь. Маленькая унылая комнатенка, окна занавешены тяжелыми плотными портьерами, стол и полдюжины стульев. В дальнем углу скрипнули пружины единственной кровати – это блаженно растянулся капрал Миллер.

– Надо же. Прямо номер в отеле, – пробормотал он. – Совсем как дома. Конечно, обстановки маловато, – тут его осенило. – А где же будут спать остальные парни?

– Мы не будем спать, и вы тоже. Через два часа отправимся дальше.

С кровати раздался стон.

– Вставай, вставай, солдат, – безжалостно продолжал Меллори.

Миллер сбросил ноги с кровати и с любопытством уставился на Андреа. Гигант грек методично обыскивал комнату. Осматривал шкафы, заглядывал за картины, за занавески и даже под кровать заглянул.

– Чем он занимается? Ищет пыль? – спросил Миллер.

– Он ищет подслушивающие аппараты, – бросил Меллори. – Мы поступаем так всегда, иначе нас давно бы не было в живых. – Он порылся во внутреннем кармане черного морского кителя, достал морскую карту и ту, что дал ему Влакос. Разложил обе на столе. – Прошу всех сюда. Последние две недели вы, несомненно, задавали себе сотни вопросов. Сейчас получите на них ответ. Надеюсь, он вам понравится... Разрешите познакомить вас с островом Наварон.

Было уже одиннадцать, когда Меллори убрал со стола карту, откинулся на спинку стула, оглядел задумчивые лица четверки и подвел итог:

– Вот, джентльмены, в чем наша задача. Если бы все происходило в кино, мне следовало сейчас сказать: «Вопросы есть, ребята?» Но это мы опустим, потому что теперь вы знаете столько же, сколько и я.

– Голую скалу в четверть мили длиной и в сто двадцать два метра высотой он называет единственной брешью в немецкой обороне! – Миллер мрачно склонился над жестянкой с табаком и одной рукой ловко свернул длинную тонкую самокрутку. – С ума сойдешь, начальник. Я даже с лестницы падаю, черт возьми! – он глубоко затянулся и выпустил облако дыма. – Самоубийство. Вот слово, которое я искал. Один шанс из тысячи, что нам удастся подобраться к этим проклятым пушкам ближе чем на пять миль!

– Ответьте мне, Миллер, какой шанс выжить имеют парни на Ксеросе, а?

– Н-да... Парни на Ксеросе, – сокрушенно покачал головой Миллер. – О них-то я позабыл. Думал о себе и об этой проклятой скале. – Он с надеждой глянул через стол на массивную фигуру Андреа. – Разве что меня поднимет туда Андреа... Парень он здоровый.

Андреа молчал, глаза его были закрыты, и мысли, наверно, бродили сейчас где-то далеко, за тысячу миль от Кастельроссо.

– Мы свяжем вас по рукам и ногам и втянем наверх на веревках. Постараемся выбрать веревку попрочнее, – небрежно бросил Стивенс и вопросительно поглядел на Меллори. – Вы собираетесь подниматься один, сэр, или же...

– Минуточку, – Андреа неожиданно выпрямился и зарокотал на беглом английском жаргоне, который усвоил за время работы с Меллори. Он торопливо нацарапал на клочке бумаги несколько слов. – Минуточку. У меня есть план подъема на скалу. Вот схема. Как вы считаете, капитан, осуществимо ли это?

На клочке бумаги крупными печатными буквами были написаны два слова:

«ПРОДОЛЖАЙТЕ РАЗГОВОР».

– Ясно, – задумчиво протянул Меллори. – Неплохо, Андреа, неплохо. Твой план имеет несомненные шансы на успех, – он повернул листок так, чтобы все видели написанное.

Андреа по-кошачьи мягко уже двигался к двери.

– Не правда ли, остроумный план, капрал Миллер? – продолжал Меллори, словно ничего не происходило. – Он избавит нас от многих трудностей.

– М-да, – выражение лица Миллера не изменилось: глаза полузакрыты, изо рта тянется струйка дыма. – Похоже, что Андреа действительно решил проблему и вам удастся поднять меня в целости и сохранности, – он непринужденно рассмеялся, прикручивая странной формы трубку к стволу автоматического пистолета, вдруг появившегося в его левой руке. – Только мне не совсем ясно, что означает эта странная кривая и еще вот эти точки у...

Все кончилось в секунды: Андреа распахнул дверь, протянул руку, втащил в комнату отчаянно сопротивляющегося человечка, опустил его на пол и закрыл дверь. Сделано это было бесшумно и быстро. Смуглый остролицый левантинец в белой рубашке и синих штанах стоял

неподвижно, часто моргая от непривычно яркого света. Вдруг рука его нырнула под рубашку.

– Берегись! – отрывисто крикнул Миллер и поднял пистолет, но Меллори остановил его.

– погоди, – спокойно сказал он.

Синеватое лезвие ножа метнулось назад и мгновенно понеслось обратно. Но случилось необъяснимое: рука с ножом замерла в воздухе, блестящее лезвие дрожало в паре дюймов от груди Андреа. Раздался жалобный вскрик и зловещий хруст костей. Гигант грек с силой сжал запястье левантинца, двумя пальцами заботливо взял нож, словно родитель, оберегающий любимого, но неразумного дитя. Нож повернулся, и кончик его уперся в горло левантинца. Андреа, ласково улыбаясь, смотрел в обезумевшие глаза шпиона.

Миллер присвистнул и пробормотал:

– Ну и ну! Я так понимаю, что Андреа и раньше отказывал подобные штучки.

– Наверно, так, – иронически отозвался Меллори. – Рассмотрим вещественное доказательство номер один, представленное Андреа.

Андреа подвел задержанного к столу. Похожий на хоряка левантинец с помутневшими от страха и боли глазами придерживал рукой изувеченное запястье.

– Как ты думаешь, долго ли был этот тип за дверью? – спросил Меллори у Андреа.

Андреа провел громадной пятерней по густым черным вьющимся волосам с пробеленными сединой висками.

– Точно не знаю, капитан. По-моему, я услышал шумок вроде шороха минут десять назад, но подумал, что слух

меня обманывает. Потом я снова услышал шорох с минуту назад. Так что боюсь...

– Минут десять, говоришь? – Меллори поглядел на задержанного. – Твое имя? Что делал за дверью?

Ответа не последовало. Угрюмые глаза, угрюмое молчание. Андреа дотронулся кулаком до затылка шпиона, тот испуганно вскрикнул.

– Капитан спрашивает тебя. Отвечай капитану, – укоризненно сказал Андреа и снова привел кулак в соприкосновение с затылком бедолаги, на этот раз энергичнее.

Неизвестный заговорил быстро, возбужденно, отчаянно жестикулируя. Андреа вздохнул и остановил словесный поток, прикрыв левой рукой рот задержанному. Меллори удивленно посмотрел на Андреа.

– По-моему, курд или армянин, капитан. Я не знаю этого языка.

– Я тем более. Говоришь по-английски? – спросил он.

Черные, полные ненависти глаза уставились на Меллори. Левантинец молчал. Андреа снова ткнул его кулаком в затылок.

– Говоришь по-английски? – настойчиво повторил Меллори.

– Англиски? Англиски? – Плечи и локти дернулись в традиционном жесте непонимания. – Ка ингли.

– Говорит, что не знает английского, – пробормотал Миллер.

– Может, знает, может, нет, – бесстрастно сказал Меллори. – Он подслушивал, а рисковать мы не имеем права. На карту поставлено слишком много, – глаза его стали суровыми и беспощадными, в голосе зазвучал металл. – Андреа!

– Да, капитан.

– У тебя его нож. Быстро и чисто. Под лопатку.

Стивенс вскрикнул, вскочил на ноги.

– Боже мой, сэр, Боже мой! Что вы...

Он умолк, увидев, как задержанный стремительно бросился в дальний угол, прикрывая согнутой в локте рукой голову. Стивенс медленно перевел взгляд на торжествующего Андреа, заметил понимающие улыбки Брауна и Миллера и почувствовал себя полнейшим дураком. Первым заговорил Миллер.

– Ну-и-ну-и-ну-и-ну! Может, он *говорит*
по-английски?

– Может, и говорит, – согласился Меллори. – Никто не станет прижимать ухо к замочной скважине целых десять минут, если не понимает ни слова из разговора. Ну-ка позовите Мэтьюза, Браун. – Через несколько минут в дверях вырос вестовой. – Попросите сюда капитана Бриггса. Да поскорее, пожалуйста.

Солдат стоял в нерешительности.

– Капитан Бриггс спит. Он строго-настрого приказал не будить его.

– Сердце мое обливается кровью при одной мысли, что я вынужден потревожить покой капитана Бриггса. За день он спал больше, чем я за неделю, – Меллори взглянул на часы, черные брови его сошлись над утомленными карими глазами. – У нас слишком мало времени. Доставьте его сюда немедленно! Понимаете, немедленно.

Мэтьюз козырнул и исчез. Миллер откашлялся и несколько раз прищелкнул языком.

– Все гостиницы на один манер. Сплошная суматоха. Заметьте, однажды я был на конференции в Цинциннати...

Меллори устало покачал головой.

– Вы просто предубеждены против отелей. Это жилье военных, здесь расквартированы офицеры.

Миллер хотел что-то возразить, но передумал. Янки был, безусловно, неплохим знатоком людей. В глубине души Миллер был убежден, что они затеяли безнадежное дело. Важное, безнадежное и, по его мнению, самоубийственное. Но он уже сообразил, почему назначили главным в группе этого бывалого загорелого новозеландца.

Все молчали, пока не появился в распахнувшейся двери капитан Бриггс. Без головного убора, с шелковым шарфом на шее вместо воротничка. Белый шарф четко оттенял красную шею и упитанное лицо. Когда Меллори впервые разглядел Бриггса у полковника, то отметил: повышенное давление и высокий уровень жизни тыловых крыс. Но оказалось, что чувство негодования может добавить лицу капитана еще несколько глубоких красных тонов.

– Это уже слишком, капитан Меллори, – раздался гундосый голос. – Я вам не мальчик на побегушках! У меня был напряженный день и...

– Сохраните это для мемуаров и взгляните на того олуха в углу, – оборвал его Меллори.

Бриггс стал еще багровее, шагнул в комнату, гневно сжимая кулаки, но словно споткнулся – увидел в углу согнутую бесформенную фигурку.

– Бог мой, Николай!

– Знаете его, – это было утверждение, не вопрос.

– Конечно, знаю, – прорычал Бриггс. – Николай, бой из прачечной.

– Что ж, в его обязанности входит шнырять ночью по коридорам и подслушивать у двери?

— Что вы хотите этим сказать?

— То, что сказал, — терпеливо повторил Меллори. — Он подслушивал.

— Николай? Я этому не верю!

— Полегче, ты! — рявкнул Миллер. — Сначала подумай, кого называешь лжецом.

Бригсс ошарашенно посмотрел в черный зрачок дула автоматического пистолета, направленного в его сторону, сглотнул слюну и поспешно отвернулся.

— Что из того? Подслушивал! Николай ни слова не говорит по-английски, — он выдавил улыбку.

— Может быть, и не говорит, — сухо согласился Меллори. — Но хорошо *понимает* по-английски. Я не собираюсь всю ночь обсуждать этот вопрос, времени у нас нет. Потрудитесь арестовать этого типа и держать в полной изоляции до конца недели. Шпион это или просто любопытный, но известно ему стало многое. После можете распорядиться им по своему усмотрению. Лично я советовал бы вам убрать его подальше от Кастельроссо.

— Советовали бы? Подумать только! — Бриггс вновь обрел свою обычную наглость. — Кто вы такой, чтобы мне приказывать, капитан Меллори?! — Он сделал упор на слове «капитан».

— Тогда я прошу вас об одолжении, — устало произнес Меллори. — Я не могу объяснить, но это очень важно. На карту поставлены тысячи жиз...

— Тысячи жизней?.. Что за мелодраматическая чепуха! — недобро усмехнулся Бриггс. — Предлагаю сохранить эти слова для мемуаров рыцаря плаща и кинжала, капитан Меллори.

Меллори встал, обошел стол и остановился рядом с Бриггсом. Карие глаза его смотрели холодно и спокойно.

— Я слишком устал от споров. Вы сделаете все именно так, как я вам сказал. Иначе я позвоню в штаб флота, свяжусь по радио с Каиром, и тогда, клянусь, на ближайшем корабле вы отправитесь в Англию, на палубе для рядовых.

Лицо Бриггса покрылось белыми пятнами.

— Ну ладно, ладно, к чему эти глупые угрозы? Если вам так уж хочется... — он безуспешно пытался скрыть уязвленное самолюбие. — Мэтьюз, позовите часового.

Торпедный катер неся на вест-норд-вест, то зарываясь носом, то вновь взлетая на волну. Мощные авиационные моторы монотонно тянули вполсилы. В сотый раз за эту ночь Меллори взглянул на часы.

— Опаздываем? — спросил Стивенс.

Меллори кивнул.

— Нужно было отправиться прямо от «Сандерленда». Там ведь был причал.

— Держу пари на пять фунтов, что у них отказал мотор, — проворчал Браун.

— Правда. Откуда ты узнал об этом? — согласился удивленный Меллори.

— С этими несчастными моторами торпедных катеров всегда случается одно и то же. Они капризны, как голливудские «звезды».

В темной каюте наступила тишина.

— А вдруг мы опоздаем? — заметил Миллер. — Почему бы им не прибавить скорости? Говорили мне, что эти корыта делают от сорока до пятидесяти узлов.

– Вы и так показали себя новичком в море, – невпопад сказал Стивенс. – Наверное, вам никогда не случалось ходить на торпедных катерах в непогоду.

Миллер не ответил, ему хотелось отвлечься.

– Капитан!

– Да, в чем дело? – сонно спросил Меллори, растянувшийся на плоском лежаке.

– Меня это не касается, начальник, но исполнили бы вы угрозу в адрес капитана Бриггса?

Меллори рассмеялся.

– Это действительно вас не касается, но, признаться, я бы угрозу не выполнил, просто не смог бы. Не такая у меня власть, чтобы я... потом, я вовсе не уверен, что между Капельроссо и Каиром есть радиосвязь.

– Ага. Так я и думал, – капрал Миллер почесал щетинистый подбородок. – А если бы он сообразил, что вы блефуете, капитан? Что тогда?

– Застрелил Николаи, – спокойно ответил Меллори. – Иного выхода не оставалось бы.

– Так я и подумал. Сейчас я начинаю верить, что операция имеет шанс не сорваться. Но лучше было его все-таки пристрелить, а заодно и этого крохобора капитана. Что-то мне не понравилось выражение лица этого Бриггса, когда он входил в комнату. Не то гнусное, не то... он просто готов был растерзать вас. Вы же растоптали его, а для таких показушников, как он, на свете нет ничего оскорбительнее.

Меллори не ответил. Он крепко спал. В бездонную глубь его сна не мог прорваться даже надсадный рев моторов, набравших полную мощность, когда торпедный катер вошел в тишь Родосского пролива.

ГЛАВА 3

**Понедельник.
07.00–17.00**

Они стояли на ветхом пирсе.

– Вы меня ставите в неловкое положение, уважаемый. Клиенты компании «Ратлидж» всегда получали самое лучшее, – офицер шлепнул хлыстом с ручкой из слоновой кости по чистейшей штанине и презрительно указал сияющим носком башмака на широкий двухмачтовый старый каик, пришвартованный кормой к полуразрушенному причалу.

Меллори скрыл улыбку. Майор Ратлидж с аккуратно подстриженными усами, в ослепительной форме, сшитой на заказ, разительно выделялся на фоне диких лесистых утесов, укрывших бухту. Небрежная самоуверенность и величественное безразличие майора заставляли думать, что бухта неуместна рядом с ним.

– Действительно, каик знал лучшие времена, – согласился Меллори. – И все же именно он нам нужен, сэр.

– Этого я решительно не могу понять, – майор раздраженно сбил пролетавшую муху. – Чего я только не доставал для ребят за последние восемь-девять месяцев: каики, продукты, яхты, рыбацьи лодки – все. Но еще никто не просил у меня самую ветхую и старую посудину, какую только можно отыскать. Поверьте, не так-то это просто сделать, – лицо его приняло страдальческое выражение. – Ребята знают, что таким хламом я обычно не занимаюсь.

– Какие ребята? – любопытствовал Меллори.

– А там, на островах, – Ратлидж лениво указал на северо-запад.

– Но ведь острова заняты немцами...

– Этот тоже. Но надо же где-то иметь базу, верно? – терпеливо объяснил Ратлидж. Вдруг лицо его просветлело.

– Послушайте, старина, я знаю, что вам подойдет. Каир настаивает, чтобы я достал вам посудину, которая не привлекала бы внимания и не подвергалась осмотру. Что вы скажете о немецкой лодке типа «Е»? В отличном состоянии. Побывала в руках только одного владельца, аккуратного человека. В Англии я получил бы за нее десять тысяч. Через сутки будет у вас. Один мой приятель в Бодраме...

– Бодрам? – переспросил Меллори. – Бодрам? Но... но это же в Турции?

– В Турции? А ведь верно, так оно и есть, – согласился Ратлидж. – Однако, сами понимаете, товар откуда-то надо получать, – добавил он словно в оправдание.

– Спасибо, – улыбнулся Меллори. – Нам нужен именно этот каик, мы не можем ждать.

– Пеняйте на себя. – Ратлидж поднял руки в знак того, что сдается. – Два моих парня погрузят ваше снаряжение.

– Лучше мы это сделаем сами, сэр. Видите ли, у нас особый груз.

– Как хотите, – согласился майор. – Меня здесь зовут «Ратлидж Не Задающий Вопросов». Скоро выходите в море?

Меллори взглянул на часы.

– Через полчаса, сэр.

– Что, если я предложу вам кофе и яичницу с беконом?

– Большое спасибо, с удовольствием, – улыбнулся

Меллори, повернулся и медленно пошел с причала, с наслаждением вдыхая пахнувший травами, ударяющий в голову воздух Эгейского рассвета.

Солоноватый привкус моря, одуряюще сладкий аромат жимолости, резкий запах мяты – все смешалось в тонкий пьянящий букет, неуловимый и незабываемый. До самых пастбищ простирались ярко-зеленые крутые склоны, заросшие соснами, орешником и дубняком. Благоухающий бриз доносил оттуда приглушенный мелодичный звон колокольчиков – неотвязную грустную музыку, удачный символ безмятежного спокойствия, которое давно покинуло эгейские берега.

Меллори невольно покачал головой и ускорил шаг. Его товарищи сидели на том же месте, где незадолго до рассвета их высадил торпедный катер. Миллер растянулся во весь рост на земле, закрывшись шляпой от низких золотистых лучей восходящего солнца.

– Через полчаса отбываем. Завтрак принесут через десять минут. Давайте грузить снаряжение. – Меллори повернулся к Брауну. – Хотите осмотреть двигатель?

Браун со вздохом поднялся на ноги и без всякого энтузиазма взглянул на потрепанный, облезлый каик.

– Надо бы, сэр. Если и двигатель такой, как эта посуда... – он сокрушенно покачал головой и проворно спрыгнул на палубу каика.

Андреа и Меллори последовали за ним. Оставшиеся передали им с причала груз. Сначала мешок со старой одеждой, потом еду, газовую плитку и топливо, тяжелые альпинистские ботинки, молотки, костыли, ледорубы, мотки веревок на проволоочной основе – все, что требуется

для подъема. Затем осторожно подали радиоприемник и передатчик, наконец, движок со старомодной заводной ручкой. За ними появились винтовки, два шмайсера, два брена, маузер и кольт. Потом последовал чемодан тщательно подобранной мелочи: карманные фонарики, зеркала, два комплекта документов, бутылки вина – холь, мазель, озо, ретсимо. С большой осторожностью разместили возле передней мачты два деревянных ящика. Один – среднего размера, зеленый, обитый медью. Другой – маленький и черный. В зеленом была мощная взрывчатка ТНТ, аммонал, несколько стандартных брусков динамита. Там же упакованы гранаты и запалы к ним, прорезиненные шланги. В уголок поместили сумку с железными опилками, толченым стеклом и залитую сургучом бутылку с калием. Все это взяли в расчете на то, что Дасти Миллеру подвернется случай проявить свои редкие таланты взрывника. В черном ящике хранились только детонаторы, электрические и ударные – с гремучей ртутью, столь чуткие, что срабатывали, если на них роняли даже птичье перо.

Едва разместили последний ящик, как из люка машинного отделения показалась голова Кейси Брауна. Он медленно осмотрел грот-мачту, медленно перевел взгляд на фок-мачту и с тем же бесстрастным выражением взглянул на Меллори.

– У нас есть паруса для этих штук, сэр?

– Думаю, что есть. А в чем дело?

– Дело в том, что только Богу известно, как скоро они нам понадобятся, – с горечью ответил Браун. – Машинное отделение – свалка старой рухляди. А самый ржавый, самый большой кусок железа – вал двигателя. Старый

двухцилиндровый «кельвин», мой одногодок. Сделан лет тридцать назад. — Браун огорченно покачал головой. — Он гниет здесь годами, сэр. Весь развалился. Отдельные части и запасные детали валяются на полу. Свалки в Гарелохе просто дворцы в сравнении с этим машинным отделением.

— Майор Ратлидж говорил, что еще вчера каик был на ходу, — мягко сказал Меллори. — Поднимайтесь на берег, будем завтракать. Напомните мне, что нужно захватить несколько тяжелых камней.

— Камней?! — испуганно глянул на него Миллер. — Тащить камни на эту посудину?

Меллори с улыбкой кивнул.

— Да ведь эта проклятая лодка и без того идет ко дну! — зашумел Миллер. — Зачем нам камни?

— Скоро увидите.

Через три часа Миллер увидел это, когда скатал свою голубую форму в тугой узел и опустил за борт: подвешенный к узлу камень увлек его на дно.

Упорно пыхтевший каик двигался на север по лазурному, гладкому от безветрия морю в миле от турецкого берега.

Миллер мрачно разглядывал себя в зеркальце. Одет он был во все черное, исключая темно-фиолетовый кушак вокруг тонкой талии и причудливо вышитый жилет, выжженный солнцем. Черные шнурованные сандалии, черные шаровары, черные рубашка и пиджак. Даже его пестрого цвета волосы были покрашены в черный цвет.

— Слава Богу, что меня земляки не видят, — с чувством сказал он, критически осматривая остальных, одетых с

незначительными изменениями точно так же. – Ну и ну. Может, я и не так уж страшен? Послушайте, начальник, к чему все эти переодевания? Говорят, вы дважды побывали в немецком тылу. Один раз под видом крестьянина, а другой – под видом механика.

Меллори опустил узел с формой и камнем за борт.

– А теперь можете увидеть, что носит хорошо одетый наваронец.

– Я о другом. Зачем нам было дважды переодеваться: в самолете и сейчас?

– А, вот вы о чем! Армейское хаки и белая флотская форма в Александрии, голубая форма в Кастельроссо и на острове майора Ратлиджа, а сейчас одежда греческих крестьян? Везде могли быть осведомители. Заметали следы, капрал.

Миллер понимающе кивнул, посмотрел на мешок из-под одежды, сосредоточенно поморщился, наклонился и вытащил оттуда белый балахон.

– А это будем носить на местных кладбищах? – мрачно пошутил он. – Переоденемся в привидений?

– Снежные халаты, – кратко пояснил Меллори.

– Что?!

– Снежные. Снег. Белый такой. На Навароне есть довольно высокие горы. Вдруг придется в них скрываться. Для этого и халаты.

Миллер был потрясен. Ни слова не говоря, растянулся он на палубе, положил руки за голову и закрыл глаза. Меллори ухмыльнулся Андреа:

– Парень хочет всласть понежиться на солнце перед покорением арктических пустынь... Неплохо придумано. Может быть, и тебе соснуть? Я постою на вахте.

Уже пять часов как шел вдоль турецкого берега. Разморенный теплым ноябрьским солнцем, Меллори приткнулся к фальшборту, глаза его внимательно следили за небом и горизонтом. Андреа и Миллер спали. Кейси Брауна нельзя было выманить из машинного отделения. Иногда он поднимался на палубу глотнуть свежего воздуха, но время между его появлениями все увеличивалось: старый «кельвин» требовал внимания. Браун регулировал неустойчивый уровень смазки, подачу воздуха. Болела голова, клонило в сон – узкий люк едва пропускал воздух.

В рулевой рубке лейтенант Стивенс следил за медленно проплывающим турецким берегом. Как и Меллори, он не сводил глаз с моря. Но не обшаривал его тщательно, квадрат за квадратом, а переводил взгляд с берега на карту, с карты на видневшиеся впереди острова, с островов на старый спиртовой компас, едва заметно подрагивающий на позеленевшем кардановом подвесе, с компаса – снова на берег. Иногда он поглядывал на небо или окидывал развернувшуюся на сто восемьдесят градусов панораму горизонта. Только на засиженный мухами осколок зеркала он старался не глядеть. Болели плечи, хотя его дважды сменяли у руля. Худые загорелые руки одеревенели на потрескавшихся ручках штурвала. Он пытался расслабиться, сбросить напряжение, сводившее судорогами мускулы рук, но мышцы вопреки его воле вновь напряженно сжимались. Во рту пересохло, губы запеклись. Не помогала и теплая вода, к которой он прикладывался: кувшин был накален солнцем. Противно ныло под ложечкой, левую ногу сводило судорогой. Лейтенантом Энди Стивенсом владел страх. Нет, не потому, что он никогда не нюхал пороху. С

тех пор как он помнит себя, он боялся всегда. И сейчас он мог бы припомнить все мелкие страхи, начиная с пригостительной школы. Тогда его толкнул в бассейн отец, сэр Седрик Стивенс, знаменитый исследователь и альпинист. Отец утверждал, что только так можно научить сына плавать. Он вспомнил, как отчаянно сопротивлялся, сколько воды наглотался с перепугу. Он вспомнил, как до слез хохотали над ним отец и два старших брата, огромные и веселые. Едва он вылезал из воды, они снова толкали его в бассейн...

Отец и братья поклонялись физической силе. Они и представить себе не могли, что кто-то не получает удовольствия от прыжка в воду с пятиметрового трамплина или от бешеной скачки через немыслимые препятствия. Им ничего не стоило взобраться на головокружительный утес или отправиться на утлой лодчонке в бурное открытое море. И его они заставляли проделывать все эти штуки. Энди был впечатлительным мальчиком, опасался насмешек. К чувству физического страха у него часто примешивалось чувство боязни неудачи. В конце концов он стал бояться самого страха. Чтобы преодолеть этот страх из-за страха, Энди стал альпинистом. И довольно искусным. Отец и братья прекратили насмешки. Но Энди не избавился от страха, а только научился скрывать его. Он всегда шел навстречу страху, всегда боролся с ним, всегда стремился преодолеть его. Вот и сейчас все его силы были направлены на эту борьбу. Больше всего Энди боялся, что страх его будет замечен...

Поразительная, невероятная голубизна Эгейского моря, мягкие, смутные силуэты анатолийских вершин на фоне

чисто вымытого ультрамарина неба навевали спокойствие. Захватывающее дыхание разнообразие оттенков залитых солнцем, лениво проплывающих мимо островов, искрящаяся пучками лучей радужная рябь воды и освежающий, мягкий, пахучий юго-восточный бриз несли тепло, томительную сонливость. Нескончаемое тарахтение старого «кельвина» и безмятежное спокойствие палубы напоминали только о мире. Невероятно, чтобы это могло пробудить страх... Война казалась такой далекой. Но в итоге война была рядом. Она постоянно напоминала о себе. Дважды над каиком пролетал немецкий гидроплан-разведчик. Потом два самолета снизились над ними и, удовлетворенные мирным видом суденышка, вновь взмыли вверх. Базировались они, по-видимому, на Родосе. Хотя самолеты были итальянскими, но пилотировались наверняка немцами, согнавшими своих недавних союзников в концлагеря после капитуляции Италии. Утром они проплыли в полумиле от крупной шхуны с фашистским флагом. В полдень с оглушительным ревом пронесся мимо каика быстроходный немецкий катер, так близко, что каик закачало на волне. Меллори и Андреа, потрясая кулаками, громко проклинали гогочущих матросов. Но никаких попыток задержать каик не было: англичане и немцы старались не нарушать без надобности нейтралитет турецких территориальных вод. И все же эти непрерывные появления вражеских судов и самолетов постоянно напоминали о войне.

Медленно двигались стрелки часов, приближая их с каждой минутой к отвесной скале, которую еще предстояло преодолеть. В пятидесяти милях по курсу виднелись зуб-

чатые вершины острова Наварон, безлюдные, далекие, высящиеся мрачными громадами на фоне ярко-голубого неба.

В половине третьего неожиданно отказал двигатель. Монотонное тарахтение сменилось гнетущей тишиной. Меллори бросился к люку.

— Что случилось, Браун? — тревожно крикнул он. — Сломалась машина?

— Не совсем так, сэр. — Браун все еще возился с двигателем, и голос его звучал глухо. — Я его просто выключил, — он выпрямился, неуклюже вылез из люка, сел на палубу, жадно хватая ртом свежий воздух. Несмотря на загар, лицо его было бледно.

Меллори внимательно посмотрел на него.

— У тебя такой вид, будто кто-то напугал тебя до смерти.

— За эти два-три часа меня вконец отравила проклятая дыра, — Браун провел рукой по глазам. — Затылок прямо разламывает, сэр. Углекислый газ не очень приятная штука. — Он указал на двигатель. — Видите ту вертикальную трубку с шаром наверху, водоохладителем? Трубка тоньше бумаги. Понемногу она пропускала и раньше, а около часу назад лопнула. Искры, дым, пламя дюймов в шесть. Пришлось проклятую отключить, сэр.

Меллори, мало что понимая, кивнул.

— Можете исправить, Браун?

— Нет, сэр. Нужно заварить или запаять. — Он категорически замотал головой. — Внизу, среди всякого барахла, я заметил запасную часть. Дьявольски ржавая и такая же ненадежная, как и первая... Я все же попытаюсь, сэр.

– Я помогу ему, – вызвался Миллер.

– Благодарю, капрал. Сколько это отнимет времени, Браун?

– Часа два, а может, все четыре. Гайки и болты заржавели, придется срубить или отпиливать их или искать другие.

Меллори промолчал, тяжело повернулся и поднялся наверх, к Стивенсу, который уже покинул рубку и сидел на баке. Энди вопросительно посмотрел на Меллори.

– Часа четыре провозимся. Андреа и я займемся парусами.

Через два часа они уже порядочно отошли от территориальных вод. Двигатель молчал. Каик приближался к большому острову в восьми милях на вест-норд-вест от места поломки. Меллори решил подойти к берегу. Здесь их труднее заметить, чем в открытом море. Он взглянул на часы и перевел огорченный взгляд на удаляющееся безопасное турецкое побережье. Потом напряженно вгляделся в темную полосу моря, суши и неба на востоке.

– Андреа, ты видишь?!

– Да, капитан. – Андреа мгновенно вырос рядом. – Катер. В трех милях. Идет прямо на нас, – добавил он тихо.

– Да, идет на нас, – неохотно согласился Меллори.

Все собрались вместе. Меллори не терял времени даром.

– Если я не ошибаюсь, это тот самый катер, который нам встретился утром. Они деликатничать не будут, обыск устроят тщательный. Вооружены до зубов и ищут приключений. Полумерами явно не ограничатся. На этот счет нам не следует обольщаться. Обыск мы не должны допу-

стить ни в коем случае. С нашим грузом на борту. – Он в двух словах сообщил свой план.

Стивенс вдруг почувствовал, как заняло под ложечкой и кровь отхлынула от лица. Он был рад только тому, что никто не заметил его дрожащих коленок. Голос его тоже дрогнул:

– Но, сэр... сэр...

Меллори увидел бледное лицо, бескровные ногти, впившиеся в подоконник рубки.

– Вы, вы не сделаете *этого*, сэр! – голос Энди прерывался от волнения. С минуту он беззвучно шевелил губами, наконец у него вырвалось: – Это убийство, сэр. Просто убийство.

– Заткнись, щенок! – рявкнул Миллер.

– Перестаньте, – остановил Меллори американца, внимательно посмотрел на него и перевел взгляд на Стивенса. Глаза его были холодны. – Лейтенант, основным законом войны является стремление поставить противника в наиболее невыгодные условия и не оставлять ему шансов на успех. Или мы уничтожим их, или они нас. Мы их пустим ко дну, иначе они потопят нас, а с нами и тысячу парней с острова Ксерос. Ведь это же все так просто, лейтенант. Это даже не вопрос совести.

Стивенс чувствовал, что все смотрят на него. За эту минуту он возненавидел Меллори. Он понимал, что ненавидит неумолимую логику сказанных слов. Меллори, идол каждого начинающего альпиниста, лучший скалолаз довоенной Британии, чьи фантастические восхождения давали пищу для сенсационных газетных заголовков. Меллори, дважды потерпевший неудачу в столкновениях со

стремительным Роммелем в песках пустыни. Меллори, трижды отказавшийся от повышения по службе, чтобы не разлучаться с партизанами на Крите. Обо всем подумал Стивенс в одно мгновение. Он медленно поднял взгляд на худощавое загорелое лицо, резко очерченный, словно высеченный из камня изгиб рта, на густые черные брови над карими глазами, в которых были холодность и сочувствие. Ему стало ясно, что капитан Меллори находится по другую сторону его оценок и суждений.

— Как говорит капрал Миллер, я высказался не в свой черед. — Он натянуто улыбнулся, взглянул на стремительно мчавшийся к ним сторожевой катер, снова почувствовал слабость в коленях, но голос его звучал теперь подтвержде: — Я не подведу вас, сэр.

— Я в этом никогда не сомневался, — улыбнулся Меллори и посмотрел на Миллера и Брауна. — Приготовьте все незаметно. Они смотрят на нас в бинокли. — Он повернулся и пошел вперед.

Андреа двинулся за ним.

— Слишком ты строго обошелся с пареньком, — Андреа сказал это без упрека и осуждения, просто отмечая факт.

— Знаю. Я не хотел... — Меллори пожал плечами. — Но это было необходимо.

— Пожалуй, ты прав, — промолвил Андреа. — Да, это было необходимо. Ты думаешь, они пустят пушки в дело, чтобы нас остановить?

— Может статься. Пора по местам. Начинаю я, — сухо закончил Меллори.

Тяжелое пыхтение двигателя перешло в мягкий рокот, исчезли носовые буруны, и немецкий катер скользнул

всего в шести футах от каика. Меллори сидел на ящике из-под рыбы и старательно пришивал пуговицу к старому пиджаку. Он отлично видел всех шестерых немецких моряков. Один из них, сгорбившись, сидел за пулеметом «шпандау», установленном на треноге. Трое стояли на палубе с автоматическими карабинами наперевес. «Шмайсеры», – отметил Меллори. В дверях рубки маячил капитан катера – угрюмый молодой лейтенант с Железным крестом на кителе. Из люка машинного отделения выглядывала еще одна любопытная физиономия. Меллори не видел всей палубы: ее скрывал хлопавший на порывистом ветру парус. Но поскольку пулеметчик, беспрестанно вращавший дулом «шпандау», держал на прицеле только носовую часть каика, естественно было предположить, что на носу катера имеется еще один пулемет.

Лейтенант с суровым лицом поднес сложенные рупором ладони ко рту.

«Достойный выкормыш гитлерюгенда», – подумал Меллори.

– Спустите паруса!

Меллори окаменел. Игла безжалостно впиалась ему в ладонь, но он не заметил этого. Лейтенант отдал команду по-английски!

«Стивенс слишком молод, слишком неопытен, – с отчаянием подумал Меллори. – Он клюнет на эту удочку, не может не клюнуть...»

Но Стивенс не купился. Он приоткрыл дверь рубки, высунулся, приложил ладонь к уху и бессмысленно уставился в небо. Он даже открыл рот от удивления, отлично разыграв придурка, не понимающего команды. Меллори

готов был расцеловать его. Не только повадками, но и одеждой, и черной крашеной шевелюрой Энди походил сейчас на заурядного греческого рыбака, недоверчивого и нелюдимого.

– Чего-о? – крикнул он.

– Спустите паруса! Мы сейчас сойдем к вам на борт, – и опять по-английски.

«Упорный, мерзавец», – подумал Меллори уже спокойнее.

Стивенс все так же бессмысленно глядел на немца, потом недоуменно уставился на Андреа и Меллори. Те не менее убедительно изобразили на лицах удивление. Стивенс отчаянно пожал плечами.

– Виноват, не понимаю по-немецки! – крикнул он. – А по-нашему вы не умеете? – бегло сказал он на безукоризненном греческом разговорном языке. Правда, это был язык Аттики, а не жителей Архипелага, но Меллори не сомневался, что лейтенант не уловит разницы.

– Немедленно остановите лодку. Мы сойдем к вам на борт.

– Остановить лодку! А кто ты такой, чтобы из-за тебя останавливать лодку! Ты, ты, ты!.. – Возмущение было таким неподдельным, поток ругательств и проклятий столь натуральным, что лейтенант на минуту опешил.

– Даю десять секунд, – прервал его лейтенант. Он уже взял себя в руки, держался холодно и официально. – Потом откроем огонь.

Стивенс всем видом изобразил покорность и повернулся к Андреа и Меллори.

– Наши повелители сказали свое последнее слово. Убирай паруса! – бросил он.

Те быстро и проворно спустили паруса. Меллори потянул на себя кливер, собрал его и молча присел на корточки. Он знал, что его изучают десять злых глаз. Парус прикрывал его колени и старый пиджак. Со сложенными на коленях руками он всем видом изображал уныние. Со свистом упал на палубу второй парус. Андреа ступил на него, сделал пару неуверенных шагов к носу, но остановился, опустив тяжелые руки. Мотор дизеля зарокотал еще глуше, рулевое колесо повернулось, и массивный немецкий катер чиркнул о борт каика. Трое немцев со шмайсе-рами наперевес быстро, но так, чтобы не попасть в сектор обстрела своих пулеметов (второй уже можно было увидеть), прыгнули на палубу каика. Один из трех тут же бросился вперед, к мачте, и встал там, держа всю команду под прицелом. Всех, кроме Меллори, которого поручили заботам пулеметчиков. Меллори отметил безупречную согласованность военной машины. Он поднял голову, осматриваясь с чисто крестьянским безразличием. Кейси Браун сидел на корточках возле машинного отделения. Дасти Миллер примостился в двух шагах от него и с подчеркнутым трудолюбием вырезал кусок жести из консервной банки, по-видимому, латку к мотору. Ножницы держал в левой руке, хотя Меллори было отлично известно, что он не левша. Ни Стивенс, ни Андреа не пошевелились. Солдат у мачты уставился на них. Двое других медленно расхаживали по палубе. Немцы держали себя свободно, как хозяева положения, которым и в голову не приходит, что возможны какие-то осложнения. Они как раз проходили мимо Андреа. Спокойно, точно и аккуратно Меллори через пиджак выстрелил в пулеметчика, повернул свой брэн, и,

прошитый очередью, рухнул часовой у мачты. Он еще не упал на палубу, а в руке Кейси Брауна мелькнул бесшумный пистолет Миллера, который припрятали в частях от мотора. Кейси трижды выстрелил, и второй пулеметчик сник за турелью, мертвые пальцы судорожно сжали рукоять пулемета. Миллер надрезал трехсекундный химический взрыватель и бросил жестянку в люк машинного отделения немцев. Стивенс метнул связку гранат в рубку, Андреа с быстротой и меткостью нападающей кобры обхватил огромными ручищами головы проходивших мимо охранников и с силой толкнул их лбами. Все произошло мгновенно. Пятеро попадали навзничь. Немецкий катер скрылся в клубях дыма, языках пламени и рое обломков. Все еще строчил Меллори из брена, но эхо взрыва умолкло, ленту автомата заело, и над Эгейским морем снова воцарилась первозданная тишина. Оглушенный двумя взрывами, Меллори, пошатываясь, поднялся на ноги. Изумился. Он не предполагал, что может сделать взрыв связки гранат и двух кубиков тола. Самодельная бомба Миллера разворотила днище машинного отделения. Обломки катера пылали. Меллори стало не по себе: прямой столб черного дыма — отличный ориентир для немецкого самолета-разведчика. Меллори успел увидеть развороченную рубку и труп лейтенанта, повисшего на искореженном штурвале: жалкое подобие того, кто несколько секунд назад отдавал приказы наглым голосом. Внутри тонущего катера глухо рванули бензобаки, он завалился на корму. Обнажился киль, вода зашипела, сбивая пламя, и катер скрылся в воде. Радужные пятна заколыхались, разошлись кругами. Только щепки да каска плавали среди пятен

нефти. Эгейское море опять стало мирным и безмятежным.

Меллори оглядел каик и своих товарищей. Браун и Миллер наблюдали за тонущими обломками. Стивенс, целый и невредимый, стоял у двери в рубку. Лицо было мертвенно-белым, но на протяжении короткой схватки он был на высоте. У Андреа рассечена щека. Грек стоял над телами двух автоматчиков. Лицо его ничего не выражало. Меллори долго смотрел на Андреа, словно восстанавливал подробности случившегося.

– Мертвы?

Андреа кивнул:

– Слишком сильно я их ударил.

Меллори отвернулся. Из всех людей, встречавшихся ему, никто не мог сравниться с Андреа в ярости к врагам. Он убивал фашистов как собак, убивал безжалостно, умело и беспощадно. И хотя он не считал себя вправе отнимать человеческую жизнь, никогда не дрогнула его рука. Он, любивший ближних своих больше всего на свете, не оправдывал убийства, как это пытаются делать фашисты, прикрываясь национализмом. Он убивал фашистов, чтобы дать возможность жить другим, лучшим людям.

– Кто еще ранен? – с наигранной бодростью спросил Меллори. – Никто? Ну и отлично. Давайте-ка сматывать удочки. Чем быстрее, тем лучше, – он взглянул на часы. – Почти четыре. Пора связаться с Каиром. Оставьте на минуту свой металлолом, Кейси. Попытайтесь поймать Каир.

Он посмотрел на небо, уже розовевшее на востоке. Покачал головой.

– Не мешало бы узнать прогноз погоды.

Прием был скверным. Крошечный динамик хрипел как придушенный, но сквозь помехи раздалось:

– Ревень вызывает Пастернак. – Это были позывные Каира, их повторили дважды. Браун отстучал ответ. Снова раздался глухой голос: – Ревень вызывает Пастернак. Пастернак, я Ревень. Икс минус один. Подтвердите. Икс минус один.

Меллори с шумом втянул воздух. Сообщение означало, что атака на Ксерос назначена в субботу на рассвете, на день раньше. Итак, операция в пятницу. Ровно через три дня.

– Подтвердите. Икс минус один! Вас понял, – спокойно сказал Меллори.

– ...Восточная Англия. Сводка погоды, – продолжал безразличный монотонный голос. «Восточная Англия» означала северную часть Архипелага. Меллори знал об этом.

– ...Вечером возможно падение барометра. Значительные осадки. Похолодание в ближайшие четыре часа. Ветер восточный. Сила ветра шесть-семь баллов. Завтра ожидается ясная погода.

Меллори повернулся и пошел на корму. Ну и положение! Осталось всего три дня. Мотор никудышный. Надвигается шторм. Он с надеждой вспомнил, что командир эскадрильи Торренс был невысокого мнения о работе метеослужбы. Но радужным надеждам предаваться было трудно. Громадные грозовые тучи наползали прямо на них.

ГЛАВА 4

**Понедельник. Вечер.
17.00–23.30**

На западе у горизонта утопал в море огненно-рыжий диск солнца. Темнела вода бухты. Присутствие светила ощущалось только по светящейся завесе ласкового легкого дождя.

Золотистые лучи освещали древнюю сторожевую башню на вершине утеса, взметнувшегося на сотню футов над устьем реки. Они переливались на полированных плитах прекрасного белого пирейского мрамора, сверкали на блестящей поверхности стволов, которые выглядывали из узких амбразур массивных стен; лучи эти освещали извивающийся паук свастики на флаге, укрепленном над окном. Полуразрушенный замок и теперь представлял мощную и неприступную позицию, контролирующую реку и морское побережье. Он хорошо виден в просвете вересковых зарослей, укрывших каик. Медленно, как бы нехотя, Меллори опустил бинокль и мрачно сказал Андреа и Стивенсу, силуэты которых едва различались в полумраке рубки:

– Восхитительно! Просто гениально. Талантливый командир Меллори не мог придумать ничего лучшего. На сто миль в округе это наверняка единственная бухта с немецким дозором. Нужно обшарить не меньше сотни островов, чтобы наткнуться на него. Теперь мне остается только пойти и уничтожить немцев... Давайте-ка еще раз взглянем на карту, Стивенс.

Стивенс развернул карту, накрыл ее брезентом и включил фонарик. Болезненное ощущение страха вновь заползало в него. Он с неприязнью поглядел на Андреа, словно обидевшись, что тот обнаружил немецкий пост всего несколько минут назад. Меллори склонился над картой. Стивенс деланно безразлично затянулся сигаретой. Табак отсырел, но курить его было можно.

«У них наверняка пушки наверху, – лениво подумал Стивенс. – Без пушек бухту не удержать...»

Он потер рукой бедро повыше колена, но противную дрожь унять не удалось – страх был сильнее его. И все-таки голос Стивенса звучал твердо:

– Вы зря ругаете себя, сэр. Это единственная удобная стоянка. В такую бурю мы не смогли бы нигде подойти к берегу.

– Точно. Истинная правда. – Меллори свернул карту. – Больше укрыться было негде. Самая удобная бухта, в которой можно переждать шторм, и немцы усвоили этот неоспоримый факт раньше нас. Именно поэтому я должен был предположить, что они обязательно поставят дозор. Но, как говорится, снявши голову, по волосам не плачут. – Он повысил голос. – Шеф!

– Хелло! – глухо донеслось из машинного отделения.

– Как там, Браун?

– Не так скверно, сэр. Почти собрал.

Меллори облегченно кивнул.

– Сколько еще возиться? Час?

– Около этого, сэр.

– Час... Вроде бы все в порядке. – Меллори опять взглянул на Стивенса и Андреа. – Через час отчаливаем.

Темнота нам на руку, но выбраться из этой чертовой канавы без огней трудновато.

– Вы полагаете, сэр, что они попытаются нас задержать? – Голос Стивенса звучал слишком ненатурально. Он был уверен, что Меллори заметил это.

– Не думаю, что они встретят нас по стойке «смирно», приветствуя тремя пушечными выстрелами... Как вы полагаете, Андреа, сколько их там?

– Я видел двоих, – задумчиво ответил Андреа. – Их трое или четверо, капитан. Маленький пост. На такие объекты немцы солдат не разбрасывают.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Меллори. – Основной гарнизон находится в деревне, в семи милях отсюда, судя по карте. И не похоже... – он осекся и напряженно прислушался.

Ругая себя за то, что не поставил дозорного – на Крите такая халатность стоила бы ему жизни, – Меллори откинул брезент и осторожно выбрался на палубу. Оружия он не взял, но прихватил полбутылки мозельского. Старательно изображая пьяного, Меллори проковылял по палубе и ухватился за канат, чтобы не свалиться за борт. На берегу, в десяти ярдах от него, стоял немецкий автоматчик. Меллори нагло уставился на него. Теперь поздно думать о дозорном.

Прежде чем приступить к разговору с автоматчиком, Меллори встряхнул бутылку и приложился к горлышку. Худое загорелое лицо немца исказила гримаса гнева. Меллори не обратил на это внимания. Небрежно обтер губы рукавом черной куртки и сверху вниз вызывающе посмотрел на солдата.

– Ну, какого черта тебе нужно? – нахально и неторопливо спросил он, как истинный островитянин.

Меллори увидел побелевшие суставы пальцев на стволе автомата. Мелькнула мысль: не переборщил ли он? За себя он не беспокоился, — в машинном отделении затихли, а рука Дасти Миллера никогда не оказывалась слишком далеко от бесшумного автоматического пистолета, — но ему не хотелось осложнений. По крайней мере сейчас, когда в сторожевой башне находилось не менее двух скорострельных «шпандау».

Солдат едва сдержал себя. Требовалась наблюдательность Меллори, чтобы заметить следы колебания и растерянности. Греки, даже полупьяные, никогда не разговаривали с оккупантами в таком тоне, если не чувствовали своего превосходства в силе. Меллори и рассчитывал воспользоваться этим.

— Что за судно? Куда направляетесь? — солдат говорил по-гречески медленно, с паузами, но вполне сносно.

Меллори опять приложился к бутылке, сладостно причмокивая губами, сделал глоток-другой и, оторвавшись от горлышка, любовно посмотрел на нее.

— Очень мне нравится в немцах умение делать прекрасное вино, — громко сказал он. — Спорю, что вам нельзя попробовать его! Угадал? А пойло, которое делают наверху²¹, начинено смолой так, что его можно употреблять только вместо горючего для фонарей. — Он умолк на минуту. — Конечно, если вы знаете честных людей на островах, они достанут вам немного озо²², но мало кто из наших может делать озо лучше мозеля или рейнвейна.

²¹ Так жители островов называют материк.

²² Вино, вид местного греческого самогона.

Солдат поморщился. Как большинство военных, он презирал предателей, даже если они были на их стороне. Правда, в Греции предателей оказалось не так уж много.

– Я спрашиваю, что за судно и куда идет? – холодно повторил он.

– Каик «Агион». С грузом для Самоса, – гордо ответил Меллори и добавил значительно: – По приказанию.

– Чей приказ? – спросил солдат.

– Господина коменданта из Вати, генерала Крейбея, – почтительно сказал Меллори. – Вы, конечно, слышали о герре генерале, правда? – Меллори знал, это подействует: о командующем десантными войсками генерале Крейбеле, поклоннике железной дисциплины, знали далеко за пределами островов. Меллори мог поклясться, что лицо солдата побледнело, но тот не успокоился.

– Бумаги есть? Рекомендательные письма?

Меллори устало вздохнул и повернулся к рубке.

– Андреа! – позвал он.

– Чего надо? – Массивная фигура грека показалась в проеме. Он слышал разговор и продолжал игру Меллори: открытая бутылка вина почти скрывалась в его лапище. Он подошел поближе и сказал недовольно: – Не видишь, я занят. – Потом оглядел солдата и так же недовольно спросил: – Чего ему?

– Наши пропуска и рекомендательные письма герра генерала. Они внизу.

Андреа с ворчанием спустился вниз. На берег перебросили канат, подтянули корму и передали солдату бумаги. Они были сделаны отлично. Вплоть до фотостатистического факсимиле генерала Крейбея ничто не могло

вызвать ни малейшего подозрения в их оформлении. Солдат вернул бумаги с невнятными словами удовлетворения. Только сейчас Меллори разглядел, что перед ним совсем юнец, лет девятнадцати: чистое открытое лицо, не похожее на лица молодых фанатиков из эсэсовских дивизий, осмысленные живые глаза... Меллори подумал, что ему не хотелось бы убивать этого мальчишку в солдатской форме. Он сделал знак Стивенсу. Тот передал полупустую корзину с бутылками мозельского, Меллори указал в сторону сторожевой башни:

— Сколько вас там наверху?

Солдат мгновенно насторожился, на лице вновь появилось враждебное и недоверчивое выражение. Он глухо спросил:

— Зачем вам это?

Меллори с притворным отчаянием простер вверх руки, простонал и огорченно обратился к Андреа:

— Ты видишь, какие они? Никому не доверяют. Думают, что каждый... — Он поспешно обернулся к солдату. — Мы не хотим создавать себе хлопоты всякий раз, когда сюда заходим. Мы пойдем на Самос еще раз через пару дней. Нужно сплавить партию мозельского, — пояснил он. — Генерал Крейбель хорошо снабжает... э-э-э... своих специальных агентов. Да, вам наверху, на солнце, видно, не сладко приходится. Вот, бери по бутылке на брата... Сколько бутылок?

Успокаивающее упоминание о том, что они вновь вернутся, имя генерала и заманчивое предложение окончательно лишили солдата подозрительности. Помогло наверняка и то, что немец представил себе реакцию товарищей. Если те узнают, что он отказался от вина...

– Нас только трое, – недовольно пробурчал солдат.

– Вот три бутылки, – поощрительно сказал Меллори. – В следующий раз привезем вам рейнвейн. Прозит! – Он встряхнул своей бутылкой, показывая хорошие манеры перед немцем, и добавил гордо: – Ауфвидерзеен...

Солдат пробормотал слова благодарности, постоял в нерешительности, сконфуженно поглядел на бутылки, круто повернулся и неторопливо зашагал по берегу. Бутылки тонко позвякивали в его руке.

– Всего трое. Это облегчает задачу, – подытожил Меллори.

– Здорово, сэр! Отличный спектакль! – горячо перебил его Стивенс.

– Просто спектакль, – поправил Меллори, небрежно развалившись на палубе возле люка. – Просто спектакль, черт возьми!

– Это было потрясающе, начальник, хотя я не понял ни единого слова!

– Благодарю вас, но боюсь, что поздравления несколько преждевременны, – пробормотал Меллори. Внезапный холодок в голосе озадачил их, все посмотрели в направлении его указательного пальца.

Солдат остановился в двухстах ярдах, повернулся к лесу. Через секунду они увидели еще одного, который что-то возбужденно говорил первому, указывая в сторону каика. Наконец оба исчезли в зарослях.

– Порядок! На сегодня достаточно. Займитесь делами. Слишком подозрительно, если бы мы игнорировали этот случай. Но еще подозрительней придавать ему слишком много значения. Лучше не скапливаться, – подытожил Меллори.

Миллер с Брауном спустились в машинное отделение, Стивенс прошел в рубку. Меллори с Андреа остались на палубе «распивать» вино.

Дождь перестал моросить. Ветер был еще крепок. Верхушки сосен гнулись под его порывами, но берег надежно защищал каик.

– Как вы думаете, что происходит, сэр? – донесся голос Стивенса из темной рубки.

– Тут все ясно. Их предупредили. Они насторожились, ведь до сих пор нет сведений с катера, который послали проверить нас. На нем была антенна, помните? – Меллори говорил громко, чтобы слышали все.

– И что это они такие недоверчивые? Это до меня не доходит, – сказал Миллер.

– Наверное, поддерживают связь со штабом по радио. Или по телефону. Они наверняка предупреждены. Теперь начнется переполох.

– Быть может, они вышлют против нас небольшую армию? – мрачно сострил Миллер.

Меллори покачал головой.

– Этого не произойдет. Семь миль напрямик, а через горы и лесные тропы – все десять. Да еще в кромешной темноте. Они до такого не додумаются, – он указал бутылкой в сторону сторожевой башни. – Сегодня у них будет самая длинная ночь.

– Значит, каждую минуту нужно ожидать огня «шпан-дау»? – донесся голос Стивенса.

Меллори снова покачал головой.

– Его не будет. Я уверен. Они подозрительны и считают нас скорее пиратами, чем мирными рыбаками. Но когда

парень расскажет про письма и бумаги от самого генерала Крейбеля, это их наверняка поразит. Они позвонят в штаб. Комендант такого маленького острова не отважится арестовать агентов генерала. Он запросит Вати, получит ответ генерала, что тот знать ничего не знает. Коменданту останется к тому времени только локти кусать с досады, что нас сразу не расстреляли. – Меллори взглянул на светящийся циферблат. – Мы располагаем минимум тридцатью минутами.

– Этого достаточно, чтобы взять бумаги и карандаш, записать наши последние желания и составить завещания, – хмуро произнес Миллер. – Я не вижу выхода, начальник. Меллори усмехнулся.

– Не волнуйтесь, капрал. Мы предпримем кой-чего. Устроим небольшую попойку прямо здесь, на палубе.

Последние слова песни – сальный перевод на греческий популярной «Лили Марлен» – растворились в вечернем сумраке. Обрывки песни вряд ли услышат в сторожевой башне – ветер дует в противоположную сторону. Но топот ног и размахивание бутылками – достаточные доказательства пьяной оргии для всех, кроме слепых и глухих. Меллори ухмыльнулся, представляя себе замешательство немцев, которые следят за подозрительным каиком – в этом сомневаться не приходилось. Обитатели каика вели себя совсем не как разведчики, которые знают, что у них времени в обрез.

Меллори поднес ко рту бутылку, сделал несколько глотков – вино было безвкусным. И неудивительно: бутылки наполнили из бачка с питьевой водой. Он взглянул на товарищей. Миллер, Браун, Стивенс. Андреа с ними не

было, но Меллори и не искал его. Он знал, что Андреа сидит скорчившись в рулевой рубке с гранатами и револьвером в руках.

– Верно, – решительно сказал Меллори, – возможно, ты получишь своего Оскара²³. Провернем-ка поубедительней. – Он резко дернулся вперед и с криком ткнул пальцем в грудь Миллеру.

Миллер заорал. Они сидели друг против друга, бешено жестикулировали и отчаянно ругались. Так все выглядело со стороны. Вот Миллер, пьяно покачиваясь, поднялся и ринулся на Меллори с кулаками. Тот не замедлил вскочить, и через секунду на палубе шла жестокая потасовка. Противники обрушивали друг на друга тяжелые удары, пока крепкий кулак американца не отбросил Меллори к рулевой рубке.

– Отлично, Андреа, – сказал упавший, не оборачиваясь в сторону притаившегося грека. – Через пять секунд. Желаю удачи. – Последние слова он договорил, поднимаясь на ноги.

В руке Меллори оказалась бутылка, которую он с яростью запустил в Миллера. Миллер увернулся и нанес командиру прямой удар в челюсть. Завопив от боли, Меллори беспомощно схватил руками воздух и плюхнулся за борт. Еще полминуты на палубе стоял невообразимый гам и раздавались вопли.

Этого времени Андреа вполне хватило, чтобы проплыть весь заливчик под водой. Меллори отчаянно бил ногами по воде, пытаясь взобраться на палубу, а схвативший багор

²³ Популярная в Америке кинопремия.

Миллер был полон решимости разmozжить ему голову. Остальные повисли на Миллере, стараясь удержать его. В конце концов им это удалось: его сбили с ног, связали и только после этого помогли Меллори вылезти на палубу. Через минуту вся компания пьяных, привычных к драке людей уже расположилась возле люка и прикладывалась к горлышку очередной откупоренной бутылки. Драка была забыта, противники помирились и сидели в обнимку.

– Очень мило получилось, очень мило, – одобрительно говорил Меллори. – Премию Оскара нужно отдать капралу Миллеру.

Дасти Миллер молчал. Неподвижно и подавленно глядел на бутылку в своей руке. Наконец он пошевелился.

– Не нравится мне все это, начальник, – пробормотал он мрачно. – Послали бы меня с Андреа. Один против трех. А они настороже. Ждут, поди, нападения. – Он с упреком взглянул на Меллори. – Черт возьми, начальник. Вы не устали твердить, что задание чертовски важное...

– Конечно, – спокойно ответил Меллори. – Именно поэтому я и не послал вас вместе с ним. Мы бы ему только мешали. Вы не знаете Андреа, Дасти. – Впервые Меллори назвал так капрала, и Миллер был польщен этой фамильярностью, такой неожиданной. Он перестал хмуриться. – Никто из вас не знает его, а я знаю. – Меллори указал на четкий силуэт башни, вписанный в фон темного уже неба. – Всего-навсего веселый громадный парень, вечно улыбчивый и шутящий. Сейчас он уже наверху. – Меллори помолчал. – Крадется через лес, как кошка. Самая крупная и самая опасная кошка из всех, которых вы видели. Если не будут сопротивляться, Андреа их не убьет без нужды. Ко-

гда я решил послать его туда, к этим мальчишкам, у меня было чувство, будто я уже усадил их на электрический стул и включаю ток.

Слова эти произвели на Миллера большое впечатление.

– Давно вы его знаете, начальник? – это был полувопрос, полуутверждение.

– Давно. Андреа служил в регулярной армии и участвовал в албанской войне. Мне рассказывали, что итальянцы в ужас приходили от него и его вездесущих патрулей, действовавших против дивизии «Тосканские волки». Я о нем много тогда наслышался. Конечно, не от самого Андреа. Такое невозможно. Мы встретились с ним позже, когда пытались удержать Сервийский перевал. Я был младшим лейтенантом в штабе Анзакской бригады. Андреа... – он выдержал эффектную паузу, – был подполковником двенадцатой греческой моторизованной дивизии.

– Что, что? – удивленно переспросил Миллер. На лицах Стивенса и Брауна тоже было написано недоверие.

– Вы не ослышались. Подполковником. Прилично обскакал меня, – насмешливо улыбнулся он. – Совсем в ином свете предстает Андреа, не правда ли?

Они молчали. Мягкий, отзывчивый, общительный Андреа, почти простак, и вдруг такой высокий офицерский чин. Английское высокомерие было достойно посрамлено. Меллори довольно улыбался. Сообщение слишком неожиданное. Оно не так легко воспринималось... Теперь им многое стало понятно: спокойствие Андреа, уверенность в себе и в своих поступках и, наконец, вера Меллори в непогрешимость Андреа, его уважение к мнению грека,

когда приходилось советоваться с ним, а случалось это довольно часто.

«Неудивительно, – подумал Миллер, – что ни разу не довелось услышать, как Меллори приказывает Андреа. А ведь Меллори никогда не колебался, если была необходимость использовать свое звание».

– После Сервии все покатило стремительно, – продолжал Меллори. – Андреа узнал, что Триккалу, маленький городок, где жили его жена и трое дочерей, «хейнкели» сровняли с землей. Он добрался туда, но ничем не мог помочь семье. Фугаска упала в садик перед домом, не оставив от него камня на камне.

Меллори умолк, закурил сигарету и сквозь клуб дыма поглядел на неясные контуры крепости.

– Единственный человек, встретившийся ему, оказался его двоюродным братом Грегорисом. Грегорис был с нами на Крите. Он и сейчас там. От Грегориса он услышал о фашистских жестокостях во Фракии и Македонии, а именно там жили его родители. Они с Грегорисом переоделись в немецкую форму – вы можете представить, как он достал ее: реквизирует немецкий грузовик, – и помчался в Протосами. – Меллори щелчком послал окурок за борт.

Миллер не переставал удивляться: взволнованность, скорее даже налет взволнованности, которая чужда этому грубоватому новозеландцу, была заметна в его словах. Но Меллори уже неторопливо продолжал:

– Они приехали под вечер печально известной Протосамской резни. Грегорис рассказывал мне, как переодетый в немецкую форму Андреа стоял и смеялся, когда десяток

солдат-монархистов связывали попарно греков и бросали их в реку. В первой паре были его отец и мачеха, уже мертвые.

– О Боже! – даже Миллер утратил хладнокровие. – Это просто невероятно...

– Сотни греков умирали так. Обычно их топили живьем, – перебил его Меллори. – Пока вы не узнаете, как греки ненавидят фашистов, вы не сможете представить, что такое ненависть. Андреа распилил пару бутылок вина с солдатами, узнал, что убили его родителей рано утром... с их стороны было бессмысленным сопротивление. К ночи он последовал за солдатами к поржавевшему железному сараю, где те расположились. Кроме ножа, у него не было ничего. Часовому Андреа свернул шею. Вошел в сарай, запер дверь и разбил керосиновую лампу. Грегори не знает, что там происходило. Вышел Андреа через пару минут, вспотевший, забрызганный кровью с головы до ног. Грегори говорил, что в оставленном сарае не слышалось ни единого стога.

Меллори опять умолк. На этот раз никто не проронил ни слова. Стивенс поежился и поплотнее запахнул поношенную куртку: ему стало холодно. Меллори закурил другую сигарету, улыбнулся Миллеру в сторону сторожевой башни.

– Теперь вы понимаете, что мы бы ему там только мешали?

– Да. Думаю, что да, – признался Миллер. – Не думаю, просто предполагаю. Но не всех же, начальник! Он не мог убить *всех*.

– Всех, – прервал его Меллори. – Потом он организовал

партизанский отряд, и жизнь для фашистских дозоров во Фракии стала адом. Одно время отряд преследовала целая дивизия. В Родопских горах его предали. Был схвачен он, Грегорис и еще четверо. Их отправили в Ставрос, хотели предать трибуналу в Салониках. Ночью Андреа выбрался на палубу... Они разоружили охрану. Взяли курс на Турцию. Турки хотели их интернировать – с таким же успехом они могли бы интернировать землетрясение! В итоге Андреа добрался до Палестины. Там из ветеранов албанской войны формировался греческий батальон. – Меллори неожиданно рассмеялся. – Его арестовали как дезертира. Потом условно освободили, но в новой греческой армии места ему не нашлось. А вот бюро Дженсена, наслышанное о нем, знало, что Андреа создан для диверсионных операций... Мы вместе отплыли на Крит.

Минут десять стояло молчание. Лишь изредка делали вид, что прикладываются к бутылке. Это для дозорных в башне, хотя Меллори знал, что немцы уже ничего не смогут разглядеть, кроме неясных очертаний. Каик покачивало. Высокие, стремительные сосны, темные и стройные, как кипарисы, нависли над ними. Мрачные, смутно тревожные в сумерках. Ветер уныло тянул реквием в их вершинах. Мистическая и зловещая ночь, наполненная тревожными знамениями, внушающая безотчетные страхи...

Неожиданно раздался веселый возглас Андреа, заставивший их вскочить на ноги. Им показалось, что пораженный лес отодвинулся от берега, услышав смех Андреа. Грек не стал дожидаться, когда подтянут к берегу корму каика, бросился в воду и за несколько сильных взмахов преодолел полосу воды. Легко взобрался на палубу,

улыбаясь с высоты своего роста, словно английский дог тряхнул густой шевелюрой и протянул руку к бутылке вина.

– Уверен, что не стоит спрашивать, получилось ли, – улыбнулся Меллори.

– О нет, не стоит. Это было слишком легко. Они оказались просто мальчишками, даже не заметили меня, – Андреа глотнул из бутылки и удовлетворенно улыбнулся. – Я их и пальцем не тронул, – победоносно продолжал он, – ну, может быть, дал каждому пару легких щелчков. Они все смотрели сюда, вниз, когда я вошел. Обхватил их, отобрал автоматы и запер в погреб. Потом немножко погнул «шпандау», самую малость.

«Ну вот, вот и конец, – хладнокровно решил Меллори. – Конец всему – борьбе, надеждам, страхам, любви и смеху, каждому из нас. Вот к чему мы пришли. Конец, конец для нас, конец для тысячи парней на Ксеросе». Он машинально провел рукой по соленым от морских брызг губам, по воспаленным от систематического недосыпания глазам, которые ничего не видели впереди, кроме первобытной разъяренной тьмы. Навалилась на него бесконечная усталость и невеселые мысли. «Все исчезнет, все. Кроме пушек Наварона. Они-то будут существовать, они и впрямь неуязвимы. Черт бы их побрал! Черт бы их побрал. Черт бы их побрал... Господи, сколько времени и сил бесполезно потрачено нами! Конец утлому каику. Он распадается на части, трещит по швам».

Действительно, каик распадался, став игрушкой беспощадных волн и яростного ветра, гнавшего его вперед. Он

дал течь, едва вышел из-за прикрывавшего от шторма утеса. Двигался медленно к южной оконечности Наварона по беспокойной поверхности моря. Двигался неуклюже, то и дело рыская в стороны, отклоняясь от курса иногда на полусотню градусов. Но сначала швы еще держались. Напор волн был все так же силен и настойчив. Шторм ослабевал, но это уже не имело существенного значения: как дал течь и насос не в силах откачать воду из трюма.

Меллори выпрямился. Спина затекла – два часа подряд он наклонялся и выпрямлялся. Нагибался и выпрямлялся, подхватывая ведра с водой, которые подавал ему Дасти Миллер из трюмного люка. Бог знает как чувствовал себя Дасти! Лицо исказилось от напряжения. Только железная воля заставляла его держаться на ногах и продолжать бессмысленную работу – вычерпывать море из трюма. Меллори восхищенно мотнул головой:

– Черт, ну и вынослив этот янки!

С трудом переводя дыхание, он огляделся. Кейси Брауна он, конечно, не мог видеть. Согнувшись вдвое в тесноте машинного отделения, ослабев от ядовитого дыма, с головной болью, тот ни на минуту не покидал своего места. Так и сидел там со своим старым «кельвином», ухаживая за ним, как любящая мать. Андреа работал у помпы безостановочно, не поднимая головы. Он не замечал ни качки, ни злых порывов ветра. Вверх и вниз двигались его руки. Безостановочно, неустанно. Он работал уже почти три часа, и казалось, что будет работать вечно. Меллори выдержал возле помпы только час двадцать. Меллори подумал, что предела человеческой выносливости не существует.

Его удивил Стивенс. Четыре часа подряд боролся

юноша с вырывающимся из рук штурвалом, прыгавшим и скакавшим в руках наподобие норовистого коня. Меллори заключил, что с работой рулевого Энди справился блестяще, хотя трудностей ему выпало не меньше, чем остальным. Он держался молодцом. Волны, захлестывающие палубу, мешали Меллори рассмотреть Стивенса получше. Он заметил только упрямо сжатый рот и темные круги под глазами. Правая половина лица залита кровью – открылась рана на виске. Меллори отвернулся. Вновь взялся за ведро. «Отличные ребята, – подумал он, – что за парни!..» Не было слов выразить восхищение ими. Он слишком устал, иначе нашел бы слова, достойные этих парней. Во рту пересохло. «Почему они должны умереть именно сейчас, эти великолепные парни? Умереть так бессмысленно. Впрочем, смерть не ищет целесообразности...» Меллори сжал зубы, вспомнив слова Дженсена о британском командовании, играющем солдатами, как пешками. Конечно, для них ничего не стоит потерять и эту группу. Их это не особенно волнует, потому что они могут послать на смерть еще тысячи таких же, которыми можно играть как оловянными солдатиками.

Впервые Меллори подумал о себе. Он считал, что вина за гибель группы ложится прежде всего на командира – не смог уберечь. «Это моя вина, моя вина, – думал он снова и снова. – Это я завел их в ловушку».

Оставалось ждать неизбежного конца. Он не мог избавиться от чувства вины перед этими парнями. «Командир должен что-то предпринять, – думал Меллори вяло, – что-то сделать...» Он выронил ведро и схватился за мачту – тяжелая волна захлестнула палубу и чуть не смыла его за

борт. Бешеный водоворот, пенный и стремительный, неся по каику опустошительным смерчем. Меллори не обращал внимания на фантастическое зрелище. Он напряженно всматривался в темноту, надеясь на чудо, ожидая из этой первобытной темени спасения. «Тьма, черт побери... Тьма». Каик мотало как щепку. Старая посудина жалобно скрипела. Взлетала высоко вверх и проваливалась в преисподнюю. Невидимое и враждебное море только ощущалось в непосредственной близости, ежесекундно грозя гибелью.

Меллори старался что-то мучительно припомнить... И вдруг: «Ветер! Ветер, ветер ослаб!» Ветер быстро успокаивался. Обхватив мачту руками, Меллори вспомнил, как дома, в горах, у края пропасти, приступ ветра не задевал его возле утесов. Вот и здесь: две капризные волны – накат. Мысль ошеломила его: «Скалы! Они возле утесов Наварона!»

Меллори бросился к люку машинного отделения.

– Полный назад! – закричал он Брауну. Кейси обернулся. – Ради Бога, старина, полный назад! Мы возле скал!

Он поспешно вскочил на ноги и мигом одолел расстояние до рулевой рубки. Выхватил карманный фонарик.

– Скалы, Стивенс!.. Мы почти на них. Андреа и Миллер все еще внизу!

Он осветил лучом Стивенса, увидел запекшуюся кровь, безучастные неподвижные глаза. Увидел белую, едва заметную, фосфоресцирующую линию впереди по курсу, постоянно исчезающую и появляющуюся вновь.

Каик подхватила волна, и скалистый берег исчез. Тьма опять поглотила все.

ГЛАВА 5

Ночь. Понедельник.

01.00–02.00

Полтора часа продолжается подъем.

Меллори протиснулся в расщелину на отвесной стене клифа, вбил крюк, прочно встал на него ногами и попытался дать отдых усталому, измученному телу.

«Две минуты, – подумал он. – Только две минуты, пока поднимается Андреа».

Сквозь вой протяжного ветра он слышал металлический скрежет. Это грек совершенно безрезультатно пытался преодолеть отвесную стену. Ноги Андреа, обутые в прочные ботинки с шипами, беспомощно скользили по гладкому камню, выискивая опору. Меллори чувствовал, как дергалась веревка, связывающая их. Ветер пытался смахнуть их с гладкой поверхности клифа.

Руки расцарапаны в кровь. Ныло тело. Воздух со свистом врвался в легкие. Меллори дышал тяжело и надсадно – так дышит бегун-марафонец на последних километрах пути. До него снова донесся скрежет металла о камень. Громкий монотонный вой ветра не мог заглушить его... Нужно бы предупредить Андреа, чтобы он соблюдал максимум осторожности...

Всего двадцать футов до вершины. Эти последние футы требовали концентрации воли и упорства, но силы уже были на исходе.

«В такой обстановке, – огорченно подумал Меллори, – никто не смог бы предупредить Андреа, чтобы он вел себя потише. Это не в моих силах».

Сам он снял альпинистские ботинки, перевязал шнурки, прикрепил их к поясу и остался в носках, которые превратились теперь в лохмотья. Избитые ноги кровоточили. Но нет худа без добра: если бы он не сделал этого, то вряд ли удалось преодолеть и первые двадцать футов подъема. На первых же футах он обнаружил, что ботинки в этой ситуации совсем непригодны. Он надеялся надеть их на вершине, но шнурки оторвались где-то на середине подъема и ботинки безвозвратно потеряны.

Восхождение было жестокой, беспощадной агонией. Оно и не могло быть иным. Оно заставляло забыть о подстерегающей опасности и притупляло риск самого подъема. При таком ветре повиснуть на кончиках пальцев рук или ног уже значило подвергаться смертельной опасности! А тут еще дождь и темень! Пришлось вбить сотни костылей в монолитную скалу, размотать сотни ярдов страховочной веревки, чтобы дюйм за дюймом добраться до этой вот расщелины, чтобы с трудом втиснуться в нее и обрести, наконец, минуту покоя. Такого восхождения ему не приходилось делать никогда в жизни. Такого восхождения, он знал это наверняка, ему больше никогда в жизни не придется делать. Если, конечно, он останется в живых... Оно потребовало величайшего искусства, храбрости, силы и – больше того – высокого духовного подъема. Меллори выложился весь. Без остатка. А до вершины клифа еще не менее двадцати футов! Спортивный азарт – клиф был вызовом альпинисту, – да вечное стремление к риску, да гордость оттого, что во всей Южной Европе он был единственным, кто способен на подобное восхождение, – вот что двигало им. И еще: мысль о том, что время истекает для людей на Ксеросе...

Перехватив веревку легким сильным жестом, Андреа замер над гладким, нависшим козырьком выступом. Ноги его болтались в воздухе без всякой опоры. Увешанный тяжелыми мотками веревок, с торчащими во все стороны из-за пояса костылями, грек напоминал корсиканского бандита из комической оперы. В мгновение ока он перебросил могучее тело в узкое пространство рядом с Меллори, протиснулся в расщелину и вытер мокрый лоб, как всегда широко улыбнувшись.

Меллори улыбнулся в ответ.

«Андреа, – подумалось ему, – не должен быть здесь. Это место Стивенса».

Но Стивенс еще не оправился от шока, потерял немало крови и не мог идти вторым. Нужен был первоклассный альпинист, чтобы поднять оборудование, умело набрасывать веревки, вбивать и вынимать костыли. Последнее – разумная предосторожность: незачем оставлять следы восхождения. Меллори сказал это Стивенсу, и тот неохотно согласился, стараясь не показать своей досады. Несомненно, Стивенс был первоклассным альпинистом, но то, чего требовал Меллори, вряд ли было ему по силам. Меллори нужен был даже не альпинист, а человек-лестница: он столько раз за время восхождения становился на спину Андреа, на его плечи, на его поднятые вверх ладони, а однажды не менее десяти секунд стоял прямо на его голове. И ни разу Андреа не дрогнул, не сдвинулся ни на дюйм. Этот человек был наверняка сделан из железа и тверд, как камень, на котором он стоял. С тех пор как наступили сумерки этого памятного вечера, Андреа работал без отдыха. Такая работа могла бы сломить двух

обыкновенных людей, но грек совсем не выглядел усталым.

Меллори указал на расщелину, потом вверх, туда, где сквозь тьму проглядывала полоска бледного неба, наклонился к самому уху Андреа.

– Всего двадцать футов, Андреа, – сказал он прерывистым шепотом. – Последние двадцать футов. Они не доставят нам особых трудностей. Расщелина выходит прямо на гребень клифа. Можно считать, что мы достигли вершины.

Андреа задумчиво взглянул на расщелину, промолчал.

– Лучше бы тебе снять ботинки, – предложил Меллори. – Меньше шума.

– В такую ночь, как эта, при таком ветре, дожде и крошечной тьме, на таком клифе... – в голосе Андреа не было ни сомнения, ни вопроса. В нем скорее слышались нотки согласия. Они так долго были вместе, так научились с полуслова понимать друг друга, что пояснения были просто излишни.

Андреа закрепил веревку к вбитому костылю – связка кончилась. Четыреста футов прочнейшей веревки уходили вниз от выступа, на котором они пристроились, до самого подножия клифа – там ожидали их остальные. Андреа снял ботинки, отцепил от пояса гирлянду костылей, прикрепил все это к веревке, вынул двусторонний металлический нож в кожаном футляре, глянул на Меллори и понимающе кивнул.

После всех испытаний первые десять футов из оставшихся двадцати показались Меллори прогулкой по парку. Упираясь спиной в скалу, крепко прижимая ладони к про-

тивоположному краю расщелины, Меллори бесшумно и ловко орудовал ножом, расширяя отверстия для костылей, которые руками вгонял в углубления поднимающийся рядом Андреа. Меллори старался укрепить костыль повыше, хватался за него руками, подтягивался, болтая в воздухе ногами, цеплялся за следующий выступ. Через несколько минут его руки ухватились за край обрыва.

Руки натолкнулись на большой камень. Он поджал ноги и рывком выбросил тело по пояс на вершину клифа. Последнее усилие его доконало. Он положил голову на камни и застыл в изнеможении.

Как только глаза пообвыкли, Меллори уставился невидящим взором в неведомую тревожную темноту. Все его существо, все сознание сконцентрировались в зрении и слухе. Впервые он почувствовал безотчетный страх и осознал свою незащищенность. Он обругал себя за то, что отказался взять у Дасти Миллера бесшумный пистолет.

Сначала Меллори не увидел ничего. Потом формы, очертания, выступы высот начали постепенно проявляться. Темнота как-то незаметно перестала для Меллори быть темнотой. Он сразу узнал все вокруг: вершина клифа в точности соответствовала описаниям месье Влакоса. Узкая голая полоска земли тянулась вдоль обрывистого края клифа. Беспорядочно разбросанные валуны окаймляли ее. За ними проглядывали неясные очертания крутых склонов гор.

Они преодолели первый этап! Они увидели первый проблеск удачи.

«Ну что там, – думал Меллори, – ну клиф, ну переправа через море... Ерунда! Самое немыслимое счастье, что мы

достигли этой высокой цели – единственного места, где немцы не поставили часовых. Потому что взобраться на клиф невозможно. Невозможно... А мы – здесь».

Меллори развеселился. Это веселье захлестнуло его. Он напрягся, спружинил ногами, оперся ладонями о влажную холодную землю, приподнялся по пояс над поверхностью клифа и замер от неожиданности. Застыл, как большой камень под его руками. Сердце забилося где-то возле горла.

Один из валунов сдвинулся в сторону. Сомневаться не приходилось. Высокие сапоги, длинная шинель с непромокаемой накидкой и каска – все слишком знакомо.

«Черт бы побрал Влакоса! Черт бы побрал Дженсена! Черт бы побрал этих всезнаек, которые сидят дома в безопасности! Этих ученых мужей из разведки, которые дают людям неверную информацию и посылают на верную смерть! – Тут же Меллори ругнул и себя. – К такому нужно быть готовым всегда».

Часовой передвинулся еще на четыре-пять шагов в сторону, слегка повернул голову, вслушиваясь в высокий протяжный вой ветра, выискивая в нем звук, заставивший насторожиться.

Меллори пришел в себя. Сознание лихорадочно заработало. Десять против одного, что часовой услышал, как он карабкался. Меллори безоружен. Вряд ли был смысл вступать в борьбу с вооруженным и сохранившим силы человеком после такого восхождения. Оставалось только спуститься вниз, в расщелину.

Очень медленно Меллори сполз с края клифа. Он знал, что часовой мог уловить его движение совершенно произвольно. И тогда... Тогда конец. Меллори понимал, что

его силуэт отчетливо выделяется на фоне темного края пропасти.

Смягчая каждое движение и затаив дыхание, Меллори почти незаметно спускался вниз. Силуэт немца уже маячил слева от Меллори в каких-нибудь пяти ярдах. Но часовой все же глядел в сторону, потому что в лицо бил ветер. Это спасло Меллори.

Когда он сполз с клифа в расщелину и повис на кончиках пальцев, к нему придвинулся Андреа.

— Что случилось? — шепотом спросил он.

— Часовой. Что-то услышал и насторожился, — шепнул Меллори. Руки его затекли от напряжения.

Неожиданно он отпрянул от Андреа, пригнул голову и прилип к скале. Андреа сделал то же самое, почти независимо от Меллори. Луч света, сильный и ослепительный для привыкших к темноте глаз, заметался, зашарил по выступу клифа. Немец с фонариком в вытянутой руке методически обследовал край пропасти. По лучу Меллори определил, что немец двигался футах в двух от края.

Часовой не хотел рисковать. Идти по краю осыпающейся, предательской кромки клифа было опасно. Его могли схватить за ноги две сильные руки и сбросить на чetyреста футов вниз.

Луч приближался медленно, но неумолимо. Крутой обрыв не мог спасти смельчаков — укрыться негде. Меллори стало ясно, что немец не просто подозрительный. Немец знает, что здесь кто-то есть. Он не прекратит поисков, пока не обнаружит, кто же это. Пока не обнаружит их. А они ничего не могли сделать... совершенно ничего.

— Камень, — прошептал Андреа, наклонившись к Меллори, — вон там, сзади него.

Осторожно и быстро Меллори ухватился за край клифа. Земля, только земля – корни трав да мелкие камешки. Под руку не попадало ничего. Хоть бы обломок мрамора! Он скорее почувствовал, чем увидел, как рука Андреа протянулась к гладкой поверхности костыля. Тонкий шарящий луч был всего в футах от него. И даже в этот отчаянный момент Меллори не мог не разозлиться: ведь у него за поясом оставалась пара неиспользованных костылей. Он совсем забыл о них.

Он размахнулся, бросил костыль в темноту. Секунда. Другая. Они тянулись слишком долго. Меллори подумал уже, что промахнулся. Луч был всего в дюйме от плеча Андреа. Но тут раздался резкий металлический звук. Луч на секунду замер. Резко метнулся в сторону. Бесцельно зашарил в темноте, пытаясь обнаружить источник звука. Потом опять замер ненадолго. И вот уже луч методически обшаривает валуны слева от Меллори и Андреа.

Не обнаружив ничего подозрительного, часовой побежал туда, скользя и спотыкаясь в спешке. Карабин его стучался о фонарь, Звук этот – металла о металл – слышался отчетливо. Он не пробежал и десяти ярдов, как Андреа появился на гребне клифа. Большая черная кошка бесшумно проползла под прикрытие валуна, слилась с тенью и исчезла...

Ярдах в двадцати от них луч фонарика боязливо обшаривал валун за валуном. Андреа дважды ударил рукояткой ножа о камень. Часовой резко повернулся и снова неуклюже побежал назад. Полы шинели развевались. Фонарь болтался у пояса. В его свете Меллори успел увидеть белое, напряженное от страха лицо с широко раскрытыми глазами.

Кто знает, какие панические мысли, невероятные и ужасные, пронеслись сейчас в голове немца. Шум на вершине клифа. Звяканье металла о валуны. Напряженное ночное бдение... Страх и чувство одиночества, несомненно, рождались в нем здесь, на враждебной земле.

Меллори почувствовал какое-то сострадание к нему. Этот человек был похож на него. Кто-то должен любить его. Это чей-то муж, брат. Или сын. Его заставили выполнять грязную и неблагодарную работу завоевателя. Грязную и опасную. Приказали прийти в чужую страну, где приходится по ночам испытывать чувство одиночества и страха.

«Последнюю ночь, ибо через минуту он будет мертв...»

Меллори высунул голову.

– Помогите! – крикнул он. – Помогите! Я падаю!

Солдат остановился в пяти футах от валуна, за которым притаился Андреа. Луч фонарика осветил голову Меллори. Часовой на секунду опешил. Но тут же опомнился и взял карабин наизготовку. Его рука потянулась к затвору. Тут он хрюкнул. Сильный конвульсивный выдох и удар ножа Андреа донесли до слуха Меллори...

Меллори посмотрел на мертвого часового, на бесстрастное лицо Андреа, вытиравшего лезвие о полу куртки. Грек медленно поднялся на ноги и вложил нож в ножны.

– Итак, мой Кейт, вот почему наш юный лейтенант сейчас внизу грызет ногти, – Андреа обращался к Меллори по званию только в присутствии посторонних.

– Да, именно поэтому, – согласился Меллори. – Я предполагал нечто подобное. И ты тоже. Слишком много совпадений: немецкий катер, хлопоты со сторожевым по-

стом, а теперь вот это, – Меллори выругался тихо, но выразительно. – Конец нашему другу капитану Бриггсу из Кастельроссо. В ближайший месяц его удалят оттуда. Дженсен позаботится.

– Он отпустил Николаи...

– Кто бы еще мог знать, что мы высадимся именно здесь?! Мы довольно тщательно заматали следы. – Меллори не хотелось думать об этом. Он взял Андреа за руку. – Немцы народ сообразительный. Хотя они и уверены, что невозможно высадиться в такую ночь и в таком месте, но с дюжину часовых они наверняка расставили на вершине клифа, – Меллори невольно понизил голос. – Но они не будут возлагать на одного часового ответственность по охране клифа. Поэтому...

– Сигнализация, – закончил Андреа. – У них должен быть способ быстро оповестить других. Световая сигнализация...

– Нет, нет, – возразил Меллори. – Выдавать светом свои пикеты! Телефон... Именно. Помнишь, на Крите были целые мили полевого телефонного провода.

Андреа подобрал фонарик часового, прикрыл луч огромной рукой и стал искать. Через минуту он вернулся.

– Так и есть. Телефон, – тихо сказал он, – Там, под скалой.

– Ну, с этим мы ничего поделать не можем. Если он зазвонит, придется ответить. Иначе они мигом будут здесь. Остается уповать на небеса, чтобы у них не было этого чертова пароля. Но это на них не похоже. Однако кто-то сюда придет обязательно. Смена... Проверяющий посты сержант... Или еще кто. Быть может, часовому нужно

ежечасно сообщать о себе. Кто-то будет здесь. И очень скоро. Андреа, нужно побыстрее закончить подъем.

– А этот бедолага? – Андреа указал на скрюченный силуэт у своих ног.

– Брось его туда, – с гримасой отвращения сказал Меллори. – Этому растяпе теперь все равно. Нам не стоит оставлять лишний след. Вдруг немцы подумают, что часовой подошел слишком близко к краю. Горная щебенка сыпуча и коварна... Посмотри, может, у него есть документы. Никогда не узнаешь, как они могут оказаться кстати при случае.

– И вполовину не так полезны, как его ботинки. Ты ведь босой, – Андреа махнул в сторону гряды гор. – Ты не пройдешь и пяти шагов по скалам в рваных носках.

Через пяток минут Меллори три раза дернул веревку, уходящую в темень, вниз. Получил ответный сигнал. Раскрутил моток прочной веревки и кинул его вниз, прикрепив один конец к поясу.

Сначала подняли тщательно упакованный в спальные мешки ящик со взрывчаткой. Ящик ударялся о выступы от каждого порыва ветра. Застраховавшись, Андреа наклонился над самой пропастью и наматывал трос с привязанным к нему семидесятифунтовым грузом так легко, как другой вытаскивал бы рыбку из речки. Через три минуты взрывчатка была на вершине. А еще через пяток минут здесь же были ящик с детонаторами, оружие – карабины и пистолеты, тоже тщательно упакованные в спальные мешки.

В третий раз пошла веревка вниз, в дождь и тьму. И в третий раз перебирал ее руками неутомимый Андреа.

Меллори собирал веревку в бухту. Неожиданно он услышал восклицание Андреа.

В два прыжка Меллори оказался у края обрыва, схватил руку могучего грека.

– Что случилось, Андреа? Почему ты остановился? – Он умолк, пытаясь разглядеть веревку в руках грека. Андреа пару раз поддернул веревку на фут-другой всего двумя пальцами. Вережка была без груза.

– Порвалась? – недоверчиво спросил Меллори. – Вережка со стальным армированием?

– Не думаю, – Андреа быстро намотал остальные сорок футов. – Кто-то плохо завязал узел. Груз оборвался.

Меллори хотел что-то сказать, но внезапная вспышка распорол тьму от неба и до вершины клифа. Оба невольно зажмурились. Грохнул гром. Погода разгулялась не на шутку. Оглушительные раскаты звучали насмешкой природы над незащищенностью людей. Тьма после молнии, казалось, стала еще гуще. Постепенно эхо затерялось где-то в глубине острова среди долин и лесов.

– Господи, это ведь совсем рядом. Нам нужно спешить, Андреа. В любую минуту нас может осветить молния... Что ты поднимал в последний раз?

Вопрос был праздный, ибо еще раньше было оговорено, что снаряжение будут поднимать в определенной последовательности. Просто он хватался за соломинку, наверняка зная, что это уже ничего не изменит.

– Продукты. Все продукты, – тихо ответил Андреа. – Печка, горючее, компасы, карты.

Меллори стоял в нерешительности. Холодок отчуждения растревожил душу больше, чем жгучий ветер и хле-

шущий дождь. Он представил себе, каково им придется на этом враждебном острове без пищи и огня. На плечо легла огромная рука друга.

– Ну что ж, мой Кейт. Только подумай, как будет доволен наш ленивый друг капрал Миллер... Не огорчайся, все это чепуха.

– Да, ерунда, конечно... – Он бросил бухту каната в пропасть.

Через пятнадцать минут из крошечного мрака и завесы дождя в свете всполохов молний показалась всклокоченная голова Кейси Брауна. Гром походил на канонаду. Андреа продолжал поднимать грузы. А обмотанный веревкой Браун все сидел, устало уронив голову, так и не сняв коробку передатчика со спины. Двойное подергивание веревки поставило Андреа в известность, что начал подъем Дасти Миллер.

Прошло еще четверть часа. Силуэт Миллера обозначился на краю пропасти. Дасти поднимался неторопливо, с упорством заведенного механизма. Вот он оперся о край клифа, как слепой шаря по земле. Озадаченный Меллори нагнулся и заглянул в его бледное лицо – глаза Дасти были закрыты.

– Расслабьтесь, капрал, – участливо подсказал Меллори. – Вы уже на вершине.

Дасти Миллер медленно раскрыл глаза. Поглядел в пропасть, содрогнулся и проворно, на четвереньках, пополз под укрытие ближайшего валуна. Меллори шел рядом и глядел на него с любопытством.

– Зачем закрывать глаза, если вы уже наверху?

– Я не закрывал, – возразил Миллер.

Меллори промолчал.

– Я закрыл их внизу и открыл только здесь, – устало сказал Миллер.

– Что? Поднимались с закрытыми глазами? – поразился Меллори.

– Да. Так оно и есть, начальник, – пожаловался Миллер. – Снова в Кастельроссо, снова на твердой земле. Когда я перехожу улицу и ступаю на тротуар, то должен схватиться за ближайший фонарный столб, – он умолк, бросил взгляд на Андреа, почти повисшего над пропастью, содрогнулся. – Братишка! О братишка! Я струсил!

«Преодолевай страх! Иди ему навстречу!» – сто раз повторял себе Энди Стивенс. Психиатр когда-то подсказал ему этот способ.

«Преодолевай страх. Иди ему навстречу. Скажи сам себе, что преодолеваешь страх. Он существует только в тебе. Его нужно изгнать. Повторяй, что не боишься. Будешь храбрым. Преодолеешь страх. Он исчезнет, как тень, как туман».

Так убеждал себя Энди. А страх не проходил. Он жил в нем. Холодными лапами держал сердце. В желудке – противная тяжесть.

Его тошнило. Состояние полуобморочное. Дышит тяжело. Слишком велико нервное напряжение. С трудом он отгонял желание разжать впившиеся в веревку пальцы. И тогда все исчезнет. Все кончится.

Энди плакал. Слезы мешались с дождем. Энди Стивенс боялся, что навсегда потерял уважение к себе. Раньше в этом самоуважении заключалась единственная возмож-

ность спастись от страха. Теперь все ушло. Теперь все знают, что он боится. Что он подвел друзей. Так он думал. Его раскусили Андреа и Меллори. Раньше таких людей ему встречать не приходилось. От таких людей не скроешь свои слабости. Ему следовало подниматься на клиф вместе с Меллори, но тот взял Андреа. Меллори знал, что он боится. Дважды он чуть не подвел их – в Кастельроссо и при подходе немецкого катера. А сегодня из-за его оплошности оборвался мешок с продовольствием. Никто не верил, что он может идти первым вместе с Меллори. Именно он, моряк, рулевой, сделал неверный узел. Пища и горючее рухнули в пропасть. Тысяча человек на Ксеросе зависели от неопытности Энди. Измотанный, постанывая вслух, почти скуля от страха и самобичевания, Энди Стивенс бессмысленно карабкался по веревке.

Высокий пронзительный звонок телефона раздался во тьме на вершине клифа. Меллори мгновенно напрягся, пальцы сжались в кулаки. Опять настойчивый звонок. Меллори было пошел к телефону, но вернулся к Андреа. Гигант грек поглядел на него с интересом.

– Ты изменил решение?

Меллори утвердительно кивнул.

– Они будут звонить, пока не получают ответа, – проормотал Андреа. – А если не получают, явятся сюда. И очень скоро.

– Знаю. Знаю. Нам придется примириться с этим. Вопрос лишь в том, когда они появятся.

Меллори оглядел вершину клифа. Миллер и Браун стояли в разных сторонах тропы, ярдах в полусотне от места подъема. Их не было видно в темноте.

– Не стоит рисковать. Голос мог бы меня выдать. Часовой бесследно исчез. Снаряжение мы подняли. Все здесь, кроме Стивенса. Мы выполнили первую часть операции. Высадились. Никто не знает, что мы здесь.

– Ты прав, – кивнул Андреа. – Стивенс будет наверху минуты через две-три. Глупо кидать все псу под хвост и отказываться от достигнутого. – Он помолчал и спокойно заключил: – Они прибегут. Они сейчас будут здесь.

Телефон умолк так же внезапно, как и зазвонил.

– Знаю. Думаю, что Стивенс... – Меллори повернулся на каблуках и бросил через плечо: – Поглядывай за ним, пожалуйста. Я предупрежу остальных, что ожидаются гости.

Меллори торопливо направился по тропе, стараясь держаться подальше от края пропасти. Ботинки немца были ему тесноваты. Ему и думать не хотелось, во что превратятся ноги после ходьбы по горам. Внезапно он замер. Твердый металлический предмет уперся ему в спину.

– Сдавайся. Или смерть, – решительно сказал тягучий гнусавый голос. После всего пережитого находиться на твердой земле было блаженством для Дасти Миллера.

– Остроумно. Очень остроумно, – процедил Меллори и с удивлением посмотрел на Миллера. Американец уже снял дождевик, так как дождь внезапно прекратился, а куртка и брюки на нем промокли насквозь. Шутка была нелепой, но некогда заниматься этой ерундой.

– Ты слышал телефонный звонок?

– Телефон? Значит, это был телефон? Да, слышал.

– Телефон часового. Его проверяли, или нечто вроде того. Мы за него не ответили. Они примчатся сюда очень скоро. Возможно, появятся с твоей стороны. А может быть,

со стороны Брауна. Больше путей сюда нет. Иначе свернут шеи, лазая по скалам. – Меллори махнул на бесформенное нагромождение камней. – Поэтому держи ухо востро.

– Хорошо, начальник. Не стрелять?

– Не стоит. Лучше побыстрее предупреди нас. Через пяток минут вернусь.

Меллори заторопился к Брауну. Когда проходил мимо растянувшегося на земле Андреа, тот перестал глядеть в пропасть, повернул голову.

– Я уже слышу его. Он где-то рядом.

– Отлично. Скажи ему, пусть поторапливается, – на ходу бросил Меллори.

Через десяток ярдов он остановился. Кто-то бежал по тропе навстречу, оступаясь и спотыкаясь о камни.

– Браун, – тихонько позвал Меллори.

– Да, сэр. Это я. – Браун был уже рядом. Он, тяжело дыша, махнул в сторону тропы. – Кто-то идет. И очень быстро. Свет фонариков так и скачет. Наверное, бегут.

– Сколько их? – спросил Меллори.

– Не меньше четырех-пяти, – Браун еще не отдышался. – Может быть, и больше. Вы их сами можете увидеть. – Он недоуменно запнулся. – Черт возьми! Их нет. Исчезли. Но клянусь, только что были...

– Не волнуйся, ты их видел, – мрачно сказал Меллори. – Тебе не померещилось. Я ожидал гостей. Они соблюдают осторожность... Далеко?

– Не дальше чем в двухстах ярдах.

– Пойди за Миллером. Скажи, пусть поспешит.

Меллори подбежал к краю пропасти, наклонился над лежащим Андреа.

– Они появились, Андреа. Слева. Не меньше пяти. Может, больше. Будут здесь через две минуты. Где Стивенс? Ты его видишь?

– Да. Он уже поднялся к расщелине... – Остальное Меллори не услышал. Он сам увидел Стивенса. Тот выглядел измученным. Полз по веревке медленно, как паралитик, как старик. Еле перебирал руками.

– Дьявольщина! – выругался Меллори. – Что это с ним? Он так будет целый день карабкаться. – Меллори сложил руки рупором. – Стивенс! Стивенс!

Но Энди, судя по всему, его не услышал и продолжал механически перебирать руками.

– Он уже на исходе, – спокойно отметил Андреа. – Совсем раскис. Видишь, даже головы не поднимает. Если альпинист не поднимает головы, ему крышка. – Он зябко передернул плечами. – Я спущусь вниз, помогу ему.

– Нет. Оставайся здесь, – Меллори положил руку на плечо Андреа. – Я не могу рисковать двумя... Да, ну что? – По тяжелому дыханию он почувствовал, что рядом Браун.

– Поторопитесь, сэр. Поторопитесь, ради Бога. Они уже рядом.

– Уходите в скалы с Миллером, – торопливо приказал Меллори. – Прикройте нас... Стивенс! Стивенс! – Но снова его слова унес ветер. – Стивенс! Стивенс! Ради Бога, дружище! Стивенс! – В голосе были нотки отчаяния.

На этот раз Стивенс услышал, остановился и поднял голову.

– Немцы идут! – сложив руки рупором, прокричал шепотом Меллори. – Заберись в расщелину и оставайся там. И – ни звука. Ясно?

Стивенс поднял руку в знак того, что услышал. Наклонил голову и снова стал карабкаться. Теперь он двигался еще медленнее. Движения были вялыми и неловкими.

– Думаешь, он понял? – забеспокоился Андреа.

– Будем надеяться.

Снова пошел дождь. Сквозь морозящую пелену Меллори различил прикрытый луч фонарика, шарящий по скалам. В тридцати ярдах слева от них.

– Спрячь веревку в расщелину, – он дотронулся до руки Андреа. – Он там переждет. Давай, пошли. Пошли отсюда...

Меллори и Андреа по-пластунски отползли к скалам. Без оружия Меллори чувствовал себя беззащитным. Он знал, что это бессмысленные страхи. Если бы фонарик и осветил их, это означало прежде всего мгновенную смерть немца. Меллори полностью полагался на Брауна и Миллера. Но сейчас важно другое – остаться незамеченными. Дважды луч едва не осветил их – проскользнул на расстоянии вытянутой руки. Они замирали, втискиваясь лицами в сырую землю. Наконец они оказались среди валунов. Рядом появился Миллер.

– Долгонько, долгонько, – ядовито прошептал он. – Чего же это вы не провозились еще с полчаса? – Он указал налево. Лучи фонариков отплясывали танец. Голоса немцев слышались отчетливо. – Нам лучше отойти подальше в скалы. Они ищут часового у тропы.

– Его или его телефон, – согласился Меллори, – ты прав. Возьми оружие и снаряжение. Если они обнаружат Стивенса, придется пойти на крайние меры. Времени нет. И черт с ним, с шумом. Пустите в ход автоматы.

Стивенс услышал Меллори. Страх прошел. Но он потерял много крови. Силы оставили его. И все же он упорно карабкался вверх. Он перевел дух, стоя на вбитом в скалу костыле. Еще десяток футов до вершины. Он был удивлен, что друзья не помогают ему. Он слышал голоса. А они даже веревку, которая облегчила бы ему последние футы подъема, сбросили в расщелину. Хотят испытать его?.. Он не огорчился. Ему надо достигнуть вершины. Он ее достиг. Зацепился пальцами за край клифа, как некоторое время до него это проделал Меллори. Выжался, подтянулся. Увидел свет фонариков. Услышал возбужденные голоса. Мгновенно сознание его прояснилось. Он понял, что голоса чужие. Немцы уничтожили его друзей. Он остался один. Конец! Все было напрасным... Он потерял сознание. Пальцы разжались. Не проронив ни звука, Энди рухнул в расщелину. Для него наступила ночь.

ГЛАВА 6

Понедельник. Ночь.

02.00-06.00

Немецкий патруль оказался чрезвычайно дотошным. А у молодого толкового унтера было еще и воображение — это для Меллори и его товарищей было еще опаснее.

Всего четверо. В высоких сапогах, касках и серо-зелено-коричневых пятнистых плащ-палатках. Первым делом они нашли телефон и позвонили на базу. Потом молодой унтер послал двоих вперед по тропе на поиски пропавшего часового. Оставшиеся солдат и унтер общались ближайšie скалы.

Ход мыслей унтера был вполне ясен и логичен: если часовой просто ушел куда-то или заболел, то вряд ли он мог забраться слишком далеко. Поиски немцев пока не представляли собой опасности – Меллори и его друзья укрылись довольно далеко от тропы.

Потом пришла очередь организованного и методического осмотра края клифа. Унтер медленно шел по кромке клифа, надежно придерживаемый за пояс руками солдата, проверяя каждый дюйм земли узким лучом мощного фонаря. Вдруг он резко остановился, что-то произнес и нагнулся к самому краю пропасти. Фонарь и лицо унтера были почти у самой земли. Глубокие следы в мягкой осыпавшейся земле, где Андреа поднимал груз! Следа от веревки остаться не могло, ибо она была перекинута через камень. Бесшумно и неторопливо Меллори и его товарищи приготовились. Стало ясно, что немцы обнаружат Стивенса, совершенно беззащитного – мертвого или живого, – в расщелине клифа. Чтобы погибли эти четверо немцев, достаточно одному из них наставить карабин вниз, в сторону Стивенса... Им придется погибнуть.

Немецкий унтер растянулся на краю пропасти. Двое солдат держали его за ноги. Голова и плечи унтера висели над краем клифа. Луч его фонарика круглым желтым пятном шарил в расщелине. Притаившиеся смельчаки несколько секунд не слышали ни звука. Только высокий надрывный стон ветра да шорох дождя по мокрой траве. Наконец унтер откинулся назад, встал на ноги, слегка покачивая головой. Меллори жестом приказал остальным надежнее спрятаться за камни. Ветер легко приносил к ним мягкий баварский выговор.

– Да, это Эрих... бедняга... – Сочувствие и гнев слышались в голосе унтера. – Я предупреждал его. Ругал за неосторожность, за то, что он подходил слишком часто к самому краю пропасти. Это очень коварный утес. – Унтер невольно отступил на пару шагов назад, на тропу, и опять посмотрел на вмятину в мягкой земле. – Вот здесь и соскользнул его каблук... А может быть, приклад карабина... Только вряд ли теперь это имеет значение.

– Вы думаете, он мертв, унтер? – спрашивающий был совсем мальчишкой, нервным и испуганным.

– Трудно сказать... посмотри сам.

Мальчишка боязливо улегся на край пропасти и опасно заглянул в нее. Остальные перебрасывались короткими редкими фразами. Меллори повернулся к Миллеру, сложил ладони рупором и приставил их к уху янки.

– Был на Стивенсе костюм, когда вы его оставили одного? – прошептал он.

– Да, кажется, – ответил Миллер. Помолчал. – Нет, черт возьми, кажется, я вру. Мы оба в одно и то же время накинули плащ-палатки.

Меллори удовлетворенно кивнул.

«Дождевики немцев почти такой же окраски... и волосы часового были иссиня-черными, – припомнил он. – Наверное, сверху видна только плащ-палатка да черная голова. Тогда ошибка унтера не только понятна. Она неизбежна».

Молодой солдат осторожно поднялся на ноги.

– Вы правы, унтер. Это Эрих, – голос парня дрожал. – Думаю, что он еще жив. Мне показалось, что он пошевелился. Уверен, что это не ветер.

Могучая рука Андреа стиснула локоть Меллори. Он облегченно вздохнул: «Значит, Стивенс жив, слава Богу. Они еще спасут парня». Он услышал, как Андреа шепотом передал эту новость остальным, радостно улыбнулся. Дженсен наверняка не одобрил бы его радости. Стивенс выполнил свою роль – довел лодку до Наварона, поднялся на клиф. Теперь он покалечен и стал обузой для группы. А это уменьшало и без того малые шансы на успех операции. Для высшего командования, посылавшего санитаров подбирать раненых, подобное событие только замедляло игру и делало борт корабля таким неприятно-неряшливым. Со стороны Стивенса было опрометчивым поступком не погибнуть сразу. Тогда, по мнению высокого начальства, от него можно было бы избавиться без хлопот, навеки упрятав тело в холодных волнах, бьющихся в подножие клифа.

Меллори сжал кулаки и поклялся себе, что парень будет жить, что он вернется домой и – к чертям всю эту тотальную бойню с ее бесчеловечностью!.. Ведь Стивенс совсем мальчишка, испуганный и сломленный мальчишка, к тому же смелейший из них.

Унтер развил бурную деятельность. Целый поток приказов посыпался на солдат. Быстро, отчетливо, уверенно лились слова. Доктора, шину, санитарные носилки, люльку с якорем, костыли – вымуштрованный педант не упустил ничего. Меллори застыл в напряженном ожидании, размышляя, сколько же человек останется на месте, если вообще останутся. О том, чтобы убрать их потише, у него не возникло и мысли – стоило шепнуть Андреа, и у часовых будет не больше шансов остаться в живых, чем у несчастных козлят перед мародером волком. У немцев

шансов было еще меньше, чем у козлят из песенки – те могли хотя бы бегать и прыгать до темноты.

Вскоре унтер решил эту проблему за него. Уверенная властность, жестокое бессердечие, которые делали немецких унтеров лучшими в мире военными механизмами, дали в руки Меллори возможность, о какой он и не мечтал.

Унтер кончил отдавать приказания. Молодой солдат дотронулся до его рукава и указал на край пропасти.

– А как с беднягой Эрихом, унтер? – неуверенно спросил он. – Быть может, мы должны... Как вы думаете, не остаться ли одному из нас возле него?

– Чем ты ему поможешь, если останешься? – ехидно спросил унтер. – Будешь держать его за руку? Если он двинется с места, то упадет. Упадет, вот и все. И никакого значения не имеет, будет ли здесь один или целая сотня – стоять и смотреть, как он свалится. Не забудь захватить колышки, кувалду и треногу.

Трое солдат повернулись и быстро, без единого слова, ушли. Унтер подошел к телефону, коротко доложил кому-то обо всем и направился в противоположную сторону – проверять другие посты. Так по крайней мере решил Меллори. Его еще было видно по движущемуся пятну света фонарика, а Меллори уже шепнул Брауну и Миллеру, чтобы те заняли посты. Еще раздавались размеренные шаги немецкого унтера по каменистой тропинке, а перекинутая через край веревка уже натянулась под тяжестью Андреа и Меллори. Они соскользнули в расщелину раньше, чем веревка перестала раскачиваться.

Стивенс, неестественно скрючившись, лежал разбитой

кровоточащей щекой на остром обломке камня. Рот открыт, правая нога нелепо поднята вверх. Стараясь не причинять юноше боли, Меллори выправил вывернутый сустав. Стивенс не пришел в сознание, но дважды с его губ сорвался тяжелый стон. Меллори старался не обращать на это внимания. Сжав зубы так, что заболели челюсти, он продолжал свое дело. Медленно, с максимумом предосторожности закатил штанину на ногу Стивенса и, на секунду прикрыв глаза, отвел взгляд. Кость порвала мышцы и кожу.

— Сложный перелом, Андреа, — он мягким движением опустил ногу, и тут его пальцы наткнулись на что-то твердое, чуть выше ботинка Стивенса. — Господи, — пробормотал он. — Еще один перелом. С парнем совсем скверно, Андреа.

— И то правда, — серьезно ответил грек. — Тут ничего мы сделать не можем?

— Ничего. Абсолютно ничего. Сначала нужно его поднять, — Меллори выпрямился и мрачно осмотрел вертикальную трубу расщелины. — Хотя, Боже, как мы...

— Я подниму его, — в голосе Андреа не было отчаянной решимости. Он просто сообщил о своей готовности голосом человека, который никогда не сомневается в возможности выполнить обещание. — Если ты поможешь мне поднять его на спину и привязать...

— И это с его-то болтающейся на куске кожи сломанной ногой? — возразил было Меллори. — Стивенс вряд ли выдержит. Он умрет, если мы это сделаем.

— Он умрет, если мы этого не сделаем, — пробормотал Андреа.

Несколько секунд Меллори смотрел на Стивенса и молча кивнул.

– Да, он умрет, если мы не поднимем его наверх, – устало повторил он слова грека. – Нам придется это сделать. – Он оттолкнулся от камня, спустился по веревке, уперся в стенку расщелины чуть пониже Стивенса. Дважды обернул веревку вокруг пояса и глянул вверх.

– Готов? – тихо окликнул он Андреа.

– Готов, – Андреа наклонился, подхватил Стивенса под мышки огромными ручищами, легко и медленно стал поднимать его, а Меллори подталкивал снизу. Несколько раз из хрипящего горла парня вырывались долгие дрожащие стоны. Меллори сильнее стиснул зубы. Наконец сломанная нога Стивенса перешла из руки Меллори в крепкую руку Андреа. Неподвижное и застывшее, как у куклы, лицо Стивенса, мокрое от дождя и крови, откинулось назад. Меллори подтянулся повыше, с тихими ругательствами завязал мозолистыми пальцами узел и стянул им тело Стивенса. Прodelал все это автоматически: перед ним еще маячила разбитая голова юноши, нелепо запрокинутая назад, за плечо, размазанная дождем кровь на лице, пробитый висок под клоком темно-русых волос – дождь успел смыть с них краску.

«Проклятый сапожник, – яростно подумал Меллори. – Дженсен еще узнает об этом. И это могло стоить людям жизни». Тут до него дошло, что он думает не о том. Меллори снова выругался. В свой адрес. Грубее и крепче. Удивляясь банальности своих мыслей.

Руки Стивенса, связанные веревкой, надели на шею Андреа так, что сам он оказался на спине грека. Через

полминуты Андреа оказался на вершине клифа. Если сто шестьдесят фунтов – вес тела Стивенса – и создавали для грека какие-нибудь затруднения, то Меллори не заметил этого. Выносливость гиганта была поистине фантастической. Уже на краю пропасти нога Стивенса задела камень. Хриплый, булькающий вскрик, больше похожий на короткий резкий шепот, сорвался с его губ. Он был страшен – вид немой агонии юноши. Андреа выпрямился. Меллори быстро обрезал веревки.

– Давай, Андреа, быстро в камни, – шепнул он. – Жди нас на первой удобной площадке, которую найдешь.

Андреа кивнул, задумчиво глядя полуприкрытыми глазами на парня, которого держал в руках. Меллори вслушался в тонкое унылое завывание. Но ветер не приносил ни единого звука. Только нарастающее и затихающее погребальное пение в камнях и промозглость дождя, стынущего на ледяных уступах. Он вздрогнул. Сердито встряхнулся и стал сматывать веревку. Она ложилась у ног неровными кругами. И только когда выбрал ее всю, вспомнил про вбитый в самом низу расщелины костыль и свисающие с него сотни футов веревки.

Он слишком устал. Слишком был подавлен, чтобы почувствовать злобу к себе. Вид покалеченного Стивенса и мысль о том, как скверно приходится парню, подействовали на него больше, чем он мог предположить. Почти меланхолично он снова сбросил веревку вниз. Спустился по ней на самое дно расщелины, отвязал вторую веревку и зашвырнул костыль во тьму. Менее чем через десяток минут он уже вел Миллера и Брауна в темный хаос камней.

Они обнаружили Стивенса под защитой громадного валуна не далее сотни ярдов от клифа на расчищенной площадке чуть больше бильярдного стола. На щебенке был расстелен кусок клеенки, а плащ-палатка укрывала его тело. Камень не мог спасти парня от холода – только укрывал от порывов ветра и дождя. Андреа глянул на прибывших. Они, спрыгнув в яму, складывали снаряжение. Андреа уже закатал штанину раненого, разрезал и снял тяжелый альпинистский ботинок с изуродованной, распухшей ноги.

– Христос страдающий! – полупроклятие, полумолитва сорвалась с губ Миллера: нога Стивенса выглядела ужасно. Миллер встал на колени, низко склонился над неподвижным парнем. – Ну и каша, – пробормотал он и глянул вверх через плечо. – Что-то придется делать с его ногой, начальник. А времени у нас нет ни черта. Малый – хороший кандидат в мертвецкую.

– Знаю. Но его нужно спасти, Дасти. Мы обязаны это сделать. – Меллори тоже опустился на колени. – Давай посмотрим, что с ним.

Миллер досадливо махнул рукой.

– Оставь его мне, начальник. – В голосе звучала такая твердость и уверенность, что Меллори промолчал. – Быстро аптечку. И палатку разверните.

– Уверен, что справишься? – Меллори тут же подумал, что никогда не сомневался в нем. Ему хотелось сказать что-нибудь. – А как вы собираетесь... – начал он было.

– Послушайте, начальник, – спокойно прервал его Миллер, – всю свою жизнь я занимался шахтами, тоннелями и взрывчаткой. Это вроде бы хитрые штуки, началь-

ник. Я видел сотни оторванных рук и ног. Справлялся с ними в основном сам. – Он криво улыбнулся. – Тогда я сам был боссом. Думаю, что это одно из моих теперешних преимуществ.

– Неплохо. – Меллори хлопнул его по плечу. – Ладно, он твой, Дасти. Но палатка... – он неохотно посмотрел через плечо в сторону клифа. – Я подразумеваю...

– Ты меня неверно понял, начальник. – Руки Миллера, чуткие и точные, со сноровкой всю жизнь занимающегося таким деликатным делом, как взрывчатка, уверенно обрабатывали рану тампоном, смоченным спиртом. – Я не собирался устраивать здесь стационарный госпиталь. Но нам потребуются шесты от палаток для шины на ногу.

– Да, да, конечно, шесты. Никогда мне не пришло бы в голову, что для шины... Я ни о чем не думал, кроме...

– Не так они нам и нужны, начальник. – Миллер открыл аптечку, быстро разыскал необходимое с помощью фонарика. – Морфий. Вот что нужно. Иначе парень умрет от шока. А потом хорошее укрытие и теплая одежда...

– Тепло, сухая одежда! – беспардонно оборвал его Меллори. Он глянул на неподвижного парня. По его вине они лишились плитки и топлива. Рот скривился в горькой гримасе: сам себя парень наказал. – А где же, Господи, где? Где вы собираетесь все это отыскать?

– Да уж не знаю, начальник, – просто сказал Миллер, – но мы должны отыскать это не только для того, чтобы уменьшить возможность шока. С такой ногой, промокший до костей, парень наверняка схватит воспаление легких. Да, с такой ногой, с этой песьей раной! Стоит попасть инфекции, и он... – голос замер, превратившись в молчание.

Меллори выпрямился.

– Мне кажется, ты и есть начальник, – он очень хорошо скопировал речь янки.

Миллер быстро взглянул вверх, и его удивление превратилось в усталую улыбку. Он отвел глаза и наклонился над Стивенсом. Меллори услышал стук зубов и почувствовал, какая того была дрожь. Но Дасти не замечал ее – он весь сосредоточился на работе своих рук. Одежда его была насквозь промокшей. Меллори недоумевал, как Миллер умудрился настолько вымокнуть под дождем.

– Вы занимайтесь им, а я пойду поищу место. – Меллори не был уверен, что найдет, но на крутых вулканических склонах должно же отыскаться хоть какое убежище... ну, пещера, что ли. Днем-то они бы ее нашли. А сейчас, в темноте, можно рассчитывать только на случай.

Он увидел, как Кейси Браун, с серым от усталости лицом, поднялся на дрожащие ноги и пошел в проем среди камней.

– Ты куда направился, шеф? – спросил Меллори.

– К остальному бараклу, сэр.

– А справишься? – Меллори в упор уставился на него. – Ты не слишком надежно выглядишь.

– А я этого даже не чувствую, – откровенно признался Браун и глянул на Меллори. – Но при всем уважении, сэр, я бы не сказал, что вы в последнее время выглядите лучше.

– Пожалуй, ты прав, – согласился Меллори. – Что ж, ладно, пошли. Я тоже с тобой.

На крохотной площадке воцарилась тишина, нарушаемая бормотанием Миллера и Андреа, склонившихся над изувеченной ногой Стивенса, да слабыми постанываниями

последнего. Постепенно действовал морфий, и Миллер получил возможность работать быстрее, не опасаясь неожиданных движений Стивенса. Андреа держал над ними развернутую клеенку, кое-как спасающую от моросящего мелкого дождя и маскирующую свет фонарика. Миллер выправил ногу, наложил бандаж и шину, прикрутил ее к ноге покрепче, встал, распрямил затекшую спину.

— Слава Богу, дело сделано, — устало сказал он и махнул рукой на Стивенса. — Я, кажется, чувствую себя не лучше этого парня... — Он внезапно застыл и предостерегающе вытянул руку. — Я что-то слышу, Андреа, — прошептал он.

Андреа рассмеялся.

— Всего-навсего Браун возвращается, дружище. Он так идет уже с минуту.

— Откуда ты знаешь, что это Браун? — вызывающе спросил Миллер. Он был недоволен собой и неохотно засунул автоматический пистолет обратно в карман.

— Браун хорош среди этих камней, — мягко сказал Андреа, — но он устал, а вот капитан Меллори... — Он пожал плечами, — Меня зовут Большой Кот. Я знаю, об этом. Но капитан в горах, среди камней; больше чем кот. Он дух. Так его звали на Крите. О том, что он рядом, узнаешь, только когда он дотронется до твоего плеча.

Миллера передернуло, как от заряда снега с дождем.

— Мне бы хотелось, чтобы вы тут, на острове, ползали не слишком много, — пожаловался он и посмотрел вверх, на Брауна, обходящего валун медленной, шаркающей и спотыкающейся походкой насмерть усталого человека. — Эй, Кейси! Как дела?

— Неплохо. — Браун пробормотал слова благодарности,

когда Андреа подхватил с его плеча ящик со взрывчаткой и бережно опустил на землю. — Вот и все снаряжение. Капитан послал меня сюда, а сам остался. Мы слышали голоса на тропе у клифа. Он хочет посмотреть, как немцы будут реагировать на исчезновение Стивенса. — Браун устало присел на ящик. — Может быть, узнает, что они намерены делать дальше.

— Мне кажется, что он мог бы оставить тебя там, а этот чертов ящик принести сам, — пробурчал Миллер. Разочарование в Меллори сделало его разговорчивым. — Он намного крепче, я думаю, он слишком... — Дасти внезапно умолк и дернулся от боли: пальцы Андреа схватили его руку, как гигантские стальные клещи.

— Несправедливо говорить так, друг мой, — с укором сказал грек. — Ты, кажется, забыл, что Браун не понимает ни слова по-немецки.

Миллер тихонько потер занывшую руку, мотая головой и проклиная себя.

— Все этот болтливый рот, — уныло сказал он. — Миллер, который болтает некстати. Вот как меня надо звать. Вы уж простите меня и вообще... Ну что там дальше на повестке, джентльмены?

— Капитан говорит, что пойдем прямо через скалы, по правому склону холма, — Браун ткнул пальцем в направлении темного хаоса скал, возвышавшихся над ними. — Он нас догонит минут через пятнадцать, — Браун устало ухмыльнулся Миллеру. — А мы ему должны оставить этот ящик и рюкзак. Он понесет их.

— Пощадите меня, — взмолился Миллер. — Мне и так кажется, что я всего шести дюймов росту. — Он глянул на

Стивенса, неподвижно лежащего под матово блестящей мокрой клеенкой, потом вверх, на Андреа. – Я боюсь, Андреа...

– Ну конечно, конечно же, – грек быстро нагнулся, завернул в клеенку парня и поднялся на ноги так легко, будто клеенка была пустой.

– Я пойду первым, – вызвался Миллер, – буду искать дорогу полегче, для тебя и Стивенса. – Он забросил рюкзак и генератор за плечо, качнулся под тяжестью груза. Он даже и не предполагал, что так ослаб. – Это пока, – поправился он. – Потом тебе придется тащить нас обоих.

Меллори неудачно рассчитал время, нужное ему, чтобы догнать остальных. С шестьюдесятью фунтами за спиной он шел не очень-то быстро. Прошло больше часа с тех пор, как ушел Браун, а он никого не видел впереди.

Но он зря ругал себя. Вины его в этом не было. Возвратившийся немецкий патруль, оправившись от новой неожиданности, снова стал обыскивать вершину клифа, методически и очень медленно. Меллори напряженно ожидал, что кто-нибудь предложит спуститься в расщелину и тщательно там все осмотреть, но никому из немцев эта мысль не пришла в голову. Выщерблины от костылей в камнях наверняка выдали бы присутствие группы. А немцы, вероятно, считали, что коли часовой разбился, то внизу делать нечего.

После бесплодных поисков они некоторое время обсуждали, что делать дальше. Так ничего и не решили. Оставили нового часового, а сами пошли по тропе, унося с собой спасательное снаряжение.

Товарищи Меллори преодолели за это время порядочное расстояние. Рельеф улучшился. Дикое нагромождение скал кончилось ярдов через пятьдесят, сразу у подножия склона. Дальше шел мокрый от дождя булыжник. Меллори подумал было, что уже обогнал их. В перерывах между зарядами мокрого снега он мог оглядеть склон, но не заметил никакого движения. Он знал, что Андреа не остановится до тех пор, пока не найдет более-менее сносное укрытие. А на открытых, обдуваемых ветром склонах, не было ничего, даже отдаленно напоминавшего укрытие.

В конце концов Меллори буквально наткнулся на своих людей. Только он перебрался через узкую длинную спину очередного валуна, как услышал неясный гул голосов и увидел слабое мерцание света за брезентом, свисающим в глубине крошечной пещеры, открывшейся прямо возле его ног.

Миллер резко дернулся и обернулся назад, почувствовав на своем плече чью-то руку. Он уже наполовину вытащил из кармана автоматический пистолет, когда разглядел, кто это. Тяжело откинулся на скалу.

— Ну, ну, ну, ты, помешанный! — Меллори облегченно скинул с ноющих плеч тяжелую ношу и благодарно взглянул на беззвучно смеющегося Андреа. — Что здесь смешного?

— Я тут сказал одному приятелю, — снова ухмыльнулся Андреа, — что он услышит тебя только тогда, когда почувствует руку на своем плече. Он, кажется, мне не поверил.

— Вы по крайней мере могли бы кашлянуть, что ли, — оправдывался Миллер. — Все мои нервы, начальник, — добавил он. — Они совсем не те, что были сорок восемь часов назад.

Меллори недоверчиво посмотрел на него, хотел что-то ответить, но раздумал, увидев бледное лицо Стивенса. Ниже белой повязки на лбу – открытые глаза, не сводящие с него взгляда. Меллори шагнул вперед и опустился на колени.

– Ну вот ты и очнулся, – улыбнулся он Стивенсу. Тот улыбнулся в ответ. Губы – белее лица. Вид безрадостный. – Как чувствуешь себя, Энди?

– Неплохо, сэр. Действительно, неплохо. – Налитые кровью глаза его были темны и переполнены болью. Он опустил глаза к забинтованной ноге. Снова поднял их и неуверенно улыбнулся Меллори. – Сожалею, что так получилось. Чертовски глупо вышло.

– Это не глупо, – Меллори тяжело ронял каждое слово. – Это преступная оплошность. – Он знал, что все наблюдают за ним, но глаза его видели только Стивенса. – Преступная, непростительная оплошность, – повторил он спокойно. – Я предполагал, что ты потерял много крови, но не заметил, что у тебя еще и две глубокие раны на лбу. Я-то должен был их заметить. – Он криво улыбнулся. – Ты бы услышал, что сказали мне эти два типа, когда мы поднялись на вершину клифа. А ведь они были правы. Тебя нельзя было просить подниматься последним, особенно в таком состоянии, в котором ты был. Это было безумием. – Он снова улыбнулся. – Тебя надо было тащить наверх, как мешок с углем, что и сделала великолепная альпинистская команда Меллори – Браун... Бог знает, как это им удалось. Уверен, что так никогда и не узнаем. – Он наклонился вперед и дотронулся до здорового колена Стивенса. – Прости меня, Энди, честно говоря, я знал, что ты сильно измотан.

Стивенс неловко пошевелился, но мертвенно-бледный пергамент его щек окрасился слабым румянцем от удивления и удовольствия, вызванного словами Меллори.

– Пожалуйста, сэр, – умоляюще сказал он. – Не говорите так. Это совсем не так. – Он умолк, глаза закатились, воздух со свистом вырывался сквозь стиснутые зубы, волна боли прокатилась по телу от раненой ноги. Потом он снова посмотрел на Меллори. – Да сам я ничего такого и не сделал для подъема, – продолжал он уже спокойно. – Я едва что-либо помню...

Меллори молча посмотрел на него, брови вопросительно взлетели вверх.

– Я смертельно боялся каждого метра подъема, – просто сказал Стивенс. Он даже не почувствовал удивления оттого, что говорит вещи, которые раньше ни за что не сказал бы, скорее умер бы. – Никогда в жизни я так не боялся.

Меллори медленно покачал головой, машинально водя ладонью по подбородку. Он был по-настоящему удивлен. Потом взглянул на Стивенса с насмешливой улыбкой.

– Теперь-то я вижу, что ты новичок, Энди, – он опять улыбнулся. – Наверное, думаешь, что я смеялся и пел, когда лез на этот чертов клиф. Ты думаешь, я не боялся? – Он зажег сигарету и глянул на Стивенса сквозь облако дыма. – А впрочем, нет. Боялся – не то слово. Я был просто в ужасе. Да и Андреа тоже. Мы слишком много знали, чтобы не бояться.

– Андреа! – Стивенс засмеялся и сразу застонал от боли, вызванной движением тела.

Меллори показалось, что Энди потерял сознание, но тот почти сразу заговорил хриплым от боли голосом.

— Андреа! — прошептал он. — Он боялся? Не верю я этому. Не верю.

— Андреа боялся, — голос громадного грека был ласков. — Андреа боялся. Андреа всегда боится. Потому я и жив до сих пор. — Он уставился на свои громадные руки. — Отчего многие погибли? Они не боялись так, как боялся я. Они не боялись всего, чего человек должен бояться. Всегда было что-нибудь такое, чего они забывали остерегаться. Но Андреа боялся всего. Он ни о чем не забывал. Так-то вот. — Он глянул на Стивенса и улыбнулся. — Нет ни смелых, ни трусливых людей на этом свете, сынок. Есть только мужественные. Чтобы родиться, жить и умереть, для этого требуется много мужества. Даже больше чем много. Все мы смелые, и все мы боимся. Того, кого люди называют смелым человеком, тоже охватывает страх, как и каждого из нас. Только он оказывался на пять минут смелее нас. На пять минут дольше, чем все остальные. А иногда на десять минут или на двадцать. Или сколько там требовалось человеку, измученному и израненному, чтобы забраться на клиф.

Стивенс ничего не ответил. Голова его упала на грудь. Редко он чувствовал себя таким счастливым и спокойным. Теперь он знал, что ничего не сможет скрывать от Андреа и Меллори. Но не догадывался, что теперь это уже не имеет значения. Он чувствовал, что нужно что-то сказать, но не мог. Он смертельно устал, он слишком устал, чтобы разбираться во всем.

Миллер громко прокашлялся.

— Хватит болтать, лейтенант, — твердо произнес он. — Вы должны поспать хоть немного.

Стивенс посмотрел на него, перевел вопросительный взгляд на Меллори.

– Ты уж лучше делай то, что тебе сказали, Энди, – улыбнулся Меллори. – Твой хирург и медицинский советник говорит. Это он вправил тебе ногу.

– О, вот не знал. Спасибо, Дасти. Это было... трудно? Миллер небрежно махнул рукой.

– С моим-то опытом? Простой перелом, – соврал он. – Ну-ка дай мне руку, чтобы он лег на нее, Андреа. – Он повернул голову к Меллори. – А вы, начальник?..

Они вдвоем вышли наружу, остановились, повернувшись спинами к ледяному ветру.

– Нужно найти огня и сухую одежду для малого, – быстро сказал Миллер. – Пульс около ста сорока и температура – сто три градуса²⁴. У него лихорадка. Он все время отключается.

– Да знаю я, знаю, – огорченно ответил Меллори. – И нет никакой надежды найти топливо на этой чертовой горе. Пойдем поглядим, сколько сухой одежды можно наскреести.

Они подняли край брезента и вошли внутрь. Стивенс еще не спал. Браун и Андреа лежали по обе стороны от него.

– Мы здесь заночуем, – объявил Меллори, – Давайте устроимся поудобнее. Но учтите, – тут же заметил он, – мы слишком близко к клифу, чтобы спать с комфортом... Однако старина фриц и не ведает, что мы на острове, а с берега нас не видно. Можно вообще-то устроиться и с комфортом.

²⁴ По Фаренгейту.

– Начальник... – Миллер хотел что-то сказать, но умолк.

Меллори удивленно взглянул на него. Дасти, Браун и Стивенс глядели друг на друга как-то неуверенно, с сомнением в глазах. Предчувствие беды охватило Меллори.

– Что случилось? – резко спросил он. – Что там еще?

– Плохое известие, начальник, – осторожно начал Миллер. – Надо было раньше вам сообщить... Каждый надеялся, что вам скажет другой... Часового, которого вы с Андреа скинули в пропасть...

Меллори угрюмо кивнул. Он знал, что последует за этим.

– Он упал на верхушку рифа, – продолжал Миллер. – От него немного осталось, ну, а что осталось, крепко засело между камней.

– Так, так, – пробормотал Меллори. – Я все думал, как это вы умудрились вымокнуть под плащ-палатками.

– Я раз пять пробовал, начальник, – спокойно сказал Миллер. – Остальные страховали меня веревкой. – Он пожал плечами. – Безрезультатно. Чертовы волны каждый раз отбрасывали меня к клифу. Назад.

– Через три-четыре часа будет совсем светло, – пробормотал Меллори. – Через четыре часа немцы узнают, что мы на острове. Только наступит рассвет, они пошлют лодку для проверки.

– Имеет ли это значение? – предположил Стивенс. – Он мог упасть...

Меллори слегка отодвинул брезент в сторону, выглянул в ночь. Было холодно. Начинал падать снег. Он опустил брезент.

— Пять минут, — рассеянно сказал он. — Мы отправляемся через пять минут. — Он посмотрел на Стивенса и слабо улыбнулся. — Мы тоже забывчивы. Надо было сказать вам, что Андреа ткнул его ножом в самое сердце.

Последовавшие за этим часы, казалось, были вырваны из какого-то кошмара. Бесконечные унылые часы падений и подъемов, спотыкания и балансирования. Ноющие мускулы, падающие грузы, бессмысленные поиски в темноте и все увеличивающемся снежном покрове. Часы голода и жажды. Часы крайнего изнеможения.

Они шли в другую сторону. На запад. На северо-запад, по склону горы. Наверняка немцы решат, что они пошли к северу, в глубь острова... Без компаса. Без звезд и луны, которые помогли бы ориентироваться. Для ориентировки у Меллори оставалось только ощущение уклона да запечатленная в памяти карта, которую месье Влакос показывал ему в Александрии. Мало-помалу он убедился, что они обошли гору и продвигались по узкому проходу в глубь острова.

Снег был их врагом. Тяжелый, сырой, пушистый. Он кружился вокруг людей, превращаясь в серую, похожую на плотное одеяло массу. Тек за воротник и в ботинки, вкрадчиво пробирался под одежду, заползал в рукава, забивал уши, рты, глаза. Маской покрывал незащищенные лица и превращал голые руки в ледышки, тяжелые и бессильные. Всем было трудно, но больше всех страдал Стивенс. Сырая одежда, в которую его завернули, превратилась в лед. Он был лишен возможности согреться движением. Дважды Андреа останавливался и прикладывал руку

к его сердцу, так как опасался, что парень уже мертв. Но Андреа не мог ничего определить – руки у него застыли и ничего не чувствовали. Ему оставалось только идти дальше, падать и спотыкаться.

Около пяти утра Меллори приказал связаться веревкой. Они поднимались по склону. Крутому, предательскому, скользкому, на котором росло лишь несколько чахлах грабов. Еще минут двадцать они тяжело карабкались по увеличивающейся крутизне, держась в затылок друг другу. Меллори шёл первым. Ему и думать не хотелось, каково приходится Андреа, замыкающему группу. Неожиданно уклон уменьшился, а вскоре и совсем исчез. И еще до того, как догадались, они прошли перевал. Связанные вместе, при нулевой видимости! Теперь они спускались в долину. Вышли к пещере. Унылый, безрадостный, серый свет струился с бледного низкого неба.

Месье Влакос говорил, что весь юг Наварона был как соты – сплошь покрыт пещерами. Но эта оказалась первой более-менее настоящей, попавшейся на их пути.

Узкий темный туннель в вулканической породе. Туннель в громаде изломанных слоями камней, беспорядочной нитью спускающийся по склону к широкой долине, на тысячу, а то и на все две тысячи футов вниз. К долине, скрытой ночным мраком.

По сути дела, расщелина не пещера. Но для замерзших, измученных людей она казалась хорошим убежищем. Места хватало для всех. Несколько обломков камня надежно прикрывали вход от потока снега. Они завесили вход брезентом и привалили камнями. Неведомо как в такой темноте они сняли со Стивенса мокрую одежду, опустили его в

спальный мешок и плотно укутали. Влили ему в рот несколько глотков бренди. Потом все четверо, даже неутомимый Андреа, рухнули на влажный, заснеженный пол пещеры и заснули мертвецким сном. Забыв о холоде, голоде, о насквозь промокшей одежде, о больных, замерзающих руках и даже об опасности.

ГЛАВА 7

**Вторник.
15.00–19.00**

Бледное солнце, будто с покрытой инеем кромкой, выползло из проплывающего обрывка облака. Оно давно прошло зенит и теперь быстро скатывалось на запад, к заснеженному склону горы. Андреа отвел в сторону край брезента и огляделся. Некоторое время он стоял неподвижно, пытаясь расслабить застывшие, ноющие мышцы ног. Суженные блуждающие глаза его еще не привыкли к искрящемуся сиянию кристального снега. Затем бесшумно выскользнул из укрытия, в несколько прыжков добрался до верхнего края впадины, вытянулся на снегу и осторожно прополз к самой кромке. Медленным пристальным взглядом обвел он раскрывшуюся панораму.

Далеко внизу простирался размашистый изгиб почти симметричной долины, неожиданно вырвавшейся из объятий крутых гор, полого спадающих к северу. Ближайший, похожий очертаниями на быка каменный гигант справа от него, словно в задумчивости, навис уходящей в облака вершиной над простором долины. «Гора Костос, самая

высокая гора Наварона», – подумал Андреа. Они прошли по ее левому склону в самую темную из ночей. В пяти милях к востоку возвышалась другая гора, лишь немного уступающая Костосу по высоте. Северный склон ее круто обрывался в сторону долины, вытянувшейся на северо-восток. Еще дальше в сторону, примерно в четырех милях к северо-северо-востоку, несколько ниже линии снегов и одиноких пастушьих хижин, вдоль берега крохотного ручья раскинулся небольшой плоскокрыший поселок, окруженный низкими холмами. Ручей прихотливо извивался в долине. Должно быть, это деревня Маргарита.

Поглощенный изучением топографии долины, обшаривая глазами каждую трещину, каждый камень, Андреа все пытался определить источник звука, который минуту назад разбудил его. Звук прорвался сквозь покрывало сна, мгновенно поднял его на ноги и приготовил к любой неожиданности еще до того, как сознание дало сигнал опасности. Вот он снова услышал этот звук – трижды за три секунды, – высокий, одинокий, надрывный свист, визгливые обрывки которого повторило эхо, замершее у подножия горы Костос. Эхо еще не отзвучало в воздухе, а Андреа уже дернулся назад и соскользнул вниз.

Через полминуты он вновь был на кромке. Мышцы лица свело от прикосновения ледяных окуляров цейсовского бинокля Меллори. «Так и есть, это они», – угрюмо подумал Андреа. Двадцать или тридцать солдат вытянулись в длинную неровную линию на снежном склоне Костоса и медленно двигались вперед, тщательно прочесывая каждый овраг, каждую кучу камней, встречавшиеся на пути. Солдаты были в маскахалатах, но разглядеть их было

легко даже отсюда, с расстояния двух миль. Концы связанных лыж поднимались над их головами и отчетливыми штрихами выделялись на белизне снега. Эти черные полосы подпрыгивали и покачивались, когда солдаты скользили и спотыкались на крутом склоне горы. Время от времени в центре цепочки кто-то размахивал альпенштоком, как бы координируя действия поисковой группы. «Он, со свистком», – отметил Андреа.

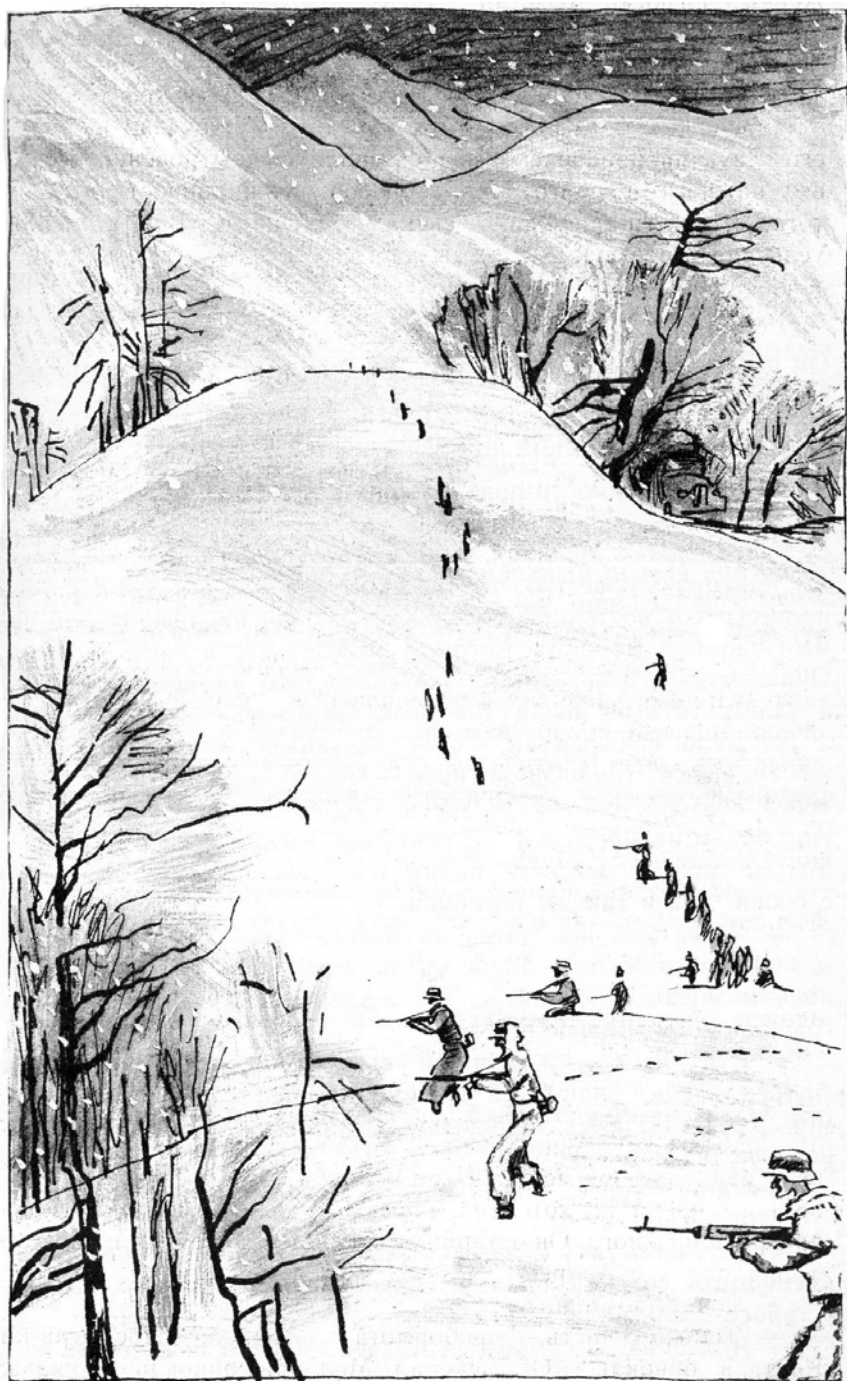
– Андреа! – голос из пещеры был очень тихим. – Что произошло?

Прижав палец к губам, Андреа повернулся в снегу и увидел возле брезентового полога Меллори. Заросший, в мятой одежде, он прикрывал рукой глаза от ослепительного сияния снега, а другой тер покрасневшие веки. Андреа поманил его пальцем, и Меллори послушно двинулся к греку, морщась от боли при каждом шаге. Пальцы ног распухли, слиплись от запекшейся крови. Меллори не снимал ботинок с тех пор, как взял их у мертвого часового и с трудом напялил на ноги. Он и не хотел их снимать, не хотел видеть, во что превратились ноги. Он осторожно добрался до гребня и зарылся в снег рядом с Андреа.

– Целая команда?

– Только часть, – пробормотал Андреа. – Посмотри-ка, Кейт, в бинокль. – Он передал Меллори бинокль и указал вниз, на склон горы.

В окуляры попала цепочка немецких солдат. Меллори поднял голову, нетерпеливо поправил фокус, бросил еще один короткий взгляд на немцев и в задумчивости опустил руку. Этот сдержанный жест полностью передал всю серьезность момента.

– «W.Z.B.», – тихо сказал он.

– Батальон егерей, – согласился Андреа. – Альпийский корпус. Их лучшие горные войска. Очень некстати, Кейт?

Меллори утвердительно кивнул и потер заросший щетиной подбородок.

– Уж кто-кто, а эти нас найдут. Да. Они найдут нас. – Он поднял бинокль, чтобы еще раз посмотреть на приближающихся немцев.

Педантизм, дотошность, тщательность поиска раздражали. Неприятной, даже пугающей, была медлительная неумолимость, неотвратимость приближения крохотных фигурок.

– Бог знает что понадобилось здесь альпийскому корпусу, – продолжал Меллори, – но достаточно того, что они здесь. Им наверняка известно, что мы высадились, и вот они все утро прочесывают восточный склон Костоса. По их мнению, это самый удобный маршрут, который выведет нас в глубь острова. Они там ничего не нашли. Они знают, что мы несем раненого и далеко уйти не могли. Все дело только во времени, Андреа.

– Дело во времени, – эхом отозвался Андреа и глянул на солнце в темнеющем небе. – Через час, самое большее через полтора, они будут здесь. Солнце еще не сядет, и мы еще будем на месте. – Он с усмешкой взглянул на Меллори. – Мы не можем оставить парня и не можем уйти, взяв его с собой. Так и так мы погибнем.

– Через час нас здесь не будет, – сказал Меллори безразличным голосом. – Если мы останемся, то все умрем или кончим жизнь в одной из тех маленьких камер, о которых говорил месье Влакос.

– Это не самый лучший выход, – медленно отозвался Андреа. – Так, видимо, и должно произойти, не правда ли, мой Кейт? Из всех вариантов, которые возможны, как выразился бы Дженсен.

Меллори неловко повернулся, но, когда он заговорил, голос его был тверд:

– Я тоже так полагаю, Андреа. Простая пропорция: двенадцать сотен к одному. Знаешь, как и должно быть, – в голосе послышалась усталость.

– Я-то знаю, – улыбнулся Андреа. – Но ты ни о чем не беспокойся. Пойдем, дружище. Сообщим остальным приятную новость.

Миллер поднял глаза, когда эти двое опускали брезентовый полог. Он, расстегнув боковую молнию спального мешка Стивенса, трудился над его сломанной ногой. Электрофонарь-карандаш был пристроен рядом на рюкзаке.

– Когда мы сможем сделать что-нибудь для парнишки, начальник? – В голосе звучало раздражение, как и в жесте в сторону спящего парня. – Этот чертов водонепроницаемый спальный мешок промок насквозь, да и мальчонка тоже. Он совсем окоченел. Ноги его на ощупь напоминают мороженую говядину. Ему требуется тепло, начальник. Теплая комната и горячий напиток. Иначе ему конец. Сутки проживет, не больше. – Миллер передернулся и обвел взглядом неровную поверхность стен каменного убежища. – Думаю, что даже в первоклассном госпитале у него был бы всего один шанс выжить... Он просто теряет время в этом чертовом ледяном склепе.

Вряд ли Миллер преувеличивал. Капли воды беспре-

станно сочились сверху по скользким, в зеленой плесени, стенам пещеры. Вода звонко капала на промерзший пол. И никуда не стекала. Пещера без вентиляции, душная, промозглая.

– Возможно, он окажется в госпитале раньше, чем ты думаешь. Что с ногой? – сухо спросил Меллори.

– Хуже стало, – откровенно ответил Миллер. – По виду намного хуже. Я только что впихнул ему в рот еще горсть серы и сделал перевязку. Это все, что я мог, начальник. И это тоже пустая трата времени. А чего вы пошлись насчет госпиталя?

– Это не шутка, – серьезно отозвался Меллори, – а один из неприятных фактов жизни. Сюда направляется немецкая поисковая группа. Они свое дело знают. Они нас найдут. Уж это точно.

Миллер выругался.

– Просто чудесно, – горько сказал он. – И далеко, начальник?

– В часе или чуть больше ходьбы.

– А что вы думаете делать с парнишкой? Оставить? Кажется, это единственный выход из положения.

– Стивенс будет с нами, – в голосе Меллори звучало окончательное решение.

Миллер молча и пристально поглядел на него. Лицо Меллори было непроницаемо.

– Стивенс будет с нами, – повторил Меллори, – мы будем его нести с собой, пока он не умрет. Это случится скоро. А потом мы бросим его в снег, так, что ли? Да, так, Дасти, – Меллори машинально стряхнул снег с одежды и опять посмотрел на Миллера. – Стивенсу известно слиш-

ком много. Немцы догадались, что мы на острове, но они не знают, как мы собираемся пробраться в крепость. И они не знают, когда пройдут мимо острова корабли. А Стивенс знает. Они заставят его говорить. Скополомин развяжет язык кому угодно.

– Скополомин! На умирающем? – Миллер не поверил.

– А почему нет? Я бы и сам поступил так же. Если бы ты был немцем и знал, что твои большие орудия и половина гарнизона крепости в любую минуту могут полететь ко всем чертям, то, наверно, поступил так же.

Миллер посмотрел на него, криво усмехнулся и покачал головой.

– Я со своим...

– Знаю я. С твоим болтливым ртом, – Меллори улыбнулся и хлопнул его по плечу. – Мне это нравится не больше, чем тебе, Дасты. – От отвернулся и отошел к противоположной стене пещеры. – Как себя чувствуешь, шеф?

– Не так уж плохо, сэр, – Кейси Браун только что проснулся. Дрожа всем телом в мокрой одежде, он спросил: – Что-то произошло?

– Сколько угодно, – заверил его Меллори, – сюда идут немцы. Через полчаса придется уходить, – он глянул на часы. – Ровно в четыре. Как вы думаете, нельзя ли связаться с Каиром?

– Бог его знает, – откровенно признался Браун. Он с трудом встал на затекшие ноги. – Вчера с рацией не слишком деликатно обходились. Но я попробую.

– Спасибо, шеф. Смотри, чтобы твоя антенна не торчала над гребнем. – Меллори повернулся и хотел было выйти из пещеры, но задержался возле Андреа, сидевшего

на валуне возле входа. Он напряженно склонил голову. Андреа только что кончил пристраивать телескопический прицел к карабину и занимался тем, что заворачивал ствол и приклад в спальный мешок. Наконец карабин превратился в белый кокон.

Меллори молча следил за его манипуляциями. Андреа глянул на него снизу вверх, улыбнулся, поднялся на ноги и потянулся к рюкзаку. Через полминуты он облачился в белый маскостюм и плотно затянул шнурки капюшона. Потом надел мягкие брезентовые сапоги, взял маузер и снова улыбнулся.

— Я тут подумал, может, мне пройтись, капитан, — сказал он извиняющимся тоном. — Конечно, с вашего разрешения.

Меллори несколько раз мотнул головой, что-то с трудом припоминая.

— Ты сказал, чтобы я ни о чем не беспокоился, — пробормотал он. — Мне надо было догадаться, а тебе стоило сказать, Андреа. — Но протестовал он слабо. Он не чувствовал раздражения при таком посягательстве на свой авторитет. Андреа никак не мог отвыкнуть от офицерской привычки: самому принимать решения. Когда он спрашивал одобрения или совета, то скорее проявлял вежливость или просто информировал. Меллори не возражал. Облегчение и чувство благодарности к улыбающемуся гиганту — вот что он ощущал. С Миллером он говорил о Стивенсе небрежным и безразличным тоном. Только для того, чтобы спрятать свою горечь от необходимости поступать так жестоко с раненым парнем. Но и сам он даже не предполагал, как тяжело и больно станет сердцу от принятого решения. А теперь оказалось, что оно не обязательно.

– Извините меня, – с хмурой улыбкой сказал Андреа. – Я должен был сказать вам... Я-то думал, вы догадались. Это ведь лучший выход из положения, не так ли?

– Только это и можно сделать, – откровенно признался Меллори. – Ты хочешь увести их вверх, к перевалу.

– Другого пути нет. На лыжах, вниз по склону, они через несколько минут догнали бы меня. Я, конечно, не могу вернуться, пока не стемнеет. Вы будете здесь?

– Кто-нибудь из нас останется, – Меллори взглянул в сторону Стивенса, растиравшего ладонями усталые глаза. – Нам нужны еда и топливо, Андреа, – сказал он тихо, – этой ночью я пойду в долину.

– Да, да, конечно, мы должны сделать все возможное, – серьезно, почти шепотом ответил Андреа. – Пока можем. Он еще мальчишка, совсем ребенок. Может быть, это и ненадолго... – Он отвернул полог и поглядел в вечернее небо. – К семи часам я вернусь.

– В семь, – повторил Меллори. Небо уже потемнело от тяжелых облаков. Порывы ветра поднимали снежные вихри и сметали их в неглубокую впадину перед пещерой. Меллори вздрогнул и схватил могучую руку грека. – Ради Бога, Андреа, – спокойно потребовал он, – береги себя.

– Береги себя, – безрадостно улыбнулся Андреа, мягко высвобождая руку. – Обо мне не думайте, – его голос был спокоен и доброжелателен. – Если ты хочешь помолиться, то моли Бога за тех несчастных, которые вздумали охотиться за нами. – Он вышел, полог опустился за ним.

Меллори нерешительно постоял у входа в пещеру, бессмысленно глядя в белеющий просвет, потом резко повернулся, прошел к стене и сел на корточки перед Сти-

венсом. Голова парня покоилась на заботливой руке Миллера, глаза ввалились и ничего не выражали. Меллори улыбнулся. Он надеялся, что шок еще не наступил.

— Ну и ну, наконец-то соня проснулся. Лучше поздно, чем никогда, — он открыл непромокаемый портсигар и протянул его Стивенсу. — Как себя чувствуешь, Энди?

— Замерз, сэр. — Стивенс покачал головой, отказываясь от предложенной сигареты, и попытался улыбнуться. От этого подобия улыбки Меллори передернуло.

— Ну, а нога?

— Думаю, что она отмерзла. — Стивенс без любопытства глянул на белый кокон перебинтованной ноги. — Одним словом, я ничего не чувствую.

— Замерзла, — фыркнул Миллер. — Он говорит, замерзла. Чертовская неблагодарность! Если это не первоклассное медицинское обслуживание, то кто же я тогда?!

Слабая улыбка скользнула и пропала на лице Стивенса. Он поглядел на забинтованную ногу, перевел взгляд на Меллори.

— Слушайте, сэр, не стоит дурачить самих себя, — тихим невыразительным голосом начал он. — Я не хотел бы показаться неблагодарным. Я терпеть не могу самой мысли о дешевом героизме, но... Так вот. Я просто чертов камень у вас на шее, и...

— Оставить тебя, да? — прервал его Меллори. — Оставить тебя, чтобы ты тут замерз насмерть или попал в лапы немцев. Забудь это, детка. Мы еще в состоянии позаботиться о тебе и об этих пушках.

— Но, сэр...

— Вы нас оскорбляете, лейтенант, — снова фыркнул

Миллер. – Вы задеваете наши чувства. Кроме того, как профессионал, я должен довести свой клинический случай до полного выздоровления. А если вы думаете, что я собираюсь это сделать в какой-нибудь вшивой немецкой каталожке, то можете...

– Достаточно, – остановил их Меллори движением руки. – Вопрос закрыт. – Он увидел, как щеки больного порозовели от удовольствия и свет благодарности затеплился в безразличных глазах. Ему стало стыдно за эту благодарность. Стыдно и больно, ибо его забота диктовалась не беспокойством за раненого, а опасением, что тот может их предать, вольно или невольно...

Меллори наклонился и стал расшнуровывать ботинки.

– Дасти, – сказал он, не поднимая головы.

– Да?

– Когда кончишь хвалиться своим медицинским искусством, то можешь хотя бы частично использовать его. Подойди и погляди, что у меня с ногами. Кажется, ботинки часового не особенно помогли мне.

Через четверть часа, полных мук для Меллори, Миллер разорвал край лейкопластыря, оклеил ногу Кейта, неловко выпрямился и с гордостью оглядел результаты своего труда.

– Прекрасно, Миллер, прекрасно, – пробормотал янки удовлетворенно, – даже Джон Хопкинс в Балтиморе... – вдруг он запнулся, нахмурился, глядя на забинтованные ноги Меллори, и извиняюще кашлянул. – Я только что обратил внимание на маленькую деталь, начальник.

– Давно пора, – хмуро ответил Меллори. – Как ты, например, собираешься втиснуть мои ноги в эти чертовы

ботинки? – Он вздрогнул от холода, напяливая на ноги промокшие шерстяные носки. Поднял ботинки часового на вытянутой руке и с отвращением оглядел их. – Седьмой номер, самое большое. К тому же дьявольски маленький седьмой номер.

– Девятый, – лаконично сказал Стивенс и протянул свои ботинки, один из них был аккуратно разрезан Андреа. – Этот разрез легко заделать. Мне они сейчас ни к черту. И, пожалуйста, сэр, без споров. – Он тихонько засмеялся, но сразу умолк и скривился от боли в ноге. – Мой первый и, возможно, последний вклад в эту экскурсию. Как вы думаете, сэр, какую медаль мне за это дадут?

Меллори взял ботинки, долго смотрел на Стивенса и обернулся в сторону откинувшегося полога. Спотыкаясь, вошел Браун, опустил на землю передатчик, телескопическую антенну и вытащил пачку сигарет. Пачка выпала из окоченевших пальцев, плюхнулась в грязь, сразу став мокрой и коричневой. Браун выругался коротко, без энтузиазма, похлопал по нагрудным карманам, но сразу оставил это бесполезное занятие и поудобнее уселся на ближайший валун. Он очень устал.

Меллори зажег и передал ему сигарету.

– Ну что там, Кейси? Передали им что-нибудь?

– Это они мне кое-что передали. Самую малость. Прием был паршивый. – Браун с наслаждением сделал глубокую затяжку. – А я никак не мог пробиться. Наверное, из-за этой чертовой горы, что к югу от нас.

– Возможно, – согласился Меллори. – А что нового у наших каирских друзей? Все воодушевляют нас на великие подвиги? Призывают продолжать начатое дело?

– Новостей никаких. Они чертовски обеспокоены нашим молчанием. Сообщили, что с этого времени будут работать каждые четыре часа. Повторили это раз десять. На том и кончили.

– Да, это для нас громадная поддержка, – ехидно заметил Миллер. – Приятно знать, что они за нас переживают. Нечто похожее на моральную поддержку. – Он ткнул пальцем в сторону выхода из пещеры. – Думаю, немецкие ищейки до смерти напугались бы, узнав об этом. Ты хоть поглазел на них, прежде чем вернуться?

– Не удалось этого сделать, – угрюмо сказал Браун. – Но я слышал их. Похоже, что командир давал им указания. – Почти меланхолически поднял он карабин и вложил в магазин обойму. – Сейчас они, должно быть, близко подошли, меньше мили отсюда.

Поисковая партия немцев, стянувшись поплотнее, двигалась в полумиле от пещеры, когда ее командир, обер-лейтенант, заметил, что правое крыло снова отстало: южный, более крутой склон затруднял движение. Обер-лейтенант нетерпеливо поднес к губам свисток и дал три резких, пронзительных сигнала, торопя отставших солдат. Дважды его свисток верещал повелительно. Пронзительные звуки тут же отдавались эхом от покрытых снегом склонов и замирали в глубине долины. Но третий его свист умер еще при рождении. Прервался и возобновился в воющем длинном «до», гармонически перешедшем в страшный, долгий, захлебывающийся крик боли. Секунду обер-лейтенант стоял неподвижно с выражением недоумения на лице, потом резко переломился пополам и рухнул в хрустящий снег. Здоровенный сержант бессмысленно

установился на упавшего офицера. Потом что-то сообразил, глянул вверх с ужасом, открыл было рот, чтобы закричать, вздохнул и устало осел рядом с неподвижным телом оберта. Он уже умирал, когда в его ушах зазвучал злой, похожий на удар бича выстрел маузера.

Высоко вверху, на западном склоне горы Костос, спрятавшись в V-образную ложбинку, среди камней лежал Андреа. Он видел темнеющий горный склон в телескопический прицел винтовки и всадил еще три обоймы в изломанную, дезорганизованную цепь преследователей. Лицо было спокойно. Даже веки не дрожали от размеренных выстрелов маузера. Глаза ничего не выражали. Ничего. Взгляд был ни жестким, ни безжалостным – просто пустым и пугающе-отсутствующим. Сейчас рассудок был закрыт от мыслей и чувств прочной броней дела, ибо Андреа знал: в такие минуты нельзя ни о чем думать.

Андреа медленно опустил маузер, поглядел на тяжело поднимающийся в морозном вечернем воздухе пороховой дым. Противник исчез. Совершенно исчез из глаз, спрятавшись за разбросанные по склону валуны, зарывшись в белое снежное одеяло. Но он все еще был там, на склоне, он все еще был опасен. Андреа знал, что немцы быстро опомнятся после внезапной гибели офицера – во всей Европе нет более стойких и обученных солдат, чем горные стрелки батальона егерей. Они пойдут за ним, поймут его и убьют, если это вообще в силах сделать человеку. Поэтому Андреа первым убил офицера. Тот мог остановить солдат, удержать от преследования и постараться выяснить причину ничем не обоснованной атаки с фланга. Андреа нырнул за камень. Автоматная очередь смертельным ри-

кошето́м прошила валуны перед ним. Он ожидал этого: старый испытанный прием пехотной атаки – перебежки вперед под огнем прикрытия. Ложишься, прикрываешь огнем товарища. Потом он тебя прикрывает и ты идешь вперед. Очень просто. Андреа быстро вставил в карабин новую обойму, плашмя упал на землю и не спеша отполз на пятнадцать – двадцать ярдов вправо, к низкой гряде обломков. Он старательно выбрал место засады и остановился. Натянул капюшон до самых бровей и быстро выглянул из-за края камня.

Еще одна длинная автоматная очередь ударила по камням, только что им оставленным. Полдюжины немцев, пригнувшись, по трое с каждой стороны, спотыкаясь, бросились вперед, вверх по склону. Вот они снова залегли в снег. Андреа опустил голову, потерся грязным заросшим подбородком о тыльную сторону ладони: «Скверно, очень скверно. Чертовски плохо. Эти немецкие лисы никогда не пойдут прямо в атаку». Они продвигались веером в обе стороны. Концы цепи охватывали его полукольцом. Для него это была не очень удачная ситуация, но можно справиться и с таким маневром. Еще раньше он хорошо приметил спасительный овражек, который извивался по склону позади него. Но Андреа не предвидел, что западный край цепи наткнется прямо на пещеру, в которой прятались остальные.

Андреа перевернулся на спину, поглядел на вечернее небо. С каждой минутой становилось темнее. Быстро темнело еще и от тяжело падавшего снега. День угасал. Грек осмотрел вздымающуюся громаду Костоса – лишь несколько скал и выемок перечеркивали однообразие ровного

склона. Он еще раз окинул взглядом горы. Автоматы горного батальона снова заговорили. Он увидел, что опять повторяется тот же маневр, и не стал мешкать. Вслепую стреляя вниз, он привстал и бросился на открытое место. Пальцы сжимали курок, ноги скользили по плотному насту. Опять вскочил и, сделав рывок, оказался под укрытием груды камней. Тридцать пять, тридцать, двадцать ярдов. Ни выстрела. Он поскользнулся на твердой наледи. Вскочил по-кошачьи. Еще десять ярдов, а он все цел и неуязвим. Нырнул в укрытие, упал на грудь и живот так, что почувствовал ребрами, как судорожно сжались легкие. Задохнулся.

Пытаясь отдышаться, он снял кожух магазина, вставил новую обойму, успел бегло глянуть на вершину горы, вскочил на ноги – все в какой-то десяток секунд. Держа маузер наперевес, снова стал стрелять не целясь, как попало. Не было смысла целиться, ибо он мог видеть только предательски скользкую землю под ногами да недостижимо далекие впадины на склонах гор. Потом кончились патроны, и маузер стал бесполезен. А каждый автомат, каждая винтовка снизу стреляли. Пули свистели вокруг, ослепляя его взвихренными струйками снега, рикошета от твердых камней. Но сумерки уже тронули вершину, и Андреа стал только тенью, быстро бегущей тенью на фоне призрачно-смутного горного пейзажа. Разобрать что-либо на монотонном заснеженном склоне было одинаково трудно в любое время. Но непрерывный плотный огонь немцев и сейчас, в сумерках, был опасен. Андреа не мешкал. Невидимые руки злобно дергали его за развевающие полы маскхалата. Он бежал почти по прямой. Последние десять футов – и он рухнул в укрытие, вниз лицом.

Распластавшись, он перевернулся на спину, вынул из нагрудного кармана зеркальце и поднял его на вытянутой руке над головой. Сначала Андреа ничего не видел, потому что темнота внизу была гуще, а зеркальце запотело от тепла его тела. Но на холодном воздухе пелена исчезла, и он разглядел двух, трех, потом сразу с полдюжины немцев, неуклюже бежавших вверх по склону. Он увидел и двух крайних солдат, замыкавших правую сторону цепи. Андреа опустил зеркальце и с облегчением вздохнул. Глаза сузились в улыбке. Он глянул в небо, моргнул – первые хлопья падающего снега растаяли на его ресницах. Он снова улыбнулся.

Почти лениво вынул последнюю обойму к маузеру и вложил еще несколько патронов в магазин.

– Начальник, – голос Миллера угрюм.

– Да? В чем дело? – Меллори стряхнул снег с лица, с воротника накидки и стал вглядываться в белое месиво впереди себя.

– Начальник, когда вы учились в школе, вам не приходилось читать рассказы о том, как люди терялись в снежной буре и бродили по кругу день за днем?

– У нас была именно такая книга в Куинстауне, – ответил Меллори.

– Бродили по кругу, пока не умирали, – настаивал Миллер.

– О, ради Бога, – нетерпеливо произнес Меллори. Ноги его даже в просторных ботинках Стивенса противно ныли. – Как мы можем плутать по кругу, если все время спускались вниз? Ты думаешь, мы где, на чертовой винтовой лестнице?

Дальше Миллер шел в напряженном молчании. Меллори двигался рядом. Они по щиколотку утопали в мокром липком снегу, падавшем тихо и неустанно в течение последних трех часов, с тех пор, как Андреа увел поисковую партию егерей. Даже в середине зимы в Белых горах, на Крите, не бывало такого обильного и непрерывного снегопада. «А ведь имеется множество островов вечного солнца, которое их всех еще золотит», – горько подумал он. Он не предвидел снегопада, когда собирался в деревню Маргариту за едой и топливом. Но и тогда он не изменил бы решения. Хотя Стивенс теперь не так страдал от боли, он слабел на глазах. Крайняя необходимость вынудила их предпринять этот поход.

Луна и звезды закрыты тяжелыми снежными облаками, и, естественно, мало что можно было разглядеть в любом направлении, даже на расстоянии десятка футов. Потеря компаса делала их беспомощными. Меллори не сомневался, что найдет деревню – это так просто: пойти вниз по склону и шагать до тех пор, пока не наткнешься на ручей, бегущий через всю долину. Затем по ручью двигаться на север, пока не достигнешь Маргариты. Но что будет, если этот снег помешает отыскать на обратном пути крошечную пещерку в громадной горной пустыне...

Меллори едва не вскрикнул – железная рука Миллера ухватила его за локоть, и потянула вниз, в снег. Он прикрыл козырьком ладони глаза от снега и стал вглядываться в бархатное белое покрывало, вихрями поднимающееся перед ним в темноте. Наконец всего в нескольких футах впереди он разглядел темный приземистый силуэт. Осталось только наскочить на него.

— Это хижина, — тихо сказал он Миллеру на ухо. Он заметил ее еще раньше, после полудня. Хижина на пути между пещерой и Маргаритой. Почти по прямой линии. Облегченно вздохнул, чувствуя прилив уверенности: через полчаса, а то и раньше они будут в деревне.

— Элементарная координация, мой дорогой капрал, — пробормотал он. — Потеряться, да еще ходить по кругу! Чуть больше веры в... — он умолк: пальцы Миллера еще крепче впились в его локоть, а лицо оказалось совсем близко.

— Я слышал голоса, начальник, — едва выдохнул он.

— Ты уверен в этом? — засомневался Меллори, заметив, что пистолет с глушителем все еще в кармане Миллера.

Миллер помедлил.

— К чертям собачьим, начальник, ни в чем я не уверен, — раздраженно прошептал он. — Последний час я только и делал, что воображал всякую чертовщину. — Он отбросил назад капюшон, чтобы лучше слышать, вытянулся вперед и через секунду снова склонился к Меллори. — Как бы там ни было, я уверен, что слышу что-то.

— Пойдем посмотрим, что там такое, — Меллори снова был на ногах. — Думаю, что ты ошибаешься. Это не могут быть егеря. Они наполовину влезли на Костос, когда мы их видели в последний раз. Такие хижины используются пастухами только в летние месяцы. — Он спустил предохранитель кольта 45-го калибра и медленно, полусогнувшись, двинулся вперед, к ближней стене хижины. Миллер шел рядом.

Они прижались к тонкой, обшитой толем стене и замерли. Через несколько секунд Меллори успокоился.

— В доме никого. Если там кто-то и есть, то ведет себя невероятно тихо, а так не бывает. Ты иди сюда, а я пойду тебе навстречу. У двери остановись. Она со стороны долины. Подальше обходи углы. Это никогда не подводит, если вдруг наткнешься на засаду.

Через минуту они были внутри хижины. Плотно прикрыли дверь. Прикрывая луч фонаря рукой, Меллори проверил все закоулки ветхого строения. Хижина совершенно пуста. Земляной пол, грубый деревянный топчан, развалившаяся плита и ржавый фонарь «летучая мышь» на ней. Вот и все. Ни стола, ни стула, ни трубы, ни даже окна.

Меллори прошел к плите, поднял фонарь, поболтал им в воздухе.

— Им уже много недель не пользовались, но керосин залит полностью. Очень полезен в нашей чертовой ловушке, если мы теперь вообще ее отыщем... — Он замер, будто врос в пол. Прислушался. Глаза уставились в пустоту, голова слегка склонилась набок. Мягко, очень бережно он опустил лампу и спокойно прошел к Миллеру. — Напомни, чтобы я извинился перед тобой, — пробормотал он. — Нас здесь целая группа. Дай мне твою пушку и продолжай говорить.

— Снова этот Кастельроссо, — громко пожаловался Миллер. Он и бровью не повел. — Это ужасно скучно. Китаец, бьюсь об заклад, на этот раз обязательно китаец. — Теперь он говорил сам с собой.

С автоматическим пистолетом у пояса Меллори бесшумно отошел от хижины фута на четыре и двинулся в обход. Он обогнул два угла и подошел к третьему, когда краем глаза заметил сзади неясную тень человека, мет-

нувшегося к нему от земли с вытянутой вперед рукой. Меллори отскочил в сторону, ловко повернулся и с ходу нанес кулаком яростный удар в живот нападавшего. С болезненным стоном, перегнувшись пополам, нападавший бездыханно рухнул на землю. Меллори перебросил пистолет в правую руку и, не мигая, уставился на распростертое тело, на примитивную деревянную дубинку, зажатую рукой в перчатке, на холщовую котомку за спиной. Он держал упавшего на мушке и ждал. Слишком это было легко, слишком подозрительно. Прошло полминуты, а тело на земле все не двигалось. Меллори коротко шагнул вперед и довольно сильно ударил лежащего по колену. Этот старый прием никогда, как он помнил, не подводил. Боль была короткой и резкой, но – ни звука, ни движения.

Меллори быстро нагнулся, свободной рукой ухватил наплечные лямки котомки, выпрямился и направился к двери хижины, полунесся, полуволоча по земле пойманного. Тот почти ничего не весил. «Даже на Крите пропорционально, конечно, не стоят такие крупные гарнизоны. Здесь, должно быть, намного меньше остается пищи для островитян, – огорченно думал Меллори. – Видать, и вправду слишком мало». Он пожалел, что ударил так сильно.

Миллер встретил его у раскрытой двери. Молча нагнулся, подхватил человека за щиколотки и помог Меллори швырнуть его на топчан в дальнем углу хижины.

– Неплохо, начальник, – похвалил он. – Я ничего не слышал. Кто здесь чемпион-тяжеловес?

– Не имею понятия, – Меллори покачал головой. – Кожа да кости, одни кожа да кости. Закрой дверь, Дасти, и поглядим, что мы тут выловили.

ГЛАВА 8

**Вторник.
19.00–00.15**

Маленький человечек зашевелился, застонал и кое-как сел. Меллори поддержал его за плечо, тот тряс головой, судорожно глотал, зажмурил глаза, и с трудом пытался прийти в себя – избавиться от гула в голове и радужных кругов перед глазами. Наконец он медленно поднял голову и в слабом отсвете зажженного фонаря оглядел сначала Меллори, потом Миллера и опять Меллори. Смуглые щеки его приобрели нормальный цвет, тяжелые темные усы возмущенно ошетинились, а глаза потемнели от гнева. Человечек рывком сбросил руку Меллори со своего плеча.

– Кто вы? – спросил он на чистом, почти без акцента, английском языке.

– Извините, но чем меньше вы узнаете, тем лучше, – улыбнулся Меллори, стараясь не особенно обидеть человечка. – Это будет лучше для вас же. Как вы себя чувствуете?

Человечек осторожно растер солнечное сплетение и с болезненной гримасой согнул ногу в колене.

– Крепко вы меня двинули.

– Пришлось. – Меллори пошарил рукой позади себя и достал отобранную у человечка дубинку. – Вы ведь пытались огреть меня вот этой штукой. Что же вы хотели? Чтобы я снял шапку и поставил голову, дабы получить удар посильнее?

– Вы меня развеселили. – Он снова согнул колено и с

враждебной подозрительностью глянул на Меллори. – У меня болит колено, – обвиняюще заявил он.

– Сначала о вас. Зачем дубинка?

– Хотел уложить вас и посмотреть, что вы за тип, – нетерпеливо пояснил он. – Это единственный безопасный способ. Вдруг вы из горного батальона. А почему мое колено...

– Вы неудачно приземлились, – не моргнув, ответил Меллори. – Что вы здесь делаете?

– Кто вы? – задал человек контрвопрос.

Миллер кашлянул и демонстративно глянул на часы.

– Все это очень увлекательно, начальник.

– Ты прав, Дасты. Мы проголодались. – Меллори протянул руку к котомке пойманного, взял ее и перебростил Миллеру. – Ну-ка посмотри, что там?

Как же! Человек даже не шелохнулся.

– Еда! – блаженно сказал Миллер. – Великолепный, прекрасный харч! Жареное мясо, хлеб, сыр, вино! – Миллер неохотно закрыл котомку и удивленно посмотрел на пойманного. – Дьявольски подходящее время для пикника.

– Так! Американец, янки, – ухмыльнулся человек. – Уже получше.

– Что вы хотите сказать? – подозрительно спросил Миллер.

– Оглянитесь, – любезно предложил человек и небрежно кивнул в дальний угол хижины. – Поглядите туда.

Меллори быстро обернулся и увидел, что они в ловушке. Он спокойно дотронулся до руки Миллера.

– Не оглядывайся и не трогай пистолета. Наш приятель,

кажется, не один. – Меллори сжал зубы и выругал себя за собственную тупость: «Голоса. Дасти говорил, что слышит голоса. Видать, я устал сильнее, чем думаю».

Высокий тощий мужчина загородил дверной проем. Лицо его закрывала тень натянутого на глаза капюшона. В руках оружие. «Короткий карабин «ли инфельд», – бесстрастно отметил Меллори.

– Не стреляй, – торопливо сказал человечек по-гречески. – Я уверен, что это те, кого мы ищем, Панаис.

Панаис! У Меллори стало легко на душе. Это имя называл Эжен Влакос тогда, в Александрии.

– Неплохой трюк, или как? – улыбнулся человечек Меллори, и тяжелые усы его забавно поднялись в уголках рта. – Я еще раз спрашиваю, кто вы такие?

– Спецкоманда, – незамедлительно ответил Меллори. Человечек удовлетворенно кивнул.

– Вас послал капитан Дженсен?

Меллори откинулся на топчан и облегченно вздохнул.

– Мы среди друзей, Дасти. – Он взглянул на стоящего перед ним человечка. – Вы Лука? «У первой оливы на площади в Маргарите...»

Человечек просиял. Поклонился и протянул руку.

– Лука. К вашим услугам, сэр.

– А это – Панаис?

Темный, мрачный, не улыбкающий человек в дверном проеме кивнул молча.

– Они и есть, – маленький человечек сиял от удовольствия. – Лука и Панаис. Так о нас помнят в Александрии и Каире? – с гордостью спросил он.

– Ну конечно! – Меллори спрятал улыбку. – Они очень

высокого мнения о вас. Вы и раньше много помогали в борьбе с немцами.

– И снова поможем, – живо ответил Лука. – Чем можем быть полезны?

– Пища, Лука. Нам требуется пища. Она очень нужна.

– Это у нас имеется, – гордо сказал Лука и указал на котомку. – Мы шли с ней в горы.

– Так вы шли к... – Меллори был потрясен. – Откуда вы узнали, что мы здесь? Или хотя бы что мы на острове?

Лука жестом остановил его.

– Это было нетрудно. Еще на рассвете немецкие отряды прошли через Маргариту к югу, в горы. Все утро они прочесывали восточный склон Костоса. Мы поняли, что кто-нибудь наверняка высадился. Вот почему рыщут немцы. И еще дошли слухи, что немцы перекрыли тропу через скалы на западе. Они не предполагали, что вы обойдете западный перевал, а вы их одурачили. И вот мы пришли и нашли вас.

– Но вы бы нас никогда не нашли, если...

– Мы бы нашли вас, – уверенно ответил Лука. – Мы с Панаисом знаем каждый камень, каждый кустик, каждую травинку на Навароне. – Лука поежился и выглянул наружу, в снежную заметь, – Вы не могли выбрать погоду получше?

– Не могли и похуже, – мрачно ответил Меллори.

– Да, прошлая ночь, – согласился Лука. – Никто не мог и ожидать вас прошлой ночью. В такой ветер и дождь. Никто и не услышал бы самолета. Никому и присниться не могло, что вы спрыгнете с...

– Мы пришли морем, – прервал его Миллер, небрежно махнув рукой, – и вылезли на южном клифе.

– Что? На южном клифе? – Лука не поверил. – Еще никому не удалось взобраться на южный клиф. Это невозможно.

– Примерно так же думали и мы, когда уже наполовину взобрались, – откровенно признался Меллори. – Но тут Даста прав. Так оно и было.

Лука отступил на шаг. Лицо ничего не выражало.

– А я говорю, что это невозможно, – категорически заявил он.

– Но он сказал правду, – спокойно заметил Миллер. – Вы когда-нибудь читаете газеты?

– А как же! Конечно, читаю, – возмутился Лука. – Что же вы думаете, будто я... как это у вас называется... неграмотный?

– Тогда вспомните. Незадолго до начала войны, – посоветовал Миллер. – Вспомните об альпинистах в Гималаях. Вы должны были видеть его фотографии не раз и не два, а сотни раз. – Он многозначительно посмотрел на Меллори. – Только в те времена он был, пожалуй, красивее. Да, вы должны помнить. Это Кейт Меллори из Новой Зеландии.

Меллори ничего не сказал. Он видел замешательство Луки, его вытаращенные глаза и склоненную набок голову. Что-то всплыло в памяти человечка, лицо осветилось широкой улыбкой, стершей остатки подозрительности. Лука шагнул вперед, дружественно протягивая руку.

– Клянусь небом, вы правы! Меллори! Конечно, я знаю. Чемпион, – он схватил руку Меллори и стал трясти ее с великим воодушевлением. – И правда, как говорит американец, вам следует побриться... да и выглядите вы старше.

– Да и чувствую себя стариком, – мрачно сказал Меллори. Кивнул в сторону Миллера. – Это капрал Миллер, американский гражданин.

– Еще один знаменитый альпинист? – с жаром спросил Лука. – Еще один горный тигр?

– Он поднялся на южный клиф так, как до него никто не поднимался, – откровенно сказал Меллори, взглянул на часы и посмотрел в глаза Луки. – Там, в горах, остальные. Нам требуется немедленная помощь, Лука. Нам она очень нужна. Прямо сейчас. Знаете, что грозит при поимке за помощь нам?

– Грозит? – Лука презрительно усмехнулся. – Грозит Луке и Панаису, наваронским лисам? Это немыслимо! Мы призраки ночи, – он забросил котомку за плечи. – Пошли. Отнесем еду вашим товарищам.

– Минуточку! – остановил его Меллори, и рука опустилась на плечо Луки. – Нам нужны печка и топливо. И еще нам нужны...

– Печка! Дрова! – Лука не поверил своим ушам. – Что у вас за друзья там, в горах? Шайка старух?

– А еще нам нужны бинты и лекарства, – терпеливо продолжал Меллори. – Один из наших товарищей в тяжелом состоянии. Мы боимся, что он не выживет.

– Панаис! – гаркнул Лука. – Быстро в деревню! – Теперь Лука говорил по-гречески.

Меллори рассказал, где находится пещера, Лука объяснил все товарищу, а убедившись, что тот понял его, на какой-то момент застыл в нерешительности, подергивая конец уса. Потом поглядел на Меллори.

– А сами вы сумели бы сейчас найти пещеру?

– Бог знает, – откровенно сознался тот. – Честно говоря, вряд ли.

– Тогда я пойду с вами. Видите ли, для Панаиса груз будет слишком велик: я ему велел прихватить одеяла... и не уверен, что...

– Я пойду с ним, – вызвался Миллер. Ему вспомнился подъем на клиф и длинный переход через горы. – Такая прогулка пойдет мне на пользу.

Лука перевел его слова Панаису, молчащему, по-видимому, из-за полного незнания английского языка. Но тот неожиданно запротестовал, да так бурно, что Миллер поглядел на него с удивлением.

– Что с этим солнышком? – спросил он Меллори. – Кажется, он не очень обрадовался.

– Говорит, что сам справится и хочет идти один, – пояснил Меллори. – Утверждает, что ему придется медленнее идти в горах из-за тебя. – Он покачал головой с притворным удивлением. – Словно кто-то может заставить Дасти Миллера идти медленно!

– Точно! – Лука прямо ошетинился от злости. Он заговорил с Панаисом, помогая словам жестами руки с вытянутым вперед пальцем.

Миллер обернулся и выжидательно поглядел на Меллори.

– Что он ему теперь говорит, начальник?

– Одну правду, – торжественно сказал Меллори. – Говорит, что тот должен гордиться, имея возможность идти с месье Миллером, знаменитым на весь мир американским альпинистом, – Меллори усмехнулся. – Панаис должен быть сегодня на высоте, доказав, что житель Наварона может ходить по горам не хуже и не медленнее других.

— О Господи Боже мой! — простонал Миллер.

— А на обратном пути не забывай подавать руку старине Панаису там, где покруче.

К счастью, ответ Миллера потерялся в неожиданно сильном порыве ветра и снега.

Порывы ветра усиливались. Резко хлестали густым снегом по склоненным лицам и выбивали слезы из прищуренных глаз. Тяжелый мокрый снег таял сразу, едва касался одежды. Они промокли насквозь, замерзли и ооченели. Липкий, вязкий снег приставал к подошвам, изматывал, наливал ноги свинцом. Они шли очень медленно, спотыкаясь и едва волоча ноги. Видимости никакой — даже собственные ноги не разглядеть. Они двигались в серо-белой бесформенной массе, вихрящейся, плывущей, порывистой, злой. Лука шел по склону наискосок, с той непоколебимой уверенностью, с которой ходят люди по дорожкам собственного сада.

Лука был проворным, как горный козел, и таким же неутомимым. Он непрерывно болтал, всем видом выражая радость человека, снова занятого делом. Неважно каким, лишь бы направленным против врага. Он рассказал Меллори о трех последних нападениях на остров, об их провале. Немцев каким-то образом предупредили заранее о налете с моря. Они ожидали и отряд специальной морской службы. А командос, со всем, что у них было, разнесли в пух и прах. Двум же группам парашютистов сильно не повезло, ибо из-за ряда непредвиденных оплошностей самолеты доставили их прямо в руки противника. Он рассказал и о том, как они с Панаисом едва избежали смерти,

пытаясь хоть чем-нибудь помочь парашютистам. Панаиса даже схватили. Но он убил двух часовых и ушел неопознанным. Лука рассказал о расположении немецких войск, о проверочных пунктах, разбросанных по всему острову, о постах на двух единственных дорогах и, наконец, о том немногом, что было ему известно о самом форте Наварон. «Панаис мог бы рассказать больше, – пояснил он, – Панаис дважды бывал в форте. Однажды провел там целую ночь». Он знал все закоулки форта и мог рассказать о пушках, контрольных помещениях, бараках, офицерских комнатах, артиллерийском складе, тайниках, о постах охраны.

Меллори тихо присвистнул – они и не надеялись столько узнать. Им еще нужно уйти от преследования, достичь форта и проникнуть в него. Но уж если они туда попадут... Панаис-то должен знать, как туда проникнуть... Сам того не замечая, Меллори ускорив шаги еще ниже пригнувшись к земле под яростными порывами ветра.

– Ваш друг Панаис – замечательная личность, – медленно сказал он. – Расскажите о нем еще, Лука.

– Что еще рассказать? – Лука мотнул головой от порыва ветра. – Что я знаю о Панаисе? Кто о нем что знает? Ему везет как дьяволу. Он отчаянно отважен. Скорее волк пощадит стадо и голодный лев ляжет с ягненком, чем Панаис будет дышать одним воздухом с немцами. Все знают это, но никто ничего не знает о Панаисе. Я благодарен Богу за то, что я не немец, пока Панаис здесь, на острове. Он бьет коварно, ночью, ножом в спину. – Лука остановился. – Руки его в крови.

Меллори невольно вздрогнул, вспомнив темную мрачную фигуру Панаиса, его бесстрастное лицо, запавшие глаза. Он начинал ему нравиться.

– О нем, конечно, можно сказать и больше, – возразил Меллори. – Вы же оба с Наварона...

– Да, так и есть.

– Ведь это небольшой остров и вы прожили на нем всю жизнь...

– А вот здесь-то майор и ошибается! – Повышение Меллори в звании было собственной идеей Луки. Несмотря на протесты Кейта, он, кажется, решил придерживаться ее до конца. – Я, Лука, долгие годы был за границей, помогал Влакосу. Месье Влакос, – с гордостью пояснил Лука, – очень важное лицо.

– Знаю, – кивнул Меллори. – Консул. Я встречался с ним. Отличный человек.

– Вы его встречали? Месье Влакоса? – Ошибиться было трудно: в голосе Луки слышались удовольствие и восторг. – Это здорово. Это великолепно. Вы мне потом расскажете про это. Он великий человек. Говорил я вам про это когда-нибудь?

– Мы говорили о Панаисе, – мягко напомнил Меллори.

– Ах да! Панаис. Я же сказал, что долгое время не был здесь. Когда вернулся, его здесь не было. Отец его умер. Мать вновь вышла замуж. Панаис уехал к отчиму и двум сводным сестрам на Крит. Его отчим то ли рыбак, то ли фермер. Его убили в бою с немцами невдалеке от Кандии в самом начале войны. Панаис взял лодку и помогал союзникам бежать с Крита. Его поймали немцы. Подвесили за кисти рук на деревенской площади. Там, где жила его семья. Это недалеко от Кастели. Его выпороли так, что были видны ребра и позвоночник. Для острастки другим. И оставили умирать. Потом сожгли деревню. А семья Панаиса исчезла. Вы понимаете, майор?

– Понимаю, – мрачно сказал Меллори. – Но ведь Панаис...

– Должен был умереть. Но он крепкий парень. Крепче сучка старого граба. Ночью друзья обрезали веревку и спрятали его в горах. Там он был, пока не выздоровел. Потом снова объявился в Навароне, Бог знает каким образом. Наверное, греб на маленькой лодке от острова к острову. Он никогда не говорит, зачем пришел обратно. Видать, ему доставляет больше удовольствия убивать немцев на своем родном острове. Не знаю, майор, могу только добавить, что еда, сон, свет, солнце, женщины, вино ничего не значат для этого дьявола. Меньше, чем ничего. – Лука остановился, – Он подчиняется мне, потому что я слуга Влакоса. Но и я его побаиваюсь. Убивать, убивать и еще убивать – вот смысл его жизни. – Лука замер и втянул воздух, словно ищейка, учуявшая беглеца. Нога об ногу обил снег с ботинок и уверенно двинулся наискось по склону. В правильности направления он не сомневался.

– Далеко еще, Лука?

– Двести ярдов, майор. Не больше. – Лука сдул снег с темных тяжелых усов и выругался. – Я вряд ли пожалею о том, что, наконец, добрался до места.

– Да и я тоже. – Меллори вспомнились ненадежное промозглое укрытие и мокрые камни пещеры почти с любовью.

Становилось все холоднее и холоднее. Ветер набирал скорость. Его стонущий вой разносился окрест. Приходилось сильно сгибаться, чтобы преодолевать его сопротивление. Неожиданно они остановились и глянули друг на друга. Вокруг была только снежная пустыня. Они склонили головы, вслушиваясь.

Никаких подтверждений, что им взаимно слышался неясный звук.

– Вы тоже что-то слышали? – спросил Меллори.

– Это всего-навсего я. – Меллори резко обернулся на басовитый густой голос: громадная белая фигура поднялась из снега. – Молочная цистерна на булыжной мостовой – ерунда по сравнению с тобой и твоим другом. Снег приглушал ваши голоса. Я засомневался, надо ли стрелять...

– Откуда ты взялся, Андреа? – Меллори глядел на него с удивлением.

– Шел за дровами, – объяснил Андреа. – Искал дрова. Поднялся вверх на Костос еще на закате солнца, когда снег немного перестал. Могу поклясться, что видел оттуда хижину в ложбине. Где-то недалеко. Темный квадрат ее отчетливо выделялся на снегу. Так я отправился...

– Вы правы, – перебил его Лука. – Это хижина старого Лэри, сумасшедшего. Он пас коз. Все его предупреждали, но Лэри не слушался никого и ни с кем не разговаривал, кроме своих коз. Он погиб в хижине от оползня.

– Плохой конец, – промолвил Андреа. – Старина Лэри все-таки согрел нас сегодня ночью. – Он резко остановился, увидев ложбину у самых своих ног. Проворно спрыгнул вниз. Крепкие, как у горной овцы, ноги пружинили. Дважды свистнул и чутко вслушался, ожидая ответа.

Кейси Браун встретил его у входа в пещеру с опущенным автоматом и отодвинул брезентовый полóg.

Чадающая сальная свеча, тяжело колыхнувшись языком пламени от внезапного порыва ветра, наполнила пещеру

тревожными движениями теней. Свеча догорала. Черный обугленный фитиль склонился почти на самый камень. Лука снял маскхалат и зажег новый огарок от гаснущего огонька. На миг обе свечи вспыхнули вместе, и Меллори впервые как следует разглядел Луку. Маленькую плотную фигурку в темно-синем пиджачке, обшитом черным шнуром по краю, с узорами на груди. Пиджачок плотно облегал тело и был перехвачен алым кушаком. Смуглое улыбающееся лицо, пышные великолепные усы, которые грек носил как знамя. Улыбчивый кавалер, д'Артаньян в миниатюре, весь увешанный оружием. Меллори увидел окруженные морщинками блеклые глаза, темные, печальные, словно навсегда усталые. Он успел заметить в них невыразимую скорбь. Огарок свечи вспыхнул и погас, а лицо Луки исчезло в тени.

Стивенс лежал, вытянувшись в спальном мешке. Дышал хрипло, часто, отрывисто. Он не спал, когда они вошли, но от еды и питья отказался. Отвернулся к стене. Забылся тяжелым больным сном. Казалось, он совсем не чувствовал боли. «Плохой признак, – мрачно подумал Меллори. – Самое худшее». Ему хотелось, чтобы Миллер возвратился поскорее.

Кейси Браун запил последние крошки хлеба добрым глотком вина, поднялся на окоченевшие ноги, отодвинул в сторону полог и грустно уставился в снежную круговерть. Передернулся, опустил брезент, продел руки в лямки передатчика, собрал в моток веревку, взял фонарь и подстилку. Меллори глянул на часы. Без четверти двенадцать. Вот-вот наступит время радиосвязи с Каиром.

– Хочешь еще раз попытаться, Кейси? Я бы в такую погоду собаку не выпустил.

– И я тоже, – угрюмо ответил Браун. – Но надо попытаться, сэр. Ночью прием намного лучше. Я собираюсь подняться по склону. Если бы я попытался это сделать днем, меня бы тут же засекли.

– Наверное, ты прав, Кейси. Тебе лучше знать. – Меллори с удивлением посмотрел на него. – А зачем набрал столько лишних вещей?

– Собираюсь накрыть приемник холстиной и сам залезу под нее с фонарем, – объяснил Браун. – А веревку закреплю здесь и размотаю по дороге. Мне все-таки хочется вернуться обратно.

– Неплохо, – одобрил Меллори. – И будь внимательней. Чуть выше ложбина сужается, превращается в настоящую пропасть.

– Не беспокойтесь обо мне, сэр, – решительно сказал Браун. – С Кейси Брауном ничего не случится. – Снежный порыв, хлопок брезента, и Браун исчез.

«Если Браун это сделает...» – Меллори поднялся, натянул капюшон на голову.

– За топливом, джентльмены. К хижине старого Лэри. Кто за полночную прогулку?..

Андреа и Лука встали одновременно. Меллори покачал головой.

– Хватит одного. Кто-то должен остаться со Стивенсом.

– Он крепко спит, – произнес Андреа. – Вряд ли с ним что произойдет, пока мы ходим за топливом.

– Об этом я не думаю. Но нельзя рисковать. Вдруг он случайно попадет в лапы немцев. Они заставят его говорить, так или иначе. Он в этом не будет повинен. Но все же его заставят говорить. Риск слишком велик.

– Ха! Вряд ли нужно беспокоиться, майор, – сказал Лука. – На милю вокруг нет ни одного немца, честное слово.

Меллори помедлил и улыбнулся.

– Ты прав. Я стал нервным. – Он нагнулся над Стивенсом и слегка потряхнул его. Парень пошевелился, застонал, медленно открыл глаза. – Мы пойдем за дровами, – сказал Меллори. – Вернемся через несколько минут. О'кей?

– Конечно, сэр. Что может случиться? Только оставьте пистолет и задуйте свечу. – Он улыбнулся. – И не забудьте предупредить, когда войдете.

Меллори наклонился, задул свечу. Пламя вспыхнуло и погасло. Люди и вещи в пещере утонули в полуночной тьме. Меллори повернулся на каблуках и вышел в летящий, несущийся снег. Андреа и Лука двинулись следом.

Через десяток минут они отыскивали полуразрушенную хижину, а еще через пять минут Андреа сорвал дверь с ржавых петель и вместе с топчаном и столом разбил ее на короткие доски. Вскоре они уже несли в каменное убежище столько дров, сколько могли захватить. Ветер, несущийся на север от Костоса, дул им прямо в лицо. Лица окоченели от холода и хлесткого снега, летящего почти со штормовой скоростью. Они облегченно вздохнули, оказавшись в ложбине перед входом в пещеру.

Не поднимая полога, Меллори тихо позвал Стивенса. Никто не ответил. Он снова позвал. Чутко вслушался в молчание ночи. Повернул голову, быстро глянул на Андреа и Луку. Осторожно положил охапку топлива на снег, вынул кольт и фонарь. Скользнул за полог, одновременно щелкнув предохранителем и кнопкой фонарика.

Луч осветил пол у входа в пещеру, пополз дальше, остановился, снова двинулся в глубину, обшарил самые отдаленные углы, возвратился на середину и замер, словно его зажали в тисках. На полу валялся смятый спальный мешок. Стивенс исчез.

ГЛАВА 9

**Вторник. Ночь.
00.15–02.00**

– Значит, я ошибся, – промолвил Андреа. – Он не спал.

– Конечно, нет, – угрюмо согласился Меллори. – Он и меня одурачил: слышал, что я говорил. – Его передернуло. – Теперь-то он знает, почему мы так старательно о нем заботимся. Теперь он знает, что был прав, не желая быть обузой. Представляю, что бы чувствовал я на его месте.

Андреа кивнул утвердительно.

– Нетрудно догадаться, почему он ушел.

Меллори быстро глянул на часы и вышел из пещеры.

– Прошло всего полчаса. Значит, ушел он не более двадцати минут назад. А то и меньше, чтобы случайно не наткнуться на нас. Он может только ползти на руках. За такое время дальше пятидесяти ярдов не уйдет. Мы найдем его в пять минут. Включите фонари и снимите капюшоны: в этой чертовой темени нас никто не обнаружит. Пошарьте вверх на склоне и в середине ложбины.

– Вверх по склону? – Лука держал Меллори за руку повыше локтя, в голосе слышалось удивление. – Но его нога!..

– Говорю вам, вверх по склону, – прервал его Меллори. – У Стивенса голова на плечах. И черт знает сколько мужества. Больше, чем мы предполагаем. Он думает, что мы недооцениваем его и сочтем, что он выбрал путь легче. – Меллори остановился на минуту и мрачно продолжал: – Любой на его месте и в таком состоянии не станет выбирать легкий путь. Пошли.

Они разыскали Стивенса ровно через три минуты. Тот, должно быть, подозревал, что Меллори не обманешь такой простой хитростью. А может быть, услышал, как они спотыкались в темноте, потому что умудрился залезть, как в нору, под навес снежного сугроба возле самого гребня ложбины. Это было идеальное укрытие, но его выдала нога. В мятущемся свете фонаря зоркий глаз Андреа заметил тонкий след крови, темнеющий на снежном насте. Стивенс был без сознания, когда его отыскивали. Истощение, холод и страшная боль в ноге доконали его.

Стивенса принесли обратно в пещеру, и Меллори попытался влить ему в рот глоток озо – жгучего, перехватывающего дыхание местного самогона. Стивенс поперхнулся, закашлялся. Брызги полетели изо рта, но кое-что он все же проглотил. Меллори с помощью Андреа подтянул шины на ноге и остановил сочащуюся кровь. Покончив с этим, они набросали на стонущего Стивенса всю сухую одежду, которую только могли найти. Меллори устало присел на камень, вынул из непромокаемого портсигара сигарету. Больше он ничего не мог сделать до тех пор, пока Дасти Миллер не вернется с Панаисом из деревни. Но и Дасти в его положении не смог бы сделать большего. Никто ничем не мог помочь Стивенсу.

Лука разложил костер у входа, возле самого полога. Старые сухие доски горели бездымно, с яростным треском. Сразу тепло растеклось по пещере, и все подвинулись ближе к огню. С потолка стали сочиться тоненькие струйки воды – таял снег – и растекаться по гравийному полу пещеры. От возрастающей жары пол превратился в болото. Но для Андреа и Меллори, впервые за последние тридцать часов оказавшихся в тепле, это была совсем малая цена за тепло. Меллори почувствовал, как тепло разливается по телу, каждая мышца расслабилась и заныла. Веки отяжелели и набухли сном.

Прислонившись спиной к стене, он совсем было заснул с дымящейся сигаретой во рту, но тут в пещеру ворвался холодный порыв ветра и вместе с ним появился усталый Браун. Кейси с трудом освободился от ремней передатчика. Обычная мрачность сразу покинула его. Глаза засветились при виде костра. С посиневшим лицом, дрожащий от холода, он сгорбился у огня. Молча вытащил неизменную сигарету и задумчиво уставился на языки пламени. Он не обращал внимания на клубы пара, обволакивающие его, на едкий запах спаленной огнем одежды. Он выглядел совершенно подавленным. «Не шутка, – подумал Меллори, – сидеть целых полчаса без движения на холодной промерзшей вершине». Меллори достал бутылку, налил темного рестимо – местного вина, сильно отдающего смолой, – и передал кружку Брауну.

– Опрокинь ее в глотку, – посоветовал он. – Так ты не почувствуешь привкуса. – Он пнул ногой ящик передатчика. – Опять не пофартило?

– Поймал, да еще как, сэр. – Браун весь скривился от

терпко-приторного вкуса вина, – Прием был первоклассный и здесь, и в Каире.

– Ты пробился! – Меллори весь подался вперед. – Ну и как? Они были рады услышать своих пропавших парней?

– Этого они не сказали. Первое, что они мне передали, был приказ заткнуться и помалкивать, – Браун задумчиво ткнул дымящимся ботинком в костер. – Не спрашивайте как, но им намекнули, что недавно на остров доставили два передвижных пеленгатора.

Меллори выругался.

– Пеленгаторы! Чертовски ловко! – Он мгновенно вспомнил случай из своей кочевой жизни, когда им с Андреа пришлось уходить в Белые горы Крита. – Черт бы их побрал, Кейси! На острове вроде этого, величиной с обеденную тарелку, они засекут нас с закрытыми глазами.

– Эге, сэр, это они смогут, – тяжело кивнул Браун.

– Ты что-нибудь слышал про эти станции, Лука? – спросил Меллори.

– Ничего, майор. Ничего, – Лука пожал плечами. – Не имею понятия, о чем идет речь.

– Сомневаюсь. Но это вряд ли существенно. Теперь поздно говорить об этом. Давай-ка отдохнем от веселых известий, Кейси.

– Вот это другое дело, сэр! Мне запретили принимать без специального приказа. Я связан кодовыми сокращениями, отрицаниями, подтверждениями, повторениями и все в этом духе. Длительную передачу разрешили лишь в одном случае – когда скрываться будет уже невозможно.

– Как в этой проклятой дыре, на милом Навароне, – промолвил Меллори. – Мама, я умираю в начищенных ботинках.

– При всем моем уважении к вам, сэр, сейчас не до шуток, – угрюмо сказал Браун. – Десантный флот, в основном катера и лодки, сегодня утром вышел из Пирея, – продолжал он. – Около четырех часов. Каир ожидает, что сегодня ночью десант будет пробиваться в район Цикладов.

– Это очень проницательно со стороны Каира. Где же еще они могут пробиться? – Меллори закурил вторую сигарету и невидящим взглядом уставился в огонь. – Как бы там ни было, а приятно услышать, что они на подходе. Не так ли, Кейси?

Браун молча кивнул.

– Вот и отлично. Спасибо, что пошел на связь. Теперь покури и немножко поспи, если сможешь. Лука считает, что до рассвета мы должны уйти отсюда к Маргарите. Зарыться там на целый день (у него на примете какой-то заброшенный колодец), а на следующую ночь двигаться в сторону города Наварона.

– Боже мой! – простонал Браун. – Сегодня сырая пещера. Завтра ночью – заброшенный колодец, быть может, наполовину заполненный водой. Где же мы остановимся в Навароне? В склепе местного кладбища?

– В нашем положении предложение Луки единственно приемлемое, – сухо сказал Меллори. – Будем надеяться на лучшее. Уйдем отсюда еще до пяти. – Он посмотрел на Брауна, укладывающегося рядом со Стивенсом, перевел взгляд на Луку.

Маленький человечек сидел на ящике по другую сторону костра, время от времени заворачивал нагретые камни в тряпки, прикладывал их к окоченевшим ногам Стивенса и

блаженно грел руки над пламенем. Наконец он почувствовал, что Меллори в упор глядит на него, и поднял глаза.

– Вы чем-то обеспокоены, майор? – проворковал он. – Вы кажетесь... как это у вас говорят... расстроенным. Вам не нравится мой план? Я думал, что вы согласны...

– Ваш план меня не волнует, – откровенно сознался Меллори. – Я даже о вас не беспокоюсь. Я волнуюсь за тот ящик, на котором сидите. В нем достаточно взрывчатки, чтобы поднять на воздух линкор. А ведь он всего в трех футах от огня. Не слишком это приятно, Лука.

Лука неловко заерзал на сиденье и потянул себя за ус.

– А я слышал, что, если тол бросить в огонь, он сгорит, как сосновое просмоленное полено.

– Истинная правда, – подтвердил Меллори. – Вы можете его ломать, крошить, резать, гнуть, прыгать по нему, колотить кувалдой. И в любом случае только разогреетесь от работы. Но если он начнет потеть в жаркой влажной атмосфере... Проклятье! В этой дыре становится слишком жарко и сыро.

– Вон его отсюда! – Лука поднялся на ноги и отступил подальше, в глубь пещеры. – Вон его отсюда! – Он немного помедлил. – Если только сырость и снег не...

– Его можно оставить и в морской воде без всякого вреда, – наставительно заметил Меллори. – Но в ящике лежат детонаторы и взрыватели, а они могут отсыреть. Я не говорю уж о ящике с детонаторами, который лежит рядом с Андреа... Мы уберем все наружу и прикроем палаткой.

– Ха! У меня есть план почище! – воскликнул Лука. – Хижина старика Лэри. Самое место. Точно! Оттуда можно взять ящик в любое время. А если придется смываться, то о взрывчатке можно не беспокоиться.

Раньше чем Меллори успел возразить, Лука наклонился над ящиком, кряхтя, поднял его и, согнувшись в три погибели, обошел костер. Он не ступил и трех шагов, как Андреа подошел к нему, отобрал ящик и сунул под мышку.

– Если позволите...

– Нет, нет! – оскорбился Лука. – Я сам справлюсь! Это мне ничего не стоит.

– Знаю, знаю, – примирительно сказал Андреа, – но взрывчатку необходимо нести особым способом. Меня специально обучали, – пояснил он.

– Вот как? А я и не знал. Тогда делайте так, как нужно. А я понесу детонаторы. – Честь Луки не была уязвлена, самолюбие было спасено. Он прекратил спор, поднял ящичек и торопливо засеменил вслед за Андреа.

Меллори глянул на часы. Ровно час ночи. «Миллер и Панаис должны вот-вот вернуться, – подумал он. – Ветер стал стихать. Снег совсем прекратился. Идти будет намного легче, а вот следы на снегу останутся. Они опасны, эти следы. Но не очень. К рассвету сойдем вниз, в долину. Снега там не должно быть, а если попадемся заснеженное пространство, обойдем по ручью, и следов не останется».

Огонь затухал. Сразу со всех сторон стал подползать холод. Одежда Меллори еще не высохла. Он вздрогнул, подкинул несколько досок в огонь, поглядел, как они разгораются, наполняя пещеру яркой игрой света. Браун уже спал, свернувшись калачиком на подстилке. Стивенс лежал без движения, спиной к нему, дышал часто и прерывисто. Один Бог знал, сколько ему еще осталось жить: он умирал, как определил Миллер, но ведь это такое неопределенное понятие. Ведь если искалеченный человек решит не уми-

рать, то становится самым стойким и выносливым существом на земле. Меллори и раньше приходилось видеть подобное. Жить, преодолевать страдания, вынести боль от ран – значит утвердить себя перед самим собой и остальными. А Стивенс был очень молод, самолюбив и страдал так, что желание выжить могло стать для него самым важным желанием в мире. Он, конечно, понимал, каким стал калекой. Он слышал, что об этом говорил Меллори. Он теперь сознавал, что Меллори заботится прежде всего не о его здоровье, а о том, чтобы ненароком не отдать его немцам, которые будут пытаться и могут получить сведения о целях группы. Он также знал, что крепко подвел друзей.

Невозможно предугадать, чем кончится борьба противостоящих сил в душе Стивенса. Меллори покачал головой, закурил новую сигарету, вздохнул и придвинулся поближе к огню.

Через пяток минут вернулись Андреа и Лука. Миллер и Панаис пришли следом за ними. Справедливости ради стоит отметить, что они слышали Миллера, когда тот был еще довольно далеко. Дасти спотыкался, падал, ругался не переставая, карабкаясь вверх по склону с тяжелым, неудобным грузом. Он перевалился через порог пещеры и, совершенно измотанный, рухнул возле костра. Меллори сочувственно ему улыбнулся.

– Ну как, Дасти? Панаис не слишком тебя обременял?

Миллер его не слышал. Он недоуменно уставился на огонь. Челюсть его отвисла и отвисала все больше: до его сознания доходила одна очень существенная мысль.

– Вот дьявольщина! Вы только поглядите! – Он крепко выругался. – А я потратил половину дьявольской ночи,

взбираясь на идиотские горы с плитой и таким количеством керосина, что хватит выкупать слона! И вот что я вижу, — он набрал полную грудь воздуха, желая рассказать, что именно видит он, но промолчал. Внутри его все клокотало.

— В твоём возрасте человек должен следить за давлением, — посоветовал ему Меллори. — Как вы все обстрипали?

— О'кей, кажется. — В руке Миллера появилась кружка с озо, и лицо его немного просветлело. — Принесли одеяла, аптечку.

— Если позволите, я заверну в эти одеяла нашего молодого друга, — прервал его Андреа.

— А еда? — спросил Меллори.

— Ага. Мы принесли жратвы, начальник. Целую кучу жратвы. Этот малый, Панаис, просто чудо. Хлеб, вино, козий сыр, колбаса с чесноком, рис — что угодно!

— Рис? — настала очередь удивиться Меллори. — Его теперь не достать на островах, Дасти.

— Панаис достанет, — Миллер здорово развеселился. — Он достал все это на кухне немецкого коменданта. Парень просто взял у Шкоды.

— У немецкого коменданта?! Ты шутишь!

— Простите, начальник, но это святая правда. — Миллер в один глоток осушил полкружки озо и удовлетворенно крякнул. — Бедный старина Миллер болтался у черного хода, и колени его стучали, как кастаньеты Каролины. Он был готов красиво смыться в любом направлении. А в это время сия кроха идет к двери и взламывает замок. У нас в Штатах он составил бы состояние на ночных взломах. Через пяток минут он притащил этот чертов чемодан. —

Миллер указал на него небрежным жестом. – Не только очистил кладовую коменданта, но и прихватил взаймы ранец, чтобы тащить все эти прекрасные штуки. Я говорю вам, начальник, общение с таким типом доведет меня до сердечного приступа.

– Но... но как же часовые, охрана?

– На ночь их, кажется, сняли. Старина Панаис – как пень. Слова не вымолвит, а если и скажет, то я не пойму. Теперь нас наверняка ищут всюду.

– Вас ищут, а вы так и не встретили ни души? – Меллори налил ему еще вина. – Неплохо сработано, Дасти.

– Заслуга Панаиса, не моя. Я только плелся за ним по пятам... Мы все же наткнулись на его дружков. Вернее, он их откопал. Они, должно быть, ему что-то рассказали. После этого он бегал возбужденный и пытался что-то мне объяснить, – Миллер беспомощно пожал плечами. – А что он мог! Мы работали на разных волнах.

Меллори мотнул головой в дальний угол пещеры, где голова к голове сидели Лука и Панаис. Лука слушал. Панаис что-то говорил тихо и быстро, жестикулируя обеими руками.

– Он и сейчас чем-то взвинчен, – в раздумье сказал Меллори и произнес громко: – В чем там дело, Лука?

– Плохо дело, майор, – Лука свирепо дернул себя за ус. – Скоро придется отсюда уходить. Панаис настаивает, чтобы мы ушли немедленно. Сегодня ночью, часов около четырех, немецкий гарнизон будет проверять все дома в деревне. Так ему сказали.

– Не простая проверка, как я понимаю? – спросил Меллори.

— Этого не случалось уже много месяцев. Они предполагают, что вы проскользнули мимо патрулей и спрятались в деревне, — рассмеялся Лука. — Я не знаю, что и сказать. Для вас это ничего не значит, конечно. Вас там не будет. Окажись вы там, все равно они вас не нашли бы. Однако благоразумнее появиться в Маргарите после проверки, попозже. А вот мы с Панаисом... Если нас не обнаружат в постелях, нам придется туго.

— Разумеется! Вам следует вернуться в деревню. Это мы должны рисковать. Но у нас имеется в запасе время. Через час вы уйдете. А пока о форте, — Меллори порылся в нагрудном кармане, извлек карту Эжена Влакоса, повернулся к Панаису и свободно заговорил на островном диалекте. — Давай, Панаис. Говорят, ты знаешь форт не хуже, чем Лука свою огородную грядку. Я уже кое-что знаю, но хотелось бы услышать подробнее о расположении пушек, о складах боеприпасов, энергетических установках, бараках, часовых, расписании караулов, выходах и входах, сигнальной системе, даже о том, где тени гуще, — словом, все-все, что тебе известно. Неважно, насколько мелкими покажутся тебе детали — и о них не забудь сообщить. Если дверь открывается не наружу, а внутрь, ты скажи. И такая деталь может спасти тысячу жизней.

— А как майор собирается проникнуть в форт? — спросил Лука.

— Не знаю. Не могу решить, пока не увижу форт. — Меллори заметил, что Андреа многозначительно посмотрел на него и сразу отвел взгляд. У них уже имелся план операции. Это был стержень всего дела, и Меллори не хотел говорить о нем без крайней необходимости.

Целых полчаса Меллори и трое греков сидели, согнувшись над картой в неясных отблесках пламени. Меллори проверял все, о чем говорили. Все, до мельчайших подробностей. И все наносил карандашом на карту. Панаису было что рассказать. Казалось невероятным, что человек может столько запомнить, побывав в форте только дважды. Особенно если учесть, что визиты были тайными, ночными. У Панаиса была феноменальная способность запоминать детали. Наверняка его почти фотографическую память подогревала ненависть к немцам. Панаис все говорил и говорил. Меллори убеждался, что надежды на успех операции растут с каждым словом грека.

Проснулся Кейси Браун. Несмотря на смертельную усталость, его разбудило бормотание. Он прошел к Стивенсу. Раненый бредил. Браун сообразил, что делать ему здесь нечего: Миллер чистил и бинтовал раны – единственно возможная помощь Стивенсу. И весьма действенная. Он подошел к костру, послушал, не понимая ничего: четверо говорили по-гречески, и вышел за полог подышать свежим ночным воздухом. Семь человек и постоянно горящий костер начисто съели весь кислород. В пещере было слишком душно.

Через полминуты он поспешно возвратился, плотно прикрыв за собой полог.

– Тихо! – шепнул он, махнув рукой в сторону входа. – Там что-то движется. Чуть ниже по склону. Я дважды услышал звук.

Панаис тихо выругался и повернулся на пятках, как дикий кот. Обоюдоострый, почти в фут длиной, металлический нож недобро блеснул в его руке. Он исчез за по-

логом раньше, чем кто-либо успел произнести хоть слово. Андреа было двинулся следом, но Меллори жестом остановил его.

— Стой, где стоишь, Андреа. Наш друг Панаис слишком горяч, — тихо промолвил он. — Там, быть может, никого и нет. Или ловушка? О черт!

Стивенс довольно громко забормотал.

— Теперь он начнет бредить. Нельзя ли сделать что-нибудь, чтобы...

Но Андреа уже склонился над раненым, взял за руку, гладил лоб и волосы и мягким голосом обращался к нему, как к ребенку. Стивенс не замечал его, продолжал бредить. Однако постепенно гипнотический эффект возымел действие. Бормотание перешло в шепот, а вскоре и вовсе прекратилось. Стивенс открыл глаза и посмотрел на грека совершенно осмысленно.

— Что это, Андреа? Почему вы...

— Шш-шш-шш, — Меллори поднял руку. — Я что-то слышу.

— Это Панаис, сэр. — Дасти выглянул в щель полога. — Ползет с гребня в ложбину.

Через несколько секунд Панаис был в пещере, сидел на карточках у огня, всем видом своим выражая отвращение.

— Никого нет, — доложил он. — Видел несколько коз внизу. Вот и все. — Меллори перевел его слова остальным.

— Кажется, это были не козы, — упрямо возразил Браун. — Это был совсем другой звук.

— Я посмотрю, — вызвался Андреа. — Хочу убедиться. Но не думаю, чтобы Мрачный мог ошибиться.

Андреа исчез так же быстро и бесшумно, как Панаис. Через три минуты он вернулся, покачивая головой.

— Панаис прав. Там никого нет. Я не увидел даже коз.

— Видать, это и были козы, Кейси, — сказал Меллори. — Но мне все это не по душе. Снег почти перестал. Долина, должно быть, кишит немецкими патрулями. Вам двоим пора уходить. Будьте осторожны. Если попытаются вас задержать, стреляйте. Все равно убитых припишут нам.

— Стреляйте! Насмерть! — сухо засмеялся Лука. — Совершенно лишний совет, майор. С нами Мрачный. Он по-другому никогда не стреляет.

— Так. Хорошо. А теперь сматывайтесь! Чертовски жаль, что вы замешаны в это дело. Но раз ввязались, спасибо тысячу раз за все, что вы для нас сделали. Увидимся в шесть тридцать.

— В шесть тридцать, — повторил Лука. — В оливковой роще на берегу ручья. Южнее деревни. Будем ждать.

Через две минуты они исчезли. В пещере стало тихо. Потрескивали угольки в затухающем костре. Браун встал на часы. Стивенс забылся беспокойным сном. Миллер на минуту склонился над ним, тихонько прошел к Меллори через всю пещеру с мотком смятых бинтов в руке.

— Понюхайте-ка, начальник, — тихо сказал он, протягивая их Кейту.

Меллори втянул ноздрями воздух, резко отдернул голову и сморщил нос от отвращения.

— Боже мой, Дасты! Какая мерзость! — Он умолк, ожидая услышать неизбежный ответ Дасты. Знал, что скажет Миллер, но все же спросил: — Что это?

— Гангрена, — Миллер тяжело присел рядом, бросил бинты в огонь. В голосе слышались усталость и безразличие. — Газовая гангрена. Распространяется, как лесной пожар. Все равно умрет. Я только время зря теряю.

ГЛАВА 10

Вторник. Ночь.

04.00–06.00

Немцы взяли их, усталых и сонных, после четырех утра. Они не оказали никакого сопротивления. Неожданность была полной...

Андреа проснулся первым. Тихий посторонний звук достиг той части его мозга, которая всегда бодрствовала. Грек повернулся на бок, приподнялся на локте. Рука его по обыкновению быстро и бесшумно потянулась к всегда готовому заряженному маузеру. Но белый луч мощного фонаря, пронзив темноту пещеры, ослепил его. Рука замерла еще до команды, произнесенной тем, кто держал фонарь.

– Ни с места! – слова сказаны почти на безупречном английском. Ледяная угроза звучала в голосе. – При малейшем движении – стреляю.

Включился еще фонарь. Потом еще один. И вся пещера уже была залита светом. Проснувшийся, но лежащий неподвижно Меллори до боли в глазах вглядывался в лучи. В мощных пучках света он едва видел неясные фигуры у входа, пригнувшиеся, с автоматами в руках.

– Руки за голову! Спиной к стене! – Категоричность и твердая уверенность голоса заставили их немедленно подчиниться. – Посмотрите на них как следует, унтер, – тоном мирно беседующего человека произнес тот же голос. Но ни фонарь, ни ствол пистолета не шелохнулись. – У них не дрогнули лица. Даже глазом не моргнули. Опасные люди, унтер. Англичане хорошо выбирают убийц.

Горечь захлестнула Меллори. Во рту скопилась вязкая слюна. Надежда исчезла. Но не совсем. Она имелась до тех пор, пока был жив Андреа. Он подумал о Брауне. Что с ним сейчас? Собрался было узнать о нем, но вовремя остановился.

— Как вам удалось нас найти? — спокойно спросил Меллори.

— Только дураки жгут можжевельник, — с апломбом сказал офицер. — Мы были на Костосе весь день и часть ночи. Даже мертвый мог бы учуять этот запах.

— На Костосе? — Миллер покачал головой. — Как вы выдержали?

— Хватит! — Офицер сказал кому-то сзади: — Сорвите полог. — Команда была отдана по-немецки. — И прикройте меня с обеих сторон. — Он едва заметно махнул фонарем. — Ну ладно, вы трое. Выходите и берегитесь. Поверьте, мои люди только и молятся о том, чтобы Господь послал им повод пристрелить вас, чертовы убийцы. — В ненависти немецкого офицера звучала и глубокая убежденность.

Кое-как, очень медленно, с руками на затылке все трое поднялись на ноги. Меллори не сделал и шага, как резкий голос немца остановил его.

— Стоп! — Луч фонаря осветил Стивенса. Тот был без сознания. Офицер резко махнул рукой в сторону Андреа. — Отойди в сторону, ты. Кто это?

— Не стоит его бояться, — спокойно сказал Меллори. — Он наш. Тяжело ранен. Умирает.

— Посмотрим, — твердо сказал офицер, — Отойдите в угол пещеры. — Он подождал, пока все трое перешагнут через Стивенса. Присел на корточки и медленно двинулся

вперед с пистолетом в одной руке и фонарем в другой, держась ниже линии огня прикрывающих его солдат. В его движениях, поступках и словах были холодный профессионализм и такая неизбежность, что сердце Меллори екнуло.

Офицер резко выбросил вперед руку с пистолетом и сорвал со Стивенса покрывало. Юноша был в агонии. Тело его била крупная дрожь, голова непроизвольно дергалась из стороны в сторону. Офицер быстро наклонился над ним, посмотрел на искаженное гримасой боли лицо, бросил взгляд на забинтованную ногу и на секунду брезгливо сморщил нос, учуяв гнилостный запах гангрены. Потом быстро встал и накрыл тело плащ-палаткой.

— Вы не обманули, — произнес он. — Мы не варвары. Мы не воюем с умирающими. Пусть останется на месте. — Он выпрямился и не торопясь пошел к выходу. — Остальные, выходи.

Снегопад прекратился. Меллори увидел на проясняющемся небе мерцающие звезды. Ветер упал почти до нуля, и стало значительно теплее. «К полудню снег растает», — подумал Меллори.

Он огляделся вокруг без всякого любопытства, небрежно. Не заметно, чтобы Кейси Браун был поблизости. Это приободрило Меллори. Младшему офицеру Кейси Брауну представилась возможность провести самостоятельную операцию. Два ряда орденских колодок (орденов он никогда не носил) убедительно доказывали его смелость. У него солидный стаж и отличная репутация партизана, а в руках — автоматическая винтовка. Если бы он оказался где-нибудь поблизости... Словно прочитав его мысли, немец не оставил Меллори ни капли надежды.

— Вы интересуетесь своим часовым? — с издевкой спросил он. — Не беспокойтесь, англичане, он недалеко отсюда. Спит на своем посту, и, боюсь, спит слишком крепко.

— Вы убили его? — Пальцы Меллори невольно сжались в кулаки.

Офицер безразлично пожал плечами.

— Право, не знаю. Не могу сказать. Один из моих людей лег на дно балки и стал стонать. Отлично стонал, жалостливо. Даже меня тронул. А этот ваш болван отправился посмотреть. Я оставил еще одного человека наверху. Он держал винтовку за ствол. Уверяю вас, дубинка получилась эффектная.

Меллори медленно разжал кулаки и стал бездумно смотреть вдоль ложины. После того, что случилось ночью, Кейси не хотел опять оказаться в дураках и второй раз кричать «пожар». Конечно, он должен был сначала пойти и проверить. Меллори стало ясно, что Кейси и в первый раз что-то слышал. Но Панаис не похож на человека, который ошибается... И Андреа тоже никогда не ошибался... Меллори обернулся к офицеру:

— Ну, куда мы теперь направимся?

— В Маргариту. И очень скоро. Но сначала нужно выяснить одну вещь. — Немец опустил пистолет к поясу и выключил фонарь, который держал в правой руке. — Одна маленькая деталь, англичанин. Где взрывчатка? — выпалил он.

— Взрывчатка? — Меллори в недоумении вскинул брови — Какая взрывчатка? — безучастно спросил он. И, словно споткнувшись, упал на камни: фонарь в руке немца описал

дугу и опустился на его лицо. Удар был крепкий. Меллори приподнял голову, помотал ею, прогоняя радужные круги, медленно поднялся.

— Взрывчатка. — Фонарь снова покачивался перед ним. Голос немца был бархатистым и мягким. — Я спросил вас, где она?

— Не имею представления, о чем вы говорите, — Меллори выплюнул выбитый зуб и вытер кровь с разбитой губы. — Вот, значит, как немцы обращаются с военнопленными? — презрительно спросил он.

Офицер снова ударил его фонарем. Меллори ожидал удара и постарался отклониться. Удар пришелся по скуле, чуть ниже виска. Меллори рухнул в снег. Потом снова медленно приподнялся. Лицо горело. В глазахплыли круги. Окружающее виделось, как через мутное стекло.

— Мы воюем честно, — офицер тяжело дышал, сдерживая ярость. — Мы не нарушаем Женевских соглашений. Но это для солдат, а не для убийц и шпионов...

— Мы не шпионы, — оборвал его Меллори. Ему казалось, что голова вот-вот отвалится.

— Тогда где же ваша форма? — спросил офицер. — Вы шпионы. Я говорю, что вы шпионы и убийцы, которые бьют ножом в спину и перерезают горло, — голос его дрожал от гнева. Негодование было искренним.

— Режут людям горло? — Меллори недоуменно покачал головой. — О чем вы говорите, черт побери?

— Моему денщику, безобидному посыльному, совсем мальчишке, перерезали горло сегодня ночью. Он даже не был вооружен. Мы нашли его всего час назад... Да я только время теряю! — Он умолк и стал глядеть, как двое людей

поднимаются по склону. Меллори замер на секунду, проклиная случай за то, что дорога мальчишки пересеклась с тропинкой Панаиса. Этого никто иной сделать не мог. Он оглянулся, стараясь увидеть то, что привлекло внимание немецкого офицера. Сгорбленная фигурка, подталкиваемая штыком, медленно двигалась вверх по склону, следом за остальными. Меллори облегченно вздохнул. Это был Кейси Браун. Половина его лица превратилась в кровавую маску. Но он жив. И это главное.

— Так. Садитесь в снег. Все. — Немец обратился к солдатам: — Свяжите им руки.

— Вы что? Решили нас пристрелить? — спокойно спросил Меллори. Это ему нужно знать обязательно: если им оставалось только умереть, они могут умереть во весь рост, глядя смерти прямо в лицо, сражаясь. Но если им не суждено умереть сейчас, то всякая попытка сопротивления была бы самоубийственна. Нужно выжидать...

— К сожалению, не сейчас. Командир моей группы в Маргарите гауптман Шкода хотел бы поглядеть на вас сначала. Пожалуй, для вас было бы лучше, если б я пристрелил вас прямо сейчас, на месте. Но есть еще герр комендант в Навароне... офицер, командующий всем островом, — немец тонко улыбнулся. — Это всего лишь отсрочка, англичанин. Вы будете дрыгать ногами еще до захода солнца. В Навароне мы быстро разделаемся со шпионами.

— Но, герр капитан! — шагнул вперед Андреа с умоляюще поднятыми руками и сразу остановился: два винтовочных дула уперлись ему в грудь.

— Не капитан, а лейтенант, — поправил его офицер. — Обер-лейтенант Турциг к вашим услугам. Что тебе нужно, жирный? — спросил он презрительно.

— Шпионы! Вы сказали, шпионы. А я не шпион, — зачастил Андреа, опасаясь, что произносит слова недостаточно быстро. — Как перед Богом говорю, я не шпион. Я не ихний, — глаза его были расширены, задыхающийся рот конвульсивно дергался. — Я просто грек, бедный грек. Они заставили меня пойти сюда, как переводчика. Клянусь вам, лейтенант Турциг, клянусь.

— Ах ты, желтый ублюдок! — злобно прорычал Миллер и тут же застонал от боли, получив прикладом по спине, чуть выше почек. Он споткнулся, упал на четвереньки. И только тогда сообразил, что Андреа притворяется: Меллори достаточно было сказать всего полдюжины слов по-гречески, чтобы разоблачить ложь Андреа. Миллер перевернулся в снегу и слабо потряс кулаком, пытаясь выдать гримасу боли за ярость. — Ах ты, двуличный макаронник, предатель, проклятая свинья. Я тебя... — Миллер снова повалился в снег, получив удар в ухо тяжелым лыжным ботинком.

Меллори безмолвствовал. Он даже не поглядел в сторону Миллера. Стиснув зубы, сжав кулаки, глядел он на Андреа суженными щелками глаз. Он знал, что за ним наблюдает лейтенант, и чувствовал, что нужно до конца поддерживать Андреа. Он не догадывался, какую игру затеял Андреа, но, не колеблясь, стал бы подыгрывать Андреа до самой смерти.

— Так, — задумчиво произнес Турциг, — воры выходят из строя. Так... так? — Меллори почудились в его голосе нотки сомнения: лейтенант не хотел рисковать. — Неважно, жирный. Ты уже выбрал дорогу вместе с этими. Твой жребий брошен. Как это говорят англичане? Постелил по-

стель – ложись в нее... – Он равнодушно взглянул на громадного Андреа. – Для тебя, вероятно, придется заказывать специальную виселицу.

– Нет, нет, нет! – в страхе закричал Андреа на самой высокой ноте. – Я говорил вам правду! Я не ихний, лейтенант Турциг! Как перед Богом, я не ихний! – Он горестно заломил руки, а большое лунообразное лицо исказилось страданием. – Почему я должен умирать без всякой вины? Я не хотел идти сюда. Я не военный, лейтенант Турциг!

– Это я вижу, – сухо сказал Турциг. – Нужно порядочно шкуры, чтобы покрыть мешок желе такого размера. И каждый дюйм ее тебе дорог. – Он посмотрел на Меллори, потом на Миллера, все еще лежащего ничком в снегу. – Не могу поздравить твоих друзей с подобным выбором.

– Я вам все расскажу, лейтенант, все-все! – возбужденно напирал Андреа, желая убедить немца в своей искренности. – Я не друг союзников. Я вам это докажу, а потом, возможно...

– Ах ты, проклятый иуда! – Меллори заставил себя броситься вперед, но два дюжих солдата схватили его и вывернули руки за спину.

Секунду он сопротивлялся, потом выразительно посмотрел на Андреа.

– Если посмеешь открыть свою пасть, обещаю тебе, что не доживешь до...

– Спокойно, – голос Турцига был холоден. – С меня хватит дешевой мелодрамы. Еще слово, и ты будешь валяться рядом со своим другом. – Секунду он смотрел на Меллори молча, потом обернулся к Андреа. – Я ничего не обещаю. Я послушаю, что ты нам скажешь. – Он не пытался скрыть отвращения.

— Рассудите сами, — явное облегчение, надежда, серьезность и уверенность слышались в словах Андреа. Он помолчал, драматически простер руку в сторону Миллера и Брауна. — Здесь нет ни одного рядового. Все они люди Джелико. Из специальной морской службы.

— Ты мне лучше расскажи о том, про что я сам не могу догадаться, — рявкнул Турциг. — Этот английский граф много месяцев торчит у нас под кожей как заноза. Если это все, что ты собирался сказать, жирный...

— Погодите! — Андреа поднял руку. — И все же они не обычные люди, а специально подобранные. Ударный отряд, как они себя называют. Прилетели вечером прошлого воскресенья из Александрии в Кастельроссо. Тем же вечером они отплыли из Кастельроссо на моторной лодке.

— На торпедном катере, — кивнул Турциг. — Это мы знаем. Продолжай.

— Вы знаете? Откуда?

— Неважно. Поспеши.

— Конечно, лейтенант, конечно, — ни одним движением Андреа не выдал чувства облегчения, которое он испытал. Николай, конечно, предупредил немцев. Но он наверняка не перечислил их поименно. Немцы, разумеется, не знали о присутствии в группе гиганта грека. Действительно, почему бы шпион должен был предупреждать о нем особо? Если бы он так поступил, то для Андреа это означало бы конец комедии. — Торпедный катер высадил их где-то на островах севернее Родоса. Не знаю где. Там они украли каик. Проплыли на нем через турецкие воды. Там они встретили большой немецкий патрульный катер и потопили его... — Андреа сделал эффектную паузу. — Я был на

расстоянии около полумили от того места. На рыбачьей лодке.

Турциг подался вперед.

— Как им удалось потопить такую большую лодку? — Как ни странно, он даже не сомневался, что катер потоплен.

— Они притворились безобидными рыбаками. Такими, как я. Немцы с катера перед этим остановили и обыскали меня, — импровизировал Андреа подробности. — Так вот. Ваш патрульный катер подошел к ихнему каику совсем близко. Потом вдруг с обеих сторон стали стрелять автоматы, а в катер полетели два ящика. Пух-х! — Андреа сделал драматический жест. — Все было кончено.

— Мы думали... — тихо сказал Турциг. — Ну продолжай.

— Что вы думали, лейтенант? — Глаза Турцига сузились, и Андреа поспешно продолжал: — Ихнего переводчика убили в бою. Они хитростью заставили меня заговорить по-английски: я много лет прожил на Кипре. Схватили меня, а сыновьям моим велели плыть на лодке домой.

— А зачем им понадобился переводчик? — подозрительно спросил Турциг. — Многие английские офицеры говорят по-гречески.

— Я как раз подхожу к этому, — нетерпеливо продолжал Андреа. — Ради Бога, как я могу окончить свой рассказ, если вы меня все время перебиваете? Так. Где я остановился? Они заставили меня плыть с ними, а потом у них сломался мотор. Я не знаю, что случилось. Меня держали внизу. Мне кажется, что были мы где-то в бухточке, чинили мотор. А потом они пьянствовали. Вы и не поверите, лейтенант, что люди, которые идут на такое отчаянное дело, могут напиться. А потом мы поплыли снова.

– Напротив, я тебе верю, – кивнул головой Турциг, соображая что-то про себя. – Я тебе верю.

– Да? – Андреа сразу приободрился. – Так вот. Мы попали в страшный шторм. Лодка разбилась о южный утес этого острова. И мы влезли на...

– Стоп! – Турциг резко откинулся назад, и в глазах его мелькнуло недоверие. – Я почти поверил тебе. Я верил тебе, потому что нам известно больше, чем ты думаешь. Пока ты говорил правду. Но сейчас... Ты хитер, жирный. Но не настолько, как сам считаешь. Ты забыл об одной штуке, а может быть, и вовсе не знаешь о ней. Мы из Вюртембергского горного батальона. Мы-то знаем горы, приятель, получше, чем любые другие войска в мире. Сам-то я пруссак. Но взбирался на все стоящие вершины в Альпах и Трансильвании. Это я тебе говорю. На южный клиф взобраться совершенно невозможно. Абсолютно невозможно.

– Для вас, может, и невозможно, – грустно покачал головой Андреа. – Эти чертовы союзники вас еще побьют.

– Объясни! – отрывисто приказал Турциг.

– Так вот. Они знали, что вы знаете, что южный клиф не одолеть. Вот они и решили на него взобраться. Вы и подумать не могли о такой возможности. Вы и не предполагали, что группа высадится на Наварон именно таким путем. Но союзники пошли ва-банк и отыскиали человека, который может возглавить такую экспедицию. По-гречески он не говорит. Но это не имело значения, потому что единственное, чего они хотели, чтобы человек этот лазил по горам. Поэтому они выбрали величайшего альпиниста нашего времени. – Андреа сделал эффектную

паузу и драматически простер вперед руку: – И они вы- брали вот этого человека, лейтенант Турциг. Вы сами альпинист и должны его знать. Его зовут Меллори. Кейт Меллори из Новой Зеландии.

Раздалось резкое восклицание. Щелкнул выключатель. Турциг сделал два шага вперед и поднес фонарь к самому лицу Меллори. Неподвижно вглядывался он в стоящего перед ним человека. Меллори пытался отвернуться. Фо- нарь медленно опустился. Узкий луч описал полукруг пе- ред ногами пленного. Один, два, три... Раз десять. Турциг задумчиво кивнул головой.

– Конечно же, – промолвил он наконец. – Меллори. Кейт Меллори! Конечно, я знаю его. У меня в отделении нет ни одного парня, который хотя бы не слышал о нем, – он покачал головой. – Я-то должен был его сразу узнать! – Некоторое время он стоял с опущенной головой, бесцельно тыча носком тяжелого ботинка в мягкий снег. – До войны и даже теперь, во время войны, я был бы горд знакомством с вами. Был бы рад с вами увидеться. Но не здесь. Мне бы хотелось, чтобы они послали кого-нибудь другого! – Он помедлил, хотел еще что-то добавить, но передумал, про- молчал. Усталο обернулся к Андреа. – Приношу свои из- винения, жирный. Ты и вправду не врешь. Продолжай!

– Конечно! – Широкое лунообразное лицо Андреа расплылось в глупой и удовлетворенной улыбке. – Мы поднялись на клиф, как я уже сказал, хотя тот парень, что в пещере, сильно покалечился. И утихомирили одного ча- сового. Меллори убил его, – не моргнув глазом, добавил Андреа. – Это был честный бой. Почти всю ночь мы шли через перевал и потом нашли вот эту пещеру. Мы были

полумертвыми от голода и холода. С того времени мы здесь и сидим.

— И за это время ничего не случилось?

— Наоборот, — Андреа испытывал невероятное внутреннее напряжение. — К нам пришли два человека. Не знаю, кто они были. Они все время прятали лица. Я не знаю, откуда они пришли.

— Хорошо, что ты вспомнил об этом. Я узнал плиту, принадлежащую гауптману Шкоде, — мрачно сказал Турциг. — Это навело меня на мысль, что здесь еще кто-то был.

— Вот как! — Андреа поднял бровь, с вежливым удивлением на лице произнес: — Я этого не знал. Ну, они говорили немного и...

— Ты не слышал, о чем они говорили? — оборвал его Турциг. Вопрос бы задан так естественно и к месту, что у Меллори перехватило дыхание. Подвел к этому лейтенант отлично. Андреа попадется обязательно... Но в эту ночь грек был в ударе.

— Подслушать их! — Андреа сложил губы в умоляющую гримасу и выразительно глянул на небеса. — Лейтенант Турциг, сколько я могу повторять: я просто переводчик. Они могли разговаривать только через меня. Конечно, я знаю, о чем они говорили! Они собираются взорвать большие пушки в гавани.

— А я и не считал, что они явились сюда на курорт, — ядовито сказал Турциг.

— А, но вы ведь не знаете, что у них есть план форта. Вы не знаете, что Ксерос будет захвачен в субботу. Вы не знаете, что они все время в контакте с Каиром. У них радио. Вы не знаете, что английские миноносцы пройдут в пят-

ницу ночью через Мейдосский пролив. Тогда, когда замолчат орудия. Вы не знаете...

— Хватит! — Турциг хлопнул в ладони, лицо его осветилось возбуждением. — Так. Значит, королевский флот? Прекрасно, великолепно! Вот это я и хотел от тебя услышать. Ну, хватит. Побереги свое красноречие для гауптмана Шкоды. Он ждет нас. Пора отправляться. Но еще одна деталь. Взрывчатка. Где она?

Плечи Андреа уныло опустились. Он вытянул руки вперед ладонями.

— Увы, лейтенант Турциг, я не знаю. Они ее вынесли и спрятали куда-то. Кто-то сказал, что в пещере чересчур жарко. — Он махнул в сторону западного перевала, в сторону, прямо противоположную хижине Лэри. — Кажется, вон туда. Но я не уверен. Они мне не сказали, — он с горечью взглянул на Меллори. — Все британцы одинаковы! Никому не доверяют.

— Бог видит, я не могу их винить за это! — выразительно сказал Турциг и с отвращением поглядел на Андреа. — Больше чем когда-нибудь я желал бы видеть, как ты болтаешься на самой высокой виселице Наварона. Но господин комендант человек добрый и награждает информаторов. Ты, возможно, еще поживешь, чтобы предать еще несколько товарищей.

— Спасибо, спасибо! Я всегда знал, что вы справедливый человек. Я обещаю вам, лейтенант Турциг, что...

— Заткнись! — презрительно оборвал его немец. Он перешел на немецкий. — Унтер, прикажите связать этих людей. Да не забудьте и этого жирного! Потом мы его развяжем, чтобы он отнес раненого на пост. Оставьте одного

часового. Остальные идут со мной. Мы должны отыскать взрывчатку.

— А разве нельзя кого-нибудь из них заставить сказать, где она, герр лейтенант? — отважился вмешаться унтер.

— Единственный, кто сказал бы, не может этого сделать. Он уже выложил все, что знает. А остальные... я ошибся в них, унтер. — Он обернулся к Меллори, — Ошибка, герр Меллори. Мы все очень устали. Я почти сожалею, что ударил вас. — Он резко повернулся и быстро вскарабкался на гребень лощины. Через две минуты только одинокий солдат остался на посту.

Меллори в десятый раз беспокойно передвинулся, пытаясь ослабить веревку, связывающую руки за спиной. И в десятый раз осознал тщетность этих попыток. Как он только не извивался, как он только не изворачивался! Мокрый снег холодом проникал сквозь одежду. Он продрог до костей. Непрерывно дрожал. Но человек, вязавший узлы, знал свое дело. Меллори раздраженно подумал: уж не собирается ли Турциг со своими людьми провести всю ночь в поисках взрывчатки? Прошло более получаса с тех пор, как немцы ушли.

Он окончательно успокоился, откинулся в снежный пух, покрывший склон лощины. Задумчиво посмотрел на Андреа, который сидел прямо перед ним. Грек, извиваясь всем телом, пытался порвать веревку одним титаническим усилием, натягивал ее так, что она почти исчезала, врезаясь в кисти рук. Он начал это бесполезное дело сразу, как только часовой приказал им сесть в снег. Наконец, расслабив плечи, и он сдался. Сидел спокойно. Утешая себя тем, что с выражением крайней обиды смотрел на часового.

Всем видом он показывал, что с ним обошлись несправедливо.

«Прекрасная работа, – раздумывал Меллори. – Тем более замечательная, что она разыграна по ходу действия. Андреа сказал так много правды, так много того, что можно проверить. Верить во все остальное, им сказанное, нужно сразу, автоматически. Так и сделал Турциг. Но ему не сообщили ничего важного, этому немцу. Ничего, что немцы не могли узнать и без них. Разве вот об эвакуации гарнизона Ксероса на кораблях королевского флота...» Меллори неохотно вспомнил, что у него возникло опасение за игру Андреа, когда тот упомянул о Ксеросе. Но грек оказался на высоте. Скорее всего немец и сам бы до этого додумался. Нападение англичан на Наварон и налет немцев на Ксерос слишком совпадают по времени и взаимно связаны. А их спасение сейчас зависело только от точности, с которой сыграет свою роль Андреа. Насколько хорошо он выдаст себя за того, кем прикинулся. И соответственно от степени относительной свободы, которую он получил бы таким путем. Меллори не сомневался, что именно упоминание о Ксеросе склонило чашу весов в пользу Андреа. Даже то, что Андреа назвал субботу днем нападения, имело большое значение, ибо это вполне реальная дата, назначенная поначалу Дженсенем. Наверняка эту дату передали англичанам агенты немецкой контрразведки, справедливо полагавшие, что такую информацию союзники получат рано или поздно. Скрыть подготовку нападения от шпионов союзников практически невозможно. Если бы Андреа о миноносцах не упомянул, ему вряд ли удалось до конца убедить Турцига. Тогда они наверняка кончили бы на ви-

селищах Наварона, а пушки остались целехонькие и перетопили со временем весь королевский флот.

Меллори тяжело вздохнул, отвел глаза от Андреа и оглядел остальных. Браун и пришедший в сознание Миллер сидели со связанными руками, выпрямившись, неподвижно глядя в снег перед собой. Они отрешенно помаывали головами. Меллори отлично понимал, каково им сейчас приходилось. Но и у него самого вся правая половина лица ныла и болела. «Вокруг ничего! Ничего, кроме разбитых голов», — с горечью отметил Меллори. Он подумал и о Стивенсе: каково ему там! Лениво глянул мимо часового в сторону темного входа в пещеру. И застыл в непостижимом удивлении.

Медленно, с бесконечной осторожностью заставил себя отвести глаза в другую сторону, заставил себя казаться безразличным и равнодушно глядеть на часового. Немец расположился на ящике передатчика и держал палец на спусковом крючке шмайсера, лежащего у него на коленях. «Господи, хоть бы он не оглянулся, — снова и снова повторял про себя Меллори. — Пусть он посидит так еще немного, еще хоть чуть-чуть».

Несмотря на все старания, взгляд его упорно возвращался к черному отверстию пещеры.

Энди Стивенс медленно выползал оттуда. В неясном свете звезд было заметно, чего стоило ему каждое движение. Дюйм за дюймом полз он на животе, таща невероятный груз искалеченной ноги. Он опирался руками, подтягивался и продвигался немного вперед. Голова и плечи бессильно опускались на мокрый снег после каждого такого нечеловеческого усилия. Каждое его движение было поистине героическим.

«Хотя парень совсем измотан болью и обессилен, голова у него все-таки работает», – подумал Меллори. Плечи и спину Стивенс укрыл белой простыней. В руке альпеншток. Он, должно быть, слышал хотя бы часть того, что говорил Турциг. В пещере оставалось два или три автомата, и он мог бы пристрелить часового оттуда, но сообразил, что на выстрел прибегут немцы и будут в пещере раньше, чем он освободит друзей.

Стивенсу оставалось ползти пять ярдов. Самое большее пять ярдов. В ложбине, где их оставили, дул южный ветер. Звук его – шепот в ночи. Больше ни звука. Ни звука. Разве еще их дыхание... «Немец непременно услышит Стивенса, когда тот подползет поближе, – думал Меллори с отчаянием. – Наверняка услышит...»

Меллори опустил голову и громко закашлялся. Долго, беспокойно. Немец поглядел на него сначала с удивлением, потом с раздражением.

– Ну-ка, замолчи, – приказал часовой по-немецки. – Сейчас же прекрати кашлять.

– Hüsten? Hüsten? Кашлять, да? Не могу! – по-английски возразил Меллори. Опять закашлялся. Еще громче и еще продолжительнее, чем раньше. – Это вина твоего обер-лейтенанта, – выпалил он. – Выбил мне несколько зубов... – И Меллори снова изобразил приступ кашля. Через минуту он с трудом остановился. – Разве я виноват, что захлебываюсь собственной кровью? – вызывающе спросил он.

Стивенс был почти рядом – менее чем в десяти футах. Но его мизерные запасы сил истощились целиком. Он уже не мог подтягиваться на полную длину рук и преодолевал

каждый раз только жалкие дюймы. Видно, он окончательно обессилел. Замер. Минуту лежал без движения. Меллори показалось, что он потерял сознание. Но вот Стивенс снова подтянулся. На этот раз на полную длину рук. Опять стал продвигаться вперед и снова неожиданно и тяжело рухнул в снег. Меллори громко закашлялся. Но не успел отвлечь внимание немца. Часовой вскочил, повернулся всем телом и направил злой зрачок шмайсера на неподвижное тело, распростертое у самых ног. Увидев, что его тревога напрасна, немец успокоился, сообразил, кто это, и опустил ствол автомата.

— Так, — тихо сказал он. — Птенчик выпорхнул из гнезда. Бедный птенчик!

Меллори весь сжался, когда часовой взмахнул автоматом, будто бы готовый разбить беззащитную голову Стивенса. Но немец оказался не таким жестоким. Его жест был скорее символическим. Он остановил приклад всего в нескольких дюймах от измученного лица Стивенса. Наклонился. Бережно, почти по-отечески, забрал из рук раненого альпеншток. Потом осторожно поднял Стивенса за плечи. Свернул и положил под голову потерявшего сознание юноши белую простыню, с удивлением покачал головой и вернулся к ящику, на котором сидел до этого.

Гауптман Шкода — маленький, тощий человечек лет сорока. Аккуратный, подтянутый, очень злой. Что-то враждебно-недоброе выражала его вытянутая жилистая шея, торчащая из набитых ватой плеч мундира. Что-то отталкивающее было в невероятно маленькой яйцевидной головке, маячащей сверху на тощем тельце. Когда его

тонкие бескровные губы расходились в улыбке – а это случалось довольно часто, – открывался прекрасный набор зубов. Улыбка вовсе не освещала лицо, наоборот, подчеркивала желтизну кожи, неестественно натянутой на остром носу и скулах, сморщенной возле сабельного шрама, пересекавшего левую щеку от брови до подбородка. И – улыбался он или нет – глаза оставались всегда одинаковыми: неподвижными, черными, пустыми. В этот ранний час – не было еще и шести – гауптман уже тщательно одет, свежевыбрит, волосы, прямо зачесанные назад, влажно блестят. Он сидел за широким столом, и видеть его можно было только по пояс. Но всякий мог с уверенностью предположить, что отутюженные стрелки брюк и до блеска начищенные сапоги будут безупречны. Кроме стола, в комнате не было ничего – только скамейки вдоль стен.

Шкода улыбнулся обер-лейтенанту Турцигу, когда тот окончил доклад. Откинулся назад, поставил локти на ручки кресла и, перебирая тощими пальцами под подбородком, благодушно улыбался, скользя взглядом по комнате. Ленивые пустые глаза ничего не упустили: двое часовых у двери, еще двое – позади связанных пленных... Андреа, сидящий на скамейке возле Стивенса...

– Отлично сделано, обер-лейтенант Турциг, – промурлыкал он. – Очень, очень умело. – В задумчивости посмотрел он на стоящих перед ним людей, на их лица в запекшейся крови, перевел взгляд на лежащего без сознания Стивенса, снова улыбнулся и позволил себе слегка приподнять брови. – Какие-нибудь осложнения, Турциг? Пленные были не слишком... э-э-э... дружелюбными?

– Они не оказали сопротивления, герр гауптман, аб-

солютно никакого сопротивления, — холодно ответил Турциг. Тон, манера говорить были педантичными, корректными, но скрытая враждебность и антипатия светились в его глазах. — Мои люди, возможно, проявили излишний энтузиазм. Но мы не хотели ошибиться.

— Правильно, лейтенант, совершенно верно, — одобрил Шкода. — Эти люди опасны, а рисковать мы не можем. — Он оттолкнул назад кресло, легко поднялся на ноги, обогнул стол и остановился перед Андреа. — Может быть, и с этим нужно было поступить так же, лейтенант?

— Он опасен только для своих друзей, — коротко возразил Турциг. — Все так, как я вам говорю, герр. Чтобы спасти шкуру, он мать родную готов предать.

— И претендует на дружбу с нами? — задумчиво произнес Шкода. — Это один из наших храбрых союзников, а? — Он протянул тонкую холеную руку с печаткой тяжелого перстня и злобно ударил Андреа по щеке.

Андреа вскрикнул от боли, протянул ладонь к окровавленному лицу и отпрянул в сторону, закрыв голову локтями.

— Внушительное приобретение для армии третьего рейха, — промолвил Шкода. — Вы не ошиблись, лейтенант. Трус. Инстинктивная реакция на удар — безошибочный признак этого. Любопытно, — вслух раздумывал он, — как часто трусами бывают крупные мужчины. Часть процесса природной компенсации, полагаю я... Как тебя зовут, мой храбрый друг?

— Папагос, — угрюмо пробормотал Андреа. — Петер Папагос. — Он оторвал ладонь от щеки, посмотрел на нее медленно расширявшимися от ужаса глазами и сразу стал

вытирать о штанину торопливыми, судорожными движениями. На лице его было заметное всем отвращение.

Шкода, забавляясь, наблюдал за ним.

— Не выносите вида крови, Папагос, а? — предположил он. — И особенно своей?

Несколько минут прошло в молчании. Вдруг Андреа вскинул голову. Лицо его исказилось. Казалось, он вот-вот заплачет.

— Я только бедный рыбак, ваша честь! — начал он. — Вы смеетесь надо мной, говорите, что я не выношу вида крови. Это правда. Я не люблю войну и страдания. Я не хочу ничего этого. — Его огромные кулачищи просительно прижаты к груди, лицо сморщилось. Отчаяние было мастерски разыграно, и Меллори поймал себя на том, что почти принял все за чистую монету. — Почему меня не оставили в покое? Видит Бог, я не военный!..

— Весьма неточное заявление, — сухо оборвал его Шкода. — Факт этот совершенно очевиден для всех присутствующих в комнате. — Он постучал нефритовым мундштуком по крышке стола. Глаза гауптмана были задумчивы. — Ты называешь себя рыбаком?..

— Он проклятый предатель! — перебил Меллори немца, который слишком заинтересовался Андреа.

Шкода тут же обернулся, встал напротив Меллори, сложил руки за спиной. И, покачиваясь с пяток на носки, оглядел его с головы до ног.

— Так! — задумчиво сказал он. — Великий Кейт Меллори! Совсем иначе объяснил все наш жирный приятель вон там, на скамейке, а, лейтенант? — И, не ожидая ответа, продолжал допрос: — Какое у вас звание, а, Меллори?

— Капитан, — коротко ответил Меллори.

— Капитан Меллори, так? Капитан Кейт Меллори, величайший альпинист нашего времени. Кумир предвоенной Европы. Победитель самых невероятных горных пиков, — Шкода сокрушенно покачал головой. — И подумать только, так кончается слава. Вряд ли потомство признает ваше последнее восхождение величайшим: на виселицу в Навароне ведет всего десять ступеней, — Шкода улыбнулся. — Не очень веселая мысль, а?

— Я не думал об этом, — вежливо ответил новозеландец. — Меня остановило ваше лицо, — он нахмурился. — Уверен, что уже видел его где-то... — Он умолк.

— Неужто? — заинтересовался Шкода. — Может быть, в Бернских Альпах? До войны я часто...

— Да, вспомнил! — Лицо Меллори просветлело. Он затеял рискованную игру, но все, что отвлекало внимание от Андреа, было оправданным. Сияющими глазами он уставился на Шкоду. — Три месяца назад, в зоопарке Кипра. Марабу, пойманный где-то в Судане. Старый и паршивый марабу, как мне показалось на первый взгляд, — продолжал Меллори извиняющимся тоном, — у него была такая же тощая шея и такой же крючковатый нос, такая же лысая голова...

Меллори умолк, откинулся назад, пытаясь увернуться от кулака. Лицо Шкоды перекосилось, зубы гневно оскалились. Немец нанес ему прямой удар. Но хотя гауптман вложил в кулак всю свою силу, Меллори совсем не пострадал. Он покачнулся, сразу же выпрямился. И в тот же миг рухнул гауптман Шкода, закричав от боли: тяжелый ботинок Меллори сбил его с ног. Удар пришелся чуть по-

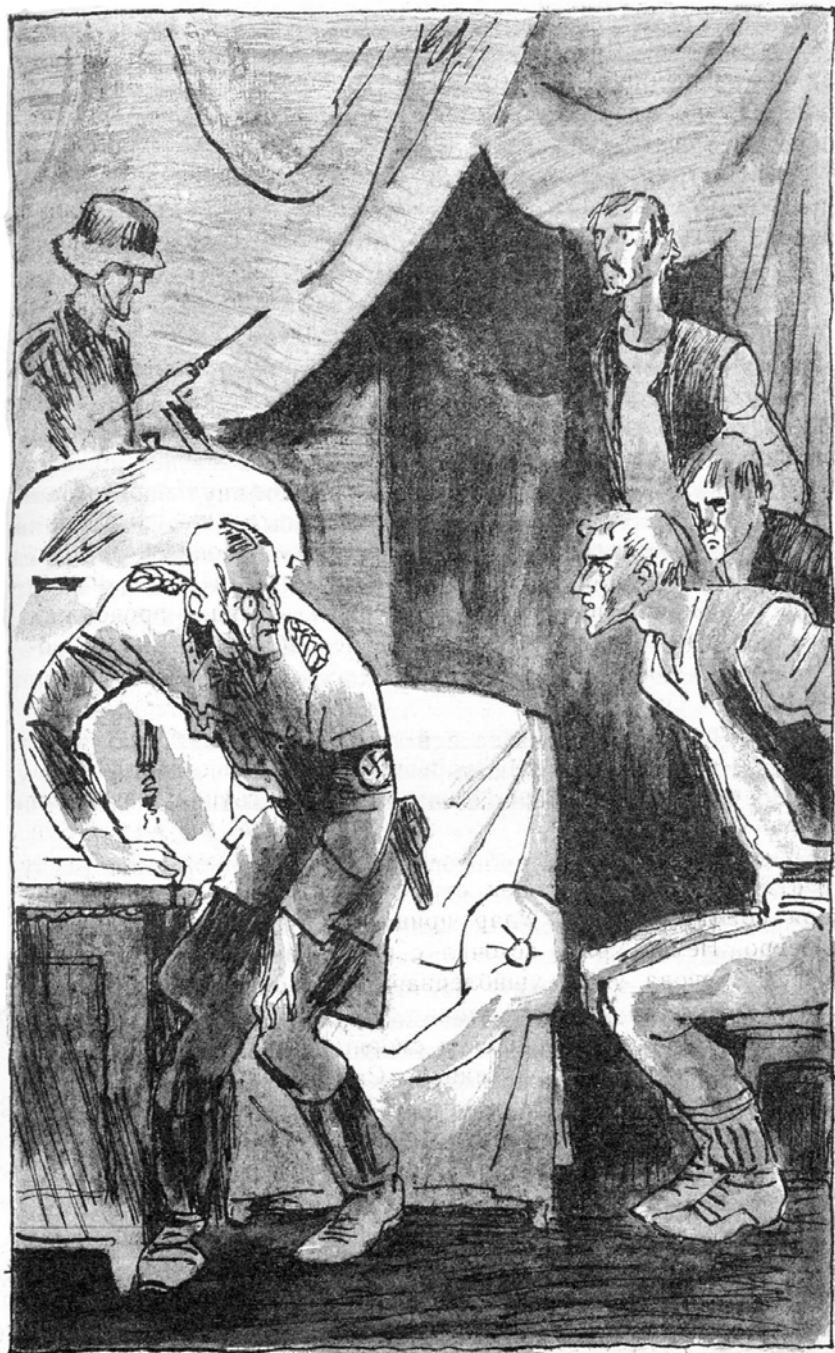
выше колена, в бедро. Немец сразу вскочил с пола, как кошка. Бросился вперед и снова упал: ушибленная нога подвернулась. Мгновение в комнате царила тишина. Шкода, придерживаясь за край стола, тяжело поднялся и сморщился от боли. Рот сжат в прямую жесткую белую линию. Сабельный шрам багровел на болезненно-желтом лице, утратившем свой обычный цвет. Ни на кого не глядя, Шкода медленно направился вокруг стола на свое место. Шарканье его рук по коже кресла било прямо по натянутым нервам пленников. Молчание не предвещало ничего доброго.

Меллори не двигался. Абсолютно спокойно наблюдая за немцем, он ругал себя в душе за собственную глупость.

Не оставалось сомнения, что Шкода его убьет. Однако Меллори не собирался умирать. Он знал, что раньше умрут Шкода и Андреа. Шкода – от ножа Андреа, Андреа – от пуль часовых. Нож – единственное оружие, оставшееся у грека, Андреа сделал вид, что вытирает кровь с лица рукавом. Его пальцы были в нескольких дюймах от ножен. «Дурак, дурак собачий», – снова и снова повторял про себя Меллори. Он скосил глаза на ближайшего часового. Тот стоял футах в шести-семи от него. «Часовой прикончит раньше, чем успеешь добраться до него, – подумал Меллори. – Очередь шмайсера разрежет пополам. Но надо попытаться, – решил Меллори. – Надо помочь Андреа любым способом».

Шкода выдвинул ящик, вытащил пистолет.

«Автоматический, – машинально отметил Меллори. – Маленькая вороненая курносая игрушка. Опасная игрушка. Именно такой пистолет и должен иметь Шкода...»

Гауптман неторопливо нажал кнопку, вынул и проверил обойму, ладонью вогнал ее обратно в магазин, щелкнул предохранителем и только после этого взглянул на Меллори. Глаза его ничуть не изменились. Они были холодны, темны и пусты, как обычно. Меллори бросил взгляд на Андреа и заставил себя опустить глаза. «Так вот, – подумал он в ярости, – вот как умирают чертовы дураки, такие, как я». Неожиданно он успокоился. Опять скосил глаза в сторону Андреа. Заметил, что громадная лапа грека опускается и в ней нет ножа.

Возле стола слышалась возня. Меллори оглянулся: Турциг прижал руку Шкоды с пистолетом к зеленому сукну.

– Только не это, – просительно сказал Турциг. – Только не это.

– Уберите руки, – прошипел Шкода. Его неподвижные пустые глаза сверлили Меллори. – Уберите руки, говорю вам, если не хотите отправиться на тот свет вместе с капитаном Меллори.

– Вы его не можете убить, герр гауптман, – настаивал Турциг. – Приказ герра коменданта достаточно ясен, гауптман Шкода. Командира группы нужно доставить живым.

– Его могли убить при попытке к бегству, – низким голосом сказал Шкода.

– Это не получится, – покачал головой Турциг. – Придется убить их всех. Иначе они скажут, как было дело, – он отпустил руку Шкоды, – Господин комендант приказал доставить командира живого, но не указал, насколько живым и в каком состоянии. – Он доверительно понизил

голос. — У нас могли возникнуть какие-то осложнения, когда мы пытались заставить капитана Меллори говорить, — пояснил он.

— Как? Как вы сказали? — Отвратительная улыбка неожиданно блеснула на лице Шкоды, и он пришел в равновесие. — Вы слишком усердны, лейтенант. Напомните мне, чтобы я поговорил с вами на эту тему. Вы меня недооцениваете: это я и хотел сделать — заставить Меллори говорить под страхом смерти. А вы все испортили. — Лицо его улыбалось, голос звучал легко. Но у Меллори не было на этот счет иллюзий: молодой лейтенант из горного батальона фактически спас ему жизнь. С таким человеком, как Турциг, можно легко подружиться, если бы не эта проклятая война. Шкода снова стоял перед ним. Пистолет остался на столе.

— Ну ладно. Оставим глупости. Не правда ли, капитан Меллори? — Белые зубы немца так и сияли в тусклом свете электрической открытой лампочки. — Ведь у нас впереди еще целая ночь.

Меллори посмотрел на него и отвернулся. В караульном помещении было душно, но он почувствовал, как неприятный холодок пробежал по телу. Стоящий перед ним немец весь был пропитан злобой. Меллори видел это.

— Но-но-но, теперь-то мы стали неразговорчивы, а, мой друг? — Он что-то замурлыкал под нос, потом резко вскинул голову, улыбка стала еще шире. — Где взрывчатка, капитан Меллори?

— Взрывчатка? — Меллори вопросительно поднял бровь. — Не знаю, о чем вы говорите.

— Так. Значит, не помните?

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Так, — Шкода снова что-то замурлыкал и подошел к Миллеру. — Ну, а вы, друг мой?

— Конечно, я помню, — весело сказал Миллер. — Капитан ошибся.

— Вот и умница, — проворковал Шкода. Но Меллори мог поклясться, что в голосе немца звучали нотки разочарования. — Продолжайте, друг мой.

— Капитан Меллори не замечает деталей, — растягивая слова, сказал Миллер. — В тот день я был с ним. Он оскорбил благородную птицу. Это был гриф, а не марабу...

На секунду улыбка исчезла с лица Шкоды. Потом снова появилась. Мертво застывшая, безжизненная, будто нарисованная.

— Они очень и очень остроумные люди. Не правда ли, Турциг? Как сказали бы англичане, прямо комедианты из мюзик-холла. Пусть посмеются, пока могут. Пока петля палача не затянется... — Он посмотрел на Кейси Брауна. — Может быть, вы?..

— Почему бы вам не запрыгнуть на самого себя с разбегу?

— Запрыгнуть на самого себя? Я что-то не понимаю идиомы. Но сомневаюсь, что это комплимент. — Шкода выбрал сигарету из плоского портсигара, задумчиво постучал ею по ногтю большого пальца. — Хм, нельзя сказать, что они собираются с нами сотрудничать, лейтенант Турциг.

— Этих людей не заставишь говорить, герр гауптман, — в голосе Турцига слышалась твердая уверенность.

— Возможно, и так, возможно, и так, — в тоне Шкоды не

было превосходства. – Как бы то ни было, я получу информацию, которая нужна. Буквально через пять минут. – Он подошел к столу, нажал кнопку, вставил сигарету в нефритовый мундштук и облокотился на стол. В его движениях были надменность и небрежная презрительность. Даже в том, как он скрестил ноги в сияющих сапогах.

Неожиданно открылась боковая дверь, и, подталкиваемые стволами винтовок, в комнату вошли двое. У Меллори перехватило дыхание, ногти яростно впились в ладони. Лука и Панаис. Лука и Панаис, связанные, истекающие кровью. У Луки – рана под глазом. У Панаиса пробит череп. Значит, их тоже схватили, несмотря на его предостережение! Оба в жилетах. Лука без своей богато расшитой куртки и алого кушака – станта. Не было на нем и того маленького арсенала оружия, который он носил. Выглядел он странно – жалко и скорбно. Странно потому, что лицо его покраснело от гнева, а усы топорщились яростнее обычного. Меллори равнодушным взглядом окинул маленького человечка. Лицо Луки тоже не выразило ничего.

– Ну же, капитан Меллори, – укоризненно сказал Шкода, – у вас и двух слов не нашлось, чтобы поприветствовать своих старых друзей. Нет? Или вы слишком удивлены? – ласково предположил он. – Или вы не ожидали такой скорой встречи? А, капитан Меллори?

– Дешевый трюк! – презрительно ответил Меллори. – Я никогда не встречал этих людей, – его взгляд скрестился со взглядом Панаиса. В глазах грека была черная ненависть, яростное недоброжелательство. И в этом было что-то отвратительное.

– Конечно, нет, – устало вздохнул Шкода. – О, конечно

же, нет! Человеческая память так коротка, не правда ли, капитан Меллори? – Вздох его был явно притворным. Шкода наслаждался, как кошка, играющая с мышью. – И все-таки попробуем еще раз. – Он подошел к скамье, на которой лежал Стивенс, сорвал одеяло и, прежде чем кто-либо смог догадаться о его намерениях, ударил ребром ладони по искалеченной ноге. Тело Стивенса содрогнулось в конвульсии, но сам он даже не застонал. Он был в полном сознании и улыбался Шкоде... Кровь сочилась по подбородку из прикушенной нижней губы.

– Вы не должны были так поступать, гауптман Шкода, – произнес Меллори почти шепотом, прозвучавшим неестественно громко в гробовом молчании комнаты. – Вы умрете за это, гауптман Шкода.

– Так... Да, я умру. – Немец снова ударил по сломанной ноге Стивенса и снова без результата. – Теперь мне придется умереть дважды, а, капитан Меллори? Этот молодой человек очень мужествен. Но у англичан мягкие сердца, не так ли, мой дорогой капитан? – Его рука плавно соскользнула вниз и обхватила ногу раненого за перевязанную лодыжку. – В вашем распоряжении ровно пять секунд. Вы должны сказать мне правду, Меллори. Иначе мне придется переставить шины... Gott im Himmel²⁵! Что происходит с этим здоровым болваном?!

Андреа сделал несколько шагов вперед. Он стоял в ярде от Шкоды, неверно покачиваясь на ногах.

– Выпустите! – Грек часто и отрывисто дышал, голова свесилась на грудь. Одной рукой он схватился за живот, а

²⁵ Господь небесный! (нем.)

другой держался за горло. – Я не могу этого вынести! Воздуху! Воздуху! Мне нужен воздух!

– Ах нет, мой дорогой Папагос! Ты останешься здесь и будешь наслаждаться... Капрал! Быстро! – Глаза Андреа закатились, были видны только белки. – Этот болван собирается потерять сознание! Уберите его, пока он не свалился!

Меллори скользнул глазами по двум часовым, поспешившим вперед, по лицу Луки, полному невообразимого презрения. Взглянул на Миллера и Брауна. Веко янки едва заметно мигнуло, голова Брауна слегка качнулась в сторону. Двое часовых с винтовками за плечами подошли сзади к Андреа. Меллори скользнул взглядом влево. Ближайший к нему часовой стоял менее чем в шести футах, погруженный в необычное зрелище полуобморочного и стонущего гиганта. Автомат немца слегка покачивался на боку. «Можно ударить в пах раньше, чем он успеет им воспользоваться...»

Меллори завороченно наблюдал, как руки Андреа скользили по плечам поддерживающих его солдат, как они обхватили их тела... Грек держал часовых в руках. Мышцы Огромного плеча резко сократились, а Меллори молниеносно бросил свое тело назад, в сторону часового. Плечом, с яростной силой ударил немца в живот, прямо в солнечное сплетение. Конвульсивное «ах», удар о деревянную стену, и Меллори сразу смекнул, что некоторое время часовой будет абсолютно неподвижен. И, уже падая на пол, Меллори услышал глухой звук стукнувшихся друг о друга голов... Он успел увидеть и четвертого часового, еле шевелившегося под тяжестью тел Миллера и Брауна. Андреа в

это время выхватил автомат у часового справа. Сжав шмайсер огромными руками, грек наставил оружие на Шкоду. Бесчувственное тело часового еще не упало наземь, а гауптман был под прицелом.

Все в комнате замерли. Не слышалось ни звука. Тишина обрушилась неожиданная и полная, но такая оглушительная после переполоха. Неожиданное потрясение привело немцев в оцепенение, близкое к шоку.

Внезапно тишина сменилась резким высоким стаккато, заполнившим небольшое пространство комнаты. Андреа молча и решительно всадил в сердце гауптмана Шкоды три пули подряд. Удар подбросил хилое тело немца над полом и швырнул на стену. Долю секунды гауптман походил на распятие, пригвожденное к стене, потом сник, кулем осел на землю: уродливая разбитая кукла, стукнувшаяся бездумной головой о край скамьи. Глаза немца оставались по-прежнему широко раскрытыми. Темные и пустые, какими были и при жизни.

Шмайсер описал плавную дугу. Турциг и сержант были на мушке. Вот Андреа, нагнувшись к ножнам на поясе Шкоды, вынул нож, перерезал веревки на запястье Меллори.

— Подержите, пожалуйста, автомат, капитан.

Меллори дважды согнул затекшие кисти, кивнул и молча взял автомат. Тремя большими прыжками Андреа преодолел расстояние до двери в прихожую, прижался к стене, жестом попросил Меллори держаться подальше.

Дверь внезапно распахнулась настежь. В дверном проеме Андреа увидел дуло винтовки.

— Обер-лейтенант Турциг! Was ist los? Wer schoss²⁶?..— Голос оборвался стоном, когда Андреа с размаху ударил подошвой ботинка в дверь. Через секунду грек был в прихожей, поймал падающее тело, оттащил его от двери и заглянул в соседнее помещение. После краткого осмотра закрыл дверь и защелкнул щеколду.

— Там больше никого, капитан, — доложил Андреа. — Кажется, всего один тюремный надзиратель.

— Отлично. Разрежь веревки у остальных, Андреа. — Он резко повернулся к Луке и улыбнулся, увидев комическое изумление на лице маленького человечка, расплывающееся в широченную улыбку.

— Где находятся остальные, Лука? Солдаты, конечно.

— В помещении, что в центре блока, майор. Это офицерские комнаты.

— Блока? Ты имеешь в виду...

— Проволочное ограждение, — коротко ответил Лука. — Десять футов высоты вокруг всего здания.

— Выходы?

— Всего один. Два часовых.

— Хорошо, Андреа, всех немцев — в другую комнату. Нет, вы, лейтенант, сядьте вот здесь, — он показал жестом на кресло возле стола. — Кто-нибудь обязательно придет. Скажете, что вы убили одного из нас при попытке к бегству. А потом пошлете за часовыми, которые у ворот.

Турциг секунду молчал. Невидящим взглядом проводил он Андреа, волочащего тела двух бесчувственных солдат. Криво улыбнулся.

²⁶ Что случилось? Кто стрелял? (нем.)

— Мне очень жаль, но придется вас разочаровать, капитан Меллори. Слишком много потеряно из-за моей слепоты и глупости. Я этого не сделаю.

— Андреа, — мягко окликнул Меллори.

— Да? — Андреа остановился в дверях.

— Я слышу, кажется, кто-то идет. Имеется ли выход из боковой комнаты?

Андреа молча кивнул.

— Наружу. К передней двери. Возьми нож. Если лейтенант... — он сказал это сам себе, потому что Андреа уже вышел, выскользнул через черный ход. Беззвучно, как призрак.

— Вы сделаете то, что я скажу, — тихо произнес Меллори и встал возле дверей в боковую комнату. Отсюда он хорошо видел и главную дверь, и проход между боковой стеной и второй дверью. Его автомат держал Турцига на мушке. — Если вы откажетесь, Андреа убьет человека у двери... Потом мы убьем вас и всех солдат в помещении. А потом перережем охранников у ворот. Девять трупов. И все ваше упрямство будет напрасно, потому что мы обязательно уйдем. А вот и он, — Меллори говорил шепотом, глаза его безжалостно блестели на жестком лице. — Девять трупов, лейтенант, вот сколько будет стоять ваше уязвленное самолюбие. — Последние слова Меллори нарочно сказал по-немецки, очень бегло и правильно. Рот его дернулся в ухмылке, когда он увидел безвольно опущенные плечи Турцига. Он выиграл. Турциг рассчитывал, что Меллори не знает немецкого. Теперь для него такой надежды не оставалось.

Дверь распахнулась. На пороге появился тяжело ды-

шаший солдат. С оружием, но одетый только в майку и брюки. Было видно, что ему холодно.

— Лейтенант, лейтенант, мы слышали выстрелы...

— Ничего особенного, сержант, — Турциг склонил голову над открытым ящиком стола. Он сделал вид, что ищет там что-то. Ему нужно было как-то оправдать тот факт, что он оказался в пустой комнате. — Один из пленных пытался бежать. Мы его остановили.

— Может быть, дежурного врача позвать?

— Кажется, мы остановили его навсегда, — устало сказал Турциг. — Утром можете его зарыть. А пока прикажи часовым у ворот зайти сюда на минуту. Сам иди спать, не то еще умрешь от простуды.

— Сказать что-нибудь сменному часовому?

— Конечно, не надо, — нетерпеливо возразил Турциг. — Я их зову всего на минуту. Кроме того, люди, которых нужно охранять, находятся здесь. — Губы его на секунду сжались, когда он вдруг понял случайную иронию своих слов. — И поспешите, у нас же не целая ночь впереди. — Он подождал, пока замер в отдалении торопливый топот сапог, и твердо взглянул на Меллори. — Вы удовлетворены?

— Абсолютно. Приношу вам самые искренние извинения, — спокойно сказал Меллори. — Я бы не хотел поступать так с вами, — он глянул на дверь: в комнату вошел Андреа. — Андреа, спроси у Луки и Панаиса, нет ли телефонного коммутатора в этом блоке? Скажи, чтобы разбили его, если имеется. И трубки пусть все разобьют. — Он улыбнулся. — А потом скорее возвращайся, чтобы встретить гостей. В делегации встречающих я без тебя буду как без рук.

Турциг проводил глазами широченную спину Андреа.

— Да, капитан Шкода был прав. Мне еще многому нужно научиться, — в его голосе не чувствовалось ни горечи, ни враждебности. — Этот громила меня совершенно одурачил.

— Не вы первый, — заверил немца Меллори. — Он одурачил столько, что даже я не знаю... Не вы первый, — повторил он, — но, кажется, вы счастливее всех прежних.

— Потому что я еще жив?

— Потому что вы все еще живы, — повторил Меллори.

Менее чем через десяток минут двое часовых, охранявших ворота, присоединились к своим приятелям в боковой комнатке. Связанные, обезоруженные, с кляпами во рту. Прodelана была операция их пленения так бесшумно и умело, с такой стремительностью, что Турциг невольно восхитился, хотя ему самому было отчего приуныть. Надежно связанный по рукам и ногам, он лежал в углу комнаты. Пока без кляпа.

— Теперь я понимаю, почему английское командование выбрало именно вас, капитан Меллори. Если кто и сможет преуспеть в этой операции, то только вы. Но и вы потерпите крах. Невозможное остается невозможным. И все-таки ваша команда просто великолепна.

— Перебьемся, — скромно сказал Меллори, последний раз оглядел помещение и улыбнулся Стивенсу. — Ну, готовы вновь отправиться в путешествие, молодой человек? Или вы считаете, что оно становится слишком однообразным?

— С вами готов куда угодно, сэр, — лежа на носилках, откуда-то добытых хлопотливым Лукой, он счастливо вздохнул. — На этот раз у меня будет первоклассное путе-

шествие, какое и подобает офицеру. Настоящая роскошь. Мне буквально все равно, куда мы теперь отправимся.

– Говори за себя, – угрюмо оборвал его Миллер: он первым должен был нести тяжелые носилки. Однако умильно изогнутые брови лишали его слова оскорбительного оттенка.

– Вот и хорошо. Отправляемся. И еще одна штука. Где ваша рация, лейтенант Турциг?

– Чтобы и ее разбили, как я полагаю?

– Именно.

– Не имею ни малейшего представления.

– А если я прикажу разmozжить вам голову?

– Это вы не сделаете, – безрадостно улыбнулся Турциг.

– В других обстоятельствах вы, может быть, и прихлопнули бы меня, как муху. Но человека, который отказался отвечать на подобные вопросы, вы убивать не станете.

– Не так уж и много вам придется усваивать, как считал ваш покойный, недоброй памяти капитан, – признался Меллори. – Это все не существенно для нас. Жаль, что вам приходится заниматься таким грязным делом. Надеюсь, что больше мы с вами не встретимся. По крайней мере до конца войны. Как знать, может быть, мы еще пойдем в одной связке... – он жестом приказал Луке заткнуть Турцигу рот кляпом и быстро вышел из помещения.

Через две минуты группа Меллори была далеко от барачных и совершенно затерялась в темноте оливковых рощ, протянувшихся на юг от Маргариты. Через много часов после того, как они прошли рощи, забрезжил рассвет. Черный силуэт Костоса четко обозначился в сером свете наступающего дня. Ветер дул с юга. Теплый, тихий. Снег на отрогах холмов стал таять.

ГЛАВА 11

**Среда.
14.00–16.00**

Весь день они пролежали в густой низкорослой оливковой роще. Деревца упрямо цеплялись за щебенку крутого склона. Невдалеке было место, которое Лука называл Чертовой песочницей. Укрытие оказалось плохим, неудобным, но лучшего они не нашли. Здесь хотя бы можно спрятаться, а рядом – удобная площадка для обороны. Легкий ветерок дул с моря, но солнце за день прогрело камни гор. Роща давала тень и спасала от солнечных лучей, льющих с утра до сумерек с безоблачного неба. Отсюда открывался великолепный вид на залитые солнцем, мерцающие Эгейи.

Вдали, слева от них, постепенно пропадая в переливающейся от синего до фиолетового голубизне моря, вытянулись Лерадские острова. На самом близком из них, Мейдосе, были отчетливо видны одинокие белые, сверкающие под солнцем рыбацкие домики. Узкую полосу воды и должны проскочить корабли королевского флота. Это произойдет всего через день или через два... Справа, изгибаясь наподобие ятагана, – берег Турции. Однообразный, без всяких примет. Северный край его оканчивается пиком мыса Демирки. Мыс далеко выступал в спокойную голубизну Эгейев. И еще дальше, к северу, будто выплывающий из морской глубины, лежал остров Ксерос. Казалось, он таял в пурпурной дали.

Этот вид захватывал дыхание, заставлял сильнее биться

сердце. Великолепная панорама, раскинувшаяся в просторе залитого солнцем моря! Но Меллори не стал любоваться прекрасным пейзажем. Он удостоил его лишь беглым коротким взглядом, когда встал на вахту минут тридцать назад.

Удобно пристроился он у ствола дерева, огляделся и устался в одну точку, пока не зарябило в глазах от напряжения. Бесконечные минуты он посвятил изучению того, что так долго жаждал увидеть. Жаждал увидеть и пришел разрушить, уничтожить. Он глядел на пушки форта Наварон.

Город и порт Наварон раскинулись вокруг полумесяца бухты. «Четыре-пять тысяч жителей», – прикинул Меллори. Бухта отделялась от моря узкой горловиной на северо-востоке. Эти морские ворота охраняли орудийные, минометные и пулеметные расчеты. Для ночного времени немцами припасены прожекторы. Все расположено в трех милях от рощи. Меллори видел каждое здание, каждую улицу, каждую шаланду и катер, стоящие у причала. Теперь он знал все и все помнил. И то, как плавно поднимается берег к западу, и как сбегает улочки к самому краю воды, и как на юге берег поднимается резко, почти отвесно, а улочки тянутся параллельно ему вниз, к старому городу. Он запомнил и утесы на востоке, изрытые, словно оспой, бомбами эскадрильи Торренса. Утесы, вздыбленные на сто пятьдесят футов над водной гладью и застывшие над ней в мрачной неподвижности. Он запомнил огромную гору вулканической породы над утесами, отгороженную от города высокой стеной. И наконец, внушительные ряды зениток, огромные антенны радаров, приземистые, с ма-

ленькими окнами казармы форта, сложенные из крупных диких камней, – все, что владычествовало над остальным пейзажем, включая и черную дыру в скале, ниже фантастически нависшего утеса.

Меллори машинально кивал головой, прочно запоминая все...

Вот она какая, крепость, которая вот уже восемнадцать месяцев сводила на нет усилия союзников в этом районе. Крепость, диктующая всю морскую стратегию в районе Спорадов с того самого времени, как немцы заняли большинство островов. Крепость, блокирующая все действия флота в треугольнике площадью две тысячи квадратных миль – между Лерадскими островами и турецким побережьем.

Только теперь Меллори понял, как все умно было здесь устроено. Крепость неуязвима для атаки с суши – немцы позаботились об этом. Неуязвима и с воздуха. Меллори убедился: посылать эскадрилью Торренса против этих громадных пушек, защищенных нависшим утесом и рядами зенитных батарей, просто самоубийство. Форт неуязвим и для атаки с моря – об этом позаботились эскадрильи люфтваффе с Самоса. Дженсен был прав: только партизанский диверсионный отряд имел шанс на успех. Ничтожный, мизерный, но все же шанс. На большее надеяться не следует. И это тоже понимал Меллори.

Он задумчиво опустил бинокль и потер усталые глаза тыльной стороной ладони. Пожалуй, роща была единственным местом на острове, самым близким к форту, откуда можно так хорошо изучить окрестность. Плюс к тому в роще они невидимы и находятся практически в полной

безопасности. Но все это заслуга не его, командира отряда, а исключительно Луки. Именно Лука нашел такое отличное место. Меллори криво усмехнулся: каково бы им пришлось без этого маленького человечка.

Они обязаны маленькому греку с печальными глазами и чем-то большим. Ведь именно Лука предложил двинуться от Маргариты вверх по долине, чтобы Андреа имел возможность прихватить взрывчатку из хижины старика Лэри, а заодно и убедиться, что за ними не идут по пятам; что погони нет и тревога еще не объявлена. Здесь они могли вступить в бой и при случае отойти через оливковую рощу к подошве Костоса, укрыться, исчезнуть в камнях. Это он провел их обратно, на север от Маргариты, когда они запутывали следы. Это он остановил их перед деревней, а сам вместе с Панаисом, как призрак в утренних сумерках, проскользнул домой за одеждой. Это он пробрался в гараж немецкого гарнизона, снял свечи зажигания с легкового автомобиля и грузовика — единственного транспорта немцев — и на всякий случай разбил у машин распределительные щитки. Это Лука вывел их по затопленной канаве прямо к контрольному посту. Они легко разоружили часовых, из которых лишь один бодрствовал. Это Лука настоял, чтобы они двигались по заброшенной дороге до тех пор, пока не оказались на шоссе всего в двух милях от города. А через сто ярдов они свернули влево, прошли по длинной наклонной полосе застывшей лавы, не оставлявшей следов, и наконец добрались до оливковой рощи. Перед самым восходом солнца.

Миллер и Андреа, дежурившие утром, сообщили, что видели, как наваронский гарнизон тратил час за часом на

повальные обыски в городе. «Это сделает следующий день в два-три раза относительно более безопасным, – прикинул Меллори. – Вряд ли назавтра немцы повторят обыск, а если и повторят, то уж наверняка не столь тщательно, как сегодня. Лука хорошо выполнил свои обязанности проводника...»

Меллори повернул голову, взглянул на Луку. Грек спал, примостившись на склоне между тремя деревьями. Он не шевельнулся ни разу в течение пяти часов. Меллори и сам смертельно устал – ноги ныли от ходьбы, глаза слипались. Поэтому он не решился лишить Луку и секунды отдыха. Грек заслужил свой отдых – он не сомкнул глаз всю прошлую ночь! Да и Панаис тоже. Однако Панаис уже проснулся, откинул длинные черные волосы со лба. Он перешел от сна к бодрствованию быстро, как кошка. Меллори знал одно – это опасный человек, отчаянный и беспощадный к врагам. Больше он не знал о Панаисе ничего, совершенно ничего. Меллори сомневался: узнает ли он когда-нибудь больше этого...

Выше по склону Андреа устроил сооружение из валежника и веток. Он вбил два шеста футах в пяти друг от друга и заполнял пространство между склоном и шестами до тех пор, пока не получилась более-менее ровная площадка шириной около четырех футов. На нее положили Энди Стивенса. Его принесли сюда на носилках. Стивенс глаз не сомкнул с тех пор, как их взял в плен обер-лейтенант Турциг. Раненый уже перешел грань, за которой не действуют привычные представления о возможностях человеческого организма. От пораженной гангреной ноги распространялся тошнотворный, отврати-

тельный запах гниения. Меллори и Миллер осмотрели ногу сразу же, как разбили лагерь в роще. Они сняли бинты, глянули бегло, улыбнулись друг другу и заверили Стивенса, что все хорошо и рана затягивается. Однако на самом деле ниже колена нога была совсем черной...

Меллори поднял бинокль, желая еще раз поглядеть на город, но в это мгновение кто-то скатился по склону и схватил его за руку. Расстроенный, озабоченный, сердитый Панаис указал на катящийся к западу диск солнца.

— Время, капитан Меллори? — Он говорил по-гречески, голос был низким, свистящим, требовательным. Такой голос и должен быть у мрачного, загадочной внешности человека. — Сколько сейчас времени? — повторил он.

— Половина третьего. Или около этого, — Меллори вопросительно поднял бровь. — Вы чем-то обеспокоены, Панаис?

— Вы должны были разбудить меня несколько часов назад!

«Да, он явно рассержен», — решил Меллори.

— Теперь моя очередь наблюдать.

— Но ведь вы не спали ночь, — заметил Меллори. — Мне показалось просто несправедливым...

— Теперь моя очередь наблюдать, говорю вам! — угрюмо настаивал Панаис.

— Ну хорошо. Если вы так настаиваете, — Меллори отлично была известна высокая яростная гордость островитян, чтобы спорить сейчас. — Бог знает что бы мы делали без вас и Луки. Я побуду с вами за компанию.

— Ах, почему вы позволили мне столько спать. — Панаис весь сморщился, в голосе и взгляде отчетливо чувствовалась обида. — Вы не верите мне, Панаису...

— Ох! Да Боже мой! — начал Меллори возбужденно, но сдержался и усмехнулся. — Конечно, мы вам доверяем. Пожалуй, я все-таки пойду и прилягу. Растормошите меня через час-другой.

— Обязательно, обязательно, — прямо-таки просиял Панаис. — Конечно, разбуджу!

Меллори забрался в середину рощи, выровнял площадку и растянулся на ней. Несколько секунд лениво наблюдал, как Панаис прохаживается взад и вперед, не выходя на опушку. Потом без всякого интереса смотрел, как Панаис взбирается на дерево, чтобы иметь лучший обзор, и, наконец, решил последовать примеру остальных, пока имеется такая возможность.

— Капитан Меллори! Капитан Меллори! — звучал требовательный голос, а тяжелая рука трясла за плечо. — Проснитесь! Да проснитесь же!

Меллори шевельнулся и, перевернувшись на спину, быстро раскрыл глаза. Над ним стоял Панаис. На угрюмом лице отражалась тревога. Меллори помотал головой, прогоня остатки сна, легким движением, быстрым и привычным, встал на ноги.

— В чем дело, Панаис?

— Самолеты! — торопливо ответил тот. — К нам приближается эскадрилья самолетов.

— Самолеты? Какие самолеты? Чьи?

— Не знаю, капитан. Они еще далеко. Но...

— В каком направлении? — оборвал его Меллори.

— Идут с севера.

Оба побежали к опушке. Панаис махнул рукой, указы-

вая направление, и Меллори увидел их – солнце отражалось от плоскости крыльев. «Штукас», – угрюмо определил он. – Семь, нет, восемь. Меньше трех миль отсюда». Самолеты летели на высоте двух с половиной тысяч футов двумя эшелонами – по четыре в каждом. Панаис потянул его за руку.

– Пошли, пошли, капитан Меллори, – возбужденно звал грек. – Нам нельзя терять времени. – Он рывком повернул Меллори и указал вытянутой рукой на угрюмые скалы, поднимающиеся за рощей. Скалы были невероятно выветрены и изрезаны оврагами. Порой овраги эти кончались так же неожиданно, как и начинались. – Чертова песочница! Мы должны сейчас же бежать туда! Бежим, капитан Меллори!

– Зачем это? – с удивлением посмотрел на него Меллори. – Нет основания считать, что они ищут нас. Откуда им знать, что мы здесь? Этого не знает никто.

– А мне плевать, – Панаис упрямо стоял на своем. – Я знаю. Не спрашивайте, откуда я знаю. Я и сам не знаю этого. Лука вам скажет: Панаис знает такие штучки! Я знаю, капитан Меллори, я знаю!

Меллори секунду непонимающе смотрел на него. Но серьезность и искренность грека не вызывали никакого сомнения. Пулеметная очередь слов перевесила чашу весов в сторону инстинкта против здравого смысла. Почти не сознавая, что делает, Меллори уже бежал по склону. Спотыкаясь и скользя по осыпи, он следовал за Панаисом. Все остальные тоже были на ногах. Они чего-то тревожно ожидали, торопливо надевая ранцы и вещмешки и не выпуская из рук оружия.

– Бегите к опушке рощи, вон туда! – крикнул Меллори. – Быстро! Придется прорываться к проходу в камнях. – Он указал на расщелину в скале, черневшей в сорока ярдах от их лагеря, и про себя благословил Луку за то, что тот нашел такое удобное место. – Ждите, пока я не позову.

Андреа уже бежал вверх по склону. Обхватив огромными ручищами носилки и одеяла вместе с телом умирающего, он ловко петлял меж стволов.

– В чем дело, начальник? – Миллер был на пригорке, рядом с Меллори. – Я ничего не вижу!

– Ты кое-что услышишь, если на секунду прекратишь болтать, – мрачно ответил Меллори. – Посмотри вон туда.

Миллер задрал голову вверх, в направлении вытянутой руки Меллори. И тут же засек самолеты.

– «Штукас»! – недоверчиво вымолвил он. – Целая эскадрилья этих проклятых «штукас»! Не может быть, начальник!

– Может. И еще как, – мрачно возразил Меллори. – Дженсен говорил, что фрицы сняли их с итальянского фронта. За последние две недели перегнали больше двухсот машин. – Меллори глянул на эскадрилью, которая была уже в полумиле от них. – Перегнали всю эту свору сюда, на Эгейи.

– Но ведь они не нас ищут, – возразил Миллер.

– Боюсь, что именно нас, – невесело ответил Меллори. – Оба эшелона бомбардировщиков перестроились в линию.

– Но... но... Но ведь они пролетают мимо...

– Нет, не пролетят, – бесстрастно сказал Меллори. – Они задержатся. Посмотри на ведущего...

Он не договорил, а первый в эскадрилье Ю-87 уже

резко отклонился влево, сделал полуразворот и с воим устремился с небес прямо на рощу.

— Оставьте его в покое! — закричал Меллори, — Не стрелять! — «Штукас» выровнялся над рощей: ничто не могло его остановить, разве только случайное попадание. Их положение нельзя было назвать блестящим. — Держите руки над головой, головы опустите к земле!

Сам он своему совету не последовал, увлеченный видом стремительного пике бомбардировщика. 500... 400 футов... Устрашающее крещендо мощного двигателя бо- лью отозвалось в ушах. «Штукас» быстро выходил из пике, сбросив бомбу.

Бомбу! Меллори опешил и резко сел, сверля глазами небесную голубизну. Не одну — целую дюжину! Бомбы летели кучно. Казалось, будто они касаются друг друга. Упали в середину рощи, ударяясь об узловатые карликовые деревца, ломая ветви и закапываясь по самые стабилизаторы в мягкую почву... Зажигалки! Меллори успел отметить, что немцы истратили не меньше половины бомб, которые ожили, забулькали, зашипели, разбрызгивая во- круг сверкающую массу расплавленного магния. Полумрак сразу исчез. Через несколько секунд ослепительное све- чение сменилось облаками смердящего дыма, сквозь ко- торые прорывались дрожащие маленькие красные языки пламени и бежали вверх по стволам. Вскоре всю рощу накрыло покрывало огня. «Штукас» набирал высоту. Се- редина старой и сухой рощи пылала яростным бушующим пламенем. Пришлось уходить.

Миллер толкал Меллори локтем, стараясь привлечь внимание к себе в реве огня.

— Зажигалки, начальник! — объявил он.

— А что же, вы думали, они сбросят? Спички? — коротко спросил Меллори. — Хотят выкурить нас, выжечь, выгнать на равнину. Фугаски в лесу не годятся. Это сработает. 99 шансов из ста. — Он закашлялся и посмотрел слезящимися глазами сквозь пелену едкого дыма. — Где Панаис?

Ответа не последовало.

— Панаис! — позвал Меллори. — Панаис!

— Может быть, он зачем-то вернулся? — Миллер остался. — Может, мне...

— Займись своим делом! — зло сказал Меллори. — И если что-нибудь случится со Стивенсом, я тебя... — но Миллер уже исчез, и очень вовремя. А рядом с Меллори стоял кашляющий Андреа.

Секунду Меллори был в нерешительности. Затем рванул вниз по склону, в самое пекло. «Может, Панаис пошел вниз? А английского он не знает...» Меллори едва прошел пяток ярдов, как пришлось закрыть голову и лицо руками — жар был невыносимым. Панаис попросту не мог бы там оставаться. В этом пекле он прожил бы всего несколько секунд. Судорожно хватая ртом воздух, с трещащими волосами и тлеющей одеждой, Меллори кое-как выбрался обратно. Натыкаясь на деревья, скользя, падая, вновь поднимаясь, он выбирался по склону на опушку.

Побежал к восточному краю рощи. И там никого. Повернул обратно, в другой конец — к балке, — полуослепший, нахватавшийся едкого перегретого воздуха. Никого... Так он бежал по роще, пока не стал задыхаться. Не было смысла в дальнейших поисках. Меллори ничего не мог сделать. Никто не мог бы здесь ничего сделать. Пришлось спасаться самому...

Ревел огонь. В ушах Меллори шумело. Кровь билась толчками в венах. Все время его сопровождал душераздирающий, воющий рев «штука», выходящих из пике. Отчаянным усилием воли Меллори бросил тело вперед по осыпающемуся гравийному склону, споткнулся и полетел вниз головой на дно овражка.

Ушибся он или нет – этого он не знал и знать не хотел. Судорожно хватая ртом воздух, вскочил на ноги, и заставил себя двигаться. Все вокруг заполонил гром моторов: эскадрилья снова шла в атаку. Он рухнул на землю, когда первая фугаска подняла столб земли, пыли и дыма чуть впереди, в сорока ярдах от него. Рядом с ним!..

Он снова кое-как поднялся и бросился вверх и вперед. «Сумасшедший, – горько повторял он. – Сумасшедший! Чертов сумасшедший! Послать людей на верную смерть! Он-то должен был об этом подумать! Господи, ему-то следовало это предвидеть! До этого мог додуматься любой младенец! Фрицы и не собирались бомбить рощу. Они видели только то, что было видно. То, что он сам сейчас видит. Они бомбили полосу дыма между рощей и скалами! Младенец мог бы...» – Земля разверзлась под ногами... Кто-то огромный подхватил его и швырнул на землю. Сознание растворилось во мраке...

ГЛАВА 12

**Среда.
16.00–18.00**

Раз, второй, третий пытался Меллори выбраться из темного оцепенения. И опять проваливался в бездну не-

бытия. Он старался как-то уцепиться за уплывающее сознание, но мозг отказывался служить ему. В голове стоял черный туман. Сознание исчезало, надвигалась вязкая мгла, терялась связь с реальностью, и оставалась только мертвая пустота. Он попытался открыть глаза. Безрезультатно: вокруг все та же тьма. Меллори был в ночи, хотя на небе ярко сияло солнце. В отчаянии он затряс головой.

— Ага! Смотрите-ка! Наконец-то он проявляет признаки жизни! — услышал Меллори тягучий голос янки. — Старый медик Миллер вновь торжествует победу! — На мгновение стало тихо: Миллер умолк, прислушиваясь к удаляющемуся реву моторов. Едкий дым стал щипать ноздри и глаза Меллори, но плечи обхватила рука, и в ушах снова зазвучал убеждающий голос Миллера. — Попробуйте-ка вот этого, начальник. Выдержанное бренди. Нигде нет такого.

Холодное горлышко бутылки коснулось губ, голова Меллори откинулась назад. После этой процедуры он сразу сел рывком, давась, захлебываясь, пытаясь вздохнуть. Крепкое, огненное озо обожгло рот и горло. Он хотел что-то сказать, но получился нелепый каркающий звук. Хватая ртом воздух, Меллори с негодованием таращил глаза на неясную фигуру. Перед ним на коленях стоял Миллер и, в свою очередь, смотрел на него с нескрываемым восхищением.

— Вот видите, начальник. Я же говорил, ничего похожего на это зелье нет. — Он с восторгом замотал головой. — Сразу пришли в себя! Моментально, как говорят ученые. Никогда не видел, чтобы контуженный так быстро оправлялся от шока.

— Какого черта ты мне подсунул? — требовательно

спросил Меллори. Огонь в горле поутих. Он мог, наконец, свободно вздохнуть. – Хочешь меня отравить? – и сердито затряс головой, пытаясь избавиться от тупой боли и крутящегося тумана, которые все еще держались в его мозгу. – Чертовски хороший лекарь? Говоришь, шок, а сам первым делом вливаешь дозу спир...

– Вставайте, – хмуро оборвал его Миллер, – иначе получите такой же шок, но похлеще. Через четверть часа братишка фриц прилетит обратно.

– Они улетели. Я уже не слышу моторов «штукас».

– На этот раз немцы нагрянут из города, – так же хмуро сказал Миллер. – Лука только что сообщил. Полдюжины бронетранспортеров и два полевых орудия со стволами длиной в добрый телеграфный столб.

– Ясно. – Меллори повернулся и увидел просвет между скал. Лука говорил, что это место называют «Маленький Кипр». Чертова песочница, изрытая сотнями пещер. Криво улыбнулся, вспомнив, как ему показалось, будто он ослеп и глаза выбило взрывом. Меллори опять обратился к Миллеру: – Снова беда, Дасти. Одни беды. Спасибо, что привел меня в чувство.

– Пришлось, – коротко ответил Миллер. – Нам бы вас далеко не утащить, начальник.

– Это не самое ровное место в округе, – кивнул Меллори.

– Да, конечно, – согласился Миллер, – но я имел в виду иное. Вас и нести-то некому. Кейси Браун и Панаис ранены, начальник.

– Что? Оба? – Меллори зажмурился и яростно замотал головой. – Боже мой, Дасти, я совсем забыл о бомбах. – Он схватил Миллера за руку. – Что с ними? Как?..

— Что с ними? — Миллер вытащил пачку сигарет и протянул одну Меллори. — Ничего страшного, если под боком госпиталь. Но чертовски жалко, коли им придется лазить по этим проклятым ложбинам и оврагам. В первый раз вижу каньоны, которые имеют такое же вертикальное дно, как и стены.

— Ты еще не сказал мне...

— Извините, начальник, извините. У обоих шрапнельные раны. И почти одинаковые: в левое бедро, чуть выше колена. В одном и том же месте. Кости не повреждены, сухожилия тоже целы. Я только что перевязал ногу Кейси. Рана у него нехорошая. Он это поймет, когда придется идти.

— А Панаис?

— Сам перевязался, — коротко ответил Миллер. — Странная личность. Даже не позволил мне взглянуть на рану. Не то что перевязать. Небось прирезал бы, если б я сунулся.

— Лучше к нему не приставать, — посоветовал Меллори. — У этих островитян имеются странные табу. Всякие запреты и суеверия. Пока-то он жив? Только неизвестно мне еще, как он здесь оказался.

— Он сбежал первым, — пояснил Миллер. — Вместе с Кейси. Вы их, вероятно, потеряли в дыму.

— А как сюда попал я сам?

— Первый правильный ответ не награждается, — Миллер ткнул пальцем через плечо в сторону огромной фигуры, загораживающей вход в пещеру. — Опять этот молодчик. Я хотел пойти с ним, но это ему почему-то не очень понравилось. Объяснил, что сомневается, будто легче тащить в

гору нас двоих. Я сильно оскорбился, – вздохнул Миллер. – Видать, я родился не героем, вот и все.

– Еще раз спасибо, Андреа, – улыбнулся Меллори.

– Спасибо! – возмутился Миллер. – Парень спас ему жизнь, а он: «спасибо»!

– После такой переделки не хочется произносить патетических речей, – сухо ответил Меллори. – А как Стивенс?

– Дышит пока.

– Небось там, за углом? – кивнул Меллори в сторону и сморщил нос.

– Да, дело серьезное, – признал Миллер. – Гангрена распространилась выше колена.

Качаясь как пьяный, Меллори встал на ноги и поднял автомат.

– Нет, правда, как он там, Дасты?

– Он уже мертв, но никак не хочет умереть. И все же он умрет к заходу солнца. Бог знает как он протянул до сих пор.

– Это может звучать самоуверенно, но я тоже знаю, – пробормотал Меллори.

– Первоклассная медицинская помощь? – с надеждой подсказал Миллер.

– Похоже на то, а? – усмехнулся Меллори, глядя на стоящего на коленях Миллера. – Но я вовсе не это имел в виду. Идемте, джентльмены, нам предстоит кое-чем заняться.

– Я гоюсь только, чтобы сыпать песок в моторы и подрывать мосты, – заявил Миллер. – Стратегия с тактикой слишком высоки для моего простого ума. Однако мне ка-

жется, что копошащиеся внизу толпы солдат выбрали довольно глупый способ самоубийства. Проще им застрелиться самим.

— Согласен с тобой. — Меллори поудобнее устроился за кучей камней на краю овражка, выходящего к обугленным, дымящимся останкам роши, и посмотрел вниз на солдат Альпийского корпуса. Немцы поднимались развернутым строем по крутому, совершенно открытому склону. — Они не дети, чтобы заниматься подобной игрой. Наверное, им это дело самим не нравится.

— Какого же черта тогда они прут на рожон?

— У них нет выбора. С фланга нас не атакуешь, — Меллори улыбнулся Луке, лежащему рядом с Андреа. — Лука выбрал отличную позицию. Чтобы зайти с тыла, им придется сделать большой крюк. Потом они целую неделю пробирались бы по дьявольским завалам, которые позади нас. Во-вторых, через час сядет солнце. А они знают, что поймать нас после наступления темноты нет никакой возможности. И, наконец, самая главная причина: коменданта города торопит главное командование. Слишком много у них поставлено на карту, чтобы рисковать. Даже если у нас имеется только один шанс из тысячи добраться до пушек. Вряд ли немцы позволят эвакуировать Ксерос у себя из-под носа, потерять...

— А почему бы и нет? — прервал его Миллер, широко разведя руками. — Куча бесполезных камней...

— Они не могут ударить в грязь лицом перед турками, — терпеливо продолжал Меллори. — Стратегическое значение этих островов в Спорадском архипелаге ничтожно. Однако огромно их политическое значение. Адольфу позарез ну-

жен союзник в этих краях. Поэтому он и отправил сюда самолетами тысячи солдат Альпийского корпуса. А «штукасы» – сотнями. Все, что у него есть, бросил сюда. Хотя они очень нужны на итальянском фронте. Но сначала ведь нужно убедить своего потенциального союзника, что ты – ставка верная. Только потом можно уговорить его оставить удобное, надежное место на заборе и прыгнуть на твою сторону.

– Очень интересно, – заметил Миллер. – Ну и что из этого?

– А вот что. Немцы не будут терзаться угрызениями совести, если наши автоматы разнесут в клочья тридцать или сорок их лучших солдат. Это не беда и ничего не стоит, если сидишь где-то далеко, за тысячи миль отсюда, в тихом кабинете. Пусть-ка они подойдут еще ярдов на сто... Мы с Лукой начнем с центра, а ты с Андреа приберешь их с флангов.

– Не нравится мне такая работа, начальник, – пожаловался Миллер.

– Не думай, что мне нравится, – спокойно ответил Меллори. – Убийство людей, которых заставили идти на верную смерть... Не я придумал. Даже не война виновата. Но если не мы их, так они нас перебьют, – он умолк и указал на гладкое, словно полированное, море, за которым мирно лежал Ксерос в золотистых лучах катящегося к западу солнца. – А что, по-твоему, нам делать, Дасти?

– Да знаю я, начальник, – неловко признался Миллер. – И так тошно. – Он напялил шерстяную шапочку до самых бровей и холодным взглядом окинул склон, – Когда же начнется массовое избиение?..

— Еще сто ярдов, говорю тебе, — Меллори опять взглянул вниз, в сторону берега, и довольно улыбнулся, найдя возможность переменить тему. — Никогда не видел, чтобы телеграфные столбы так быстро укорачивались, Дасти.

— Я ведь только повторил слова Луки, — смущенно оправдывался Миллер.

— Что тебе сказал Лука?! — возмутился маленький грек. — Как перед Богом, майор. Этот американо все врет!

— Наверное, я сам ошибся, — великодушно признался Миллер, уставился на пушки и наморщил лоб. — Та, первая, это, конечно, миномет. А что за чертовщина вот тот обрубок?

— Тоже миномет, — пояснил Меллори. — Пятиствольная штуковина. Очень вредная. «Небельверфер», или «Стонущий Микки». Воеет, как потерянные души в аду. Все колонки превратит в желе, особенно ночью. А нужно больше опасаться вон того... Шестидюймовый миномет. Наверняка ударит осколочными минами. После этого приходится куски лопатой убирать.

— Отлично, — гаркнул Миллер, — Подбодрите нас еще! — Но в душе был очень благодарен новозеландцу, потому что тот отвлек его мысли от дела, которым сейчас предстояло заняться. — А почему они не пустят в дело эти штуковины?

— погоди, еще придет срок, — заверил его Меллори. — Едва мы откроем огонь и они обнаружат нас...

— Да поможет нам Бог, — пробормотал Миллер. — Так вы сказали, осколочные мины?.. — Он угрюмо замолчал.

— Теперь — в любую секунду, — тихо сказал Меллори. — Надеюсь, среди наступающих нет нашего друга обер-лейтенанта Турцига. — Он достал бинокль и сразу

изумленно замер: Андреа, перегнувшись через Луку, поймал его руку раньше, чем он поднес бинокль к глазам. – В чем дело, Андреа?

– Я бы не стал пользоваться биноклем, капитан. Он уже выдал нас однажды. Я долго думал и пришел к выводу, что мы себя больше ничем не могли выдать. Свет, отраженный от линз...

– Конечно, конечно! А я-то решил... Кто-то из нас был неосторожен. Да, больше ничего не могло произойти... Даже если блеснуло только однажды. Блик сразу засекли немцы... – Он умолк, что-то припоминая, и криво усмехнулся. – Это могло случиться со мной... Началось все именно в то время, когда я был на часах. У Панаиса бинокля нет... – он сокрушенно покачал головой. – Наверняка я был неосторожен.

– Не верю, – откровенно сказал Андреа. – Вы не могли совершить такую ошибку, капитан.

– Не только мог, но и совершил. Поговорим об этом позже... – Рваная цепь солдат уже достигла нижней границы почерневших и обугленных остатков рожи. – Они довольно близко подошли. Я беру на себя белый шлем в центре, Лука. – Еще не закончив фразы, он услышал, как все трое приготовили автоматы, и почувствовал: волна отвращения подкатила к горлу. Но голос прозвучал достаточно твердо, ибо Меллори сразу успокоился и произнес небрежно: – Ну, хорошо! Дадим им прикурить!

Последние слова его потонули в отрывистом говоре автоматов. Четыре автомата – два брена и два девятимиллиметровых шмайсера! Это был не бой – избиение. Беззащитные солдаты на склоне, изумленные, еще ничего не

сообразившие. Они падали, как марионетки, выроненные сумасшедшим кукловодом. Некоторые замирали на месте, другие, нелепо раскинув руки и ноги, катились по склону, будто у них не было суставов, оседали на каменистую почву. Секунды три оставшиеся в живых были в растерянности. Наконец до них дошло все случившееся. Они в отчаянии бросались на землю, ища укрытия от потоков огня. И не находили его.

Частая, отрывистая дробь автоматов одновременно оборвалась. Звук обрезало, как гильотиной. Неожиданная тишина была еще оглушительней и навязчивей, чем грохот стрельбы. Меллори устроился поудобнее. Гравий резко скрипнул под подошвами его башмаков. Он посмотрел вправо. На Андреа с бесстрастным лицом, лишенным всякого выражения. На Луку, в глазах которого стояли слезы. Услышал тихое бормотание слева и обернулся к Миллеру. Дико и непрестанно ругаясь, янки колотил кулаком по острой щебенке.

— Еще одного, Господи Боже мой, — его тихий голос походил на молитву. — Все, что я прошу. Еще одного...

— Что с тобой, Дасти? — Меллори дотронулся до его руки.

Миллер искоса взглянул на него. Глаза янки оставались холодными и бездумными. Он не узнавал Меллори. Потом рука его машинально потянулась за сигаретой.

— Я только мечтаю, начальник, — с притворной веселостью ответил он. — Только мечтаю. — Он потряхнул пачкой сигарет. — Хотите одну?.. Попадись мне этот бесчеловечный ублюдок, пославший людей сюда, на этот холм, на верную смерть...

— Хорошо было бы увидеть его в прицеле автомата? — Улыбка Меллори сразу исчезла, когда тот утвердительно кивнул головой.

— Тут бы он и кончился, — янки рискнул выглянуть из-за большого камня и снова укрылся за ним. — Человек восемьдесят все еще там, начальник, — доложил он. — Эти несчастные ублюдки прямо как страусы, хотят спрятаться за камни величиной с апельсин... Пусть живут?

— Пусть живут, — с усилием повторил Меллори. Одна мысль об убийстве вызывала у него почти физическое отвращение. — Они не полезут сюда снова. — Неожиданно он умолк и стремительно распластался за камнем. Автоматная очередь прошла скалу над их головами и ушла вверх злым, воющим рикошетом.

— Ну что? Больше, значит, не полезут? — Миллер уже пристраивал шмайсер поудобнее, но Меллори поймал его руку и дернул назад.

— Это не автоматчики. Слушай!

Еще одна очередь, потом еще, а потом они услышали дикую трескотню пулемета, ритмично прерывающуюся почти человеческими вздохами пуль, свистящих в воздухе. Меллори чувствовал, как шевелятся на голове волосы от потревоженного ими воздуха.

— «Шпандау». Если раз в жизни услышишь «шпандау», то уже не забудешь. Им не стоит заниматься. Немцы наверняка поставили его в кузове грузовика. Вреда оттуда он особого не принесет нам... Меня больше беспокоят эти чертовы минометы.

— А меня нет, — быстро ответил Миллер. — Они же в нас не стреляют.

— Именно это мне и подозрительно. Что ты скажешь, Андреа?

— То же самое, что и вы, капитан. Они выжидают. Чертова песочница, как называет Лука это сумасшедшее нагромождение скал. Палить сюда немцы могут только наобум, вслепую.

— Больше они ждать не будут, — хмуро прервал Меллори грека и указал на север. — Вот их глаза.

Над высотами мыса Демирки поначалу были заметны только черточки, но теперь даже невооруженным глазом хорошо видны летящие самолеты. Они медленно плыли над Эгейями на высоте около полутора тысяч футов. Меллори смотрел на них. С изумлением обернулся к Андреа.

— Не померещилось ли мне, Андреа? — Он указал па первый из двух самолетов, маленький моноплан-истребитель с высоко расположенным крылом. — Этого не может быть! Ведь это PZL.

— Не может быть, и все-таки это он, — произнес Андреа. — Старый польский истребитель, какой и у нас имелся до войны, — пояснил он Миллеру. — А другой — старый бельгийский самолет. Мы их называли «брегю». — Андреа прикрыл глаза ладонью от солнца, чтобы лучше рассмотреть самолеты, повисшие над их головами. — А я-то думал, что они все были уничтожены во время поражения.

— И я тоже, — отозвался Меллори. — Видать, их кое-как залатали... Ага! Они нас заметили. Стали ходить по кругу. На кой черт понадобились немцам эти древние гробы?!

— Я не знаю и знать не хочу, — быстро сказал Миллер. — Эти чертовы пушки уже наводят на нас. А когдамотришь

прямо в их дула, они выглядят намного больше телеграфных столбов. Так вы утверждаете, что осколочные мины?.. Давай, начальник, сматывать удочки отсюда.

Итак, им было ясно, что решили делать немцы в короткий остаток этого ноябрьского дня, – они будут играть в эту ужасную игру, в смертельные пятнашки среди лощин и выветрившихся камней Чертовой песочницы. Самолеты руководили этой игрой, планируя над головами тех, за кем охотились немцы, наблюдая за каждым движением отряда. Они корректировали стрельбу пушек, расположившихся вдоль побережья. Они давали направление роте Альпийского корпуса: солдаты поднялись по склону сразу же, как группа оставила позицию. Пара современных «хейнкелей» сменила два древних самолета. Андреа пояснил, что PZL не может держаться в воздухе больше часа.

Меллори и его товарищи находились между водой и огнем. Хотя огонь минометов был неточен, но шальные осколочные мины попадали в глубокие ложбины, где скрывалась группа, и потоки металлической смерти металась в узком пространстве среди скал. Иногда мины падали так близко, что группа вынуждена была останавливаться и прятаться в глубине пещер, которыми изрыты склоны каньонов. Там было достаточно безопасно, но такая безопасность иллюзорна, ибо может привести только к окончательному поражению и плену. Они отбивались от нападающего альпенкорпуса короткими стычками, останавливали немцев, но солдаты могли сокращать расстояние, когда преследуемые отступали. Немцы могли накрыть их и в пещере. Меллори и его люди снова и снова вынуждены отходить, чтобы оторваться от преследователей. Они дви-

гались за упрямым Лукой, куда бы он ни вел их. Риск погибнуть от мин был постоянным. Одна мина, описав дугу, упала в ложину и зарылась в землю в двадцати ярдах от Андреа – самое близкое попадание. Но мина не взорвалась, и это спасло группу: в такой ситуации – один шанс из тысячи. Они обошли мину, держась подальше от опасного гостинца. Затаив дыхание, чуть ли не на цыпочках, проходили они мимо нее.

За полчаса до захода солнца они миновали последний загроможденный валунами склон и остановились. Превращаясь в широкий каньон, овраг поворачивал вправо. Минометный обстрел прекратился: шестидюймовый, дьявольски ревущий «небельверфер» имел ограниченный радиус действия. Самолеты, правда, все кружили над их головами, но они стали неопасными. Солнце склонилось к горизонту – дно оврагов и ложбин потонуло в тени сумерек. Теперь группу не было видно сверху. Но альпенкорпус – солдаты, жившие мстью за убитых товарищей, – шел по пятам. Хорошо натренированные горные войска. Свежие, сильные, только начавшие тратить запасы своей энергии. А крошечная группа Меллори совершенно измотана. Долгими днями и бессонными ночами. Тяжелым трудом и событиями последних часов.

Ложбина поворачивала на север под прямым углом. Здесь, за поворотом, Меллори лег на землю, чтобы подвести итог дня и отдышаться. С притворной небрежностью оглядел товарищей. Картина безрадостная. Как активная боевая группа они никуда не годились. Вот что увидел он: из семи человек – трое ранены. Лицо Брауна посерело и заострилось. Впервые со времени отбытия из Александрии

Кейси Браун стал унылым и безразличным ко всему. «Плохой признак», – отметил Меллори. Вряд ли Брауну облегчал путь тяжелый передатчик. Категорически и как-то даже свирепо Браун отказался исполнить приказ Меллори и оставить передатчик. Лука тоже очень изматался. Это заметно. Но теперь Меллори узнал, что слабое сложение ничего не стоит по сравнению с тем боевым духом, который жил в Луке. Заразительная улыбка, никогда не исчезающая с лица, щегольство лихо вздернутых усов – все это резко контрастировало с печальными, усталыми глазами. Сам Меллори и Миллер тоже устали. Но янки, как и Меллори, несмотря на усталость, мог еще продержаться долго. Стивенс был в сознании. В предвечерних сумерках лицо юноши казалось странно прозрачным, ногти и губы бескровны. Только Андреа, тащивший раненого по каньонам вот уже два бесконечных часа, только он выглядел, как всегда, неутомимым и бодрым.

Меллори сокрушенно покачал головой, достал сигарету и собрался было зажечь спичку, но вспомнил о самолетах, еще кружащих над головой, и выбросил ее. Взгляд его бесцельно блуждал по скалам, громоздившимся на северной стороне каньона. Меллори замер от неожиданной мысли, раскрошив сигарету сжатыми пальцами. Ложбина была не похожа ни на одну из пройденных сегодня. Широкая, совершенно прямая, раза в три длиннее остальных, насколько он мог разглядеть в сумерках. Она кончалась вертикальной стеной.

– Лука! – Меллори вскочил на ноги, забыв об усталости. – Ты знаешь, где мы находимся? Ты знаешь это место?

– А как же, майор, – Лука обиделся. – Разве я не говорил вам, что мы с Панайсом в дни нашей юности...

— Но ведь это же тупик! — воскликнул Меллори. — Мы попали в мышеловку. Нас загнали в ловушку.

Лука дерзко улыбнулся и покрутил кончик уса. Крошка наслаждался.

— Так? Так, значит, майор не доверяет Луке, а? — Он снова улыбнулся и смиростивился, похлопав по каменной стене, пояснил: — Мы с Панаисом весь день сюда шли. В этой стене множество пещер. Одна из них ведет в другую долину, к прибрежной дороге.

— Так, так, понимаю, — с чувством глубокого облегчения сказал Меллори и снова опустился на землю. — А куда выходит та долина?

— Прямо в ущелье напротив Мейдоса.

— Ущелье далеко от города?

— Милях в пяти, не больше, майор. Может быть, в шести.

— Прекрасно, прекрасно. А ты уверен, что найдешь пещеру?

— Даже через сто лет, даже с головой в бурдюке, — похвастался Лука.

— Неплохо, — начал было Меллори, но не закончил фразы, сильно подпрыгнул и перевернулся в воздухе, чтобы не упасть на Стивенса. Он тяжело рухнул между Андреа и Миллером.

Меллори забыл об опасности — немцы заметили его. Из ложины, только что оставленной ими, ударила автоматная очередь и едва не снесла ему голову. Пуля разорвала куртку на левом плече. Миллер сразу оказался рядом и, шаря по широкой спине новозеландца, заботливо ощупывал куртку в поисках раны. Стреляли с небольшого рас-

стояния, ярдов со ста пятидесяти, но, к счастью, пуля лишь оцарапала руку.

— Неосторожно, чертовски неосторожно, — произнес Меллори. — Я и не предполагал, что они так близко. — Однако он не был спокоен, как могло показаться по его голосу: окажись дуло этого шмайсера всего на долю дюйма правее, не ходить бы ему в живых.

— Ну как, начальник? — Миллер был в недоумении. — Они...

— Скверные стрелки, — весело заверил его Меллори. — Они бы не попали и в конюшню. — Он стал разглядывать плечо. — Ненавижу показную браваду, однако на сей раз это действительно лишь царапина. — Он легко поднялся на ноги и поднял автомат. — Извините и все такое, джентльмены, но нам пора идти дальше. Далеко до пещеры, Лука?

Лука потер щетинистый подбородок, улыбка его исчезла неожиданно, он глянул на Меллори и отвел взгляд.

— Лука!

— Да, да, майор, пещера... — Лука снова потер подбородок. — Да, это довольно далеко, в самом конце каньона, — неловко закончил он.

— В самом конце?.. — спокойно переспросил Меллори.

Лука подавленно кивнул и устался в землю под ногами.

Кончики его усов уныло обвисли, до того он был понур.

— Здорово, — мрачно произнес Меллори. — Очень здорово. — Он опять уселся на землю, склонил голову, задумался, даже не обратив внимания на Андреа.

Грек выставил свой брэн за камень и пустил короткую очередь скорее обескураженно, чем с целью попасть в

противника. Помолчали. Лука снова заговорил. Слова его были едва слышны.

– Мне очень, очень, очень жаль. Ужасная вещь. Как перед Богом, майор... Я никогда бы так не поступил. Но я не знал, что немцы подобралась к нам вплотную.

– Это не твоя вина, Лука, – Меллори тронула откровенная подавленность грека. Он потрогал пальцем разорванную куртку.

– Пожалуйста, сэр, – Стивенс положил руку на плечо Меллори. – Что случилось, поясните, я не понимаю.

– Зато все остальные отлично понимают, Энди. Все слишком просто. Нам придется полмили идти по ложбине и – нигде никакого укрытия. Альпенкорпусу осталось менее сотни ярдов подниматься по склону. Они сейчас там, откуда мы только что ушли. – Он подождал, пока Андреа выпалит еще одну короткую слепую очередь, и продолжил: – Немцы будут действовать, как и до этого. Сначала попытаются выяснить, здесь ли мы еще. Как только они узнают, что мы ушли отсюда, то через минуту окажутся здесь. Они нас перестреляют, как в тире, еще на полпути к пещере. Ты же знаешь, что мы не можем идти быстро. У немцев с собой «шпандау». Они из нас решето сделают.

– Понимаю, сэр, – промолвил Стивенс. – Вы очень ясно все изложили.

– Извини, Энди, но так оно и есть.

– Быть может, оставить двоих для прикрытия, а остальным?..

– А что будет с прикрытием? – сухо прервал его Меллори.

— Ясно, о чем вы говорите. Об этом я не подумал, сэр.

— Зато прикрывающие подумали бы. Проблемка, не так ли?

— Нет никакой проблемы, — объявил Лука. — Майор очень добр. Но это моя вина. И я...

— Это будет чертовски мило с твоей стороны, — грубо оборвал его Миллер, вырвал из рук Луки брен и положил на землю рядом с собой. — Ты слышал, что сказал начальник? Это не твоя вина.

Лука с гневом посмотрел на него и уныло отвел взгляд. У него был такой вид, будто он вот-вот собирается заплакать. Изумленный неожиданной яростью американца, так не вяжущейся с его характером, Меллори удивленно уставился на Миллера. Дасти был странно молчалив и задумчив в течение прошедшего часа, и Меллори не мог припомнить, чтобы тот произнес хотя бы слово. Однако задуматься над странным поведением янки не оставалось времени.

Кейси Браун приподнял раненую ногу и просительно поглядел на Меллори.

— Не могли бы мы остаться здесь до темноты, а потом отправиться?..

— Не получится. Сейчас полнолуние, на небе — ни облачка. Они прикончат нас. А нам нужно еще сегодня пробраться в город, между заходом солнца и комендантским часом. Последняя наша возможность. Извини, Кейси, но это не годится.

Прошло четверть минуты. Полминуты. Минута. Все молчали. Но вот заговорил Энди Стивенс.

— Знаете, Лука был прав, — мягко, но уверенно произнес

он слабым голосом. Эта уверенность заставила всех обернуться к нему. Раненый Стивенс приподнялся, опираясь на локоть. В руках Энди – брен Луки. Никто не заметил, когда он прибрал автомат. – Все очень просто, – продолжал Стивенс спокойно. – Давайте все взвесим. Гангрена распространилась выше колена. Не так ли, сэр?

Меллори промолчал. Он не знал, как ответить Стивенсу. Полная неожиданность происшедшего вывела его из равновесия.

Он чувствовал, как Миллер умоляюще смотрит на него, словно прося ответить «нет».

– Да или нет? – терпеливо и понимающе повторил вопрос Энди.

Меллори уже понял, что нужно ответить.

– Да, – кивнул он. – Да...

Миллер глядел на него с отчаянием.

– Благодарю вас, сэр, – Стивенс удовлетворенно улыбался, – Большое спасибо. Нет нужды говорить о преимуществах, которые вы получите, если здесь останусь я, – В его голосе звучала твердость, которой никто раньше не замечал. Так говорит человек, уверенный в себе и отдающий отчет в своих действиях. – Пора бы мне что-нибудь сделать в своей жизни. И – никаких прощаний, пожалуйста. Оставьте несколько дисков к автомату да две-три гранаты. И уходите.

– Черт меня побери, если я соглашусь, – Миллер шагнул к мальчишке и замер, увидев направленный в грудь брен.

– Еще шаг, и я тебя пристрелю, – спокойно сказал Стивенс.

Миллер долго глядел на него. Наконец снова молча сел.

– Я бы так и поступил, знаешь ли, – уверил его Стивенс.
– До свидания, джентльмены, спасибо за все, что вы для меня сделали.

Прошла целая минута в молчаливом оцепенении, но вот Миллер поднялся. Высокая стройная фигура в разодранной одежде, изможденное худое лицо – весь облик его расплывался в сумерках.

– Пока, детка. Я думаю... ну... может быть, я не так умен, – он взял руку Стивенса, посмотрел сверху вниз в глубоко запавшие глаза, хотел что-то добавить, но передумал. – Еще увидимся, – коротко сказал он, повернулся и тяжело зашагал прочь.

Остальные молча, без слов, гуськом последовали за ним. Все, кроме Андреа. Грек задержался и что-то прошептал парню на ухо. Тот кивнул в ответ и улыбнулся с полным пониманием. А потом остался только Меллори. Стивенс и ему улыбнулся.

– Спасибо, сэр, что не подвели меня. Вы с Андреа всегда все понимали.

– Все будет хорошо, Энди!

«Господи, – подумал Меллори, – какую глупость, какую бессмыслицу я несущу».

– Честно, сэр. У меня все о'кей. – Стивенс довольно улыбнулся. – Никакой боли я не чувствую, все прекрасно.

– Энди, я не...

– Вам пора идти, сэр. Остальные вас ждут. А теперь зажгите мне сигарету и дайте очередь наобум в сторону немцев.

Минут через пять Меллори догнал товарищей. А еще

через четверть часа они достигли пещеры, ведущей к берегу острова. На миг остановились у входа, вслушиваясь в беспорядочные автоматные очереди на другом конце каньона. Помолчали и вошли в пещеру.

За их спиной, там, где оставался Стивенс, раздавалась непрерывная пальба...

Энди Стивенс лежал на животе, вглядываясь в темные сумерки гор. Он глубоко затянулся сигаретой, улыбнулся и загнал новую обойму в магазин брена. Боль отпустила его истерзанное тело. Он ее не чувствовал вовсе. Первый раз в жизни Энди Стивенс был счастлив и доволен, как человек полностью умиротворенный. Он больше ничего не боялся.

ГЛАВА 13

**Среда. Вечер.
18.00–19.15**

Ровно через сорок минут они благополучно проникли в центр города Наварона, пройдя всего в пятидесяти ярдах от главных ворот самого форта.

Стараясь получше разглядеть тяжелые железные ворота и массивную каменную арку над ними, Меллори в десятый раз покачал головой, отгоняя чувство неверия: ведь они добрались, они наконец добрались к цели или почти добрались... Все это было в общем-то одно и то же.

«Должен же наступить какой-то просвет в полосе неудач, — думал он. — Ведь закон усреднения явно против злого рока, который постоянно преследовал группу с самого момента высадки на остров. Это просто справедливо,

– повторял он себе вновь и вновь. – Просто справедливо, что, наконец, они здесь».

Но произошло так, что переход из темной долины, где остался один Стивенс, остался на верную смерть, переход в ветхий домишко, старый, скособоченный, приютившийся на восточной стороне городской площади Наварона, был так скор, так легок, что не доставил Меллори чувства облегчения, ибо лежал вне его понимания.

В первые четверть часа им, правда, пришлось не так и легко, вспомнилось Меллори. Только они вошли в пещеру – раненая нога подвела Панаиса. Грек свалился. Ему было туговато, подумал тогда Меллори. Он видел неумело забинтованную ногу Панаиса, но полутьма скрывала лицо грека. Узнать меру страданий раненого было невозможно. Панаис просил бросить его. Говорил, что задержит солдат альпенкорпуса, когда немцы преодолеют сопротивление Стивенса. Но Меллори грубо прервал грека и отказал ему. Он твердо заявил, что Панаис слишком ценен, чтобы бросать его. И добавил: сомнительно, чтобы немцы нашли именно эту пещеру среди десятка других. Меллори не хотелось говорить с раненым в резком тоне. Однако времени на ласковые увещевания не имелось. Панаис это почувствовал и больше не настаивал. Он не возражал даже, когда Меллори и Андреа подняли его и помогли прохромать через пещеру. Меллори тогда отметил, что хромота грека была совсем незаметна. То ли из-за их помощи, то ли оттого, что убедился Панаис в невозможности убить еще пару немцев, а потому у него не оставалось причин преувеличивать свою боль.

Едва они вышли из пещеры по другую сторону горы,

едва стали спускаться по заросшему деревьями склону к морю, как Лука жестом приказал всем затихнуть. Меллори одновременно с ним услышал тихий гортанный звук голосов и скрип сапог по гравии, приближающийся к ним. Группа надежно укрылась в зарослях карликовых деревьев. Затаилась. Но тут же Меллори чуть не вскрикнул с досады. Он выругался про себя, услышав сзади приглушенный стон и падение тела, и вернулся назад. Панаис лежал на земле без сознания. Миллер, шедший вместе с греком, объяснил Меллори, что все произошло случайно, что Панаис налетел на него и ударился толовой о камни. Миллер якобы не мог ничем помочь раненому. Меллори наклонился над лежащим, мелькнуло подозрение: грек такой отъявленный головорез, что способен изобразить несчастный случай, лишь бы получить возможность лишний раз взять на мушку винтовки еще несколько немцев... Но здесь-то никакого притворства: рваная рана повыше виска была слишком наглядным доказательством.

Немецкий патруль с шумом и разговорами прошел мимо, буквально в нескольких ярдах от них, и скрылся. Голоса затихли. Лука покачал головой. Ясно, что комендант предпринимает отчаянные попытки заблокировать все выходы из Чертовой песочницы. Меллори же считал, что это едва ли так, но спорить не стал. Через пять минут они миновали долину, а еще через пять минут дошли до береговой дороги, где утихомирили двух часовых. Со связанных немцев сняли форму, каски и оружие, а их самих занесли подальше в кусты, чтобы с дороги не заметили сразу.

В Наварон они проникли до смешного легко, но это было и понятно, ибо немцы совсем не ожидали их здесь.

Лука и Меллори, одетые в немецкую форму, расположились в кабине грузовика. Грек занял водительское место. Вел он автомобиль мастерски, что было чрезвычайной редкостью для жителя заброшенного эгейского острова. Меллори чуть было не приписал его искусство мистическим силам, но Лука напомнил, что долгое время был личным шофером Эжена Влакоса. До города доехали минут за двенадцать. Лука не только отлично управлялся с автомобилем, но и хорошо знал дорогу, поэтому мог позволить выжать из мощной машины максимальную скорость. Причем надо заметить, что машина шла с выключенными фарами по горной дороге со множеством поворотов.

Несмотря на это, стремительная поездка обошлась без происшествий. Они проскочили мимо нескольких грузовиков, а в двух милях от города встретили отряд из двадцати солдат, построенных в колонну по два. Лука притормозил. Было бы в высшей степени подозрительным увеличивать скорость, угрожая жизни шагавших немцев. Поэтому Лука включил мощные фары, ослепившие солдат, и громко засигналил. А Меллори, высунувшись из окна кабинки, обругал их на безупречном немецком языке, приказав убираться с дороги к чертям собачьим. Немцы так и сделали, а унтер-офицер приветствовал машину вытянутой вверх рукой.

Сразу после этой встречи они проехали обнесенные высокими заборами огороды, проскочили мимо полуразвалившейся византийской церковки и беленой стены православного монастыря, которые так нелепо соседствовали через дорогу, и сразу оказались в нижней части старого

города. Узкие, кривые, плохо освещенные улочки были всего на несколько дюймов шире их машины. Мощенные крупным булыжником, они горбились как старики. Лука направил автомобиль в переулочек за аркой по очень крутой дороге, резко затормозил. Они с Меллори осмотрели темную улочку, совершенно безлюдную, хотя до комендантского часа оставалось целых шестьдесят минут. Ступеньки без перил вели вдоль стены.

Неверно державшийся на ногах Панаис повел их вверх по ступенькам, огороженным наверху красивой решеткой, провел через дом, потом по ступенькам куда-то вниз, вывел через темный двор и остановился возле старинного дома.

Автомобиль Лука отвел до того, как они проделали в темноте это путешествие по бесконечным ступеням. Меллори спохватился: Лука не сказал ему, как он решил поступить с машиной.

Глядя в разбитое окно, Меллори от всей души желал, чтобы с маленьким греком ничего не случилось. Лука отлично ориентируется в лабиринте улиц. Он сделал для них так много и сколько еще может сделать! Меллори испытывал чувство глубокой симпатии к Луке. За его неизменную веселость, за неистощимую энергию, за умение быть нужным и за полную самоотреченность. У Меллори теплело сердце, когда он вспоминал маленького обаятельного грека. «О Панаисе этого сказать нельзя», – сердито подумал Меллори. И сразу пожалел об этом: Панаис был Панаисом – требовать от него иного бессмысленно. Он делал для группы ничуть не меньше, чем Лука. Но, нужно сознаться, человечности и теплоты Луки мрачному греку явно не доставало.

Недоставало Панаису и быстрой сообразительности Луки, расчетливо умеющего в любом случае ухватиться за малейшую возможность. В этом умении Лука достиг подлинной виртуозности. «Вот и сейчас... именно Лука подал идею занять этот старый, заброшенный дом», – подумал Меллори. В городе нетрудно отыскать заброшенный дом. С тех пор как немцы оккупировали старинный замок, обитатели городка сотнями переселились в Маргариту и другие окрестные деревни. Они не могли спокойно смотреть, как в ворота входили и выходили сотни раз на дню марширующие завоеватели.

Вид оккупантов был для горожан невыносим. Вот почему они покинули свои дома и переселились в деревни. Серо-зеленые мундиры постоянно напоминали, что наваронцы когда-то были свободными и что теперь свобода канула в прошлое. Из города ушло так много жителей, что на площади половину домов, ближайших к крепостным воротам, занимали немецкие офицеры. Это обстоятельство позволяло Меллори наблюдать за жизнью крепости с максимально близкого расстояния. Когда настанет время действовать, им придется преодолеть всего несколько ярдов пространства до крепостной стены. Хотя любой более-менее сообразительный комендант гарнизона всегда готов к неожиданностям, но вряд ли нормальному человеку придет в голову, что диверсионная группа будет так неосторожна и целый день проведет вблизи крепостной стены.

С точки зрения удобств дом не был находкой – настолько неудобен, насколько можно себе вообразить. Настоящая развалина.

Западная и южная стороны площади застроены новыми зданиями, вплоть до самой вершины утеса. Дома из белого камня, из паросского гранита, сложенные на одинаковый для всех островных городов манер. Плоские крыши, которые во время зимних дождей задерживают максимальное количество воды. Балкончики. Деревянные лестницы. Восточная часть площади застроена преимущественно деревянными домишками с крышами из дерна. Подобные дома скорее встретишь в отдаленных деревушках, чем в городе. Здесь-то и расположилась группа Меллори.

Утоптаный земляной пол был бугрист, неровен. Хозяева использовали один угол комнаты в самых разнообразнейших целях, и не в последнюю очередь – как мусорную свалку. Потолок поддерживали грубо обтесанные, потемневшие от времени, кое-как обшитые досками балки. Доски обмазаны толстым слоем глины. По опыту в Белых горах Меллори знал, что такая крыша протекает как решето, едва пойдет дождь. Вдоль стены протянулась просторная лежанка в тридцать дюймов высотой, сделанная по образцу и подобию лежанок в эскимосских иглу. Служила она кроватью или диваном – в зависимости от обстоятельств.

Меллори вздрогнул и обернулся: кто-то коснулся его плеча. Рядом стоял чавкающий Миллер с почти пустой бутылкой вина.

– Неплохо бы вам пожрать, начальник, – посоветовал он. – Надо же время от времени набивать брюхо. А я пока покараулю.

– Ты прав, Дасти, спасибо, – Меллори на ощупь двинулся в глубину комнаты.

Темень, хоть глаз выколи. Свет зажечь они не рискнули. Меллори добрался до лежанки. Андреа порылся в рюкзаке и приготовил еду: сыр, сушеные финики, мед, чесночную колбасу, жареные каштаны. Большого Андреа предложить не мог. Меллори был голоден и не желал думать о гастрономических тонкостях, а когда он запил еду местным вином, принесенным Лукой и Панаисом, то приторная сладость отбила все остальные привкусы.

Тщательно прикрыв рукой огонек спички, Меллори закурил сигарету и впервые заговорил о плане проникновения в крепость. Можно было не беспокоиться о том, что их разговор могут услышать: в соседнем доме беспрерывно и монотонно стучала весь вечер пара ткацких станков. Соседний дом – один из немногих на этой стороне площади, в котором еще кто-то жил. Меллори догадывался, что работающие ткацкие станки – дело рук Луки, хотя не мог представить, каким образом маленькому греку удалось связаться со своими городскими друзьями. Впрочем, для Меллори было достаточно того, что станки работали. Он принимал все как должное. Поэтому он постарался понятнее и доходчивей изложить суть задачи.

Вопросов ему не задавали, из чего Меллори заключил, что понят отлично. Некоторое время болтали о разной чепухе. Обычно молчаливый Кейси Браун разговорился и горько сетовал на еду, на питье, на свою раненую ногу, на лежанку, которая не позволит ему глаз сомкнуть всю ночь. Меллори улыбнулся: Кейси явно входил в норму.

– Ну, поболтали – и хватит, джентльмены. – Меллори встал с лежанки, потянулся: «Господи, как я устал!» – Наш единственный, первый и последний, шанс выспаться этой ночью. Дежурим по два часа. Я первый.

— Один? — из другого угла комнаты откликнулся Миллер. — Не кажется ли вам, начальник, что следует дежурить по двое? Один — со стороны площади, другой — во дворе. Все чертовски измотаны. Кто-то ведь может на посту заснуть, — последние слова он произнес так озабоченно, что Меллори расхохотался.

— Вряд ли, Дасти! Будем дежурить у окна, а если кто и заснет, то чертовски скоро проснется, шлепнувшись на земляной пол. Мы все так устали... Зачем же бодрствовать без крайней необходимости? Дежурить будем так. Сначала я, потом ты, за нами — Панаис, потом Кейси и Андреа.

— Да, пожалуй, это лучше, — неохотно согласился Миллер и вложил в руку Меллори тяжелый предмет — автоматический пистолет с глушителем: самая дорогая для Миллера вещь. — Эта штука поможет продырявить любого непрошеного посетителя и не разбудить при этом жителей города. — Он прошел в глубь комнаты, зажег сигарету, молча выкурил ее, потом задрал ноги на лежанку. Через пять минут все, кроме настороженного человека у окна, крепко спали.

Минуты через две-три Меллори услышал крадущийся шорох позади дома. Он весь обратился в слух. Стук ткацких станков в соседнем доме давно утих. Вокруг стояла глубокая тишина. Снова послышался шорох. Меллори отчетливо разобрал мягкие шаги в конце коридора, у входной двери.

— Оставайтесь на месте, капитан, — тихо шепнул Андреа. Меллори в сотый раз восхитился способностью гиганта пробуждаться от ничтожнейшего постороннего звука. А вот самая сильная буря не может помешать его крепкому сну! — Я сам посмотрю. Наверное, это Лука.

Действительно, это вернулся Лука. Человечек дышал как рыба, выброшенная на берег. Утомленный до предела, но чрезвычайно довольный, он с благодарностью принял чашку вина, налитую Андреа, и медленно осушил ее до дна.

— Чертовски рад снова видеть тебя, — искренне сказал Меллори. — Ну как? За тобой не следили?

Лука растянулся во весь рост на лежанке.

— Кто из этих дураков может заметить Луку, хотя бы и в лунную ночь?! А тем более поймать его! — возмущенно воскликнул маленький грек. Он перевел дух и глубоко вздохнул. — Нет, нет, майор! Я знал, что вы будете беспокоиться обо мне, и бежал всю дорогу... почти всю дорогу, — поправился он. — Я ведь не так молод, как раньше.

— Всю дорогу бежал? Откуда? — спросил Меллори, он был доволен, что в темноте не видно его улыбку.

— От Вигоса. Это старинный замок, построенный франками много веков назад, милях в двух отсюда по береговой дороге. Я шел только дважды. Примерно по минуте каждый раз. Только на обратном пути. — Меллори показалось: Лука сразу пожалел, что упомянул о возрасте.

— Что же ты там делал? — спросил Меллори.

— Я все думал, когда расстался с вами, — уклонился Лука от прямого ответа. — Я, я-то ведь всегда думаю, — пояснил он. — Это моя привычка. Я все думал. Едва солдаты обнаружат пропажу машины возле Чертовой песочницы — сразу догадаются о нашем исчезновении из того дьявольского места.

— Да, — осторожно согласился Меллори. — Да, они сразу догадаются.

— И тогда они скажут себе: «Ага, у этих проклятых англичан не остается времени». Они поймут, что мы знаем, что у них мало надежды поймать нас на острове. Мы ведь с Панайсом здесь каждый камень знаем, каждую пещеру, каждую тропу, каждое дерево. Тогда для них останется единственное — не пропустить нас в город. И они перекроют все ведущие в город дороги. А ведь сегодня у нас последняя возможность попасть в город. Вы следите за моими рассуждениями? — с беспокойством спросил он.

— О, я очень стараюсь.

— Но сначала, — Лука сделал драматический жест, — но сначала они захотят убедиться, что нас нет в городе. Они были бы дураками, если бы решили перекрыть дороги после того, как мы проникли в город. Они сперва должны убедиться, что нас нет здесь. А потому — обыск. Повальный обыск. С этим... как вы говорите?.. прочесыванием.

Меллори кивнул, постепенно улавливая нить рассуждений грека.

— Кажется, он прав, Андреа.

— Я тоже так думаю, — упавшим голосом отозвался гигант. — Нужно было это предвидеть заранее. Но, возможно, мы успеем еще спрятаться? На крышах или...

— Это когда прочесывают-то?! — нетерпеливо прервал Лука. — Но не беспокойтесь, все хорошо. Я, Лука, все обмозговал. Будет дождь. Скоро луну затянут тучи. Мы можем двигаться в безопасности. Не желаете ли узнать, что я сделал с машиной, майор Меллори? — Лука испытывал невероятное удовольствие.

— Совсем позабыл о ней, — признался Меллори. — Так что ты сделал с машиной?

— Я оставил ее во дворе замка Вигос, вылил весь бензин из бака на мотор. Потом зажег спичку...

— Что?! — поразился Меллори.

— Я зажег спичку. Но, к сожалению, стоял очень близко к машине и лишился бровей, — Лука вздохнул. — А жаль. Такая хорошая была машина. — Лицо его неожиданно посветлело. — Но, Господи, майор, как великолепно она горела!

Меллори уставился на него.

— Какого черта...

— Все очень просто, — терпеливо пояснил Лука. — Солдаты возле Чертовой песочницы наверняка уже знают о пропаже машины. Увидят огонь. Прибегут... как это вы говорите?..

— Осмотреть.

— Да. Рассмотреть. Подождут, пока затухнет огонь. Потом снова осмотрят. Ни тел, ни костей в машине. Начнут обыскивать замок. И что они там найдут?

В комнате наступила тишина.

— Ничего! — нетерпеливо ответил Лука сам себе. — Они не найдут там ничего. И станут прочесывать местность на полмили вокруг. И что же они там найдут? Опять ничего. Тогда они поймут, что их одурачили, что мы уже в городе. Они вернутся и начнут обыскивать город.

— С прочесыванием... — произнес Меллори.

— С прочесыванием. И что же они найдут? — Лука сделал паузу, а затем поспешил закончить, пока это не сделал за него кто-нибудь другой: — И опять ничего не найдут. А почему? Потому, что к тому времени пойдет дождь, луна скроется, взрывчатка будет спрятана, а мы уйдем!

— Куда уйдем? — ошеломленно спросил Меллори.

— Куда же, кроме замка Вигос, майор Меллори? Никогда они не додумаются искать нас там второй раз.

Некоторое время Меллори молча смотрел на грека, а потом повернулся к Андреа.

— Капитан Дженсен сделал пока всего одну ошибку. Он выбрал в командиры не того, кого следовало бы. Хотя это теперь не столь существенно... Как мы можем проиграть, когда с нами Лука?!

Меллори осторожно опустил рюкзак на земляную крышу, выпрямился и уставился вверх, в темноту, руками прикрывая глаза от первых капель дождя. Отсюда, с крыши полуразрушенного дома, было видно, что стена крепости возвышается над ними на пятнадцать — двадцать футов. Самый близкий к крепости дом расположен на противоположной стороне площади, от здания, в котором они устроили временное пристанище. Острые шипы по кромке стены, едва заметные в темноте, угрожающе торчали в разные стороны.

— Вот она, Дасти, — произнес Меллори. — Вот и все.

— Вот и все?! — ужаснулся Миллер. — И мне... и мне придется через нее лезть?

— Тебе уже пришлось *пройти* через нее, — коротко ответил Меллори. Он улыбнулся, хлопнул Миллера по плечу и пнул ногой лежащий рюкзак. — Бросим вот эту веревку вверх, крючья зацепятся, а ты эдак ловко вскарабкаешься...

— И подохну, истекая кровью, на шести рядах колючей проволоки? — прервал его Миллер. — Лука говорил, что шипы на стене очень длинные и острые.

— Бросим на них палатку, — утешил его Меллори.

— У меня очень нежная кожа, начальник, — пожаловался Миллер. — Там, где нет пружинного матраца...

— Ну ты его через час найдешь, — безразлично ответил Меллори. — Лука прикинул, что обыск докатится к северному краю города приблизительно через час. Это даст Луке и Андреа время подготовиться к отвлекающему маневру. Спрячем-ка наше барахло и — вон отсюда! Положим рюкзаки в угол, завалим землей. Но сначала вытащите-ка веревку. У нас едва ли останется время распаковывать рюкзаки, когда мы сюда снова вернемся.

Миллер опустил на колени, шаря руками по ремням и застегкам, и вдруг беспокойно воскликнул:

— Это не тот карман! — пробормотал он остервенело, но голос его сразу изменился. — Хотя вот, подождите минутку!

— Что там еще стряслось, Дасты?

Миллер ответил не сразу. Несколько секунд рука его обшаривала содержимое кармана. Он выпрямился.

— Бикфордов шнур, начальник, — голос дрожал от гнева, злобного гнева, поразившего Меллори. — Шнур исчез!

— Что?! — Меллори наклонился к нему и стал лихорадочно обшаривать карманы рюкзака. — Не может быть, Дасты! Просто невозможно!.. Черт знает что! Ведь я сам его укладывал! Я же сам видел, как ты возился с ним сегодня утром.

— Конечно, начальник, верно вы сказали, — заскрежетал зубами Миллер. — А потом какой-то ублюдок подполз к рюкзаку и незаметно вынул шнур!

— Но это невероятно! — запротестовал Меллори. — Это совершенно невозможно, Дасты! Ты сам застегнул рюкзак.

Я же видел, как ты застегивал его в роще сегодня утром. А нес рюкзак все время Лука. А Луке я верю, как самому себе, я бы доверил Луке собственную жизнь.

— И я тоже, начальник.

— Наверное, мы ошибаемся, — продолжал Меллори немного спокойнее. — Может быть, шнур ты оставил там, в роще? Мы ведь все чертовски устали.

Миллер как-то странно посмотрел на него, секунду помолчал и снова посыпал ругательствами.

— Это я виноват, начальник. Моя собственная вина! Проклятье!

— В чем ты еще виноват?.. Черт подери, парень, не выдумывай, и я ведь там был... — Меллори умолк, вскочил на ноги, обернулся в сторону южной оконечности площади и уставился в темноту.

Там раздался одинокий выстрел. Резкий хлопок карабина, хлесткий, звучный. И сразу за ним — высокий тонкий вой рикошетируемой пули. Потом стало тихо. Меллори напряженно застыл, вытянув вперед руку. Десять минут назад они с Миллером оставили там Панаиса. Тот должен дожидаться их возвращения и провести к замку Вигос. Остальные к этому времени уже ушли достаточно далеко от города. Луки там наверняка не должно быть. Указания Меллори абсолютно точны: спрятать остаток тола под крышей замка и дожидаться возвращения его и Миллера. Но что-то могло сорваться. Что-то всегда может случиться. Ловушка? Или засада? Но что за ловушка?

Внезапная прерывистая скороговорка тяжелого пулемета прервала его размышления. Заговорил еще один, легкий пулемет. Оба пулемета умолкли так же внезапно, как и начали. Меллори не мешкал.

— Собирайте все барахло, — энергично зашептал он. — Заберем с собой. Что-то там не так.

Через полминуты они снова уложили взрывчатку и веревки в рюкзаки, забросили за спину. Согнувшись почти вдвое, стараясь ступать как можно бесшумнее, они побежали по крышам к старому дому. Там должен их встретить Лука. В нескольких футах от дома заметили силуэт, медленно поднявшийся с крыши им навстречу. Но это был не Лука. Миллер сообразил, что человек этот был выше Луки ростом. Не останавливаясь, он обрушился стовосьмидесятифунтовой массой тела на неизвестного и резко ударил в солнечное сплетение. Через секунду жилистые руки Миллера сомкнулись на шее неизвестного мертвой хваткой.

Он был бы задушен, ибо янки не собирался ограничиваться полумерами, но что-то заставило Меллори наклониться к сплетенным телам и глянуть в лицо незнакомца. Он увидел вылезшие из орбит глаза и едва не вскрикнул от неожиданности.

— Дасти, — хрипло прошептал он. — Ради Бога, остановись! Отпусти его! Это Панаис.

Миллер не услышал его шепота. Лицо янки окаменело, голова глубже уходила в плечи, руки сильнее сжимали шею грека и душили его.

— Это же Панаис, дурак ты чертов! Это Панаис, — орал Меллори шепотом в самое ухо американца. Схватив запястья Миллера, он пытался оторвать руки от горла Панаиса. Услышал, как застучали пятки Панаиса по дерну крыши, и рванул что есть силы. Подобный звук ему приходилось слышать, когда враг оказывался в железных тисках Андреа. Было ясно, что Панаис вот-вот отдаст Богу душу, если

Миллер не разожмет рук. Но янки вдруг сообразил, что ошибся, и отпустил грека. Выпрямился и, тяжело дыша, устался на лежащего человека.

— Что с тобой за чертовщина случилась? — тихо спросил Меллори. — Ты что, ослеп или оглох? Или то и другое сразу?

— Что-то в этом роде, — Миллер вытер лоб тыльной стороной ладони, лицо его оставалось бесстрастным. — Извините, начальник, извините.

— Какого черта извиняться передо мной? — Меллори перевел взгляд на Панаиса.

Грек пришел в себя, пытался сесть. Растирая рукой затекшее горло, со свистом хватал воздух.

— Вот, может быть, Панаис оценит...

— Подождем с извинениями, — грубо оборвал его Миллер.

Меллори внимательно посмотрел на него, потом обратился с вопросом к Панаису. Выслушал сбивчивый ответ грека. Тому трудно было говорить, губы складывались в жесткую горькую прямую линию. Миллер видел, как поникли плечи новозеландца, и нетерпеливо спросил:

— Ну что там, начальник? Что-нибудь с Лукой, а, начальник?

— Да, — бесстрастно ответил Меллори. — Они едва добрались до окраины, как наткнулись на немецкий патруль. Лука хотел отвлечь немцев, и пулеметчик пошел ему грудью. Андреа убил пулеметчика и унес Луку. Панаис утверждает, что его друг наверняка умрет.

ГЛАВА 14

**Среда. Вечер.
19.15–20.00**

Они прошли через город без происшествий и двинулись к замку Вигос, стараясь держаться подальше от главной дороги. Пошел дождь. Сильный и ровный. Земля под ногами раскисла. На распаханых полях ноги вязли по щиколотку. С большим трудом перебрались они через одно из таких полей. Увидели неясный силуэт башни цитадели в миле по прямой, а не в двух, как рассказывал Лука. Теперь они пробирались вдоль забора, огораживающего небольшой участок с землянкой. Тут Меллори услышал Миллера. Янки впервые заговорил с тех пор, как они покинули городскую площадь в Навароне.

— Мне капут, начальник, — голова янки склонилась на грудь, дышал он тяжело. — Старик Миллер вот-вот отдаст концы, и у него отвалятся ноги. Может, мы устроим здесь перекур, начальник?

Меллори удивленно взглянул на него, почувствовал, как отчаянно ноют его собственные ноги, и неохотно кивнул головой. Не такой Миллер человек, чтобы жаловаться без крайней необходимости. Значит, он действительно падал от усталости.

— Хорошо, Дасти. Минута отдыха не повредит нам, — он быстро перевел разговор на греческий, чтобы Панаис был в курсе, и направился к землянке.

Миллер шагал за ним следом, продолжая жаловаться на свои годы. В землянке Меллори на ощупь пробрался к

неизменной лежанке, с удовольствием сел, закурил сигарету и поднял удивленный взор: Миллер расхаживал по комнате, барабанив пальцами по глинобитным стенам.

— Ты чего не садишься? — раздраженно спросил Меллори. — Разве не для этого мы зашли сюда?

— Нет, начальник, не совсем, — сейчас его американский тягучий акцент чувствовался особенно сильно. — Это маленькая уловка, чтобы оказаться здесь. Хочу показать вам пару-тройку особенно любопытных штук.

— Особенно любопытных? Какого черта ты городишь?!

— Станных и интересных. Потерпите, капитан Меллори, — официальным тоном ответил Миллер. — Всего несколько минут потерпите. Эти минуты для вас не пропадут даром, даю вам слово, капитан Меллори.

— Ну хорошо, — Меллори был заинтригован, но Миллеру он доверял полностью. — Как знаешь. Только не слишком тяни.

— Благодарю, начальник, — официальность трудно давалась Миллеру. — Времени потребуется немного. Здесь имеются свечи или лампа? Вы ведь говорили как-то, что островитяне никогда не оставляют без них даже нежилой дом.

— Да, верно. И этот обычай сослужил нам неплохую службу, — Меллори заглянул под скамью, пошарил там, выпрямился и произнес: — Две-три свечи здесь найдутся.

— Мне нужен свет, начальник. Окон здесь нет. Я сам проверил. О'кей?

— Зажги пока одну, а я выйду наружу и погляжу, не просвечивает ли в щели. — Для Меллори намерения янки были темным лесом, но спокойная уверенность Дасти

предупреждала неуместное любопытство. Через минуту Меллори вернулся. – Снаружи не видно ничего, – сообщил он.

– Вот и прекрасно. Спасибо, начальник, – Миллер зажег вторую свечу, сбросил со спины рюкзак, положил его на лежанку и некоторое время молча стоял рядом.

Меллори взглянул на часы, затем на Миллера.

– Ты собирался мне что-то сообщить, – поторопил он.

– Да, так оно и есть. Я говорил о трех вещах, – он порылся в рюкзаке и вынул черную коробочку, чуть поменьше спичечной. – Экспонат «А», начальник.

– Что это? – Меллори удивленно поглядел на нее.

– Взрыватель с часовым механизмом, – Миллер стал отворачивать заднюю крышку. – Не работает, – тихо добавил он. – Больше не работает. С часами все в полном порядке, а контакт отогнут назад. Эта штуковина может протикать до второго пришествия и даже фейерверка не устроит.

– Но как это...

– Экспонат «Б», – Миллер вроде бы и не слышал его. Он открыл коробку с детонаторами, бережно извлек капсуль из специального ватного гнезда и поднес к самым глазам. Потом поглядел на Меллори. – Устройство с гремучей ртутью, начальник. Всего семьдесят семь гранов, но этого достаточно, чтобы оторвало пальцы. Чертовски чуткая штука: стукни слегка, сразу срабатывает, – Он разжал пальцы, и капсуль упал на пол. Меллори инстинктивно зажмурился и откинулся назад, когда американец с размаху ударил по капсулю тяжелым кованым каблуком. Однако взрыва не последовало. Не случилось буквально ничего. –

Вот. Тоже не слишком хорошо работает, не так ли, начальник? Сто против одного, что и остальные пусты. — Он достал пачку сигарет, зажег одну, поглядел на вьющийся вокруг свечи дым и только после этого спрятал пачку в карман.

— Ты хотел еще что-то показать мне, — спокойно напомнил Меллори.

— Да, я хотел показать вам и еще кое-что, — голос Дасти был таким ледяным, что у Меллори пробежал холодок между лопаток. — Я хотел показать вам шпика, предателя, самого злостного, увертливого и двуличного ублюдка, которого я когда-нибудь видел. — Янки извлек из кармана бесшумный пистолет и крепко держал его в руке. Дуло пистолета было нацелено прямо в сердце Панаиса. Он продолжал еще спокойнее, чем до этого: — Иуда-предатель ничто по сравнению с этим другом, начальник. Сними-ка куртку, Панаис.

— Что ты вытворяешь? Спятил, что ли? — Меллори направился к нему, злой и ошарашенный, но наткнулся на вытянутую руку Миллера, жесткую, как железная решетка. — Что за чертова чепуха? Он и английского-то не знает!

— А может, все-таки знает? Вот почему он пулей выскочил из пещеры, когда Кейси сообщил, что услышал снаружи какие-то звуки... и вот почему он первый сбежал из рощи. Вы же отдавали приказ по-английски? Сними-ка куртку, иуда, или я прострелю тебе руку! Даю две секунды.

Меллори хотел схватить Миллера за руку, но не сделал ни шагу, увидев лицо Панаиса: зубы оскалены, в угольно-черных глазах смертельный блеск. Меллори ни разу не видал такой злобы на человеческом лице. Злобы, мгно-

венно сменившейся болью, тоской и безнадежностью, когда пуля тридцать второго калибра впиалась чуть повыше локтя.

— Еще две секунды и — вторую руку, — деревянным голосом сказал Миллер.

Но Панаис уже срывал с себя куртку, не спуская с Миллера темных звериных глаз. Меллори невольно вздрогнул и поглядел на Миллера. Безразличие. Только это слово и годилось, чтобы передать выражение лица американца. Безразличие. Сам не понимая почему, Меллори почувствовал, как по спине опять побежал холодок.

— Повернись, — пистолет не дрогнул.

Панаис медленно повернулся. Миллер шагнул вперед, схватил воротник рубашки и резким рывком сорвал ее.

— Ба, кто бы мог подумать? — протянул Миллер. — Удивительно, удивительно! Помните, начальник, нам рассказывали, что этого типа публично пороли немцы на Крите? Пороли до тех пор, пока не показались ребра. Спина его в ужасном состоянии, не так ли?

Меллори глянул на спину грека и не сказал ничего. Он был выбит из колеи. Мысли мелькали, как в калейдоскопе. Он пытался осмыслить неожиданную ситуацию. Ни единого шрама, ни единого пятна на темной гладкой коже.

— Ничего удивительного. Просто на нем все заживает как на собаке, — произнес Миллер. — И только я своими мерзкими вывихнутыми мозгами мог додуматься до того, что он был немецким агентом на Крите, стал известен союзникам как член «пятой колонны», потерял значение для немцев и под покровом ночи катером был переброшен обратно в Наварон. Пороли его! Добирался сюда, на

Наварон, через острова в шлюпке! Пыль в глаза, вот что все это!.. – Брезгливо скривив рот, Миллер умолк. – Хотел бы я знать, сколько сребреников он получил там, на Крите, пока немцы не нашли ему другого применения?

– Но, Господи, нельзя же убивать человека только потому, что он враг?! – возразил Меллори. Как ни странно, в нем вовсе не было той решимости, которая слышалась в голосе. – Сколько бы у нас осталось союзников, если бы...

– А, еще не убедились? – Миллер небрежно махнул Панаису пистолетом. – Заверни-ка левую штанину, предатель. Еще две секунды.

Панаис сразу выполнил приказ. Черные, полные ненависти глаза не отрывались от Миллера. Грек поднял темную материю штанины до колена.

– Повыше!.. Вот так, моя крошка, – подбодрил его Миллер. – А теперь сними повязку, сразу всю. – Прошло несколько секунд, Миллер сокрушенно покачал головой. – Страшная рана, начальник, тяжелая рана?!

На темной жилистой ноге не было ни царапины.

– Кажется, теперь я понимаю, что ты имеешь в виду, – задумчиво произнес Меллори. – Но какого черта...

– Очень просто. Есть по крайней мере четыре причины. Этот молодчик, этот предатель, скользкий ублюдок! Даже на милую не подползла бы к нему ни одна уважающая себя змея! Он притворился раненым, чтобы остаться в пещере у Чертовой песочницы, когда мы, четверо, отбивались от солдат альпенкорпуса у рощи.

– Почему? Боялся, что ли?

– Этот молодчик ничего не боится. Он отстал, чтобы оставить записку. Он и потом оставлял записки на видном

месте, когда делал вид, что бинтует ногу. В записке сообщалось, где мы выйдем из пещеры, и была любезная просьба к немцам выслать нам навстречу делегацию. И они выслали эту делегацию. Помните? Тот автомобиль, который мы увели у немцев, чтобы проскочить в город. Тогда я впервые заподозрил этого друга. Помните? Он отстал от нас и вскоре догнал. Слишком быстро догнал для человека с подбитой ногой. Но я не был уверен до конца. И только сегодня, на площади, когда я открыл рюкзак...

— Ты назвал только две причины, — напомнил Меллори.

— Вот я и добрался до остальных. Третий номер. Он мог отвалить, как только покажется впереди встречающая делегация. Предатель вообще не собирался доводить дело до того, чтобы и его ухлопали, раньше чем он получит жалование. И — четвертый номер. Помните ту трогательную сценку, когда он испрашивал у вас разрешения остаться в сквозной пещере? Что же, разве он собирался покончить с собой?

— Хотел показать немцам нужную пещеру, это ты имеешь в виду?

— Точно. После он совсем отчаялся. Я не был полностью уверен в предательстве, но сильно подозревал. Не знал я, что он предпримет. Поэтому и трахнул его как следует, когда увидел немецкий патруль, пробирающийся по склону.

— Понятно, — спокойно сказал Меллори. — Теперь понятно. — Он в упор посмотрел на Миллера. — Тебе следовало предупредить меня раньше. Ты не имел права...

— Я хотел это сделать, начальник, но не было возможности. Этот молодчик все крутился около. Я хотел было сообщить об этом полчаса назад, когда поднялась стрельба.

Меллори понимающе кивнул.

— А как ты его заподозрил, Дасти?

— По можжевельнику, — коротко ответил Миллер. — Помните, Турциг сказал о том, что нас выдало? Он упомянул о можжевельнике.

— Правильно, мы ведь жгли можжевельник.

— Конечно, жгли. Но немец утверждал, что учуял запах на Костосе. А ветер весь день дул от Костоса!

— Господи, — пробормотал Меллори. — Конечно, конечно, а я это совсем упустил из виду.

— Но фриц почему-то знал, где мы. Откуда? У него же нет дополнительной пары глаз на затылке, как и у меня их нет. Ему кто-то подсказал. Ему подсказал этот вот приятель. Помните, я упомянул о его разговоре со своими друзьями в Маргарите, когда мы спустились туда за провиантом? — Миллер с отвращением сплюнул. — Все время меня дурачил. Друзья! Я и не подозревал, насколько был прав. Конечно, это были его друзья, его немецкие друзья! И жратва, которую он, как утверждал, забрал из немецкой кухни... Он и вправду ее там взял. Это точно. Входит прямо на кухню и просит еду. А старик Шкода дает ему еще собственный чемодан, чтобы можно было ее туда напихать!

— Но немец, которого он убил по дороге из деревни? Я уверен...

— Панаис его действительно убил! — В голосе Миллера была усталая уверенность. — Что значит лишний труп для местного солнышка?! Небось наткнулся на этого ублюдка в темноте, вот и пришлось его прирезать. Местный колорит. Помните? С ним был и Лука. А он не мог позволить, чтобы

Лука его заподозрил. Он всегда мог обвинить в убийстве Луку. Этот тип не человек. А помните, как его впихнули в комнату Шкоды? В Маргарите, вместе с Лукой? Как у него текла кровь из раны в голове?

Меллори кивнул.

– Первосортный томатный соус. Тоже небось из кухни коменданта, – мрачно сказал Миллер. – Если бы Шкоде не удалось ничего узнать другими способами, у него все равно оставался напоследок вот этот приятель в качестве подсадной утки. И почему он ни разу не спросил у Луки, где лежит взрывчатка? Даже не представляю.

– Наверное, не догадывался, что Лука о ней знает.

– Может, и так. Но одно он знал и умел прекрасно. Знал, как пользоваться зеркалом. Передал немцам морзянкой из роши сведения о нашем лагере. Иначе это никак невозможно сделать, начальник. А сегодня утром он добрался и до моего рюкзака! Вытащил бикфордов шнур. Расправился с часовыми взрывателями и детонаторами. Ему могло бы руки оторвать, когда он возился с ними. Бог знает где он научился обращению с подобными штуками.

– На Крите, – сказал Меллори. – Немцы позаботились. Шпион, который не может быть одновременно и диверсантом, для них не подходит.

– А он для них был ценен, – тихо сказал Миллер. – Очень и очень ценен. Они будут скучать без своего приятеля. Этот иуда-предатель считался здесь умницей.

– Да, был. Только не сегодня ночью. Ему стоило бы опасаться, что кто-нибудь из нас обязательно заподозрит его...

– Возможно, он и знал об этом, – прервал Миллер. – Но

его ввели в заблуждение. Я думаю, что Лука не ранен. Я думаю, что этот молодчик уговорил Луку и остался вместо него. Лука его всегда побаивался. Потом он прогулялся к своим друзьям у ворот форта, сказал, чтобы те послали хорошо вооруженный отряд к Вигосу, дабы захватить остальных, и попросил их немного пострелять. Он хорошо разбирался в обстановке. Был нашим преданным другом. Затем он снова идет через площадь, устраивается на крыше и ждет, когда настанет время подать сигнал своим приятелям: едва увидит, как мы войдем в дом через черный ход. Но Лука забыл сказать ему, что мы договорились встретиться на крыше, а не в самом доме. Этот друг сидит на крыше и вон из кожи лезет, выслеживая нас, чтобы передать своим приятелям. Десять против одного, что у него в кармане фонарь.

Меллори поднял куртку Панаиса и быстро обыскал карманы.

— Так и есть.

— То-то и оно. — Миллер зажег сигарету, задумчиво глядя, как бежит по спичке огонек до самых его пальцев, потом уставился на Панаиса. — Ну и как ты себя теперь чувствуешь, Панаис, когда знаешь, что умрешь? Теперь ты можешь представить, что испытывали те люди на Крите, которых ты привел к смерти. Теперь ты знаешь, что испытывали парни из воздушных и морских десантов на Навароне, которые погибли только потому, что считали тебя за своего. Как ты себя чувствуешь, Панаис?

Панаис ничего не ответил. Левой рукой он зажимал рану, безуспешно пытаясь остановить кровь. Он стоял неподвижный, темный, с нечеловеческим оскалом на иска-

женном ненавистью лице. В нем не замечалось никакого страха, совсем ни капли. Меллори приготовился к последней отчаянной попытке предателя спасти свою жизнь. Он ни минуты не сомневался, что Панаис обязательно предпримет такую попытку. Но когда взглянул на Миллера, то ему стало ясно, что ничего подобного не произойдет, что это просто исключено, ибо в действиях американца были страстная твердость и неумолимость: неподвижность его руки с пистолетом и каменная тяжесть взгляда предостерегали даже от мысли о возможности такой попытки.

— Арестованному больше нечего сказать, — устало прозвучал голос Миллера. — Полагаю, что сказать должен кое-что я сам. Полагаю, что мне нужно выдать длинную речь и объяснить, что сейчас я и судья, и суд присяжных, и палач... Но вряд ли это необходимо. Трупы — плохие свидетели... Быть может, это и не твоя вина, Панаис. Может быть, была какая-то причина, из-за которой ты стал тем, что ты есть. Бог знает. А я не знаю и знать не хочу! И так слишком много трупов. Я убью тебя, Панаис, не задумываясь, и сделаю это сейчас. Так ты ничего не хочешь сказать?..

Предателю нечего было ответить. Злоба и ненависть в черных глазах говорили за него. Миллер коротко кивнул, словно сообразив что-то. Хладнокровно и бесстрастно он дважды выстрелил в сердце Панаиса. Задул свечи, повернулся спиной и был уже на полпути к двери, когда труп предателя глухо ударился об пол.

— Боюсь, что не смогу ничего сделать, Андреа! — Лука устало откинулся к стене и энергично помотал головой. — Мне очень жаль, Андреа. Узлы слишком тугие.

— Неважно, — Андреа перекатился и сел, не оставляя попыток ослабить путы на ногах и запястьях. — Хитрые они, эти немцы. Мокрые веревки не развяжешь. Их можно только разрезать.

Две минуты назад он сумел добраться до веревок на запястьях Луки и развязал их зубами и своими стальными пальцами в пять-шесть движений.

— Предпримем еще что-нибудь, — утешил он маленького человечка, отвел глаза от Луки и поглядел в дальний угол комнаты, где перед решетчатой дверью слабо мерцала чадающая масляная лампа.

В призрачном и желтом свете лампы можно было разглядеть и Кейси Брауна, брошенного у входа наподобие снопа соломы, спеленутого, как и они, мокрыми веревками, привязанного, как и они, к железным крюкам, вбитым в потолок. Андреа невесело улыбнулся. Снова в плену. Второй раз за сегодня. И опять они попали в ловушку так же легко и неожиданно. Сопротивляться не было возможности. Они не подозревали о засаде. Их схватили в верхней комнате замка через несколько секунд после того, как Кейси окончил разговор с Каиром. Немцы точно знали, где их искать. Командир патруля злорадно сообщил им, какую роль играл Панаис. Неожиданность и успех операции стали понятными. Командир патруля был так уверен в себе, что можно было не сомневаться в дальнейшей судьбе Миллера и Меллори. У них не оставалось возможности избежать ловушки. Но в голове Андреа даже случайно не возникла мысль о безвыходности положения...

Глаза его заскользили по комнате, отмечая каждую деталь, которую можно разглядеть на каменных стенах и

полу: крючья, вентиляционные колодцы, тяжелую зарешеченную дверь. Камера, пыточная камера – мог подумать любой, попавший в комнату. Но Андреа и раньше бывал в подобных местах. Дом называли замком, но на самом деле от замка осталась лишь башня, не более. В остальном это был обыкновенный помещичий особняк, построенный вокруг зубчатой башни. Давно почившие франкские аристократы, строившие дом, жили добротно. Не камера это, а просто кладовая. В ней хранили подвешенными на крюки мясо и дичь, оттого в кладовой нет окон и света, так как...

Свет! Андреа уставился на чадающую масляную лампу. Глаза его сосредоточенно прищурились.

– Лука, – тихо позвал он. Маленький грек обернулся к нему. – Сможешь достать лампу?

– Наверное, смогу. Да, смогу.

– Сними стекло, – прошептал Андреа, – оберни тряпкой: оно горячее. Осторожно раздави об пол. Стекло толстое. Осколками ты разрежешь веревки в минуту.

Мгновение ошарашенный Лука глядел на него непонимающими глазами. Потом утвердительно кивнул. На связанных ногах запрыгал к лампе, протянул руку к стеклу, но сразу отдернул ее: властный металлический лязг раздался всего в нескольких футах от него. Он повернул голову на звук.

Протяни Лука руку – свободно дотронулся бы до ствола маузера, который угрожающе торчал между прутьев дверной решетки. Часовой опять застучал стволом о прутья и закричал что-то непонятное греку.

– Оставь это занятие, Лука, – тихо сказал Андреа спокойным голосом. Ни тени разочарования не слышалось в

нем. – Иди обратно. Наш друг, там, за дверью, не очень тобой доволен.

Лука послушно проскакал на место и снова услышал гортанный голос, на этот раз торопливый и встревоженный. Лязгнуло железо – часовой вытащил винтовку из дверной решетки, и его кованые сапоги поспешно загромыхали по каменным плитам коридора.

– Что это стряслось с нашим общим другом? – зазвучал как всегда печальный и усталый голос Кейси Брауна. – Что это его так взволновало?

– У него есть причина для волнения, – улыбнулся Андреа. – Он увидел, что руки Луки не связаны.

– Так почему же он снова не связал их?

– Может быть, он соображает и туго, но совсем не такой дурак, как кажется, – пояснил Андреа. – Он побоялся попасть в ловушку и поэтому побежал за своими приятелями.

Почти тотчас же они слышали глухой стук, словно где-то далеко хлопнули дверью. А затем звук громыхающих по коридорным плитам ног – топот бегущих. Наконец зазвенели связкой ключей, заскрежетал дверной замок, щелкнул, завизжали давно не смазанные ржавые петли, и в комнату ввалились два солдата. Мрачные, угрожающие, с винтовками на изготовку. Некоторое время они не двигались, привыкая к полумраку камеры. Стоящий ближе к двери заговорил:

– Кошмарные вещи, начальник! Как это плачевно!.. Оставили их на минуту одних, и смотрите, что из этого получилось. Вся шайка-лейка связана, как куры на базаре!

Трое узников ошеломленно уставились на солдат в тяжелых сапогах. Первым пришел в себя Браун.

— Так бы и давно, — произнес он. — Мы уж думали, что вы никогда не придете.

— Он хочет сказать, что не надеялся увидеть вас в живых, — спокойно пояснил Андреа. — Я тоже не думал встретить вас целых и невредимых.

— Да, — кивнул Меллори. — Спасибо Миллеру. Он единственный оказался настолько внимательным, что раскусил Панаиса, пока мы все хлопали ушами.

— Где он?! — спросил Лука.

— Панаис-то? — Миллер небрежно махнул рукой. — Мы его оставили одного. С ним несчастный случай произошел. — Он стоял возле Брауна и аккуратно разрезал веревки, связывающие раненую ногу радиста. Меллори тоже был занят: освобождал от пут Андреа и одновременно пересказывал подробности, успевая в то же время слушать торопливый отчет грека о происшествии в башне. Андреа поднялся на ноги. Растирая затекшие руки, он глядел на насмистывающего Миллера.

— Уж этот мне свист, капитан. Звучит ужасно и, что еще хуже, очень громко. Часовые...

— Не беспокойтесь о них, — мрачно сказал Меллори. — Они никак не ожидали увидеть нас с Дасты. Были беспечны. — Он взглянул на Брауна, ковылявшего по комнате. — Как нога, Кейси?

— Отлично, сэр, — обронил Браун небрежно, будто речь шла о чем-то несущественном. — Я связался с Каиром. Доклад...

— С рапортом придется подождать, Кейси. Нужно поскорее убираться отсюда. Ты в порядке, Лука?

— Мое сердце разбито, майор Меллори. Ведь он мой соотечественник, друг, которому я доверял...

— С этим тоже придется подождать. Пошли.

— Вы слишком спешите, — посетовал Андреа. Они вышли в коридор, перешагнув через труп часового, мешком валявшегося на каменных плитах. — Конечно, если все они такие, как этот приятель...

— С этой стороны нет никакой опасности, — нетерпеливо прервал его Меллори. — А вот солдаты в городе. Они-то, должно быть, уже пронюхали, что мы раскусили Панаиса, значит, избавились от него. Немцы наверняка сообразят, что мы постараемся улизнуть отсюда. Судите сами, в таком случае они должны быть уже на полпути к замку. А если они придут... — Он уставился на вдребезги разбитый генератор и останки браунского передатчика в углу прихожей. — Неплохо они над ними поработали, а? — огорченно сказал он.

— Слава Богу, — небрежно согласился Миллер. — По крайней мере меньше придется тащить, вот что я отвечаю. Если бы только видели, во что превратилась моя спина после эту чертова генератора!..

— Сэр?.. — Браун поймал Меллори за руку: странный поступок для всегда сдержанного младшего офицера. Меллори изумленно остановился и вопросительно поглядел на радиста. — Сэр, это очень важно. Я имею в виду рапорт. Вы должны выслушать его, сэр.

Его поступок и невероятная серьезность полностью приковали внимание Меллори. Он улыбнулся Брауну.

— Хорошо, Кейси, выкладывайте, — спокойно предложил он. — Вряд ли нам может быть хуже, чем сейчас.

— Может, сэр, — в голосе Кейси звучали усталость и такой надлом, что большой каменный зал показался Мел-

лори еще холоднее. – Боюсь, что может, сэр. Сегодня вечером я связался с Каиrom. Отличная слышимость. Сам капитан Дженсен был у передатчика. Он прямо-таки с ума сходил. Он ждал нас целый день. Хотел узнать, как дела. Я сообщил ему, что в крепость мы еще не проникли, но надеемся попасть туда через час или около этого.

– Продолжайте.

– Дженсен ответил, что это самая лучшая новость, которую он когда-либо слышал. Он сказал еще, что был дезинформирован, что его одурачили, что ударная флотилия немецкого десанта не полезла через Циклады, а прошла прямо. С таким плотным воздушным и морским конвоем, которого еще не видывали в Средиземноморье. Немцы готовы к удару по Ксеросу еще до завтрашнего рассвета. Он сказал, что наши эсминцы целый день ждали их с юга, но с наступлением темноты отошли к острову. Они ожидают приказания пройти через Мейдосский пролив. Я спросил его, быть может, что-то случилось, а он ответил, что только не с капитаном Меллори и не с Миллером. Кроме того, он добавил, что не хочет рисковать жизнями более тысячи людей на Ксеросе только потому, что может ошибиться, – Браун внезапно умолк, остановился и мрачно уставился в пол.

Все стояли молча, не произнося ни звука.

– Продолжайте, – шепотом повторил Меллори. Лицо его побледнело.

– Это все, сэр. Больше ничего он не сказал. Сегодня в полночь эсминцы войдут в пролив. – Браун посмотрел на свои светящиеся часы. – В полночь. Через четыре часа.

– О Господи! Полночь! – Меллори был ошеломлен. Он

вперился в одну точку. Руки сжались в кулаки так, что суставы пальцев побелели. – Они придут сегодня в полночь. Да поможет им Бог! Теперь им может помочь только Бог. Только не мы...

ГЛАВА 15

**Среда. Вечер.
20.00–21.15**

Часы тикали, часы торопили: 8.30, 8.30, 8.30... Ровно тридцать минут до комендантского часа. Меллори распластался на крыше, прижался к контрфорсу громадной стены крепости. Тихо выругался. Стоит часовому посветить фонариком – и всем им конец. Карниз, по которому ходили часовые, тянулся вдоль наружной стены примерно в четырех футах от верха. Случайный луч фонаря – и они будут обнаружены. И Меллори, и Дасти Миллер, притаившийся прямо за ним с большим автомобильным аккумулятором в руках, оказались бы совершенно беззащитными, если их заметят со стены. Возможно, им и следовало бы остаться с Лукой и Кейси, мастерившими крюк из проволоки на одной из крыш, подальше от крепостной стены. Крюк привязали к бамбуковому шесту, который выдернули из ограды, когда прятались впопыхах за городом. Три грузовика с солдатами пронеслись тогда мимо в направлении замка Вигос.

8.32. «Какого черта копошится там Андреа?» – раздраженно подумал Меллори. Андреа не терял ни секунды напрасно. Не только промедление, но и излишняя суетли-

вость в их ситуации была смерти подобна. Насколько они могли судить, вряд ли внутри форта осталось много солдат. Они знали, что в эту минуту половина немецкого гарнизона прочесывала город и местность в районе Вигоса.

Меллори посмотрел на свою обожженную руку. Криво улыбнулся. Поджог грузовика – его единственный вклад во вчерашние действия группы. Все остальное сделали или Миллер, или Андреа. Андреа предложил занять пустующий дом, расположенный среди других домов, занятых немецкими офицерами. Единственный разумный выход из положения. А Миллер, лишившийся взрывателей и бикфордова шнура, неожиданно заявил, что ему необходим аккумулятор. И опять-таки именно Андреа, заслышав надсадный вой грузовика, успел завалить тяжелыми валунами въезд на длинную дорожку, ведущую к башне. Солдаты оставили автомобиль у ворот и побежали к замку. Преодоление препятствия в виде шофера и его напарника заняло лишь несколько секунд. Чуть больше, чем потребовалось Меллори, чтобы отвинтить клеммы тяжелого аккумулятора, найти укрепленную сзади канистру с бензином и вылить ее содержимое на мотор, кабину и кузов, сразу исчезнувшие в реве и вихре пламени. Как сообщал раньше Лука, облитый бензином грузовик был небезопасен – ожог на руке Меллори болезненно ныл. Но опять-таки, как и рассказывал Лука, машина горела великолепно. Горящая машина, конечно, сразу подсказала немцам, что группа не в замке. Однако сжечь грузовик было необходимо, чтобы скрыть отсутствие аккумулятора. И все-таки Меллори слишком хорошо знал противника, чтобы недооценивать опасность: немцы могли догадаться об истинной

цели нападения на грузовик быстрее, чем предполагали преследуемые...

Миллер дернул его за ногу. Он вздрогнул и обернулся. Американец показал куда-то назад. Меллори увидел Андреа, машущего рукой из люка в дальнем углу крыши. Гигант грек был, как всегда, по-кошачьи бесшумен. Появился совершенно незаметно. Меллори огорченно покачал головой, разозлившись на собственную рассеянность, забрал у Миллера аккумулятор, велел позвать остальных, а сам медленно и бесшумно пошел по крыше. Ему показалось, что батарея весит не меньше тонны, но Андреа легко подхватил ее, перенес через край люка, сунул под мышку и спустился по лестнице в крохотную прихожую.

Андреа прошел в открытую дверь балкона, нависшего над темной неподвижностью гавани. Меллори шел по пятам. Легонько дотронулся он до плеча грека, когда тот опускал батарею на пол.

— Никаких осложнений? — тихо спросил Меллори.

— Совершенно никаких, Кейт, — Андреа выпрямился. — Дом пуст. Я так удивился, что обошел его вокруг дважды, чтобы лишний раз убедиться в этом.

— Отлично! Великолепно! Наверное, честная компания рыщет сейчас в поисках нашей группы по всему острову. Интересно, как они запели бы, узнав, что мы сидим у них в гостиной?

— Никогда не поверили бы, — молниеносно ответил Андреа. — Здесь они будут нас искать в последнюю очередь.

— Как я хочу, чтобы ты оказался прав! — с жаром произнес Меллори, прошел к решетчатым перилам, глянул

вниз, во тьму под ногами, и вздрогнул. Спуск намечался длинный, очень длинный, в добрую сотню футов. Было очень холодно: проклятый, хлещущий как из ведра дождь пронизывал до костей... Он отступил на шаг и потряс руками перила. – Как ты думаешь, эта штука достаточно крепка?

– Не знаю, Кейт, не знаю, – Андреа пожал плечами. – Надеюсь, что выдержит.

– Надеюсь, что да, – эхом отозвался Меллори. – Да дело и не в этом. На вид перила крепки. – Он опять далеко высунулся за перила, глянул вверх и чуть вправо. В иссеченном дождем сером ночном мраке едва проглядывалась еще более черная темень – жерло пещеры, в которой находились два больших орудия, две зловещие пушки острова Наварон. Пушки, расположенные всего в сорока футах от них и футов на тридцать выше. А между ними и пушками – стена утеса. Пещера и теперь для них так же недоступна, как луна. Он пошел было с балкона, но услышал шаги прихрамывающего Брауна. – Иди-ка к входной двери, Кейси, и стой там. Лучше у окна. Переднюю дверь не закрывай. Если придут гости,пусти.

– Бить только кулаками и ножом. Не стрелять. Не так ли, сэр? – промолвил Браун.

– Только так, Кейси.

– Хоть это мне оставили, – мрачно произнес Браун и захромал к двери.

Меллори повернулся к Андреа.

– На моих часах без двадцати трех.

– То же и на моих: без двадцати трех десять.

– Какая удача, – усмехнулся Меллори и с улыбкой обратился к Миллеру: – Давай, Дасти. Начали.

...Через пяток минут Меллори и Миллер сидели в таверне на южной стороне городской площади. Стены, столы, стулья и полки хозяин выкрасил в этаким яркий отвратительно-веселенький цвет. Такого же цвета были ящики с бутылками: у всех островитян неизменное правило – красить винные лавки в синий с красным, а кондитерские – в зеленый цвет. Несмотря на это, таверна оказалась довольно угрюмым, плохо освещенным помещением, таким же мрачным, как суровые герои войны за Независимость. Горящие глаза героев с пышными усами глядели с дюжины плакатов, наклеенных на стену на уровне глаз. Между каждой парой плакатов висела реклама фиксового пива. Впечатление непередаваемое. Меллори вздрогнул, представив, как это все выглядело бы при ином освещении. Если бы трактирщик не поскупился на него. Но в кабачке, кроме чадающих масляных ламп, поставленных на стойку, не было другого света.

Полумрак вполне устраивал новых посетителей. Их темная одежда, поношенные пиджаки, кушаки и сапоги выглядели весьма заурядно, а черные шапочки – фески, неизвестно где добытые Лукой, были вполне уместны. Островитяне в таверне – их было человек восемь – носили точно такие же. Одежда вполне подходящая. Трактирщик не обратил на них особого внимания. Даже от хозяина питейного заведения едва ли можно ожидать, что он помнит в лицо всех жителей пятитысячного городка. Патристически настроенный грек, как его отрекомендовал Лука, даже и бровью не повел бы, появись в трактире немецкие солдаты. А немцы там были – четверо солдат за столиком у самого прилавка. Меллори и Миллер их не боялись. Лука презри-

тельно назвал этих немцев бандой старух. Меллори догадался, что это штабные писаря, которые приходят сюда каждый вечер.

Миллер закурил вонючую местную сигарету и с отвращением сморщил нос.

— Чертовски странный запах в этом притоне, начальник.

— Выброси сигарету, — посоветовал Меллори.

— Вы не поверите, но запах, который я чую, во много раз хуже сигаретного.

— А! Гашиш, — коротко пояснил Меллори. — Проклятие всех здешних портов. — Он кивнул в угол. — Парни из той дыры дымят им каждый вечер. Ради этого они только и живут.

— Что же, им обязательно нужно дьявольски шуметь, когда они этим занимаются? — брезгливо спросил Миллер. — Посмотрел бы на такую компанию Тосканини!

Меллори глянул на кучку людей в углу, сгрудившихся вокруг играющего на бузуке — мандолине с длинным грифом. Тот пел нудную, заунывную песню курильщиков гашиша из Пирея. В музыке слышалась какая-то меланхолия, была какая-то восточная привлекательность, но сейчас она действовала на нервы. Чтобы по-настоящему оценить эту песню, нужно быть в определенном состоянии, нужно иметь беззаботное настроение. А Меллори никогда в жизни не чувствовал себя более озабоченным, чем сегодня.

— Да, это довольно мерзко, — заметил он, — но зато мы можем спокойно разговаривать, чего нельзя было бы позволить, если они вдруг встанут, соберутся и уйдут.

— Как я хочу этого! — мрачно сказал Миллер. — Я бы с удовольствием помолчал. — Он принялся брезгливо ковыряться в смеси из маслин, печенки, сыра и яблок, лежащей на тарелке перед ним. Как истинный американец, много лет подряд пивший аперитивы, он не одобрял греческий обычай запивать еду вином. Неожиданно он поднял глаза, погасил сигарету и спросил со стоном: — Ради Бога, начальник, сколько мы еще будем терпеть это?

Меллори глянул на него и отвел глаза. Он точно знал, что испытывает сейчас Миллер, ибо и сам испытывал то же самое. Напряженность ожидания, взвинченность — каждый нерв натянут как струна: многое зависело от последующих нескольких секунд. Не напрасны ли их труды и страдания, погибли или будут жить люди на Ксеросе, напрасно или не напрасно жил и умер Энди Стивенс, — все решится сейчас, через несколько мгновений. Меллори еще раз глянул на Миллера, увидел его нервные руки, глубокие морщины вокруг глаз, плотно сжатые побелевшие губы — признаки сосредоточенности, но решил не придавать им значения. Из всех людей, которых он когда-либо знал, спутником в этой ночи можно выбрать только тощего, угрюмого американца. За исключением Андреа. А быть может, и не исключая Андреа. Лучшим диверсантом Южной Европы назвал Миллера тогда, в Александрии, капитан Дженсен. Он проделал долгий путь сюда исключительно ради сегодняшней ночи. Сегодняшняя ночь — это ночь Миллера.

Меллори посмотрел на часы.

— Через пятнадцать минут — комендантский час, — спокойно сказал он. — Ракета будет через двенадцать минут.

Осталось ждать четыре минуты. — Меллори увидел пульсирующую жилку на виске Миллера и невольно подумал: то же самое мог заметить на его лице и американец. Он вспомнил о раненом Кейси Брауне. В доме, из которого они недавно ушли, радисту предстояла ответственная работа, а дверь в самый критический момент останется без охраны. Кейси будет на балконе. Стоит ему оступиться... Он заметил, что Миллер как-то странно смотрит на него и криво улыбается.

«Стоят ли остальные двое на постах? — подумал он. — Должны бы стоять. Немцы давно обыскали верхнюю часть города. Но нельзя предвидеть всего, что может случиться. Всегда случается что-нибудь неожиданное. И очень даже просто...»

Меллори опять взглянул на часы. Стрелки ползли как никогда медленно. Он закурил последнюю сигарету, налил последний стакан вина и прислушался к вою доносящейся из угла песни, не вникая в нее толком. Песня курильщиков жалобно замерла. Стакан пуст. Меллори поднялся.

— Вот и все, — произнес он, — Нам снова нужно идти. — Легко направился к выходу, пожелав присутствующим спокойной ночи. У самой двери остановился, выглянул наружу и озабоченно пошарил по карманам, словно искал чего-то.

Ночь безветренна. Идет дождь. Очень сильный — капли дождя высоко отскакивают от булыжника мостовой. Насколько можно разглядеть, улица пустынна. Удовлетворенный этим, Меллори крепко выругался и повернул обратно. Лицо приняло сосредоточенное выражение. Он

пошел прямо к столу, за которым только что сидел. Рука покоилась в просторном внутреннем кармане куртки. Мельком взглянув на Дасти, заметил, что тот поднимается, отодвигая стул. Мгновенно остановился. В трех футах от столика немцев. Лицо прояснилось. Рука уже не искала ничего.

— Ни с места! — тихо произнес он по-немецки, и слова его были не менее угрожающи, чем сорокапятимиллиметровый кольт, направленный на солдат. — Мы отчаянные парни. Кто двинется, будет убит.

Солдаты окаменели. Лица их застыли без всякого выражения, глаза расширились от удивления. Неожиданно немец, который сидел ближе к стойке, мигнул и дернул плечом. В тот же миг застонал от боли. В руку его впиалась пуля: тихий хлопок бесшумного пистолета Миллера не могли услышать за дверью.

— Извините, начальник, — просительно сказал Миллер. — Быть может, он просто страдает пляской святого Витта, — он с интересом взглянул на искаженное болью лицо, на темную кровь, сочащуюся сквозь скрюченные пальцы зажавшей рану руки. — Но, похоже, он уже вылечился.

— Да, он вылечился, — согласился Меллори с мрачным видом и повернулся к высокому меланхоличному человеку с тонким лицом и усами китайского мандарина, угрюмо свисавшими к уголкам губ. Это был трактирщик. Меллори заговорил по-гречески: — Немцы понимают по-гречески?

Трактирщик покачал головой. И бровью не повел. Будто событие не производит на него никакого впечатления, будто вооруженные нападения в его таверне — правило, а не исключительный случай.

— Они — нет! — презрительно ответил он. — Быть может, по-английски немножко?.. Да, по-английски говорят, это точно. Но не по-нашему. В этом-то я уверен.

— Хорошо. Я британский разведчик. У вас есть место, куда можно спрятать немцев?

— Вы этого не должны делать! Меня же убьют за это! — слабо запротестовал трактирщик.

— О нет, не убьют, — Меллори скользнул за прилавок, и дуло его пистолета уперлось в грудь трактирщика. Со стороны никто не мог бы усомниться, что греку угрожают, и угрожают всерьез. Никто, кроме видевших, как Меллори подмигнул трактирщику. — Я свяжу вас вместе с ними. Идет?

— Ладно. Там, в конце стойки, люк. Лестница в погреб.

— Что ж. Годится. Я наткнулся на него случайно, — Меллори зло и сильно, совсем по-настоящему, толкнул трактирщика. Тот зашатался. Меллори перепрыгнул через стойку, подошел к певцам в углу комнаты. — Убирайтесь домой, — быстро сказал он. — Вот-вот наступит комендантский час. Идите через черный ход и помните: вы ничего не видели. Понятно?

— Понятно, — ответил парень, который играл на бузuke, ткнул пальцем в своих товарищей и улыбнулся. — Плохие люди, но зато хорошие греки. Может, мы вам будем полезны?

— Нет! — решительно ответил Меллори, — Подумайте о своих семьях. Солдаты вас опознают! Они ходят сюда каждый вечер. Они, должно быть, хорошо вас знают, так ведь?

Парень кивнул.

— Тогда убирайтесь. И все-таки... спасибо!

Через минуту в сумеречном, освещенном свечой подвале Миллер ткнул ногой ближайшего солдата, подходящего по сложению.

— Раздевайся.

— Английская свинья! — гаркнул немец.

— Не английская! — возразил Миллер. — Даю тебе полминуты, чтобы ты снял китель и штаны.

Солдат злобно выругался, но с места не двинулся. Фриц был смелым парнем, но церемониться с ним времени не оставалось. Дасти хорошенько прицелился и нажал курок. Снова раздался мягкий хлопок, и солдат тупо уставился на дыру в кисти левой руки.

— Нельзя же портить эту чудесную форму, не так ли? — словоохотливо пояснил Миллер. И стал поднимать пистолет. Солдат уставился в черный зрачок дула. — Следующая пуля между глаз! — Небрежно брошенные слова звучали убедительно. — Тогда не много потребуется времени, чтобы снять форму с тебя.

Но солдат уже срывал китель, рыдая от бессильного гнева и боли.

Еще через пять минут Миллер и Меллори, облаченные в немецкую форму, открыли дверь трактира и осторожно выглянули на улицу. Дождь, казалось, припустил еще сильнее. Кругом ни души. Меллори жестом позвал Дасти и закрыл дверь. Вместе вышли на середину улицы и, не прячась, зашагали к своим. Через полсотни ярдов они уже прошли площадь, повернули направо, миновали южную сторону, затем взяли левее и двинулись по восточной, не задерживаясь у дома, где их ожидали товарищи. Из при-

открытой двери Лука протянул им на вытянутой руке два тяжелых немецких ранца, набитых веревками и шнурами, проводами, взрывчаткой и другой необходимой канителью. На ходу они подхватили ранцы, а через несколько ярдов внезапно нырнули за две огромные пивные бочки, оставленные возле двери в парикмахерскую. Отсюда хорошо видно часовых, которые ежились под холодным дождем в ожидании смены, менее чем в ста ярдах от них.

Все рассчитали до секунды. Меллори едва затянул потуже поперечный ремень ранца, как ярдах в трехстах от них раздались несколько взрывов и автоматная очередь, заглушенная новыми взрывами. Андреа отлично справился со своей частью дела, используя гранаты и самодельные бомбы.

Широкий луч прожектора вспыхнул над воротами. Они затаились за бочками. Луч протянулся по кромке высокой стены. Стал отчетливо виден каждый шип колючей проволоки. Лучше, чем днем. Меллори и Миллер обменялись угрюмыми взглядами. Панаис сказал правду: они бы застряли в проволочном заграждении, как мухи на липучке, а пулеметы прикончили бы их в доли секунды.

Меллори подождал еще с полминуты. Толкнул Миллера в плечо, вскочил и сломя голову побежал через площадь. Наперевес, как копыеносец, держал он бамбуковый шест с крючком. Американец громыхал сапогами следом. Через несколько секунд они были у ворот форта. Испуганные часовые встретили их перед самым входом.

— Все к Ступенчатой улице! — закричал Меллори. — Чертовых английских диверсантов накрыли в одном из домов. Нам нужно несколько минометов. Скорее, черт возьми, скорее!

— Но ворота! — возразил было один из часовых. — Мы не можем их оставить! — У него не возникло и тени подозрения: в таких обстоятельствах — почти полная темнота, дождь, солдат в немецкой форме, прекрасно говорящий по-немецки, несомненная очевидность того, что рядом идет бой, — при всем этом вряд ли он мог усомниться в правдивости говорящего.

— Идиот! — заорал Меллори. — Болван! От кого их охранять? Эти английские свиньи на Ступенчатой улице. Их необходимо уничтожить. Ради Бога, скорее! — отчаянно завопил он. — Если диверсанты опять ускользнут, меня отправят на русский фронт!

Меллори уже положил руку на плечо немца, приготовившись иным способом наставить того на путь истинный. Но крайних мер не потребовалось: двое солдат торопливо перебежали через площадь и вскоре исчезли в иссеченной дождем темноте. Через несколько секунд Меллори и Миллер были уже в самом форте.

Вокруг творилась обычная в таких случаях суeta — целеустремленный беспорядок, который можно было ждать от испытанных немецких солдат альпенкорпуса. Выкрикивались команды, и раздавались свистки. Заводились моторы. Сержанты сновали взад-вперед, выстраивая своих людей или впихивая их в автомобили. Меллори и Миллер пробежали два-три раза мимо группы солдат, сгрудившихся у бортов грузовика. Им спешить не было нужды, но вид спокойно шагающих солдат наверняка вызвал бы подозрение. Так что и они вынуждены были побегать в этой суete. Вот они и бегали, стараясь прятать лица в особенно

освещенных местах. Миллер очень чисто и с искренним чувством ругался по-немецки. Он не привык к такому способу передвижения...

Справа остались две казармы, слева промелькнуло здание электростанции, потом – справа – оружейный склад и, наконец, – опять слева – гараж отдела охраны форта. Они карабкались вверх в почти полной темноте, но Меллори ориентировался отлично: так крепко запомнились точные описания Влакоса и Панаиса, что совершенно свободно он определил верное направление.

– Что это там, начальник? – Дасти поймал Миллера за руку и указал на большое прямоугольное здание, мрачно маячащее в темноте. – Местный мавзолей?

– Водный резервуар, – коротко пояснил Меллори. – Панаис утверждал, что в бак вмещается примерно пол-миллиона галлонов воды. В случае чего водой можно моментально залить артиллерийский склад. Он прямо под ними. – Меллори указал на приземистое коробчатое сооружение чуть поодаль. Единственный вход в склад. Закрыт. Охраняется.

Они приблизились к казармам старших офицеров. Кабинет коменданта находился на втором этаже, окнами к массивной и прочной железобетонной наблюдательной вышке, сооруженной прямо над двумя орудиями, упрямыми в скале. Меллори остановился, нагнулся, схватил горсть грязи и размазал по лицу. Миллеру приказал сделать то же.

– Маскировка, – подытожил он. – Эксперты разведки, пожалуй, сочли бы такой способ слишком элементарным. Но это должно сработать. Свет внутри чуть посильнее, чем здесь.

Он побежал вверх по лестнице как угорелый, вломился в двери с такой силой, что чуть не сорвал их с петель. Часовой у ящика с ключами изумленно уставился на него и направил автомат в грудь.

— Опusti эту штуку, идиот чертов, — свирепо рявкнул Меллори. — Где комендант? Быстро, болван! Вопрос жизни и смерти!

— Герр... герр комендант, — начал, запинаясь, часовой, — он ушел. Все ушли. Минуту назад.

— Что? Все ушли? — Меллори вперился в немца прищуренными угрожающими глазами. — Ты сказал, что все ушли? — тихо спросил он.

— Да... Я... я уверен в этом... они все... — он умолк, заметив, что Меллори уставился на что-то за его спиной.

— А кто это там? — свирепо спросил Меллори, не дав простофилю опомниться.

Нужно было быть сверхчеловеком, чтобы не клюнуть на удочку. И часовой клюнул. Не успел немец повернуться, как Меллори резко ударил его ребром ладони чуть ниже уха. Немец еще не упал, а Меллори уже разбил стекло ящика с ключами, схватил всю связку — не меньше десятка в общей сложности — и сунул в карман. Еще двадцать секунд потребовалось, чтобы заткнуть часовому рот кляпом, связать руки и засунуть в шкаф.

Они побежали дальше.

Бухая в темноте тяжелыми сапогами. Меллори думал о следующем препятствии. Последнем из трех. Он не знал и не мог знать, сколько часовых охраняет артиллерийский склад, но в этот момент особого подъема совсем не беспокоился. Да и Миллер тоже. Он чувствовал это. Пре-

дельное нервное напряжение неожиданно спало, не осталось необъяснимых тревог, которые наваливаются в минуты ожидания. Вряд ли Меллори согласился бы с утверждением, что именно такие люди, как он и Миллер, созданы для подобных моментов. Настало время действовать, и они действовали.

Они вытащили фонарики, включили их. Лучи, описывая беспорядочные круги, скакали по камням тропинки. Они шли дальше, огибая крупные батареи зениток. Громкие шаги, то, что они не прятались, было сейчас лучшим оружием против любого подозрения. Кто заподозрит торопящихся людей с включенными фонариками, один из которых кричал другому что-то по-немецки? Только самый внимательный наблюдатель мог бы заметить, что фонари светят узким направленным лучом...

Впереди мелькнули две тени: отделились от стены склада. На секунду Меллори остановил на них луч, желая как следует во всем убедиться. Замедлил шаги.

— Хорошо, — тихо сказал он. — Вот они. Всего двое. На каждого по одному. Подойдем к ним поближе. Быстро и тихо! Крик или выстрел — нам конец! И ради Бога, не вздумай бить фонарем. На складе света не будет. Мне совсем не хочется ползать со спичками в руках. — Он переложил фонарь в левую руку, вытащил свой морской кольт, взял его за дуло и резко остановился всего в нескольких дюймах от часовых, бегущих навстречу.

— У вас все в порядке? — выдохнул Меллори. — Здесь кто-нибудь был? Скорее, скорее!

— Да, да, все в порядке, — солдат был сбит с панталыку и перепуган. — Бога ради, что там за шум? Что происходит?..

— Проклятые английские диверсанты! — злобно выругался Меллори. — Они убили часовых и проникли в форт! Вы уверены, что здесь никого не было? Дайте-ка я проверю. — Он оттолкнул часового плечом, обшарил фонариком массивный висячий дверной замок и сжался в пружину. — Спасибо и на этом, Господи.

Он обернулся, направил слепящий луч прямо в глаза солдату, пробормотал извинения и выключил фонарь. Щелчок выключателя слился с тупым ударом рукоятки: чуть пониже уха, где голову немца не прикрывала каска. Часовой стал медленно оседать. Меллори пришлось уклониться от падающего тела второго часового. На всякий случай он огрел и второго кольтom. И — замер обескураженно. Два злобно свистящих хлопка бесшумного пистолета Миллера раздались один за другим.

— Какого дьявола?..

— Хитрые птицы, начальник, — проговорил Миллер. — В самом деле, очень хитрые! Там был еще один, сбоку, в тени, — держа пистолет наготове, он нагнулся к телу третьего. — Кажется, успокоился навсегда, — произнес он безразлично.

— Свяжи этих, — Меллори едва ли слышал слова Дасти. Он был занят: пробовал по очереди ключи. Третья попытка оказалась удачной. Ключ подошел. Замок открылся. Меллори ткнул дверь. Та легко поддалась. Меллори быстро огляделся. Вокруг никого. Не видно никого и никого не слышно. Только рев мотора последней машины, выезжающей за ворота крепости, да отдаленный треск автоматов. Андреа прекрасно делал свое дело. Только бы он не переборщил и вовремя отступил, не дал бы себя окружить.

Меллори включил фонарь и шагнул внутрь. Миллер следует за ним, как только кончит возиться с часовыми.

Вертикальная стальная лестница уходила в пещеру. По обеим сторонам ее тянулись шахты подъемника. Даже сеткой не защищены. В середине шахт блестели смазанные маслом стальные тросы и отполированные металлические бегунки по краям. Бегунки направляли и выравнивали пружинные колеса подъемника. Спартанская простота устройства не позволяла спутать шахты подъемников, ведущих в артиллерийские погреба, с чем-то иным.

Меллори спустился на монолитный пол пещеры и описал лучом фонарика большую дугу. Он стоял в глубине подземного каземата, скрытого под каменным карнизом. Каземата, господствовавшего над гаванью. Эта часть пещеры была сделана руками человека: вулканическая порода высверлена и взорвана. Ясно и после беглого осмотра. Здесь не было ничего, кроме двух шахт подъемника и лестницы, ведущей в артиллерийский склад. Со складом можно подождать. В первую очередь необходимо проверить, нет ли здесь часовых, и обеспечить путь к отступлению.

Меллори быстро прошел туннель, то выключая, то включая фонарик. Немцы – мастера по части различных ловушек (скрытых мин и прочего) для охраны важных объектов. Однако в туннеле наверняка мин не было: ставить их в нескольких футах от сотен тонн сильной взрывчатки просто нелепо.

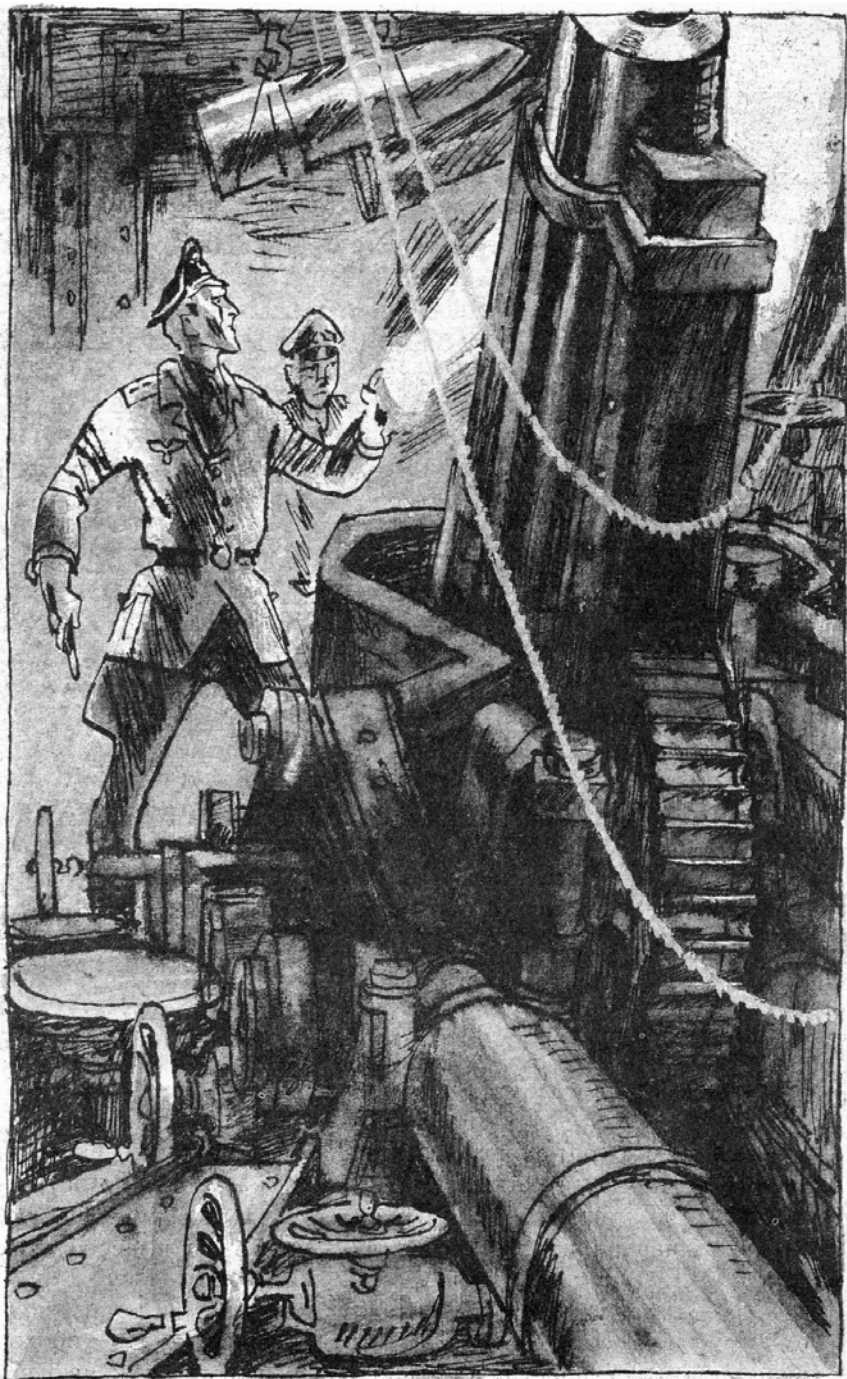
Сырой туннель с дощатым полом довольно широк – около семи футов высоты и чуть больше в ширину, – но проход узкий: почти все пространство занимали роликовые

конвейеры для тяжелых снарядов и патронов. Они тянулись по обе стороны, справа и слева. Неожиданно конвейеры резко развернулись веером, потолок взлетел вверх, образуя невидимый в полутьме купол. У самых ног Меллори блестели в луче фонаря темные рельсы, вделанные в скалу на расстоянии двадцати футов друг от друга. Они уходили вперед, в полумрак пещеры. Меллори увидел на мгновение поворотные станины, венчающие дальний конец поблескивающих рельсов. Над ними, могуче собранные, как кошмарные чудовища из потустороннего мира, лежали зловещие тела двух огромных орудий острова Наварон. Свет могли засечь солдаты, возвращающиеся из Чертовой песочницы, — Меллори выключил фонарь.

Он ощутил странную дрожь в пальцах рук, держащих фонарь и пистолет. Медленно пошел вперед. Медленно, но не крадучись. Без той медлительности, когда человек ежесекундно ожидает беды. Теперь он был совершенно уверен, что здесь нет часовых. Он шел как во сне. Как человек, не верящий, что совершил такое, во что до конца никогда не верил. Это была медлительность человека, встретившего наконец врага. Врага, которого боялся. Врага, которого все время искал.

«Наконец-то я здесь, наконец-то я здесь, — вновь и вновь повторял про себя Меллори. — Я добился своего. Вот они, наваронские пушки! Те пушки, которые я должен уничтожить. Пушки острова Наварон. Наконец-то я до них добрался...» Но он никак не мог полностью в это поверить.

Медленно подошел к орудиям. Прошел полпути по периметру левого поворотного стана. Осмотрел как следует — насколько представлялось возможным в полумраке.

Размеры пушек потрясли. Невероятно толстые в обхвате стволы. Невероятно длинные. Концы орудий терялись где-то далеко в ночи. Он вспомнил, что специалисты считали эти пушки девятидюймовками, то ли опасаясь преувеличить их калибр, то ли не зная истинных размеров пещеры. Он повторил цифру вслух. Не согласился с мнением специалистов. «Двадцатидюймовки! Если не больше». Самые большие пушки, которые он когда-либо видел. «Большие? Боже мой, да ведь они гигантские! Дураки, чертовы слепые дураки те, кто послал «Сибарис» против этих динозавров».

Поток его мыслей резко оборвался. Меллори замер, держа руку на могучем лафете, пытаюсь сообразить, что за звук вернул его к действительности. Он стоял совершенно неподвижно. Закрыв глаза, чтобы лучше слышать. Но звук не повторился. Неожданного него дошло, что это вовсе не звук, а полное его отсутствие. Глубокая тишина прервала его мысли и зазвучала в нем сигналом тревоги. Ночь вдруг стала тихой, очень тихой: в самом сердце города прекратилась автоматная стрельба.

Меллори выругался шепотом. «Размечтался! Так и есть. Андреа отступил. Теперь, надо думать, немцы вот-вот обнаружат, что их надули. Тогда они примчатся. Ясно без слов, куда они побегут». Быстрым движением плеч Меллори скинул ранец. Вытащил свернутую бухтой армированную веревку: их путь к отступлению. На крайний случай. Что бы он ни делал, а об этом не забывал ни на минуту.

Накинув бухту на руку, осторожно двинулся вперед. Сделал всего три шага, ударился коленной чашечкой обо что-то твердое, неподатливое. Сдержал стон. Обследовал

препятствие свободной рукой. «Железные перила внешнего отверстия пещеры! Конечно же. Необходим какой-то барьер, предохраняющий прислугу орудий от случайностей... В бинокль из рожи его невозможно было заметить». Перила шли не по самому краю. И все же об этом следовало подумать заранее.

Меллори на ощупь быстро прошел влево, к концу перил. Перелез через них. Надежно привязал веревку к основанию вертикальной штанги, вмурованной в скалу, и осторожно двинулся к краю, понемногу разматывая бухту. Под его ногой совершенно неожиданно оказалась пустота. Сто двадцать футов пустоты, проваливающейся прямо к обнесенной скалами гавани. Он стоял на кромке жерла пещеры.

Вдали, справа от него, бесформенное пятно среди морской глади – должно быть, мыс Демирки. Прямо перед ним, за темным бархатным сиянием Мейдосского пролива, далекие огни. Их свет был не только демонстрацией самоуверенности немцев: огни служили для ориентира при ночных стрельбах. А влево – удивительно близко, всего в тридцати футах по прямой, но значительно ниже, – выступал приткнувшийся к самой скале край наружной стены дома на западной стороне площади. Крыши, крыши, а еще дальше остальной город, облепивший с востока и запада полумесяц бухты. Вверху... вверху фантастический навес скалы загораживал полнеба. Внизу темнота так же непроглядна – поверхность бухты черна как чернила, чернее самой ночи. Он знал, что там стояли суда: греческие шаланды, каики, немецкие катера, но не видел их, словно они находились за многие мили от него.

Короткий, но успевший все схватить взгляд отвлек Меллори всего на секунду, но этого ему было достаточно. Он наклонился, привязал к концу веревки двойную петлю, оставил веревку на самом краю. «Веревка, пожалуй, не достанет до воды всего футов тридцать. Не зацепится зато за мачту катера или шаланды. Можно спрыгнуть, хотя бы и поломав кости о палубу. Придется рисковать», – Меллори еще раз поглядел в темноту и вздрогнул. Он надеялся, что Миллер не воспользуется этим путем.

Дасти Миллер стоял на коленях возле лестницы, ведущей в артиллерийский склад, когда Меллори прибежал обратно в туннель. Руки Дасти были заняты проводами, капсюлями, детонаторами и взрывчаткой. Увидев Меллори, он выпрямился.

– Пусть порадуются. – Он установил стрелки часового взрывателя, внимательно прислушался к еле слышному тиканью и спустился по лестнице. – Нужно его установить вот здесь. Между патронами.

– Куда хочешь, – безропотно согласился Меллори. – Только постарайся, чтобы не было слишком заметно и в то же время чтобы не слишком трудно было найти. Вряд ли они подозревают, что мы узнали, в каком дерьмовом состоянии нам подсунул Панаис капсюли и взрыватели.

– Ни в коем случае, – подтвердил Миллер. – Едва они обнаружат вот эту штуковину, от радости себе синяков на спинах наставят. И больше искать ничего не станут.

– Прекрасно, – удовлетворенно произнес Меллори. – Закрыв дверь вверх?

– Конечно, закрыл. – Миллер с упреком глянул на Меллори. – Начальник, я иногда думаю...

Но Меллори так и не узнал, о чем иногда думает Дасти. Заглушив слова Миллера, громкий металлический лязг эхом разнесся по пещере и складу и замер над бухтой. Звук повторился снова. Они мрачно уставились друг на друга. Звук повторился опять! Снова и снова. И снова перестало стучать на секунду...

— Целая рота, — промолвил Меллори. — С кувалдами. Господи, будем надеяться, что дверь выдержит. — Он уже бежал по туннелю к пушкам. Миллер следовал за ним по пятам.

— Рота! — Миллер на бегу покачал головой. — Что-то чертовски быстро они сюда добрались. Как это им удалось?

— Прodelки нашего покойного приятеля, — свирепо ответил Меллори. Он перемахнул через перила и подошел к самому краю жерла пещеры. — А мы, как сосунки, поверили, что он сказал всю правду. Он не предупредил нас, что, открывая дверь в склад, мы нажимаем кнопку сигнала тревоги. В караульном помещении начинается тарарам.

ГЛАВА 16

Среда. Вечер
21.15–23.45

Быстро и ловко размотал Миллер армированную веревку, привязал ее к перилам, и Меллори соскользнул вниз, в темноту. Дасти ждал. Ушло 50... 55, 60 футов веревки. Наконец он почувствовал сигнал: конец бечевы, замотанный вокруг запястья, дважды натянулся. Миллер сразу закрепил веревку, наклонился и прочно привязал ее к устоям арматуры.

Снова выпрямился, перегнулся через перила, свесился далеко, насколько было возможно, за край их, обеими руками ухватил веревку пониже и стал сначала медленно, а затем еще быстрее, все с большей силой раскачивать ее и висящего на ней человека. Раз, раз! – из стороны в сторону, как маятник. С увеличением размаха веревка начала чаще дергаться в его руках. Дасте знал, что Меллори наверняка ударяется о каменные выступы, перекручивается вокруг оси и отскакивает от скалы в сторону, чтобы затем удариться еще сильнее. Но Миллер понимал – теперь ему не остановиться: лязг кувалды за спиной не прекращался ни на минуту. Миллер еще ниже наклонился к веревке, вкладывая в нее всю силу жилистых рук и плеч. Только таким образом Миллер мог приблизиться к месту, где Браун должен был сбросить другую веревку. И сейчас, наверное, Кейси там – на балконе дома, в котором его оставили.

Далеко внизу, на половине расстояния между жерлом пещеры и невидимыми водами гавани, по огромной дуге раскачивался Меллори. От одной крайней точки к другой. Темень и холодный секущий дождь словно сговорились помешать выполнению задуманного. При спуске Меллори сильно ударился головой о выступ и чуть не потерял сознание, но рук не разжал. Крепко ухватившись за веревку, раскачиваясь на ней, он все время помнил, где его ожидает этот выступ. Приближаясь к нему по дуге, Меллори старался подальше оттолкнуться. Однако это приводило лишь к тому, что он начинал крутиться волчком вокруг своей оси. «Ничего, – думал он. – Даже хорошо: в темноте меня никто не увидит, а ради этого стоит испытать несколько

неприятных минут». Когда он ударился о выступ, открылась рана – памятный след встречи с Турцигом. Кровь заливала глаза, смешивалась с дождем.

Но беспокоила не рана, не кровь, мешающая смотреть вперед. Веревка! Только она сейчас имела значение.

«На месте ли вторая веревка? Не случилось ли что с Кейси Брауном? Не пришлось ли ему покинуть дом до того, как была укреплена вторая веревка? Если так, то не будет никакой возможности преодолеть сорок футов пространства между пещерой и домом. Тогда и делать здесь нечего... Веревка обязательно должна быть там!»

Но если она на месте, то почему же Меллори не может ее поймать? Почему он не может ее отыскать, хотя сделал целых три попытки? Трижды, отклонившись до предела вправо, он пытался нашить ее бамбуковым шестом. Но слышал только противный скрежет шеста по голому камню.

В четвертый раз, вытянув руки вперед до предела, он неожиданно почувствовал, что поймал веревку! Мгновенно дернул шест на себя и схватил ее раньше, чем полетел назад. Все... Он торопливо задергал сигнальную бечеву и попытался остановиться, цепляясь за выступы скалы руками и ногами... Через две минуты он был снова рядом с Миллером.

Подъем по мокрой и скользкой шестидесятифутовой веревке не прошел для него даром. Ничего не видя перед собой, еле передвигаясь от усталости, он пробрался в отверстие пещеры и рухнул на землю, беспомощно хватая ртом воздух.

Миллер молча наклонился над ним, снял с его ног

двойную петлю троса, развязал узел, скоренько привязал его к веревке Брауна, дернул за нее и увидел, как обе веревки исчезают в темноте.

Вскоре перетащили тяжелую батарею. Сначала Браун спускал батарею вниз, потом ее втаскивали наверх Меллори и Миллер. Затем с чрезвычайной осторожностью они перетащили брезентовый мешок с капсулями, детонаторами и взрывчаткой. Положили его на каменный пол рядом с батареей.

Внезапно стало тихо – тяжелые удары кувалды по стальной двери прекратились. В этой тишине было нечто угрожающее и тревожное. Молчание таило в себе большую угрозу, чем удары кувалды, которой немцы пытались взломать стальную дверь. Может быть, дверь поддалась? Может быть, замок сломан и немцы ожидают их во мраке туннеля с автоматами наизготовку? Тогда автоматные очереди в секунду пресекут их жизни. Но времени на колебания не оставалось. Ждать они не могли ни минуты. Остановиться и взвесить все «за» и «против»? Нет! Время осторожности прошло. Умрут они или выживут – значения это теперь не имело никакого.

Держа возле пояса свой сорокапятидюймовый кольт, Меллори перебрался через ограждение и, мягко ступая, миновал проход между гигантскими орудиями. Миллер слышал, как звякнул фонарь о железо где-то в глубине каземата. Вокруг никого. Верхняя дверь все еще цела. Меллори мигом взлетел по лестнице, остановился на самом верху и вслушался. Ему показалось, что он различает приглушенный гомон и шипящий звук по ту сторону тяжелой двери. Он наклонился вперед, чтобы лучше слы-

шать, оперся ладонью о стальную обшивку, хотел приложить к двери ухо, но с приглушенным стоном отпрянул назад. Руку пронзила боль: чуть выше замка дверь раскалилась почти докрасна. Меллори спрыгнул на бетонный пол в тот момент, когда подошел спотыкающийся под тяжестью аккумулятора Миллер.

— Дверь горяча как огонь! Они ее наверняка режут...

— Что-нибудь слышно? — прервал Миллер.

— Что-то вроде шипения...

— Кислородно-ацетиленовая горелка, — коротко бросил Миллер. — Они хотят вырезать замок. На это потребуется время. Дверь-то из брони.

— Почему же они не взорвут ее? Гелигнитом, или чем там вы в таких случаях взрываете?

— Даже и не думайте! — торопливо ответил Миллер. — Даже и не говорите об этом, начальник! Детонация — хитрая штука. Имеются достаточные основания предполагать, что в подобном случае здесь все взлетит на воздух. Помогите-ка мне справиться вот с этим, начальник.

Через секунду Дасти Миллер погрузился в свою стихию. Он забыл об опасности, не вспоминал о ненавистной скале, с которой еще предстояло спуститься... Вся его работа заняла четыре минуты. Всего четыре минуты от начала до конца! Ради этих четырех минут они проделали все трудное путешествие. Ради них они преодолевали все препятствия.

Пока Меллори спускал батарею в колодец элеватора, Миллер протиснулся между тускло поблескивающими направляющими самого подъемника. При свете фонаря осмотрел заднюю направляющую. Он решил поставить

взрыватель там, где на конце полированного участка останавливается подъемник со снарядами. Удовлетворенный осмотром, он вынул моток черной изолянтной ленты и десяток раз обмотал им балку. Отступил на шаг, осмотрел работу издали – лента совершенно незаметна.

Затем Дасти так же быстро обмотал лентой цветные провода, пока от них не остались лишь кончики, которые он и присоединил к двум четырехдюймовым кускам оголенного провода. И эти куски Миллер проворно обмотал изолянтной лентой, прикрепив к стальным направляющим всего в полдюйма друг от друга. Извлек взрывчатку из брезентовой сумки, достал оттуда же капсулю и детонатор – ртутный детонатор собственной конструкции. Собрал все это, присоединил один из проводов направляющей к клемме детонатора, надетого на гайку. Другой провод от направляющей элеватора, протянул к положительному полюсу батареи, а третий – от отрицательного полюса – к детонатору. Теперь стоило подъемнику нырнуть в склад боеприпасов, – а это непременно произойдет, как только орудия начнут стрелять, – пружина замкнет оголенные провода, и детонатор сработает. Еще раз проверив положение оголенных концов провода, Миллер расправил согнутую спину. Меллори за это время только успел спуститься по лестнице из туннеля в шахту. Миллер похлопал его по ноге. Он обернулся и увидел, как Дасти небрежно водит ножом всего в дюйма от оголенных проводов.

– А знаете, начальник, – словоохотливо начал Миллер, – если я сейчас прикоснусь лезвием к проводам, вся чертова пещера разлетится в пух и прах... – Он задумчиво покачал головой. – Стоит дрогнуть руке, дернуться чуть-чуть, и Меллори с Миллером среди ангелов!

— Ради Бога, убери подальше свой нож! — нервно бросил Меллори, — И давай убирайся отсюда к чертям. Немцы уже вырезали в двери целый полукруг!

Через пять минут Миллер был в безопасности: спуститься по натянутой веревке туда, где их ожидал Браун, оказалось совсем нетрудным делом.

Меллори бросил последний взгляд на каземат. По лицу пробежала недовольная гримаса. Он прикинул, сколько солдат будут обслуживать пушки и склад боеприпасов во время стрельбы. «Вся суть-то в том, — подумалось ему, — что немцы и не узнают никогда, в чем же дело, вот бедолаги!..» В сотый раз он вспомнил о парнях на Ксеросе, обо всех эсминцах, потопленных пушками, сжал губы и отвернулся. Не оглядываясь, скользнул через перила и исчез в ночи. Он был на полпути, в самой нижней точке натянутой веревки, и уже поднимался вверх, когда услышал прямо над собой отрывистый треск автоматных очередей.

Беспокойно оглядываясь через плечо, Миллер помог Меллори перелезть через балконные перила. Янки вдруг с досадой сообразил, что огонь ведется преимущественно по западной стороне улицы. Именно там они и находились! Путь к отступлению был отрезан огнем немецких автоматчиков.

— Пошли-ка, начальник! — поторапливал Миллер. — Давайте-ка выбираться из этого вертепа. Климат здесь становится нездоровый.

Меллори мотнул головой в сторону выстрелов.

— Кто это там старается? — быстро спросил он.

— Немецкий патруль.

— Тогда, черт побери, как же мы отсюда выберемся? — воскликнул Меллори. — Где Андреа?

— Вон там, на той стороне площади. В него-то и палят эти соколики.

— На той стороне площади?! — Он взглянул на часы. — Боже мой, да что он там делает? — Меллори шел по коридору и бросал вопросы через плечо. — Зачем вы его отпустили?

— Я его не отпускал, начальник, — мягко возразил Миллер. — Его уже не было, когда я здесь появился. Браун заметил крупный немецкий патруль. На площади начался повальный обыск. Немцы принялись за дело рьяно и обшаривали сразу по два-три дома. Тут возвратился Андреа и решил, что немцы как пить дать обойдут всю площадь и нагрянут сюда через две-три минуты. Тогда он поднялся по крышам как летучая мышь.

— Собирается отвлечь их? — Меллори стоял рядом с Лукой и глядел в окно. — Дурак сумасшедший! На этот раз его убьют, точно убьют! Вокруг полно солдат. Во второй раз они на ту же удочку не клюнут. Андреа уже одурачил их однажды, в горах, а теперь немцы...

— Сомневаюсь, сэр, — возбужденно прервал его Браун. — Андреа только что расстрелял прожектор на той стороне площади. Немцы наверняка решат, что мы пытаемся прорваться через стену на территорию форта и... смотрите, сэр, смотрите! — Браун чуть не затанцевал от возбуждения, совсем позабыв о раненой ноге. — Трюк удался, сэр, удался!

Меллори и сам уже видел, как немцы, сняв оцепление, бегут развернутой цепью через площадь, тяжело громяхая сапогами по булыжнику. Солдаты спотыкались, падали, вновь вставали и снова теряли опору на скользкой неровной мостовой. Меллори заметил и мигающие фонари на

крышах противоположных домов, и темные силуэты, прячущиеся за трубами. Это немцы маскировались, чтобы не выдать себя. Они быстро продвигались вперед к тому месту, где Андреа только что уничтожил циклопий глаз прожектора.

— Они навалятся на него со всех сторон, — Меллори говорил спокойно, но кулаки его сжались и пальцам стало больно от впившихся в кожу ногтей. Он стоял несколько секунд совершенно остолбенело, потом наклонился и подобрал с пола шмайсер. — Андреа не спастись. Я пойду за ним. — Он круто повернулся и столь же быстро замер: загораживая дверь, на пути стоял Миллер.

— Андреа просил передать, что нам лучше оставить его, что он найдет выход, — Миллер был абсолютно спокоен. — Андреа сказал, что никто не должен ему помогать. Ни в коем случае.

— Не пытайся остановить меня, Дасти, — Меллори говорил ровным тоном и даже не видел Миллера. Он знал только одно: нужно идти, идти сейчас же, быть локоть к локтю рядом с Андреа, помочь ему чем сумеет. Слишком долго они были вместе. Слишком многим он обязан улыбчивому гиганту, чтобы так легко отказаться помочь ему и дать погибнуть. Он и не помнил даже, сколько раз Андреа спасал его. В таких ситуациях, когда все казалось потерянным. Он положил руку на плечо Дасти.

— Вы ему только помешаете, начальник! — настойчиво повторил Миллер. — Вы сами говорили...

Меллори оттолкнул его, метнулся к двери и уже поднял кулак для удара, но руку его мягко ухватили повыше локтя. Он остановился вовремя, увидев обеспокоенное лицо Луки.

— Американо прав, — убедительно сказал Лука, — Вы не должны идти. Андреа говорил, что вы отведете нас к гавани.

— Пройдете сами, — грубо ответил Меллори. — Дорогу знаете, план города тоже.

— Вы бы отправили всех нас...

— Я бы весь свет отправил к чертям, если бы это могло помочь Андреа, — новозеландец говорил с неподдельной искренностью, — Андреа меня никогда бы не оставил, никогда бы не подвел.

— А вы бы его подвели, майор Меллори? — спокойно спросил Лука. — Так, что ли?

— Какого черта? Ты что имеешь в виду?

— Вы его обязательно подведете, если не поступите так, как он просил. Его могут ранить, даже убить. Но это может произойти, и если вы будете рядом с ним. Так вы ему не поможете. Это совершенно бесполезно. Сейчас он рассчитывает только на себя, а появившись вы — все усложнится. И тогда он погибнет ни за что. Так вы хотите отплатить другу за все, что он сделал для вас?

— Ну ладно, ладно! Ваша взяла! — раздраженно сказал Меллори.

— Вот это пришлось бы Андреа по душе, — промолвил Лука. — В любом случае он бы...

— Хватит читать мне мораль! Прекрасно, джентльмены, давайте отправляться. — Он окончательно успокоился. — Попробуем пробраться поверху, по крышам. Поковыряйтесь-ка в той печке, вымажьте сажей лица и руки. Да смотрите, чтобы не оставалось ни одного белого пятна! И — ни слова!

Пятиминутное путешествие к стенке гавани совершили удивительно гладко, без всяких приключений. Шли тихо, молча. Меллори пресекал малейший шепот. Не встретили ни одного солдата и вообще никого не встретили. Обитатели Наварона мудро подчинялись комендантскому часу – и улицы были совершенно пустынные. Андреа отвлек на себя всех преследователей. Меллори стал опасаться, что немцы взяли его в плен, но едва он подошли к воде, как опять услышали автоматные очереди. Теперь выстрелы раздавались значительно дальше от центра, в самой северо-восточной части города, позади форта.

Меллори остановился на низкой стенке гавани, поглядывая то на своих спутников, то на темную, с нефтяными разводами воду за сеткой частого дождя. Он едва различал смутные очертания шаланд и каиков, причаленных кормой к стенке. Дальше ничего невозможно было увидеть.

– Ну, мокрее, чем сейчас, едва ли мы сможем сделаться, – заметил он, повернулся к Луке и прервал его в тот момент, когда маленький грек снова заикнулся было об Андреа. – Ты уверен, что найдешь его в такой темени?

Он – это личный катер коменданта. Десять тонн водоизмещением, длина тридцать шесть футов. Его держали причаленным к бую в сотне ярдов от берега. Механик, он же и часовой, как сообщил Лука, всегда находился на борту.

– Я будто уже там! – похвалился Лука, – Хотите завязать мне глаза? Я все равно...

– Ну ладно, ладно, – торопливо сказал Меллори. – Я вам верю. Одолжи-ка мне свою шляпу, Кейси. – Он запихал

пистолет в шляпу, напялил ее на голову, мягко соскользнул в воду и поплыл рядом с Лукой.

— Майор, наверное, механик не спит, — тихо произнес Лука.

— Я тоже так думаю, — хмуро ответил Меллори. Снова раздался треск автоматов и хлесткий, как удар кнута, выстрел маузера. — Как и всякий в Навароне... Если он не глух и не мертв. Останься сзади, как, только увидишь лодку. Подплывешь, когда позову.

Через десяток секунд Лука коснулся руки Меллори.

— Вижу, — прошептал Меллори. Неясный силуэт возник всего в пятнадцати ярдах.

Меллори бесшумно поплыл к катеру, без единого всплеска, сдерживая дыхание. На юте, возле машинного люка, смутно маячила фигура человека. Немец напряженно вглядывался в темноту — в направлении верхней части города и крепости. Меллори неторопливо обогнул корму и оказался с другой стороны катера, за спиной у механика. Осторожно снял шляпу, вытащил из нее пистолет. Он знал, что не промахнется с семи футов, но стрелять в немца не мог. По крайней мере сейчас. Леерное ограждение на палубе было скорее символическим — дюймов восемнадцать высотой. Плеск от упавшего в воду тела всполошит посты у входа в бухту.

— Не двигайся, иначе стреляю! — тихо сказал Меллори по-немецки.

Часовой окаменел. Меллори заметил в руках немца карабин.

— Клади карабин. Не оборачивайся.

Часовой послушно подчинился. Меллори вылез на па-

лубу. Не отводя от часового пистолета, легко шагнул вперед, ударил немца рукояткой, поймал обмякшее тело раньше, чем оно свалилось в воду, и осторожно опустил на палубу... Через три минуты все были на борту, целые и невредимые.

Меллори двинулся за прихрамывающим Брауном в моторный отсек. Тот, включив фонарь, профессиональным взглядом окинул поблескивающий шестицилиндровый двигатель.

— Да... — благоговейно произнес Браун. — Вот это двигатель! Прелесть! Работает с любым количеством цилиндров. Я знаю эту модель, сэр.

— Не сомневался, что так оно и будет. Можешь завести его?

— Минутку, дайте осмотреться, — Браун обладал неторопливостью и терпением прирожденного механика. Медленно, методично обшарил лучом безупречный интерьер машинного отсека, включил топливный насос и сообщил Меллори: — Надежнейшая штука, сэр. Управляется из рубки.

Так же дотошно Браун обследовал рулевую рубку. Меллори нетерпеливо ожидал, когда закончится осмотр. Дождь заметно стихал, хотя и был еще довольно сильным. Но в его потоках уже можно было разглядеть слабые очертания выхода из бухты. В десятый раз подумал Меллори о том, что часовые не должны догадываться о плане их побега. Маловероятно, чтобы немцы заподозрили их в намерении захватить катер самого коменданта! Шум, устроенный Андреа, наверняка заставил немцев убедиться, что диверсанты не помышляют о побеге. Он наклонился вперед, коснулся плеча Брауна.

— Двадцать минут двенадцатого, Кейси, — промолвил он. — Если эсминцы пойдут раньше, нам на голову свалятся тысячи тонн скалы.

— Все готово, сэр, — объявил Браун и кивнул на приборную доску. — В полной готовности.

— Очень рад этому, — горячо отозвался Меллори. — Давай заводи! Только не спеша и потише.

Браун извиняюще кашлянул.

— Пока мы еще пришвартованы к бую, сэр, неплохо бы проверить пулеметы, прожекторы, сигнальные фонари, спасательные жилеты и буйки. Не мешает знать, где все расположено. На всякий случай, — просительно закончил он.

Меллори тихо рассмеялся и хлопнул его по плечу.

— Из тебя получится хороший дипломат, шеф. Отлично, так мы и сделаем. — Человек сухопутный до мозга костей, Меллори почувствовал, какая пропасть между ним и такими людьми, как Браун. И не боялся признаться в этом. — Может, ты его все-таки сам выведешь, Кейси?

— Хорошо, сэр. Позовите сюда Луку. Кажется, здесь везде глубоко, но ведь могут быть отмели и рифы. Никогда не знаешь точно, что под водой.

Через три минуты катер, тихо урча двумя цилиндрами, двигался к выходу из гавани. Меллори и Миллер, все еще облаченные в немецкую форму, стояли на палубе перед рулевой рубкой. Лука, низко пригнувшись, спрятался возле штурвала в самой рубке. Неожиданно замигал сигнальный фонарь. Приблизительно в шестидесяти ярдах от них. Его настойчивое щелканье отлично слышалось на палубе катера.

— Даниэль Бун Миллер сейчас им покажет, как это делается, — пробормотал янки и преник к пулемету. — Из моего пулеметика я...

Он внезапно умолк, ибо голос его пропал в торопливом щелканье из рулевой рубки. В быстром треске задвижки сигнального фонаря, которым работал Браун, чувствовался профессионализм. Кейси, передав руль Луке, отвечал морзянкой тем, у выхода из гавани. Холодный крупный дождь серебристыми нитями застыл в мигающем луче. Неприятельский сигнальщик прекратил передачу. Потом фонарь с берега замигал снова.

— Ба! Да им, оказывается, есть о чем поговорить! — восхищенно воскликнул Миллер. — И долго они будут обмениваться любезностями, начальник?

— К сожалению, вынужден признать, они уже закончили беседу.

Меллори быстро двинулся к рулевой рубке. Осталось менее сотни футов от выхода из гавани. Браун обманул противника, выиграл бесценные секунды. Гораздо больше, чем можно было надеяться. Но долго такая игра продолжаться не могла. Меллори тронул его за руку.

— Запускай на полную катушку, как только дадут сигнал остановиться. — Через две секунды он стоял на прежнем месте, на носу, со шмайсером наготове. — У вас есть возможность отличиться, Даниэль Бун. Не давай прожекторам поймать катер в крест, иначе они ослепят нас!

Меллори еще не договорил, когда сигнальный фонарь потух, а два ослепительно белых луча распороли тьму, залив всю гавань неистовым сиянием. Оно продолжалось долю секунды и сменилось непроглядной тьмой: оба про-

жектора разбили вдребезги две короткие автоматные очереди. С такого расстояния промахнуться было просто невозможно.

– Всем лечь! – крикнул Меллори. – На палубу!

Эхо от выстрелов еще замирало вдали, и отзвук эха не успел замолкнуть у большой стены форта, а Кейси Браун уже включил все шесть цилиндров, полностью выжал дроссель, и свирепый рев дизеля забил все звуки ночи.

За десяток секунд они проскочили ворота гавани. И еще секунд пятнадцать – двадцать не слышалось ни единого выстрела. А через полминуты катер был уже вне досягаемости автоматов. Нос высоко поднялся над водой, за глубоко осевшей кормой вилась и пенилась лента фосфоресцирующей воды. Мощный двигатель завывал на полных оборотах. Браун быстро повернул катер «на пятке», уйдя вправо, под защиту отвесных береговых скал.

– Битва была отчаянной, начальник, но победили сильнейшие, – ухмыльнулся Миллер. Он держался за носовой пулемет, так как палуба уходила из-под ног. – Мои внуки еще услышат об этом морском сражении.

– Видать, всю охрану бросили в город на обыски, а оставшаяся у прожекторов пара болванов ничего не сообщила. А может быть, мы просто застали их врасплох. – Меллори покачал головой. – Как бы там ни было, нам чертовски повезло!

Он прошел на корму, в рулевую рубку. Браун стоял у руля. Лука едва не визжал от восторга.

– Великолечно, Кейси, – искренне похвалил Меллори. – Первоклассная работа. Выключи мотор, когда подойдем к утесам. Наше дело сделано. Я иду на берег.

– Не придется, майор.

– Это еще что? – изумился Меллори.

– Не придется. Я хотел сказать об этом, когда еще шли к бухте, но вы заставили меня молчать. – Лука был уязвлен. Он повернулся к Кейси. – Потише, пожалуйста. Последняя просьба Андреа, майор, это просьба прийти вот сюда. Почему же, вы думаете, он дал немцам возможность загнать себя в ловушку, к обрыву? Иначе Андреа отступил бы в глубь острова, где всегда можно легко спрятаться.

– Это правда, Кейси? – спросил Меллори.

– И не спрашивайте меня, сэр, эти двое... они всегда говорят по-гречески.

– Конечно, конечно, – Меллори поглядел на невысокие скалы справа по борту. Катер едва двигался. Двигатель выключили. Меллори обратился к Луке: – А ты точно уверен в том, что...

Он умолк, не закончив фразы. Выскочил из рубки. Плеск! Он не мог ошибиться. Плеск прямо по носу. Меллори стоял возле Миллера. Оба вглядывались в темноту. Вдруг Меллори разглядел темную голову всего в двадцати футах от катера. Он перегнулся через борт, протянул руку. Через пять секунд Андреа стоял на палубе. Вода стекала с него ручьями. Круглое лунообразное лицо сияло. Меллори провел друга в рубку. Включил мягкий свет штурманской лампы под абажуром.

– Боже мой, Андреа! Это чудесно! Уж и не надеялся, что придется тебя снова увидеть. Как ты выкрутился?

– Сейчас услышите, – рассмеялся Андреа. – Только сначала я...

– Да ты ранен! – изумленно прервал его Миллер. – У

тебя все плечо изрешечено! – Он увидел красное пятно, расплывающееся на мокрой куртке.

– Да, кажется, немного задела, – Андреа изобразил на лице бесконечное удивление... – Пустяковая царапина, друг мой!

– Да, конечно, царапина! Ты скажешь то же самое, если тебе совсем оторвет руку. Пойдем-ка в каюту. Твоя рана – детская игрушка для человека с моим медицинским опытом.

– Но ведь капитан...

– Он подождет. И твой рассказ тоже. Старый медик Дасти Миллер никому не позволит беспокоить своих пациентов. Пошли!

– Ну, хорошо, хорошо, – послушно отозвался Андреа, притворно покоряясь судьбе, покачал головой и последовал за Миллером.

Браун снова включил мотор, полностью выжал дроссель и повел катер на север, к мысу Демирки, чтобы наверняка избежать огня батарей, если их заметят. Потом катер повернул на восток, прошел несколько миль – и снова изменил курс. На этот раз – на юг, к Мейдосскому проливу. Меллори стоял рядом с Кейси Брауном и глядел в темные спокойные воды. Внезапно он различил вдали белые буруны, схватил Брауна за руку и указал прямо по курсу.

– Буруны впереди, Кейси. Может быть, рифы?

Кейси долго молчал. Пристально смотрел вперед. Наконец покачал головой.

– Это буруны от форштевня, – бесстрастно объявил он.
– Эсминцы идут.

ГЛАВА 17

Среда. Полночь

Командир новейшего его величества эсминца «Сирдар» (класса «S»), капитан третьего ранга королевского флота Винцент Райан, оглядел набитую битком штурманскую рубку и задумчиво потеревил великолепную холеную рыжую бородку а-ля кэптен Кеттл. Он никогда не встречал более бандитской, более подозрительной и более оборванной компании молодчиков. «Разве что в те далекие времена, – отметил он про себя, – когда приходилось участвовать в ликвидации пиратской банды Виас-бея возле Китайской станции». Тогда он имел чин младшего офицера и был совсем юнцом. Он рассмотрел молодцов повнимательнее, еще раз подергал бородку и отметил, что в гостях заключено нечто большее, нежели просто бандитская внешность. Не хотелось бы ему получить приказ уничтожить эту команду. «Опасны, весьма опасны, – думалось капитану, – но почему – ответить сразу невозможно». В гостях чувствовалось такое спокойствие, такая невозмутимая настороженность, которые заставляли капитана чувствовать себя несколько неловко в их обществе. Дженсен называл их топорниками. Капитан Дженсен умел выбирать себе людей!..

– Быть может, кто-либо из вас хочет пойти вниз, джентльмены? – предложил он. – Горячая вода, сухая одежда и теплые постели. Этой ночью спать не придется, и постели нам не понадобятся.

– Большое спасибо, сэр... – Меллори помедлил. – Но нам хотелось бы досмотреть все до конца.

— Ну хорошо, — весело сказал Райан. Палуба задрожала под ногами: «Сирдар» набирал скорость. — Сами напрашиваетесь. Я тут ни при чем. Это уж на ваш страх и риск. Оставайтесь на мостике.

— А мы заколдованные, — протянул Миллер. — С нами никогда ничего не случается.

Дождь перестал. Холодно поблескивающие звезды виднелись в просветах рваных облаков. Меллори огляделся. Слева по курсу увидел выплывающий Мейдос и громадный массив Наварон с правого борта. За кормой, примерно в кабельтове, он различил еще два корабля, вспарывающие форштевнями белые гребни волн. Буруны казались еще белее на фоне темных силуэтов эсминцев. Меллори обратился к капитану:

— Разве нет с вами транспортов, сэр?

— Нет. Транспортов нет, — Райан испытал странную смесь удовольствия и замешательства оттого, что этот человек назвал его «сэр». — Только эсминцы. Молниеносная операция. Черепахам здесь делать нечего. Мы и так выбились из графика. Сильно опаздываем.

— Сколько времени потребуется, чтобы всех забрать с острова?

— Полчаса.

— Что?! Тысячу двести человек? — не поверил Меллори.

— Значительно больше, — вздохнул Райан. — Половина жителей тоже хочет уходить с нами. Многие островитяне не желают оставаться у немцев. И даже с гражданским населением нам потребуется всего полчаса для погрузки. Но, возможно, потратим несколько больше времени. Будем, кроме людей, грузить всевозможное оборудование.

Меллори кивнул, глаза его скользнули по стройным очертаниям «Сирдара».

— И куда же вы все думаете разместить?

— Резонный вопрос, — согласился Райан. — Лондонская подземка в пять вечера — ерунда по сравнению с тем, что будет твориться на палубе после погрузки. Но... как-нибудь упакуемся.

Меллори снова кивнул и поглядел через темные воды на Наварон. Еще минута. Самое большее, может быть, две минуты... И крепость покажется из-за мыса. Кто-то коснулся его руки. Полуобернулся, глянул в грустные глаза грека.

— Теперь недолго, Лука, — успокоил он.

— Люди, майор, — пояснил маленький человечек. — Население города. С ними все будет благополучно?

— Все будет благополучно. Дасти клянется, что скала и форт взлетят вверх. Большинство камней рухнет прямо в бухту.

— Да, а как же лодки?

— Брось беспокоиться! Ведь в них никого не будет. Ты же знаешь, что рыбаки уходят из бухты в комендантский час. — Кто-то дотронулся до его локтя. Меллори обернулся.

— Капитан, хочу представить вам лейтенанта Бистона, моего артиллериста, — в голосе Райана появился легкий холодок. Это заставило Меллори предположить, что капитан отнюдь не в восторге от своего артиллерийского офицера. — Лейтенант Бистон обеспокоен...

— Да, я обеспокоен! — Тон лейтенанта был холоден, равнодушен, с почти неуловимым оттенком снисходительности. — Насколько я понимаю, вы предложили капитану не отвечать немцам огнем из орудий?

— Это так неправдоподобно, что похоже на сообщение Би-би-си, — коротко ответил Меллори. — Но вы правы. Я об этом просил. Можно, конечно, засечь пушки прожекторами, но в таком случае наши корабли были бы обречены. То же самое и с артиллерийским огнем.

— Я не понимаю вас, — он удивленно вскинул брови.

— Вы бы выдали свое местонахождение, — терпеливо пояснил Меллори. — Тогда немцы накроют корабли с первого же залпа. Дайте им минуту форы, и они прикончат нас. У меня имеются основания считать, что меткость их артиллеристов просто фантастическая.

— У флота тоже есть такие основания. Третий снаряд немецких орудий попал прямо в пороховой погреб «Сибариса». Как вы думаете, капитан Меллори, почему это произошло? — Бистона, казалось, не убедили слова Кейта.

— Пушки наводятся радаром, — коротко бросил Меллори. — Он там, наверху: две огромные антенны.

— На «Сирдаре» в прошлом месяце тоже установили радар, — быстро отозвался Бистон. — Мы и сами могли бы засечь несколько объектов, если бы...

— Вряд ли бы вы промахнулись, — Миллер лениво растягивал слова, а тон его был сухим и вызывающим. — Это чертовски большой остров, Мак.

— Кто? Кто вы? — затрещал Бистон. — Какого черта вмешиваетесь в разговор?

— Капрал Миллер, — янки был невозмутим. — Должно быть, у вас очень чуткий прибор, лейтенант, если он может, отыскать пещеру в тысяче квадратных метров камня.

На минуту стало тихо, потом Бистон пробормотал что-то невразумительное и отвернулся.

— Вы уязвили профессиональное артиллерийское чувство, капрал, — заметил Райан. — Лейтенанту очень хотелось бы пострелять. Но мы воздержимся от... Когда мы минуем эту точку капитан?

— Точно не знаю... — ответил Меллори. — Что ты скажешь, Кейси?

Через минуту, сэр. Не позже.

Райан удовлетворенно кивнул и ничего не сказал. На мостике воцарилось молчание, которое подчеркивал только шум бурлящей воды да зловещее щелканье гидролокатора. Луна упорно пробивалась сквозь редящие облака. Небо неуклонно прояснялось. Никто не произносил ни слова. Никто не шевелился. Меллори чувствовал рядом громаду Андреа, а за спиной слышал дыхание Миллера, Брауна и Луки. Рожденный далеко от моря и воспитанный у подножия Южных Альп, Меллори был до мозга костей сухопутным человеком, совсем чужим на борту боевого корабля. Но никогда еще в жизни ему не было так хорошо, как здесь, в рубке. Никогда еще не испытывал он, что значит быть своим, в доску своим. Он счастлив был безмерно, более чем счастлив. Так чувствовал себя не только Меллори. Так чувствовал себя и Андреа, и новые их друзья. Они сделали невозможное. А что после этого могут испытывать люди, кроме глубокого удовлетворения?! Не все они возвращаются домой... Нет с ними Энди Стивенса. Но странно, Меллори не испытывал сожаления, а только легкую грусть. Словно угадав его мысли, Андреа чуть наклонился вперед.

— Он должен быть с нами, здесь, — промолвил грек. — Энди Стивенс должен быть сейчас с нами. Вы о нем подумали, правда?

Меллори кивнул, улыбнулся, но не ответил ничего.

– Но это неважно, так ведь, Кейт? – В голосе гиганта не слышалось ни волнения, ни вопроса: просто утверждение факта. – Это ничего не меняет. Он всегда будет с нами.

– Это вовсе ничего не меняет, – кивнул Меллори.

Еще не договорив, он быстро взглянул вверх. Свет! Яркое оранжевое пламя вырвалось из крутой скалы, из отвесной стены форта; эсминец обогнул мыс, а Меллори и не заметил этого. Прямо над головой раздался воющий, свистящий рев. Меллори невольно вспомнил поезд-экспресс, вырвавшийся из туннеля. Огромный снаряд взорвался за кормой эсминца. Меллори прикусил губу. Машинально сжал губы, стиснул кулаки. Теперь было легко понять, как погиб «Сибарис».

Он услышал, как артиллерийский офицер что-то торопливо говорит капитану, но слов не разобрал. Моряки смотрели на него, а он на моряков, совсем не замечая их. Его сознание странно раздвоилось. Еще один снаряд? И Меллори снова очутился в снарядном погребе, схороненном глубоко в скале. Только сейчас он видел перед собой людей, обреченных, но не ведающих об этом. Он вновь увидел подвесные тележки конвейеров, тянущие по воздуху огромные снаряды к элеватору, к шахте подъемника. Он увидел и снарядный подъемник и шахту – колодец, в который спускались Миллер и он совсем-совсем недавно. Он увидел, как элеватор медленно поднимается вверх, увидел застывшие оголенные провода всего в дюйме друг от друга. ...Блестящее пружинящее колесо мягко катится вниз по отполированной направляющей. Мягкий толчок, подъемник...

Белый столб огня взметнулся на сотни футов в черное ночное небо, и страшный взрыв вырвал сердце острова Наварон. Огня не стало, не стало опускающихся облаков дыма. Только ослепительный столб, в секунду осветивший весь город, выросший до невероятной высоты. Вот он коснулся облаков, и до них докатилась ударная волна. Потом возникла одинокая, пугающая даже на таком расстоянии, шапка взрыва. И, наконец, мощный грохот тысяч тонн камня! И две гигантские пушки Наварона. Воды бухты взметнулись вверх миллионами всплесков и поглотили все.

Грохот еще стоял в ушах, раскаты эха еще не замерли вдали, далеко в Эгейях, а облака разошлись, и открылась полная луна, посеребрившая рябь воды по правому борту. Кипящая под винтом «Сирдара» вода засияла всеми цветами радуги.

Впереди, купаясь в белом лунном свете, сонно лежал на поверхности моря загадочный и таинственно-далекий остров Ксерос.

ОТ РЕДАКЦИИ

Имя замечательного английского писателя Алистера Маклина стало известно в нашей стране в конце шестидесятых годов. Но истинное читательское признание он получил только сейчас. В 1989-1991 годах на любителей приключений обрушился буквально шквал книг этого самобытного автора – человека интересной, необычной судьбы и создателя удивительно ярких произведений.

Алистер Маклин родился в 1923 году в семье шотландского священника. Восемнадцатилетним юношей в 1941 году поступил на службу в Британский военно-морской флот. Два с половиной года проплавал на крейсере, сопровождая союзные конвои в Мурманск, участвуя во многих операциях. Писать Алистер Маклин начал после войны. Первый успех принесла победа в конкурсе, устроенном издательской фирмой. Но настоящее признание Маклин получил в 1955 году, опубликовав роман «Полярный конвой»²⁷, переведенный на многие языки мира. Писатель создает ряд приключенческих произведений, имевших большой успех, и становится популярен у себя на родине как автор бестселлеров, некоторые его книги экранизируются. И все-таки лучшими в творчестве Алистера Маклина являются роман «Полярный конвой» и повесть «Пушки острова Наварон», включенные в настоящий сборник. Оба эти произведения написаны на реальном историческом материале. В частности, повесть «Пушки острова Наварон»

¹²⁷ Этот роман издавался в Советском Союзе дважды под названием «Корабль Его Величества «Улисс»» (М.: Воениздат, 1968; М.: Молодая гвардия, 1976).

была создана под впечатлением сообщения в английских газетах о том, как на Севере группа русских моряков уничтожила береговую немецкую батарею в одном из фиордов, которая держала под контролем морские коммуникации союзников.

Главная книга Алистера Маклина – роман «Полярный конвой». В его основу легли факты и события из жизни самого писателя. Автор талантливо воспроизвел один из трагических эпизодов второй мировой войны – гибель союзного конвоя, доставлявшего в Мурманск военные грузы. Много случалось подобного рода эпизодов в минувшую войну – на земле, в воздухе и на море, множество историй слышали мы и читали. Но почему так захватывает. «Полярный конвой», заставляя, не отрываясь, следить за происходящим. Маклину удалось не только передать накал событий, но и показать сильные и яркие характеры главных героев, проявивших волю, смелость, стойкость, хладнокровие во время боевых действий в экстремальных условиях. Произведение подкупает яркостью образов: командира крейсера «Улисс» капитана 1 ранга Вэллери, сумевшего в трудных условиях похода объединить экипаж, поддержать его боевой дух; гиганта Петерсона, сначала спасшего группу моряков, а потом пожертвовавшего собственной жизнью ради спасения всего корабля; старшего торпедиста Ральстона, вынужденного, по приказу старпома, торпедировать горящее судно (демаскирующее конвой), где капитаном был его отец. Всех этих людей объединяет любовь к Родине и ненависть к врагу, товарищеская помощь и взаимовыручка, героизм и самопожертвование. И перевернув последнюю страницу книги, читатель

вряд ли скоро забудет отважных английских моряков – наших союзников в страшной битве с фашистской чумой – и тех, кто погиб, и тех, кто остался жив.

Повесть Алистера Маклина «Пушки острова Наварон» выдержала семнадцать изданий (из них три на русском языке), была экранизирована с обаятельным Грегори Пekom в главной роли. Популярность ее у читателей объясняется прежде всего остротой и напряженностью сюжета, яркими и героическими характерами главных действующих лиц.

В «Пушках острова Наварон» показана одна из страниц второй мировой войны – борьба Великобритании против немецких захватчиков за острова Средиземноморья. С главной задачей – изображением положительных качеств героев, храбро сражающихся с оккупантами, рискуя жизнью, – автор справился прекрасно. Пятерка отважных разведчиков во главе с новозеландцем Меллори – это самоотверженные бойцы, не ведающие страха. Их сила – в крепкой спайке, бесконечной вере в силы и возможности человека, верности долгу и чувству товарищества. Группа Меллори – это еще и пример интернационального содружества людей. В нее входят новозеландец, грек, англичане и американец. Всех этих людей объединила ненависть к фашистам. Она же заставила их добровольно пойти в армию, чтобы иметь возможность сражаться с немцами. И пожалуй, без этой ненависти к фашистам не получилась бы такая героическая и дружная пятерка отважных. Их приключения на острове Наварон в полной мере раскрывают образ каждого и в то же время показывают то общее, что сплотило разных по характеру людей в действенную и монолитную группу.

Нужно отметить и еще одну положительную особенность повести. Автор не увлекается жестокостями войны, напротив, он всячески подчеркивает гуманизм и человечность своих героев. Для них борьба с немцами не утомление кровожадных инстинктов, а скорее акт справедливого возмездия. Грек Андреа, у которого погибла от фашистской бомбы семья – жена и две маленькие дочери, в минуту напряженного единоборства с целым отрядом альпийских автоматчиков успевает подумать, что убивает он немцев не ради убийства, а лишь для того, чтобы дать возможность жить на земле другим, лучшим людям, на чьи жизни покушаются эти завоеватели.

Повесть «Пушки острова Наварон» гуманистична по своему содержанию, поэтому она выгодно отличается от многих книг западных писателей, в которых авторы видят войну лишь как средство изображения жестокостей.

«Полярный конвой» и «Пушки острова Наварон» – произведения, лучше которых Алистеру Маклину уже никогда не создать (писатель скончался в 1988 году). Но его книги, яркие и оригинальные, глубоко трагичные, но в то же время полные светлого оптимизма и веры в человека, будут жить еще многие годы, покая читателей мастерством и подлинным гуманизмом.